

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Российское общество социологов
Межрегиональная общественная организация «Академия Гуманитарных Наук»

Международная научно-практическая конференция

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

19–20 ноября 2020 г.

Том 1

Нижний Новгород
2020 г.

УДК 316
ББК 60.5
С 69

Р е ц е н з е н т ы :

- Ростовская Тамара Керимовна* Доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия
- Толвайшиц Леонас Людвикович* Кандидат политических наук (PhD), профессор факультета дипломатии и безопасности Университета «Унион – Никола Тесла», г. Белград, Сербия

С 69 **Социальные процессы современной России** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. – 640 с.

ISBN 978-5-93116-222-5 (Т. 1)
ISBN 978-5-93116-221-8

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на международной научно-практической конференции «Социальные процессы современной России» (19–20 ноября 2020 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-93116-222-5 (Т. 1)
ISBN 978-5-93116-221-8

В международной научно-практической конференции «Социальные процессы современной России» (19–20 ноября 2020 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) участвовали исследователи, специалисты и практики из **19 стран** (Российская Федерация, Алжирская Народная Демократическая Республика, Великобритания, Федеративная Республика Германия, Италия, Иран, Испания, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Латвийская Республика, Литовская Республика, Республика Беларусь, Республика Ирак, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Республика Сербия, Республика Таджикистан, Финляндия, Швеция), социологи, социальные работники, психологи, юристы, медицинские работники **31 города Российской Федерации** (Белгород, Волгоград, Городец, Дзержинск, Екатеринбург, Иваново, Иннополис, Иркутск, Казань, Киров, Княгинино, Курск, Москва, Н. Новгород, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Симферополь, Ставрополь, Уфа, Чебоксары, Челябинск, Якутск, Ярославль, п. Батагай-Алыта, с. Чурапча), **72 вузов, 37 организаций** (исследовательских центров, медицинских и социальных учреждений, НКО).

ЦЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ: обсуждение результатов исследований в области социологии, социальной работы, психологии, педагогики, юриспруденции, медицины, истории следующих проблем: трансформация социальных процессов постсоветской России; методы исследования социальных процессов: традиции и инновации; институты гражданского общества в социальных процессах; межинституциональное взаимодействие в социальных процессах; социальная безопасность личности, общества и государства; демографические вызовы 21 века; корпоративная социальная политика в системе трудовых отношений; цифровое неравенство: возрастной и гендерный аспекты; социальные проблемы в зеркале общественного мнения; социокультурные процессы современной России; высшая школа как субъект и объект социальных трансформаций; трансформации современной семьи: динамика и проблемы; от инфантильности до парентизации: междисциплинарные исследования современного детства; реабилитационная и социальная работа: понятийные дискурсы и векторы развития; социальная динамика здоровья; социальные сети мигрантских сообществ; современные тенденции функционирования физической культуры и спорта; социально-психологическая адаптация людей пенсионного и предпенсионного возраста к новым вызовам на рынке труда; практики конкуренции и кооперации в социально-экономическом взаимодействии; человеческий капитал в условиях изменения технологического уклада. Проблемы рассмотрены в международном, национальном и региональном аспектах.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	– профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Голубин Роман Викторович	– декан факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Романовская Вера Борисовна	– зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Судьин Сергей Александрович	– зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Расположение материалов в сборнике продиктовано регламентом работы конференции: сначала тексты секционных докладов, затем выступлений на секциях.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 1

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Ациене Э., Рауцкиене-Михаэльссон А.</i> Роль андрагогов в расширении участия взрослых на литовском рынке труда: аспект обучения на протяжении всей жизни.....	12
<i>Бороноев А.О.</i> Детство, Малая Родина и проблемы формирования жизненной стратегии личности	26
<i>Бретонес Франсиско Диас.</i> Трудовые мигранты: новая рабочая сила и социальная уязвимость	30
<i>Гурко Т.А.</i> Развитие института брака: факторы и показатели	35
<i>Дробижьева Л.М.</i> Межэтническое согласие в условиях новых вызовов.....	41
<i>Ивашиненко Н.Н., Шаталина В.В., Алиева Л.</i> Русские субботние школы в Великобритании: ностальгия по СССР как ядро интеграции	45
<i>Изидори Эммануэле.</i> Риторика трудовой деятельности в обществе биокапитализма: стратегии переосмысления рынка труда и его ценностей	48
<i>Кучмаева О.В., Ростовская Т.К.</i> Методология проведения всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России».....	52
<i>Мансуров В.А., Шатрова Е.А.</i> Традиционные профессии в процессе цифровизации: проблемы и перспективы.....	58
<i>Петрова Т.Э.</i> Привлечение добровольцев (волонтеров) к организации социального обслуживания в субъектах Российской Федерации.....	61
<i>Рязанцев С.В.</i> Вторая волна депопуляции в России и активизация демографической политики	65
<i>Саралиева З.Х.</i> Эмансипация современной семьи: издержки и достижения	83
<i>Силласте Г.Г.</i> Рискологический потенциал смены гендерного порядка для социальной и духовной безопасности российской семьи.....	88
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Общество травмы: гипотеза или реальность?	94
<i>Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н.</i> К вопросу об участии российского женского движения в реализации социальной политики государства: достижения и проблемы	106
<i>Чигрин В.А., Городецкая Е.Г.</i> Воссоединение Крыма с Россией: динамика общественного мнения населения Республики (2014-2020 гг.)	112
<i>Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.</i> Публичность как условие активной позиции маломобильных групп в отношении доступной городской среды	119

СЕКЦИЯ 1
**ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
И ИНСТИТУТОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

ДОКЛАДЫ

<i>Бекарев А.М., Пак Г.С.</i> Утрата социальности и ее последствия	125
<i>Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В.</i> Структура и границы целеполагающей деятельности человека: новые контексты идентификации	127
<i>Винокурова У.А.</i> Россия в Азии: социально-цивилизационный аспект.....	131
<i>Габальдон Эстебан Даниэль.</i> Роль человеческого капитала в технологических изменениях в районных инновационных системах.....	134
<i>Гагаев А.А., Гагаев П.А.</i> Понятие субъективной социологии.....	142
<i>Дидковская Я.В., Казанцев Я.Ю.</i> Воздействие институциональных трансформаций на политическое участие населения.....	146
<i>Захарова Н.Е., Местникова А.Е.</i> Этноязыковая идентичность населения полилингвокультурного социума (на примере Анабарского района Якутии).....	151
<i>Казаков М.А.</i> Региональные лидеры и институты гражданского общества в формате партнерства.....	155
<i>Козловский В.В.</i> Социально-структурные перемены локальной территории российского региона	159
<i>Козырьков В.П.</i> Социальная структуризация частной жизни в условиях вынужденного уединения.....	169
<i>Мягков А.Ю.</i> Bogus pipeline как метод профилактики неискренних ответов респондентов в сенситивных исследованиях.....	173
<i>Полутин С.В., Булавин А.В.</i> Основные тенденции трансформации исторической памяти жителей финно-угорских регионов Российской Федерации	179
<i>Романова О.Д.</i> Стратегические ориентиры как способ моделирования социальных процессов в Арктических территориях России.....	184
<i>Савченко И.А.</i> Миссия социологии в эпоху социальных трансформаций	188
<i>Солдаткин А.Е., Блэкберн Мэтью.</i> Взаимодействие органов власти и НКО: тенденции институциональных изменений (на примере Нижегородской области).....	191
<i>Теодорович М.Л., Мишеловин В.Б.</i> Общественный контроль в процессах социально-экономических преобразований в России	196
<i>Толвайшис Л.</i> Российско-сербские отношения в зеркале общественного мнения Сербии.....	199
<i>Филиппова В.В.</i> Социокультурная самоидентификация жителей Анабарского Улуса Республики Саха (Якутия): к постановке проблемы.....	203
<i>Шетулова Е.Д.</i> Современность и проблема её определения.....	207

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Алексеева Г.Г.</i> Роль волонтерства в социальной поддержке населения (на примере с. Чурапча)	211
<i>Барсукова С.А.</i> Особенности ценностно-нравственной сферы лиц предпенсионного возраста в современной России	214
<i>Гладина Т.Д.</i> Ощутимые тренды изменения гражданского общества России в условиях пандемии.....	217
<i>Заладина М.В.</i> Процессы отчуждения в науке и образовании.....	221
<i>Козлова Ю.В.</i> Внутренние и внешние аспекты социальной атомизации	225
<i>Костина О.А., Рак Е.А., Конкина Т.В., Рак В.Е.</i> Кадровый потенциал органов власти: проблемы и перспективы развития	229
<i>Лесина Л.А.</i> Риски формирования человеческого капитала образовательных общностей.....	234
<i>Миронов Д.В.</i> Феномен Малой родины в контексте формирования гражданской идентичности	238
<i>Нечаева А.А.</i> Нарративная природа коллективной памяти: теоретические подходы и метод исследования	240
<i>Нотман О.В.</i> Сегрегационные процессы в постсоветском городском пространстве	245
<i>Окшин В.В., Патокина Н.Н.</i> Социальные аспекты управления развитием конкуренции на региональном уровне.....	249
<i>Серафимов М.М. П.А. Сорокин</i> и современные социокультурные процессы в России	253
<i>Фатенков А.Н.</i> На пороге – «комфортная» тоталитарность.....	258
<i>Федосеева М.В.</i> О социальном статусе гуманитарной интеллигенции (опыт регионального исследования)	263
<i>Филиппова Д.Н.</i> Социальные проблемы в Российской Арктике: взгляд студентов университетов Арктики.....	267
<i>Францева Ю.Е.</i> Экзистенциальные переживания как основа человеческого бытия.....	270
<i>Черёмушкин П.Г.</i> Современный военный памятник в России: художественная традиция и трансформация.....	274

СЕКЦИЯ 2

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

ДОКЛАДЫ

<i>Абелькалнс И., Голубева А., Клемпер-Сипягина А.</i> Актуальность улучшения осанки учащихся в средней школе	281
<i>Бикметов Е.Ю.</i> Высшее образование как средство духовного воспроизводства	286

<i>Буланова М.Б.</i> Высшее образование как объект социальных трансформаций	290
<i>Богомолова Е.С., Олюшина Е.А., Котова Н.В., Шапошникова М.В., Ашина М.В., Шейыхова С.Ш., Лангуев К.А.</i> Особенности питания и пищевого поведения подростков общеобразовательной организации ...	294
<i>Готлиб А.С.</i> Цифровизация российского высшего образования: помогла ли этому процессу пандемия коронавируса	298
<i>Де Мартино М.</i> Влияние европейской образовательной программы ERASMUS + на процесс интернационализации российских университетов	302
<i>Зырянов В.В.</i> О методологическом подходе к изучению современного российского высшего образования.....	306
<i>Константиновский Д.Л.</i> Ресурс для человеческого потенциала	311
<i>Куриленко Л.В.</i> Особенности новых Федеральных государственных образовательных стандартов.....	316
<i>Ладыжец Н.С.</i> Актуализация университетских ландшафтов перед вызовами транзитивности	321
<i>Леванов В.М., Карпухин И.Б., Перевезенцева Е.А.</i> Психологическая готовность студентов к использованию дистанционных образовательных технологий на примере обучающихся, получающих высшее медицинское образование	324
<i>Найденова Л.И.</i> Высшая школа – субъект новых направлений социальной мобильности.....	328
<i>Шаламова Л.Ф., Трофимова Ю.С.</i> Гражданское и социальное самоопределение будущих педагогов: социологический анализ	332
<i>Широкалова Г.С.</i> Первые итоги весеннего семестра... Спасибо «короне»... За что?.....	337

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Прохорова М.В.</i> Специфика родительского выбора траектории развития одарённого ребёнка.....	342
<i>Балезина Е.А.</i> Стратегии молодых преподавателей в сфере привлечения средств в университет.....	346
<i>Горяйнова А.Р.</i> Дети с ограниченными возможностями здоровья в российских школах: разработка индекса инклюзии.....	350
<i>Демцура С.С.</i> Характерные особенности системы контроля знаний студентов в современной высшей школе	353
<i>Киселева Н.С.</i> Выталкивающие и притягивающие факторы образовательной миграции старшеклассников (на примере г. Перми)...	357
<i>Коршунов И.А.</i> Развитие непрерывного образования: институциональное сотрудничество в контексте национальных проектов.....	361
<i>Куликова А.В., Михайлова В.В.</i> Трансформация современного школьного образования: новые альтернативы	367
<i>Курносова Л.С.</i> Роль институтов образования в адаптации мигрантов-армян.....	372

<i>Ларин М.В., Моисеенко Е.Н.</i> Организация дистанционного обучения в эстрадно-цирковой студии «Веселая арена»	376
<i>Мищенко А.С.</i> Среднее профессиональное образование молодежи: принципы событийной организации	380
<i>Мухина Т.Г., Яркова Д.Д.</i> Приоритетные направления психолого-педагогического обеспечения безопасности личности обучающегося в образовательном процессе	384
<i>Осокина Т.В.</i> Патриотическое воспитание будущих бакалавров педагогического образования средствами проектной деятельности	388
<i>Оринчук В.А., Кутасин А.Н.</i> Организационно-содержательное обеспечение физического воспитания в условиях реализации ФГОС высшего образования.....	392
<i>Петрова И.Э., Беляева Е.С.</i> Конструирование социальных проблем молодых учителей в сельской школе	397
<i>Придатченко М.В.</i> Самообразование: дисфункция института образования? ..	402
<i>Прошек М.М., Воронина С.А.</i> Необходимость психологического образования будущих учителей.....	406
<i>Птицына Н.А., Маркова Е.К.</i> Трансформация функционального состояния субъектов образовательного пространства в условиях самоизоляции....	408
<i>Рыбасова Ю.Ю.</i> Совершенствование культурной и творческой миссии высшей школы в рамках социокультурных процессов современной России	415
<i>Софронова Ю.Л.</i> Детский оздоровительный лагерь как трансформирующийся институт: социоэкономические и социокультурные аспекты.....	418
<i>Страхова К.А., Бабакина А.С.</i> Дистанционное обучение как инновационный процесс в Российской Федерации	423
<i>Строков А.А.</i> Становление и развитие цифровой культуры в свете трансформации современного образования	427
<i>Уваров Н.А.</i> Специфика взаимодействия при дистанционном обучении	430
<i>Шенгалъц Е.В.</i> Социальное взаимодействие в школе в рамках инклюзивного методологического подхода	434

СЕКЦИЯ 3
СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

ДОКЛАДЫ

<i>Балтабаева А.Т.</i> Трансформация традиционной кыргызской семьи в процессе глобализации	438
<i>Бурханова Ф.Б., Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В.</i> Оценки детьми из межнациональных семей усилий родителей по этнокультурной социализации и воспитанию	443

<i>Васильева Е.Н.</i> Проблемы трансформации демографического поведения молодежи в РФ	448
<i>Дадаева Т.М.</i> Модели семейного взаимодействия в представлениях городской молодежи	452
<i>Егорова Н.Ю.</i> Функциональные возможности сожительства	456
<i>Елютина М.Э., Ивахнова И.Д.</i> Позднее вдовство: грани социологического анализа.....	460
<i>Курникова М.В.</i> Факторы формирования социального самочувствия семей с детьми	464
<i>Кучмаева О.В.</i> Субъектность семейной политики: мнения россиян	469
<i>Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О., Чечкин В.М.</i> Миграционные установки жителей северного промышленного города.....	473
<i>Митягина Е.В., Бородатая М.Н., Ершова Н.Н.</i> Домашнее насилие как разновидность социального действия.....	477
<i>Ростовская Т.К., Князькова Е.А.</i> Особенности реализации национального проекта «Демография» в контексте финансовой поддержки молодых семей при рождении детей	481
<i>Рыбаковский О.Л., Кожевникова Н.И., Фадеева Т.А.</i> Межрегиональные миграционные связи Белгородской области в постсоветский период	487
<i>Рязанцев С.В.</i> Миграция как ресурс демографического развития России	490
<i>Савинов Л.И.</i> Социальные процессы, включенные в трансформацию традиционных ценностей семьи	495
<i>Свадьбина Т.В., Жаркова М.В.</i> Роль семьи в воспитательном пространстве: аксиологический аспект	498
<i>Солодников В.В., Солодникова И.В.</i> Социальные представления о семье воспитанниц пансиона министерства обороны РФ и студенток: сравнительный анализ	503
<i>Судьин С.А.</i> Демографическая ситуация в Нижегородской области: «миллионеры» тоже плачут	509
<i>Устинкин С.В., Рудакова Е.К.</i> Угрозы демографической безопасности России и проблема формирования репродуктивных установок молодежи.....	514

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Архангельский В.Н.</i> Прогнозирование рождаемости на основе показателей для реальных поколений	518
<i>Барашкова К.Д.</i> Долголетние семьи как демографический вызов 21 века	523
<i>Безвербная Н.А.</i> Оценка эффективности мер профилактики семейного насилия в субъектах Российской Федерации (результаты авторского исследования)	526
<i>Бистяйкина Д.А., Жемкова Е.В.</i> Постарение населения как социально-демографический феномен 21 века	530
<i>Боричевская Е.И.</i> Яркие воспоминания о детстве у взрослых людей (на примере бездомных)	534

<i>Бухалова Н.А.</i> Особенности жизненных практик пожилых семей.....	538
<i>Ворошилова А.И., Такмаков М.В.</i> Российская бабушка в социальной сети: современные образы и роли.....	543
<i>Гафизова Н.Б., Цалко Е.О.</i> Добровольная бездетность в русской провинции (по материалам социологического исследования в Ивановской области).....	547
<i>Задорожникова Е.Б.</i> Конфликты в семье как ресурс для улучшения взаимоотношений.....	551
<i>Захаркина Т.Н.</i> Современные дискуссии в контексте феномена детства	554
<i>Камышова Е.В.</i> Межинституциональное взаимодействие в процессе преодоления недоверия к социальному потенциалу многодетных семей в современной России.....	557
<i>Камышова Е.В., Кочетков В.В.</i> Социальная эксклюзия многодетных семей в современной России.....	561
<i>Капитанова Н.В.</i> Особенности трансформации современной семьи.....	565
<i>Клюева С.А.</i> Социальные причины низкой рождаемости в России	569
<i>Курамшев А.В.</i> Семья в контексте кризиса маскулинности	573
<i>Липатова Л.Н., Малинина Т.Б., Лазарева Е.Н.</i> Демографические факторы воспроизводства трудового потенциала сельских территорий Республики Мордовия	577
<i>Лучинина М.И., Волченкова Е.В., Ананин П.В.</i> Структурно-функциональная характеристика онлайн-сообществ поддержки жертв супружеского насилия: теоретико-эмпирический анализ на основе digital- технологий	582
<i>Нестеров А.Ю.</i> Межинституциональное взаимодействие по адаптации детей-сирот в постинтернатный период	586
<i>Петрова Т.Ю.</i> Многодетные семьи и дистанционное обучение: точки напряжения	596
<i>Полякова О.О.</i> Особенности использования сайтов знакомств в брачно- семейном поведении населения.....	600
<i>Семедова-Полупан Н.Г.</i> Демографические вызовы 21 века. Чувашия	604
<i>Тарандо Е.Е., Градусова В.Н.</i> Основные тенденции демографического развития сельских территорий России.....	609
<i>Ушакова Я.В., Фокеева К.В.</i> Репрезентация в социальных сетях проблемы домашнего насилия в отношении женщин.....	613
<i>Шахматова Н.В.</i> Семейный контент репродуктивных установок и практик саратовской молодежи.....	617
<i>Шаяхметова Р.Р.</i> Конфликты между матерями и детьми в межнациональных семьях	621
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	626

**РОЛЬ АНДРАГОГОВ В РАСШИРЕНИИ УЧАСТИЯ ВЗРОСЛЫХ
НА ЛИТОВСКОМ РЫНКЕ ТРУДА:
АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ**
**THE ROLE OF ANDRAGOGUES IN INCREASING THE PARTICIPATION
OF ADULTS IN THE LABOR MARKET OF LITHUANIA:
LIFE-LONG LEARNING ASPECT**

Э. Ациене, А. Рауцкиене-Михаэльссон
Университет Клайпеды, г. Клайпеда, Литовская Республика
E. Acienė, A. Rauckienė-Michaelsson
Klaipeda University, Klaipeda, Republic of Lithuania

Область деятельности андрагога достаточно широка, и в настоящее время отсутствует четкое понимание о ее границах. Можно с уверенностью сказать, что характер деятельности и роль андрагогов за последнее десятилетие существенно изменились, выйдя за рамки привычной работы лектора в учебных заведениях для взрослых и проникнув в другие области, например, в производство или сферу услуг. В настоящее время довольно часто сфера деятельности различных субъектов сливаются и пересекаются, поэтому стремление андрагога к деятельности и профессионализации определяется не только изучением будущих специалистов (андрагогов), приобретением и накоплением специфических знаний андрагогики, подготовкой к профессиональной деятельности, но и профессиональной деятельностью других социальных акторов в той же или смежной областях, межличностными отношениями, их операционными или профессиональными потребностями, доступными компетенциями, различной профессиональной идентичностью и социальным статусом. Эти факторы необходимо учитывать и оценивать при подготовке будущих андрагогов.

The field of activity of an andragogue is quite wide and is not yet precisely defined or established today. It is safe to say that the activities and roles of andragogues have changed significantly over the last decade, going beyond the role and functions of a lecturer in adult education institutions and moving to other fields, such as manufacturing or services, where other operational functions and roles are present. Therefore, it must be acknowledged that today quite often the fields of activity of various actors merge and overlap. Therefore, the andragogue's activity and professionalization aspirations are determined not only by the studies of future specialists (andragogues), acquisition and accumulation of specific andragogy knowledge, preparation for professional activities, but also by professional activities of other social actors in the same or adjacent field. interpersonal relationships, their operational or professional needs, available competencies, different professional identities and social status, etc. It goes without saying that these factors need to be taken into account and evaluated when preparing future andragogues.

Ключевые слова: андрагог, андрагогика, обучение взрослых людей
Keywords: andragogy, andragogy, adult education

В последние два десятилетия политики, работодатели и простые люди стали уделять все больше внимания той положительной роли человеческого капитала, которую он играет в содействии экономическому процветанию и социальной интеграции. Полагают, что непрерывное формирование навыков будет приобретать все большее значение для тех, кто сегодня уже на рынке труда, если работодатели будут надлежащим образом удовлетворять данную потребность. Большинство исследований в этой области сосредоточено на приобретении молодыми людьми человеческого капитала, что привело к дефициту данных об опыте учебы взрослых людей.

Глобализация и рост изменчивой экономики знаний означают, что людям на протяжении всей их взрослой жизни необходимо повышать свою квалификацию, чтобы справляться с требованиями современной жизни как в работе, так и в личной жизни.

В постоянно меняющейся технологической вселенной все большее значение приобретают базовые навыки: способность учиться и адаптироваться к необходимым новым навыкам (OECD, 2007).

Глобализация, цифровизация и технологический прогресс привели к возникновению рабочих мест нового типа, а также изменениям в навыках, необходимых для существующих рабочих мест. За последние три года более 40% европейских работников сообщили о существенной реструктуризации или реорганизации своей рабочей среды, а почти половина всех работников отмечали внедрение новых процессов или технологий (OECD, 2013).

Кроме того, согласно прогнозам будущих потребностей в профессиональных навыках, спрос на лиц с профессиональным образованием будет возрастать, поэтому многим взрослым людям необходимо развивать базовые и профессиональные навыки или задуматься о получении высшего или среднего образования, чтобы улучшить свое положение на рынке труда или повысить шансы на трудовую стабильность.

Рост, развитие и прогресс современной экономики зависят от инвестиций в людей, повышения роли образования и обучения на протяжении всей жизни. Специализированная литература показывает важность обучения на протяжении всей жизни в интеграции рынка труда и в повышении эффективности труда, поскольку, участвуя в обучении на протяжении всей жизни, люди легче приспособляются к изменениям на рынке труда и лучше противостоят сильной конкуренции. Эти преимущества на индивидуальном уровне дополняются и преимуществами на организационном и даже на национальном

уровне, поскольку хорошо подготовленные люди всегда являются долгосрочными инвестициями общества, становясь опорой экономического роста и развития.

Взаимосвязь между образованием, занятостью и качеством жизни очень сложна. С одной стороны, влияние образования проявляется во всех аспектах, связанных с благосостоянием человека и уровнем его удовлетворенности. С другой стороны, на занятость, уровень доходов и условия труда влияет уровень образования человека. Исследования показывают, что более высокий уровень образования позволяет человеку лучше влиться в рынок труда, увеличивает шанс приспособиться к требованиям рынка труда и положительно влияет на качество жизни.

Кроме того, высокий уровень образования способствует большей стабильности на рынке труда, что снижает риск безработицы. Образованные люди имеют более высокий уровень вовлеченности в рынок труда, а период их активной жизни, как правило, оказывается дольше по сравнению с людьми с низким уровнем образования.

Непрерывное образование способствует росту производительности труда, а это означает, что более подготовленные люди могут легче адаптироваться к новым требованиям, налагаемым развитием, переходом к новым технологиям, глобализацией. Производительность повышается по мере того, как растет качество образования и культуры.

Конкретные меры по поддержанию обучения на протяжении всей жизни в Европе должны быть направлены на улучшение сотрудничества между университетами и предприятиями; адаптацию обучения и переподготовки к существующему спросу на рынке труда; совершенствование учебных программ; развитие информационных услуг, консультирования, посредничества и обучения в Национальном агентстве занятости в соответствии с концепцией непрерывного обучения; организацию курсов обучения; привлечение европейского финансирования для разработки программ обучения; расширение сотрудничества между школами и университетами разных стран; проведение программ обучения для них.

Междисциплинарная наука, объединяющая исследования в области преподавания и обучения взрослых, и возможности обучения, предоставляемые государственными учреждениями и организациями, называется андрагогика.

Принципы андрагогики:

1. Благоприятная эмоциональная, эстетическая среда, в которой предстоит обучаться;

2. Учащиеся должны быть вовлечены в процесс определения и анализа своих собственных потребностей;

3. Учащиеся должны быть вовлечены в разработку набора учебных предметов, а также иметь возможность выбора методов;

4. Андрагог должен побуждать учащихся к участию в определении конечных и промежуточных целей обучения;

5. Андрагог обсуждает источники информации с учащимися;

6. Андрагог помогает реализовать индивидуальный учебный проект каждого учащегося (соответствующий его потребностям);

7. Андрагог вовлекает учащихся в процесс оценки собственных результатов обучения.

Обучение взрослых людей на протяжении всей их жизни становится ежедневной задачей. Мотивация взрослого человека все больше основывается на внутренних стимулах и понимании того, почему он должен участвовать в процессе обучения на протяжении всей жизни, и какие знания ему необходимы в контексте изменений современной жизни. Успех образования зависит от личного опыта взрослого.

Life-long Learning in the Context of Increasing the Participation of Adult in Labour market

▪ During the last two decades, increasing emphasis has been placed by policy-makers, employers and individuals alike, on the positive role of human capital in promoting economic prosperity and social inclusion. There has also been a presumption that continual skill formation (one aspect of lifelong learning) will become increasingly important for those who are already in the labour market, if the skill needs of employers are to be adequately met. Despite the rhetoric around lifelong learning however, most of the research emphasis in this field has been on the acquisition of human capital by the young. This focus on the education, qualifications and training of the young has largely been driven by lack of data on the learning experiences of adults (The Youth Guarantee).

▪ From the 20th century (1980's) the concept of lifelong learning appeared in many important documents of a such political organizations as the Council of Europe, the Organization for Economic Cooperation and Development, the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. In 1996, the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) passed the "Lifelong Learning for All Memorandum" and the concept of lifelong learning improved a social and political role in strengthening civil and cohesive society, a new approach to human resource development and unemployment. The European Parliament and the Council have declared 1996 year as the European Year of Lifelong Learning. The Lisbon Strategy and its subsequent documents (Commission of the European Communities document Making a European Area of Lifelong Learning a Reality, (21.11.2001)) identify lifelong learning as an important factor in building the knowledge society.

- Globalization and the growth of the fast-changing knowledge economy mean that people require upgrading their skills throughout their adult lives to cope with modern life, both in their work and in their private lives. Nowadays, there is an increasingly important basic skill in ever-changing technological universe: ability to learn and adapt to the needed new skills and training (OECD, 2007).

- Globalisation, digitalisation and technological developments are leading to new types of jobs and changes in the skills needed for existing jobs. More than 40% of European workers have reported seeing substantial restructuring or reorganisation in their current work environment in the past three years and almost half of all employees reported the introduction of new processes or technologies (OECD, 2013). In addition, according to forecasts of future skill needs, the demand for individuals with vocational education is set to increase. Many adults therefore need to develop their basic and professional skills or attain upper secondary or higher education in order to improve their position in the labour market or their chances of obtaining a stable foothold in the labour market.

Why we need life-long learning strategies?

- The point is: change is life.

Successfully dealing with change means choosing to grow and develop continuously. Failing to grow is failing to live. *And while we can't control much of the world changing around us, we can control how we respond.* Our world is changing in such a frantic pace that if we do not continue to grow and develop, we will soon be left behind (Clemmer J., 2003).

Life-learning not only for young but for older as well...

- New Society Models for a New Millennium – The Learning Society in Europe and Beyond. Ed. Michael Kuhn. 2007. Publisher: Peter Lang Inc., International Academic Publishers; First Edition; P. 636.

(Germany, South America, Czech, Canada, New Zealand, Russia, Italy...)

- Midtsundstad T., Nielsen R.A. Lifelong Learning and the Continued Participation of Older Norwegian Adults in Employment. European Journal for Education: Research, Development and Policy. March 2019. Vol. 54 (1). P. 48-59.

- In today's economy the economic growth, development and progress of an economy are subject to investment in people, to the increased role of education and lifelong learning. Specialized literature shows the importance of lifelong learning in the labour market integration and in the increase of work efficiency because by participating in lifelong learning individuals adapt more easily to changes in the labour market and better face strong competition from the global economy. These advantages at the *individual level* are also supported by advantages at the *organizational level*, and even at the *national level*, by the fact that well prepared

people are always a long-term investment of society, becoming the support of economic growth and development.

- The relationship between education, employment and quality of life is very complex. On the one hand, the influence of education is visible in all aspects related to the welfare of the individual and his level of satisfaction. On the other hand, employment, income levels and working conditions are influenced by the educational level of the individual. Studies show that a higher level of education enables the individual a better labour market insertion, increases the chance to adapt to the labour market demands and it positively influences the quality of life. (Aceleanu M.I., 2011)

- Moreover, the high level of education is the gain of a greater stability in the labour market, which reduces the default risk of unemployment. The educated people have a higher participation rate on the labour market and their period of active life is generally greater than those with lower education. Education plays a central role in preparing the individuals to enter the labour market and in equipping them with the skills necessary to engage in lifelong learning experiences.

- The primacy of education stems not only from its fundamental role in increasing the individual earnings, but also from its *non-economic benefits* - such as lower infant mortality, better participation in democracy, reduced crime, and even the simple joy of learning – that enhance and enrich the quality of life and sustain development. On the other hand, education and lifelong learning are dependent on the population's living conditions, which in turn it influences the participation in education. *The better economic conditions the individuals have, the more possibilities they have to invest in education.* Thus, there is a two-way relationship between education and quality of life: a better educated population contributes to economic growth and development and also increases the quality of life, but on the other hand, the participation in education is influenced by the quality of life and by the economic conditions.

- Anthony Atkinson (1998) appreciates that is very important for a nation not only employment but its quality. A better quality of employment is linked to increased productivity. Continuing education contributes to labour productivity growth, meaning that better prepared people can adapt more easily to new requirements imposed by development, by the transition to new technologies, by globalization. Productivity improves as people are better educated and cultured. The more time is allocated for the education of a person, the more adaptable this person is, the more productive this person becomes in the long run in dealing *with new challenges.*

- Concrete measures to support lifelong learning in Europe should aim: better cooperation between universities and businesses, a better adaptation of training and retraining to the existing demand on the labour market, improving the curricula;

development of information services, counselling, mediation and training in the National Agency for Employment, in accordance with the concept of continuous training, organizing training courses, attracting European funding to develop training programs, increasing cooperation between schools and universities in different countries, carrying out training programs for employees, increasing the access to education by increasing the number of places funded in colleges and universities, increasing the financial support for continuous training programs.

Who is able to make this happen? What science is andragogy? What is an andragogue?

Object of andragogy and definition

- Andragogy – the science of adult learning;
- In Lithuania, the definition andragogy was introduced around 1990;
- Andragogy – an interdisciplinary science that combine researching of adult teaching and learning and the learning opportunities provided by public institutions and organizations.

A short discourse of andragogy history

- Andragogy as a science is associated with the name of the US scientist Malcom Knowles
- Around 1920, M. Knowles introduced the term andragogy, which defined the specifics of adult teaching and learning.

Principles of andragogy (Malcom Knowles)

1. Favorable emotional, aesthetic environment of learners.
2. Learners must be involved in the process of identifying and analyzing their own needs.
3. Learners must be involved in the design of the curriculum and in the choice of methods.
4. The andragogue have to encourage learners to participate in setting final and intermediate learning goals.
5. The andragogue discusses information sources with the learners.
6. The andragogue helps to implement each learner's individual (corresponding to his / her needs) learning project.
7. The andragogue involves learners in the process of assessing their own learning outcomes.

21st century highlights

- Adult lifelong learning is becoming a daily challenge.
- Adult motivation is increasingly based on internal incentives and an understanding of why he has to be in life-long learning process and what kind knowledge he needs in context of changes of modern life.
- Educational success depends on the adult's personal experience.

Children 's relationship with learning

- The need for teaching, the content of teaching, methods are determined and described by the teacher.
- The choice of children is very limited, so they are the object of the pedagogical process planned by others.
- The child's life experience does little to help with learning.
- The training is focused on the delivery of the content provided in the programs.
- External motivation -Adults require it.

Adult's relationship with learning

- The need for learning, the choice of content and methods stems from the perceived need to act and change.
 - Adults are responsible for their own learning and become learning actors in choosing what and how to learn.
 - Adult (life and work) experience often becomes the basis for learning.
- Facilitate the use of methods for analyzing and discussing situations or problems.

- Learning is focused on situation analysis and problem solving.
- Inner motivation – I need it.

Aspirations of andragogue activity

- The learner is motivated, self-determined and independent because of he decided to learn himself.
- The learner is able to understand, to comprehend, to learn and to focus his energy in order to achieve the goals independently.
- The goals of andragogy are based on the learner's self- confidence, energy, cognitive sources and self-determination to learn (Remigijus Auškėlis, 2010).

Still question – Who is able to make this happen?

“Developing adult educators’ competences to promote learners’ Lifestyle entrepreneurship”

(No 2015-1-LT01-KA204-013404)

Final conference (30 August 2017, Kaunas, Lithuania)

Prof. dr. Margarita Teresevičienė (VDU) presentation:

Three areas of andragogue competence realized in real life, in different contexts:

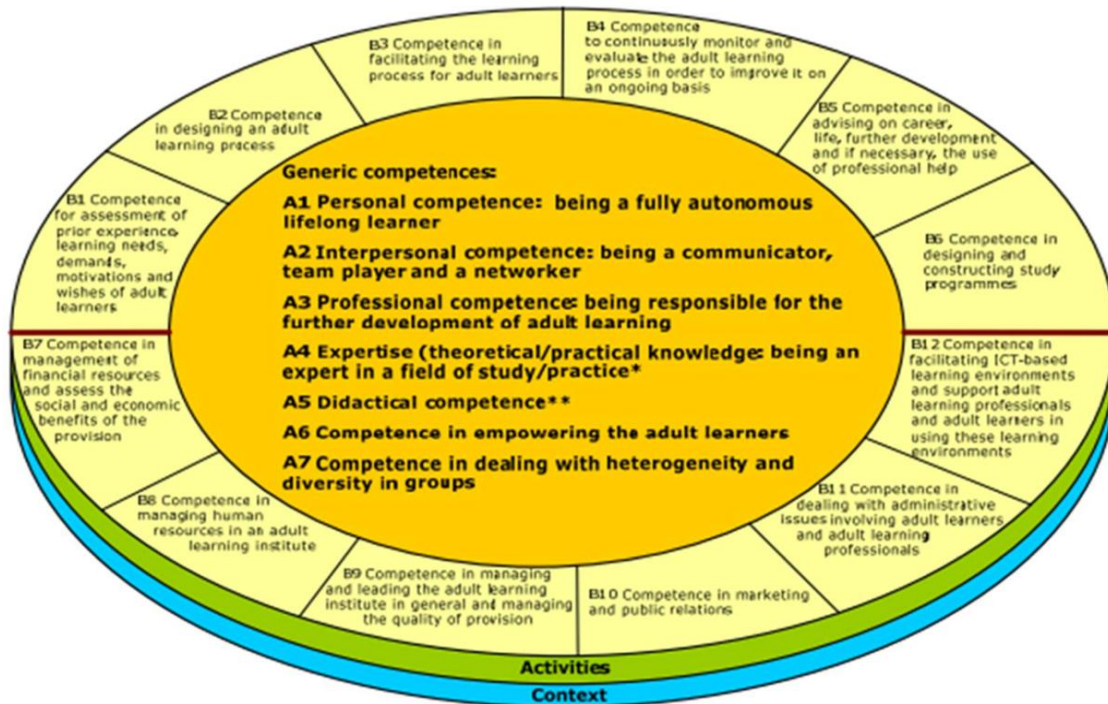
1. Contents and didactics
2. Personal improvement (perfection)
3. Support (help) for the learner

Nils Bernhardsson / Susanne Lattke (eds.) (2009) Core Competencies of Adult Learning Facilitators in Europe

Andragogue - professional activity or profession?

Professional status still undefined:

- part of itself belongs to the representatives of another available profession;
- perform different operational functions, depending on the institution or sector in which they work;
- can be attributed to those who sometimes work in the field of adult education: teachers, education managers, administrators, NGO representatives, training managers.

Competences of andragogue [17]

Professional Standards to support teachers and teaching staff in further education (UK) [18]

Professional training for adult educators (andragogues) standards (USA)
(URL: <https://www.dllr.state.md.us/gedmd/prostandards.pdf>)

- Help formulate programs goals and responsibilities.
- Caring for a positive adult learning environment and promote
- lifelong learning.
- Plan and deliver to the learner oriented learning content.
- Evaluate and monitor learning progress.
- Implement technology.
- To update knowledge and improve professional competencies

In 2013, by the Order of the Minister of Education and Science No. V-996 "Description of the professional activity of andragogues" approved in Lithuania I

- Description of the professional activity of andragogue's is a document defining the most important activities, goals and objectives of andragogue working in educational centers, municipal education departments, departments of the Ministry of Education and Science of the Republic of Lithuania, educational institutions, labor exchanges, employers' confederations, private institutions and other institutions. basic qualification requirements. This is the first description of this profession in Lithuania, which will promote the expansion of lifelong learning services, improve their quality, and increase the number of lifelong learners.

In 2013, by the Order of the Minister of Education and Science No. V-996 "Description of the professional activity of andragogues" approved in Lithuania II

- Description of the professional activity of andragogues can be used to create andragogy training and qualification improvement programs, to compile andragogue workplace instructions, job descriptions, requirements for public procurement competitions when preparing andragogues for professionals.

- The description highlights the areas of activity, functions and required competencies of andragogue.

- The description was timely in the context of modern non-formal education: (development of information and communication technologies; recognition of non-formally acquired knowledge, skills and competences; increasing openness of education, general knowledge creation; knowledge specialization; a expanding n understanding of what life-ling learning is; the importance of competencies (M. Teresevičienė, 2017).

Modern andragogue in Lithanian perspective

- Helps to supervise the learning process and realizes the functions of a mediator.

- Differentiates and personalizes learning.

- Applies various forms and methods of learning.

- Creates and modifies learning content according to the needs of each person.

Analyzes learner's progress (learning analysis) (Prof. dr. Margarita Teresevičienė (VDU) presentation (2017), Kaunas).

Intercultural competencies of andragogue

- Andragogues' activity is gaining new meanings in the intercultural globalization context; however there is a lack of systemic analysis. Thus, there are rising questions that are to be answered when preparing andragogues: what intercultural competencies are necessary in the andragogue's activities, how to recognize and evaluate them, what factors to rely on in construction a model of the competencies development?

The Role of Andragogues in Increasing the Participation of Adults in the Labor Market

- The main state institution responsible for the development of adults' continuous vocational training policy at national level till 2019 was Lithuanian Labour Market Training Service under the Ministry of Social Security and Labour. This institution had functions of implements the policy of labour market training and organises the services of professional information and counselling.

- In 2019 this institution was reorganized. The functions performed by them related to the implementation of the employment support policy were transferred to the Lithuanian Labor Exchange and its territorial labor exchanges. Adult training centres are located in the biggest cities of Lithuania; they have partners in many western countries (Austria, Denmark, the UK, Sweden, etc) who share their experience in the area.

The Need of Andragogues in Increasing the Participation of Adults in the Inclusive Labor Market

The employment of people with disabilities and or chronic diseases (European Disability Strategy 2010-2020: A Renewed Commitment to a Barrier-Free Europe. URL: https://ec.europa.eu/eip/ageing/standards/general/general-documents/european-disability-strategy-2010-2020_en).

Employment: raise significantly the share of persons with disabilities working in the open labour market. They represent one-sixth of the EU's overall working-age population, but their employment rate is comparatively low.

Education and training: promote inclusive education and lifelong learning for students and pupils with disabilities. Equal access to quality education and lifelong learning enable disabled people to participate fully in society and improve their quality of life. The European Commission has launched several educational initiatives for disabled people. These include the European Agency for Development in Special Needs Education as well as a specific study group on disability and lifelong learning.

The elderly in labour market I

- Conventionally, workforce and societal aging is often thought as “bad news”.
- People tend to assume that young people are more productive, energetic and flexible... the older are slower, more feeble and more dependent.
- Age diversity can potentially have positive as well as negative effects.
- Stereotypes about older workers influence others’ behavior towards them.
- Ageism may be the most tolerated form of discrimination.

The elderly in labour market II

- Discrimination and prejudices
- Age stereotyping is one of the main reasons for age discrimination... Older workers are slower, unable to learn new skills, Older workers are not flexible, they have difficulties dealing with stress and do not know how to adopt, particularly to new technologies...
- But researchers show a different picture and counters a lot these stereotypes. Older people tend to be more loyal, more experienced, have tacit knowledge, are less stressed and more flexible...

The elderly in labour market III

- **Veterans** – born between 1922 and 1943 (stable, detailed oriented, hard workers, have difficulties with new technologies, duty before pleasure, value attributed to law and order, conformists, patience, uncomfortable with conflicts).
- According Parry & Urwin (2011), Silent Generation, Matures, Traditionalists.
- **Baby Boomers** – born between 1943 and 1960 (optimistic, team oriented; interested in health, wellness and personal growth, willing to work extra hard, good at relationships, good team member, use more consensual and collegial leadership style).
- According Parry & Urwin (2011), Baby Busters, Lost Generation

The young people in labour market aged (15-24)

- It should be mentioned that this generation is called differently, e.g., new generation, Z generation, digital generation, children of virtual environment, natives of digital generation...
- This generation, as Western sociologists M. McCrindle, E. Wolfinger (2010) and others state, usually is born after 1995 and should be related to the birth of the Internet and its development [11; 12; 13].

Conclusion

- The field of activity of an andragogue is quite wide and is not yet precisely defined or established today. It is safe to say that the activities and roles of andragogues have changed significantly over the last decade, going beyond the role and functions of a lecturer in adult education institutions and moving to other fields,

such as manufacturing or services, where other operational functions and roles are present. Therefore, it must be acknowledged that today quite often the fields of activity of various actors merge and overlap. Therefore, the andragogue's activity and professionalization aspirations are determined not only by the studies of future specialists (andragogues), acquisition and accumulation of specific andragogy knowledge, preparation for professional activities, but also by professional activities of other social actors in the same or adjacent field. interpersonal relationships, their operational or professional needs, available competencies, different professional identities and social status, etc. It goes without saying that these factors need to be taken into account and evaluated when preparing future andragogues [19; 20; 21].

References

1. Knowles M.S. (1980). *The Modern Practice of Adult Education: From Pedagogy to Andragogy*. New York: Cambridge Books.
2. LR mokslo ir studijų įstatymas. Valstybės žinios, 2009-04-30, Nr. XI-242. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActEditions/lt/TAD/TAIS.343430>.
3. A Memorandum on Lifelong Learning/Comissions staff/working paper. Brussels, 2000. URL: <http://europa.eu.int/comm/education/life/memoen.pdf>.
4. Jatkauskienė B., Acienė E. (2017). Conceptualisation of academic staff's didactic practices in the context of professionalisation. Proceedings of the International Scientific Conference. Society. Integration. Education. Vol. I. Rėzeknes Tehnoloģiju akadēmija, Pp. 169-183. URL: <http://dx.doi.org/10.17770/sie2017vol1.2307>.
5. Acienė E., Dirgėlienė I. (2016). Methodological strategies of Assessment and Recognition the Competences which Acquired by Non-Formal Education. Textbook. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. P. 124.
6. Aceleanu Mirela Ionela (2012). The role of lifelong learning in the growth of employment and labour efficiency. The case of Romania. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 46. Pp. 4399-4403.
7. Jatkauskienė B., Andriekienė R.M. (2013). The multifunctionality of university lecturers' activities in the context of professionalization. Klaipėda, Klaipėda University Publishing House.
8. Zubrickienė I., Adomaitienė J. (2013). Integrity of theory and practice in terms of students' experience and assessment. *Andragogy*. Vol. 1 (4) (in Lithuanian language).
9. Zuzevičiūtė V., Teresevičienė M. (2007). University studies in the perspective of lifelong learning. Kaunas, Vytautas Magnus University (in Lithuanian language).
10. Jatkauskienė B. (2013). The procedural expression of the andragogy professionalization system. Klaipėda. Publishing House of Klaipėda university (in Lithuanian language).

11. Eurostat (2019). Young people – social inclusion. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Young_people_-_social_inclusion# (accessed 02.22.2020).
12. Employment, Social Affairs & Inclusion. Youth Employment Initiative (YEI). The Youth Guarantee. European commission. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1079> (access 20.02.2020).
13. European Solidarity Corps Guide (2019). European commission, Brussels. P. 89. URL: https://ec.europa.eu/youth/news/2019-european-solidarity-corps-call-and-guide-are-published_en (access 18.02.2020).
14. Lietuvos Respublikos jaunimo politikos pagrindų įstatymo pakeitimo įstatymas 2018 m. gegužės 31 d. Nr. XIII-1224, Vilnius. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/96665ec26a1c11e8b7d2b2d2ca774092>.
15. Demografinės tendencijos – Oficialiosios statistikos portalas. URL: <https://osp.stat.gov.lt/informaciniai-pranesimai?eventId=173671> (access 02.29.2020).
16. Aciene E., Rauckiene-Michaelson A. Situation and perspective of youth policy in Lithuania in the context of European solidarity. Tiltai. 2019. Vol. 2 (83). Pp. 54-80.
17. Competences of andragogue. URL: http://www.frae.is/media/22268/Kennarafaerni-2010_1168938254.pdf.
18. Professional Standards to support teachers and teaching staff in further education (UK). URL: <http://www.et-foundation.co.uk/supporting/support-practitioners/professional-standards>.
19. Adult education and training. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/legislation-38_en.
20. Neformaliojo suaugusiųjų švietimo ir tęstinio mokymosi įstatymas [The Law on Non-Formal Adult Education and Continuing Learning. In some articles it might be found under the name The Law on Non-Formal Adult Education and Lifelong Learning], Seimas of the Republic of Lithuania, No XII-1018, 10 July 2014. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/legalAct.html?documentId=2da7fce0117411e4adf3c8c5d7681e73>.
21. Dėl Pritarimo andragogo profesinės veiklos aprašui [Description of the Andragogues' Professional Functions], Minister for Education and Science, No V-996, 22 October 2013. URL: http://www.google.lt/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCQQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.smm.lt%2Fuploads%2Fawacts%2Fdocs%2F595_c99a7a42c97187dcf84e12b4446b025f.doc&ei=V8GHVMqwd4vmUsWXg6gL&usg=AFQjCNHRri4c2zJbqxA8t2GY3_Z_8Xucyg&vm=bv.81456516,d.d24.

**ДЕТСТВО, МАЛАЯ РОДИНА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ***
**CHILDHOOD, SMALL MOTHERLAND AND PROBLEMS
OF FORMING A LIFE STRATEGY OF A PERSON**

А.О. Бороноев
*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*
A.O. Boronoev
*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg*

Исследуется проблема детства в непосредственной связи с феноменом малой родины, на который в социогуманитарных науках обращается недостаточное внимание. Автор утверждает, что рассмотрение детства и отрочества вне концепта малой родины не дает полного понимания факторов становления личности. Показывается, что феномен малой родины имеет сложную структуру, состоящую из семьи, дома (очага), социокультурного и природного ландшафтов, институтов образования и досуга. Утверждается, что детство связано не только с семьей и её структурой, но и с другими факторами, которые составляют системную среду становления ценностных ориентаций, символов, приобщения к нормам жизни и традициям, конструирования стратегии жизни.

The work is devoted to the problem of childhood, which is directly related to the phenomenon of a small homeland, which is not sufficiently addressed in the socio-humanitarian Sciences. The author claims that the consideration of childhood and adolescence outside the concept of a small homeland does not give a full understanding of the factors of personality formation. It is shown that the phenomenon of a small homeland has a complex structure consisting of a family, home (hearth), socio-cultural and natural landscapes, educational and leisure institutions. It is argued that childhood is associated not only with the family and its structure, but also with other factors that make up the system environment for the formation of value orientations, symbols, familiarization with the norms of life and traditions, and the construction of a life strategy.

Ключевые слова: детство, Малая Родина, жизненная стратегия, пространство месторазвития, семья, воспоминания, дом, социальный и природный ландшафты, ценностные ориентации

Keywords: childhood, Small Motherland, life strategy, space of local development, family, memories, home, social and natural landscapes, value orientations

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-011-00742.

Детство и малая родина – понятия, которые трудно рассматривать отдельно. Детство связано с малой родиной, так как ранний период жизни человека проходит в определенной среде, которая затем конституируется как малая родина, представляющая, как правило, пространство месторазвития – деревню (село), улицу, район поселения, город, регион, область и т.д.

Для П.А. Сорокина («Долгий путь»), который реализовал пространственно-структурный подход, малой родиной являлась его деревня, где он родился и вырос и в целом Коми – север с его социокультурными и природными ландшафтами, особенностями быта, нравственности и хозяйственной деятельности. Понятие малой родины структурно состоит из таких феноменов, как семья, ее состав и климат, ближайшие соседи, социально-нравственный и природный ландшафты, институты образования и воспитания и досуга. Проблемы малой родины сегодня вызывают большой интерес в субъективной беллетристике – автобиографиях, воспоминаниях, автобиографических произведениях. Если взять русскую литературу, то она имеет классические объекты. Можно вспомнить С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, А.И. Герцена (автобиографические трилогии), многих авторов воспоминаний, создавших чрезвычайно интересные работы. Среди них А.А. Фет (Шеншин), М.М. Пришвин, Б.В. Шергин, В.Г. Короленко и многие другие. С проблемы описания малой родины начинаются все многочисленные воспоминания актеров, деятелей искусств, ученых, политических и других общественных деятелей. Кстати, надо сказать, что воспоминания, автобиографические повести – одна из самых затребованных видов беллетристики прошлой и современной. Нужно заметить, что проблема малой родины до сих пор не вызывает должного интереса в социогуманитарной науке. Сегодня трудно назвать работу, которая непосредственно касается этой темы. Вместе с тем, с нашей точки зрения, концепт малой родины как пространства становления личности, его диспозиций (В.А. Ядов), ценностных ориентаций, направлений активности, мировоззренческих установок чрезвычайно актуален.

Обращение к феномену малой Родины позволяет осуществить системный подход к пониманию становления личностных качеств и ценностно-символических ориентаций человека, составляющих его жизненные стратегии (К.А. Абульханова-Славская). Малая родина, ее компоненты конструируют основания стратегии жизни человека. Например, семья и ее содержание – главный фактор формирования у ребенка ценностных ориентаций, приверженности к определенным символам и традициям, понимания добра и зла и выбора жизненного пути, если она здорова и привержена к исполнению своих функций. Об этом говорят многие. Б. Шергин, бытоописатель Севера,

пишет: «Мои воспоминания, мои впечатления детства меня на всю жизнь обогатили» [1, с. 438].

Семья и семейное воспитание определяют первичную социализацию ребенка. Каков этот процесс, зависит от конкретной семьи, ее климата, присутствия жизненных норм, ценностей, которых придерживаются в доме. В связи с этим возникает проблема социокультурного и нравственного пространства дома (В. Козырьков). Функции семьи реализуются в определенном пространстве дома, и поэтому детство, семья, дом неразделимы. В связи с этим чрезвычайно важным для ребенка является социально-нравственная культура дома, семьи, чему, к сожалению, мало внимания уделяется в современных исследовательских проектах. Семья часто рассматривается как отдельный институт вне социокультурного и природного окружения и возможностей их освоения ребенком. Рассмотрение проблем детства вне структуры семьи, ее дома (быта) не способствует познанию сложных вопросов «золотого детства».

Концепт малой родины включает также такие важные аспекты социализации, как социокультурный и природный ландшафты. Как показывает контент-анализ текстов воспоминаний – описаний раннего периода жизни, в них большое место занимает воспроизводство социальных отношений (отношений родителей, соседей, описание местной социальной структуры, торговых мест (ярмарок), этики взаимоотношений, культурно-церковных мероприятий, праздников, связанных с временами года, семейные). Особенно важной характеристикой малой родины является природа. Природный ландшафт – фактор формирования эстетических и нравственных чувств человека, которые сохраняются до конца его жизни. Б. Шергин писал, вспоминая о природе своей малой родины: «Негасимые, немеркнущие весенние зори Севера, которыми от лет младенчества любовался я всегда сквозь узор стройных берез, стоявших перед домом родительским, навсегда запечатлелись в сердце как нечто прекраснейшее» [1]. Прекрасные слова о природном ландшафте своей малой родины г. Ливны сказал С.Н. Булгаков (философ, социолог). Он писал: «...Кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его, в нагорье реки Сосны...» Скромную природу, его «благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия – все это мне было дано в восприятии Родины», – пишет он, вспоминая детские и отроческие годы [2]. Необходимо отметить, что социокультурный и природные ландшафты (среды), наряду с семьей и ее традициями и ценностями, чрезвычайно важный фактор формирования чувства Родины, отечества, патриотизма или, как сегодня принято говорить, гражданской идентичности. В структуру малой родины, кроме названных

феноменов, входят институты образования и досуга. Многие творческие личности сохраняют в памяти свое обучение, его обстановку, учителей, первые увлечения, нахождения себя в период обучения и досуга. Выдающийся социолог П.А. Сорокин до конца своей жизни вспоминал Гамскую школу, своих педагогов, помогавших становлению его жизненных стратегий.

Из сказанного можно сделать вывод, что феномен малой родины – важный аспект понимания детства, семьи, социально-культурных, природных сред (ландшафтов), институтов образования в становлении личности, его диспозиций в единстве. Как было сказано выше, детство как важный феномен малой родины актуально рассматривать в структуре последней. Это дает возможность пространственно-системного подхода, не сводя первый период жизни только к понятию семьи, ее элементам. Нужно согласиться с П.А. Сорокиным, который, говоря о своем детстве, актуализировал и описал три среды – природную, социальную и семейную [3]. Он утверждал, что на становление личности, формирование его стратегии жизни влияет не только семья – родители, близкие родственники, ее климат, дом и его организация, но и социально-культурная, нравственная и природная среды – ландшафты. Становлению у юного человека ценностных ориентаций, символов, приобщению к традициям и другим навыкам жизни, оценки и деятельности важны как семья и ее материально-духовно-нравственное состояние, так и внешние среды – социальная и природная. Вхождение в последние среды, восприятие их справедливости, нравственности и красоты так же важно, как и функционирование для ребенка здоровой, полной семьи, что сегодня становится объектом обсуждения и тревог.

На основании сказанного считаю, что рассмотрение проблем детства в системе малой родины расширяет представление о раннем периоде жизни человека и позволяет более основательно проникнуть в сущность зарождения идей Родины, гражданственности, следовательно, патриотизма и идентичности. Феномен малой родины является основой конструирования главных элементов жизненной стратегии человека.

Список литературы

1. Шергин Б.В. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. 449 с.
2. Булгаков С.Н. Моя родина // Новый мир. 1989. № 10. С. 201–246.
3. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с.

**ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ:
НОВАЯ РАБОЧАЯ СИЛА И СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ
MIGRANT WORKERS:
NEW WORKFORCE AND SOCIAL VULNERABILITY**

Франсиско Диас Бретонес
Университет Гранады, Испания
Francisco Díaz Bretones
University of Granada, Spain

Хотя перемещения мигрантов не были новым явлением в 90-е годы, сейчас миграция стала широко распространенным, глобальным явлением. Однако трудовые мигранты становятся одной из самых уязвимых социальных групп.

Although migratory movements are not a new phenomenon the 90s, that migration became widespread coupled becoming a global phenomenon. But migrant workers migrants are becoming in one of the most vulnerable social groups.

Ключевые слова: трудовые мигранты, уязвимость, трудовые условия
Keywords: migrant workers, vulnerability, working conditions

По оценкам Международного бюро труда [1], в 2017 г. в мире насчитывалось 164 миллиона трудовых мигрантов, из которых 111 миллионов (68%) проживали в развитых странах, где в последние годы наблюдается сокращение их численности.

Миграция не является временной и будет оставаться в центре внимания в ближайшие десятилетия [2]. Есть несколько причин, которые приводят к миграционному буму [3]: дифференцированный рост в экономическом развитии стран, демографическое давление и дисбаланс в спросе на рынке труда, улучшение транспорта и глобализация средств массовой информации и информационных технологий.

Желание поселиться в принимающем обществе – определяющая черта новой миграции [4]. Улучшения жизненных условий, удобство транспорта, социальные и культурные изменения вместе с желанием улучшить профессиональные или языковые навыки и получить опыт сделали миграцию более временной и цикличной [5]. Эта концепция соответствует подходу к социальным процессам, в котором миграционные движения определяются поиском «лучшего образа жизни». Этот социальный компонент важен как источник эмоциональной и культурной поддержки, влияющий на желание остаться в принимающей стране [8].

Но, независимо от этих данных, мигранты являются одной из самых уязвимых социальных групп. Предполагая, что профессиональная уязвимость

связана с работой, выполняемой в плохих или ненадежных условиях труда [9], в настоящее время мигранты становятся основной социально уязвимой группой с плохими условиями труда и плохим самочувствием [10]. Рабочие места для трудовых мигрантов сильно стигматизируются и воспринимаются как неприятные или унижающие [11] из-за их участия в так называемых 3-D работах (dirty, dangerous, and demanding): грязной, опасной и трудоемкой (иногда унижающей достоинство) [12]. Трудовые мигранты также особенно социально уязвимы, поскольку они находятся в большей социальной изоляции, а их сеть социальных и экономических ресурсов ограничена. У них меньше знаний о социальных и юридических ресурсах, имеющихся в их распоряжении, и во многих случаях им не хватает навыков, чтобы выразить свое мнение на новом языке принимающей страны [13].

Миграционный процесс не только влечет за собой радикальные социальные и культурные изменения, но и включает определенные когнитивные, эмоциональные и поведенческие усилия для преодоления новых культурных барьеров страны назначения [14], иногда сопровождающиеся ситуациями, которые, к сожалению, часто совпадают со статусом трудового мигранта. К ним относятся враждебная рабочая среда, а также социальная и профессиональная уязвимость самой работы. Мы предлагаем принять комплексный подход к вопросу о трудовых мигрантах, который требует сотрудничества заинтересованных сторон на нескольких уровнях и в несколько этапов, а также меры по их устранению на всех уровнях [15].

It is difficult to determine the number of workers who have permanently relocated to another country. The International Labour Office [1] estimates that in 2017 there were 164 million migrant workers worldwide, of which 111 million (68%) resided in developed countries, In recent years, however, a decrease can be observed in the numbers of migrant workers in developed countries, which is in contrast to developing countries where numbers have been increasing. This may be due to a variety of factors such as demographic changes, technological advances, increased growth of economies in developing countries, as well as changes in the immigration policies of developed countries. A specific case would be the countries of the sub-Saharan region, in which 7.2% of their labour force is made up of foreign workers [1]. It is impossible to speak of purely emigrant or immigrant countries since all share, to a greater or lesser extent, both conditions. Another example it would be the intra-EU movement of workers, particularly skilled workers, revealing the impact of differences in rates of migration among different countries of the EU or the high unemployment rates found in some of them. This intra-migratory process has also been favoured by the policy of free movement of persons within the EU.

Nevertheless, migration is not temporary and will continue to be a focal point in the coming decades. In Europe, for example, more than 11% of the labour force is of foreign origin [2] and the number of illegal or undocumented migrants is largely unknown.

There have been several converging reasons that have led to this migratory boom [3]. Among these, we can point to differential increases in the economic development of countries, demographic pressure and imbalances in labour market demand, improvements in transport, and the globalisation of the media and information technology, among others. Nevertheless, of the search for a better employment opportunity and a better life surpass all of these.

The desire to settle in the host society is a defining feature of this new migration. Although the desire to settle was considered to be one of the main characteristics in classic migration models [4], the salience of this notion has changed in recent years. Current improvements and convenience in transport, social and cultural changes, together with the desire to improve professional or linguistic skills and experience, especially among younger people in more developed countries, has bestowed an increasingly more temporary or circular component to migration [5]. We believe that the decision to emigrate cannot be made solely from a cost-benefit or effort-reward perspective, nor can it be made in exclusively rational terms through comparison of the real differences (economic, social and cultural) between the country of origin and the country of destination. Rather, we must incorporate a more subjective perspective that is mediated by the collective imagination.

This conception is in line with a social process approach in which migratory movements (both those of arrival and return) are determined by the search for “a better life- style” for both the migrant and those who may share their lives with him/her (partner, family), which conditions remaining or returning. These can lead the person decide to settle permanently, return to their country of origin or migrate to another different country [6, 7], predicated with the intention of improving their quality of life. This social component is also important as a source of emotional and cultural support in the process to remain or return, impacting on the desire to remain in the receiving country. This idiosyncrasy plays a role as a social construct associated with limited inclusion or, in some cases, total exclusion from the category of “citizen”. An example of the impact of emotions in the migratory behaviour could be the UK referendum and subsequent negotiation process to leave the EU, also known as Brexit, where the process of settlement or return is affected by a set of social, familial and employment related factors [8].

But, independently from this data, migrants are probably one of the most vulnerable social groups. Assuming that occupational vulnerability is associated with jobs performed in poor or precarious working conditions [9] migrants are becoming

in the major socially vulnerable group nowadays with worse working conditions and ill-being than national workers [10].

Migrant workers in many cases, makes the jobs highly stigmatised and are perceived to be unpleasant or denigrating [11] suffering from these conditions of vulnerability due to their participation in what are known as 3-D jobs: dirty, dangerous, and demanding (sometimes degrading or demeaning) [12]. This stigmatisation of certain jobs and workers gives rise to a distinct hierarchy of work wherein certain groups are excluded from society.

But their vulnerability is not only associated to their jobs or working conditions. Migrant workers are also especially socially vulnerable as they are in a situation of greater social isolation (with other colleagues and with the community in general) and their network of social and economic resources is limited, making them more dependent on the contractor providing the job. They also have less knowledge of the social and legal resources at their disposal and, in many cases, lack the skills to express themselves in the new language of the host country [13].

Being a stranger in a new country, having to leave their social and family networks in their country of origin, facing new, unknown or unfamiliar cultural elements, or having to express themselves, in many cases, in another language in which they are not fluent or have had to learn in adulthood, are elements which, on their own, make the lives of these people more stressful and increasing their risks to suffer more physical and mental health problems. To this extent, the migratory process entails not only a radical social and cultural change, but involves making certain cognitive, emotional and behavioural efforts to cope with the new cultural barriers of the destination country [14], sometimes accompanied by situations which, unfortunately, often coincide with the status of migrant worker. These include a hostile work environment and the social and occupational vulnerability of the job itself.

All of these circumstances make the migratory experience incredibly stressful, especially in the early stages. In these circumstances the migrant will often rely on nearby social networks like family or fellow resident co-nationals to help manage or cope with such demands due to lack of cultural, linguistic and social competences.

With this in mind, we suggest the need to adopt an integrated approach to the migrant worker question, which requires the cooperation of stakeholders at multiple levels and multiple steps (preventive, timely-reactive cum-migration and post-facto migration strategies and its interventions at three (individually, organisationally and socially) levels [15].

The responsibility is for all stakeholder to work towards the implementation of strategies that safeguard migrant workers' well-being and provide more inclusive societies.

References

1. [International Labour Organization ILO (2018). ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology. 2nd ed. Geneva: ILO.
2. OECD (2016). Recruiting Immigrant Workers. Geneva: OECD Publishing.
3. Joly D. (2017). International migration in the new millennium: Global movement and settlement. London: Routledge.
4. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., & Taylor J.E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and development review*, 19(3), 431-466. doi: 10.2307/2938462.
5. Wallace C. (2002). Opening and closing borders: migration and mobility in East-Central Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 28(4), 603-625 doi: 10.1080/1369183021000032227.
6. Bygnes S., & Erdal M.B. (2017). Liquid Migration, Grounded Lives: Considerations about Future Mobility and Settlement among Polish and Spanish Migrants in Norway. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43 (1), 102–118. doi:10.1080/1369183X.2016.1211004.
7. Carling J., & Pettersen S.V. (2014). Return Migration Intentions in the Integration-Transnationalism Matrix. *International Migration*, 52 (6), 13–30. doi:10.1111/imig.12161.
8. Aragón R.R. and Bretones F.D. (2020). Uncertainties Generated during the Brexit Process among Highly Qualified Spanish Workers. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*, 172, 3-20. doi: 10.5477/cis/reis.172.3
9. Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. Bloomsbury: London.
10. Bretones F.D., Jain A, Leka S. & García P.A. (2020). Psychosocial working conditions and wellbeing of migrant workers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 2547; doi:10.3390/ijerph17072547.
11. Ashforth B.E., & Kreiner G.E. (2014). Dirty work and dirtier work: Differences in countering physical, social, and moral stigma. *Management and Organization Review*, 10, 81–108. doi: 10.1111/more.12044.
12. Moyce S.C., & Schenker M. (2018). Migrant workers and their occupational health and safety. *Annual Review of Public Health*, 39, 351-365. doi: 10.1146/annurev-publhealth-040617-013714.
13. Underhill E., & Rimmer M. (2016). Layered vulnerability: Temporary migrants in Australian horticulture. *Journal of Industrial Relations*, 58(5), 608-626. doi: 10.1177/0022185615600510
14. González-González J.M., & Bretones F.D. (2013). Pushed or pulled? Entrepreneurial behaviour among immigrants as a strategy to cope with negative social identity. *Identities*, 20(5), 633–648. doi:10.1080/1070289X.2013.832680.
15. Bretones F.D. & Santos A. (2020). *Health, Safety and Wellbeing of Migrant Workers: New hazards, New Workers*. Cham, Switzerland: Springer Nature. doi:10.1007/978-3-030-52632-0

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА БРАКА: ФАКТОРЫ И ПОКАЗАТЕЛИ
DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF MARRIAGE:
FACTORS AND INDICATORS

Т.А. Гурко
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва
T.A. Gurko
Institute of Sociology,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow

Показатели эволюции и трансформации института брака в России анализируются на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Представлены брачные статусы мужчин и женщин в возрастной группе 25-49 лет различных профессионально-образовательных групп по рассчитанным данным ВНДН–2019. Показано, что эти различия значительны среди мужчин, но не женщин.

Indicators of the evolution and transformation of the institution of marriage in Russia analyzed based on data from the Federal State Statistics Service. The marriage statuses of men and women in the age group of 25-49 years of various professional and educational groups presented according to the calculated data of the VNDN-2019. It shown that these differences are significant among men, but not women.

Ключевые слова: брак, эволюция, трансформация, вариация, девиация, брачный статус, уровень образования, профессиональное занятие

Keywords: institution of marriage, evolution, transformation, variation, deviation, marital status, education level, professional occupation

Развитие института семьи происходит на протяжении всей истории человечества, подтверждая тезис К. Маркса о том, что семья «должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество» [1, с. 254]. Этот процесс происходит нелинейно в зависимости от исторического контекста. Понятие «семья» многозначно, научные определения отличаются от обыденных, юридические от социологических [2, с. 99-100]. Развитие семейного института тесно связано с трансформацией института брака.

Институты поддерживаются регулятивной системой (законы и религия), нормативной (ценности и нормы) и культурно-познавательной [3, с. 35]. По мере секуляризации западных обществ влияние религии на стабильность брака ослабевало. В России уже в начале прошлого века уничтожение института

религии, распространение новой сексуальной морали дестабилизировали супружеские отношения, по крайней мере, в городах.

Только совместная жизнь в браке вплоть до XX века позволяла считать отцом мужа матери ребенка, в современных условиях отца можно установить и при раздельном проживании пары. В России право зарегистрировать отцовство вне брака появилось уже после революции 1917 г. (за исключением послевоенного периода ужесточения законодательства), в развитых странах к началу 1980-х годов. Возможность установить «биологическое отцовство» с помощью генетического теста [4, с. 30] оказала влияние на развитие института брака.

Важным фактором развития института брака стала либерализация законодательства о разводе во второй половине XX века, признание фактических отношений, в том числе у однополых пар, с разными юридическими последствиями таких отношений в разных странах.

Ценность брака и брачные нормы различны в разных социокультурных контекстах. В ряде мусульманских стран официально разрешена полигамия, обычно возможность иметь четырех жен, например, в Алжире, Саудовской Аравии, Арабских Эмиратах, Египте, Кувейте, Иордании. Принятие брака расширенной семьей и ближайшим окружением – более важная составляющая оценки индивидом своего брака в мусульманских, нежели в западных странах [5, р. 86]. В условиях современного Китая, например, обсуждается возможность возобновления практики многожества, ибо число мужчин в активном брачном возрасте больше, нежели женщин [6].

В европейских странах ценности личностной автономии, профессиональной самореализации, гедонизма, приводят к деинституциализации брака и «институциализации индивидуализма», настало время «чистых отношений», свободных от каких-либо меркантильных интересов [4, с. 39]. Хотя, очевидно, как отмечал и сам Э. Гидденс, это утверждение справедливо лишь для узкой социальной группы. Институт брака по-прежнему регулирует имущественные отношения не только в развивающихся, но и в развитых странах.

Брак остается важнейшей ценностью в России, которая, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), занимала в 2017 г. второе место в мире (после Китая) по числу браков [7, р. 2] и 13-е место, по данным Евростат в 2018 г., что связано преимущественно с сокращением числа российских граждан в активном брачном возрасте [8]. Согласно рассчитанным данным «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» ВДН–2012 и ВДН–2019, проведенных Федеральной службой государственной статистики, в 2012 г. в возрасте 49 лет

и старше только 2% мужчин (из 3528) и 4% женщин (из 5785) никогда не состояли в браке, а в 2019 г. 2% мужчин (из 22103) и 3% женщин (из 35451) [9].

Норма «брака на всю жизнь» угасает во многих странах, растет число повторных браков. Например, в России в 2019 г. только менее половины ставропольских студентов (50% юношей и 45% девушек) и 33% московских юношей и девушек считали, что «в брак можно вступать только один раз» [10, с. 109]. Набор новых практик в организации частной жизни в разных культурных контекстах расширяется.

В качестве теоретической основы для анализа развития института брака можно принять утверждение Э. Черлина о различии между эволюционными и трансформационными изменениями института брака как альтернативы рассуждениям о деинституционализации [11, р. 66].

Имеет смысл провести аналогию с вариациями и девиациями в развитии института брака. Вариации – это случайные отклонения от основной тенденции (моды или медианы), а девиации – систематические [12, с. 115]. По сути, вариации в брачном поведении могут выступать индикаторами эволюции, а девиации – индикаторами трансформации института брака. Девиации в отличие от вариации постепенно превращаются в новую норму брачного поведения.

Очевидно, что в разных странах и регионах России брачные поведенческие практики различны, и, соответственно, оценка определенной практики как вариации или девиации может быть спорной. Опираясь на статистику, можно предположить, что вариацией и, следовательно, индикатором эволюции института брака в России являются практики внебрачных рождений. Не все женщины имеют возможность и желание реализовать потребность в родительстве в браке. Показатель внебрачной рождаемости колеблется в России и несколько снизился в последние два десятилетия с 28% в 2000 г. до 21% в 2018 г. [13, с. 67]. Велики межрегиональные различия. Так, наивысший показатель в 2018 г. в республике Тыва – 60%, в Чеченской республике – 42%, в Чукотском АО – 41%, в Ненецком АО, – 40%, а наименьший в Кабардино-Балкарской республике – 10%, что, вероятнее всего, связано с этноконфессиональными особенностями граждан, проживающих в данных регионах [14, Pril. 4.3]. В то же время, например, в Тыве РФ, в Исландии, Франции, Болгарии такая практика настолько распространена, что можно считать ее девиацией.

Вариациями являются, очевидно, сожителства, в том числе с биологическими детьми, то есть хрупкие семьи, сводные, отцовские и межстрановые семьи, практики внебрачного секса, проституция, во многих странах однополые браки [3]. Такие модели поведения часто сопутствуют браку, но кардинально не меняют этого института. По крайней мере в России, согласно рассчитанным

данным ВНДН–2019, в возрастной группе 25-49 лет сожительствуют 21% пар без детей и 9% пар с детьми до 18 лет. По данным Института исследований семьи сожительства в большей мере распространены, в Перу, Колумбии, Аргентине, Испании, Франции, Швеции, США, в Новой Зеландии [15].

Девиацией и, следовательно, индикатором трансформации института брака является развод. Россия занимала в 2017 г. первое место по числу разводов (второе место – Латвия, третье – Литва, четвертое – США) [7, р. 4], а также первое место, по данным Евростат, в 2018 г. (второе место – Украина, третье – Беларусь, четвертое – Латвия и Литва) [8]. Межрегиональные различия тоже значительны. Наивысший показатель разводов в Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном ФО (4.6), а наименьший – в Северо-Кавказском ФО (2.1) [14, Pril. 3.1].

К девиациям можно отнести практики сексуальных отношения до брака, необязательно с будущим отцом ребенка и мужем, добрачные зачатия [14; 15], регистрацию родительства вне брака. Так, доля детей, зарегистрированных обоими биологическими родителями, не состоящими в браке, составляла в России 41% в 1970 г. и 51% в 2018 г. [13, с. 67]. Такую практику можно считать индикатором трансформации брака.

Индикаторы эволюции и трансформации брака можно эмпирически выявить и в межсупружеских отношениях, нормы которых, очевидно, менялись в России в советский, а затем в постсоветский период. Надежных данных для анализа динамики, в частности в профессионально-образовательных и этно-конфессиональных группах, нет. Банальные констатации динамики от «традиционного» разделения ролей к «современным» равноправным не всегда верны. В России, как, впрочем, и в других странах, традиции были разными в разные периоды социально-экономического развития.

Социологи в развитых странах приходят к выводу о различии брачного поведения среди образованных социальных групп и не имеющих высшего образования. Эта закономерность была выявлена и при анализе российских данных [16, с. 55-58]. Для анализа брачного статуса мужчин и женщин в различных социальных группах была сформирована подвыборка по возрастной группе 25-49 лет базы данных «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» (ВНДН-2019)».

Не обнаружено различий в брачном состоянии городских (n=14978) и сельских мужчин (n=5999) и женщин (n=17717 и n=6916). Больше мужчин (69%) и женщин (67%) состоят в юридическом браке в Северо-Кавказском и Южном ФО (65% и 61%) и несколько меньше в Дальневосточном ФО (59 и 54%).

Значительны различия брачного статуса среди профессионально-образовательных групп, особенно мужчин. Больше мужчин (70%) среди имеющих высшее образование состояли в 2019 г. в юридическом браке в сравнении с имеющими среднее образование – 49% мужчин (Рис. 1). Согласно ВНДН–2014 (45 тыс. домохозяйств), такие различия наблюдались среди мужчин 25-49 лет и ранее (70% и 54% соответственно), но не среди женщин (61% и 56%).

Больше мужчин (71%) среди специалистов высшего уровня квалификации состоят в юридическом браке, нежели среди неквалифицированных рабочих – 45% (Рис. 2). Согласно ВНДН–2014, т.е. пять лет назад состояли в юридическом браке среди специалистов – 68% мужчин, среди неквалифицированных рабочих – 54%. Судя по этим данным, разрыв увеличивается.

С чем связаны различия в брачном статусе среди мужчин различных профессионально-образовательных групп? Сокращение стабильных рабочих мест в постиндустриальный период для мужчин без специального образования не способствует их уверенности в создании материальной основы будущего брака. Мужчины без стабильного дохода не имеют спроса на «брачном рынке». В отношении женщин такой закономерности не выявлено.

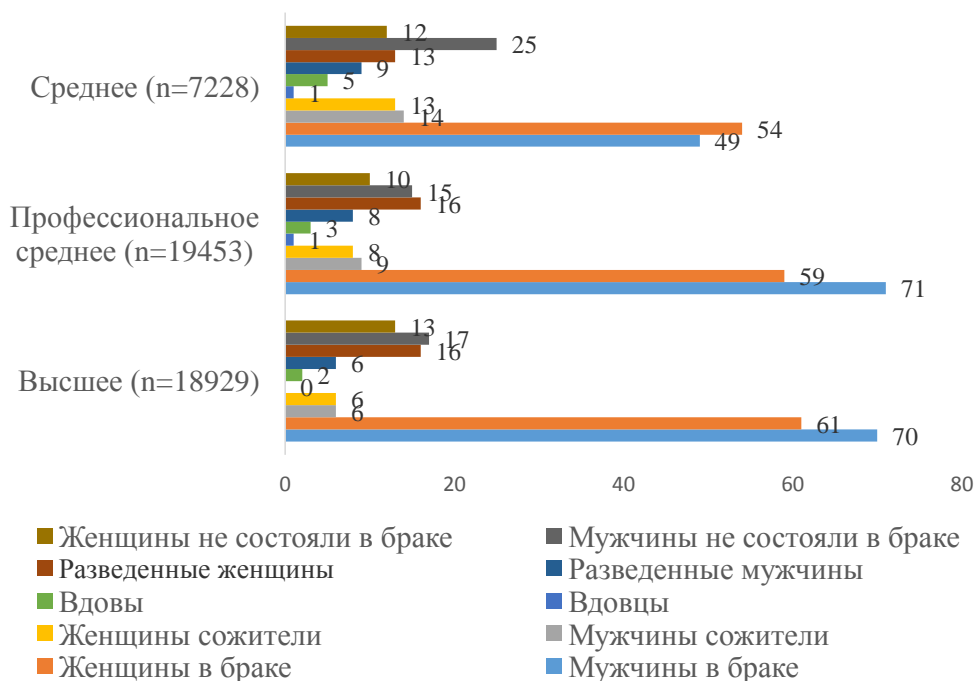

Рис. 1. Брачный статус мужчин и женщин (25-49 лет) в зависимости от уровня образования

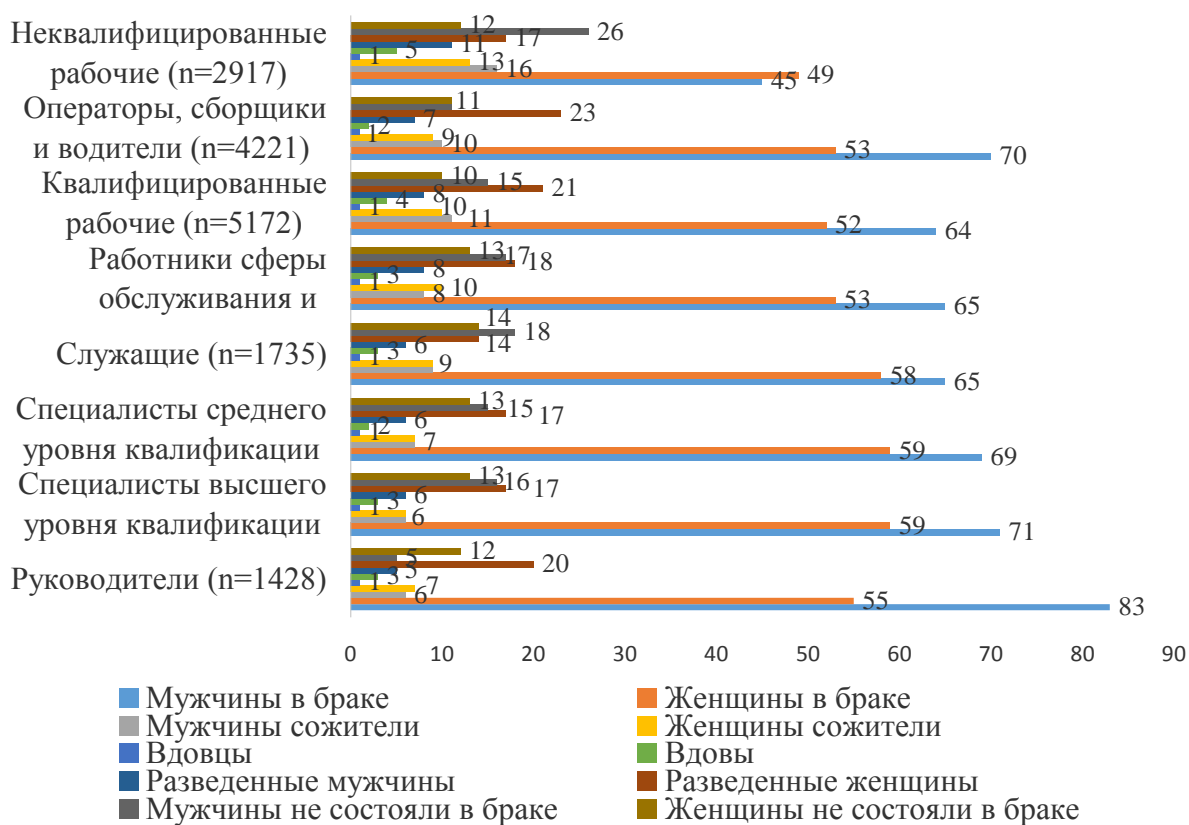

Рис. 2. Брачный статус мужчин и женщин (25-49 лет) в зависимости от профессионального занятия

Список литературы

1. Маркс К. Конспект книги Л.Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 45. М.: Политиздат, 1975.
2. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99-110.
3. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Том. 26. № 1. С. 31-54.
4. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4 (13). С. 26-44.
5. Sabour E, Smaeili N., Schoebi D. Research on correlates of marital quality and stability in Muslim countries: A review. Journal of Family Theory & Review. 2017. No. 9. P. 69-92.
6. Fifield A. Two-husband strategy may be a remedy for China's one-child policy, professor posits. The Washington Post. June 10, 2020.
7. SF3.1: Marriage and divorce rates. OECD Family Database. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm> (Дата обращения: 20.07.2020).
8. Crude marriage rate and crude divorce rate. 2018. // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00206&plugin=1> (Дата обращения: 20.09.2020).
9. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/USP/

survey0/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2019/index.html
(Дата обращения: 21.07.2020).

10. Гурко Т.А., Тарченко В.С. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102-113.

11. Cherlin A.J. Degrees of change: An assessment of the deinstitutionalization of marriage thesis. *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82. No. 1. P. 62-80.

12. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи: [монография] [Электронное издание]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.

13. Демографический ежегодник, 2019: Стат.сб./ Росстат. М., 2019. 252 с.

14. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2019 (информация в разрезе субъектов Российской Федерации). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (Дата обращения: 20.05.2020).

15. Wilcox W.B., DeRose L., Carroll J.S. World family map 2019: Mapping family change and child well-being outcomes. Institute for Family Studies. 2019. 97 p.

16. Тольц М.С., Антонова О.И., Андреев Е.М. Рождаемость и трансформация семьи в современной России // Вопросы статистики. 2005. №7. С. 51-60.

17. Гурко Т.А. Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. Т. 5. С. 51-71.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ **INTERETHNIC HARMONY IN THE FACE OF NEW CHALLENGES**

Л.М. Дробижева

*Центр исследования межнациональных отношений
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

L.M. Drobizheva

*Center of the Study of International Relations,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences,
Higher School of Economics, Moscow*

Представлены результаты социологических опросов ФАДН, реализованных ВЦИОМ в 2019 г. Показана оценка межэтнических отношений в массовом общественном мнении. Анализируются причины этнического негативизма и этноцентризма. Показана связь межэтнических отношений и общероссийского гражданского самосознания.

The results of FADN sociological surveys implemented by VTSIOM in 2019 are presented. The estimation of interethnic relations in mass public opinion is

shown. The reasons of ethnic negativism and ethnocentrism are analyzed. The connection of interethnic relations and all-Russian civic consciousness is shown.

Ключевые слова: межэтнические отношения, межэтническое согласие, межнациональные отношения, гражданская идентичность

Keywords: inter-ethnic relations, inter-ethnic harmony, interethnic relations, civil identity

В полиэтнических государствах согласие между людьми разной национальности является фундаментальной ценностью. Актуальность этого подтверждается как повседневной практикой в нашей стране, так и событиями в мире.

В современных условиях межэтническое согласие в нашей стране проходит испытание под влиянием связанных с коронавирусом сокращения числа рабочих мест, повышения конкуренции и безработицы. Другим вызовом является крушение благоприятного образа старых демократий, в которых этническая толерантность была декларируемым и нормативным принципом повседневной жизни.

Цель сообщения – познакомить с результатами последних общероссийских исследований о состоянии межэтнических отношений в стране, их оценкой в массовом сознании, некоторых особенностях восприятия напряженности в российском пространстве и факторах, с которыми связывают этнический негативизм.

Межэтническое согласие мы понимаем как благоприятные межэтнические отношения, доверие между людьми и сходство в основных жизненных ценностях. В тексте используется понятие межэтнические отношения, так как речь идёт о личностном уровне отношений между людьми. В Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. используется понятие межнациональные (межэтнические) отношения в силу того, что в массовом сознании исторически закрепилось понятие межнациональные отношения, а в научном значении под межнациональными отношениями имеется в виду отношения между государствами, под межэтническими отношениями – личностный уровень отношений между людьми разной этничности.

Основным источником был опрос ФАДН, реализованный ВЦИОМ* осенью 2019 г. Он охватывал 2000 респондентов и был репрезентативным для взрослого населения российской Федерации.

Индикаторами межнациональных отношений были показатели, зафиксированные в Стратегии государственной национальной политики на

* Автор была участником составления программы и аналитического отчета по исследованию.

период до 2025 г., поскольку межэтническое согласие мы рассматриваем шире, чем межэтнические установки, по возможности результаты этого опроса дополняются нами другими социологическими опросами Института социологии ФНИСЦ РАН.

Межэтнические отношения оцениваются населением как не самые значимые проблемы в стране, но тем не мене, 70% считают, что межэтнические напряжения, конфликты на национальной почве и вероисповедании – важные проблемы для страны.

Очевидное большинство оценивает межэтнические отношения в областях, республиках, краях проживания как нормальные, бесконфликтные (78%). Но в сравнении с опросами ВЦИОМ в 2018 г. благоприятная оценка снизилась на 8 п.п.

Выше, чем в среднем по стране, негативные оценки фиксируются в ЦФО, СФО, ДФО. Это округа, где расположены большие городские агломерации, районы с наиболее высоким притоком инокультурных мигрантов.

Особенность российской ситуации состоит в том, что когда мы просим наших граждан в ходе опросов оценить межнациональные (межэтнические) отношения, они оценивают их в целом – и в отношении людей российских национальностей (русских, башкир, татар, чувашей, аварцев и других), и в отношении старожилов грузин, армян, азербайджанцев, и в отношении вновь прибывающих мигрантов из Армении, Азербайджана, Таджикистана.

Этнофобии и мигрантофобии в чем-то совпадают, а в чем-то различаются, как установлено отечественными учеными (В. Мукомель). Те, кто решительно негативно настроены к приехавшим инокультурным мигрантам, нередко переносят это и на соотечественников иной культуры и становятся носителями негативных этнических стереотипов.

Большинство русских и людей других национальностей благоприятно оценивают межэтнические отношения, но русские чаще других фиксируют отношения как напряженные. В целом 71-74% (русских и людей других национальностей) готовы к производственным, соседским и дружеским межэтническим контактам (данные получены на основе адаптированной шкалы Богардуса).

На неблагоприятные межэтнические установки могут влиять разные факторы. В ходе реализации проектов Центра исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН установлено влияние исторического опыта межэтнических контактов. Там, где длительное время имел место опыт ненасильственного решения конфликтных ситуаций, даже быстрый и сильный приток инокультурных мигрантов воспринимается лояльнее (Астраханская

область, Татарстан). В регионах с неизжитыми постконфликтными ситуациями отношения сложнее (Дагестан, Ставрополье, Кабардино-Балкария).

На неблагоприятные межэтнические установки влияет социально-экономическая ситуация: плохое материальное положение (у людей с такой оценкой своего положения негативных установок на 12 п.п. больше); ощущение отсутствия социальных лифтов. Среди тех, кто считает, что есть ограничения по национальному (этническому) признаку в доступе к престижной, высокооплачиваемой работе, в доступе к занятиям высоких постов во власти, занятию бизнесом, отношения к межэтническим контактам, как правило, хуже. Это подтвердилось в массовом опросе. С реальной дискриминацией по этническому признаку, по данным ВЦИОМ, в 2019 г. сталкивались 4%, а негативные стереотипы имели около 20%.

Важным фактором, влияющим на климат межэтнического согласия, является общая социально-политическая атмосфера в стране. В 2012-2013 гг. на случаях межэтнических столкновений в регионах концентрировалось внимание в центральных СМИ, и это становилось триггером этноцентристских настроений.

С 2015 г. межэтнические отношения стали улучшаться в связи с переключением внимания общества на победы в олимпиаде, затем события мирового футбола и военных действий в Сирии. И затем тенденция улучшения приостановилась. А в некоторых регионах и ухудшилась, как реакция на пенсионную реформу, и только в 2019 г. несколько стабилизировалась.

Безусловно, имеет значение ситуация в мезосреде в конкретных регионах. Она создаётся руководством и общественными объединениями. Примером была ситуация в Краснодарском крае при губернаторе Н. Кондратенко, при А. Ткачеве. Противоположная ситуация фиксировалась в Татарстане, когда Минтимер Шаймиев педалировал образ «мы - татарстанцы», а в выступлениях говорил «татары и русские», «русские и татары». Своеобразную политику проводит С. Собянин в Москве, иллюминируя межэтнические проблемы и декларируя только позитивные отношения.

Центром исследования межэтнических отношений ФНИСЦ РАН фиксировалась высокая совместимость состояния межэтнических отношений и уровня доверия. Установлено (С.В. Рыжова), что при низком уровне личностного доверия в стране доверие к людям иной национальности в регионах между людьми контактирующих национальностей достаточно высокое (Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Ленинградская область).

В мировой социологии считается, что этноцентризм, концентрация внимания на этнической идентичности коррелирует с неблагоприятными межэтническими отношениями, а общегосударственная, страновая

идентичность способствует межэтническому согласию (Петтигрю). Этот вывод не всегда и не во всех странах подтверждался, но в Европейских странах он подтверждался репрезентативными опросами. Исследования, проведенные нами в РФ на общероссийских и региональных выборках, показали, что негипертрофированная этническая идентичность вполне совмещается с позитивными межэтническими установками, а гипертрофированная – четко коррелирует с негативными стереотипами и установками.

Общероссийская гражданская идентичность не снимает у всех негативные стереотипы, но она, очевидно, улучшает готовность к межэтническим контактам в производственной и неформальной сфере. Общероссийскую идентичность Президент РФ назвал фундаментальной ценностью нашего общества, именно потому, что она поддерживает единство, общие ценности, представления и межэтническое согласие.

**РУССКИЕ СУББОТНИЕ ШКОЛЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
НОСТАЛЬГИЯ ПО СССР КАК ЯДРО ИНТЕГРАЦИИ
RUSSIAN SATURDAY SCHOOLS IN THE UK:
USSR NOSTALGIA AS A CORE FOR INTEGRATION**

Н.Н. Иващенко

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Университет Глазго, Великобритания*

В.В. Шаталина

Русский центр в Шотландии «Haven», Великобритания

Л. Алиева

Оксфордский университет, Великобритания

N.N. Ivashinenko

Lobachevsky University, University of Glasgow, United Kingdom

V.V. Shatalina

Russian Centre in Scotland «Haven», United Kingdom

L. Alieva

University of Oxford, United Kingdom

Рассматривается интернационализм как часть повседневного функционирования русскоязычных субботних школ за рубежом. На основании данных эмпирического качественного исследования делается вывод, что интернационализм является важным объединяющим фактором, поддерживающим русские школы.

The paper consider internationalism as part of a lived experience in Russian Saturday schools abroad. Based on the data of empirical qualitative research, the

authors argue that internationalism is an important uniting factor supporting Russian Saturday schools.

Ключевые слова: русскоязычные школы, интернационализм, русскоязычное сообщество, мигранты

Keywords: Russian Saturday schools, internationalism, Russian-speaking migrant community

This paper presents an in-depth qualitative study of internationalism as a lived experience in Russian Saturday schools abroad, offering novel insights and contributing to the existing theoretical, methodological, and empirical research on “post-Soviet space”. It brings a new focus to existing work in this area through its consideration of USSR nostalgia, and of reconstructed internationalism as the critical factor supporting Russian Saturday schools.

The fieldwork was conducted from 2012 to 2020 in six Russian schools in the UK. The information was gathered by interviewing parents, teachers, and pupils, by observing classroom work and school festivals, and by analysing the educational programs. Also, international experts from Russian Schools in the USA, Germany, Austria, Belgium, Lebanon, and Jordan have also been involved in discussions about the everyday life of these schools.

Using a revised concept of transnationalism, we investigate internationalism as a lived experience in Russian Saturday schools abroad. The concept of internationalism has been dramatically transformed in recent decades [1]. The Internationalism, as it was described in the Soviet past, was a part of official state ideology. It had a wide range of advantages and disadvantages, which manifested later during *perestroika* and even had an influence on the eventual collapse of the USSR [2]. However, Soviet internationalism as a lived experience in migrant communities acquired new features related to their nostalgia towards Soviet times [3]. In this case, the key feature of internationalism seems to be the reconstruction of an improved past in the everyday lives of migrant families. Internationalism as a lived experience has several functions, such as consolidation of the Russian-speaking migrant community [4], integration into the host country’s society [5], establishing a transnational connection [6], and dealing with the multi-cultural environment.

The parents whose children attend a Russian school comprise a wide range of nationalities from the former constituent states of the USSR. Internationalism and tolerance work as tools to smooth out and avoid conflicts that may have arisen between different national diasporas due to international tensions, such as Karabagh, Crimea or the recent Belarusian protests. Internationalism as a lived experience is acquired in the Russian schools' communities through their educational programmes and afterschool activities [7]. The variety of teaching approaches also has some

connection to the belief that the USSR's teaching methods provided the gold standard of education. The Russian schools' festivals (Old-New Year, 8th March, *Sabantuy*, or *Navruz*) promote Russian as a language for the international community and transmit certain values to the next generation.

Russian schools have gone through a significant transformation from small clubs to accredited educational centres, but they continue to reproduce the value of internationalism related to a nostalgic version of the Soviet past. Bearing in mind the complicated political situation in the world, Russian Saturday schools try to avoid references to modern Russia and her political situation, preferring instead to focus on the cultural-historical heritage formed in the USSR, which is more effective for uniting Russian-speaking migrants.

References

1. Ikenberry G., Parmar I. and Stokes D. (2018) Introduction: Ordering the world? Liberalinternationalism in theory and practice, *International Affairs* 94:1, 1–5; DOI: 10.1093/ia/iix277.
2. Engelstein L. (2002) New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet Reflections, *The Russian Review*, Volume 60, Issue 4, October 2001. P. 487–496. <https://doi.org/10.1111/0036-0341.00186>.
3. Byford A. (2009) 'The Last 'Soviet Generation' in Britain'. In J. Fernandez (Ed). *Diasporas: Critical and Interdisciplinary Perspectives*. Oxford: Inter-Disciplinary Press. Pp. 59–62.
4. Koprina H. (2005) *East to West migration: Russian migrants in Western Europe*, Burlington, VT: Ashgate.
5. Ryan L. (2016) 'Looking for Weak Ties: Using a Mixed Methods Approach to Capture Elusive Connections'. *The Sociological Review*, 64 (4). Pp. 951–69.
6. Mamattah S. (2006) 'Migration and transnationalism: the complete picture? A case study of Russians living in Scotland'. *eSharp*, 6(2).
7. Ivashinenko N. (2019) Saturday Russian schools and parents' social networking: two-way cooperation? *Migration Letters*, 16(2). Pp. 165–174.

**РИТОРИКА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ
БИОКАПИТАЛИЗМА: СТРАТЕГИИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ РЫНКА
ТРУДА И ЕГО ЦЕННОСТЕЙ**
**THE RHETORIC OF WORK IN THE SOCIETY OF BIO-CAPITALISM:
STRATEGIES TO RETHINK THE LABOUR MARKET AND ITS VALUES**

Эмануэле Изидори
Римский университет Форо Италико, Италия
Emanuele Isidori
University of Rome Foro Italico, Italy

Материал направлен на углубленное изучение противоречий и парадоксов относительно концепции труда в современном биокапиталистическом обществе в соответствии с теориями трех социальных философов труда: Зигмунта Баумана, Джереми Рифкина и Доминика Меда. После описания этого сценария мы покажем стратегии переосмысления современного труда и его ценностей в критической перспективе, которая стала возможной благодаря новой социальной педагогике, а также коммуникативному потенциалу социальных сетей и Интернету, способствующему распространению ценностей.

This article aims to deepen the contradictions and paradoxes regarding the conception of work in contemporary bio-capitalistic society according to the theories of three social philosophers of work: Zygmunt Bauman, Jeremy Rifkin and Dominique Méda. After outlining this scenario, we will show the strategies to rethink contemporary work and its values in a critical perspective made possible by new social pedagogies and the communicative and value-sharing potential of social media and the Internet.

Ключевые слова: труд, биокапитализм, рынок, ценности, социальные медиа, новая педагогика

Keywords: work, bio-capitalism, market, values, social media, new pedagogies

Зигмунт Бауман (1925-2017), Джереми Рифкин (1945) и Доминик Меда (1962) – три философа, которые проанализировали тему труда и ее проблемы в нашем обществе. Согласно их теориям [1; 2; 3; 4], эти процессы расширяются благодаря новым коммуникационным технологиям, которые изменили понятие труда в современном обществе и подвергли кризису теории и практики, лежащие в основе первичной основы и образовательных моделей философии труда в рамках западной культуры [5]. Эти модели – марксизм, с одной стороны, и капитализм – с другой. Последний в своей форме так называемого биокапитализма глубоко повлиял как на модели труда, так и на производственные системы.

Новые технологии коммуникации и совместного использования позволили разработать новые формы демократического, коллективного и общинного участия в человеческой работе. Нет сомнений, что социальные сети могут влиять на массы и идеи трудовой деятельности в глобальном обществе. Это влияние может быть как прямым, так и косвенным [6; 7].

В настоящее время массы через свои вкусы формируют цели для промышленного производства, влияют на публичную политику правительств и государств, целью которых является удовлетворение интересов масс и их желаний. В этом понимании труд, похоже, подошел к концу – пришел конец конкретной модели и связанной с ней системы ценностей. Эти изменения необходимо глубоко переосмыслить в свете новой философии труда [8]. Кроме того, трудности адаптации, вызванные отсутствием традиционной занятости, потребностью людей в приобретении навыков и компетенций, требуют принятия философии труда в сочетании с педагогикой устойчивости, направленной на обучение людей навыкам преодоления травм потери работы и ее отсутствия [9]. Так же, как и социальную философию, педагогику труда рассматривают как теорию и практику социального воспитания надежды и счастья [10].

Социальная педагогика труда – теория и практика обучения в свободное время. Иными словами, обучение *otium* (досуг), которое способствует развитию человека, противопоставляется набору традиционных рабочих мест и занятости [11], которые в современном обществе не работают [12; 13].

Более того, Интернет и возможности онлайн-обучения могут способствовать развитию навыков для жизни и работы [14]. В сценарии, в котором развитие цифровой культуры и присутствие виртуальной реальности становится все более и более актуальным для обучения, Интернет и его технологии становятся убежищем, то есть безопасным и комфортным для нашей жизни местом. Эти места нужно превратить в новый мир, который нужно исследовать, где каждый может работать и обучаться этому.

Zygmunt Bauman (1925-2017), Jeremy Rifkin (1945) and Dominique Méda (1962) are three philosophers who have analyzed the theme of work and its issues in our society and shown their deep connection with specific processes concerning communication and production relations. According to their theories [1; 2; 3; 4], these processes are widened and brought to the extreme consequences by new communication technologies. These technologies have redefined the concept of work in contemporary society. Also, they have put into crisis the theories and practices the primary foundation and educational models of the philosophy of work have been built upon within Western culture [5]. These models are Marxism, on the one hand,

and Capitalism on the other. This latter, in its shape of so-called bio-capitalism, has profoundly impacted both work patterns and production systems.

The new e-/net-economy and globalization seem to go towards the triumph of Capitalism on the planetary scale. However, it would be wrong to believe that the advent of new technologies has redesigned the concept of work in the perspective of a purely capitalist or neo-capitalist interpretation [6]. The hybridization of contemporary culture and the processes of hyper-modernization in contemporary society make the relationship – in the past clearly defined – between the theories and the practices of work more fluid, liquid and complex [7]. The new communication and sharing technologies have allowed the development of new forms of democratic, collective and community participation within human work. All these new forms were unthinkable in the past.

There is no doubt that social networks have the power to influence the mass and the idea of work in a global society. This influence can be direct or indirect: it may concern the choice of what goods or services to produce or offer, and the objectives towards which the production has to be directed, or to affect the policies that lead to the recruitment and training of human resources who will lead and manage the production of those goods and services.

Nowadays, the masses – more than in the past – through their tastes shape the aims of work and industrial production. The masses influence the public policies of governments and states (or the oligarchies so often controlling them) whose concern is always to satisfy the interests of the masses and their desires. For this reason, it can happen that, nowadays, Mark Zuckerberg, the creator and founder of Facebook, can be the most influential person in the world – in terms of prestige and power – even more than the same president of Russian Federation or the United States of America.

Within this scenario, work seems to be to an end. However, it is not the concept work conceived of as a philosophy, jobs and employments which has come to an end, but a specific model and value system related to it. The sunset of traditional jobs and employments is inexorable eclipse also of traditional training and education patterns having their own centre in the school and university, which need to be both deeply rethought in light of a new philosophy of work [8].

Also, the difficulties of adaptation and the suffering generated by the lack of traditional employment, the need for people to acquiring skills and competencies, the uncertainty for the future job market because of COVID-19, requires the assumption of a philosophy of work coupled with a pedagogy of resilience aimed at educating people to develop skills for facing and overcoming the traumas of job loss and lack. These skills should be active and promoting personal well-being [9].

In this regard, the social philosophy and pedagogy of work should be rethought by conceiving them as a theory and practice of social education to hope and

happiness as proposed by the Brazilian pedagogue Paulo Freire (1921-1997). He refers to happiness that is not trivially or naively conceived or pursued through the enjoyment of goods from industrial production [10].

This social pedagogy of work is a theory and practice to education for leisure time. That is to say, an education to *otium* (leisure in Latin) which contributes to the development of the human being and it is opposed to *negotium* (the set of traditional jobs and employment) [11] that, in contemporary society, it does not seem to exist anymore in the traditional form of the past [12; 13].

Moreover, the Internet and the opportunities for learning offered by Web 3.0 digital resources, if critically screened, can contribute to developing permanent skills for life and work [14].

In the age of communication, the Internet becomes more and more important for training people for the new scenarios of the labour market and its new job employments. In a scenario in which the development of digital cultures and the presence of virtual reality is getting more and more relevant for learning, the Web and its technologies are coming to be a refuge. That is to say, places safe and comforting for our lives, where to have a rest and work. These places will have to be transformed not into a refuge to escape from the pain and dissatisfaction of everyday life, in opium for the new generations without employment, but in a new world, all to be explored, where everyone can work and be trained to become, in fact, those nobles and kings for whom work was and will always be an *otium* and never labour marked by fatigue and pain [15; 16].

References

1. Bauman Z. (2007). *Consuming Life*. Cambridge: Polity.
2. Rifkin J. (2000). *The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism. Where All of Life is a Paid-For Experience*. New York, NY: Putnam Publishing Group
3. Méda D. (1997). La fin de la valeur “travail”? In P. Boisard, D. Cohen & M. Elbaum (Eds.), *Le travail, quel avenir?* (pp. 75-93). Paris: Folio-Gallimard.
4. Méda D. (1997). Le travail, une valeur en voie de disparition, In P. Boisard, D. Cohen & M. Elbaum (Eds.), *Le travail, quel avenir?* (pp. 165-166). Paris: Folio-Gallimard.
5. Giroux H.A. (2003). Public pedagogy and the politics of resistance: Notes on a critical theory of educational struggle. *Educational philosophy and theory*, 35(1), 5-16.
6. Méda D. (2010). *Travail, la révolution nécessaire*. La Tour-d’Aigues: Éditions de l’Aub.
7. Bauman Z. (2006). *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity.

8. Díez Gutiérrez E.J. (2010). La globalización neoliberal y sus repercusiones en educación. Barcelona: El Roure Editorial.
9. Méda D. (2008). Au-delà du PIB. Pour une autre mesure de la richesse. Paris: Flammarion.
10. Apple M.W., Kenway J., & Singh M. (2005). Globalizing education: Policies, pedagogies, & politics. New York: Peter Lang.
11. Stebbins R. (2013). Homo Otiosus: Who is this creature, does it exist, should it matter? Leisure Studies Association Newsletter, 94(3), 19-21.
12. De Masi D. (2003). Il futuro del lavoro. Milano: Rizzoli.
13. De Masi D. (2017). Lavorare gratis, lavorare tutti. Milano: Rizzoli.
14. Rifkin J. (2014). The Zero Marginal Cost Society: The internet of things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism. London: Palgrave Macmillan
15. Stebbins R.A. (2012). The Idea of Leisure: First Principles. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
16. De Masi D. (2018). Il lavoro nel XXI secolo. Torino: Einaudi.

**МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
«ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИИ»***
**METHODOLOGY OF THE ALL-RUSSIAN SOCIOLOGICAL RESEARCH
“DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF RUSSIA”**

О.В. Кучмаева, Т.К. Ростовская
*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

O.V. Kuchmaeva, T.K. Rostovskaya
*The Institute for Demographical Research,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Рассмотрены подходы к формированию методологии мониторингового социологического исследования «Демографическое самочувствие России», направленного на исследование особенностей демографического поведения россиян и результативности демографической политики. Определение перспектив демографической ситуации и стратегии эффективной демографической политики невозможно без достоверной информации о демографическом поведении россиян. Представлен авторский взгляд на формирование выборочной совокупности и инструментарий исследования.

Approaches to the formation of the methodology of the monitoring sociological study "Demographic well-being of Russia", aimed at studying the

* Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 20-18-00256.

features of demographic behavior of Russians and the effectiveness of demographic policy, are considered. It is impossible to determine the prospects of the demographic situation and the strategy of an effective demographic policy without reliable information about the demographic behavior of Russians. The author's view on the formation of a sample population and research tools is presented.

Ключевые слова: методика социологического исследования, объем выборки, мониторинг, демографическое поведение, демографическая политика, результативность демографической политики

Keywords: methodology of sociological research, sample size, monitoring, demographic behavior, demographic policy, results of demographic policy

Сложность демографической ситуации в России, противоречивость демографического (матримониального, репродуктивного, самосохранительного и миграционного) поведения россиян обуславливает необходимость формирования методики проведения мониторинга национальных демографических проектов и оценки результативности мер демографической политики.

Актуальность исследования представлений различных поколений о семье и семейной политике как ресурсе поддержки и развития потенциала института семьи обусловлена возрастанием в современном обществе интереса к реализации стратегий социальной политики, которая позволит семье эффективно выполнять свои функции в условиях мозаичности моделей семьи и трансформации представлений о желаемых моделях семьи и семейного образа жизни.

Характерной чертой современного состояния института семьи выступают масштабные трансформационные процессы, затрагивающие выполнение семьей всех ее основных функций. Меняется характер взаимодействия семьи с ведущими институтами общества, участвующими в процессе социализации подрастающего поколения. Динамические изменения формируют межпоколенческие различия в представлениях о семье, семейных ценностях, линиях демографического поведения.

В контексте понимания процессов, происходящих с институтом семьи, важно выяснить, что молодые люди понимают под семьей как таковой, с чем в глазах молодежи ассоциируется институт семьи.

Ценность семьи в системе ценностей человека не остается неизменной. Анализ проведенных социологических исследований позволяет говорить о смещении ценностных моделей в сторону индивидуализации, включающие такие качества, как личный успех и независимость. Ориентация на личную независимость выступает главной альтернативой собственно семейным ценностям. Предпочтение необязательного дружеского общения обязательным внутрисемейным и родственным контактам – лишь одно из направлений этой

ориентации. Судя по тенденциям эволюции семейной структуры населения, эта ориентация усиливается.

Уровень и динамика рождаемости в значительной мере определяют характер воспроизводства населения, его естественный прирост, а, следовательно, и динамику численности населения.

Ответ на вопрос, в какой степени различные причины повлияли на динамику рождаемости, может дать социологическое исследование репродуктивного поведения, его детерминации. Эта задача представляется, безусловно, актуальной как с точки зрения оценки перспектив изменения рождаемости, разработки демографических прогнозов, так и с точки зрения оценки результативности демографической политики.

Актуальность оценки результативности демографической политики в отношении рождаемости определяется необходимостью ее учета для корректного определения перспектив динамики рождаемости, и, видимо, в еще большей мере необходимостью на основе такой оценки определения пути совершенствования направлений и мер демографической политики.

Основной тенденцией динамики смертности в России является рост продолжительности жизни, что может быть обусловлено как снижением смертности от отдельных причин, так и увеличением среднего возраста умерших, то есть удлинением сроков жизни до наступления смерти от хронического заболевания или травмы.

В настоящее время с использованием данных статистики невозможно разделить результативность мер, направленных на предотвращение заболевания (продолжительность здоровой жизни), и мер, ориентированных на повышение доступности и качества медицинской помощи (продолжительность и качество жизни хронических больных и инвалидов). Однако эта информация может быть получена по результатам социологического исследования.

Миграция представляет собой сложное и интересное общественное явление, которое отличается значительными масштабами и разнообразием. Она представляет собой один из лучших индикаторов социально-экономического благосостояния общества – это своего рода способ голосования населения ногами. Исследование миграционного поведения российского населения и международных мигрантов имеет важное практическое значение для реализации экономической, демографической и миграционной политики.

Объектом исследования демографического поведения россиян выступили представители различных поколений (возрастных групп) жителей России: респонденты в возрасте от 18 до 50 лет.

Выбор возрастной структуры объекта исследования обусловлен, во-первых, необходимостью сравнения взглядов различных возрастных групп,

выявлением поколенческих различий в демографическом поведении россиян. Кроме того, лица в возрасте 18–50 лет характеризуются значительной миграционной активностью, это люди бракоспособного и репродуктивного возраста, модели самосохранительного поведения которых в значительной степени влияют на уровень заболеваемости и смертности населения.

Предмет исследования – представления различных поколений о моделях демографического поведения, семейной и демографической политике.

Цель исследования – выявить тенденции и специфику трансформации представлений о моделях демографического поведения семьи и семейной, демографической политики у разных поколений для формирования эффективных стратегий реализации национальных демографических проектов.

Реализация исследовательского проекта предполагает проведение выборочного социологического исследования в регионах России путем анкетного опроса.

В опросе будет реализована многоступенчатая типологическая выборка, где на первом этапе будут отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населенные пункты). На втором этапе в каждом из выбранных регионов будет осуществлен систематический отбор (квотная выборка с учетом возрастных групп респондентов, пола, сферы профессиональной деятельности).

Путем использования многоступенчатой выборки будет обеспечена высокая точность результатов, доверительный интервал расчета данных составит для общероссийской выборки $\pm 0,4\%$ (при уровне достоверности 99,7%), для региональных выборок $\pm 4\%$ (при уровне достоверности 95,4%). Результаты будут репрезентативны для России в целом и для включенных в выборочную совокупность регионов.

Исследование будет проведено в следующих регионах России: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Коми, Республика Крым, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Приморский край, Ставропольский край, Хабаровский край, Вологодская область, Волгоградская область, Ивановская область, Ленинградская область, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область, Новосибирская область. Общий объем выборочной совокупности составит около 13 тыс. человек.

Для формирования инструментария исследования будет использована следующая система индикаторов, позволяющая решить задачи исследования:

Оценка экономического положения семьи; Оценка жилищных условий; Жизненные ценности; Место семьи в системе ценностей; Характеристика образа жизни; Характер взаимоотношений в семье, межпоколенных взаимоотношений; Отношение к моделям семьи; Идеальная модель семьи; Желаемое число детей; Ожидаемое число детей; Помехи к рождению детей; Причины откладывания рождения; Протогенетический и интергенетические интервалы; Линии репродуктивного поведения; Возраст при рождении детей каждой очередности; Мотивы рождения детей; Самооценка состояния репродуктивного здоровья; Отношение к новым репродуктивным технологиям; Возраст при вступлении в брак; Отношение к регистрации брака; Отношение к моделям брачной и семейной жизни; Состояние здоровья; Мотивы и факторы самосохранительного поведения; Миграционная мобильность; Значимость семейной и демографической политики; Оценка эффективности семейной и демографической политики; Перспективные направления семейной и демографической политики; Оценка влияния семейной и демографической политики на принятие решений в сфере репродуктивного поведения.

В результате реализации научного проекта будет получена актуальная информация об особенностях демографического (матримониального, репродуктивного, самосохранительного и миграционного) поведения россиян и влияющих на него факторов, возможной роли демографической политики в трансформации моделей демографического поведения. Проведение исследования в режиме мониторинга даст возможность для подготовки периодических национальных демографических докладов.

В частности, использование предлагаемой программы позволит получить характеристики: брачного (матримониального) поведения россиян; рождаемости и репродуктивного поведения; условий, качества жизни и проблем российской семьи; желаемой модели семьи, семейных и внесемейных ценностей; самосохранительного поведения россиян; миграционной подвижности и ее перспектив; оценки семейной и демографической политики, желаемых направлений и мер; рекомендации по формированию семейной и демографической политики с учетом потребностей россиян.

Проведение социологического исследования в режиме мониторинга по предлагаемой программе позволит заполнить лакуны в необходимой информации об особенностях демографического поведения россиян, их потребностях и оценке мер демографической политики. Это даст возможность объективного анализа результативности мер демографической политики и их возможной корректировки. Используемый подход к формированию

выборочной совокупности будет гарантировать репрезентативность результатов в контексте регионов, участвующих в исследовании, а также по России в целом.

Список литературы

1. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. М.: Экон-Информ, 2019. 218 с.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. Пер. с польского. М.: Логос, 2008. 664 с.
4. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6-17.
5. Бессонова О.Э. Институциональная дилемма современной России // Экономическая наука современной России. 2018. № 4. С. 23-36.
6. Бессонова О.Э. Институциональная матрица социального государства и демократии в России // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 3. С. 50-67.
7. Кирдина-Чэндлер С.Г. К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. 2019. Т. 28. № 2. С. 6-24.
8. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011. 974 с.
9. Boltanski L, Thevenot L Les economies de la grandeur. Paris, 1987. 367 p.
10. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический проект, 2011. 592 с.
11. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Издательство Московского университета, Издательство Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
12. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.

**ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОФЕССИИ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
**TRADITIONAL PROFESSIONS IN THE PROCESS OF DIGITALIZATION:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

*В.А. Мансуров
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

*Е.А. Шатрова
Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российский государственный социальный университет, г. Москва*

*V.A. Mansurov
Institute of Sociology,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*
*E.A. Shatrova
Institute of Sociology,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences,
Russian State Social University, Moscow*

В современном динамично развивающемся цифровом обществе все большее количество «классических», традиционных профессий стремятся соответствовать прогрессу и переходить на новый уровень функционирования. 2020 год во многом стал определяющим, многие отрасли столкнулись с полной неготовностью функционировать в новом формате. Однако уже сейчас можно делать первые выводы о тенденциях в трансформации профессий.

In today's dynamically developing digital society, an increasing number of "classic", traditional professions are striving to match progress and move to a new level of functioning. In many ways, 2020 has become a defining year, and many industries are faced with a complete lack of readiness to function in the new format. However, it is already possible to draw the first conclusions about trends in the transformation of professions.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, трансформация, цифровизация, удаленная работа, карантин, самоизоляция

Keywords: professional activity, transformation, digitalization, remote work, quarantine

С развитием инновационных технологий наметилась явная тенденция активного использования информационных ресурсов во многих профессиональных областях и сферах. Возникло большое количество новых

профессиональных отраслей именно в онлайн формате, а также большое количество представителей традиционных профессий стали активно использовать в работе сеть Интернет и другие вспомогательные ресурсы.

Под традиционными профессиями мы подразумеваем учителей, преподавателей, писателей, врачей, актеров, музыкантов, инженеров, то есть те профессии, которые существуют уже не одно тысячелетие в том или ином виде. Для многих из этих профессий процесс цифровизации кажется достаточно затруднительным и сложно осуществимым. Однако прогресс вносит свои коррективы, и уже достаточно давно и успешно существует электронное образование (образование с использованием электронных технологий), которое постепенно трансформируется, в том числе, в дистанционное образование. Эффективность такого образования вызывает множество споров среди экспертов, но нельзя отрицать, что данный тип образования открыл совершенно новые возможности многим категориям граждан, таким как: маломобильные категории граждан, жители удаленных регионов, дети с особенностями развития.

До недавнего времени подобные трансформации и развитие в мире профессий носили постепенный, планомерный характер. Однако в связи с общемировой эпидемиологической ситуацией меры пришлось изменить на радикальные, а изменения стали происходить разительно. Представители традиционных профессий столкнулись с неготовностью к резкому переходу на радикально иной формат работы. После объявления всеобщего карантина у людей не осталось выбора, кроме как перевести всю деятельность на онлайн платформы и продолжить работу там. На этом этапе были выявлены следующие проблемы: отсутствие должного уровня связи во многих регионах, недостаточное техническое оснащение, необразованность населения в использовании новых технологий, а также отсутствие качественных онлайн платформ.

Представители совершенно разных профессиональных сфер были вынуждены резко перейти на удаленную работу. При этом готовы к таким мерам оказались далеко не все. В частности, большое влияние произошло на образовательную сферу, и уже сейчас можно говорить о грядущем кризисе в образовании как о результате текущей работы в данной сфере. По данным исследования Talis, проводимого в 2018 г., средний возраст российского учителя составляет 45-46 лет, однако с каждым годом данный показатель растет, и средний возраст учителей повышается. Представителям данной и более старшей возрастных категорий не свойственна работа онлайн настолько, насколько она стала необходима во время всеобщей самоизоляции. Важно отметить, что в этом нет не только их вины, поскольку отсутствует должный

уровень дополнительного технологического обучения (повышения квалификации) во многих регионах, но и ранее отсутствовала в этом острая необходимость. И даже экстренно получив новое оборудование, многие учителя столкнулись со сложностями в его использовании. Ученики, со своей стороны, тоже во многом оказались не готовы обучаться по-новому вне социума, особенно это касается детей младшего школьного возраста. Например, при отсутствии специализированного видеоборудования (веб-камеры) у ученика учителю просто не представляется возможным контролировать действия и поведения обучаемого.

С другой стороны, у данного резкого технологического перехода есть много положительных аспектов. Специалисты во многих сферах не были готовы к такому резкому переходу, и даже программисты и системные администраторы не всегда могли решить проблемы, связанные с перегруженностью сайта. Но плавный переход к цифровизации способен занять не один десяток лет, а уже сейчас многие научились успешно функционировать в таком принципиально новом формате. Появилось большое количество онлайн-школ, специализирующихся на разных аспектах образования. У людей появилась возможность не потерять рабочее место, например, учителя смогли перейти, в том числе, на онлайн-формат репетиторства. Большое количество студентов из регионов получили возможность удаленного поступления в крупные вузы в больших городах, благодаря дистанционной (онлайн) сдаче вступительных испытаний, а также дистанционному формату учебы.

Трансформировать свою деятельность стало возможным и для представителей творческих профессий. Артисты отмечают, что удалось проводить концерты и играть спектакли с помощью видеосвязи, хотя это и было затруднительно, непривычно, а также стало причиной серьезных финансовых потерь. Однако некоторые из них смогли приспособиться к новым условиям и начали проводить различные вебинары и мастер-классы онлайн, что хоть как-то смогло восполнить финансовые издержки. В целом, одними из основных видов деятельности онлайн считаются образовательная, а также творческая деятельность различной направленности.

Тенденция перехода на новый формат профессиональной деятельности прослеживалась уже в течение нескольких лет, вероятно, был необходим подобный вынужденный импульс извне, чтобы процесс цифровизации проходил быстрее, пусть и достаточно «болезненно». Однако стоит отметить, что большинство «новых» онлайн-профессий базируются, все же, на традиционных, поэтому, несмотря на еще не привычный формат работы, традиционные профессии по-прежнему сохраняют лидирующие, ключевые позиции в современном мире профессий.

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ (ВОЛОНТЕРОВ)
К ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**VOLUNTEER INVOLVEMENT AT A SOCIAL SERVICE ORGANIZATION
IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Т.Э. Петрова

*Департамент культуры, спорта, туризма и национальной политики
Правительства Российской Федерации, г. Москва*

T.E. Petrova

*Department of Culture, Sports, Tourism and of the National Policy,
The Government of the Russian Federation, Moscow*

Рассматриваются вопросы государственной поддержки добровольчества (волонтерства).

The article presents experience of support of volunteers.

Ключевые слова: государственная поддержка, взаимодействие, добровольчество (волонтерство)

Keywords: state aid, cooperation, volunteers

В Российской Федерации социальное обслуживание с 2015 г. осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания в Российской Федерации» [1].

В соответствии с пунктом 20 статьи 8 Федерального закона организация поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, благотворителей и добровольцев (волонтеров) в сфере социального обслуживания, осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Привлечение добровольцев (волонтеров) в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной форме, в полустационарной форме, в форме социального обслуживания на дому, осуществляется субъектами Российской Федерации в рамках данных им полномочий самостоятельно.

Во исполнение пункта 2 Плана реализации Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года от 20 июня 2019 г. № 5486п-П44 [2] Минтрудом России проанализированы механизмы взаимодействия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями в сфере социального обслуживания и здравоохранения [3].

По предоставленной органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации информации о привлечении добровольцев (волонтеров) к организации социального обслуживания, в регионах наблюдается рост числа граждан, участвующих в добровольческой (волонтерской) деятельности, особенно молодежи и граждан пожилого возраста.

Сегодня добровольческая (волонтерская) деятельность рассматривается как эффективный механизм, направленный на решение актуальных социально значимых проблем, и позволяет расширить спектр социальных услуг, предоставляемых организациями социального обслуживания.

Главной целью проводимых добровольцами (волонтерами) мероприятий является обеспечение социально-психологической поддержки пожилых людей, расширение круга их общения и вместе с тем информирование общественности о проблемах одиночества. Они приносят положительные результаты, улучшают эмоциональное настроение и общее самочувствие пожилых граждан, способствуют сохранению их позитивного отношения к жизни.

В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации (республики Алтай, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Карелия, Крым, Марий Эл, Северная Осетия-Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Чечня, Алтайский, Забайкальский, Краснодарский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский края, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Архангельская, Белгородская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Омская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Сахалинская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская области, города Москва, Севастополь, Санкт-Петербург) добровольцы (волонтеры) осуществляют свою деятельность в организациях социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги в различных формах.

Так, в Республике Марий Эл налажено сотрудничество организаций социального обслуживания с добровольческими (волонтерскими) организациями. Уже более пяти лет добровольцы (волонтеры) региональной молодежной общественной организации поддержки гражданских инициатив Республики Марий Эл «Опора» шефствуют над специальными домами для одиноких престарелых. В ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения в городе Йошкар-Оле» добровольцы (волонтеры) привлекаются для оказания содействия клубу молодых инвалидов. Общение, взаимная поддержка, обмен личным опытом в преодолении различных трудностей, решении социальных и бытовых вопросов, взаимопомощь и

совместная творческая деятельность помогают молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Добровольцы (волонтеры) участвуют в привлечении получателей социальных услуг к регулярным занятиям физической культурой и спортом, организации досуга молодых инвалидов.

В Приморском крае добровольцами (волонтерами) проводятся мероприятия по организации культурно-досуговой деятельности получателей социальных услуг (краевые социальные акции «Поздравь ветерана», «Скажи телефону доверия «Да!», «Детство – счастливая пора», «Молодежь – за мир!», «Мы – за здоровый образ жизни!»). В рамках проекта «Бабушка и дедушка онлайн» студенты обучают граждан пожилого возраста компьютерной грамотности.

В Саратовской области добровольцы (волонтеры) оказывают всестороннюю помощь ветеранам Великой Отечественной войны с осуществлением поздравлений на дому, вручением подарков, изготовленных своими руками. Особое внимание уделяется оказанию социально-бытовых услуг, чествованию ветеранов, тяжелобольных и одиноких граждан на дому.

В Ростовской области в рамках декады пожилых людей проходит чемпионат по компьютерному многоборью среди граждан пожилого возраста «Понятный Интернет» при активном содействии студентов-волонтеров.

На базе Смоленского ГБУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Вишенки» создан ресурсный центр «Перспектива», обучающий добровольцев (волонтеров) работе в социальной сфере, социальной защиты детей-инвалидов. Служба добровольцев (волонтеров) «Милосердие», созданная при Смоленской епархии РПЦ, организует поездки в ГБУ «Ново-Никольский детский дом-интернат для умственно отсталых детей» с целью оказания воспитанникам различных видов помощи.

В Республике Северная Осетия-Алания ГАУСО «Республиканский психоневрологический дом-интернат «Милосердие» привлекает добровольцев (волонтеров) РПЦ и благотворительного фонда «Рука помощи», которые ежеквартально развозят сладкие подарки, а также поздравляют получателей социальных услуг.

Одновременно в указанных российских регионах в добровольческую (волонтерскую) деятельность вовлечены граждане старшего поколения и инвалиды.

В 2018 г. в Тюменской области создана «Штаб-квартира «серебряных» добровольцев», являющаяся единым пространством коммуникации в форме комплекса площадок, на которых возможно непосредственное взаимодействие между добровольцами (волонтерами) старшего возраста, экспертами в области

развития гражданского общества, специалистами предприятий, заинтересованных в развитии корпоративного добровольчества. В регионе реализуется более 20 современных проектов – отряд «Гиды 55+», отряд взаимодействия с ГИБДД «Дорожный патруль 55+», отряд «Собственной безопасности», «Компьютерный мобильный web-отряд волонтеров 55+», отряд «Имиджа и стилистики 55+».

В Москве с 2016 г. на базе центра физической культуры и спорта ЗАО функционирует клуб «Зарядка», созданный для укрепления организма, физической подготовки людей пожилого возраста.

Специалисты региональной общественной организации «Федерация скандинавской ходьбы Удмуртии» проводят обучающие мастер-классы для граждан пожилого возраста и состоящих на социальном обслуживании инвалидов.

В Ростовской области во всех муниципальных образованиях в рамках празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне проводятся месячники добровольческого (волонтерского) движения, в ходе которых представители молодежных объединений совместно с социальными работниками и сотрудниками администраций сельских поселений оказывают ветеранам Великой Отечественной войны, вдовам ветеранов и одиноким пожилым людям различные виды помощи – приводят в порядок территорию дворов и приусадебных участков, проводят уборку жилых помещений, мелкий ремонт домов, посадку саженцев и цветов, доставку продуктов и лекарств.

В Забайкальском крае реализуется программа Ассоциации волонтерских центров «Молоды душой», создающая необходимые условия для популяризации добровольчества (волонтерства) с помощью социальной рекламы, разработки и производства тематической информационной раздаточной продукции, проведения тематических мероприятий.

Как видим, социальное добровольчество (волонтерство) в российских регионах развивается и приобретает большую значимость и масштабность.

В октябре 2019 г. Минтрудом России в субъекты Российской Федерации направлены рекомендации по разработке порядков взаимодействия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания граждан, в том числе их территориальных органов, подведомственных им организаций социального обслуживания с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями [4].

Список литературы

1. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/.
2. План реализации Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года от 20 июня 2019 г. № 5486п-П44. URL: <http://static.government.ru/media/files/E4nlpcxFWNk0ASI8AIqh7UvztBJ8FMel.pdf>.
3. Письмо Минтруда России от 22 ноября 2019 г. № 12-3/10/П-10551. URL: <https://www.referent.ru/1/354738>.
4. Письмо Минтруда России от 16 октября 2019 г. № 12-3/10/В-8650. URL: <https://mintrud.gov.ru/>.

ВТОРАЯ ВОЛНА ДЕПОПУЛЯЦИИ В РОССИИ И АКТИВИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ SECOND WAVE OF DEPOPULATION IN RUSSIA AND INTENSIFYING POPULATION POLICY

С.В. Рязанцев

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

S.V. Ryazantsev

*The Institute for Demographical Research,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Рассмотрены основные направления научных исследований и структура созданного в июне 2020 г. Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Выявлены основные показатели второй волны депопуляции в России, цели демографической политики РФ до 2025 г., в том числе наращивание населения и повышение качества жизни населения как национальная идея.

The main directions of scientific research and the structure of the research institute established in June 2020 were discussed. The Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences. The main indicators of the second wave of depopulation in Russia, goals of the demographic policy of the Russian Federation until 2025, including population growth and improving the quality of life as a national idea, are revealed.

Ключевые слова: вторая волна депопуляции, демографическая политика РФ, ресурсы демографического развития России, семейные ценности, миграция

Keywords: the second wave of depopulation, demographic policy of the Russian Federation, resources of demographic development of Russia, family values, migration

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН создан на базе Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН приказом № 55 от 1 июня 2020 г.

Структура института:

- Отдел теории и методологии демографии;
- Отдел исторической демографии;
- Отдел семьи и семейно-демографической политики;
- Отдел рождаемости и репродуктивного поведения;
- Отдел здоровья и самосохранительного поведения;
- Отдел воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения;
- Отдел геоурбанистики и пространственной демографии;
- Отдел миграции и миграционной политики;
- Отдел этнодемографических и интеграционных процессов;
- Отдел исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС;
- Отдел демографической безопасности и моделирования демографических процессов;
- Отдел правового обеспечения социально-демографических процессов;
- Лаборатория международных демографических исследований.

Направления научных исследований:

- история и теория демографических и миграционных исследований в российской и зарубежной науке;
- особенности репродуктивного и брачного поведения, рождаемости, трансформации семейных отношений и института семьи, эволюция семейно-демографической политики в России и зарубежных стран;
- динамика здоровья и самосохранительного поведения, продолжительности жизни и смертности населения России и зарубежных стран;
- особенности миграционного поведения населения, тенденции внутрироссийской и межгосударственной миграции, последствия миграционных процессов в России и зарубежных странах;
- социальные, этнические и этноконфессиональные особенности демографических и миграционных процессов в России и зарубежных странах;
- актуализация концепций и положений демографической и миграционной политики, мониторинг и оценка результативности мер демографической и миграционной политики в России;

- моделирование и прогнозирование численности и демографических структур населения России и зарубежных стран на краткосрочную и долгосрочную перспективу;
- демографические аспекты пространственного развития, тенденции расселения населения и урбанизационных процессов в России и зарубежных странах;
- совершенствование методологии статистического учета демографических и миграционных процессов в России.

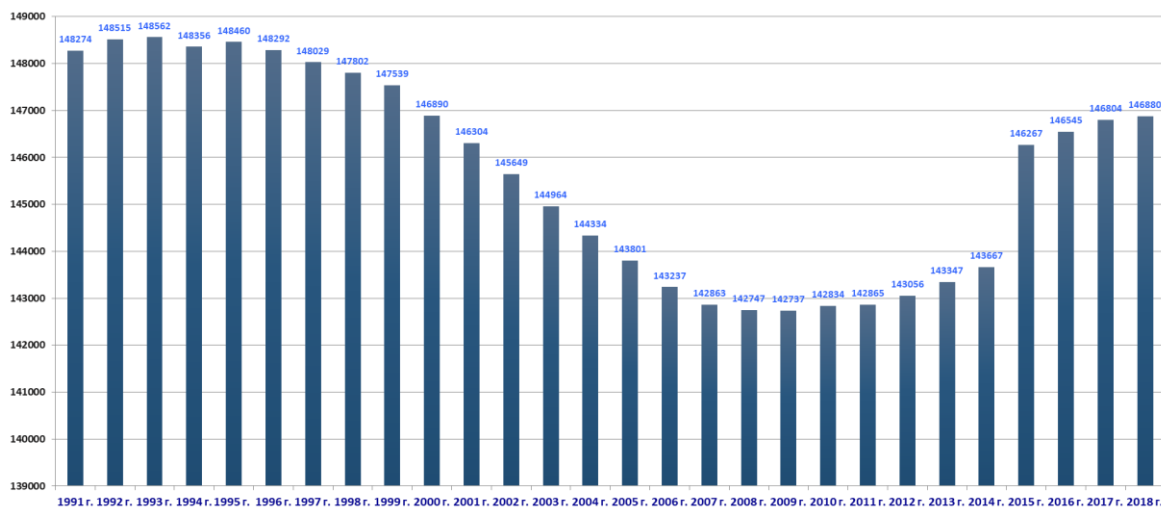

Рис. 1. Динамика численности населения России в 1991-2019 гг., тыс. человек (на начало года)
на 01.01.2019 г. – 146 780,7 тыс. человек
на 01.01.2020 г. – 146 748,6 тыс. человек

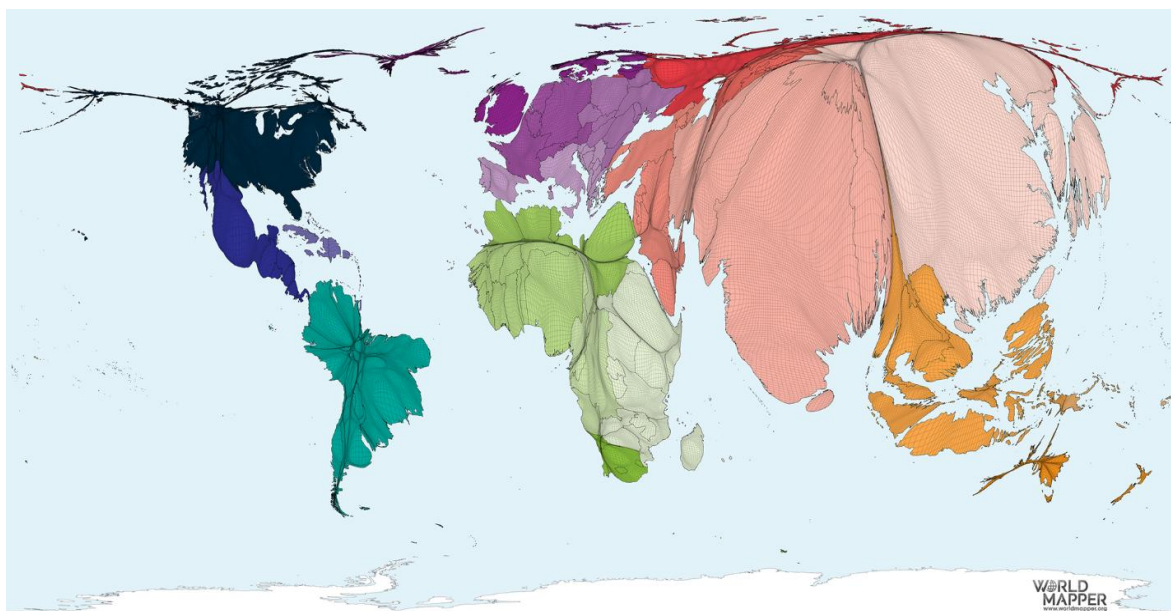

Рис. 2. Численность населения стран мира в 2020 г. [1]

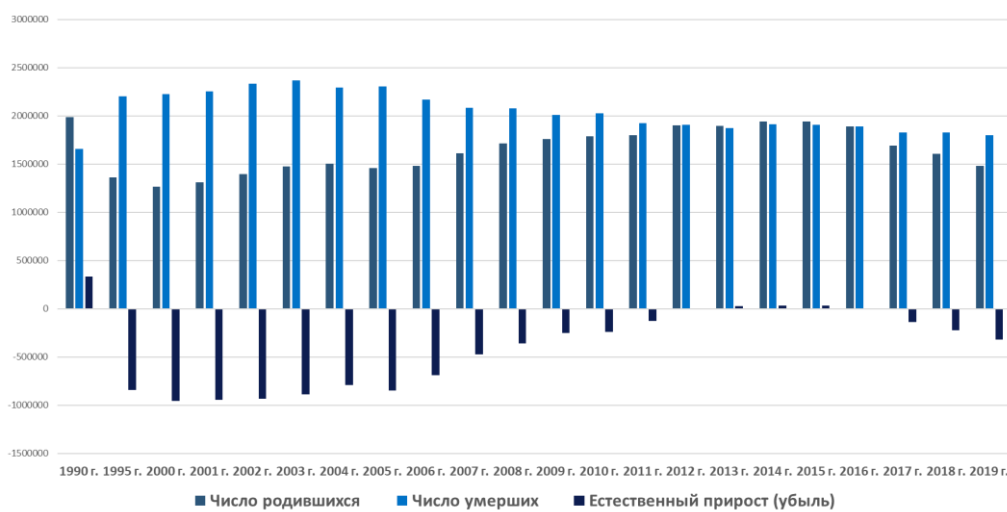
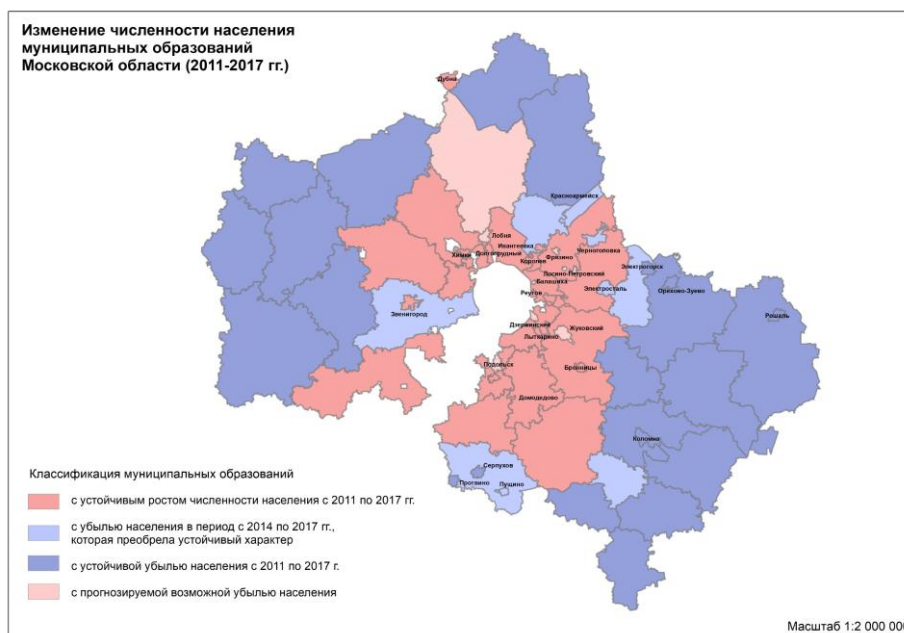
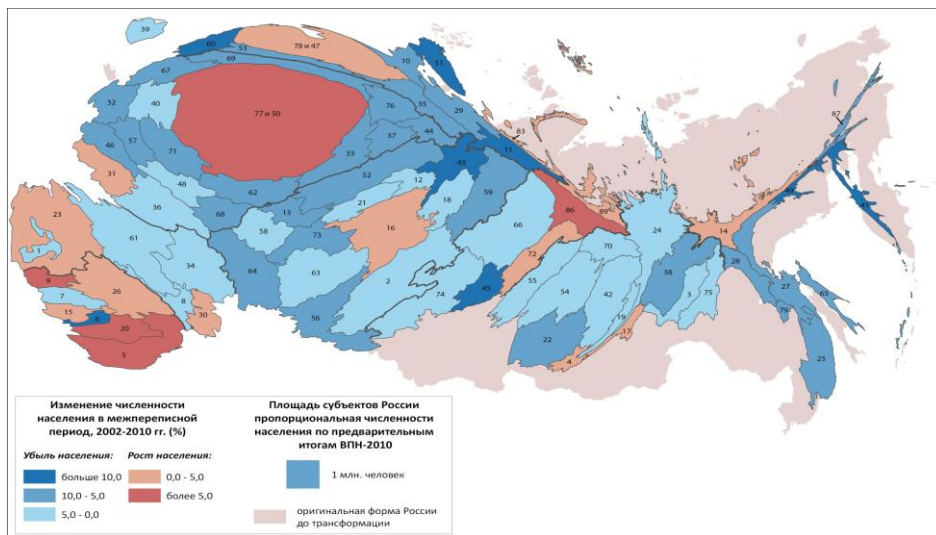

Рис. 3. Компоненты естественного прироста (убыли) населения России в 1990-2019 гг., тыс. человек

Вторая волна депопуляции в России с 2016 г.

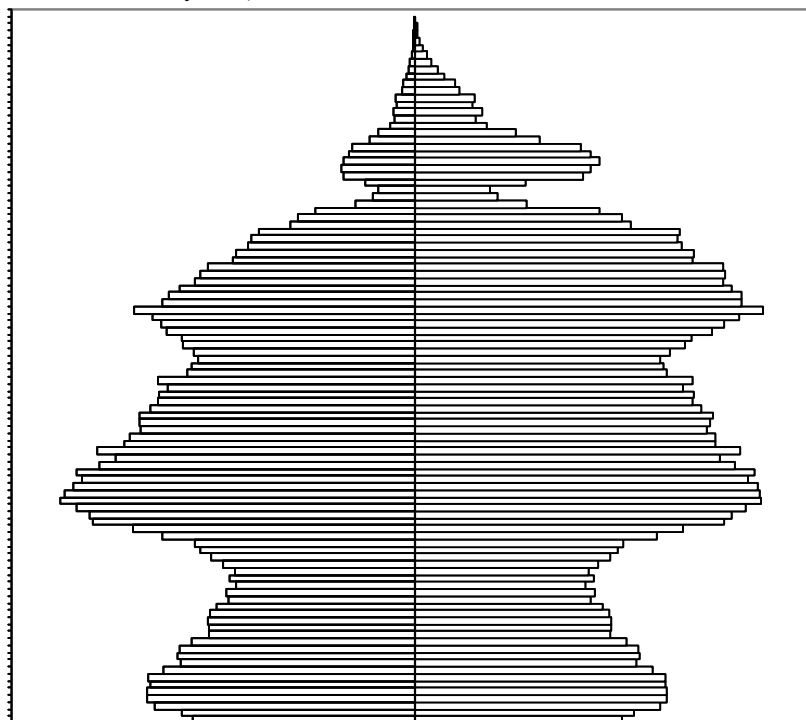
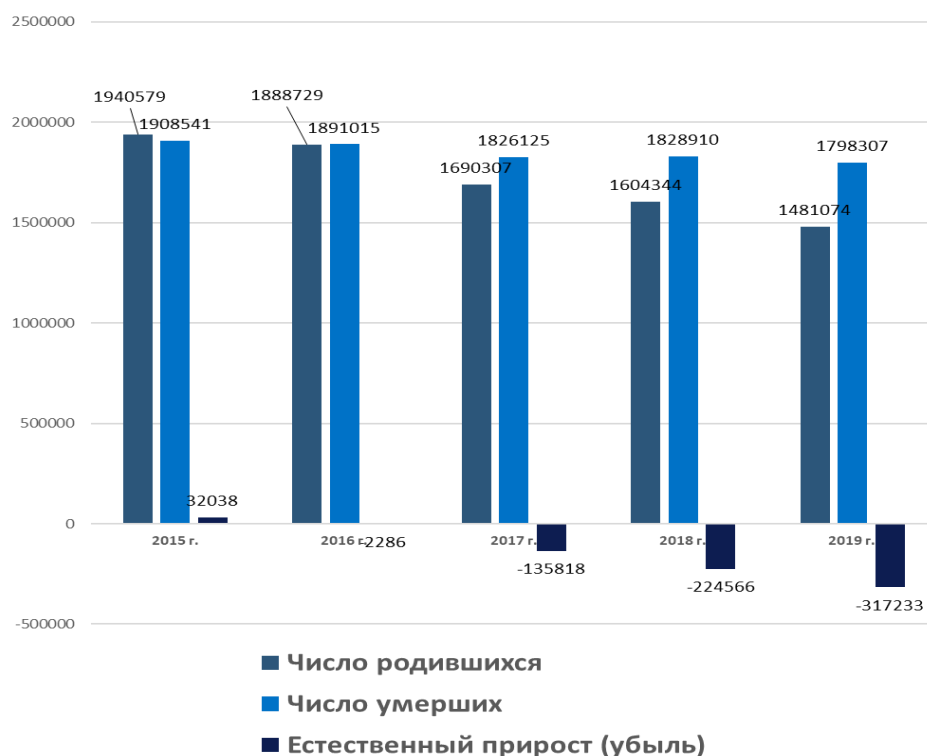

Рис. 4. Половозрастная пирамида 2019 г.

Проявления второй волны депопуляции в России

- во-первых, сокращение численности женщин репродуктивного возраста, что чревато более глубоким падением уровня рождаемости в стране в краткосрочной перспективе;
- во-вторых, сокращение возрастной когорты людей трудоспособного возраста, что усугубляет дефицит трудовых ресурсов на российском рынке труда;
- в-третьих, ускорение тенденции старения населения, что вызывает необходимость увеличения пенсионных выплат и дефицит средств в Пенсионном фонде РФ;
- в-четвертых, сокращение когорты молодежи, что чревато проблемами наполнения вузов и армии;
- в-пятых, снижение потенциала здоровья населения, что вызывает отставание темпов прироста ожидаемой продолжительности жизни россиян;
- в-шестых, сокращение миграционного потенциала в странах бывшего СССР, что будет уменьшать возможности компенсации депопуляции за счет миграционных ресурсов.

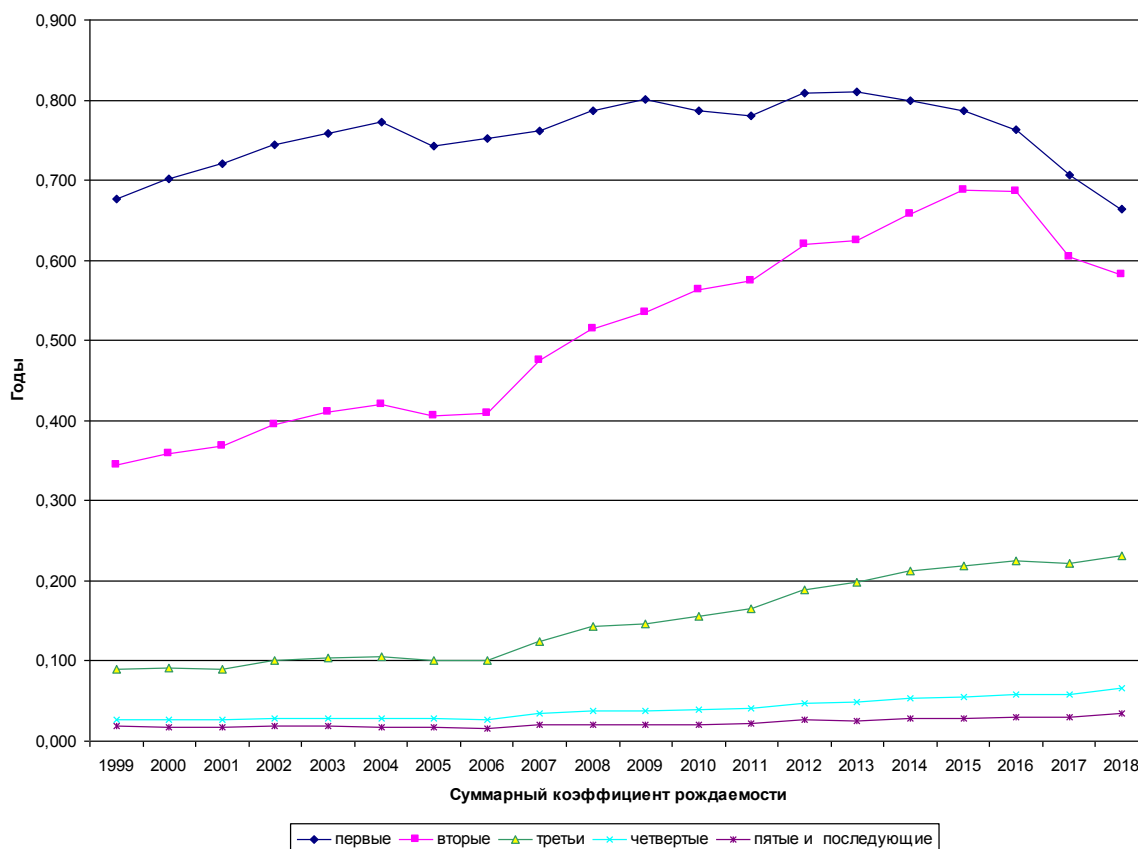

Рис. 5. Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения в России в 1999-2018 гг.

2017 г.	[REDACTED]	453026
2016 г.	[REDACTED]	453026
2015 г.	[REDACTED]	453026
2014 г.	[REDACTED]	429409
2013 г.	[REDACTED]	408961
2012 г.	[REDACTED]	387640
2011 г.	[REDACTED]	365698
2010 г.	[REDACTED]	343749
2008 г.	[REDACTED]	276250
2007 г.	[REDACTED]	250000

Рис. 6. Размер материнского (семейного) капитала в России в 2007-2017 гг., руб.

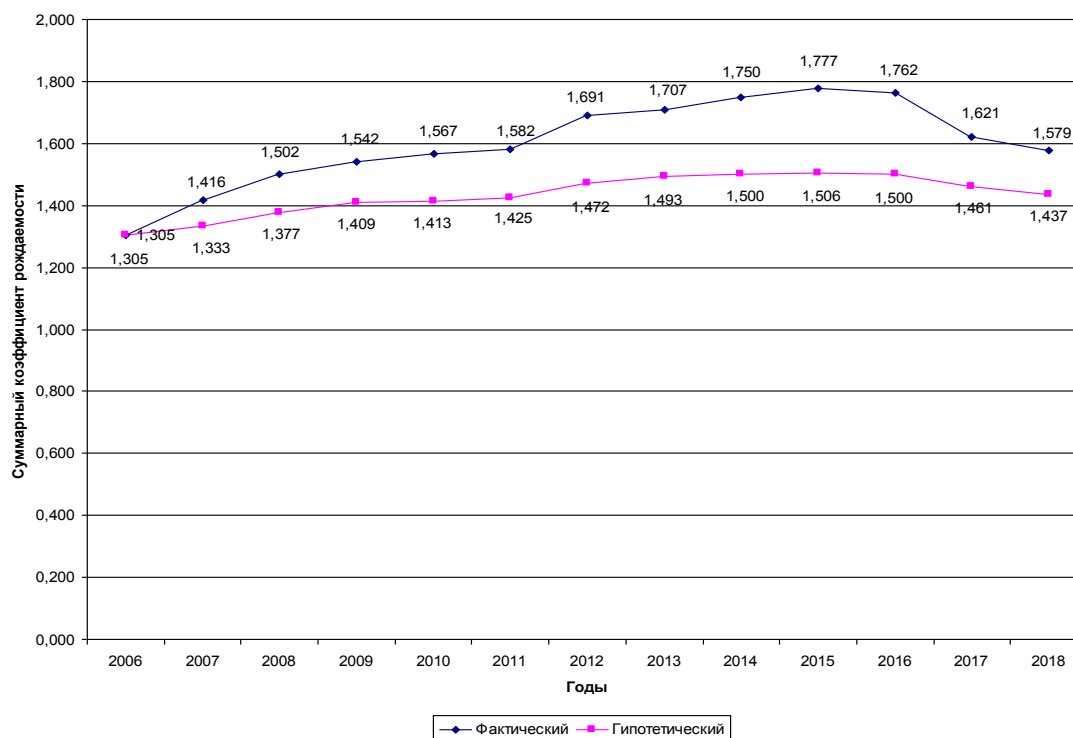

Рис. 7. Фактический и гипотетический суммарный коэффициент рождаемости в России в 2006-2018 гг.

Материнский капитал – 2020 г.

В Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г. Президент РФ В.В. Путин сказал:

«Нам необходимо поддержать молодых людей, тех, кто начинает семейную жизнь и, уверен, мечтает о детях. В этой связи хотел бы предложить новые, дополнительные решения по материнскому капиталу...» [2].

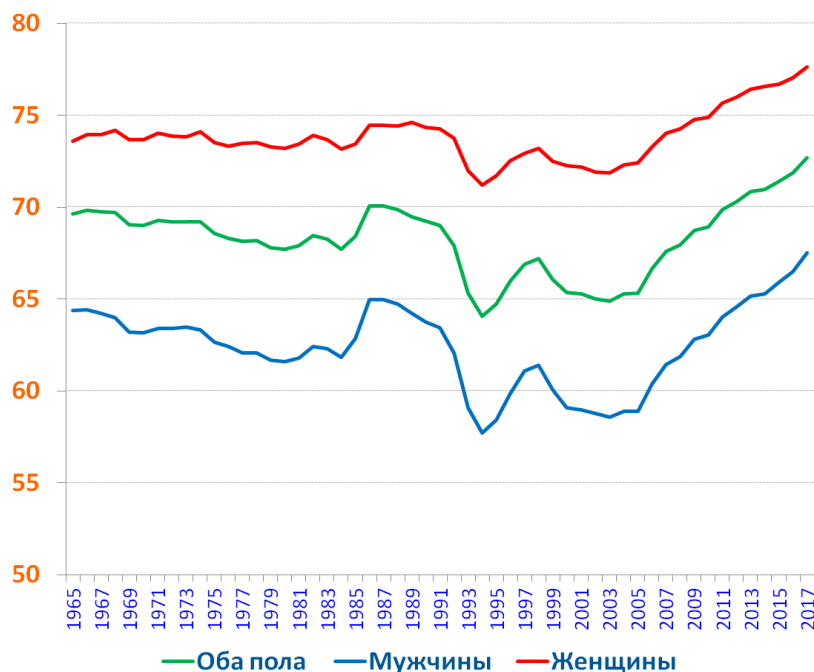
«Уже при рождении первенца семья получит право на материнский капитал в его сегодняшнем объёме. После индексации с января 2020 года – это 466 617 рублей. Именно столько до сих пор полагалось при рождении второго или последующего ребёнка. Такая поддержка даст возможность семье подготовиться к рождению второго ребёнка.

Но считаю, что в современных условиях и этого мало, с учётом тех демографических вызовов, с которыми сталкивается страна, недостаточно. Можно и нужно сделать больше. Предлагаю увеличивать материнский капитал ещё на 150 тысяч рублей. Право на эти дополнительные средства к материнскому капиталу семья получит при рождении уже второго ребёнка.

Таким образом, общий размер материнского капитала для семьи с двумя детьми составит 616 617 рублей. И в дальнейшем он будет ежегодно индексироваться.

При этом считаю, что если в семье сейчас есть ребёнок, то после рождения второго материнский капитал должен предоставляться ей уже в новом, увеличенном размере. А это, как уже сказал, 616 617 рублей» [2].

Динамика продолжительности жизни населения России за полвека

Концепция демографической политики РФ обозначила ориентиры роста СПЖ: к 2015 г. – 70 лет, к 2025 г. – 75 лет. Фактическое значение в 2017 г. – 72,7. Новый ориентир в послании президента РФ – 80 лет к 2030 г. В предстоящие до 2030 г. 13 лет СПЖ должна вырасти еще на 7,3 года с ежегодным приростом 0,6 года, аналогично периоду 2005-2017 гг.

Резервы снижения смертности и роста продолжительности жизни населения в России

Четыре основных измерения резервов:

- Гендерное соотношение (мужская сверхсмертность).
- Возрастной аспект (трудоспособные возраста).
- Региональный аспект (сокращение диспропорций за счет приоритетного развития неблагоприятных территорий).
- Социальное измерение (сокращение неравенства в здоровье, связанного с чрезмерной дифференциацией в уровне жизни и доходах).

Без целенаправленных усилий на группы риска – мужчин трудоспособного, прежде всего, младшего трудоспособного возраста, экономически неблагоприятные территории и социальные группы с низким образованием, занятых низко квалифицированным трудом или неработающих, рост продолжительности жизни в России может не набрать темпов, необходимых для достижения уровней в 80 лет к 2030 г.

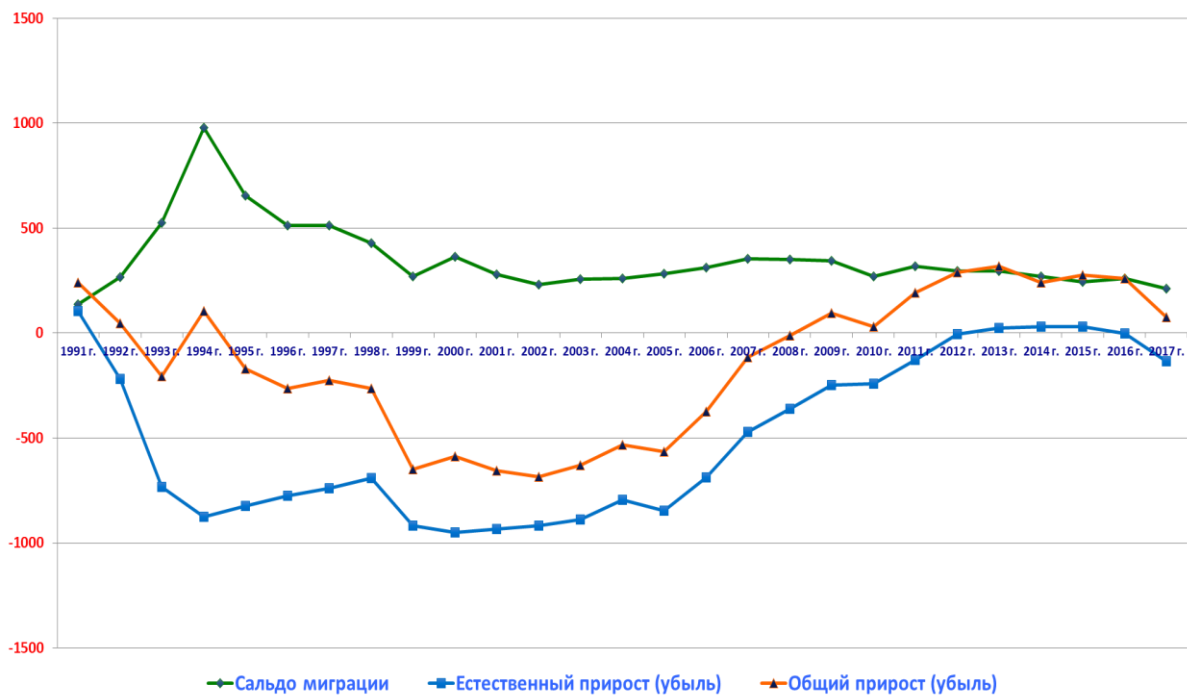

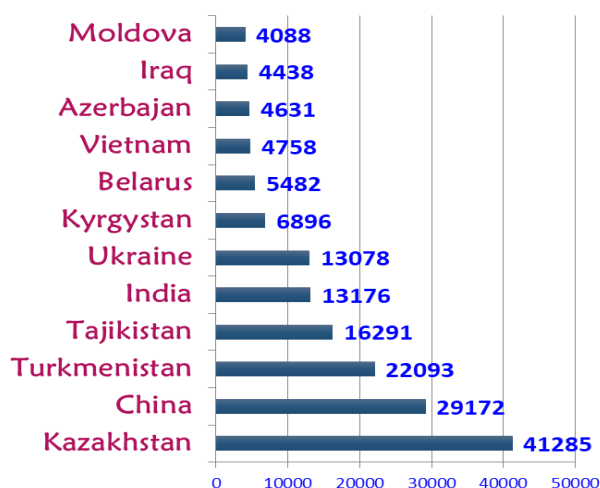
Рис. 8. Компоненты демографической динамики России в 1991-2017 гг., тыс. человек за год

Иностранные студенты в России

Academic year	Total	From Asia	From China	From Vietnam
2003-2004	67 784	25 581	7 895	3 773
2004-2005	82 251	31 675	12 428	4 794
2005-2006	86 875	33 677	13 150	4 917
2006-2007	93 742	36 011	13 639	4 651
2007-2008	101 182	39 186	15 502	4 656
2008-2009	108 565	41 313	17 081	3 750
2009-2010	108 084	38 565	16 178	3 311
2010-2011	118 730	39 178	16 486	3 628
2011-2012	125 538	37 306	15 620	3 969
2012-2013	139 578	39 162	16 385	4 091
2013-2014	156 211	41 722	18 269	4 331
2014-2015	183 065	45 201	20 209	4 676
2015-2016	200 750	48 739	22 261	4 548
2016-2017	229 320	57 362	26 775	4 866
2017-2018	256 864	64 621	29 172	4 758

12 стран – крупнейших поставщиков иностранных студентов в Россию в 2017/18 учебном году.

Целями демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года являются стабилизация численности населения к 2015 году на уровне 142-143 млн. человек и создание условий для ее роста к 2025 году до 145 млн. человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 году до 70 лет, к 2025 году – до 75 лет.

Достижение целей демографической политики Российской Федерации в значительной степени зависит от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития, включая обеспечение стабильного экономического роста и роста благосостояния населения, снижение уровня бедности и уменьшение дифференциации по доходам, интенсивное развитие человеческого капитала и создание эффективной социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальная защита населения), рынка

доступного жилья, гибкого рынка труда, улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки.

Демографические показатели на 2015 г., установленные “Концепцией демографической политики РФ” и фактически достигнутые в 2012-2016 гг.*

Показатели	Намечены в Концепции	Достигнуты фактически			
		2006 г.	2009 г.**	2012 г.	2015 г.
Численность населения, начало года, млн. человек	142-143	143,2	142,7	143,1	144,0****
Суммарный коэффициент рождаемости, детей на 1 женщину репродуктивного возраста	1,685	1,31	1,54	1,69	1,78
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70,0	66,7***	68,8	70,24	71,39
Сальдо миграции, тыс. человек	Не менее 300	155	247	295	214

Источники: * Демографический ежегодник России: Стат. сборник. М. 2015. С. 15, 45, 46.
 ** Нижняя точка сокращения численности населения. *** С 2006 г. начался рост ОПЖ.
 Уровень ОПЖ в 2005 г. был 65.37. **** Без учета населения Крыма (для сопоставимости цифр).

УТВЕРЖДЕН
 президиумом Совета
 при Президенте Российской Федерации
 по стратегическому развитию
 и национальным проектам
 (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)

П А С П О Р Т

Национального проекта "Демография"

1. Основные положения

Краткое наименование национального проекта	Демография	Срок начала и окончания	1 января 2019 г. - 31 декабря 2024 г.
Куратор национального проекта	Т.А.Голикова, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации		
Руководитель национального проекта	М.А.Топилин, Министр труда и социальной защиты Российской Федерации		
Администратор национального проекта	А.В.Вовченко, Первый заместитель Министра труда и социальной защиты Российской Федерации		

СРОКИ РЕАЛИЗАЦИИ: 01.01.2019 – 31.12.2024

ЦЕЛИ И ЦЕЛЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ:

1. Увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет
2. Увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 на одну женщину
3. Увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни
4. Увеличение до 55% доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ, ВХОДЯЩИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ:

ИСТОЧНИКИ: 2973,4 млрд руб. — федеральный бюджет,
78,1 млрд руб. — бюджеты субъектов РФ, 53,7 млрд руб. — государственные внебюджетные фонды

НУРАТОР
Т. А. ГОЛИКОВА
Заместитель Председателя
Правительства РФ

РУКОВОДИТЕЛЬ
М. А. ТОПИЛИН
Министр труда
и социальной защиты РФ

АДМИНИСТРАТОР
А. В. ВОВЧЕНКО
Первый заместитель
Министра труда и социальной
защиты РФ

1.1 СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА (НА 1000 ЧЕЛ.)

Базовое значение	2019	2021	2024
38,1	37,6	37,0	36,1

70% охват лиц старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию, к концу 2024 г.

85 субъектов РФ внедрят систему долговременного ухода, социального обслуживания и медицинской помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам к концу 2024 г.

90% пенсионеров, у которых выявлены заболевания и патологические состояния, будут находиться под диспансерным наблюдением к концу 2024 г.

Новые региональные гериатрические центры и геронтологические отделения

Год	Кол-во регионов	Кол-во получающих помощь (тыс. чел.)
2019	71	111
2021	70	140
2024	85	160

Профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование лиц предпенсионного возраста (тыс. чел.)*

Год	Кол-во получивших образование (тыс. чел.)
2019	75
2021	225
2024	450

2 УВЕЛИЧЕНИЕ СУММАРНОГО КОЭФФИЦИЕНТА РОЖДАЕМОСТИ (РОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ НА ОДНУ ЖЕНЩИНУ)

Базовое значение	2019	2021	2024
1,62	1,63	1,66	1,70

* На основании итогов

Фундаментальные основы демографической политики России

1. Негативная демографическая ситуация в России *не является объективно неизбежной*, может и должна быть решена на основе научно- и системно обоснованной политики государства.

2. Нарращивание населения и повышение качества жизни населения *должны стать национальной идеей*.

3. *Необходима координация демографической политики на федеральном и региональном уровнях* (Вице-премьер по демографии, Министерство демографического развития).

4. *Значительным ресурсом демографического развития России может стать миграция* из стран постсоветского пространства и сокращение эмиграционного оттока российского населения за границу.

5. Демографические процессы в России *имеют существенную региональную специфику* (реестр региональных демографических проблем, мониторинг региональных факторов, банк эффективных практик демографической политики в регионах).

6. *Необходима система индикаторов и показателей* в демографической сфере на федеральном и региональном уровне, на основе которых будет оцениваться эффективность решений (результативность демографической политики).

Национальная программа демографического развития России

Направление № 1. Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, улучшение условий для реализации репродуктивных планов, повышение уверенности семей с детьми в будущем.

Рекомендации для федеральной демографической политики

1. Признать труд по рождению и воспитанию детей трудом со всеми гарантиями со стороны государства.

2. Обеспечение доступа семей с детьми к образованию

- сертификаты на дошкольное воспитание, среднее и высшее образование по типу родового сертификата, средства поступают при зачислении ребенка на счет конкретного учебного заведения.

3. Стимулирование корпоративной демографической политики.

4. Развитие инфраструктуры для семей с детьми.

5. Формирование в обществе семейных ценностей, установок на создание полной, состоящей в законном браке, семьи с двумя и более детьми

- демографическая реклама в СМИ;

- поощрение многодетных родителей через награды и конкурсы;

- подготовка специальных передач и фильмов о семье и детях.

Необходимо увеличить государственные расходы на демографическую и семейную политику в России до 2-4% ВВП.

Т а б л и ц а 1

Доля расходов на семейные пособия в ВВП, %

Россия, 1996 г., факт	0,98
Россия, 2004 г., факт	0,3
Требования «Основных направлений государственной семейной политики», Указ Президента № 712 от 14.05.1996 г.	2,2
Россия с 2007г. в соответствии с мерами Правительства РФ	0,7
Развитые страны, в среднем	около 2
Страны Скандинавии, добившиеся успехов в повышении рождаемости	4

Расчеты ООО «Деловая Россия»

Доля расходов на пособия в России остается крайне низкой:

- в 3 раза ниже, чем в кризисном 1996 г.
- и в 6-7 раз ниже, чем в развитых странах

Социальное жилье и адресная помощь семье

Для молодых семей, которые не предполагают брать ипотеку или покупать жилье каким-то иным способом, может быть актуальна следующая форма улучшения жилищных условий. *Семье предоставляется жилье на условиях социального найма.* На выбор семьи - либо однокомнатная квартира полностью бесплатно, либо двухкомнатная, но тогда вторая комната ежемесячно оплачивается по цене найма у частных лиц однокомнатной

квартиры. Жилье предоставляется по договору на два года. Если за это время не рождается ребенок, то семья освобождает квартиру. Если ребенок рождается, то договор продлевается еще на три года. Если за это время не рождается второй ребенок, то семья освобождает квартиру. Если рождается второй ребенок, то договор продлевается еще на три-четыре года. Если за это время не рождается третий ребенок, то семья освобождает квартиру. Если рождается третий ребенок, то семья получает право на бесплатную приватизацию этой квартиры.

Результативность дополнительных мер демографической политики в отношении рождаемости может быть связана либо с их большой значимостью, в т.ч. социальной (как это имело место при введении программы федерального материнского (семейного) капитала), либо с адресностью.

Под адресностью в данном случае понимается не выделение семей по критерию уровня доходов, а учет условий жизнедеятельности, потребностей, репродуктивных намерений конкретных семей, т.е. оказание именно тех видов поддержки, в которых данная семья нуждается.

Если говорить об усилении адресности помощи семьям, то следует иметь в виду, что, видимо, ключевым звеном в определении потребности семьи в тех или иных видах помощи и организации оказания ей этой помощи являются учреждения социального обслуживания семьи и детей, специалисты по социальной работе.

Базы данных по семьям

Целесообразно предусмотреть создание баз данных по семьям, обращающимся в Центры социальной помощи семье и детям и другие учреждения социального обслуживания (на основе анкетирования на добровольной основе), включающих информацию о потребности в тех или видах помощи (бытовая, психологическая, правовая, материальная, помощь в изменении жилищных условий, в трудоустройстве и др.), а также о репродуктивных намерениях.

Использование этих баз данных и совершенствование на их основе работы специалистов по социальной работе с семьей будет способствовать выявлению семей, потенциально готовых к рождению еще одного или нескольких детей, определению условий, которые могли бы способствовать принятию решения о рождении ребенка, оказанию помощи в создании семьям этих условий.

В Профессиональном стандарте специалиста по работе с семьей, утвержденном Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.11.2013 г. № 683н, в числе трудовых функций указаны: «Организация и оказание всесторонней поддержки и адресных услуг, определение видов необходимой помощи детям в разных типах семей для

разрешения трудной жизненной ситуации, преодоления неблагополучия, осуществление на межведомственной основе оказания различных видов помощи», «Проведение мониторинга социокультурного окружения и условий жизни различных типов семей и семей с детьми, планирование программ оказания разных видов помощи и поддержки с целью преодоления риска социального неравенства».

Среди трудовых действий при выполнении данных функций указаны: проведение сбора информации о необходимости оказания адресных услуг различным типам семей с детьми, анализ информации о видах помощи семье с детьми или детям и систематизирование полученной информации, определение видов социально-правовой, психолого-педагогической и медицинской помощи различным типам семей с детьми, разработка индивидуальных программ сопровождения разных типов семей с детьми, создание межведомственной команды для оказания различных видов помощи, координирование действия различных ведомств и учреждений по реализации индивидуальной программы помощи семье и детям и др.; среди необходимых умений – определять потребность в помощи разных типов семьи и детей и подбирать виды помощи, направленные на решение проблем семьи и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, выявлять потенциал и ресурс разных типов семей с детьми и др.

Целесообразно перед внедрением каких-либо дополнительных мер демографической политики в масштабах области апробировать их в отдельных муниципальных образованиях для оценки результативности.

Направление № 2. Улучшение здоровья населения, увеличение продолжительности активной и здоровой жизни, снижение смертности, прежде всего от внешних причин.

1. Государственная политика в сфере производства, оборота и потребления алкоголя.

2. Формирование у населения установок здорового образа жизни и по обеспечению доступности для населения занятий спортом и физической культурой.

3. Пропаганда здорового питания.

4. Снижение уровня смертности населения от травм и острых отравлений.

5. Предотвращение и снижение негативных последствий для здоровья граждан, вызванных недостаточным уровнем их материальной обеспеченности.

6. Предотвращение и снижение негативных последствий для здоровья граждан, вызванных недостаточным уровнем их материальной обеспеченности.

Направление № 3. Стимулирование мобильности трудовых ресурсов, привлечение мигрантов необходимых категорий, привлечение образовательных мигрантов.

1. Связать миграционную политику с демографической политикой. Миграция должна стать одним из компонентов увеличения численности российского населения.

2. Связать миграционную политику с экономической стратегией развития России. Четко оценить потребность в иностранной рабочей силе и с учетом внутренних резервов трудовых ресурсов на основе баланса трудовых ресурсов, снять барьеры на пути трудоустройства иностранных высококвалифицированных специалистов, профессионалов и ученых.

3. Развивать интеграционные программы для мигрантов.

4. Ввести концепт внешней миграционной политики: развивать целевой набор трудящихся-мигрантов в странах донорах, активно приглашать иностранных студентов.

Внешняя миграционная политика – идеология и механизмы активного формирования миграционных потоков, необходимых для социально-экономического и демографического развития России, в том числе, использование потенциала иммигрантов и ресурса «русскоговорящих сообществ» за рубежом.

Список литературы

1. Картографический проект Worldmapper. URL: <https://worldmapper.org/maps/grid-population-2020/>.

2. Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>.

**ЭМАНСИПАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ:
ИЗДЕРЖКИ И ДОСТИЖЕНИЯ***
**THE EMANCIPATION OF A MODERN FAMILY:
COSTS AND ACHIEVEMENTS**

З.Х. Саралиева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Социологический институт
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург*
Z.H. Saralievа
*Lobachevsky University,
The Sociological Institute,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg*

Рассматриваются изменения современной семьи, которые свидетельствуют не только о трансформации моногамной семьи, но при социальном попустительстве могут грозить ее уходом с исторической сцены организации частной жизни человека.

The article examines changes in the modern family that not only show the transformation of a monogamous family, but with social acquiescence may lead to its leaving the historical stage of the organization of a person's private life.

Ключевые слова: эмансипация современной семьи, ее трансформация, качественная устойчивость, принципы-категории прочного брака и успешной семьи

Keywords: emancipation of the modern family, its transformation, qualitative stability, categories-principles of strong marriage and successful family

Радикальные перемены последних 100 лет коснулись не только формационного, институционального уклада, но и частной жизни людей. По-разному, с разной скоростью, с учетом этно-культурно-конфессиональной специфики стран и народов, эти перемены привели к объективному возрастанию роли личности. Права человека – в эпицентре многих социетальных преобразований, которые можно характеризовать как процесс эмансипации–освобождения от зависимости, угнетения, неравноправия[1].

Изменения не могли не затронуть и такой своеобразный социальный институт, как семья, имеющий и свою другую ипостась – малой социальной группы.

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Как ведет себя семья, участвуя в глобальной эмансипации? От каких ограничений, пут она стремится освободиться?

Назовем некоторые проявления, обусловленные и объективными преобразованиями, и стремлением самой семьи к независимости, праву на самостоятельную жизнедеятельность, самоорганизацию. Виды эмансипации семьи: = от обязательности церковного пожизненного брака; = сословных условностей; = родительской воли; = традиционной расширенной семьи. Так родился новый вид семьи – нуклеарной, создаваемой по доброй воле, взаимному чувству, ответственности перед обществом.

Соблазны эмансипации оказались сильнее функциональных обязательств, и «процесс пошел». Значительная часть создающих семейные отношения начали отказываться от официальной регистрации брака, категория «брак и семья» подверглась внутрисвободительному движению: растабуированы добрачные и внебрачные сексуальные отношения; уравнены в правах внебрачные дети; сожителство не ограничивает права родителей на социальную поддержку; набирает силу тенденция «child-free»; замещающее родительство берет на себя обязанности воспитания новых поколений; разводы и повторные браки стали обыденностью; способы разрешения внутрисемейных противоречий далеки от качеств конфликтологической культуры; все меньше нетерпимости и к конкубинату, и к гомосексуальным отношениям.

На этом фоне закономерна непрекращающаяся дискуссия по поводу судьбы моногамии – уход с исторической сцены как организации частной жизни человека или ее закономерная трансформация?

Все социологические замеры показывают, что основная масса россиян по-прежнему ориентирована на брачную, детную, ответственно функциональную, прочную семью.

В этой связи обратимся к двум, на наш взгляд, основным характеристикам семьи – ее устойчивости и качеству внутрисемейных отношений. Очень часто в научных публикациях встречаем категорию «семейное пространство». Следует не забывать и о «семейном времени», так как семье нужно время, чтобы научиться/стать функциональной, адаптироваться к новым ролям, накопить семейный капитал, стать успешной, социально субъектной, то есть активно включенной в социальное поле, адекватной, способной к функциональному самовозрастанию, социально успешной, свободной в самореализации во всех сферах жизнедеятельности.

Уместно здесь обратиться к выведенной П.А. Сорокиным формуле социальной свободы человека, которую правомерно распространить и на семью.

$$\text{Свобода} = \frac{\text{Сумма возможностей}}{\text{Сумма желаний (потребностей)}}$$

Мы свободны, когда числитель больше или равен знаменателю. Два способа достичь или сохранить свободу: 1) либо снижая потребности, делая их соразмерными возможностям; 2) или пропорционально увеличивая и числитель, и знаменатель, если они соразмерны. [2]

Применима сегодня и типологизация П.А. Сорокина социальных отношений: семейственные (взаимная любовь, преданность, жертвенность); свободные договорные (взаимная выгода, лишённые любви или ненависти); принудительные (навязываемые одной стороной).

П.А. Сорокин отмечает в своем комментарии, что семейственными могут быть и отношения между друзьями, не требующими никаких договоров. В то же время подчеркивает, что в семью – в супружеские и детско-родительские отношения проникают договорные начала. [2] Сегодня мы добавим с сожалением, что в немалом количестве семей имеют место проявления принудительных, нередко насильственных способов взаимодействия.

Семья как система, как сообщество подчиняется общим законам систем:

- сохранение себя как социального института и малой социальной группы;
- развитие, совершенствование;
- обладание структурой для обеспечения прочности, самоутверждения;
- трансляция последующим поколениям.

Нередко семья имеет лишь внешнюю атрибутику системы – структуру, а в сфере взаимодействия – отчужденность, враждебность, депривация, одиночество.

Вернемся к процессу приобретения качественной устойчивости, который идет по двум основным каналам – взаимодействие и личностное само-совершенствование главных действующих лиц – супругов/родителей.

Залог серьезного и ответственного отношения к семье и браку – в объективных факторах, к которым отнесем максимально совпадающий социальный статус, ценностные ориентации, сопоставимый опыт родительской семьи, сравнимый уровень образования. Среди субъективных факторов – мотив вступления в брак, установка на ответственное взаимодействие, психологическая устойчивость, неконфликтность.

Сформулируем принципы-критерии прочного брака и успешной семьи:

- = фамилистическая ориентация, семья как терминальная ценность;
- = самоидентификация со своей семейной ролью как индекс социальной позиции, самоуважения, значимости;

= соответствие своей семейной роли:

* овладению ею (знание, умение);

* ответственное исполнение;

* обогащение ролевого репертуара (жена/муж; мать/отец; бабушка/дедушка; дочь/сын; сестра/брат);

= доверие, искренность, открытость, правдивость как основа взаимоотношений; эмпатия, внимательность, толерантность, забота, доброжелательность;

= самореализация во внесемейной сфере, самостоятельность жизнеобеспечения;

= личностное самосовершенствование (наращивание ресурсности, капиталов);

= самоотверженность, преданность семье;

= активное взаимодействие со старшим поколением в случаях осложнения в отношениях супругов, с детьми, между детьми;

= пропорциональное распределение тепла, заботы, внимания между супругами и детьми; явные предпочтения могут осложнить не только супружеские отношения, но и отношения «обделенного» супруга с собственными детьми;

= справедливость и объективность в оценке поступков членов семьи; «слепая» любовь, всепрощение только поощряют неблагоприятное поведение кого-то из членов семьи, ведя к безнаказанности, конфликтам как зародыше предразводных намерений;

= умение принять изменения в проявлении чувств, их большую сдержанность, неизбежное со временем перерастание выразительно сексуально окрашенных в более спокойные эмоциональные отношения, от любви-страсти к любви-уважению-заботе;

= выработка способности рациональной рефлексии как преграды ревности, эмоциональной несдержанности, агрессивности;

= быть всегда рядом, вникать во внесемейные проблемы, упреждать возможные негативные изменения в отношениях, не доводить до открытых конфликтов;

= неконфликтность, уравновешенность, культура вербального и невербального общения, эмоции, сдержанность;

= умение прощать, признавая за другими права на ошибку;

= саморефлексия, самокритичность, осознание/признание своих ошибок, умение просить прощения;

= умение убеждать, успокоить, вдохновить, поощрить без соблазна манипулирования, злоупотребления доверием и чувствами членов семьи;

= в трудной жизненной ситуации умение просить о поддержке, помощи, не доводить отношения до эмоционально-психологического истощения;

= противодействие внешнему вмешательству, негативному влиянию третьих лиц, защита своего семейного жизненного пространства;

= не только любовь, но глубокое уважение ко всем членам семьи, они не должны быть выборочными;

= совместное решение возникающих проблем и трудностей; любая личностная проблема приобретает значимость семейной, поэтому каждый член семьи имеет право на участие в ее решении, включая и решение родителей о разводе; обида на отстранение от обсуждения и решения семейно важных вопросов, как показывает статистика бытовых преступлений, может выразиться в открытой агрессивной форме, вплоть до супружеского убийства (например, самостоятельное решение забеременевшей жены оставить ребенка или прервать беременность; принять единоличное решение о смене работы, места жительства семьи, эмиграции, переводе ребенка в другую школу, вложить семейные средства в какое-либо предприятие, обратиться к юристу, психологу или социальному работнику).

В итоге реализации немалоого, но необходимого перечня принципов-критериев семья достигает функциональной успешности. Семейный образ жизни выступает одновременно и основанием, и следствием ее прочности и долговечности, позволяя ответственно и с наибольшим эффектом исполнять миссию социального института и ориентированную на полнокровную жизнедеятельность как малой социальной группы. И «в дальний путь, на долгие года».

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000, С. 910.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., Астрель. 2006. С. 560–597.

**РИСКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СМЕНЫ ГЕНДЕРНОГО
ПОРЯДКА ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ
И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ**
**RISKSOCIOLOGICAL POTENTIAL OF SHIFTING THE GENDER ORDER
FOR SOCIAL AND SPIRITUAL SECURITY OF THE RUSSIAN FAMILY**

Г.Г. Силласте
*Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации, г. Москва*
G.G. Sillaste
*Financial University
under the Government of the Russian Federation, Moscow*

Дается новый научный разворот в изучении семьи в контексте применения нового социального индикатора настоящего социального времени: формирование нового гендерного порядка, оказывающего рискологическое воздействие на традиционный институт семьи, его ценности, социальные нормы развития, уровень духовной и социальной безопасности.

Анализируется рискологический потенциал нового гендерного порядка, раскрывается его содержание и направленность воздействия, сделавшие институт семьи объектом идейно-мировоззренческого наступления западных норм гендерного порядка на исторически сложившуюся в мире гендерно – симметричную модель семьи, результатом развития которой является рождение и воспитание детей, воспроизводство полноценного социального потенциала общества и государства.

A new scientific turn in the study of the family is being made in the context of the application of a new social indicator of the present social time: the formation of a new gender order with a riskological impact on the traditional institution of the family, its values, social norms of development and the level of spiritual and social security.

The riskological potential of the new gender order is analyzed, and its content and orientation are revealed, which have made the institution of the family the object of an ideological and attitudinal offensive of Western norms of gender order on the gender symmetrical model of the family, which has developed historically in the world, and which results in the birth and upbringing of children and the reproduction of the full social potential of society and the state.

Ключевые слова: рискологический потенциал, гендерный порядок, социальная безопасность, гендерная нейтральность, гендерное равноправие, риск социальный

Keywords: riskological potential, gender order, social security, gender neutrality, gender equality, social risk

Тезис 1. – Новый гендерный порядок, формирующийся в России как часть мирового гендерного и социального порядка, стал важным индикатором

характеристики развития общества в модусе настоящего социального времени. После распада СССР, а с ним и социалистической мир-системы, происходит консолидация однополярного мира, пересмотр социальных и социокультурных различий в ценностной, экономической и политической системах стран, развернувшихся в сторону капиталистической интеграции. Частью этого процесса является формирование нового гендерного порядка. В этом контексте два уточнения. Первое – «о гендере». Его понятийной и концептуальной основой стало специальное Заявление Председателя IV Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995) о значении термина «гендерный». В Заявлении указано, что «После тщательного рассмотрения этого вопроса контактная группа подтвердила, что термин «гендерный», в том виде, в каком он используется в Платформе действий четвертой Всемирной конференции по положению женщин, должен толковаться и пониматься в его обычном общепринятом значении «пол, род, происхождение» [1, с. 177]. Второе уточнение касается категории «гендерный порядок». «Женский вопрос», решение которого лежало в основе развития прогрессивной модели советского гендерного порядка, будучи в целом решенным в модусе прошлого социального времени, за 90 годы трансформировался в модель нового гендерного порядка.

Гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению. Новый гендерный порядок является частью общемирового социального порядка и отражает идею организованности общественной жизни и упорядоченности социального действия индивидов (конкретно мужчин и женщин) как представителей самых крупных социогендерных общностей, развитие которых обуславливает развитие социальной системы в целом. Концептуальной основой нового гендерного порядка является достижение гендерного равноправия и гендерной эгалитарности.

Новый гендерный порядок строится в соответствии с новыми социальными нормам транзитивного развития, защищает определенные социальные и гендерные ценности, обладает своей идеологией, духовными и этическими нормами, вытекающими из парадигмы гендерной нейтральности полов и достижения гендерного равенства. Какой гендерный порядок в мире сегодня? Единого определения нет. Определяю этот порядок как «гетерогамный» (от гетеро – другой, и греч. *gamos* – брак) [2]. На основании категории гендерный порядок можно дать характеристику любой страны и государства, сопоставить страны в контексте развития гендерного равенства,

так как категория гендерный порядок измеряема и обладает международными измерительными показателями.

Тезис 2. Семья как объект и эпицентр агрессивного идейно-мировоззренческого наступления западного гендерного порядка на исторически сложившуюся в мире гендерно симметричную модель семьи. Очевиден рискологический потенциал нового гендерного порядка для развития семьи как социального института и малой группы коммуникативного взаимодействия. За идеологической гендерной вуалью нового гендерного порядка скрыт главный объект столкновения с интересами семьи, наступление на ее традиционную форму – родительскую семью с четким историческим разделением функций отца и матери по половому признаку, созданием семьи как союза ребенка, матери и отца. Это исключено в однополых браках, которые легализованы в 27 странах Европы, Северной и Южной Америки и пропагандируются как доказательство достигнутого гендерного равенства, демократизации и свободы. По сути же это процесс легализации гендерно-нейтрального супружества.

Процесс этот не последнего времени. Первой была Швеция (1995 г.), официально разрешившая регистрировать партнерские отношения между гомосексуалами. Дальше работала цепная реакция: Нидерланды (с 1 апреля 2001 г.), Бельгия (2003 г.), принятие во Франции в 2013 г. закона «Брак для всех». Причем, принимались все эти законы на фоне массовых выступлений приверженцев традиционных семейных, сексуальных и родительских ориентаций, Но агрессивное давление меньшинства получило поддержку и официальных лиц, и законодателей, и лоббистов. В этом вопросе скрыт главный конфликтоген формирующегося нового гендерного порядка. Его ядро – ценностный конфликт между исторически сложившимися нормами образования семьи, супружества, родительства и семейного воспитания с равными правами участия в нем отца и матери, с одной стороны, с другой – законодательно легализованные однополые браки, основанные на свободе гендерного выбора (мужчиной, женщиной, ребенком) своего ролевого пола, индивидуальной гендерной идентичности (право записывать в паспорте тот пол, который объекту идентификации больше нравится, кем он себя ощущает без оглядки на биологический пол по рождению).

Согласно философии многополового гендера, право на создание «семьи» и воспитание детей имеют все виды «гендеров»: гомосексуалы, бисексуалы, транссексуалы и многие другие, среди которых западные сексологи и психологи выделяют уже около 50 «гендерных», а по сути, квазиполов. Как показывает анализ, агрессивность сексуальных меньшинств, скорее всего, будет возрастать. Будирует этот процесс в разных странах еще и интенсивное

развитие рынка сексуальных услуг с его огромными сверхприбылями и растущим количеством потребителей.

Тезис 3. Обретение институтом семьи функции субъектности в социальных процессах и социогендерных отношениях в обществе отражает новую ситуацию в области развития семьи в модусе настоящего социального времени. Смена в России 90-х годов общественной формации привела к переходу общества от дуалистического подхода к рассмотрению места семьи в обществе (как малой группы и социального института) к социальной субъектности семьи в новых условиях. Субъектность (от лат subjectum – подлежащее) – это свойство индивида или социальной группы (в данном случае, семьи) быть субъектом активности Я, носителем идеи, влияющей на внешний мир. Как современный субъект активности во внешнем мире семья представляет собой влиятельный социальный коммуникативный институт и социальную среду, воздействующие на жизнеспособность и деятельность не только членов семьи как малой группы, но и социального института как субъекта многогранной деятельности населения, состоящего на 80% из членов общества, проживающих в семьях. Такой подход с позиции субъектности семьи непосредственно сопряжен с анализом расширения социальных функций семьи в системе рыночных отношений, перехода от транзитивной к инклюзивной экономике. Анализ показывает, что главным объектом угрозы продвигаемого с Запада нового гендерного порядка является институт семьи.

Семья изменилась и продолжает изменяться в окружающем ее мире. Меняются роль женщин и девочек. Сегодня не существует стандартной формы семьи. Значит, под влиянием внешних объективных факторов, в том числе связанных с продвижением норм нового гендерного порядка, должна меняться и политика государства в отношении преобразований семейной жизни. Более, чем когда-то ранее, требуется оценка масштабов этих изменений и преобразований, происходящих с семьей под влиянием продвигаемых с западных стран (прежде всего Евросоюза) новых норм гендерного порядка. Инертное отношение к формированию нового гендерного порядка в своей стране подчиняет этот процесс агрессивному продвижению западных гендерных норм, многие из которых по своему морально-нравственному коду неприемлемы российским менталитетом и нормами национальной культуры, порождают социальные риски, а в ряде направлений – угрозы традиционным институтам семьи, материнства и детства.

Важная особенность продвигаемой западноевропейской модели гендерного порядка является доминирующее воздействие института права в закреплении норм нового гендерного порядка в законодательной форме путем принятия ее на уровне странового закона. Дальше – агрессивное продвижение

законодательной нормы в качестве обязательной рекомендации для принятия ее законодательствами других стран. Это – прямая угроза правовой независимости национальных институтов права и национального законодательства. Однако именно такого подхода придерживается ЕС в продвижении норм нового гендерного порядка в другие страны,

Тезис 4. Социальные риски продвижения новых норм гендерного порядка для духовной и социальной безопасности российской семьи, их рискологическая сущность. Выделю риски, наиболее значимые для безопасности российской семьи.

1) Риск девальвации семьи, разрушения семьи как традиционного социального института и малой группы [3]. Этому риску сегодня противостоят сложившиеся в сознании большинства россиян ценностные установки на важность семьи в сложных жизненных ситуациях. Так, по результатам опросов общественного мнения россиян разных возрастных когорт, семья прочно вернулась на первое место среди базовых социальных ценностей личности. Это – ценность терминальная, системообразующая и фактически не имеющая заместительной формы. С другой стороны, формы ее развития меняются. Время уже изменило стандарт представления о размере многодетной семьи, сократив его в три раза по сравнению с советским периодом (с 10 детей до 3). Но рискологический потенциал даже такого смещения не столь опасен, как риск кардинального пересмотра сущности семьи в связи с натиском сексуальных меньшинств, требующих признания полноценной семьей гендерной пары с нетрадиционной ориентацией или развития концепта гендерной нейтральности в семье, в воспитании ребенка, когда требуют отказаться от признания пола ребенка при рождении, а признать право ребенка самому определить свой пол, точнее – половую (гендерную) идентичность.

2) Риск абсолютизации гендерного равенства, связанный с социально некритичным отношением к западной концепции гендерного равенства, граничащего с угрозой пересмотра ценностного кода традиционного института семьи, прав родителя, матери и ребенка. Склонность к сканированию западных моделей «защиты» прав ребенка, отраженные в российском законодательстве, на деле стали новыми нормами отчуждения ребенка от матери и семьи.

3) Риск детскости заключается в нивелировании социальной ценности ребенка и детства. О каком воспроизводстве детей можно говорить в однополых браках? Социальная ценность детей в процессе функционирования общества затрагивает стратегическую ценность воспроизводства самого человеческого потенциала и демографическую безопасность государства.

4) Риск замещенного родительства связан с неспособностью одного из родителей иметь детей, что порождает в обществе формы заместительного родительского поведения и формирует риск квазиродительства.

5) Риск невозвратности российских детей, которые либо продаются за рубеж под разными псевдодогманными мотивами, либо отчуждаются по страновому законодательству от российских матерей, выезжающими с малолетними детьми за рубеж без малейшего представления о законодательной базе страны назначения, ее нормах семейного и родительского права.

6) Риски реконструирования облика и содержательной ценности женщины вплоть до девальвации ее человеческой ценности (учитывая масштабы теневого рынка продажи женщин и развития проституции). Гендерной детонацией можно считать некоторые формы индивидуальной адаптации женщины к новым условиям жизни и выживания. Тенденции маскулинизации облика и характера женщин сегодня довольно развиты.

7) Риск усиления социальной дискриминации и сегрегации женщин в ходе кризисов. Сферами преимущественно женской дискриминации и сегрегации являются рынки труда и занятости, на которых наибольшей гендерной уязвимостью отличаются одинокие матери и молодые женщины, бросившие работу. Для таких молодых «временных домохозяек» риск потенциальной безработицы быстро становится ее реальной формой.

8) Риск феминизации бедности – универсальный в мировом контексте, но имеющий в России свои особенности. Так, 37% малоимущих российских домохозяйств возглавляют женщины. По данным Росстата, в России в первом квартале 2019 г. численность бедного населения (то есть людей с доходами ниже прожиточного минимума) составила 20,9 млн. человек [4], а по данным социологических исследований – не менее 35 млн. человек.

В заключение отмечу два положения. 1. Изменения, происходящие в институте семьи, это изменения глобального масштаба, затрагивающие все страны, вовлеченные в процесс формирования нового гендерного порядка-XXI. Не случайно вопрос о положении семьи в изменяющемся мире был рассмотрен в Штаб-квартире структуры «ООН женщины». 2. Категория «гендерный порядок» общемировая, которую России предстоит наполнять своим национально-ценностным содержанием, учитывая, что РФ – страна с самым ярко выраженным в мире «женским лицом» как по гендерному «паспорту», так и по реальному весу женщин в развитии общества и государства.

Список литературы

1. Платформа действий IV Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995).

2. Силласте Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3-16.; Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Часть 1. Под ред. проф. Галины Силласте. М.: Изд-во НИИ Экономики ЮФУ, 2017. 245 с.

3. Силласте Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка и его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4-13.

4. Росстат: в России стало больше бедных. Опять. 25 июля 2019 г. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49157243>.

ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ: ГИПОТЕЗА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? TRAUMA SOCIETY: A HYPOTHESIS OR REALITY?

Ж.Т. Тощенко

Институт социологии

*Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва*

Zh.T. Toshchenko

Institute of Sociology,

The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,

The Russian Academy of Sciences,

Russian State University for the Humanities, Moscow

Нынешний этап мирового развития характеризуется такими значительными, значимыми и знаковыми событиями и процессами, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях – эволюция и революция. То, что случилось в конце XX и начале XXI века в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии и ряде других стран, выпадает из общепринятой и ранее понятной логики общественного развития. С этой точки зрения не менее впечатляющим выглядит распад СССР и то, что началось после него во многих бывших союзных республиках, ныне независимых государствах. Особенно это коснулось Грузии, Молдовы, Киргизии и, конечно, Украины. Не избежала своей участи и Россия. Общеизвестно эмоциональное высказывание президента страны Владимира Путина, назвавшего распад СССР геополитической катастрофой. Так что Россия не может не входить в число тех государств, о которых пойдет речь.

The current stage of global development is characterized by such significant, significant and momentous events and processes that cannot be defined and qualified in the previous concepts - evolution and revolution. What happened at the end of the 20th and beginning of the 21st century in Iraq, Libya, Afghanistan, Syria and several other countries falls out of the generally accepted and previously understood logic of

social development. From this point of view, the collapse of the USSR and what began after it in many former Soviet republics, now independent states, is no less impressive. This has especially affected Georgia, Moldova, Kirgizia and, of course, Ukraine. Russia has not escaped its fate, either. There is a well-known emotional statement by President Vladimir Putin, who called the collapse of the USSR a geopolitical catastrophe. So Russia cannot but be one of the countries we are talking about.

Ключевые слова: травма общества, эволюция, революция, социальное расслоение, социальная напряженность

Keywords: social trauma, evolution, revolution, social stratification, social tension

Все названные страны Ближнего Востока, Северной Африки и ряд государств бывшего СССР объединяет одно – кардинальные политические потрясения, стагнация и/или упадок экономики, неопределенность даже ближайшего будущего, разочарование и потеря доверия к провозглашенному пути и к средствам достижения намеченных целей. Все это никак не укладывается в классические представления о прогрессе, эволюции или революции.

Тогда с чем мы имеем дело? Как охарактеризовать эти политические, экономические, социальные, культурные процессы (а скорее – неопределенности), которые сродни катастрофам? Есть ли у них нечто общее – при всем разнообразии особенностей?

Я отношусь к тем исследователям, которые полагают, что мы имеем дело с таким феноменом, который можно определить и исследовать как «общество травмы».

К истории понятия «травма»

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана», но уже в современной медицинской и психиатрической литературе термин стал трактоваться и как рана сознания в результате эмоционального шока, нарушающего в человеке и в социуме осмысление времени, себя и мира.

Одним из первых на социальное содержание травмы обратил внимание немецкий ученый Юрген Хабермас, когда связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе [1].

Современные попытки определения травмы привели к тому, что это понятие стали применять его к особому состоянию общественных процессов, выраженному в неопределенности, перекосе развития неустойчивых обществ и государств. Конечно, в таком подходе есть свои нюансы, детали, уточнения, но я хочу сразу обратиться к причинам, чертам, показателям и индикаторам, которые важны для понимания этого феномена [2; 3].

Причины появления общества травмы

Травмы многих современных обществ, о которых пойдет речь, начинались с насильственного свержения существующего политического режима и соответствующих институтов управления. Это происходило либо из-за вмешательства внешних сил (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия), либо под воздействием внутренних катаклизмов (Украина, Грузия, Молдова). Но при этом все возникающие потрясения проходили под лозунгом неотложности кардинальных изменений, с требованием серьезных сдвигов в экономике и социальной сфере, под обещания срочно добиться достойной жизни людей и полного благополучия страны. Тут же звучали призывы поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Но вмешательство внешних сил в этих странах, не способных на самостоятельное реформирование, привело к тому, что они не вышли из полосы кровопролитных конфликтов или хаотического функционирования. Не более успешными оказались преобразования и России: за тридцать лет своего существования она не вышла на социально-экономические показатели, которыми обладала РСФСР в 1990 г.

Таким образом, все названные государства не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые, высокие стандарты жизненного благополучия. И это поражение постигало вышеназванные государства после того, как подобную задачу успешно решали, причем в течение непродолжительного времени, капиталистические (Сингапур, Малайзия, Южная Корея) и социалистические страны (Китай и Вьетнам).

На мой взгляд, причина неудач, прежде всего в том, что общество травмы обладает таким комплексом черт, которые резко и отчетливо отделяют его как от революционных преобразований, так и от поступательных эволюционных изменений.

И это отличие начинается с того, что у общества травмы отсутствует четкая и ясная стратегия и понимание перспектив развития. Намеченные преобразования в основном сводятся к тому, чтобы ориентироваться на решение отдельных проблем. Иногда – с попытками копирования опыта других стран (как это было в Грузии и на Украине). Или же все ограничивалось пассивным выполнением зарубежных советов, без учета национальной специфики (Афганистан, Ирак, Ливия – где это делалось под экономическим и военным давлением извне).

Что касается России, то у нас до сих пор остается невыясненным и неопределенным ответ на вопрос: какое же общество мы для себя строим?

Например, академик Олег Богомолов выражал свой публичный интерес к этой неопределенности еще в 2008 г.

Да, тогда обсуждалось немало рецептов, идей, но они сводились в основном к тому, чтобы отказаться от прошлого социалистического пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран. Или просто некими теоретически умозрительными конструкциями, вроде положений чикагской школы, на выводы которой уповали российские либералы. Немало было доморощенных рекомендаций и предложений, которые рождались скорее от фантазий, чем от научно обоснованных программ развития.

Если согласиться с вышесказанными причинами отставания в развитии, то становится ясным, почему в обществах травмы происходят потери и даже откаты от тех экономических рубежей, которыми обладали эти страны до попыток изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить и о явной деградации, отбросившей некоторые страны от достигнутого уровня.

Основные черты травмированных обществ

Что касается современной России, то речь идет не только об утрате темпов развития, но и о потере ранее достигнутых экономических показателей и до сих пор не восстановленных. Так, по некоторым сравнениям, за период гайдаровских реформ в 1990-е годы народное хозяйство страны потеряло больше, чем за время Великой Отечественной войны. Мало что удалось исправить и в 2000-е годы. Как отметил экс-министр экономики и финансов Польши Гжегож Колодко (иностраный член Российской академии наук), именно отсутствие грамотной экономической стратегии в РФ привело к печальным результатам. Если 25 лет назад ВВП нашей страны втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе КНР превосходит Россию по этому показателю в шесть раз [4].

Отсутствие стратегии развития в обществах травмы связано и с тем, что в них нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых, как писал польский социолог Петр Штомпка, «коллективным агентством», которые осуществляли бы стратегию преобразований на основании четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития. В отсутствие же такой программы и такой команды происходит следующее. Имея доступ к фонду структурных и культурных ресурсов, официальные структуры, как правило, производят импульсивные действия, которые нередко похожи на имитацию рациональной деятельности. Так, в свое время вместо кардинальных преобразований в экономической и социальной сферах тогдашний президент страны Дмитрий Медведев осуществлял такие, по

его мнению, неотложные меры, как переименование милиции в полицию, смена часовых поясов, введение нулевого промилле для водителей автомобилей и т.п.

Не удивительно, что при этом для обществ травмы характерна конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть, так как политическое руководство в этом процессе рассматривается как источник доходов, способ оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынке.

Непонятная для населения ситуация в стратегии развития привела к отстранению большинства россиян от контроля и общественного участия в том, чем занимается власть. Сегодня 74,8% граждан не состоят ни в одной общественной организации, 90,5% считают, что они никак не влияют на принятие государственных решений [5, 357, 358].

Именно в этом контексте возникает вопрос о государственной идеологии, которая бы наряду с другими существующими в обществе мировоззренческими установками формулировала перспективы развития с учетом глубинных интересов населения. Пока же в обществе преобладает, с одной стороны, утверждение, что в стране, согласно Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. А с другой стороны, идет постоянное напоминание о необходимости строительства демократического общества, что, в сущности, невозможно без каких-либо серьезных, утвержденных всем обществом идей, способных мобилизовать народ на действительное развитие страны.

В результате в России сложился политический режим, который ряд авторов определяют как неидеологический [6]. Поэтому можно считать оправданной тревогу тех аналитиков, которые отмечают, что в стране вместо формирования национально-государственной идентичности идет стихийный поиск путей трансформации этнического, регионального и локального самосознания, которые при всей их важности не могут заменить общие идеологические ориентиры, идею сплочения многонационального и поликонфессионального народа. При этом надо отметить, что попытки сформулировать национальную идею оканчивались ничем потому, что они отражали гипотетические представления всего лишь отдельных представителей правящих слоев России и предложения некоторых научных работников. А вовсе не чаяния и устремления народа.

И это понятно, потому что в ряде обществ травмы «коллективные агентства» (то есть правящие круги, или так называемая элита) не учитывают или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, то есть то, что было накоплено странами в их историческом развитии. Так, в российском обществе полностью и беспелляционно отвергнут опыт не только советского,

но и более раннего исторического прошлого, исходя из заведомо пагубной установки – в прежней России и особенно в СССР ничего позитивного не было.

В отношении России до сих пор происходит спор – что же в ней происходит? Что случилось с ней в начале 1990-х годов? По какому пути она развивается и как правильно назвать происходящее?

Многие политики, ученые, журналисты, используя некую совокупность данных, настаивают на том, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения в испытанное и проверенное опытом либеральное устройство общества. Но, мол, при этом переход к капитализму искажается нынешним политическим руководством России [7].

Представители других мировоззренческих убеждений, опираясь на опыт анализа процессов функционирования новой России, не менее убедительно доказывают, что происходит пусть сложный и трудный, с огромными издержками, но эволюционный путь развития страны [8].

Еще одна группа представлена неомарксистскими и социалистически ориентированными взглядами о произошедшем в стране как о насильственном перевороте, отказе от ориентации на интересы народа [9]. Признавая просчеты и ошибки советского руководства и последовавших после нее рыночных реформ, представители этой группы настаивают на проведении политики, утверждающей проверенные жизнью позитивные изменения, накопленные как в опыте СССР, так и в ныне существующих странах с социалистической ориентацией (Китай, Вьетнам).

В реальности происходящий процесс развития характеризуется половинчатой политикой, сочетающейся со следованием принципам рыночного фундаментализма и либерализма и попытками обосновать путь, по которому идет «европейская цивилизация» и в последнее время с непоследовательной реставрацией некоторых социалистических традиций и норм жизни.

В итоге экономическая и социальная жизнь находится в состоянии травмы: потеряна основная часть высокотехнологичных производств в космической индустрии, машиностроении, авиационной промышленности. К примеру, если в 1990 г. в стране было выпущено 74,2 тыс. металлорежущих станков, которые закупались даже ФРГ, то в 2014 г. их было произведено всего 2,7 тыс. Станков ткацких – соответственно 18 300 и 79.

В сельском хозяйстве были бездумно распущены колхозы и совхозы, особенно успешно функционирующие, потеряны многие эффективно развивающиеся хозяйства [10].

Социальное расслоение — результат функционирования общества травмы

Особое значение приобретает тот факт, что в обществах травмы произошел ни чем не оправданный и необъяснимый, с точки зрения не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства. По данным Global Wealth Report, на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов в России. Для сравнения: в следующих за Россией (крупных) странах – Индии и Индонезии – этот показатель равен соответственно 49% и 46%. В США он равен 37%, в Китае – 32%, в Японии – 17%. Во всем мире этот показатель равен 46%, в Европе – 32%. Кроме того, Россия лидирует в мире и по доле самых состоятельных 5% населения, которым принадлежит 82,5% всего богатства страны, и по доле 10% самых состоятельных граждан, владеющих 87,6% такого же богатства. А если взять такой показатель, как богатства миллиардеров, то российские миллиардеры владеют 30% всех личных активов российских граждан. В среднем во всем мире миллиардеры владеют лишь 2% всех личных активов. В Китае им принадлежит только 1–2%, в США, где имеется 400 миллиардеров, их доля составляет лишь 7% от суммарного богатства всех американцев. К этому можно добавить и следующую информацию: в условиях падения реальных доходов россиян в 2019 г. доходы 10 самых богатых семей по сравнению с предыдущим годом выросли на 40% – с 18 млрд. до 25 млрд. долл. [11].

Из этих данных понятно, в чьих интересах и для чьей выгоды проходила та же приватизация, и принимались другие меры, которые не просто изменили общественно-политический уклад страны, привели в состояние кризиса ее экономику, но и нарушили тот уровень социального равенства (пусть в значительной степени условного и даже примитивного), при котором жило население страны, называемой Советским Союзом. И сегодня обществу известно, что крупнейшие состояния заработаны или приобретены во многом несправедливо. А это значит, что для выравнивания требуются сверхвысокие налоги на получаемые доходы и богатство. Очевидно, что сегодня без определенных форм принуждения ситуацию изменить нельзя.

Но насильственный подход вряд ли целесообразен, ибо проблема состоит в том, что план по потрясениям и революциям Россия не только выполнила, но и перевыполнила.

Но и ждать эволюционного, постепенного развития (а вдруг рассосется) уже вряд ли разумно. В этих условиях требуются политическая воля, поворот экономической политики в русло, по которому движутся демократические общества Европы, такие, как Франция, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, где налог на прибыль составляет от 40 до 65%.

Деформированные процессы, отражающие травму общества, а не революционный и не эволюционный путь развития, происходят и в

политической сфере. Демагогия вокруг слов «демократия», «свобода», «права человека» никак не коррелирует с реальной действительностью и насущными устремлениями (желаниями) людей. До сих пор остаются актуальными слова одного из основателей отечественной социологии Питирима Сорокина: «Государства и страны останутся столь же эгоистичными и хищными, как и раньше. Уверовавшие, что распространение демократических форм правления изменит это, забывают, что так называемые демократии прошлого и настоящего столь же империалистичны, как и автократии» [12, 9]. Иначе как назвать такую демократию, когда губернаторы и мэры городов избирались от 10 до 20% численности населения, имеющего право голоса.

Немудрено, что Россия постепенно скатывалась к такому государству, которое с полным основанием можно назвать обществом травмы.

Потребовалось время, чтобы политика Путина начала преодолевать этот синдром покорности, безотчетного подчинения всему тому, чего желали США и страны Европейского союза. И что знаменательно – возвращение к признанию значимости России в современном мире происходит при практически единодушной поддержке населения этого нового внешне-политического курса. По данным всероссийского исследования «Жизненный мир россиян» (РГГУ, 25–30 октября 2014 года, 18 регионов страны, 1750 человек), 47,2% заявили о том, чтобы Россия возвратилась к статусу великой державы наряду с 63,2% желающих, чтобы в стране соблюдались справедливость, равные права для всех [13].

Рост социальной напряженности

Во всех вышеназванных странах с учетом особенностей каждой из них произошла дезориентация и дезорганизация общественной жизни. Практически ни в одной из них не было выдвинуто ясной отчетливой долгосрочной программы преобразования государственной и общественной жизни. Очевидно, что после турбулентных событий в каждой из них в конце XX – начале XXI века вместо позитивных сдвигов происходили нежелательные, неприемлемые для населения негативные изменения: это расхищение национального богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции, безработица, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости.

Общественному сознанию в этих странах, в том числе и в России, была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации произошла потеря прежних ориентиров, а новые не могли сформироваться.

В этой ситуации реальные процессы, происходящие в общественном сознании в этих странах, демонстрируют еще одну важную его травмирующую

особенность: оно становится конфликтным, остро, но не всегда адекватно реагирующим на происходящее в жизни. После провозглашенных реформ россияне долгие годы жили ожиданием того, что коррупционные и другие негативные процессы будут обузданы, что новые перемены обязательно сделают жизнь лучше.

Но шли годы, и вместо позитивных сдвигов они получили не только консервацию прошлого, но и оскорбительную для них ситуацию, сопровождающуюся обогащением причастных к власти людей и массовым обнищанием народа. Тем самым создаются условия, чтобы пассивное ожидание перемен перерастало в активный общественный протест, который далеко не всегда приводит к власти силы, ратующие за интересы народа.

Тревожность людей в обществах травмы имеет под собой основы, ибо они убеждены, что как ранее существовавшая, так и существующая политическая власть не отражает позиции большинства населения, а ориентируется на интересы двух групп – государственной бюрократии и богатых слоев. Такая оценка не могла не сказаться на снижении доверия к политическому строю и основным политическим институтам. Анализ данных показывает, что травма начинается с негативной оценки деятельности политического руководства, многократно превышающей процент позитивных оценок.

В политических концепциях есть такая аксиома: «Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго». Посулы разного рода революций обычно сначала встречаются с одобрением и вдохновением (большинство признает, что «так жить нельзя»). Но люди довольно быстро осознают порочность и гибельность предложенных перемен, что приводит к забвению многих «творцов» реформ. Это особенно наглядно проявляется по отношению к судьбе советской страны. И поныне более двух третей (около 65%) сожалеют о распаде Советского Союза (напомним, что в марте 1991 года на всесоюзном референдуме 73% считали, что его надо сохранить).

Но если посмотреть на ситуацию с точки зрения российского общества в целом, то его нынешнюю модель развития, как заметил известный экономист Вениамин Лифшиц, «можно представить в виде велосипеда, в котором руль – социалистический, а педали – капиталистические».

Общественному сознанию в травмированных странах во все большей мере становится присуща и такая характеристика, как критичность, вплоть до непримиримости к официальным взглядам и идеям. Люди не желают мириться с бедностью, просчетами, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. В этих условиях продолжает оставаться высоким уровень

отвержения осуществленных и предлагаемых преобразований в экономической и социальной жизни. При восхвалении и оправдании псевдо-рыночных преобразований, при торжестве коррупционных схем и теневых (криминальных) социальных практик не уменьшаются и даже растут негативные оценки социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни. Применительно к России это раскрыто в социологических исследованиях, показавших рост аномии и потерю людьми мировоззренческих ориентаций [14; 15].

Эти данные характеризуют еще одну особенность общества травмы – несовпадение интересов, ожиданий и суждений с результатами происшедших потрясений и изменений, а также с пониманием того, насколько они не коррелируют с официальными заявлениями и объявленными преобразованиями.

Травма общества проявляется и в том, что в общественном сознании растет неопределенность, сумятица, которые позволяют людям переходить из одной позиции по отношению к официальной политике в другую даже под воздействием и влиянием случайных обстоятельств. Причем, несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, у них все-таки остается надежда на устраивающую их стабильную жизнь в своей стране и на позитивную оценку перспектив развития. Это наглядно демонстрирует анализ мироощущения людей как по основополагающим проблемам, так и по проблемам повседневной жизни, которыми они руководствуются при принятии решений как текущего, так и перспективного характера.

Из травмирующих составляющих общественного сознания в этих странах следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты общественного сознания и социальных практик, как рост изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости.

Где же выход?

Таким образом, особую значимость среди новых явлений на современном этапе приобрела четкую определенность такая черта в жизни ряда стран, в том числе и России, как их травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития. В то же время несомненно, что общества травмы не могут быть вечными – при определенных обстоятельствах они должны выйти из этого кризиса.

В 1990–2000-е годы не раз предпринимались шаги по выходу на новые рубежи экономического и социального развития. Сначала это была приватизация с ее спутниками – девальвацией рубля, залоговыми аукционами, созданием олигархического капитализма, что привело к полнейшему разгрому

национального хозяйства. Затем были проекты развития здравоохранения, сельского хозяйства, образования, провозглашенные Дмитрием Медведевым в бытность его премьер-министром, но оказавшиеся несостоятельными и теперь всеми забытыми. Потом были четыре И – Институты, Инфраструктура, Инновации и Инвестиции, которые практически ничего не дали стране.

В рамках этих амбициозных проектов был создан дорогостоящий проект «Сколково», который, по мнению экс-президента Сибирского отделения РАН Александра Асеева, является «мраморной телефонной трубкой в руках старика Хоттабыча», а по мнению профессора Массачусетского технологического института Лорена Грэхэма, дорогостоящим, сомнительным актом, от которого «скорее всего выиграют западные компании», что для того, чтобы выйти из травмированного состояния, мотивацией социальной, экономической и политической жизни должны быть не прибыль или власть, а служба обществу [16]. Он предлагал то же самое, что ранее говорил Питирим Сорокин: нужно раскрепощение созидательных сил не только бизнеса, но и творческих людей, которые олицетворяют «научный гений русских людей», а также социальные реформы [12]. Иначе говоря, в этих суждениях выражена суть исходной базы успешных преобразований, позволяющих выйти из травмированного состояния – решение социальных проблем, которые благотворно скажутся на решении как экономических, так и политических проблем.

В настоящее время реакцией на практически единодушное мнение экспертного общества (да и не только его) стало требование о необходимости коренной смены экономического курса правительства.

Все это позволяет сделать вывод, что травмированность общества возникает, когда появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в экономической, социальной и политической жизни, иными словами, когда контекст человеческой жизни и их действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, обретая другой, даже противоположный смысл.

Список литературы

1. Habermas J. The Post-National Constellation and the Future Democracy. // The Post-National Constellation: Political Essays. Ed. By M. Pensky. Cambridge MA: MIT Press, 2001. Pp. 58-112.
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
3. Alexander J.C., Sztompka P. (eds.) 1990. Rethinking Progress: Movements, Forces and Ideas of the End of the 20th Century. London. Routledge. 284 p.

4. Московский экономический форум – 2016: 25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше? // Предпринимательство. 2016. № 2. С. 6-23.
5. Прекариат: становление нового класса: коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
6. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
7. Попов Г. 250 лет на службе Отечества 2015 // Предпринимательство. 2015. № 6. С. 15-39.
8. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992-2013. М.: USSR: Ленард, 2013. 631 с.
9. Бuzгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: в 2 т. М.: URSS, 2015. Т. 1. 640 с.
10. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Изд-во «Весь мир», 2020. 352 с.
11. Why wealth matters. The Global wealth report. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (Дата обращения: 31.10.2020).
12. Сорокин П.А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3-12.
13. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социол. Исследований, 2016. 367 с.
14. Горшков М.К. Российское общество и вызовы времени. М.: Новый Хронограф, 2017. 398 с.
15. Левашов В.К. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 31-38.
16. Лорен Грэм: «Россия может предложить великие идеи, но не в состоянии ими воспользоваться» // Новая газета. 25 июля 2016. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/07/24/69354-loren-grem-rossiya-predlagaet-velikie-idei-no-ne-mozhet-imi-vospolzovatsya> (Дата обращения: 31.10.2020).

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ РОССИЙСКОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ***
**ON THE ISSUE OF PARTICIPATION OF THE RUSSIAN WOMEN'S
MOVEMENT IN THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY
OF THE STATE: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS**

О.А. Хасбулатова, И.Н. Смирнова
Ивановский государственный университет, г. Иваново
O.A. Khasbulatova, I.N. Smirnova
Ivanovo State University, Ivanovo

Исследуются технологии взаимодействия органов государственного управления и женских организаций социального направления. Анализируются результаты и проблемы деятельности женских НКО по созданию рабочих мест для женщин в сферах предпринимательства, кризисных центров для женщин, подвергшихся домашнему насилию, женских инициатив социального направления. Сформулированы проблемы и препятствия в системе взаимоотношений государства и женских организаций, а также возможные пути их решения.

The article is devoted to the study of technologies of interaction between public administration bodies and women's organizations of social direction. The article analyzes the results and problems of women's NGOs' activities to create jobs for women in the fields of entrepreneurship, crisis centers for women who have been subjected to domestic violence, and women's social initiatives. The authors of the article formulate problems and obstacles in the system of relations between the state and women's organizations, as well as possible ways to solve them.

Ключевые слова: социальный потенциал женских организаций, развитие женских предпринимательских инициатив, кризисные центры для женщин, технологии участия женских организаций в государственной социальной политике, партнерский тип взаимоотношений между органами власти и женскими организациями

Keywords: social potential of women's organizations, development of women's entrepreneurial initiatives, crisis centers for women, technologies for women's organizations' participation in state social policy, partnership type of relations between authorities and women's organizations

Проблема взаимодействия органов государственного управления и женских организаций в России не теряет актуальности три десятилетия, что обусловлено рядом обстоятельств. Сформировавшееся за этот период

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31466 «Формирование женского движения в современной России: моделирование баланса государства и общественной инициативы».

российское женское движение представляет совокупность многочисленных женских объединений с фиксированным и нефиксированным членством, которые действуют для достижения различных общественно-политических и социально-экономических целей.

Анализ показывает, что к наиболее распространенным целесообразно отнести многопрофильные объединения женщин (Союз женщин России, Союз женских сил, Ассоциация женщин – предпринимателей России, женская секция общероссийской общественной организации «Опора России» и др.), ассоциации женщин–предпринимателей в Башкортостане, Татарстане, на Курилах, в Новосибирске и других городах, союзы матерей России, комитеты солдатских матерей, женские организации по социальной поддержке женщин, семей и детей, кризисные центры для женщин. Их деятельность направлена на решение различных социальных задач и оказание социальных услуг: вовлечение женщин в профессиональную деятельность, поддержку многодетных семей, семей, испытывающих финансовые трудности, заботу о детях с ограниченными возможностями здоровья, социальную защиту женщин, подвергшихся насилию, работу с женщинами «серебряного» возраста, гендерное просвещение молодежи, благотворительность и ряд других.

Обозначенный перечень проблем, которыми занимаются женские организации, показывает, что их задачи во многом совпадают с направлениями деятельности государственных социальных учреждений. Различие лишь в том, что они реализуют социальную политику в более узких пределах, соответствующих их компетенции, и с ограниченными ресурсами.

Предметом данного исследования являются социальный потенциал женских инициатив, технологии его использования органами управления на уровне муниципалитета или региона, а также типология взаимодействия органов власти и женских организаций. Речь пойдет о следующих направлениях: создании рабочих мест для женщин, вовлечении их в предпринимательскую деятельность, защите прав женщин, подвергнувшихся насилию в семье, социальной поддержке различных категорий женщин.

Следует отметить, что в 1990-х гг., на первом этапе становления российского женского движения, инициативы многих женских организаций были направлены на поддержку женщин, потерявших работу в связи с реорганизацией экономики. Так, в Ивановской области в это период был зарегистрирован один из самых высоких в России уровней безработицы, от 50 до 85% от числа безработных составляли женщины. В этих условиях женщины с высшим образованием создали в Иванове Центр социальной поддержки женщин и семьи с целью переподготовки безработных женщин и создания для них новых рабочих мест в сфере предпринимательства по технологии бизнес-

инкубатора. Центр работал в режиме хозрасчетной организации, арендовал помещение, на конкурсной основе обучал безработных женщин. Центр содействия занятости населения финансировал обучение и выдавал выпускницам пособие на начало своего дела, Фонд поддержки предпринимательства осуществлял регистрацию бизнеса. Это позволило сотням женщин оформить патент на предпринимательскую деятельность.

По этой же схеме эффективную работу по развитию женских предпринимательских инициатив осуществляли НКО Международный институт «Женщина и управление» в Санкт-Петербурге и Ассоциации женщин–предпринимательниц в 26 регионах России.

Их опыт по решению социальных проблем и созданию рабочих мест был проанализирован, одобрен и рекомендован к распространению федеральной Комиссией по улучшению положения женщин [1]. Его суть состояла в объединении усилий женских организаций и органов государственного управления в лице Министерства труда РФ, Фонда поддержки женского предпринимательства, региональных Центров занятости населения, выступавших равными партнерами в решении важной государственной задачи.

К сожалению, на последующих этапах данная схема взаимодействия властных структур и женских инициатив была утрачена или трансформировалась в систему поддержки в виде предоставления помещения, решении некоторых вопросов, особенно если руководители женских организаций работали в органах управления. Отсутствие финансирования, слабая связь со средствами массовой информации сдерживали инициативу общественниц [2].

В 2016 г. Правительством РФ был принят закон, направленный на усиление поддержки некоммерческих организаций – исполнителей общественно-полезных услуг. В нем предусмотрены меры по профессиональной подготовке добровольцев, участвующих в деятельности по социальному обслуживанию, защите животных, правовом просвещении, деятельности в области образования, здоровья граждан и др. Формы поддержки разнообразны, от профессионального обучения до льгот по уплате налогов и информационной поддержки [3]. И хотя система профессионального обучения сохранилась, без технологии бизнес-инкубатора для поддержки начинающих предпринимательниц она не получает должного развития.

В Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 – 2022 г. проблемы образования женщин сужена и связывается с необходимостью организации дополнительного профессионального образования или профессиональной переподготовки женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, реализация которой возлагается на соответствующие

органы государственного управления. Женские НКО в качестве социального актора не упоминаются [4, с. 15]. На практике общественным центрам профессиональной подготовки женщин довольно сложно пройти конкурсный отбор для получения государственного финансирования. Препятствуют обилие документов, необходимых для представления в конкурсную комиссию; недостижимые критерии конкурсного отбора; отсутствие технологии бизнес-инкубатора, без которой начинающей предпринимательнице трудно начать собственное дело.

Одним из значимых социальных направлений, которые требуют участия не только органов управления, но и общественности, является социальная защита женщин, подвергнувшихся насилию. В настоящее время и государство, и общество признают, что проблема домашнего насилия существует и требует решения. Она обозначена в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2022 годы. В 2020 г. Правительственная комиссия под руководством министра внутренних дел В. А. Колокольцева рекомендовала губернаторам регионов России поддерживать НКО, реализующие проекты в сфере профилактики домашнего насилия [5].

В настоящее время во многих, но не во всех, регионах страны действуют государственные социальные учреждения и женские общественные организации, оказывающие поддержку женщинам и детям, подвергшимся насилию. Так, в настоящее время в России насчитывается более 150 общественных и государственных кризисных центров. Если центры при органах социальной защиты финансируются за счет государственного бюджета, то источниками финансирования кризисных центров на базе НКО являются президентские гранты, бизнес, льготная арендная плата, пожертвования. В качестве убежища в таких центрах выступает, как правило, квартира. Руководителям женской НКО приходится договариваться с властью, выстраивать отношения с чиновниками, с социальными службами, с полицией. Система взаимодействия государственных структур и общественного кризисного центра отсутствуют, каждый случай решается индивидуально.

Полагаем, что характер отношений между государственными структурами и общественными кризисными центрами нужно изменять, поскольку они выполняют задачи, которые находятся в области полномочий органов социальной защиты населения и фактически являются их партнерами. Поэтому финансирование услуг общественного кризисного центра должно рассматриваться в качестве оплаты услуг населению, а не поддержки общественной организации. Беседы с сотрудницами кризисных центров выявили проблему отсутствия подготовленных кадров для этой непростой работы, по этому направлению со стороны государства поддержка не

оказывается. Система высшего образования в провинциальных городах в этой работе участия не принимает. Для регионов с дотационными бюджетами затруднительно оказывать некоммерческим кризисным центрам финансовую помощь на постоянной основе.

Значительное количество женских организаций работают в сфере социальной защиты и поддержки различных групп населения. Примеров этого достаточно. Так, женские организации, входящие в движение «Матери России», реализуют программы по дистанционному обучению и социализации детей–сирот, оставшихся без попечения родителей, создают благотворительные фонды для поддержки семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, проекты по поддержке семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. Союз женских сил ежегодно проводит научно-образовательные конференции для женщин–предпринимателей, руководителей, общественных деятельниц, консультации уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Москве. Алтайский краевой совет женщин проводит гендерную экспертизу принимаемых в крае нормативно-правовых актов, проводит социально-экономический мониторинг социального положения женщин края. Правозащитная организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга» организовала юридическую консультацию для родителей призывников. Подобные примеры можно продолжить.

Таким образом, краткий анализ участия женских организаций в реализации различных направлений государственной социальной политики показывает, что в них объединена наиболее активная часть женского населения, которая обладает обширным профессиональным и социальным опытом. Объединяясь в группы по интересам, женщины остро реагируют на проблемы социального характера и нацелены на результат.

Однако, анализ технологий взаимодействия женских организаций с органами власти демонстрирует наличие целого ряда проблем. Партнерские отношения между органами государственного управления и женскими организациями социальной направленности пока отсутствуют. Договоры о долгосрочном сотрудничестве, текущем бюджетном финансировании, технологии бизнес–инкубатора используются редко. Нормативно-правовая база, регулирующая правовые отношения проектов межсекторного взаимодействия государства и женских организаций не развивается. Участие государства в реализации женских инициатив заключается в виде предоставления помещения для разовых мероприятий. Ученые отмечают, что участники женских некоммерческих организаций нередко упираются в своеобразный «стеклянный потолок», где провозглашается формальная

открытость, но реальные механизмы взаимодействия не прописаны и, соответственно, не могут быть реализованы [6, с. 259].

Органы государственного управления в полной мере не используют социальный ресурс, которым располагают женские организации как компонент гражданского общества. Необходимо создавать правовые, административные условия, финансовые инструменты, позволяющие женским организациям участвовать в качестве полноправных акторов в реализации социальной политики государства. Полноценный баланс взаимодействия государства и женских организаций может быть достигнут при использовании всего многообразия форм сотрудничества в зависимости от направления и конечных целей женской инициативы.

Список литературы

1. Поддержка женских предпринимательских инициатив в малом бизнесе. По материалам заседания Комиссии по вопросам улучшения положения женщин при Правительстве РФ. 18 июня 1997 года. URL: www.a-z.ru/women/texts/podderr-e.htm (Дата обращения: 03.08.2020).

2. Якушкина Е.М. Деятельность региональных женских организаций в контексте современного женского движения // Научные ведомости Белгородского государственного института. Серия: История. Политология. 2009. № 9. С. 205–212.

3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно-полезных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2016. № 27, ст. 4220.

4. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017 – 2022 годы. М. 22 с.

5. Губернаторам поручили создать кризисные центры для женщин и поддержать НКО, работающие с домашним насилием. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/04/27/gubernatoram-poru...hhin-i-podderzhat-nko-rabotayushhie-s-domashnim-nasiliem/> (Дата обращения: 06.08.2020).

6. Полюшкевич О. А. Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 246–260.

**ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ:
ДИНАМИКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ (2014-2020 ГГ.)**
**REUNIFICATION OF THE CRIMEA WITH RUSSIA:
PUBLIC OPINION DYNAMICS (2014-2020)**

В.А. Чигрин, Е.Г. Городецкая
*Крымский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Симферополь*
V.A. Chigrin, E.G. Gorodetskaya
*The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences,
Crimean Branch, Simferopol*

Общественное мнение как проявление состояния массового сознания отражает ситуацию, складывающуюся в определенном социуме в столь же определенный временной промежуток, а кроме того фиксирует состояние проблем, волнующих данный социум. Через мониторинг общественного мнения по тому или иному вопросу можно решать как научные, так и сугубо практические вопросы, например, констатировать наличие определенных проблем и контролировать оценки их решения, оценивать ситуацию в диаде «власть – общество». В геополитическом плане мониторинг общественного мнения позволяет не просто констатировать изменения, происходящие в том или ином регионе, но и на базе этого мониторинга своевременно реагировать на все вызовы и угрозы недоброжелателей. Предлагаемый материал содержит анализ динамики общественного мнения населения Республики Крым относительно ее воссоединения с Россией и происходящих в жизни людей перемен.

Public opinion, as a manifestation of the state of mass consciousness, reflects the situation that is developing in a certain society in an equally certain time period, and in addition, it fixes the state of problems that concern this society. Thus, through monitoring public opinion on a particular issue, it is possible to solve both scientific and purely practical issues, for example, to ascertain the presence of certain problems and control assessments of their solution, to assess the situation in the “power-society” dyad, etc. In geopolitical terms, monitoring of public opinion makes it possible not only to ascertain the changes taking place in a particular region, but also on the basis of this monitoring to promptly respond to all the challenges and threats of ill-wishers. The proposed material contains an analysis of the dynamics of public opinion of the population of the Republic of Crimea regarding its reunification with Russia and the changes taking place in people's lives.

Ключевые слова: историческая память, менталитет, выборка исследования, этническая структура, общественное мнение

Keywords: historical memory, mentality, research sample, ethnic structure, public opinion

Прежде чем перейти к изложению основного материала, отметим, что социально-политическое пространство Крыма включает в себя несколько неоднородных зон, что определяется различиями в политических предпочтениях и социально-политической активности жителей. Дифференциация сложившихся в годы принадлежности к Украине субкультур осуществляется по регионам, расселение в которых происходило под существенным нажимом сначала советских, а потом и украинских властей, а также по линии «город–село», определяется социально-демографическими и социально-этническими характеристиками населения. Кроме того устойчивая политическая самоидентификация затруднена слабой ориентацией граждан в пространстве идеологических символов, амбивалентностью ценностных ориентаций, что является следствием затяжной социальной аномии, сформировавшейся у жителей «мятежного» полуострова в украинский период.

В основу предлагаемого материала положены результаты репрезентативного исследования, проведенного сотрудниками Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, в ходе которого были опрошены респонденты в 15 городах Крыма и в 12 сельских районах – всего более 1800 человек [1].

Сдерживающим моментом является энтузиазм, связанный с фактом воссоединения Крыма с Россией. Эффект защищенности и более высокой стабильности продолжает работать в сознании крымчан и предохраняет их от привычных в годы Украины активных протестных действий, которые медленно идут на убыль. Ведь «к хорошему привыкают быстро».

Вот как оценивают крымчане изменения в социально-экономической и политической ситуации в Крыму после его воссоединения с Россией.

Т а б л и ц а 1

Оценка изменений в ситуации в Крыму после воссоединения с Россией, %

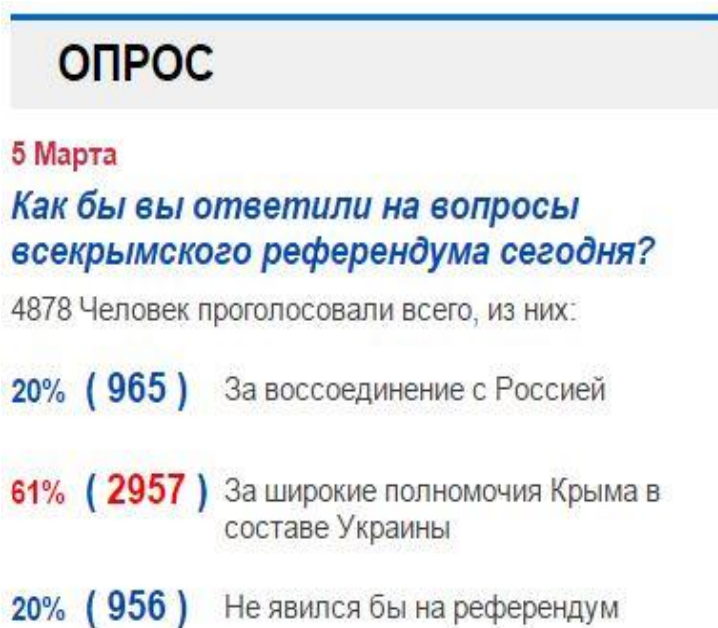
Тип поселения	Однозначно улучшилась	Начала улучшаться	В чем-то улучшилась, а в чем-то ухудшилась	Ничего не изменилось	Ситуация стала ухудшаться	Ситуация однозначно ухудшилась
Город	18,95	26,24	35,36	7,40	8,92	3,14
Село	21,73	28,18	37,57	6,26	4,24	2,03

В среднем по Крыму мы наблюдаем ощутимое превышение положительных последствий воссоединения Крыма с Россией. Но вопрос

активизации политического участия населения в жизни страны и полуострова пока еще не решен.

Специфической чертой политического участия в современном Крыму является бессистемность, доставшаяся от пребывания в политическом пространстве Украины, что отражено в параметрах нашего исследования, которые характеризуют соотношение трех позиций: «поддержка → конформизм (безразличие) → протестность»: 43,9% → 44,6% → 11,5%. Таким образом, около 44% населения Крыма поддерживает власть, около 45% находится в состоянии политической апатии, а десятая часть – протестники, большинство которых – несистемные.

Уровень политического участия, его масштабы являются показателем демократического развития общества. Политическое участие реализуется через соответствующее политическое поведение, социально значимую деятельность граждан. Часто его пытаются фальсифицировать наши оппоненты. Пять лет назад на сайте «Крымской правды» – газеты с солидным стажем появились довольно странные материалы социологического опроса [2], результаты которого сводились к следующему:

Пока трудно сказать, кто и каким образом запустил явно сфальсифицированные данные в Интернет, да еще и на таком сайте, но мы еще раз убеждаемся, что сегодня социология используется как идеологическое оружие, способное влиять на мнение пользователей, не особенно искушенных в методологии, методике и технологии проведения исследований.

Подобного рода «данные» появляются с завидным постоянством ежегодно и приводятся в высказываниях отщепенцев, окопавшихся в

Верховной Раде Украины, предложившей в октябре 2020 г. вообще «передать Крым Турции».

Внесем ясность в эту ситуацию, привлекая данные репрезентативных исследований, проведенных коллективом Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в феврале-марте 2020 г. (N=2000) во всех административно-территориальных образованиях Республики Крым.

Начнем с того, что исследования, проведенные нами (тогда мы руководили центром «Социо») в Крыму и Севастополе в 2012 и 2013 гг., показали сохраняющееся стремление значительной части населения Крыма к воссоединению с Россией [3].

Т а б л и ц а 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, для Крыма лучше...» (N=2750)**

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Войти в состав Российской Федерации, несмотря на обострение обстановки	48,9
Добиваться больших полномочий для автономии, но в рамках Украины	25,5
Оставаться в составе Украины как АРК, так как статус Крыма – не актуальная тема	12,3
Оставаться в составе Украины, но как автономная национальная республика	8,3
Оставаться в составе Украины без особого статуса как остальные регионы Украины	4,9

Дело в том, что начиная с 1954 г. с момента вхождения Крыма в состав Украины, власти Украинской ССР настойчиво пытались административно-командным путем внедрить украинские языковые и культурные стандарты. Однако их усилия не привели к существенной украинизации. Скорее, сами украинские переселенцы оказались в поле более сильного русскокультурного влияния.

Об этом свидетельствуют результаты Всеукраинского референдума 1991 г. с вопросом: «Поддерживаете ли вы акт провозглашения независимости Украины». Из 1535154 избирателей, внесенных в списки голосования по автономии, «за» проголосовали только 561498 человек, или 36,58%. Таким образом, 973656 избирателей Крыма (почти 2/3 от общего количества) не одобрили или отказались голосовать за Акт провозглашения независимости Украины, что ставит под сомнение легитимность этого референдума в Крыму.

Мы вправе предполагать, что политика Украины могла бы послужить детонатором столкновения народов Крыма на национальной и религиозной почве, если бы не произошло исторического воссоединения Крыма с Россией. К сожалению, сегодня указанные сегменты угроз населению Крыма со стороны

Украины и ее западных союзников сохраняются в надежде расшатать формирующиеся основы новых отношений на полуострове. Наши исследования, проводящиеся в рамках программы Крымского филиала ФНИСЦ РАН, показывают, что эти вызовы и угрозы направлены на такие группы, как молодежь Крыма, часть людей, ранее занятых в «серой зоне» экономики Крыма, часть крымских татар и этнических украинцев, небольшую часть интеллигенции и специалистов. Такое воздействие приносит свои немногочисленные, но ядовитые плоды, поскольку общее состояние социальной анонии, сформировавшееся при Украине, еще не полностью преодолено.

И все-таки наши исследования 2015-2018 гг. и последнее исследование 2020 года последовательно показывают, что факт воссоединения Крыма с Россией не подвергается сомнению в общественном сознании подавляющего большинства крымчан. Напомним, что 16 марта 2014 г. за воссоединение с Россией на референдуме проголосовали более 96% всех, пришедших на участки для голосования. За статус Крыма как части Украины проголосовали 2,51% населения.

Эти результаты в первые годы после референдума проверяли не только российские социологические центры, но и западные фирмы, которые вынуждены были подтвердить выбор населения Крыма.

Наши исследования фиксируют довольно низкий уровень социальной напряженности по Крыму, который в марте 2020 г. не превышал 9,1%, что дает основания для оптимизма. Но не стоит упускать взаимосвязи политической власти с сознанием граждан – это необходимое условие осуществления социально-политических изменений в обществе, один из факторов, обеспечивающих стабильность его жизнедеятельности.

К сожалению, социальная практика свидетельствует, что непосредственные формы политического участия граждан в жизни нашего регионального сообщества находятся все еще в зародышевой стадии. *Реальным индикатором является только их участие в выборах разного уровня и референдумах.*

Для определения уровня политического участия крымчан мы задали вопрос: *«Если бы референдум о воссоединении Крыма с Россией состоялся сегодня, Вы бы...».*

Нужно отметить, что ответы на данный вопрос дают возможность определить степень устойчивости положительного отношения респондентов к самому прецеденту вхождения Крыма в состав России. Наши противники всячески искажают это отношение, выбирая отдельные факты, не отражающие реальную ситуацию, или специально режиссированные интервью представителей

«протестного сообщества». Особенно стараются «Крым – Реалии» и националистические крымскотатарские организации, собирающиеся провести марш на Крым. Коронавирус не только поломал их планы, но дал им возможность найти повод отказа от этого безнадежно позорного для них мероприятия. Но активность этих сил в Интернете не ослабевает и даже усиливается.

Следует постоянно держать в поле зрения, прежде всего, виртуальную часть этих «псевдопротестников», поскольку, как мы отмечали в ряде отчетов по территориям, до 63% населения склонны в той или иной степени доверять слухам и сплетням. Имеющая место пандемия коронавируса способна усилить это влияние, вследствие чего следует провести точечный мониторинг уровня социальной напряженности по некоторым отмеченным нами территориям и городам Крыма.

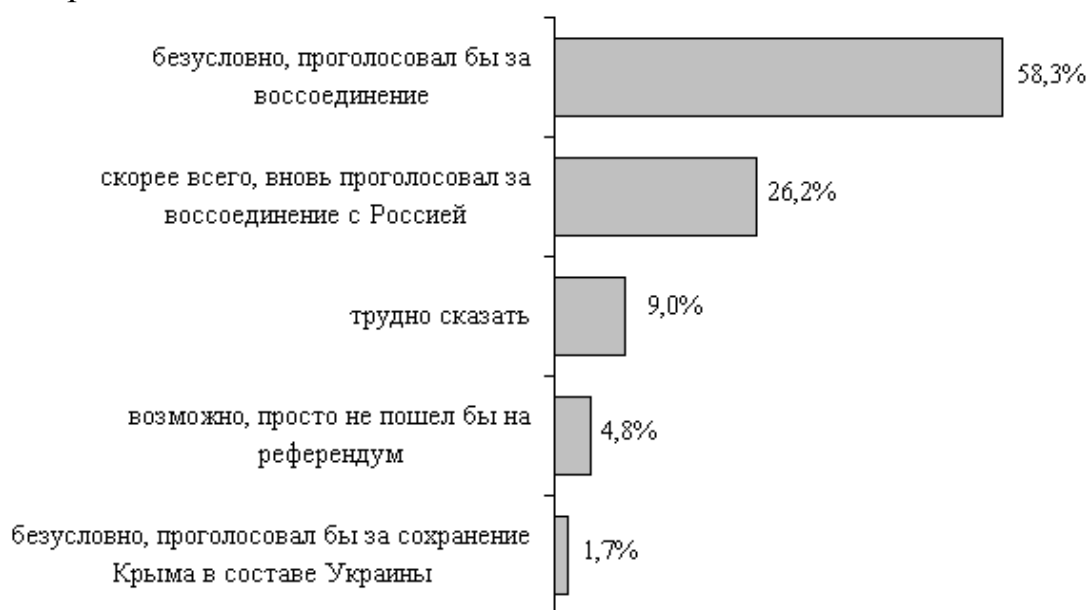

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Если бы референдум о воссоединении Крыма с Россией состоялся сегодня, Вы бы...»

Если учитывать, что из респондентов, отвечающих «трудно сказать», примерно половина принимает положительное решение, то за воссоединение Крыма с Россией проголосовало бы 88-89% крымчан.

Это не означает, однако, что в Крыму отсутствуют группы риска. Эти группы могут быть открытыми или латентными.

Корреляционный анализ по Крыму в целом дает направления, в которых мы можем фиксировать эти группы. Первое направление – возрастное. Нужно всегда держать на контроле воспитание исторической памяти младших возрастных групп населения, особенно тех, кто был несовершеннолетним в момент проведения референдума 2014 г. В результате ослабления воспитательной работы в студенческой среде начинает произрастать космополитизм и гражданский нигилизм, ощущение вседозволенности и

безнаказанности. Отсюда проистекает то, что именно молодежь и студенты могут стать группой риска при всенародном обсуждении и принятии важных политических решений.

Т а б л и ц а 3

Ответы на вопрос: «Если бы референдум о воссоединении Крыма с Россией состоялся сегодня, Вы бы...» (по возрастным группам)

	безусловно, проголосовал бы за воссоединение	скорее всего, вновь проголосовал за воссоединение с Россией	трудно сказать	возможно, просто не пошел бы на референдум	безусловно, проголосовал бы за сохранение Крыма в составе Украины
18 - 30 лет	52,4%	28,4%	11,1%	6,2%	1,9%
31 - 40 лет	55,3%	30,0%	8,6%	4,2%	1,9%
41-50 лет	59,7%	24,7%	9,2%	4,9%	1,4%
51-60 лет	56,0%	28,9%	9,5%	4,5%	1,2%
Старше 60 лет	66,4%	20,5%	7,1%	4,2%	1,9%

Мы не включаем в группы риска другие возрастные группы, поскольку баланс ответов у них однозначно положителен.

Другая группа риска – отдельные этнические общности, в первую очередь, самоидентифицирующиеся как этнические украинцы и крымские татары. Приводимая таблица двумерных измерений наглядно об этом свидетельствует. При этом более протестными являются этнические украинцы, в то время как крымские татары во время исследования проявили характерную для данного этноса закрытость. Подобные характеристики применимы и к некоторым другим малым этническим общностям, но их процент дает очень большую статистическую погрешность.

Т а б л и ц а 4

Ответы на вопрос: «Если бы референдум о воссоединении Крыма с Россией состоялся сегодня, Вы бы...» (по этническим группам)

	безусловно, проголосовал бы за воссоединение	скорее всего, вновь проголосовал за воссоединение с Россией	трудно сказать	возможно, просто не пошел бы на референдум	безусловно, проголосовал бы за сохранение Крыма в составе Украины
русский	61,5%	25,4%	8,1%	4,1%	0,9%
украинский	45,2%	11,3%	21,0%	14,5%	8,1%
крымскотатарский	31,2%	42,2%	13,0%	7,8%	5,8%
другой	64,3%	7,1%	14,3%	7,1%	7,1%

Выводы

1. При наличии немногочисленных групп протестного населения (часть молодежи, часть лиц предпенсионного возраста, часть интеллигенции и служащих, националистически ориентированные этнические группы, часть

представителей малого и среднего бизнеса) поддержка населением Крыма воссоединения полуострова с Россией сохраняется на высоком уровне.

2. Стабильность существования, защищенность (как социальная, так и военная), масштабы перемен в инфраструктуре городов и сел выделяются респондентами как гаранты сделанного в 2014 году выбора.

3. Санкции внешнего и внутреннего характера тормозят формирование адекватного общественного мнения относительно перспектив Крыма и крымчан в составе Великой России.

Список литературы

1. Чигрин В.А., Лучинкина А.И., Городецкая Е.Г., Узунов В.В. Общество и власть: социально-политическое пространство Крыма: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (март-апрель 2020 г.). Симферополь, 2020. 63 с.

2. Крымская правда. URL: <http://investigator.org.ua/news/150577/> (Дата обращения 09.03.2015).

3. Чигрин В.А., Городецкая Е.Г. Региональные исследования электорального поля АР Крым: научный отчет центра НИИ «Социо» (август 2013 г. ч. 2). Мелитополь, 2013. 64 с.

ПУБЛИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ АКТИВНОЙ ПОЗИЦИИ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП В ОТНОШЕНИИ ДОСТУПНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ*

PUBLICITY AS A CONDITION FOR THE ACTIVE POSITION OF SMALL MOBILE GROUPS IN THE ACCESSIBLE URBAN ENVIRONMENT

В.Н. Ярская-Смирнова
*Саратовский государственный
технический университет им. Гагарина Ю.А., г. Саратов*

Е.Р. Ярская-Смирнова
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва*

V.N. Yarskaya-Smirnova
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov

E.R. Yarskaya-Smirnova
Higher School of Economics, Moscow

Авторская идея направлена на выявление инструментов формирования более высокого уровня справедливости, смягчения неравенства внутри городского социума, достижения сплочённости общества. На основе идеи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00321.

публичного пространства. Х. Арендт сформулированы концептуальные положения агентности, свободы, инклюзии, мобильности, городского гражданства в дискурсе доступной среды и универсального дизайна. Семантика этих категорий включает конкретные технологии, модели успешного включения маломобильных групп на примере людей с инвалидностью.

The Author's Idea is aimed at identifying tools for creating a higher Level of Justice, reducing Inequality within urban Society, and achieving social Cohesion. Based on the idea of Arendt's public Space, the Author formulated the conceptual Provisions of Agency, Freedom, Inclusion, Mobility, and urban Citizenship in the Discourse of accessible Environment and universal Design. The Semantics of these Categories includes specific Technologies and Models for successful Inclusion of low-mobility Cohorts based on the example of People with Disabilities.

Ключевые слова: агентность, урбанизм, мобильность, инвалид, публичность, приватность, доступная среда, город, коммуницирование

Keywords: agency, urbanism, mobility, disabled person, publicity, privacy, accessible environment, city, communication

Мировая социальная политика, как и региональные социальные и технологические проблемы уязвимых групп населения, в последние годы оказались тесно увязаны с вопросами доступной среды обитания. Ранее эту взаимосвязь ощутили экологи, затем и социальная урбанистика. Людям с различными особенностями, инвалидам в проекте модерна выделялись контролируемые зоны на географической и социальной периферии. В результате особенные люди, с ограниченными возможностями или особыми потребностями, и шире – маломобильные группы, достаточно долгое время были исключены из признания в социальных и политических теориях, принятия решений, социальной жизни в целом.

Причиной было устройство городов и всей жизни в духе модернистского проекта стремления к максимальной упорядоченности, подконтрольности и стабильности. В урбанистической политике и практике эти качества неизменности, порядка и управляемости были необходимы для контроля и ограничения активной социальной жизни. Универсальный или инклюзивный дизайн разрабатывается не только для граждан с ограниченными возможностями здоровья и пожилых людей, но и всех категорий населения. Под созданием среды подразумевается строительство зданий и сооружений с учетом безопасной и удобной эксплуатации, производство товаров, предоставление услуг, в которых нуждаются люди.

Концепция создания доступной среды возникла еще во второй половине прошлого столетия, ее впервые сформулировал Селвин Голдсмит в книге «Проектирование для инвалидов» [1]. Государственные нормативные

документы используют понятие «маломобильные группы», например, СНиП 35-01-2001 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения» (Киричков 2019). Можно предположить, что количество нуждающихся в более доступной городской среде составляет около трети населения: взрослые с детьми на колясках, пожилые, утратившие зоркость и подвижность, люди, испытывающие немощь. Основные принципы универсального дизайна, как известно, связаны с равенством в использовании продуктов и услуг, гибкостью в использовании, простым дизайном.

Кроме универсального дизайна возможности улучшения доступности среды зависят, конечно же, и от публичного пространства, создаваемого самими маломобильными горожанами, их активным участием в изменении городской среды. Публичным Х. Арендт называет то, что заметно, видно и гласно для других, максимально открыто. Это удостоверяет нашу идентичность, когда видят и слышат то, что и мы видим. Хотя люди смотрят и слушают с разных позиций: «действительность публичного пространства возникает из одновременного присутствия бесчисленных аспектов и перспектив, в которых предстаёт общее и для которых никогда не может существовать усредненного масштаба или общего знаменателя» [2, с. 75].

Публичное в социальной теории определяется как открытое, видимое, связанное с коллективными интересами, коммуникацией и диалогом. Публичное, во-первых, заметное, а во-вторых, общее, относящееся не к индивиду, а широкому контексту, миру [2].

Чтобы тематизация интересов приводила к конструктивному диалогу и влияла на принятие решений, необходима коммуникативная рациональность и активная позиция (агентность), связанная с речью и действием, коммуникацией в публичном пространстве в коллективных интересах. Агентность появляется у человека при условии заметности (выступления в явленность), способности к взаимодействию с другими, способности (и возможности) проявлять инициативу. При этом человек ориентирован не только на себя, но и мир, мотивирован не только и не столько личными, сколько коллективными интересами.

Какие подходы возможны для адаптации городской среды? Эксклюзивный – когда создаются отдельные объекты, доступные для инвалидов. Инклюзивный – случай универсального дизайна, когда все доступно для всех. Какой вариант мы должны проводить в жизнь? Как приучить все инстанции проектирования создавать заведомо безбарьерную среду, которую не нужно потом адаптировать за астрономические суммы денег? Что-то здесь очевидно, что-то вызывает дискуссии, что-то кажется невозможным. Но бесспорно одно – мы не имеем права бездействовать и молчать. Так и

понимают свою задачу наши информанты – участники исследования, проведенного летом-осенью 2019 г. в четырех городах России [3].

Кто же заинтересован в доступности городского пространства, с точки зрения наших информантов? Фактически, любой городской житель – «это человек, у которого есть близкие, даже если он сам полностью здоров. У него есть маленькие дети. У него есть старенькие бабушки. У него могут быть какие-то родственники, и он, так или иначе, в доступном пространстве заинтересован. Второй тезис: все-таки городской человек – это приоритетно пешеход» (Самара Интервью 7).

Эксперт из Казани отмечает рост программ досуга и занятости для пожилых людей в программах «Волонтеры здоровья», «Серебряный возраст» и других, «однако, по-прежнему остается актуальным вопрос недостатка пространств, дружественных для молодых семей с детьми, ограничено количество сценариев досуга и самообразования, которые для них доступны. Например, около двух недель назад я наблюдала, как молодая семья с двумя [маленькими] детьми не смогла посетить музей археологического дерева на острове Свяжск, поскольку, по правилам музея, посещать залы с коляской нельзя, да и доступность, как оказалось, внутри не обеспечена» (Казань Интервью 4).

Самарская информантка подметила: «доступная среда – это не "для инвалидов". В современном мире существует такое понятие, как "универсальный дизайн". Это эстетичность, функциональность и доступность городского пространства для *всех* жителей. И если мы покупаем низкопольные автобусы, то это не только для беспрепятственного перемещения инвалидов и пожилых. Это ещё и экономическая выгода. Человек, шагающий в транспорт по прямой, тратит в три раза меньше времени и сил по сравнению с транспортом со ступенями. А это и сокращение времени посадки пассажиров и увеличение общего пассажиропотока. Если в банке или магазине есть пандусы, даже мамочка с коляской с удовольствием воспользуется их услугой, а не пройдет мимо, сожалея, что не с кем оставить ребёнка и сходить в магазин» (Самара Интервью 1).

Термин «универсальный дизайн» впервые введен архитектором Рональдом Л. Мейсом [4, с. 6], чтобы описать понятие проектирования любых продуктов и среды с позиций эстетики и доступного использования. В результате ранения ставший инвалидом-колясочником и впоследствии вплотную занявшийся вопросами создания среды, комфортной для всех, сформулировал понятие универсального дизайна так: «проект всех изделий и сред, который максимально пригоден к употреблению без предварительной потребности в адаптации или специализации». Первым пунктом принципов

универсального дизайна Мейс назвал равенство в использовании людьми с различными физическими возможностями.

Говоря об универсальном дизайне, наши европейские коллеги употребляют термин «дизайн для всех», который сразу раскрывает сущность явления. Родители с колясками, пожилые и просто нездоровые люди, временно пребывающие в состоянии ограниченной мобильности, маленькие дети и любители передвигаться на роликах, самокатах и велосипедах, – все нуждаются в среде, которая бы не требовала приложения дополнительной ловкости и физических сил для перемещения и доступа к необходимым объектам.

Один из информантов сформулировал идею о *специфике социального времени*, говоря о распределении ответственности за создание доступной среды: «Хочется ответить, что государство. Но, к сожалению, не все так просто. Мы отошли от времени Советского Союза, когда государство было «должно». Сейчас по сути каждый человек ответственен за свой город. Я сейчас не имею в виду, и не призываю к тому, что давайте соберемся и пойдем создавать доступную среду. Я имею в виду, что неплохо бы было, чтобы, например, владелец магазина при установке пандуса задумался, а сможет ли человек с его помощью подняться. Ведь пандусы часто нужны не только для людей с инвалидностью, но и, например, для матерей с детьми. *Если бы каждый задумывался об этом, уже было бы хорошо*» (Томск Интервью 9). Настоящее время – это время личной ответственности и возможностей индивида и коллективных усилий.

«Публичное пространство, подобно общему нам миру, собирает людей и одновременно препятствует тому, чтобы мы, так сказать, спотыкались друг о друга» [1, с. 69]. Самарский эксперт предложил метафору города – это «образ общежития, в котором должны максимально учитываться интересы разных групп населения. Но и группы населения тоже должны подавать сигнал, что про них забыли» (Самара Интервью 7). Чем комфортнее и доступнее городское пространство, тем более вероятность того, что оно будет публичным.

Конвенция ООН о правах инвалидов знаменует «смену парадигмы» в том, что касается отношения и подходов к инвалидам. Принцип интеграции предполагает диалог между различными элементами общественного устройства по обеспечению доступной среды и смягчению социального неравенства. Социальная политика, направленная на совершенствование доступности среды, невозможна без публичности и агентности маломобильных групп, социальной инклюзии.

Список литературы

1. Goldsmith Selwyn Designing for the disabled. Third edition. London, Riba publications ltd, 1976. 525 p.
2. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Биbihина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
3. Ярская-Смирнова Е., Ярская В. Агентная позиция людей с инвалидностью в городском пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 56. С. 223-234.
4. Доступная среда для людей с ограниченными возможностями (технологический и социальный контексты инклюзии с позиций конвенции о правах лиц с ограниченными возможностями): Материалы VIII Восточно-Европейской научной конференции ICEVI-Europe. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2000. 232 с.

**ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
И ИНСТИТУТОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

ДОКЛАДЫ

**УТРАТА СОЦИАЛЬНОСТИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
A LOSS OF SOCIALITY AND ITS COSEQUENCES**

А.М. Бекарев, Г.С. Пак
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.M. Bekarev, G.S. Pak
Lobachevsky University

Представлена попытка доказательства, что утрата социальности в реальности отсутствует. Есть лишь ее ослабление через призму индивидуализации. Правда, для процесса индивидуализации человечество изобрело немало инструментов – от денег и дома, зеркал и масок до откровенных военных действий.

An attempt is made to prove that there is no loss of sociality in reality. There is only its weakening through the prism of individualization. However, for the process of individualization, humanity has invented many tools – from money and houses, mirrors and masks to outright military actions.

Ключевые слова: война, деньги, дом, зеркало, маска, индивидуализация, эгоизм, социальность

Keywords: war, money, house, mirror, mask, individualism, egoism, sociality

Социальность. Согрешим ли мы против истины, если скажем, что утрата социальности вызвана непомерным ростом эгоизма? Другой вопрос, чем вызван сам эгоизм? Здесь тоже ничего утешительного, поскольку едва ли что можно сделать с человеческой агрессивностью, на что обратил внимание К. Лоренц.

Но сначала об эгоизме. Мы знаем немало примеров в отношении коллективизма среди людей. Но они больше характеризуют примитивные общества типа племени «жес», что описал К. Леви-Стросс в своих «Печальных тропиках». Куда больше примеров индивидуализма. Об этом свидетельствуют многочисленные кровавые столкновения и войны. За всю писаную историю человечества, а это ни много ни мало – 4,5 тысячи лет, люди существовали мирно каких-то 240 лет. Война – это вполне типичное состояние человечества.

И можно строить различные гипотезы о классовой борьбе и экономических причинах войн. Но мы гипотез не измышляем. Война – не только свидетельство эгоизма, но и признак агрессии. Едва ли преодолимой. В этом весь вопрос.

Другие свидетельства эгоизма отнюдь не военного образца – дом, деньги, маска, зеркало. Можно их поподробнее описать, чтобы показать, что они – следствие эгоизма. Дом – наглядное свидетельство того, чтобы тело находилось в изоляции и, следовательно, было защищенным и независимым. Конечно, можно представить и другие убежища. Но смысл у всех один и тот же – закрыть тело от внешнего воздействия. Маска тоже прикрывает лицо индивида. Она (маска) чаще всего устрашающая. Это лучше защищает от негативного воздействия. Эгоистическая природа денег неочевидна, но она есть. Посредством денег лицо делает себя независимым, обретая какое-нибудь благо: и благо приобрел, и себя не утратил. Зеркало прибавляет уверенности эгоисту, что он прекрасен и уникален. К тому же через зеркало он узнает, что это он – отдельно взятый и ничем не прикрытый эгоист. У эгоиста немало культурных доспехов. Мы привели в пример лишь некоторые. Индивидуализации. Думаем их больше. Ибо история западноевропейской части человечества так или иначе связана ценностью личной жизни и индивидуальной свободой. Очень немногие сомневались, что человек – это «общественное животное» (термин Э. Аронсона) [1]. В их числе Альбер Камю, который в размышлении о гильотине подверг сомнению казалось бы константу относительно того, что индивид не может прожить вне общества [2].

Мы усомнились. Если с социальностью прощаются так легко, то она – дело приобретенное. Врожденным является индивидуализм. Возможно, картина с племенем «мундугумор» более реалистична. Ненавидят друг друга. И если есть социальность, то в терминах насилия. И все же напрашивается «агон» (состязательность) полов, а не их взаимное отчуждение. Не будем забывать и о том, что племя состоит из охотников – как мужчин, так и женщин. И кто знает, возможно, характер «артемиды» сказывается и на отношениях между полами.

С другой стороны, какая-то социальность все-таки нужна. Может быть, даже не та, что сложилась в традиционных институтах семьи, образования, государства, церкви, науки. Современность являет примеры социальности в виде «экосистемы техники Apple», когда два айфона вполне дружелюбно общаются между собой, объединенные одной цифровой платформой. Другими словами, зависимость индивидов, пусть сквозь слезы, остается, остается и социальность. Не очень-то легко ее вытравить – ни деньгами, изолированным жильем, масками или зеркалами.

Последствия. Нагнал страху З. Бауман [3]. Социальность утрачивается, но не целиком и безвозвратно. Старые связи ржавеют и исчезают, новые

появляются. Может быть, какой-то шумер и горевал по поводу гибели государства Шумер. Но умер и шумер, и его государство. Государственность как принцип связи индивидов осталась и воспроизводит себя то в виде кровавой диктатуры, то в виде игрушечного построения Сан-Марино. Остается сама государственность, хотя и отступает на вторые роли. Остается и семья, хотя уступила пальму первенства государствам, церкви и фирмам. Другими словами, социальность не исчезла. Только ослабела под тяжелыми ударами индивидуализма [3].

Список литературы

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / Изд. 7.; Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1998. 517 с.
2. Камю А. Размышления о гильотине // Иностранная литература. 1989. № 1. С. 32-74.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

СТРУКТУРА И ГРАНИЦЫ ЦЕЛЕПОЛАГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ STRUCTURE AND BOUNDARIES OF HUMAN GOAL-SETTING ACTIVITY: NEW CONTEXTS OF IDENTIFICATION

Е.Ю. Бикметов
*Уфимский государственный
авиационный технический университет, г. Уфа*
А.В. Лукьянов
Башкирский государственный университет, г. Уфа
E.Yu. Bikmetov
Ufa State Aviation Technical University, Ufa
A.V. Lukyanov
Bashkir State University, Ufa

Исследована структура и границы целеполагающей деятельности человека. Авторы анализируют «цель» в контексте ее связи с другими элементами деятельности: предметом, средствами и способами, результатами, характером выполняемых действий. Обращается внимание на сложную структуру целеполагания. Эта природа связана с нормативной составляющей прогноза, которая предполагает не только оценку последствий принимаемых решений, но и этический уровень мышления человека. Сделан мировоззренческий вывод, что мечты выступают в качестве надежды на лучшее, более справедливое будущее. Цель не жестко детерминирует деятельность человека, как информация, в которой связи между ее элементами

менее интенсивны, в отличие от знания, для которого характерна диалектическая взаимосвязанность элементов.

The article examines the structure and boundaries of goal-setting human activity. The authors analyze the "goal" in the context of its relationship with other elements of activity: the subject, means and methods, results, and the nature of the actions performed. The authors draw attention to the complex structure of goal setting. This nature is associated with the normative component of the forecast, which involves not only the assessment of the consequences of decisions made, but also the ethical level of human thinking. A worldview conclusion is made that dreams act as a hope for a better, fairer future. The goal doesn't strictly determine human activity as information, in which the connections between its elements are less intense, in contrast to knowledge, which is characterized by dialectical interconnectedness of elements.

Ключевые слова: целеполагающая деятельность, идентификация целеполагания, нормативная составляющая прогноза, надежда в целеполагании, знание и информация

Keywords: goal-setting activity, goal-setting identification, normative component of the forecast, hope in goal-setting, knowledge and information

Человеческая деятельность есть система многих элементов, среди которых, по словам К. Маркса, можно выделить пять. Речь идет о предмете деятельности, средствах и результатах, цели и характере выполняемых операций [1, с. 50]. Все эти элементы чрезвычайно актуальны и для исследования системы человеческой деятельности, и для анализа целеполагающей деятельности человека в современном мире, оказавшемся в условиях стохастичности и мерцающей аритмии. Но не только эти процессы побуждают обратиться к анализу сущности и границ целеполагающей деятельности человека. Изменение характера производственной деятельности, постоянное превалирование «мертвого» труда над «живым», обесценивание личности человека, рост прагматических ценностей, утилитарных мотивов и интересов, усиление отчуждения и самоотчуждения человека выдвигают на повестку дня вопрос о такой структурной составляющей деятельности, как «цель», необходимости анализа целеполагания. Сегодня на всех уровнях социетальной системы наблюдается рост прагматических настроений, кризис цели существования, смысла жизни человека. В организационных отношениях проявляется эмоциональное истощение, усталость, влекущие за собой потерю мотивации к труду, цинизм и безразличие к окружающим. Ряд исследователей связывают усталость в трудовых отношениях с феноменом субъективного благополучия разновозрастного персонала предприятий и социально-психологическим возрастом [2]. Личность утрачивает цели, прежде всего духовные, своего развития, становится равнодушной не только к продуктам

своей деятельности, средствам и способам достижения результатов, но ее перестает интересовать природа деятельности, предназначение. Смысл жизни начинает концентрироваться в большей мере на финансовой составляющей как абстрактной сущности деятельности, которая уничтожает духовные, нравственные силы. В процессе отождествления терминальных ценностей с бытием происходит объективация самой ценности и превращение ее в средство нового целеполагания [3, с. 41]. Человек мотивируется смыслом, поиски которого являются движущей силой его жизни. Если человек видит в чем-либо смысл, то он прилагает усилия, чтобы добиться цели. Искать и реализовать смысл – это личное призвание человека [4].

Если человек утрачивает цель своей деятельности, он перестает и осуществлять себя всесторонним образом. Граница целеполагающей деятельности заканчивается там, где иссякают сущностные силы человека, его надежда, вера в более совершенный мир. Но цель не связана с тем, что абсолютно ново, что только лишь начинается. Все новое, к чему стремится человек, на самом деле простирается не слишком далеко. Любая, даже самая высокая цель, ослабевает с течением времени, она имеет и ограниченную реализацию в социальном и культурном пространстве. Строго говоря, без стратегических целей и устремлений вся система деятельности разрушается: исчезают результаты или становятся ничтожными, да и сам «характер» деятельности становится малозначащим. Отсюда следует допустить, что целеполагание имеет приоритетное существование по сравнению с иными элементами деятельности человека. В целеполагании вырисовывается не только поисковая, но и нормативная составляющая деятельности. Последняя связана с оценкой последствий действий человека, предполагает, что ему необходимо иметь представление не только о результативности деятельности, но и анализировать свои мысли, чувства, мечты, надежды. Возможность «новой жизни» далеко не всегда должна пониматься «как нечто само собою разумеющееся» [5, с. 347]. Эта жизнь, связанная с деятельностью субъекта, менее всего относится со стабильным временем развития общества. В данном отношении поисковая составляющая прогноза, связанная с экстраполяцией возможностей человека на будущее, имеет характер мечты, которая, видимо, включается в процесс целеполагания. Но надежда на будущий, более справедливый мир предполагает ориентацию человека на нормативную составляющую прогнозирования и входит в структуру целеполагания. Надежда есть не только некий эффект, но и регулятор познавательной деятельности, делает нормативную составляющую прогноза более эффективной, поскольку имеет непосредственные выходы в социальную практику. Надежда делает результативность деятельности не только важным и актуальным ее элементом,

но и иногда ослабляет чрезмерные стремления к так называемому «светлому» будущему. Тот, кто понимает надежду слишком строго и категорично, а именно как то, что в обязательном порядке должно осуществиться, или как цель, к которой необходимо двигаться неуклонно, видимо, исключает из пространства надежды мечты, воображение, которые помогают образовываться представлениям о будущей действительности. В социальной жизни постоянно борются побуждения к рефлексии над последствиями действий и к самому действию, мысли и чувства, нравственные установки и неосознанные устремления. Целеполагание должно оказаться наполненным мечтами. Мы живем, лишь преодолевая себя, и в конечном счете устремлены в будущее. Но остается еще один существенный элемент, связанный с характером деятельности человека. В условиях отчуждения и самоотчуждения, порождающих свои практические цели, человек все реже возвращается в воспоминаниях к мироощущениям своего детства и юности. Сущность целеполагания состоит в том, что цель, в отличие от информации, не жестко детерминирует деятельность человека. Характер выполняемых операций никогда не ослабляет личность. Ее мечта о будущем наполнена осознанной нравственной волей и своей связью с целью деятельности. «Характер» устремлен к мечте о лучшем. Творческий, эмоционально окрашенный труд направлен на взросление личности человека, есть труд по развитию целеполагания и достижению относительного, духовного бессмертия человека. Человек, который ставит перед собой сверхцели, приоткрывается миру в своей мечте об его улучшении, поскольку его коммуникативная способность оказывается открытой нравственному целеполаганию. Но эта способность должна быть сообщена другому «Я», другим субъектам коммуникации. Лишение субъекта возможности целесообразного способа социального самоутверждения нередко приводит к вынужденной подмене рациональных способов коммуникации негуманными [6, с. 75]. Мечты людей далеко не однородны по содержанию. Одни мечты постепенно ослабляют бегство от действительности, ведут к тотальной апатии; другие мечты, хотя и не смиряются с низким качеством жизни, тем не менее, не отрываются от нее. Именно мечты выступают надеждой на лучшее будущее.

Изложенные размышления актуализируют необходимость междисциплинарного изучения глубинных оснований индивидуальной и коллективной исторической жизни, где цель деятельности сопряжена с феноменами мечты и надежды как аффекта с сознательным взрослением самой мечты, расширяющей контуры социально-исторического описания событий и новые контексты целеполагающей деятельности людей.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: т.1, кн.1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.23. М.: Политиздат, 1960. 907 с.
2. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х.М., Леонова И.С., Заладина А.С. Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала // Системная психология и социология. 2019. №2 (30). С. 36–52.
3. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Духовный, социокультурный и языковой контекст развития научного знания: монография. Уфа: УГАТУ, 2019. 225 с.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. 400 с.
6. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарёва М.А. Содержательный аспект экзистенции доверия // Манускрипт. 2018. №7 (93). С. 74–78.

РОССИЯ В АЗИИ: СОЦИАЛЬНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ RUSSIA IN ASIA: A SOCIO-CIVILIZATIONAL ASPECT

У.А. Винокурова
*Арктический государственный институт
культуры и искусств г. Якутск*
U.A. Vinokurova,
Arctic State Institute Culture and Arts, Yakutsk

Рассматриваются социально-цивилизационный аспект поворота России к азиатским цивилизациям, возможные сценарии изменения пограничий между российской и азиатскими цивилизациями, формулируются задачи модернизации дальневосточных территорий России.

The article examines the socio-civilizational aspect of Russia's turn to Asian civilizations, possible scenarios for changing the borders between Russian and Asian civilizations, formulates the tasks of modernizing the Far Eastern territories of Russia.

Ключевые слова: Тихоокеанская Азия, азиатская цивилизация, пограничье, незападный мир, мультицивилизационная идентичность

Keywords: Pacific Asia, Asian civilization, borderland, non-Western world, multicivilizational identity

Подъем Азии для России – новый вызов и новая возможность развить дремлющий код азиатской цивилизации в своей судьбе, чтобы удержать баланс в партнерстве с Азией. Пробуждение Азии, интеллектуальная деколонизация в виде азиатизма, паназиатизма началась, как утверждает В. Никонов, с поражения России в Цусимском сражении в 1905 г., когда японский адмирал Того победил в морском бою, вызвавшем ликование азиатских народов [1, 369]. Общая азиатская идентичность постепенно укрепляется. 15 мая 2019 г. в Пекине состоялась конференция по диалогу между цивилизациями Азии.

Существует несколько разных смыслов в понятиях «Азиатская Россия», «Евразийская Россия», «Тихоокеанская Россия», «Северо-Восточная Россия», «Евротихоокеанская Россия». Мы сосредоточимся преимущественно в смысле понятия «Тихоокеанская Россия», так как вся Азиатская Россия простирается от Урала до Тихого океана и занимает площадь 12,8 млн. км², что составляет почти 75% территории нашей страны, где проживает 31 млн. человек. Как доказывает И.Г. Яковенко, цивилизационная граница, разделяющая Европу и Азию, во-первых, пролегает западнее от линии Урала и Каспия, во-вторых, не представляет собой устойчивую, неподвижную сущность. Эту границу можно характеризовать через понятие лимитрофа. Понятие «лимитроф» фиксирует континуум переходных состояний между цивилизациями [2, 19]. Разрушение формирующейся советской цивилизации обнаружило отсутствие цивилизационного единства и обнажило исходные локальные типы цивилизаций на территориях, объединенных под красным флагом. СССР распался по линиям цивилизационных пограничій.

Так же весьма условны направления Север-Юг, Запад – Восток. Появилось понятие «Незападный мир». Множество исследований этих бинарных отношений зависят от точки расположения исследователя в пространстве планеты, часто стремящегося следовать евроцентристскому колониальному компасу. Профессор Варшавского университета, бурятка по национальности, доктор философии З. Морохоева отмечает, что «в картине мира Востока, стержнем которой является принцип связи, иначе, чем в картине мира Запада, организованы категории бытия, пространства, времени, причины и следствия, духовного, общества, государства, личности и др. И если западное мышление оперирует понятиями, содержанием которых являются качества, свойства вещей, то в восточном мышлении содержанием понятий выступают связи» [3, 31].

2014 г. ознаменовался поворотом России на «Восток» – «Один пояс – один путь», попыткой создания оси «Москва-Пекин-Дели», была принята Стратегия развития Дальнего Востока. В том же 2014 г. Китай стал крупнейшей экономикой мира. В. Никонов предлагает видеть Россию как страну евротихоокеанскую, решающую триединую задачу: модернизация Дальнего Востока с помощью соседних азиатских государств + стать частью экономики АТР + войти в систему коллективной безопасности региона [1, 335].

Данный макрорегион обладает и социокультурными особенностями, выражающимися в различиях развития науки, образования, здравоохранения, своеобразия культуры, нравственности, религиозных взглядов, системы

цивилизационных ценностей. Все 5 мировых религий родились в Азии. Философия ненасилия, гандизма, буддизма больше соответствует гуманизму интегрального будущего человечества. На глазах изменяется символическое социокультурное пространство – в информационное пространство России прочно входит китайский язык и письмо. Если мы в культурно-цивилизационную матрицу вложим особенности российской действительности и характеристики соседних азиатских цивилизаций, то сможем отслеживать траекторию возможных сдвигов пограничья.

Где пролегает лимитроф – пограничье цивилизаций на территории России? Есть три варианта ответа. 1-й вариант – доктор философских наук И.В. Кондаков аргументирует, что Россия представляет собой глобальное культурно-цивилизационное пограничье. Вовлеченность России к Западу и Востоку относит её к разряду *пограничных* цивилизационных и культурных явлений, каждый раз по-новому воссоздаваемых в ту или иную культурно-историческую эпоху [4]. 2-ой вариант – Россия относится к европейской цивилизации. И.Г. Яковенко полагает, что ценой невероятного исторического усилия из поколения в поколение русский народ работает над соединением несоединимых элементов. Россия/СССР остро не самодостаточна. Ценой больших затрат и жертв СССР удерживал Восточную Европу в сфере своего влияния 45 лет. Этот период свидетельствует об исчерпании цивилизационного проекта Восточной Европы, веками разрабатываемой имперской Россией как особого мира, альтернативного Западу [2].

3-й вариант – Россия – это азиатская страна, исходя из занимаемой территории и перспектив. Во многих отношениях Азиатская Россия остается до сих пор *terra incognita*. Роль России все больше смещается в область сырьевого придатка для бурно развивающихся азиатских стран. Очевидным симптомом надлома российской цивилизации, оказавшейся перед «вызовом сложности», являются демографический кризис и обезлюдивание дальневосточных окраин, подвергающихся влиянию тихоокеанских цивилизаций [5, 249].

Что общего у России с азиатскими цивилизациями?

Российско-азиатское цивилизационное пограничье представляется менее жестко обозначенным по сравнению с российско-европейскими границами, но более аморфным по проявленности цивилизационных ценностей. В межцивилизационном пространстве происходит усиление азиатского вектора взаимодействия в виде межгосударственных объединений АТР, АСЕАН, ШОС.

Поворот России в сторону Азии и АТР не обеспечен критическим анализом его фронтиров, ценностных трансформаций, принципов взаимодействий и оценкой возможных социально-цивилизационных последствий.

Заключение

1. Постколониальный азиатский мир активно формирует повестку дня человечества. Развиваются цветные цивилизации взамен цветных революций.

2. Земля, территории, пространства становятся ведущей ценностью цивилизационного развития по мере увеличения численности человечества. Азиатская Россия становится фронтиром мягкой силы азиатских цивилизаций.

3. Россия необходимо усилить поворот в сторону Азии, перенять социальные ценности азиатских цивилизаций, иначе неизбежны уступки и сдвиг пограничья вглубь российской Азии.

4. Россия может формировать свою цивилизационную идентичность как мультицивилизационную. Россия есть евротихоокеанская цивилизация с арктическим фронтиром.

Список литературы

1. Никонов В. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М.: Изд-во «Эксмо». 2016. 672 с.

2. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы: Монография. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 222 с.

3. Морохоева З. Пограничье в перспективе Евро-Азии // DEBATE IBI AL. Том IV. Цивилизационный выбор и пограничье / Ред. Я. Кеневич. Варшава, 2011. С. 11-37.

4. Кондаков И.В. Россия как глобальное культурно-цивилизационное пограничье // Материалы конференции «Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры / литературы». Москва, 4-6 июня 2012 г. / В.Б. Земсков, Ю.Н. Гирин, Т.В. Кудрявцева. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/335/> (Дата обращения: 25.07.2020).

5. Горин Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации: Монография. М., 2011. 280 с.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В РАЙОННЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN TECHNOLOGICAL CHANGE IN DISTRICT INNOVATION SYSTEMS

Даниэл Габальдон-Эстебан

Университет Валенсии, г. Валенсия, Испания

Daniel Gabaldón-Estevan

University of Valencia, Valencia, Spain

Рассматривается роль человеческого капитала в условиях технологических изменений на уровне районных инновационных систем. Синергетический эффект, возникающий в результате взаимодействия отдельных элементов, составляющих единую районную инновационную систему, влияет на инновационное производство и трансфер технологий по-разному: увеличивает качественный и количественный перенос информации; способствует росту доверия между различными элементами на уровне района; снижает операционные затраты; улучшает доступ к высококвалифицированному человеческому потенциалу. Кроме того, районная инновационная система

способствует лучшему продвижению инноваций благодаря человеческому потенциалу, конкурентному давлению и наличию доступных ресурсов.

The paper focuses on the role of human capital in technological change in district innovation systems. The synergies elicited by close relations among elements within a district innovation system affect innovation production and innovation transfer in different ways. (i) Incrementing qualitative and quantitative transfer of information, (ii) increasing confidence between the different elements in the district, (iii) lowering transaction costs, or (iv) improving access to experienced and high-skilled human capital. In addition, district innovation system also promote innovation in a variety of forms, because of the privileged perspective of those inside the district, the social capital available inside the district, the pressure of competitiveness, and the availability of resources inside the district specially the ability to stimulate the creation of human capital.

Ключевые слова: районная инновационная система, человеческий потенциал, инновации

Keywords: district innovation system, human capital, innovation

Первоначально концепция «распределенной инновационной системы» была придумана, чтобы подчеркнуть важность территории, когда отрасль принимает форму промышленного района, но также зависит от других элементов инновационной системы. Дистрибутивная, или районная инновационная система определяется как система взаимоотношений в промышленном районе, где внешние факторы способствуют инновационным процессам фирм [1]. Промышленный район понимается как социальная единица, которая не соответствует ограничениям конкретной администрации.

Университет Валенсии и Университет Хауме (UII) предоставляют человеческий капитал этой отрасли, связанной с областями химии. Говоря о промышленном районе Кастельона, подход, адаптированный в соответствии с работой Фернандеса де Лусио и др., (1996), показывает четыре среды (правовая и институциональная, производственная, научная и технологическая), каждая из которых находится под влиянием действующей правовой и институциональной базы [2]. Производственная среда в промышленном районе Кастельона включает производителей керамической плитки для пола и стен и производителей специальных деталей, а также производителей различных полуфабрикатов, таких как производители неглазурованной плитки и поставщики распыленной глины [3].

Среда технологических и передовых услуг промышленного района керамической плитки Кастельона объединяет все учреждения, способные предлагать и передавать технологические знания, которые могут быть преобразованы в инновации [4]. Элементы этой среды образуют связь между

требованиями производственной среды и потенциальными возможностями научной среды [5; 6].

В плиточной промышленности развитие знаний традиционно сосредоточено на этапах производственной цепочки, что требует специальных знаний в области физики, химии и инженерии [7]. Разработкой этих знаний для сектора занимается UJI и Instituto de Tecnología Cerámica (ITC). Целью является продвижение и развитие деятельности по повышению конкурентоспособности плиточной промышленности [3]. Большая часть работы выполняется химиками и направлена на снижение затрат и окупаемость капиталовложений [8]. В современной промышленности химики тоже являются одними из основных игроков в повышении ценности отходов и их повторном использовании в производственном процессе [9]. Инжиниринг (технологический или химический) имеет важное значение для процесса автоматизации. Основной вклад заключается в адаптации технологий к производству плитки поставщиками капитальных товаров, в основном итальянцам [10].

Что касается организации и продаж, в отрасли работают значительное количество выпускников бизнес-администрирования. Очевидно, необходимо усилить области распределения и коммерциализации, логистики и маркетинга, сосредоточив внимание на том, что можно назвать рыночной ориентацией (Fernandez-de-Lucio et al., 2005). Чтобы удовлетворить эти новые потребности отрасли в знаниях, ITC расширяет свою деятельность, включив в нее лаборатории по маркетингу и проектированию [11]. Другие передовые услуги, от помощи в области информатики до консультирования по экологическим технологиям и законам, не кажутся проблематичными, хотя в последнее время им уделяется все больше внимания [9].

Синергия, вызванная тесными отношениями между элементами внутри районной инновационной системы, по-разному влияет на производство и передачу инноваций: увеличение качественной и количественной передачи информации, повышение доверия между различными элементами в районе, снижение операционных издержек или улучшение доступа к опытному и высококвалифицированному человеческому капиталу.

The Spanish ceramic tile industry, which includes production of ceramic floor and wall tiles, decorative pieces, frit and glaze, machinery and equipment as well as other activities related to the ceramic process, has adopted an industrial district agglomeration and is located at *la Plana Alta; la Plana Baixa* and *L'Alcalaten* counties (*comarcas*) in Castellon province, Spain. Originally the concept of “Distritual Innovation System” has been brought about to emphasize the relevance of territory when an industry adopts the industrial district form but is also dependent on

other elements in the innovation system (Gabaldón-Estevan et al., 2012). The Distritual Innovation System or District Innovation System is formed by a set of institutions, firms and promotion mechanisms that offer continuous support to district firms. The DIS involves interconnections and cooperation among elements within the same environment for the purposes of innovation.

Distritual Innovation System is defined as a system of relationships within an industrial district where externalities facilitate firms' innovation processes (Gabaldón-Estevan et al., 2012). An industrial district is understood as a social entity that, while linked to a territory, usually does not conform to the limits of a specific administration. Distritual Innovation System emphasizes the relevance of territory, that is, when an industry adopts the district form, but is also highly dependent on other elements in the innovation system. The advantage of the Distritual Innovation System approach is that it overcomes the potential limitations of the district concept to capture and explain the innovative processes occurring within it but, at the same time, does not ignore the unique specificities that characterize and differentiate an industrial district from other levels of analysis.

Originally the concept of "Distritual Innovation System" has been brought about to emphasize the relevance of territory when an industry adopts the industrial district form but is also dependent on other elements in the innovation system (Gabaldón-Estevan et al., 2012). The Distritual Innovation System or District Innovation System is formed by a set of institutions, firms and promotion mechanisms that offer continuous support to district firms. The DIS involves interconnections and cooperation among elements within the same environment for the purposes of innovation.

Distritual Innovation System is defined as a system of relationships within an industrial district where externalities facilitate firms' innovation processes (Gabaldón-Estevan et al., 2012). An industrial district is understood as a social entity that, while linked to a territory, usually does not conform to the limits of a specific administration. Distritual Innovation System emphasizes the relevance of territory, that is, when an industry adopts the district form, but is also highly dependent on other elements in the innovation system. The advantage of the Distritual Innovation System approach is that it overcomes the potential limitations of the district concept to capture and explain the innovative processes occurring within it but, at the same time, does not ignore the unique specificities that characterize and differentiate an industrial district from other levels of analysis.

The University of Valencia first, and since the 80's University Jaume I have been providing human capital to this industry, specially the one related to the areas of chemistry due the demand from the sector. Technicians that work within the boundaries of the ceramic tile industrial district of Castellón besides having being

college companions are neighbours, might be family, and surely they are industry colleagues. As is exemplified by the existence and the activities developed by the ATC, the ceramic technicians association whose purpose is to serve as a platform for the channelling of information sharing, socialization, and training.

The ceramic tile industrial district of Castellon consists of actors, networks and institutions. The approach, adapted from Fernandez de Lucio et al., (1996), shows four environments (the legal and institutional, the productive, the scientific and the technological) all of which are influenced by the legal and institutional framework in place (see Gabaldón-Estevan et al., 2014a for a detailed explanation).

The productive environment of the ceramic tile industrial district of Castellón includes floor and wall ceramic tile producers, and producers of special pieces, as well as diverse semi-elaborated product manufacturers such as unglazed tiles producers and atomised clay providers (Gabaldón-Estevan and Fernández-de-Lucio, 2018)

The technological and advanced services environment of the ceramic tile industrial district of Castellón groups all institutions able to offer and deliver technological knowledge that can be transformed into innovations (Gabaldón-Estevan et al. 2018). This includes technologically new machinery, materials, consultancy and services. It is important to highlight that the elements of this environment form a nexus between the requirements of the productive environment and the potential capacities of the scientific environment. The agents in the technological and advanced services environment are the providers that bring novel or improved technological solutions and diffuse them in the sector, for example frit, glaze and colour providers (Tortajada et al., 2008; 2009), machinery providers and varied services providers (design, computer-aided design/computer-aided manufacturing CAD/CAM, serigraphy, etc.) here again, the social capital smooth.

The firms and service providers from the sector that provides advice in the fields of design, computerisation and new technologies, technological and market consultancy, etc. belong to the technological and advanced services environment. Some ceramics firms have their own internal design departments, but most buy the technical designs or acquire them from their frit and glaze or special piece providers.

The Instituto de Tecnología Cerámica (ITC) is a university institute whose purpose is to promote and develop activities to improve the competitiveness of the tile industry, and which contributes particularly to the development of the frit and glaze subsector (Tortajada-Esparza et al., 2008).

The scientific environment is constituted of university and public and private research centre research groups. More specifically in the scientific environment of the ceramic tile industrial district of Castellón there are the University Jaume I (UJI) and the above mentioned ITC, which is linked to the Department of Chemical

Engineering of UJI. Two departments, (i) Chemical Engineering and Inorganic and (ii) Organic Chemistry in UJI, are the mainly responsible for the research developed in the areas of ceramic technology, chemistry, environmental pollution and ceramic design. At Universidad Politécnica de Valencia (UPV) the Centre for Research on Graphic Design focuses its research on systematisation and control of glazing lines in order to reduce the amount of glaze used, increase the quality of the final product, and reduce the production of undesirable tones. The Institute for Ceramic and Glass (ICV), which belongs to the Spanish Council for Scientific Research, carries out basic and applied research in different fields related to ceramics and glass for the frit and glaze subsectors.

Finally, there is the institutional environment, which is made up of the different public administrations which, by means of developing different policies, exerts a more or less intense influence on the industrial activity. The different support associations are highly relevant in the sector; trade fairs and congresses function as instruments for promotion and are important sources of information for technological innovation; and, the Trade, Industry and Navigation Chamber of Castellón, the Industrial Engineers Professional Association and the Entrepreneurship Confederation of Castellón act as support and service providers for entrepreneurship within the industry. Due to the relevance of the tile sector for the local economy, the role of these actors for this sector is very significant.

The ceramic tile knowledge base

In the tile industry, knowledge development has traditionally focused on the phases in the production chain, from clay extraction to packing the product, which includes the areas of materials characterisation and materials processing, and requires specially knowledge of physics, but also chemistry and engineering (Gabaldón-Estevan and Hekkert, 2013). The development of those knowledge for the sector has been done by the specialised research centre ITC and UJI and is directed to codifying the industry 'know how' in scientific terms, to create a doctrinal body of knowledge, including the search of new materials and basic research. Most of this work is been done by chemists and is focused on reducing costs and paying off capital goods investments (Mezquita et al., 2017).

Chemistry is fundamental to the development of frits, glazes and colours, and is conducted mainly by the providers of these components, although in collaboration with ITC and UJI, especially in relation to setting the parameters. The frit and glaze companies' mastery of the development of new formulations for the tile companies means that these companies develop in-house all the designs required by the tile companies which, in return, purchase all their glaze and frit supplies from them. This applies to most tile companies since only a very few have their own laboratories specialised in these activities. In today's industry, chemists are also one of the main

players in the valorisation of waste materials and their reutilisation in the production process (Gabaldón-Estevan et al., 2014b).

Engineering, either with process or chemistry specialisation, is relevant for the automation process. The main contributions are in the form of adaptation of technologies to the tile industry by capital goods providers, mainly Italians. Spanish engineers work in Italian companies selling their products and providing assistance, and also work in Spanish companies, giving advice on the use of Italian machinery or developing Spanish machinery for decoration of ceramic products, the only area where Spanish machinery is competitive (Gabaldón-Estevan, 2016).

Regarding organisation and sales, there is a considerable presence of business administration graduates in the industry, many of whom have family links to the owner and might be expected to take over management of their companies in the future. There is a consensus on the need to reinforce the distribution and commercialisation, logistics and marketing areas, focusing on what might be described as market orientation (Fernandez-de-Lucio et al., 2005). The high quality of the products obtained, by both Spanish producers and their competitors, is pushing the most important companies to devote more resources to exclusive designs and control of the distribution chain. This includes developing design teams, a brand-promotion strategy (including having their own shops open to the public), and so on. Consequently, and in order to meet those new knowledge demands from the industry, the ITC is extending its activities to include market and design laboratories (Gabaldón-Estevan and Ybarra, 2017).

Other advanced services, from informatics assistance to consultancy on environmental technologies and laws, seem not to be problematic, although is gaining more attention in recent times (Monfort et al., 2014) though most of those activities are externalised to service companies in collaboration with various producer associations and other institutions.

Conclusion

As it has been pointed out, the synergies elicited by close relations among elements within a district innovation system affect innovation production and innovation transfer in different ways. (i) Incrementing qualitative and quantitative transfer of information, (ii) increasing confidence between the different elements in the district, (iii) lowering transaction costs, or (iv) improving access to experienced and high-skilled human capital. In addition, district innovation system also promote innovation in a variety of forms, because of the privileged perspective of those inside the district, the social capital available inside the district, the pressure of competitiveness, and the availability of resources inside the district specially the ability to stimulate the creation of human capital.

References

1. Gabaldón-Estevan, D., Fernández-de-Lucio, I., & Molina-Morales, F. X. (2012) Sistemas distrituales de innovación, *Arbor* 188(753): 63-73.
2. Gabaldón-Estevan, D., Criado, E. and Monfort, E. (2014) ‘The Green Factor in European Manufacturing: A case study of the Spanish ceramic tile industry’, *Journal of Cleaner Production* 70: 242-250.
3. Tortajada-Esparza, E., Gabaldón-Estevan, D. and Fernández-de-Lucio, I. (2008) La evolución tecnológica del distrito cerámico de Castellón: la contribución de la industria de fritas, colores y esmaltes. *BOL SOC ESP CERAM V*, 47(2) 57-80.
4. Gabaldón-Estevan, D., Manjarrés-Henríquez, L., & Molina-Morales, F. X. (2018). An analysis of the Spanish ceramic tile industry research contracts and patents. *European Planning Studies*, 26(5), 895-914.
5. Tortajada Esparza, E.; Fernández de Lucio I.; Gabaldón Estevan, D. (2008) Competitiveness and Profitability – New Challenges in the Ceramic Frit, Glaze and Colour Industry, Part 1 *Interceram* 57 (6) 436-439.
6. Tortajada Esparza, E.; Fernández de Lucio I.; Gabaldón Estevan, D. (2009) Competitiveness and Profitability – New Challenges in the Ceramic Frit, Glaze and Colour Industry Part 2 *Interceram* 58 (1) 36-39.
7. Gabaldón-Estevan, D. and Hekkert, M. P. (2013) How does the innovation system in the Spanish ceramic tile sector function?, *Boletín de la Sociedad Española de Cerámica y Vidrio* 52(3): 151-158.
8. Mezquita, A., Monfort, E., Ferrer, S., & Gabaldón-Estevan, D. (2017). How to reduce energy and water consumption in the preparation of raw materials for ceramic tile manufacturing: Dry versus wet route. *Journal of Cleaner Production*, 168, 1566-1570.
9. Monfort, E., Mezquita, A., Vaquer, E., Mallol, G., Gabaldón-Estevan, D. (2014b) La evolución energética del sector español de baldosas cerámicas. *Bol Soc Esp Ceram V Vol* 53, 3, 111-120.
10. Gabaldón-Estevan, Daniel (2016) Innovation Diffusion in the European Ceramic Tile Industry Supply Chain. In Addo-Tenkorang, R.; Kantola, J.; Helo, P.; Shamsuzzoha, A. *Supply Chain Strategies and the Engineer-to-Order Approach*. IGI Global, 76-97.
11. Gabaldón-Estevan, D. & Ybarra, JA. (2017) Innovative culture in district innovation systems of European ceramics SMEs, *European Planning Studies*, 25(11), 2021-2036.
12. Gabaldón-Estevan, D., Mezquita, A., Ferrer, S. and Monfort, E. (2016) Unwanted effects of European Union environmental policy to promote a post-carbon industry. The case of energy in the European ceramic tile sector, *Journal of Cleaner Production*, 117, 41-49.

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ THE CONCEPT OF SUBJECTIVE SOCIOLOGY

А.А. Гагаев

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск

П.А. Гагаев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

A.A. Gagaev

Ogarev Mordovia State University, Saransk

P.A. Gagaev

Penza State University, Penza

Субъективная социология не есть эмоциональное и оценочное осмысление социальных процессов, но качественный подход к исследованию социальных практик в моделях, во-первых, русского культурно-исторического типа в составе тюрков, ирано-аланов, угро-финнов, евразийцев, славян русских; во-вторых, воспроизводственного процесса русского культурно-исторического типа; в-третьих, отношения совместимости, выводимости, следования в воспроизводстве всех этносов Евразии, осуществляя их расширенное воспроизводство, включая языки; в-четвертых, этноформы науки этносов Евразии; в-пятых, системы естественной справедливости, в том числе этнической справедливости в отношении женщин, детей и восстановительной справедливости в Евразии; в-шестых, синтез социологий: объективной, субъективной, этносоциологии, социологии знания и социологии права.

Subjective sociology is not an emotional and evaluative understanding of social processes, but a qualitative approach to the study of social practices in models, firstly, of the Russian cultural-historical type, consisting of Turks, Irano-Alans, Threats-Finns, Eurasians and Slavs of Russians; secondly, the reproduction process of the Russian cultural-historical type; thirdly, the relations of compatibility, deducibility, adherence in reproduction of all the ethnoses of Eurasia, carrying out their expanded reproduction, including languages; fourthly, the ethnoforms of science of Eurasian ethnoses; fifthly, the systems of natural justice, including ethnic justice against women, children and restorative justice in Eurasia; sixthly, the synthesis of sociologies: objective, subjective, ethnosociology, sociology of knowledge and sociology of law.

Ключевые слова: субъективная социология, качественный подход в социологии

Keywords: subjective sociology, a qualitative approach in sociology

Введение. Субъективную социологию рассматривают только как историческую теорию. Между тем в современных исследованиях, в особенности западных, субъективно-психосемантический подход все чаще

становится одним из инвариантов социологических исследований. Пришло время вернуться к методологии социологии П. Лаврова, Н.К. Михайловского, Л. Петражицкого.

I. Представления о субъективной социологии в России (даже если иметь в виду только социологии П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева, С.Н. Южакова) абсолютно неверные. В общей форме под субъективной социологией и субъективным методом в социологии понимается: а) эмоциональное осмысление объекта исследования в социологии, истории, философии истории, б) изучение социальных фактов в схемах нравственного идеала и оценок (деонтическая и алетическая логика) в рамках морально-нормативного и ценностного подходов, в) включение в субъективную социологию позитивистских методов исследования О. Конта, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера. Неверность такой интерпретации состоит, во-первых, в том, что субъективная социология имеет предпосылки в истории России, и это творчество митрополита Иллариона, Св. Сергия Радонежского, инока Епифания Премудрого, инока Филофея, св. Нила Сорского и св. Иосифа Волоцкого, патриарха Никона и св. Аввакума, Ермолай-Еразма, И.С. Пересветова, Ю. Крижанича, Ф. Прокоповича и С. Яворского, В.Н. Татищева, А.Н. Радищева, П.И. Пестеля, Н.И. Надеждина, П.Я. Чаадаева, Н.И. Кареева, С.И. Южакова, К.Д. Кавелина, Ю.Ф. Самарина, В.О. Ключевского, Н.Я. Данилевского, Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, Л.И. Петражицкого, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.И. Ленина и И.В. Сталина, в современности – Р.А. Ярцева (рациональный скептицизм, онтологический субъективизм, здравый смысл в науке), О.А. Ожеговой (этносоциология этнопереживаний), Г.Р. Хамзиной. Г.Р. Хамзина создала эссенциально-структурную этноментальную модель реального антагонизма столиц и провинций в постсоветской системе деградации России (модель субъективной социологии, а если иметь в виду татарский тип мышления – экзистенциальной социологии татарского этноса в аспекте соотношения столицы и провинций). Этносубъективно-социологическим является исследование А.Ю. Кругловой [1]. Данная работа выполнена в модели субъективной этносоциологии и варианте социологии М.М. Ковалевского – социальные процессы рассматриваются в юридической форме. Во-вторых, существует конструктивная субъективная социология, прежде всего П.И. Пестеля, А.Н. Радищева, П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, Л.И. Петражицкого, и отрицательная конструктивистская субъективная социология, обосновывающая системы неравенства и абсолютистскую власть в России и извращающая теорию естественного права и теорию правового государства. Это социологии инока Филофея, св. Иосифа

Волоцкого, патриарха Никона, Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, А.С. Хомякова, А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича. В-третьих, субъективная социология в методическом смысле обсуждает проблемы синтеза суждений и оценок в социологическом исследовании в семантической теории истины; проблему качественного исследования субъективной стороны практики социальных взаимодействий, институтов при первичности качественных методов над количественными, предполагая уникальность исследуемых ситуаций, их социальный смысл (качественная социология есть субъективная социология); проблему искажения и заблуждения социологов в работе с людьми и интерпретации фактов (постмодернизм в социологии) при редукции уникальных и проблематических вероятностных фактов к общему; проблемы психосемантики и аффекта вообще в социальной практике (когнитивность, аффект, поведение, субъективные переживания, институциональность, языковые конструкты, моделирование субъективно-этнических семантик внутреннего мира личности или, на современном языке, субъективного семантического пространства) [2, с. 59-126]. В-четвертых, суть субъективной социологии состоит не во введении эмоции и оценки в интерпретацию объективных фактов, но в создании этнопсихологической модели динамики и статики науки, которая соединяет: а) универсальность науки, б) этномодель воспроизводства народа, этносов, в) этноконструирование реальности и институтов согласно этнической природе русского народа, г) качественную методологию выявления психосемантики личной оценки, мысли, чувства, ощущения, интуиции, аффекта, поведения этночеловека в истории, интерпретируя количественные данные в исследовании, д) синтез социологии объективной, субъективной и социологии знания, социологии права [3; 4; 5;6].

II. Суть субъективной социологии состоит в создании: 1.1) экзистенциальной этномодели жизни и истории России как страдания и Ада (это понимали и чувствовали св. апостол Аввакум, А.Н. Радищев, П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский); 1.2) этнокультурных моделей воспроизводства и аксиоматики воспроизводства русского культурно-исторического типа, 2) создании модели русского народа и его суперэтногенеза, этногенеза и демогенеза в Евразии; 3) этнопсихологической модели динамики и статики науки, которая соединяет универсальность науки и этническую форму логики открытия и изобретения, вероятностную и семантическую теорию истины, лично-этническую форму знания, предвосхищая теорию личного знания М. Поляни, критика в позитивной субъективной социологии отрицательной субъективной социологии обосновывающий несправедливость, неравенство и использование насилия в истории России, извращая естественное

право и право протеста и революции в истории России, 4) этно-КПЛ формы деятельности народа в эволюции и истории; 5.1) этноконструирование реальности и этнических институтов согласно этнической природе русского народа, форм централизма и самоорганизации в Евразии; 5.2) моделирование отношений идентичности и идентификации в русский культурно-исторический тип, формы справедливости в Евразии на основе общей собственности, и самоорганизации, исключая форму частной собственности и власти, форму техники и рынка основанных на частной собственности; 5.3) качественную методологию выявления психосемантики личной оценки, мысли, чувства, ощущения, интуиции, аффекта, поведения, интерпретируя количественные данные в исследовании, перфекцию в этномоделях науки и образования; 5.4) форму аккультурации, рецепции, реторсии в модели эволюции, истории; 5.5) теорию революции и реформ в России и мире, теорию геополитики России и борьбы за справедливость в мире.

Заключение. Субъективная социология предполагает синтез социологии воспроизводственной модели России, социологии этногенеза и демогенеза в Евразии, социологии знания, социологии права и социологии Конституционного права, вводя форму основной структуры Конституции, моделирующей воспроизводство русского народа как культурно-исторического типа в составе тюрков, ирано-аланов, угро-финнов, евразийцев, славян-русских. Основная структура Конституции такова: модель справедливости (естественное этнокультурное право и модель, именно адекватная воспроизводственной модели пространства-времени и этносам Евразии, теория естественных событий в праве, этническая справедливость, справедливость в отношении женщин, справедливость в отношении детей) или социальные основы, мораль, религиозный идеал совместимости религий, общественный идеал и способ принятия Конституции народом; модель прав человека и этносов, определяемая этническим суверенитетом, права 1-5 поколений; структура формы стоимости и собственности, форма солидарности и прогресса-регресса, адекватная модели расширенного воспроизводства 13 суперэтносов и 2 гиперэтносов в особенном пространстве-времени и уменьшения бедности; системы Традиции, суверенитета, образования, демографического роста, право народа на вооруженное сопротивление гнету; процедура принятия решений; отношение идентификации в расу и этнос, нацию; целевая функция расширенного воспроизводства и перфекции расы и этноса, науки; циклы коррекции Конституции в конкретных обстоятельствах и циклы социальной мобильности; антиномия ненасильственного действия и приоритет национального права над международным.

Список литературы

1. Круглова А.Ю. Деструктивные исламские и тюрко-исламские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия. Автореф. дисс. ... к.социол. наук. Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет, 2019. 40 с.
2. Ожегова О.А. Методологическая рефлексия социологии этничности. Саратов: Научная книга, 2005. 274 с.
3. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Социализация и социальный контроль в Евразии. Наука и искусство. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 340 с.
4. Галактионов А.А. Русская социология XI-XX веков. СПб.: Лань, 2002. 416 с.
5. Ковалевский М.М. Соч. в 2-х т., т. 1. Социология. СПб.: Алетейя, 1997. 288 с.
6. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? СПб., 1922. 93 с.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ* IMPACT OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS ON POLITICAL PARTICIPATION

Я.В. Дидковская, Я.Ю. Казанцев
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
Ya.V. Didkovskaya, Ya.Yu. Kazantsev
Ural Federal University, Ekaterinburg

Актуальные тренды политического участия связываются с процессом трансформации социальных институтов в современной России, рассмотрен ряд примеров воздействия институциональных изменений на политическое участие социальных групп.

In the article, current trends in political participation are associated with the process of transformation of social institutions in modern Russia, a number of examples of the impact of institutional changes on the political participation of social groups are considered.

Ключевые слова: политическое участие, социальный институт, трансформационные процессы, муниципальные выборы, общественные обсуждения

Keywords: political participation, social institution, transformation process, municipal election, public discussion

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 20-011-31723 «Политизация молодежи в условиях институциональных трансформаций российского общества»

Последние события в России и за рубежом показывают, что политическое участие граждан может отражать стихийный запрос на вовлеченность в политическую жизнь. В ответ на ограничительные меры властей, связанные с угрозой распространения COVID-19, в ряде стран Евросоюза прошли массовые акции протеста. В США возникновение стихийного общественного движения Black Lives Matter стало ответом на восприятие частью общества сохраняющейся расовой проблемы.

В этом смысле российская протестная активность последних месяцев в Хабаровске и Башкирии, различная по причинам возникновения и распространению, вплетена в общую цепь событий. Все они актуализируют проблему участия граждан в политических процессах, борьбу за общественные и групповые интересы. Налицо растущая политизация масс, выраженная в желании большего участия в принятии решений, касающихся их жизни, что обостряет необходимость изучения политического участия различных социальных групп и факторов, на него воздействующих.

Под политическим участием населения в широком смысле понимается деятельность граждан, осуществляемая с целью оказания влияния на принятие политических решений. К этому относится назначение своих представителей в органах государственной власти путём выборов, референдум, собрания граждан, а также другие формы участия или непосредственного осуществления населением управления определённой территорией или государством в целом.

Проанализируем возможные изменения в политическом участии россиян под влиянием актуальных институциональных трансформаций российского общества.

Изучение трансформаций различных социальных институтов всегда представляло большой интерес для исследователей. В мировой науке сложилось несколько течений, анализирующих современные трансформационные процессы, в том числе модернизационная парадигма, рассматривающая изменения в линейном порядке, то есть закономерный постепенный переход от менее развитого типа общественного устройства к более развитому (Д. Росту, Ш. Эйзенштадт, С.М. Липсет). Данная концепция критиковалась с позиций идеи нелинейности и противоречивости трансформаций, представленная прежде всего в трудах П. Штомпки и З. Баумана.

Российскими социологами тоже было предложено концептуальное видение трансформационных процессов и роли социальных институтов в них, в частности, это теории социального механизма трансформации социума Т.И. Заславской и институциональных матриц С.Г. Кирдиной. Согласно Заславской, именно институциональные изменения играют ведущую роль в трансформации общества, поскольку они связаны с действиями основных

субъектов данного процесса, обладающих властными полномочиями [1]. Применительно к обсуждаемой проблеме, можно сказать следующее: изменения «правил игры» политической элитой не может не сказаться на изменении поведенческих практик других акторов – населения и различных социальных групп и должно отражаться на их политическом участии.

Рассмотрим изменения такого института, как общественные обсуждения и публичные слушания, которые проводятся с целью оказания влияния на содержание нормативных правовых актов, принимаемых на муниципальном, региональном и государственном уровнях. В традиционном понимании они представляют собой собрания граждан, представителей экспертных сообществ, общественных объединений, а также других заинтересованных сторон с целью обсуждения замечаний и внесения предложений в проект принимаемого нормативного акта. По мнению экспертов, данный инструмент в современных условиях не обладает должной степенью эффективности [2], так как требует дополнительных сил и средств для организации: поиск и аренда помещения, оповещение всех заинтересованных сторон, затруднения личного присутствия из-за несостыковок по времени.

Актуализацией процессов общественных обсуждений и публичных слушаний стало внедрение в России с 2010 г. института оценки регулирующего воздействия (далее ОРВ) и экспертизы нормативных правовых актов. ОРВ представляет собой анализ проектов нормативных актов с целью выявления в них положений, приводящих к избыточным ограничениям и необоснованным расходам в деятельности предпринимателей [3]. Экспертизой называют такой же процесс только в отношении уже действующих нормативных правовых актов. Преимущество этого института перед традиционными публичными слушаниями состоит в том, что ОРВ осуществляется через Интернет и снимает все ограничения, вызванные необходимостью личного присутствия, что фактически расширяет возможности участия населения в принятии политических решений. Основное ограничение данного института, на наш взгляд, в том, что на сегодня оценке подлежат только те нормативные акты, которые содержат положения, затрагивающие деятельность предпринимателей. Расширение объекта ОРВ в сторону отказа от обязательства отношения нормативных актов к предпринимательским интересам и включения любых социально значимых документов должно стать закономерным этапом трансформации данного института и тем самым увеличить доступность для населения механизмов политического участия.

Напротив, негативные последствия на политическое участие граждан оказали изменения института выборов, в частности выборов глав муниципальных образований. Последние 5 лет наблюдалась тенденция

снижения количества прямых выборов глав муниципальных образований в Российской Федерации. Некоторым толчком к этому послужило внесение изменений в законодательство и введение в 2015 г. процедуры избрания главы представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. По данным Министерства Юстиции РФ, в 2015 г. прямые выборы были утверждены в 50% муниципалитетов. Но уже по состоянию на 1 марта 2019 г. на прямых выборах были избраны только 25.7% мэров, а по конкурсному отбору – 32.7% [4]. Основной причиной распространения конкурсной процедуры может служить увеличение влияния главы региона на деятельность муниципалитетов, так как около половины членов конкурсной комиссии назначаются губернатором. Эта процедура позволяет не допускать до избрания кандидатов, оппозиционных действующей региональной власти [5].

Недовольство отменой прямых выборов вызвало не только пассивно-протестные настроения, но и активные действия. Так, в избирком Свердловской области инициативные группы неоднократно подавали заявки на проведение референдума о возврате прямых выборов мэров, но всегда получали отказ.

Отметим, что в 2019 г. законопроект о возврате прямых выборов глав муниципальных образований Свердловской области, созданный группой депутатов, был заблокирован провластным большинством в Законодательном собрании. Однако данная идея всё же нашла свое отражение в народной инициативе, которая к сентябрю 2020 г. собрала необходимые 10 000 подписей жителей региона. По данным предварительного социологического исследования, проведённого по заказу инициативной группы, за прямые выборы главы муниципального образования выступают 73% екатеринбуржцев [6]. На данном примере можно увидеть, как действия, имеющие своей целью уменьшить политическое участие населения, могут привести к абсолютно противоположному эффекту. Дальнейшее игнорирование запроса на демократизацию, сформированного гражданским обществом Свердловской области, создает угрозу снижения доверия органам власти в муниципальных образованиях, ухудшению социального самочувствия и переходу к активно-протестным стратегиям поведения населения [7].

Таким образом, изучение воздействия институциональных преобразований на политическое участие представляет большой интерес для исследователей, поскольку позволяет установить возможные причины негативного социально-политического самочувствия и активизации протестных настроений различных социальных групп, указать достоинства и недостатки текущих институциональных реформ.

Список литературы

1. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
2. Козырева Л.Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. 2015. №3 (75). С. 116–122.
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 13.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (Дата обращения: 20.08.2020).
4. Доклад о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.) [Электронный ресурс] // Министерство юстиции РФ. Режим доступа: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Дата обращения: 20.08.2020).
5. Мухаметов Р.С., Позднякова Ю.А. Модели перехода на конкурсную систему избрания мэров: опыт муниципалитетов Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. №3 (28). С. 41–48.
6. «Мы переживаем исторический момент»: все, что вы хотели знать о сборе подписей за прямые выборы мэра [Электронный ресурс] // E1.RU. Режим доступа: URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69413998.html (Дата обращения: 21.08.2020).
7. Трынов Д.В., Дидковская Я.В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3 (191). С. 118–127.

**ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СОЦИУМА
(НА ПРИМЕРЕ АНАБАРСКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ)*
ETHNOLINGUISTIC IDENTITY OF POPULATION OF
POLYLINGUOCULTURAL SOCIETY:
THE CASE OF ANABAR DISTRICT OF YAKUTIA**

Н.Е. Захарова

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Сибирского отделения РАН, г. Якутск*

А.Е. Местникова

*Чурапчинский государственный институт
физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха*

N.E. Zakharova

*Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk*

A.E. Mestnikova

*Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sports,
Churapcha, Sakha Republic*

Представлены предварительные результаты комплексного исследования, проводимого в Анабарском районе Республики Саха (Якутия) в рамках реализации проекта РФФИ 20-09-00257. На основе данных количественных и качественных социологических исследований, психолингвистического эксперимента и интервьюирования населения полиэтнических поселений Юрюнг-Хайа и Саскылах установлено, что функциональный полилингвизм респондентов способствует тому, что в качестве релевантного маркера этнической идентичности выступают культура и традиции.

The article presents the preliminary results of a comprehensive study conducted in the Anabar region of the Republic of Sakha (Yakutia) within the framework of the RFBR project 20-09-00257. Based on the data of quantitative and qualitative sociological research, a psycholinguistic experiment and interviewing the population of the multiethnic settlements of Yuryung-Haya and Saskylakh, it was found that the functional polylingualism of the respondents contributes to the fact that culture and traditions act as a relevant marker of ethnic identity.

Ключевые слова: Анабарский район, этническая идентичность, языковая идентичность, многоязычие, двуязычие, билингвизм, социологическое исследование, анкетирование

Keywords: Anabar district, ethnic identity, linguistic identity, multilingualism, bilingualism, sociological research, questioning

* При поддержке гранта РФФИ № 20-09-00257А.

Полилингвистический ландшафт Анабарского района, включающий лингвокультуры долган, эвенков, эвенов, нганасан, энцев, ненцев, характеризуется влиянием длительных этнокультурных контактов на развитие языков коренного населения и представляет собой целостное историко-культурное пространство с уникальным опытом межэтнического взаимодействия, хозяйственных и культурных адаптивных практик.

Изучение воздействия длительных контактов на развитие языков коренного населения, выявление степени их трансформаций и текущих процессов утраты/восстановления элементов традиционной культуры, безусловно, связано с изучением ментальной репрезентации окружающего пространства. В связи с этим методами исследования нами были выбраны анкетирование и ассоциативный эксперимент, дополняющие и предоставляющие более полную картину языковой ситуации в населенных пунктах, которые являются местами совместного проживания (МСП) исследуемых нами этносов.

Этнический состав в исследуемых населенных пунктах Анабарского улуса характеризуется преобладанием коренных малочисленных народов Севера: с. Саскылах: эвенки – 30.9%, долганы – 27.7%, эвены – 10.3%, русские 25% и другие; с. Юрюнг-Хайа: долганы – 74.2%; якуты – 19.7%, эвенки и эвены – 2.5% и другие.

Анализ результатов социологического анкетирования, проведенного в 2020 г. в селах Анабарского района, показал, что большинство респондентов (60.2%) считают, что выбор национальности определяют: во-первых, культура и традиции, во-вторых, родной язык (26.9%), в-третьих, история и территория (10.4%). Такие показатели во многом объясняются тем, что языком общения современных эвенков и долган района является якутский, который используется повсеместно.

Большая коммуникативная мощь якутского языка в эвенкийско-долганском национальном районе объясняется тем, что долганский язык относится к якутской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков алтайской языковой общности, «сформировавшийся в процессе распространения якутского языка в макрорегионе взаимодействия различных этнических групп» [1]. Это доказывают и результаты анкетирования: 96.7% эвенков, 71.8% долган, 92.3% эвенов в качестве родного языка указали якутский язык, что составляет 83.1% всех респондентов. Здесь надо отметить, что респонденты в качестве родного языка указывали не один, а два и порой даже три языка. В качестве языка, на котором преимущественно происходит общение дома, абсолютное большинство респондентов также назвали якутский язык (94.5%). Якутский язык в общении чаще всего используют в лесу, тайге

(50.3%), в своем населенном пункте (69.7%), в районном центре (54.2%), в городе Якутске (49.8%).

Тем не менее, этот факт не влияет на этническую самоидентификацию народов, населяющих данный район: обозначили собственную национальность 51.2% долган, 23.4% саха, 14.9% эвенков, 6.5% эвенков. 2.5% респондентов указали другую национальность (*тувинка, интернациональная, смешанная, КМНС (коренные малочисленные народы севера), долган+саха*). По данным исследования, выбор национальности в соответствии с национальностью матери указали 76.7% эвенков, 72.8% долган, 76.6% саха, 69.2% эвенков; выбор национальности отца – 43.3% эвенков, 66% долган, 80.9% саха, 15.4% эвенков.

Как отмечают исследователи, лексика долганского языка «отражает те процессы, которые происходили в среде совместного проживания эвенков, якутов, русских и привели к образованию нового этноса. Три основные этнические группы, составившие ядро долганского этноса, внесли каждая свой вклад в общий словарный фонд современного долганского языка» [2, с.100]. Это подтверждается и проведенным ассоциативным психолингвистическим экспериментом. Данный метод исследования языкового сознания позволяет максимально приблизиться к ментальному лексикону, вербальной памяти и культурным стереотипам индивида. Так, получаемое ассоциативное поле слова-стимула – это, во-первых, фрагмент вербальной памяти человека и, во-вторых, образ мира этноса. Ассоциативный эксперимент прост в проведении и не требует специального оборудования. Респондентам был предложен список, состоящий из 130 слов-стимулов на якутском языке, на которые необходимо было написать первое пришедшее в голову слово-реакцию. Эксперимент ограничен во времени – 15 минут. Предварительные результаты показали, что реакции на стимулы, которые отражают якутскую культуру, у респондентов из Анабарского улуса имеют свою специфику. Так, например, на стимул *ыһыах* (традиционный летний якутский обрядовый праздник) встречаются ассоциации *Байанай* (традиционный обрядовый летний праздник долган) или *сахалыы понятие* (якутское понятие). При сравнении с Якутским ассоциативным словарем видна некоторая разница в содержании ассоциативных полей и частотности полученных реакций. Это говорит о том, что в сознании индивидов заложены образы той культуры, которая присутствует в данных селах, т.е. долганской. Можно утверждать, что долганское языковое сознание приближено к якутскому. Интересен факт, что ответы даны на разных языках, что показательно для носителей двух и более языков, но вместе с тем испытуемые практически не используют переводную стратегию, что говорит о хорошем уровне владения якутским языком.

Так, носителей долганского языкового сознания можно разделить на 3 типа: 1) полилингвы, считающие родной язык первым языком, якутский – вторым; 2) долганы, считающие якутский язык родным, а русский язык – вторым; 3) эвенки, считающие якутский язык родным языком, а русский – вторым.

В целом, предварительно можно сделать вывод о том, что наблюдается снижение значимости языковой идентичности, которое является следствием снижения уровня владения или же полного невладения родным языком/языком своей национальности. При этом большинство респондентов являются функциональными полилингвами, владеющими долганским, якутским, русским языками и определяющими их в качестве родных языков. Данный факт является подтверждением, что родной язык связан с идентичностью, которая представляет собой сложный и динамичный процесс, а не нечто фиксированное, статичное и единое [4]. На этническую идентичность народов, населяющих данный район, большее влияние оказывает традиционно-культурная и локальная территориальная составляющая, что подтверждается данными проведенного ассоциативного эксперимента. Респонденты используют средства и второго, и третьего языка для выражения особенностей своей культуры.

Список литературы

1. Артемьев Н.М. Долганский язык: современное состояние, соотношение с якутским языком, следы контактов, проблемы и исследования // *Issues in Turkic Languages – description and language contact*. Department of Linguistics. Kyoto University, 1999. Pp. 43–51.
2. Назмутдинова Т.С. (2018) Исконные и заимствованные лексические страты в долганском языке // *Севернорусские говоры*. 2018. Вып. 17. С. 88–106.
3. Riley Ph. *Language, Culture And Identity: An Ethnolinguistic Perspective*. London: Continuum, 2007. 265 p.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В ФОРМАТЕ ПАРТНЕРСТВА
REGIONAL LEADERS AND INSTITUTIONS
OF CIVIL PARTNERSHIP SOCIETIES**

М.А. Казаков
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
М.А. Kazakov
Lobachevsky University

На основе изучения отечественной и иностранной литературы выделяются отличительные признаки и критерии партнерства, анализируется состояние взаимоотношений региональных лидеров утверждающейся плеяды и институтов гражданского общества. Делается попытка концептуального определения уровня их партнерства в субъектах РФ с новыми губернаторами.

Based on the analysis of domestic and foreign literature, the distinguishing features and criteria of partnership are highlighted, the state of relations of regional leaders of the established galaxy and civil society institutions is analyzed. A conceptual attempt is given to determine the level of their partnership in the constituent entities of the Russian Federation with new governors.

Ключевые слова: гражданское общество, дискурс, сотрудничество, партнерство, стратегическое партнерство, региональное политическое лидерство

Keywords: civil society, discourse, cooperation, partnership, strategic partnership, regional political leadership

Российская Федерация, как и активно функционирующий в ее составе субъект РФ, предполагают наличие и диверсификацию сложносоставного социального процесса, в многообразии форм и явлений которого (через оценку связей и типов участия) происходит служение интересам общества. Отношения между политическими лидерами, представленными в регионе лицами (группой), способными оказывать решающее влияние на проведение его стратегической линии, и структурами гражданской среды имеют не однозначную предысторию. Она связана с институционализацией этих общественных образований в контексте перипетий конституционного, политического и социально-экономического процессов новой России.

Региональное политическое лидерство (РПЛ) как определенный тип лидерства и гражданское общество (ГО) как индивидуализированная сфера социальности нерасторжимо присутствуют на всех этапах развития общества, раскрывая содержание друг друга. Но только на современном этапе ГО обуславливает демократическую форму функционирования государства и

отражает конкретно-исторический уровень народовластия. Для лидеров регионов (в лице новых, легитимных губернаторов) гражданское общество – один из универсумов (рыночная экономика, правовое, социальное государство, конкуренция и т.д.), что находясь над территориальной и страновой идентификацией, собственным бытием воздействует на характер и формирование адекватных подходов в их взаимоотношениях.

Цель доклада – не столько в анализе тенденций *сотрудничества* заявленных в названии акторов, сколько в попытке концептуально определить уровень их возможного *партнерства* в русле обретающего силу в междисциплинарном дискурсе разграничения смысла данных понятий и выделения их критериев. Из совокупности мнений современных отечественных и зарубежных авторов складывается интересное представление и о сущности термина, и многоликости феномена.

Более того – *о необходимости альтернативной концепции в отношении него* (в социальном и международном плане) в связке с приоритетами ответственности и безопасности, а также борьбы с фейками. В её основание достижениями страны на пути к суверенитету положены "национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать" [1], политические роли, права и социальные обязанности государства, элит, избирателей, лидеров, партий руководствоваться целями и принципами, на которых базируется развитие российское общество как цивилизации. При отсутствии альтернативы реорганизации демократии и выравнивания неравенства, обусловленного структурой социума, мерой распределения власти и лидерства, что в любом обществе признается как неизбежная реальность.

Дальше – глубже. Р. Карнвелл и А. Карсон указывают, что сотрудничество – это процесс, а партнерство – состояние [2] или формат отношений [3]. Кроме того оно предполагает, что участники в равной степени разделяют как позитивные, так и негативные результаты совместных усилий. В основании социального партнерства, считает А.Ю. Ховрин, "лежит добровольность или нормативная обязательность, рациональность, симметрия взаимодействия сторон, подкрепленная дискурсивностью. Все это позволяет акторам... безконфронтационно достигать баланса интересов и получать желаемые социальные результаты" [4].

В России проблема баланса интересов, отмечают М.А. Казаков и М.С. Лысцев, имеет особую злободневность и "вязкость". В субъектах РФ, помимо того, что не устранять сложившиеся диспропорции и продолжать влиять на население идеологическими и манипулятивными методами бесперспективно и опасно, она обусловлена потребностью достижения компромиссных условий взаимодействия основных социальных субъектов при

переходе на партнерские отношения. Региональная политика только тогда превратится в признанную долговременную стратегию, если будет формироваться по критерию адекватности интересам общества в целом [5] на базе его общезначимых ценностей. Исследования доказывают, что "совпадение... ценностного сознания населения с ценностями представителей властных структур лежат в основе эффективного взаимодействия с действующей властью и способствуют поддержанию национальной безопасности" [6].

С учетом и таких не редко выделяемых признаков партнерства, как наличие его правовой базы, близость приоритетов, неформальный характер связей (доверия), разнообразие сфер и векторов взаимодействия, включая в систему отношений "центр – регионы" и муниципальное направление, а также связующую силу ценностей, сформулируем следующее положение. *Не умаляя значения в социальных реалиях сотрудничества как процесса совместной работы по достижению общих целей, для реализации которых заключаются официальные соглашения, партнерство представляет собой более емкое понятие. Имея больший пласт знаковых компонентов, оно означает более высокий уровень интеграции политических и общественных акторов с продвижением его результатов на население страны.*

Символично, что буквально накануне введения в субъектах РФ режима повышенной готовности в связи с COVID-19 в Нижнем Новгороде прошел съезд НКО "Вместе". Он не только подтвердил, что региональные НКО входят в ТОП-100 лучших по России, но и отметил их "встраивание" в структуру Нижегородского правительства в качестве третьего сектора экономики. Этим, наряду с другими решениями, зафиксировал эволюционные изменения, характерные для современного общества. Они связаны как с "попятными" процессами глобализации и новыми импульсами регионализации, так и повсеместным цифровым вызовом, требующими от партнерства дальнейшего развития как социального феномена.

В таком ключе микросоциологический подход с фокусом рефлексии конкретного субъекта РФ углубляется расширением конвенциональности понятийного аппарата – тренда, свойственного развитию социологии и политологии как мировых наук. Вкупе с идущими в стране политическими изменениями, сопряженными с обновлением Конституции, встречное движение новых региональных лидеров и институтов гражданского общества обретает наполнение по ряду характеристик *стратегического* партнерства, хотя общепринятого толкования его ни в политическом дискурсе, ни в научной социологической литературе пока нет. По факту, охватывая все выделенные параметры, с добавлением подобным тому, что только наличие ведомых

(последователей) превращает индивида в лидера, так и достижение масштабных целей при отсутствии партнерства невозможно, все вместе побуждает стороны к сотрудничеству с последующим (если получается) выходом на более высокий – стратегический уровень отношений.

Для чего: включается в работу предыстория связей, расклад интересов, ожиданий и результатов, совершенствуется правовая база, нарастает интенсивность контактов лидеров с обеих сторон, складывается и транслируется вглубь гражданского общества сама атмосфера диалога и взаимопонимания, на базе общих универсальных ценностей формируются цели и установки... В реальной практике борьба за лидерство и партнеров увеличивает спрос на информационно-коммуникационные, гуманитарные и иные «живые» технологии для продвижения федеральных программ и нацпроектов, осуществляемых регионами, что играет весомую роль в реализации целого спектра государственных политик РФ.

Заложенные в них меры могут различаться в прагматических интересах государства и корпораций (в их борьбе за ресурсы, территории и рынки), но соответствуют мировым тенденциям в пошаговой децентрализации политической власти посредством развития институтов гражданского общества. В российских регионах, за редким исключением, они всегда в лице актива ищут поддержки политических лидеров, претендуя на заслуженные позиции в структуре ролей (наставничество, подготовка кадров).

Среди субъективных и средовых факторов важен, в связи с этим, фактор смены поколений. Для ведущих он чреват конфликтами, ограничивающими выбор и открытость, для последователей, особенно трудно взрослеющей молодежи, опасен протестным освоением норм ответственного поведения при ограниченности каналов обратной связи с властью, нацеленной на развитие. От «незнания» сторон к партнерству путь во многом лежит через ценностный портрет лидера, что значимо для ведомых, его внутренней энергии, готовности к сотрудничеству и взаимному характеру выгод. Только в постоянстве этих свойств он предстает в ореоле, позиции лидера, целевых решениях, несущих людям информацию (и веру) в средства и результаты реализации. Находят у них отклик и выражение в гражданских инициативах, социальных проектах и движениях, экспертизе планов властей.

По отношению к политике конкретного субъекта РФ эти формы активности уточняют ее цели, поддерживают эффект справедливости, развивают инструменты диалога, интеграции, «мягкой силы», определяющие во всеобщности уровень *сотрудничества новых региональных лидеров с институтами гражданского общества как партнерство с элементами стратегического качества*. Этим Нижегородская область сегодня заметно

отличается от других регионов и вносит свой весомый вклад в позитивный образ современной России.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов. М.: Изд-во "Известия", 2014. 29 с.

2. Carnwell R. and Carson A. The concepts of partnership and collaboration, in: Carnwell R. and Buchanan J. (eds.), *Effective Practice in Health, Social Care and Criminal Justice: A Partnership Approach*, Open University, UK, 2008. Pp. 3–21.

3. Holslag J. The Elusive Axis: Assessing the EU – China Strategic Partnership, *Journal of Common Market Studies*, 2011. vol. 49. no. 2. Pp. 293–313.

4. Ховрин А.Ю. Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики: Автореф. дис. ...док. соц. наук: 22.00.08. М.: МАТИ, 2010. 47 с.

5. Казаков М.А., Лысцев М.С. Региональные элиты и национальные интересы современной России: Монография. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы горы», 2012. С. 118–119.

6. Рыхтик М.И. Ценности в современном политическом процессе // Национальная идея: от истоков становления к перспективам развития: сборник материалов Международного славянского форума (Н. Новгород, 1-5 ноября 2019г.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. 90 с.

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА SOCIO-STRUCTURAL CHANGE IN THE LOCAL AREA OF THE RUSSIAN REGION

В.В. Козловский
*Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург*
V.V. Kozlovsky
*Saint Petersburg University,
The Sociological Institute,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg*

Анализируются социоструктурные изменения в контексте социальной мобильности в локальной территории региона. Радикальные перемены в

экономике, хозяйственном укладе, повседневной жизни решающим образом повлияли на социальную структуру и характер социальной подвижности населения малых российских городов. Адаптация жителей малых поселений к новым условиям происходит в течение длительного периода, в ходе которого сформировался диапазон изменяющейся социально-экономической, социокультурной идентичности, то есть современного цивилизационного уклада локальных территорий российских регионов. На основе цивилизационного подхода предлагается концепция цивилизационного комплекса современного малого, в том числе монопрофильного города. Смена сложившихся моделей развития локальной территории происходит в условиях преодоления советской модели малых городов, диверсификации их традиционного экономического и производственного уклада, формирования и воспроизводства разнонаправленных социально-структурных последствий и новейших эффектов динамично меняющейся культуры.

The paper analyzes socio-structural changes in the context of social mobility in the local area of the region. Radical changes in the economy, economic structure, and everyday life have decisively affected the social structure and nature of social mobility of the population of small Russian cities. The residents of small settlements have been adapting to the new conditions for a long period, during which the range of changing socio-economic, socio-cultural identity, i.e. the modern civilization pattern of the local territories of Russian regions, was formed. Based on the civilizational approach, the concept of civilizational complex of a modern small town, including a single-industry town, is proposed. The change of established models of local territory development occurs in the conditions of overcoming the Soviet model of small towns, diversification of their traditional economic and production patterns, formation and reproduction of multidirectional socio-structural effects and the newest effects of dynamically changing culture.

Ключевые слова: социально-структурные перемены, бедность, миграция, локальная территория, малый город, культура, цивилизационный комплекс территории

Keywords: socio-structural change, poverty, migration, local area, small town, culture, civilizational complex of the territory

Социально-структурные перемены в российских регионах с начала 2010 гг. приобрели особую динамику. Под влиянием мирового экономического спада и рецессии, продолжающегося реформирования экономических, политических и правовых институтов, меняющегося культурного ландшафта происходит резкий сдвиг в жизни российских муниципальных образований. Колебания в экономической и хозяйственной активности сопровождались сужением спектра занятости, снижением обеспеченности, понижением социального самочувствия населения. Временная демографическая стабилизация сменилась спадом с 2019 г., усилился демографический кризис.

Потребность в рабочей силе стимулировала массовую внешнюю миграцию. Отток, прежде всего, трудоспособного населения из регионов в крупные города имеет практически необратимый характер. Потоки внутренней миграции знаменуют расширение социальной мобильности российского населения. В целом общий ход изменений в различных областях социально-экономической, общественно-политической и повседневной жизни в стране существенно повлиял на судьбу малых городов российских регионов. Траектории перемен глубоко затронули местные сообщества локальных территорий, их социальную и культурную идентичность.

Диапазон крупных, средних и малых социоструктурных изменений охватывает практически все стороны жизненного уклада местного населения на индивидуальном, семейном, коллективном, территориальном уровнях. Данные Росстата наглядно свидетельствуют о динамике материальной обеспеченности российского населения (Табл. 1). С 2000 г., на который пришелся пик численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, когда на уровне бедности находилось 42,3 млн. (29% всего населения РФ), начался медленный рост денежных доходов, который завершился в 2012 г. (15,4 млн. человек и 10,7%). Затем (с 2013 г.) снова стала нарастать численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (15,5 млн. человек и 10,8%) и дошла до уровня 18,1 млн. человек (12,3% от всего населения РФ).

Т а б л и ц а 1

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода

	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:		Дефицит денежного дохода:		Величина прожиточного минимума ¹⁾ рублей в месяц; до 1998 г. – тыс. руб.
	млн. человек	в процентах от общей численности населения	млрд. руб. (до 1998 г. – трлн. руб.)	в процентах от общего объема денежных доходов населения	
1992	49,3	33,5	0,4	6,2	1,9
1993	46,1	31,3	4,3	5,4	20,6
1994	32,9	22,4	11,1	3,1	86,6
1995	36,5	24,8	34,9	3,9	264,1
1996	32,5	22,1	42,8	3,2	369,4
1997	30,5	20,8	46,2	2,8	411,2
1998	34,3	23,4	61,5	3,5	493,3
1999	41,6	28,4	141,3	4,9	907,8
2000	42,3	29,0	199,2	5,0	1210
2001	40,0	27,5	238,6	4,5	1500
2002	35,6	24,6	250,5	3,7	1808

2003	29,3	20,3	235,3	2,6	2112
2004	25,2	17,6	225,7	2,1	2376
2005	25,4	17,8	288,7	2,1	3018
2006	21,6	15,2	277,1	1,6	3422
2007	18,8	13,3	272,1	1,3	3847
2008	19,0	13,4	326,7	1,3	4593
2009	18,4	13,0	354,8	1,2	5153
2010	17,7	12,5	375,0	1,2	5688
2011	17,9	12,7	424,1	1,2	6369
2012	15,4	10,7	370,5	0,9	6510
2013	15,5	10,8	417,1	0,9	7306
2014	16,3	11,3	482,7	1,0	8050
2015	19,6	13,4	701,7	1,3	9701
2016	19,4	13,2	701,8	1,3	9828
2017	18,9	12,9	702,5	1,3	10088
2018	18,4	12,6	699,0	1,2	10287
2019	18,1	12,3	721,6	1,2	10890

Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (на 29.04.2020)*

Уровень и качество жизни населения, судя по данным, стал снижаться, особенно в регионах со снижающейся сферой и меняющейся структурой трудовой занятости. Соответственно, едва сложившийся за двадцатилетний период (2000 – 2020 гг.) стиль и модель жизни как отдельным индивидам, так и семьям неизбежно приходится адаптировать к новым условиям труда, досуга, потребления. Снижение уровня денежных доходов, социального благополучия коснулось большинства слоев населения и явно подвигло наиболее мобильные группы к новым экономическим, социальным, культурным практикам. Бедность значительной доли населения и низкая обеспеченность порождает у представителей малоимущих и малообеспеченных групп, с одной стороны, такие негативные черты, как социальная уязвимость, пассивность, обреченность, социальный патернализм, иждивенчество, с другой – «охоту» к перемене мест, к планам сменить место жительства, выстроить новую профессиональную и трудовую карьеру.

В результате многие регионы страны теряют весьма значительную, преимущественно молодежную и взрослую трудоспособную часть населения. Главным фактором усилившейся внутренней миграции является сужение сферы занятости, ресурсов для возобновления и повышения профессионально-

* Оценка на основании данных выборочного обследования домашних хозяйств и макроэкономического показателя денежных доходов населения. Показатели по Российской Федерации за 2013-2018 гг. рассчитаны с использованием величины макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения, определенной в соответствии с Методологическими положениями по расчету показателей денежных доходов и расходов населения (приказ Росстата от 2 июля 2014 года № 465 с изменениями от 20 ноября 2018 года) до 2013 г. – в соответствии с Методикой расчета баланса денежных доходов и расходов населения (постановление Госкомстата России от 16 июля 1996 года № 61). Данные за 2019 г. предварительные.

квалификационного и образовательного уровня, профессионального и карьерного роста, снижение ожидаемых доходов, отсутствие привлекательных жилищных условий, медицинских услуг, комфортной среды для отдыха, рекреации. Иными словами, на социально-структурные трансформации в малых городах российских регионов влияет целый комплекс социально-экономических, институциональных, культурных, субъективных и объективных обстоятельств. Картина среднедушевых денежных доходов разных групп российского населения (Табл. 2) рельефно показывает, что финансовые ресурсы мало- среднеобеспеченных слоев (это почти 50%) незначительны и не покрывают запросы жителей малых городов российских регионов.

Т а б л и ц а 2

Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов, %

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Все население	100	100	100	100	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами в месяц, руб.:							
до 7 000,0	9,8	8,2	6,2	5,9	5,4	4,9	4,1
от 7 000,1 до 10 000,0	10,5	9,5	8,0	7,8	7,3	6,9	6,1
от 10 000,1 до 14 000,0	14,3	13,5	12,3	12,0	11,5	11,0	10,1
от 14 000,1 до 19 000,0	15,3	15,1	14,5	14,3	14,1	13,7	13,1
от 19 000,1 до 27 000,0	17,5	17,9	18,2	18,2	18,2	18,0	17,9
от 27 000,1 до 45 000,0	19,3	20,6	22,4	22,8	23,3	23,7	24,6
от 45 000,1 до 60 000,0	6,4	7,2	8,3	8,5	8,9	9,4	10,1
от 60 000,1 до 75 000,0	3,1	3,5	4,3	4,4	4,7	5,0	5,5
от 75 000,1 до 100 000,0	2,2	2,6	3,2	3,4	3,6	4,0	4,5
свыше 100 000,0	1,6	1,9	2,6	2,7	3,0	3,4	4,0

Источник: <https://rosstat.gov.ru/> (на 29.04.2020)*

Однако меняющееся материальное и социально-экономическое положение населения малых городов не действует прямолинейно. Сила притяжения локальной территории заключается в ресурсах местного сообщества, сопряженности и консолидации местного самоуправления и жителей малых городов, включая моногорода. Возникает целый спектр локальных эффектов микроцивилизационных процессов в пространстве локальной территории, который мы обозначаем как цивилизационный

* Оценка на основании данных выборочного обследования домашних хозяйств и макроэкономического показателя денежных доходов населения. Показатели по Российской Федерации рассчитаны с использованием величины макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения, определенной в соответствии с Методологическими положениями по расчету показателей денежных доходов и расходов населения (приказ Росстата от 2 июля 2014 года № 465 с изменениями от 20 ноября 2018 года. Данные за 2019 г. предварительные.

комплекс. Прежде всего активно видоизменяется социальная и культурная идентичность различных групп поселения, проявляющегося в изменении привязанности к малой родине, к месту жительства, солидарности с местным сообществом. Однако при этом формируется некое устойчивое сопротивление жителей малого города новым императивам экономического, экологического, социального, пространственного развития, которое определяется нами как один из эффектов цивилизационного характера.

Помимо этого в нее естественным образом включается весь комплекс форм сложившейся традиционной и новой культуры, спектр внедряемых социальных технологий (социальный капитал), способов хозяйствования в условиях рыночной экономики (инновации), квалификация и профессиональное мастерство (человеческие и трудовые ресурсы), противоречивых образцов повседневной жизни разных поколений, новые коммуникативные технологии и практики (медиа, социальные сети, мобильная связь), складывающиеся институты гражданского общества, новые формы регионального управления и муниципального самоуправления.

Устойчивость к существующим и возникающим трудностям, угрозам, опасностям, вреду ключевых факторов жизнеобеспечения основывается на специфическом цивилизационном фундаменте местного, в том числе приезжего, населения: культурном (ценностно-идеологическом, ментальном) единстве, солидарности, сплоченности, взаимопонимании, чувстве малой родины, патриотизме, противоречивом балансе индивидуализма и коллективизма, социальной и культурной мобильности, социальной активности, самоорганизации и социокультурной мобильности. Значение местных сообществ для осуществления и закрепления цивилизационных изменений в малых городах России и Северо-Запада РФ резко повышается, если учесть их весомую долю в числе городов.

Т а б л и ц а 3

**Количество городов и малых городов
Северо-Западного ФО России на 01.01.2019 г.**

	Российская Федерация		Северо-Западный Федеральный округ РФ	
	Число городов	Население	Число городов	Население
Города, их население	1117	102586948	147	9244889
Малые города (до 50 тыс.), их население	792	15939052	123	2628518

Источник: Данные Росстата (2019) // <http://www.gks.ru/population>

На Северо-Западе России, согласно статистическим данным Росстата по Северо-Западному федеральному округу, на 1 января 2019 г. проживало

13981992 человек. Это чуть около 9,53% населения России. Из таблицы видно, что в Северо-Западном Федеральном округе РФ значительная часть (28,43%) населения живет в малых городах и поселках городского типа. При том, что по данным на январь 2020 г., в С.-Петербурге насчитывается 5398064 жителей, т.е. 58,39 % городского населения Северо-Запада РФ. На средние города приходится всего лишь 13% населения округа.

Т а б л и ц а 4

**Численность постоянного населения на 1 января 2020 г.
и в среднем за 2019 г. Северо-Западного ФО России на 1 января [1]**

	На 1 января 2020 года			В среднем за 2019 год		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Северо-Западный федеральный округ	13981992	11873771	2108221	13977031	11841787	2135244
Республика Карелия	614064	497337	116727	616060	498083	117977
Республика Коми	820473	641721	178752	825354	645586	179768
Архангельская область	1136535	893306	243229	1140327	894687	245640
Вологодская область	1160445	843041	317404	1164079	845356	318723
Калининградская область	1012512	786313	226199	1007349	782682	224667
Ленинградская область	1875872	1260249	615623	1861870	1224552	637318
Мурманская область	741404	683407	57997	744730	686688	58042
Новгородская область	596508	426582	169926	598402	427408	170994
Псковская область	626115	443751	182364	627883	445768	182115
г. Санкт-Петербург	5398064	5398064	-	5390977	5390977	-

Источник: Данные Росстата (2019) // <http://www.gks.ru/population>

Социально-структурные перемены, включая локальные эффекты цивилизационных трансформаций, отражают процесс локализации социально-структурных, культурных, институциональных изменений глобального, регионального уровня на местном территориальном уровне, включая жизнь местного сообщества поселения малого города, села. Содержание цивилизационных перемен в российском обществе, в том числе на региональном и локальном уровне, заключается в целом списке эффектов (или результатов) социоструктурного характера. Они включают с разными темпами

меняющиеся либо отмирающие традиционные модели отношения к новой реальности социального неравенства, новым институтам (включая политическую и правовую системы), новой экономической среде (рынок), культурной, коммуникативной, информационной, технологической реальностям. Эти перемены воплощаются в различных социокультурных формах на уровне местного сообщества, в качестве социологически measurable результатов (мнения, поведение, статистика): новые типы идентичности, поддержания здоровья и самочувствия, экологического поведения, коллективности, индивидуальности, справедливости, ответственности, занятости, адаптивности. Эффективность означает степень жизнеспособности, благополучия, солидарности, сплоченности, взаимопомощи, самоорганизации и активности местного сообщества.

Общая концептуальная схема координации основных элементов цивилизационного комплекса городского поселения отражает панораму цивилизационных перемен в отдельных малонаселенных поселениях выглядит достаточно сложно. Мы исходим из общего определения термина «цивилизация», согласно Н. Элиасу, как «проявление природы той обладающей принудительной силой закономерности, которая задает формы совместной жизни людей, включая социальные формы и институты нашего собственного общества, возникающие, сохраняющиеся и меняющиеся на основе данной закономерности» [2]. Цивилизационный анализ позволяет масштабно и комплексно раскрыть многие аспекты перемен российского общества, поскольку фиксирует основные тенденции социокультурной идентичности и цивилизационного комплекса как системы координат для индивида в обществе. В предложенной схеме центральное звено принадлежит человеку, включенному в сеть взаимодействий, обеспечивающих условия и ресурсы для конструирования и реализации конкретного жизненного пути.

Цивилизационный комплекс (процесс, динамика, порядок) отражает взаимное воздействие социальной структуры и культуры друг на друга, их переплетение, исторически конкретную конфигурацию проживания людьми своего социокультурного хронотопа. Изменяющаяся социальная структура обеспечивает организацию, порядок, границы и регулирование культуры на разных уровнях в реализации жизненных траекторий индивидуальных и коллективных акторов. Происходит освоение и обустройство территории проживания, повседневные и профессиональные практики жизненного пространства; пространственное освоение как предпосылка социально-территориальной дифференциации. Возникают и развиваются хозяйственная деятельность, хозяйственный, экономический уклады в производстве условий и ресурсов жизни; разделение труда и производства как условие общественной

дифференциации. Формируются многоуровневые отношения и формы собственности (присвоение, отчуждение, владение, распоряжение, пользование, обмен, дарение), требующие институционального закрепления и формализации; собственность как основа социальной стратификации. Властное регулирование социальных порядков воспроизводит и социально-политически закрепляет режим власти, иерархии, политический уклад и институциональные порядки управления. Правовое (государственное и гражданское) регулирование (правотворчество, правоприменение, судопроизводство, репрессивные практики) общественных отношений институционально обеспечивает социальные, экономические и культурные изменения и санкционирует социальные порядки. Складывается новая фигурация и совокупность разнообразных конфигураций социально-структурных эффектов, социальных неравенств в разных сферах жизни индивидуальных и коллективных акторов.

Культура во взаимодействии с подвижной системой социальных неравенств образует базовое отношение цивилизационного комплекса, обеспечивает организацию, порядок, границы и регулирование социальной структуры на разных уровнях в реализации жизненных путей индивидуальных и коллективных акторов. Возникают, сохраняются и обновляются культурные порядки социума, поддерживаются культурные стандарты (ограничения, границы, контроль) жизненного пути человека на разных этапах его биографии. При этом в современном российском обществе в малых городах, в том числе и моногородах, постепенно складывается своеобразная культура благосостояния, бедности и богатства, которая воплощается в различных стратегиях и сценариях индивидуального и коллективного действия.

В реализации жизненного пути жители малых городов проявляют себя в полноте заботы об индивидуальном и общественном здоровье, о жизне- и трудоспособности различных возрастных групп, о социальном самочувствии и настроениях населения. На первом плане стоит задача образовательного, профессионально-квалификационного, общекультурного уровня представителей разных поколений. Для полноценного вхождения в современный цивилизационный комплекс человеку постоянно приходится учиться и осваивать новые технологии, техники, умения, навыки, компетенции. На глазах происходит трансформация культурного освоения природы, создание природного капитала, экологизация человеческой среды обитания.

Движущим элементом цивилизационного комплекса являются акторы как субъекты различного уровня и ранга, которые как раз и реализуют в разных формах действия, деятельности, практиках организацию, порядок, границы и регулирование цивилизационных требований, предъявляемых современностью. Акторно-субъектная структура цивилизационного комплекса включает разные

уровни агентов действия, которые представляют различные ранги от индивидуального (половозрастного, ролевого), группового (профессионального, субкультурного, публичного, частного) сообщества (соседство), организованного (союзы, ассоциации), сетевого (блоги, социальные медиа и др.). Отличительным признаком жителей малых городов как социальных акторов является их транскulturность в новом социокоммуникативном и культурном пространстве и соответствующая повседневным практикам социальная структура. С появлением расширяющегося виртуального пространства активность разных акторов приобретает цифровой характер. В пространстве современного малого российского города, в том числе моногорода, в условиях подобного рода социокультурных изменений происходит своего рода трансмутация привычного уклада жизни, поскольку предлагаемые новые цифровые ресурсы принуждают граждан осваивать новые компетенции электронного участия, цифрового общества.

Меняются роль и значение институтов в качестве связующего культуру и социальную структуру ключевого элемента цивилизационного комплекса территории. Они направлены на организацию, порядок, границы и регулирование цивилизационного порядка современной общественной жизни ради поддержания устойчивого взаимодействия культуры, социальной структуры и власти на разных уровнях. Современные институциональные практики регламентируют поведение и действия акторов разных уровней. Институциональная структура общества закрепляет и регулирует социальные неравенства, включая трудовые отношения, экономику, иерархии, отношения власти и управления. Институциональные порядки культурного многообразия: право, религия, искусство, мораль, спорт, повседневная жизнь. Институты собственности как ведущего фактора цивилизационной динамики современного российского общества.

Основные проблемы изучения в подобной постановке проблемы цивилизационного развития российских малых городов как цивилизационного комплекса локальной территории связаны с обнаружением и использованием ресурсов для достижения экономического благосостояния, социальной и культурной самореализации населения. Возможности индустриального и постиндустриального цивилизационного развития позволяют разным группам населения малых городов обеспечить уровень и стиль жизни по образцам подвижной современности. Пространство цивилизационного развития малых городов и в целом российского общества формировалось в последние двадцать пять лет не только новыми властными и экономическими элитами, но мобилизацией самих граждан ради выстраивания современного цивилизационного комплекса различных территорий, которые осуществимы и

эффективны лишь при участии всех акторов малого города как территориального локального объекта.

Список литературы

1. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Данные Росстата на 01.01.2018 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>.

2. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. 2001. М., СПб.: Университетская книга. Т. 2. 382 с.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРАЦИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОГО УЕДИНЕНИЯ THE SOCIAL STRUCTURE OF PRIVATE LIFE IN CONDITIONS OF FORCED SOLITUDE

В.П. Козырьков

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.P. Kozyrkov

Lobachevsky University

Анализируется уединения личности в условиях разрыва действия социальных институтов. Уединение рассматривается в качестве главного элемента частной жизни. Выделяются пять концепций частной жизни. Автор показывает, что уединение может иметь позитивную социальную функцию или негативную. В качестве позитивной направленности развития уединения становится феномен родины, усиление патриотических мотивов.

The solitude of the individual in the context of the breakdown of social institutions is analyzed. Solitude is seen as the main element of privacy. Five privacy concepts stand out. The author of the thesis shows that solitude can have a positive social function, or negative. The phenomenon of homeland, the strengthening of patriotic motives, is becoming a positive trend in the development of solitude.

Ключевые слова: частная жизнь, концепции частной жизни, уединение, социальная структуризация, родина

Keywords: private life, concepts of private life, solitude, social structuration, homeland

Проблема уединения в качестве главного элемента уединения неожиданным образом возникла в глобальном масштабе в условиях пандемии. Возникшая ситуация обращает внимание исследователей, в том числе в области

социологии, на социокультурные истоки уединения, его роли в развитии общества. Цель предлагаемых тезисов – сформулировать идеи, которые позволяют рассмотреть проблему теоретически.

Уединение личности является одним из элементов частной жизни как особой сферы общества. Но вначале уединение имело вынужденный и деструктивный характер: бегство рабов и крепостных в недоступные места; схимничество, изгойство. Как позитивная ценность состояние уединения возникло в европейской культуре на достаточно позднем этапе развития цивилизации, когда для этого появились экономические, политико-правовые и социокультурные условия. Только в Новое время стремление к уединению стало расцениваться как социальная установка, которая становится необходимой в творчестве ученого, писателя, поэта, композитора и других творческих профессий. Разумеется, не исчезло уединение в его социально негативном значении: уединение с целью накопления и сохранения капитала, криминальное уединение, психические истоки уединения и др. В современном обществе, в условиях развития цифровой коммуникации, воспроизводятся исторически возникшие формы уединения [1] и появляются качественно новые формы частной жизни и, следовательно, уединения, так как оно является социально базовым элементом приватности [2].

В сложившейся традиции западной социологии принято считать, что уединение является одним из главных элементов частной жизни [3]. Но в настоящее время ситуация изменилась, поэтому важно подчеркнуть, что усиливается взаимосвязь уединения с другими элементами частной жизни: интимность, сдержанность, анонимность, личностная идентификация. Их разнообразие увеличивается, когда функционирование института частной жизни становится доминирующим по отношению к публичной сфере. Обнаруживается, что частная жизнь как особая сфера общества, социальный институт и малая система, включает в себя различные элементы культуры, но в особом состоянии: достаточном для личности или в ограниченном виде. Если их достаточно, то они обеспечивают существование личности в уединении без ущерба ее целостности. Если их недостаточно, в силу недоступности ресурсов культуры или неспособности самой личности освоить доступные культурные ценности, то личность испытывает дискомфорт или впадает в депрессию. Это говорит также о том, что произошло разрушение связей института частной жизни с институтами жизни публичной, которая воспроизводит и развивает культуру общества.

Вновь обострился вопрос о существовании частной жизни, ее сложном характере. Возникли различные подходы к ее толкованию: правоведческий, философский, психологический, филологический. Толкование разное, но

методологически их объединяет то, что частная жизнь в них рассматривается как явление, не развивающееся, поэтому и структура остается неизменной. Видимо, этот недостаток дисциплинарного подхода с особой силой показал себя в период современной «самоизоляции». Ограниченность дисциплинарного подхода вызвала идеологический подход, который позиционирует частную жизнь в качестве доминирующей сферы жизни (либерализм) или вторичной по сравнению с общественной сферой (коммунализм). Ясно, что самоизоляция с позиций каждого из этих подходов тоже будет пониматься соответственно.

Но структуру частной жизни можно рассматривать целостно, социокультурно, отвлекаясь от идеологичности и преодолевая дисциплинарную ограниченность в подходе. Это социологический подход, который позволяет выявить взаимосвязь дисциплинарных подходов и раскрыть причины идеологичности подхода. Трудность реализации социологического подхода в том, что существуют его различные концепции.

Во-первых, частная жизнь рассматривается как обособившаяся часть социальной системы, ее *микроуровень* в противоположность макроуровню в виде экономики, политики, права, церкви. Например, в экономике изучается домашнее хозяйство как микроуровень экономики, а в юридической науке изучается частное право.

Во-вторых, частная жизнь видится как особый *аспект* социальной реальности, состоящий из совокупности частных, мелочей, деталей, случайностей, оговорок, отступлений от нормы и т. п. незначительных явлений социальной жизни. Например, развлечения людей в свободное время, анекдоты, неожиданные встречи.

В-третьих, частное толкуется как локализованное в социальном пространстве *индивидуальное проявление личности*, сформировавшейся в результате обособления, уединения, сокрытия. Правда, непонятно, откуда берется такая свободная личность, способная на уединение, если не предположить, что человек рождается уже сложившейся автономной свободной личностью, и общество не принимает участия в ее формировании.

В-четвертых, частное и общественное видятся как *стороны* проявления индивидуальности человека. Частная реальность толкуется как латентное содержание жизни личности в виде совокупности интимных, сугубо личных свойств и качеств, *скрываемых* от других. Это проявления личности, которые унижают ее достоинство при их экстернизации (социальной презентации), показывают ее слабые, ранимые, незавершенные элементы.

В-пятых, частное в виде оригинальной стержневой основы структуры личности, формируемой повседневностью при совершении многообразных действий и процедур домашнего, семейного, бытового характера. С этих

позиций, частная жизнь есть особый *социальный институт*, возникший в культуре Нового времени, который укореняет человека не только в семье и в обществе, но и создает духовную потребность в отношениях с окружающими людьми, в природной среде. Следовательно, частное бытие не разъединяет людей, а соединяет, но не чем-то общим, а непохожестью; не погашает в себе публичное, а является источником *потребности* в его развитии и воспроизводстве в форме политики, туризма, публичных развлечений и др. открытых сфер жизни; не отрицает природу, а формирует ту ее часть, которая наиболее значима для человека: дом, тело, личные материальные вещи, чувства. Социальное выражение такой концепции частной жизни – стиль жизни человека, вкусы, предпочтения и пристрастия.

Эти пять концепций частной жизни выделяются нами в абстракции, но без такой теоретической процедуры невозможно разобраться в социальном значении уединения в том его виде, в каком оно сложилось в современном обществе и соответствующем типе культуры.

Психологически уединение оправдано тем, что позволяет человеку избавиться от присутствия других людей, от воздействия публичной среды и задуматься о самом себе. Но такое простое определение ничего не говорит о том, что является социокультурным содержанием уединения и для чего оно нужно. Хорошо, если уединение необходимо для развития, воспроизводства и познания внутренней структуры личности, преодоления возникших в жизни трудностей. Но в социальном плане уединение делает личность слабой и легко ранимой, так как изоляция, разрывая связи с другими людьми, лишает общения, поддержки, ресурсов, существующими в общем социальном пространстве. Появляется искушение для преступников, манипуляции и снятие ответственности со стороны публичных институтов за то, что люди совершают в частной жизни: заболевание, насилие, моральная распущенность, бытовая нечистоплотность.

В условиях вынужденного уединения происходит более глубокое осознание своей связи с родиной, понимание ее не только в качестве страны, а как индивидуального жизненного мира, который становится первичной основой формирования физической и духовной структуры личности, матрицей ее духовной уникальности. Ее содержание во многом таинственно, связано с интимными сторонами жизни личности, ее идеалами и склонностями. Природа человека на этом уровне приобретает гибкий характер, поэтому он может приспособиться к невероятно тяжелым условиям жизни, но именно потому, что у него есть родина в ее публичном, общественном выражении, связь с различными уровнями которой придает ему новые силы.

Список литературы

1. Козырьков В.П. Социокультурные предпосылки социальной коммуникации в цифровом обществе // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового общества. VII Садыковские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции. Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. С. 109–115.
2. Орлов М.О., Шаткин М.А. Приватность в условиях цифровизации: правовые и экономические аспекты // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 15–26.
3. Вестин А. Приватность и свобода // Правовые аспекты охраны личной жизни. Реферативный сборник. М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1986. С. 40–55.

BOGUS PIPELINE КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ НЕИСКРЕННЫХ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ В СЕНСИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ **BOGUS PIPELINE AS A METHOD OF PREVENTING INSINCERE ANSWERS FROM RESPONDENTS IN SENSITIVE RESEARCH**

А.Ю. Мягков

Ивановский государственный энергетический университет, г. Иваново

A.Yu. Myagkov

Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo

Анализируется процедура bogus pipeline, разработанная в западных социальных науках для предотвращения социально желательных ответов респондентов. Представлено методическое описание этой процедуры и ее основных организационно-технических версий. Дана оценка валидности и статистической эффективности данного метода. Обсуждаются стимулирующие возможности BPL, ее достоинства, недостатки и ограничения в контексте современных научных дискуссий.

The article analyzes the bogus pipeline procedure, developed in Western social sciences to prevent socially desirable answers. A methodological description of the procedure and its main organizational and technical versions are presented. The validity and statistical efficiency of this method are estimated. The stimulating possibilities of BPL, its advantages, disadvantages and limitations are discussed in the context of contemporary scientific discussions.

Ключевые слова: процедура bogus pipeline (BPL), опросные исследования, эксперимент, искренность ответов, социальная желательность, валидность данных

Keywords: bogus pipeline procedure (BPL), survey research, experiment, sincerity of answers, social desirability, validity of data

Любое опросное исследование буквально изобилует смещениями разной природы [1, р. 364]. Социальные науки тем и отличаются от наук естественных, что источниками информации в них выступают люди, наделенные сознанием и волей и имеющие свои ценности и цели, мотивы и установки.

Одним из опаснейших и наиболее часто встречающихся источников смещений является, как известно, склонность респондентов к социальной желательности. История массовых опросов и современная исследовательская практика знают массу примеров, когда опрашиваемые искажали свои ответы на неприятные или утрашающие вопросы исследователей с тем, чтобы избежать смущения и представить себя собеседнику в более выигрышном свете [См.: 2, с. 14–24].

Для профилактики подобных смещений в методологии социологических исследований был разработан целый ряд специальных процедур, наибольшую известность среди которых получили приемы «утяжеления вопросов» Н. Брэдберна и С. Садмена, «номинативная техника» М. Сиркена, различные модели рандомизированного ответа (RRT – randomized response technique), а также техника «непарных чисел» (UCT – unmatched count technique) [3, с. 200–205, 209–245; 4, с. 37–48].

Еще одной важной процедурой, предназначенной для предотвращения ответных смещений в самоотчетах респондентов/информантов на сенситивные вопросы, является *bogus pipeline (BPL)* – метод фиктивной проверки или фиктивного тестирования.*

Сегодня существуют две версии данного метода: техническая, или приборная (базовая, «традиционная»), предназначенная для психологических экспериментов, и более поздняя, вербальная («упрощенная»), нередко используемая в социологических исследованиях.

Первая (базовая, «машинная») версия BPL была разработана и апробирована двумя канадскими социальными психологами Э. Джоунсом и Г. Сигалом в 1971 г. [8]. Она предполагает использование специального технического устройства («электромиографа»), позиционируемого в качестве суперсовременного детектора лжи, который, якобы, может безошибочно диагностировать неискренние ответы респондентов. BPL здесь базируется на идее о том, что испытуемые должны отвечать более правдиво на смущающие вопросы исследователей, когда они опасаются быть пойманными на лжи.

* *Bogus pipeline* – идиоматическое выражение, не поддающееся дословному переводу и не имеющее прямых аналогов в русском языке. Применительно к анализируемой нами ситуации оно означает фиктивное тестирование. Иногда *bogus pipeline* переводится как «метод мнимого источника информации» [5, с. 340; 6, с. 71]. Данное название, растиражированное в российской словарно-энциклопедической литературе, скорее всего, ведет свое начало из русскоязычных переводов работ американского психолога Д. Майерса, в которых, возможно, впервые был описан данный метод [7, с. 157–158].

Перспектива быть уличенными воспринимается людьми хуже, чем любое потенциальное смущение.

Вторая, вербальная, или «упрощенная» версия VPL была придумана позднее специально для массовых социологических опросов. Она не использует технических устройств в качестве псевдодетектора лжи, а опирается на вопросные техники, основанные на допущении, что одного лишь ожидания предстоящей проверки самоотчетов достаточно, чтобы респонденты отвечали честно.

В современной социологической практике встречаются разные варианты данной версии в зависимости от тематической специфики проводимых опросов и возможностей последующей валидации данных. Так, в исследовании А. Вагенаара и его коллег, посвященном алкогольной проблематике, респондентам говорили, что по окончании интервью у них в лабораторных условиях будут взяты образцы слюны на предмет наличия в организме остаточного этанола для оценки достоверности их ответов. Между тем, по сообщению авторов, вместо обещанной тотальной проверки самоотчетов об употреблении алкоголя в конечном счете было проанализировано лишь 7% от общего количества взятых проб [9, р. 206].

В других исследованиях, например при изучении явки на выборы, организаторы опроса сообщали, что ответы опрашиваемых будут впоследствии проверены по учетным записям избирательных комиссий [10, р. 135; 11, р. 119]. Иногда в подобных случаях оговаривалось, что такая проверка (выборочная или полная) возможна или не исключена [См.: 1, р. 367, 372]. Однако при этом исследователи изначально знали, что обещанная верификация проводиться не будет.

Известны также случаи, когда интервьюеры в преамбуле к опросу информировали своих респондентов, что в предстоящем исследовании будут использованы новые, очень эффективные, но совершенно неочевидные для опрашиваемых способы распознавания неискренности. На самом же деле никакие специальные инструменты, которые могли бы иметь отношение к обнаружению лжи, в вопросник не включались [12].

Появление работы Э. Джоунса и Г. Сигала с представлением новой техники снижения уровня социальной желательности вызвало в научном сообществе мощную волну критики. Специалисты отмечали два основных недостатка данного метода: его ограниченную валидность и этическую уязвимость.

В частности, некоторые исследователи высказывали серьезные сомнения относительно валидности и статистической эффективности VPL. Результаты первых тестовых проб оказались весьма противоречивыми. Одни исследования

свидетельствовали о явных преимуществах вновь предложенного метода по сравнению с традиционными интервью и анкетированием, в то время как другие не подтверждали вывода авторов о его достаточной валидности и надежности. Между тем дальнейшие эксперименты сняли первоначальные опасения по поводу неэффективности новой процедуры. Н. Роез и Д. Джеймисон в своем мета-аналитическом обзоре, включавшем результаты 31 исследования с применением bogus pipeline, установили, что 73% проанализированных ими тестов убедительно свидетельствовали о значительном эффекте этого метода. К тому же данные ряда специальных экспериментов не обнаружили значимых корреляций между ответами испытуемых, опрошенных с помощью ВРЛ, и показателями шкалы социальной желательности Марлоу и Крауна. В результате исследователи пришли к заключению, что ВРЛ – это «полностью валидная методологическая процедура», способствующая самораскрытию респондентов и уменьшению смещений, вызываемых неискренностью опрашиваемых [1, p. 367, 373].

С этого момента начинается активная экспансия метода в самые различные проблемно-тематические области социального знания. В последние годы процедура ВРЛ многократно и весьма успешно использовалась в западной исследовательской практике при проведении исследований, касавшихся расовых предрассудков [13], мужской и женской сексуальности [14], сексуальной агрессии [15], употребления наркотиков и алкоголя [9; 14], курения среди подростков [16], электорального поведения [10], доходов банковских заемщиков [17]. «Эффект от применения bogus pipeline, – заключают Э. Эллиот и ее коллеги, – в конце концов не является фиктивным» [18, p. 1].

Популярность данной версии, на наш взгляд, связана, с одной стороны, с заметным ростом числа крайне сенситивных вопросов и тем, выносимых на обсуждение с респондентами, а с другой – с целым рядом ее несомненных преимуществ по сравнению со стандартной («машинной») версией.

Во-первых, упрощенный экспериментальный дизайн может применяться в работе не только с отдельными индивидами, но и с большими группами людей, а следовательно, легко применим при проведении масштабных социально-психологических исследований, а также массовых социологических опросов населения. *Во-вторых*, он более практичен, так как оперативен и прост в исполнении, менее затратен и не требует никаких специальных технических устройств. *В-третьих*, в ряде случаев исчезает необходимость в использовании контрольных групп для валидации собранных данных, что существенно облегчает работу на аналитической стадии исследования. И, наконец, *в-четвертых*, данный вариант, по некоторым оценкам [1, p. 372], более приемлем

с этической точки зрения, поскольку не содержит явно выраженных обманных манипуляций.

Второе направление критики было связано с этической природой ВРЛ. Многие участники дискуссии высказывали озабоченность в связи с тем, что данная процедура нарушает основополагающие принципы исследовательской этики, поскольку она основана на обманных манипуляциях и отказывает испытуемым в праве на приватность [19, р. 9]. При этом основные аргументы противников метода сводились к следующему.

Во-первых, испытуемые ощущают насилие над собой, когда они *вынуждены* сообщать сенситивную и потенциально нелегальную информацию о своем поведении. В связи с этим они испытывают стресс и прочие вредные психологические последствия.

Во-вторых, процедура нарушает свободу респондентов избежать ответа на неприятные для них вопросы. Они вынуждены отвечать честно под страхом разоблачения машиной.

В-третьих, насильственную природу метода нельзя недооценивать, особенно в тех случаях, когда приходится работать с очень уязвимыми контингентами опрашиваемых. Применение ВРЛ здесь может привести к сильным искажениям исследовательских результатов. Так, исследование Р. Кокиш с коллегами показало, что часть респондентов, отбывавших заключение за сексуальное насилие, под давлением данной процедуры начинали признаваться даже в тех преступлениях, которые они на самом деле не совершали [20]. Кроме того, в исследованиях с применением ВРЛ часто опрашиваются дети, которые тоже весьма уязвимы к психологическому вреду [21, р. 558].

Вместе с тем некоторые авторы полагают, что в ВРЛ ничуть не больше обмана, чем в любой другой исследовательской процедуре. Тем более, как показало эмпирическое исследование Г. Агуинис и К. Хенле, сами респонденты оценивают ВРЛ как полезный и вполне корректный метод, не нарушающий их прав и личной свободы. И хотя, как отмечают авторы, участники эксперимента испытывали некоторые неприятные чувства, когда сообщали свои истинные ответы на острые и смущающие вопросы, они тем не менее верили, что выгоды от данной техники перевешивают ее психологические издержки [22, р. 352].

Список литературы

1. Roese N.J., Jamieson D.W. Twenty years of bogus pipeline research: A critical review and meta-analysis // Psychological Bulletin. 1993. Vol. 114. No. 2. P. 363–375.

2. Мягков А.Ю. Правда и ложь в социологических опросах: методы измерения и контроля: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. 236 с.
3. Мягков А.Ю. Искренность респондентов в сенситивных опросах: методы диагностики и стимулирования. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Вариант, 2012. 328 с.
4. Мягков А.Ю. Техника «непарных чисел»: опыт экспериментального тестирования // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 37–48.
5. Социальная психология: хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М: Аспект Пресс, 2012. 475 с.
6. Абушенко В.Л. Аттитюд // Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. Мн.: Книжный дом, 2003. 1312 с.
7. Майерс Д. Социальная психология / пер. с англ. СПб.: Питер, 1997. 688 с.
8. Jones E.E., Sigall H. The bogus pipeline: A new paradigm for measuring affect and attitude // Psychological Bulletin. 1971. Vol. 76. No. 2. P. 349–364.
9. Wagenaar A.C., Comro K.A., McGovern P. et al. Effects of the saliva test pipeline procedure of adolescent self-reported alcohol use // Addiction. 1993. Vol. 88. No. 1. P. 199–208.
10. Hanmer M.J., Banks A.J., White I.K. Experiments to reduce the over-reporting of voting: A pipeline to the truth // Political Analysis. 2014. Vol. 22. No. 1. P. 130–141.
11. Tsai Ch.-L. Solutions to Turnout Over-Reporting: What is Out There, What Works, and Can We Do Better? A Thesis Submitted for the Degree of PhD. 3 october, 2016. URL: http://repository.essex.ac.uk/20022/1/PhD%20Thesis_Chilin%20-Tsai.pdf (accessed: 8.12.2019).
12. Walker R., Jussim L. Do people lie to appear unprejudiced. The Rutgers scholar // An Electronic Bulletin of Undergraduate Research. 2002. Vol. 4. P. 1–18. URL: <https://rutgersscholar.libraries.rutgers.edu/volume04/walkjuss/walkjuss.htm> (accessed: 15.03. 2020).
13. Nier J.A. How dissociated are implicit and explicit racial attitude? A bogus pipeline approach // Group Processes and Intergroup Relations. 2005. Vol. 8. No. 1. P. 39–52.
14. Alexander M.G., Fisher T.D. Truth and consequences: Using the bogus pipeline to examine sex differences in self-reported sexuality // Journal of Sex Research. 2003. Vol. 40. No. 1. P. 27–35.
15. Strang E., Peterson Z.D. Use of a bogus pipeline to detect men's underreporting of sexually aggressive behavior // Journal of Interpersonal Violence. December 5, 2016. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0886260516681157> (accessed: 13.12.2019).
16. Adams J., Parkinson L., Sanson-Fisher R.W. et al. Enhancing self-report of adolescent smoking: The effects of bogus pipeline and anonymity // Addictive Behaviors. 2008. Vol. 33. No. 10. P. 1291–1296.

17. Römer U., Mubhof O., Weber R. et al. Truth and Consequences: Bogus Pipeline Experiment in Informal Small Business Landing. URL: <https://www.econstor.eu/bit-stream/10419/156679/1/883572125.pdf> (accessed: 13.12.2019).

18. Elliott E., Egan V., Grubin D. A not so bogus pipeline: A study of the bogus pipeline effect and its implications for polygraph testing // *Polygraph*. 2017. Vol. 46. No. 1. P. 1–9.

19. Callaghan J., Lazard L. *Critical Thinking in Psychology*. L.: Learning Matters, Ltd., 2011. 274 p.

20. Kokish R., Levenson J.S., Blasingame G.D. Post-conviction sex offender polygraph examination: Client-reported perceptions of utility and accuracy // *Sexual Abuse: Journal of Research and Treatment*. 2005. Vol. 17. No. 2. P. 211–221.

21. Aguinis H., Handelsman M.M. Ethical issues in the use of the bogus pipeline // *Journal of Applied Social Psychology*. 1997. Vol. 27. No. 7. P. 557–573.

22. Aguinis H., Henle C.A. Empirical assessment of the ethics of the bogus pipeline // *Journal of Applied Social Psychology*. 2001. Vol. 31. No. 2. P. 352–375.

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ***

**MAIN TRENDS IN TRANSFORMATION OF THE HISTORICAL MEMORY
OF THE INHABITANTS OF FINNO-UGRIC REGIONS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

С.В. Полутин

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск

А.В. Булавин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

S.V. Polutin

Ogarev Mordovia State University, Saransk

A.V. Bulavin

Research Institute of Humanities

under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk

Анализируются состояние, основные тенденции и процессы трансформации исторической памяти в финно-угорских субъектах Российской Федерации.

The article analyzes the state, main trends and processes of transformation of historical memory in the Finno-Ugric regions of the Russian Federation.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011 – 31319 «Историческая память и идентичность: особенности формирования исторических нарративов в молодежной среде в национальных республиках Приволжского федерального округа»

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, этническая идентичность, финно-угорские регионы, общественные движения

Keywords: historical memory, collective memory, ethnic identity, Finno-Ugric regions, social movements

Рубеж XX – XXI вв. является одним из ключевых этапов в современной российской истории, который ознаменовался не только масштабным социально-экономическими и политическими кризисами, но и последовавшим вслед за этим переосмыслением устоявшихся социальных норм и ценностей, а также сформировавшихся в советское время исторических нарративов. В данных условиях устоявшиеся представления об историческом прошлом претерпели кардинальные изменения, а переоценка многих исторических событий стала одним из неотъемлемых элементов политического дискурса как на федеральном, так и на региональном уровнях. Кроме того, на сложившуюся ситуацию серьезно повлияло то, что Россия на протяжении всей своей истории была многонациональным и многоконфессиональным государством, в результате чего многие социальные кризисы сопровождались ростом этноконфессиональных противоречий, поводом для которых служили реальные или мнимые исторические обиды. В этой связи особый интерес представляет изучение репрезентации событий прошлого в финно-угорских субъектах Приволжского Федерального округа, где проживают представители многих национальностей, а также последователи двух мировых религий – православные христиане и мусульмане. И хотя данные субъекты существенно отличаются друг от друга как по своему географическому положению, так и по этнодемографическому и социальному составу населения, тем не менее, процессы трансформации исторической памяти в этих регионах имеют определенное сходство, что отличает их от многих других титульных республик Российской Федерации. Сложившаяся ситуация, по всей вероятности, объясняется не только и не столько принадлежностью к финно-угорской культурно-языковой общности, сколько рядом других факторов, среди которых следует выделить схожесть исторического пути, отсутствие собственной государственности и последующее обретение её в 20 – 30-е гг. XX в. в составе СССР, длительный опыт совместного бесконфликтного сосуществования представителей различных национальностей. Кроме того, во всех финно-угорских регионах РФ представители «титульной нации» не являются большинством, что серьезно ограничивает возможности влияния радикально настроенных этнических активистов, а большинство субъектов относится к числу дотационных, что существенно ограничивает потенциал местных политических и культурных элит.

Необходимо отметить и тот факт, что схожесть процессов трансформации исторической памяти в финно-угорских регионах была во многом предопределена самой спецификой нахождения финно-угорских народов сначала в составе Российской империи, а затем и Советского Союза. Вошедшие в состав российского государства финно-угорские народы оставались на местах традиционного расселения, их представители принимали участие в государственном строительстве и общероссийских общественно-политических событиях, а многие этнические особенности часто учитывались при реализации тех или иных государственных мероприятий.

После Октябрьской революции финно-угорские народы стали субъектами нового этапа национально-государственного строительства, которое было инициировано советскими властями. В процессе формирования общей национальной политики советского государства финно-угорские народы обрели разные формы автономии, в рамках которых началось активное изучение исторического прошлого и формирование ключевых исторических нарративов в рамках советской идеологии. Как отмечает В.В. Бушуев, «строительство социализма «в отдельно взятой стране» обостряло запрос на конструирование многослойной национально-государственной идентичности, в структуре которой «коммунистический миф» и образ «светлого будущего» опирались бы на серьезный исторический фундамент» [1]. В это время историческая память наравне с идеологией становится не только основанием консолидации для политических и национальных элит, но и базовым компонентом национально-государственной идентичности, которая во многом обеспечила устойчивость советской политической системы в условиях масштабных кризисов, таких как Великая Отечественная война.

Однако уже начиная с 1970-х гг., на фоне нарастания системного социально-экономического и управленческого кризиса, «советский миф постепенно теряет одно из необходимых свойств: он перестает восприниматься в качестве абсолютного знания, на основе которого члены общества осознают и оценивают происходящие события и принимают значимые решения» [2]. По мере нарастания напряженности в межнациональных отношениях в национальных автономиях, в том числе и в финно-угорских, устойчивой тенденцией ставится активное использование данные общественных наук (истории, социологии, этнографии и т.д.) для обоснования легитимации власти и необходимости предоставления тех или иных преференций для различных этнических групп. Это не случайно, как отмечают О.Ю. Малинова и В.Н. Ефремова, «продвигая или поддерживая определенные интерпретации коллективного прошлого, представители властвующей элиты преследуют политические цели, которые не всегда подчинены задаче формирования

определенной концепции прошлого: они стремятся легитимировать собственную власть, укрепить солидарность сообщества, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, показать несостоятельность оппонентов» [3]. При этом опора на этноконфессиональную идентификацию становится способом компенсации утраты мировоззренческих установок, заложенных советской системой, поскольку, по словам А. Ассман, «в противоположность многоголосой социальной памяти, которая является памятью «снизу» и которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений, национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество «сверху»» [4].

В итоге, начиная с конца 1980-х гг. политические элиты финно-угорских субъектов Российской Федерации начинают использовать этноконфессиональную идентичность как инструмент в борьбе за власть и ресурсы, оставшиеся после разрушения «советской империи», часто аргументируя свои требования травматическими событиями прошлого или же интерпретируя историю в своих интересах. Так, для обоснования повышения статуса региона и приоритетного положения для титульных этносов в органах власти, многие идеологи финно-угорских общественных движений начинают ссылаться (а иногда и откровенно манипулировать) на данные исторической науки. В региональной прессе и документах, издаваемых активистами национальных движений, разворачивается дискуссия о ключевых исторических событиях в жизни финно-угорских народов, акцентируется внимание на «исторических травмах», оценка многих событий прошлого начинает и значительно отличаться от принятых в советское время канонов. Во многих трудах поднимается тема «насильственной русификации и «христианизации»», социальные конфликты на территории финно-угорских регионов рассматриваются сквозь призму национально-освободительной борьбы, а политика «большого террора» оценивалась как целенаправленное «уничтожение национальной интеллигенции».

Однако внедрение альтернативного исторического нарратива в общественное сознание регионального социума напрямую зависело от того, насколько широкую поддержку идеи, декларируемые национальными движениями, получали среди населения, чего в итоге и не произошло. В первую очередь это было вызвано демографическими причинами – ни в одном из финно-угорских регионов «титульные» этносы не являются большинством, во-вторых, идеи этнического национализма зародились в русскоязычных городах как результат столкновения аграрного социума с реалиями индустриального общества, и как следствие, не нашли массовой поддержки, так как большинство

представителей финно-угорских этносов проживали в сельской местности. Даже на пике финно-угорские национальные движения не смогли заручиться поддержкой значительной части населения, а наступивший социально-экономический кризис на первый план вывел экономические проблемы. Кроме того, идеи ревизии истории не нашли поддержку и научного сообщества, которое неохотно шло на пересмотр событий прошлого в угоду тем или политическим силам.

Последующий период характеризовался потерей интереса общественности к исторической тематике и выходом на передний план социально-экономических проблем. Как итог, «эмоционально негативно окрашенные факты прошлого, связанные с историей народа (языковая русификация, репрессии по национальному признаку и др.), остались преимущественно в сфере научных исследований, а откровенно конфликтогенные оценки прошлого используются исключительно маргинальными радикальными течениями и отдельными личностями» [5]. Кроме того, начиная с середины 2000-х гг. федеральные власти инициировали интенсификацию процессов построения устойчивой общероссийской гражданской идентичности, базирующейся на основе совместной истории и культуры, что должно поспособствовать сохранению стабильности в обществе. Причем подобные проекты реализуются как на федеральном уровне, так и в финно-угорских субъектах Российской Федерации. Однако серьезные сложности, препятствующие созданию общероссийского исторического нарратива, продолжают сохраняться. Во-первых, это связано с тем, что политические элиты все еще не смогли сформулировать притягательный «образ будущего» и предложить привлекательную систему символов для самоидентификации молодежи в качестве граждан России. Во-вторых, распространение сети Интернет, которое открыло широкие возможности для продвижения альтернативных исторических концепций и тиражирования негативных оценок тех или иных исторических событий, что впоследствии может стать стимулом для роста этноконфессиональной напряженности в финно-угорских регионах.

Список литературы

1. Бушуев В.В. Историческая политика в СССР: императивы и специфика реализации // Ценности и смыслы. 2012. №4 (20). С. 119–128.
2. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образы прошлого в российском массовом сознании: мифологическое измерение // Политическая наука. 2017. № 1. С. 120–137.
3. Малинова О.Ю., Ефремова В.Н. Коммеморации исторических событий и государственные праздники как инструмент символической

политики // Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 175–133.

4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Н.Л.О., 2014. 323 с.

5. Грибанов В.В., Кузиванова О.Ю. Историческая память как этнополитический феномен // Вестник Волгоградского у-та. Сер. 4. Ист. 2013. № 1 (23). С. 78–84.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ
КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ
STRATEGIC GUIDELINES AS A WAY TO MODEL SOCIAL PROCESSES
IN THE ARCTIC TERRITORIES OF RUSSIA**

О.Д. Романова
*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск*
O.D. Romanova
North-Eastern Federal University in Yakutsk, Yakutsk

Анализируются на основе методологии «мягких» систем прогнозируемые модели развития Арктических территорий России, описываются этапы моделирования социальных процессов, формулируются выводы о моделях развития Арктики.

The author analyzes, based on the methodology of "soft" systems, the predicted development models of the Arctic territories of Russia, describes the stages of modeling social processes, formulates conclusions on the models of the Arctic development.

Ключевые слова: моделирование социальных процессов, Арктические территории России, стратегия, социальные процессы

Keywords: modeling of social processes, Arctic territories of Russia, strategy, social processes

Основой моделирования социальных процессов являются теории социальных систем как части общей теории систем. Принципы исследования «мягких» систем рассмотрены в научных работах американских ученых У. Черчмена [1] и Р. Акоффа [2]. У. Черчмен сформулировал четыре базовых тезиса нового подхода к изучению социальных систем, на основе которых может быть спроектирована социальная система. Во-первых, «системный подход начинается, когда вы первый раз смотрите на мир глазами другого человека» (на практике разработки стратегии это может быть участие в стратегической сессии под руководством модератора внешней среды), во-

вторых, «системный подход показывает, что картина мира каждого индивида ужасно ограничена», в- третьих, «в системном подходе нет экспертов», так как могут быть различия в культуре, в морали, и, наконец, в-четвертых, «системный подход – неплохая идея». Последний тезис можно применить практически, предполагая, что исход социального проектирования будет верным. При этом разработка проекта требует гарантированного участия представителей всех заинтересованных сторон, и согласование их интересов представляет собой сложный процесс, который не имеет завершения.

Р. Акофф полагает, что модель социальной организации представляет собой «социосистемность», под этим термином понимается демократичность социальной системы – в принятии решений, особенно касающихся вопросов планирования работы организации, должны иметь возможность участвовать все заинтересованные лица [3].

Английский ученый П. Чекленд (1972 г.) [4], разработавший методологию исследования «мягких» систем, рассматривает систему не как часть реального мира, а как системно-организованный процесс его изучения. Чекленд различает «жесткие» и «мягкие» системы. Так, «жесткие» системы поддаются различного рода операциям во взаимосвязи со своим функционалом. В «мягких» системах встречаются различные цели и взгляды индивидов, социальных групп, социальных общностей и социальных структур, которые выдвигают свои задачи, требующие решения в рамках системы.

Таким образом, моделирование социальных процессов включает в себя:

- выявление и определение общих стратегических ориентиров развития (например, территории) всеми заинтересованными индивидами, социальными группами, социальными общностями, социальными структурами;
- создание и применение механизмов демократического выбора целей и направлений развития;
- применение механизма согласования приоритетных целей и направлений развития всех заинтересованных сторон;
- установление согласованных достижимых целей стратегирования.

Основываясь на методологии «мягких» систем, рассмотрим стратегические ориентиры как способ моделирования социальных процессов развития Арктических территорий России.

В 90-е годы XX века развитию Арктических территорий России на государственном уровне уделялось мало внимания, но стратегические цели и задачи развития самих арктических регионов, в том числе в Республике Саха (Якутия), всегда являлись актуальными. Первый Президент Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаев в 1999 г. в своей книге «Арктика. XXI век» определил основные характеристики системного подхода к развитию Арктики: «Высшая

общечеловеческая ценность Арктики состоит в том, что здесь живет большое число аборигенных народов. Вот почему в XXI веке арктическая социология должна стать предметом объединенного международного подхода... Вот почему основными характеристиками подхода мирового сообщества к проблемам Арктики должны быть геополитический масштаб, системность, социально-экономическое единство, осознание новой высокой роли региона в цивилизационном процессе, в устойчивом функционировании природного и социального организма мира» [5].

Президентом РФ Д.А. Медведевым в сентябре 2008 г. были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», определившие главные цели и стратегические приоритеты. Реализация этого документа призвана была создать к 2020 г. модель Арктической зоны Российской Федерации как ведущей стратегической ресурсной базы Российской Федерации.

В начале марта 2020 г. Президентом РФ В.В. Путиным утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». В таблице 1 приведены модели развития Арктических территорий России на основе стратегических приоритетов России в 2008 и 2020 гг.

Т а б л и ц а 1

**Стратегические приоритеты государственной политики
Российской Федерации в Арктике**

№	Модель «Арктическая зона Российской Федерации как ведущая стратегическая ресурсная база Российской Федерации»	Модель «Устойчивая Арктика»
1	осуществление активного взаимодействия Российской Федерации с приарктическими государствами в целях разграничения морских пространств на основе норм международного права, взаимных договоренностей с учетом национальных интересов Российской Федерации, а также для решения вопросов международно-правового обоснования внешней границы Арктической зоны Российской Федерации;	устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации
2	наращивание усилий приарктических государств в создании единой региональной системы поиска и спасения, а также предотвращения техногенных катастроф и ликвидации их последствий, включая координацию деятельности спасательных сил;	опережающий общероссийские темпы роста качества жизни и доходов населения Арктической зоны Российской Федерации, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам
3	укрепление на двусторонней основе и в рамках региональных организаций, в том числе Арктического совета и Совета Баренцева/Евроарктического региона, добрососедских отношений России с приарктическими	рост валового регионального продукта, произведенного в Арктической зоне Российской Федерации, создание новых рабочих мест

	государствами, активизация экономического, научно-технического, культурного взаимодействия, а также приграничного сотрудничества, в том числе в области эффективного освоения природных ресурсов и сохранения окружающей природной среды в Арктике;	
4	содействие в организации и эффективном использовании транзитных и кроссполярных воздушных маршрутов в Арктике, а также в использовании Северного морского пути для международного судоходства в рамках юрисдикции Российской Федерации и в соответствии с международными договорами Российской Федерации;	увеличение объема национальных и международных перевозок грузов по Северному морскому пути
5	активизация участия российских государственных учреждений и общественных организаций в работе международных форумов, посвященных арктической проблематике,	охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов
6	разграничение морских пространств в Северном Ледовитом океане и обеспечение взаимовыгодного присутствия России на архипелаге Шпицберген;	достижение высокого уровня сотрудничества с арктическими государствами, способствующего сохранению Арктики в качестве территории мира, стабильности и взаимовыгодного партнерства
7	совершенствование системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации, в том числе за счет расширения фундаментальных и прикладных научных исследований в Арктике;	недопущение военных действий против Российской Федерации в Арктике.
8	улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности в Арктике;	
9	развитие ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации за счет использования перспективных технологий;	
10	модернизация и развитие инфраструктуры арктической транспортной системы и рыбохозяйственного комплекса в Арктической зоне Российской Федерации.	

Модель Арктики 2008 г. в прогнозируемый период реализовала свои цели в сфере международных отношений, при этом Арктические территории России вместо развития сильно ухудшили свои позиции в плане экологической ситуации, социальной, транспортной инфраструктуры и в здравоохранении. Миграционные процессы не были приостановлены, население Арктики продолжает существенно сокращаться. Таким образом, эта модель, сконструированная государственными органами власти, показала свою недееспособность в экономике и социальной сфере.

Модель устойчивого развития Арктики 2020 года скорректирована с учетом образа жизни коренных малочисленных народов Арктики и придает новый импульс социальным процессам в Арктике.

Список литературы

1. Черчмен У., Акофф Р., Арноф Л. Введение в исследование операций. М., 1977.
2. Ackoff R.I. A Theory of Practice in the Social Systems Sciencens. ILASA. Laxenberg, 6-7 nov., 1986.
3. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М., 1985.
4. Checland P.B. Models Validation in Soft Systems Practice // Systems Research. 1996. Vol.12. №1. P. 47-54.
5. Николаев М.Е. Арктика. XXI век – М.: Изд-во «Арина», 1999. – 152 с.

МИССИЯ СОЦИОЛОГИИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ PROSPECTS OF SOCIAL SCIENCE IN THE ERA OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

И.А. Савченко

*Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород*

I.A. Savchenko

*Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod*

Социология в силу своей способности фиксировать такие тенденции общественной динамики, которые посредством иных исследовательских инструментов выявить невозможно, обладает беспрецедентным потенциалом для реализации функций социальной инженерии, особенно, в сфере образования и социального проектирования. Но этот потенциал оценен сегодня не в полной мере, зачастую он игнорируется, и такой подход является весьма недальновидным.

Sociology, due to its ability to record such trends in social dynamics that cannot be identified through other research tools, has unprecedented potential for realizing the functions of social engineering, especially in the field of education and social design. But this potential is not fully appreciated today, it is often ignored, and such an approach is very short-sighted.

Ключевые слова: социология, социальное проектирование, социальные трансформации, полидиалектизм, дихотомия, цифровые технологии, диалектика, мегакультурное, метакультурное, сублокальное

Keywords: sociology, social design, social transformations, polydialecticisim, dichotomy, digital technologies, dialectics, megacultural, metacultural, sublocal

Мы живем в эру социальных изменений, для фиксации которых достаточно обыденного человеческого опыта и восприятия: настолько эти изменения стремительны и очевидны. Буквально на глазах меняются социокультурные картины государств и всего мира, трансформируется семья [1], другими становятся форматы занятости и незанятости, в нашу жизнь входят цифровые технологии и дистанционные формы социальной коммуникации, на фоне глобальных эпидемий люди начинают иначе относиться к здоровью, общению и медийным источникам. Действительно, чтобы увидеть эти изменения, взрослому человеку не нужен специальный научный инструментарий, но он необходим, чтобы их осмыслить.

Социология, которая является наукой интегративной и поликонтекстуальной, сегодня располагает инструментарием, необходимым для рефлексии актуальной и перспективной социальной динамики. Только в рамках социологии возможны комплексные выявление, интерпретация и прогноз трансформации социальных фактов. Лишь социолог способен обосновать актуальные реалии полидиалектизма, концептуализируя явления, например, не только в контексте глобального и локального, но и мегакультурного, метакультурного и сублокального [2]. Социология нацелена на беспристрастное и комплексное понимание дихотомных концептов фундаментализма и маргинальности, развития и технологии, культуры и демократии, национализма и патриотизма, либерализма и коммунитаризма [2].

Вместе с тем, в последние годы на различных уровнях социального взаимодействия (местном, региональном и более масштабных уровнях) активно разрабатываются социальные, инфраструктурные, образовательные, педагогические проекты, которые, уже в силу своей декларируемой инновационности, часто оцениваются как полезные. Анализируя с социологических позиций некоторые из подобных проектов, внедренных, в частности, на региональном уровне, можно прийти к выводу, что многие из них не имеют какой-либо концептуальной и эмпирической основы, не имеют под собой определенной социальной потребности. Эффективность таких проектов является декларативной и оценивается невалидными методами (См., например: [3]). Принципиальную ошибку такого проектирования автор видит в игнорировании социологического сопровождения, как теоретико-методологического, так и прикладного.

Между тем, в наши дни любое принципиальное решение в области социального проектирования, культурной, образовательной, социальной политики рискует быть ошибочным или, по крайней мере, недостаточно профессиональным без предварительного социологического анализа. В то же время созидательный потенциал социологии для развития всех сфер общественной жизни сегодня недооценен и используется не в полной мере. Активное обсуждение проблемы, возможно, способно изменить ситуацию.

Актуальная задача современного социолога – сформировать концептуальную базу для интегрирования социологического знания и социального проектирования.

Это не преувеличение: в актуальных обстоятельствах тенденции в социологии определяют тренды педагогики и социальной работы. «Педагогика зависит от социологии больше, чем от других наук» (Э. Дюркгейм [4, с. 4]). В данном контексте социологическое знание выполняет ту же роль, что метафизика в прошедшие эпохи – она стоит над наукой и, что важно, над политикой. Вспомним, что именно Макс Вебер подчеркивал, насколько «безответственным» является «пользоваться своими знаниями и научным опытом не для того, чтобы принести пользу слушателям – в чем состоит задача преподавателя, – а для того, чтобы привить им свои личные политические взгляды» [5, с. 729].

Социология – сравнительно молодая наука. Ее инструментарий и понятийный аппарат и сегодня продолжает формироваться. Перспективным может стать разрабатываемый автором статьи трансструктурный подход, в котором интегрированы полидиалектизм и интерпретационная неоднозначность феноменов современного мира.

Понятие трансструктурности заимствовано нами из геологической и архитектурной науки. Речь идет об исследовательских гипермоделях – «конструкциях с частичными принадлежностями», где горизонтальные и вертикальные пласты непрерывно пересекаются и при этом создают сложные нагромождения. Если во многих научно-квалификационных работах нашего времени указание на системный подход уже стало общим местом и часто является формальным, то трансструктурный подход являет собою ту комплексную методологию, которая позволит выявить в современном социальном развитии общностей, групп, государств и всего мира противоречия и нюансы, трудноуловимые посредством иных подходов.

Последствия небрежного отношения к социологическому инструментарию при создании социальных (включая образовательные) проектов могут быть различными: от гротескных до катастрофических. Преимущества социальных проектов, имеющих грамотное социологическое сопровождение и обоснование, в том, что они являются стратегическими, а не эфемерными.

Социология с ее современным исследовательским (теоретическим и практическим) инструментарием способна объяснить и рефлексировать динамику актуальных антиномий социального развития, которые не могут оставаться без внимания в проектной деятельности.

Список литературы

1. Саралиева З.Х. Межинституциональное взаимодействие системы социальной работы // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью. Материалы международной научно-практической конференции. Под общей редакцией З.Х. Саралиевой, 2019. С. 415-420.
2. Савченко И.А. Дихотомия социокультурных практик и полипарадигмальность социальной науки // Власть. 2018. № 1. С. 146-149.
3. «150 культур Дона» // Министерство общего и профессионального образования Ростовской области. URL: <http://www.rostobr.ru/150-kultur-dona/otchetnost-i-analitika/> (Дата обращения: 25.09.2020).
4. Дюркгейм Э. Социология образования. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. 553 с.
5. Вебер М. Наука как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НКО:
ТЕНДЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)
COLLABORATION OF AUTHORITIES AND NGOS:
TRENDS OF INSTITUTIONAL CHANGES
(ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)**

А.Е. Солдаткин
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
М. Блэкберн
*Институт российских и евразийских исследований
университета Уппсалы, г. Уппсала, Швеция*

А.Е. Soldatkin
Lobachevsky University
M. Blackburn
Institute of Russian and Eurasian Studies of Uppsala University, Uppsala, Sweden

Рассматриваются недавние изменения в практике государственных и муниципальных властей при сотрудничестве с социально-ориентированными НКО по различным государственным инициативам в области развития, от

федеральных программ до региональных. Основано на экспертных интервью с тремя группами акторов Нижегородской области: региональными и муниципальными властями; представителями бизнеса; представители социально ориентированных НКО.

This paper focuses on recent changes in the practices of state and municipal authorities when collaborating with NGOs on various state-driven developmental initiatives, from federal programs to smaller-scale regional ones. The paper is based on expert interviews with three groups of actors in Nizhny Novgorod Oblast': the regional and municipal authorities; entrepreneurs; and representatives of SO NGOs.

Ключевые слова: государство, социальные институты, социальная политика, НКО

Keywords: state, NGO, social institutions, social policy, NGO

Одним из значимых элементов трансформации постсоветского периода было радикальное изменение роли общественных институтов. Ожидалось, что в 90-е годы центральную преобразующую роль будут играть неправительственные организации. В этот период НКО была предоставлена полная свобода действий; эпоху Ельцина можно рассматривать как период «благожелательного невмешательства» со стороны государства [1]. С другой стороны, это был период, когда экономика шоковой терапии и коррупция не позволяли гражданским институтам играть законные независимые роли, необходимые для успешного перехода [2]. К концу 1990-х годов вместо «успешного массового движения НКО» в России появилось «небольшое, изолированное и элитарное сообщество профессиональных НКО, взаимодействовавших скорее с западными спонсорами, нежели с местным сообществом» [3,4]. В результате НКО в России не реализовали потенциал влияния на развитие гражданского общества [5].

В период президентства В.В. Путина был принят новый закон об НКО [6], который вводил различные ограничения в их деятельности. Результатом стало снижение финансирования НКО из-за рубежа и уменьшение количества организаций [7].

Социально ориентированные НКО были официально определены в 2010 г. Федеральным законом [8] как некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в РФ». Позже, в 2016 г., некоторым СОНКО была предоставлена возможность получить статус исполнителя общественно полезных услуг [9]. Этим же законом установлено, что такие организации

имеют право на получение приоритетных мер поддержки в порядке, установленном федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [9]. Таким образом, государство в России предприняло значительные усилия по отделению НКО, преследующих политическую повестку дня, от тех, которые сосредоточены на социальных вопросах, и поддержке последних.

Сегодня очевидны две тенденции в государственной политике по отношению к НКО, связанные с двумя дискурсами: «дискурсом безопасности» и «дискурсом благосостояния». С одной стороны, в законе «Об иностранных агентах» [10] и в законе «О нежелательных организациях» [11] законодательство направлено на ограничение деятельности НКО с целью сохранения внутренней безопасности России [12]. С другой стороны, НКО имеют доступ к новым фондам и тесно сотрудничают с государством в реализации социальной политики [12]. Двойная государственная политика между «потенциально опасными» и «общественно полезными» НКО привела к усилению разделения на социально ориентированные НКО и те, которые работают в области защиты прав человека и защиты окружающей среды [12]. Здесь стоит подчеркнуть, что СОНКО составляют около 60% от общего числа НКО [13]. Некоторые исследователи утверждают, что с помощью этих реформ СОНКО используются для выведения определенных социальных вопросов из поля «политических разногласий» в менее опасную сферу «социальных разногласий» [14]. Другими словами, интеграция СОНКО в систему предоставления социальных услуг может рассматриваться в том числе как новый инструмент государственного управления для передачи социальных обязательств на аутсорсинг во имя экономической эффективности [15].

Мы, прежде всего, сосредоточимся на том, как практика и отношение властей к НКО на региональном уровне изменились за последние годы, а также обозначим направления дальнейших изменений с точки зрения региональных властей. Основано на данных экспертного опроса, проведенного в Нижегородской области в июне – декабре 2019 г. Были проведены 15 интервью с экспертами трех категорий: региональные и муниципальные органы власти; предприниматели; представители СОНКО. В интервью особое внимание уделялось взаимодействию власти, бизнеса, НКО в области защиты социально-экономических прав граждан.

По условиям деятельности НКО и уровню развития третьего сектора Нижегородская область является среднестатистическим регионом России. По состоянию на начало 2016 г. в области действовало 250 СО НКО [16]. Однако статистические данные по НКО собираются и на федеральном, и на

региональном уровне и не всегда совпадают. Так, по данным Федерального министерства юстиции в августе 2019 г. в Нижегородской области было зарегистрировано 3982 НКО [17]. На региональном уровне есть данные только по социально ориентированным НКО, собранные двумя учреждениями: региональным отделением Федеральной службы государственной статистики и региональным Министерством внутренней, региональной и муниципальной политики. По сведениям Федеральной службы государственной статистики, в августе 2019 г. в Нижегородской области было 1648 НКО [18].

Отношения между государством и общественными организациями в России прошли несколько этапов, из которых текущий, кажется, вселяет надежду на взаимовыгодное развитие, по крайней мере, в социальной сфере. Для государства центральной идеей нынешнего этапа было вовлечение социально ориентированных НКО в реализацию социальной политики. Произошел определенный сдвиг ценностей, и НКО (по крайней мере, некоторые из них) были признаны «социально ориентированными», ответственными и эффективными агентами социальной политики.

Институционально это означало изменение ролевых моделей и норм отношений между двумя сторонами. Государство взяло на себя новый набор ролей, таких как поставщик ресурсов, планирование и построение новой среды для НКО. В настоящее время государство в значительной степени является инициатором и сторонником сотрудничества. Новая модель отношений с СОНКО, задуманная государством, еще не стабильна и не свободна от проблем. Наиболее заметные проблемы связаны с отсутствием взаимопонимания, а иногда и неравномерным перераспределением ресурсов и ответственности.

Список литературы

1. Benevolenski V.B., Toepler S. (2017) Modernising Social Service Delivery in Russia: Evolving Government Support for Non-profit Organisations. *Development in Practice*, 27 (1): 64-76.
2. Puffer S.M., McCarthy D.J. Jaeger A.M. (2016) Institution Building and Institutional Voids. *International Journal of Emerging Markets*, 11 (1): 18–41.
3. Bindman E. (2015) The State, Civil Society and Socialrights in Contemporary Russia. *East European Politics*, 31 (3): 342-360.
4. Hemment J. (2012) Nashi, Youth Voluntarism, and Potemkin NGOs: Making Sense of Civil Society in Post-Soviet Russia. *Slavic Review*, 71 (2): 234–260.
5. Ljubownikow S., Crotty J. (2013) Civil Society in a Transitional Context. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 43 (4): 759–776.
6. Федеральный закон 18-ФЗ «О некоммерческих организациях» от 10.01.2006г.

7. Sätre A.-M. (2014) Paid and Unpaid Social Work in Russia: Is Women's Social Work Opening up Opportunities for Empowerment Processes? *International Social Work*, 57 (5): 523–534.

8. Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. N 40-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций" (с изменениями и дополнениями).

9. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О некоммерческих организациях" в части установления статуса некоммерческой организации - исполнителя общественно полезных услуг" от 03.07.2016 N 287-ФЗ.

10. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента" от 20.07.2012 N 121-ФЗ.

11. Федеральный закон от 23 мая 2015 г. N 129-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

12. Skokova Y., Pape U., Krasnopolskaya I. (2018) The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation. *Europe-Asia Studies*, (4): 531-563.

13. Tarasenko A. (2015) Russian Welfare Reform and Social NGOs: Strategies for Claim-Making and Service Provision in the Case of Saint Petersburg. *East European Politics*, 31 (3): 294–313.

14. Cheskin A., March L. (2015) State–society Relations in Contemporary Russia: New Forms of Political and Social Contention. *East European Politics*, 31 (3): 261-273.

15. Bogdanova E., Cook L. J., Kulmala M. (2018) The Carrot or the Stick? Constraints and Opportunities of Russia's CSO Policy. *Europe-Asia Studies*, 70 (4): 501-513.

16. Ivashinenko N., Varyzgina A. (2018) Socially Oriented NGOs and Local Communities in a Russian Region: Ways to Build Up Their Relationship. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 9 (3): 82-103.

17. О некоммерческих организациях. Информационный портал Министерства юстиции РФ <http://unro.minjust.ru/> .

18. Ivashinenko N.N., Varyzgina A.A., Soldatkin A.E. (2020) The Role of NPOs in the Socio-Economic Development in the Russian Region. *Advances in Economics*. In: Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). *Business and Management Research*, (128): 2917–2935.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ**
**PUBLIC CONTROL IN THE PROCESSES OF SOCIO-ECONOMIC
TRANSFORMATIONS IN RUSSIA**

М.Л. Теодорович

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В.Б. Мишеловин

Федеральная антимонопольная служба России, г. Москва

M.L. Teodorovich

Lobachevsky University

V.B. Mishelovin

Federal Antimonopoly Service of Russia, Moscow

Поднимаются вопросы общественного контроля в процессах социально-экономического развития в РФ. В качестве его формы и механизма вовлечения населения в процессы регулирования рассматриваются общественные советы, созданные при регулятивных органах, согласно действующему законодательству. Отмечается необходимость включения в механизм общественного контроля НКО, в их числе – организаций, располагающих экспертно-аналитическими и юридическими компетенциями.

The issues of social control in the process of social and economic development in the Russian Federation are being raised. The public councils established within the regulatory authorities under the current legislation are considered as a form and mechanism for involving the population in regulatory processes. There is a need to include non-profit organizations (NGOs), including organizations with expert, analytical and legal expertise, in social monitoring mechanisms.

Ключевые слова: общественный контроль, общественные советы, НКО, вовлечение, соучастие

Keywords: social control, public councils, NGO, involvement, complicity

Общественный контроль представляет собой одну из форм вовлечения граждан в осуществление власти, относительно мало опосредованную участием каких-либо структур, организованных на принципе единоначалия. Возникновение общественного контроля связывается с оформлением исполнительной власти как самостоятельного института, действующего от имени социума и, по существу, способного устойчиво функционировать независимо от него, и представляет собой один из ответов на данный вызов. Рассмотрение его роли и места, представленных в описаниях, относящихся к научным и иным источникам, характера участия структур общественного контроля в отпращивании властных полномочий, приводит к заключению о

неизменности, хотя и с различной эффективностью, реализации им функции отрицательной обратной связи от социума, во все времена ожидающего от власти обеспечения стабильности и условий для процветания, которая чаще, чем с этим соглашаются социумы, направляет свои усилия на воплощение целей, достижение которых отрицательно сказывается и на том, и на другом [1].

Способность общественного контроля, если не предотвратить такого рода решения, то хотя бы предупредить о возможности их негативных последствий, равно как и о наименее травматичных для общественных интересов способах реализации соответствующих регулятивных намерений, определяет его востребованность на этапах общественного развития.

В современной российской истории общественный контроль, его сущность, цели, содержание и формы реализации определяются Законом РФ №212-ФЗ от 21.07.2014 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2]. Анализ данного законодательного акта, открывшего новый этап в восприятии общественного контроля, не только признавшего за ним роль важного инструмента реализации демократии, но и создавшего необходимое для этого пространство возможностей, позволяет наряду с его многочисленными достоинствами отметить и определенные несовершенства, преодоление которых важно для сохранения общественным контролем этой его роли в новейших условиях социально-экономического развития РФ.

При значительном многообразии и важности инициатив, реализуемых в РФ в целях дальнейшего развития России как социального государства, особенное внимание закономерно привлекают регулятивные процессы, непосредственно вовлекающие население на основе его экономической и, в частности, потребительской мотивации. В их числе наиболее значимыми в отношении трансформационного потенциала представляются процессы развития конкуренции и конкурентных отношений, на регулирование которых в интересах и при участии потребителя направлен Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 и система примыкающего к нему законодательства, в частности, утвержденный этим Указом Национальный план развития конкуренции [3]. Несомненно, новым и стратегически важным представляется фактическое переопределение цели и места общественного контроля от «наблюдения» и «участия» в обеспечении удовлетворенности потребителя конкретными экономическими показателями – ценой, доступностью и наличием выбора товаров и услуг, к соучастию в регулировании социально-экономических процессов в государстве, в рамках которых данные показатели формируются. В связи с этим закономерным и актуальным стало преобразование наиболее приближенных к гражданам, потребителям низовых

структур общественного контроля, в их числе – общественно-консультативных советов при ФАС РФ и его территориальных органов, в Общественные советы.

Исходя из содержания указанных законодательных актов, общественные советы призваны привносить новое качество в механизм обеспечения и реализации прав и законных интересов граждан, представляемых общественными объединениями и организациями, при оценке деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в процессах развития конкуренции. Вместе с тем, как об этом свидетельствуют результаты исследований, собственно потребительский интерес продолжает концентрироваться вокруг цены, качества и широты выбора товаров [4]. В связи с этим участие в общественных советах представителей социально ориентированных некоммерческих организаций, которым их члены доверяют представление коллективных общественных интересов во взаимодействии с органами власти, представляется не только важным, но и необходимым в отношении способности советов быть полноценными участниками – партнерами регулирующих органов в процессах развития конкуренции. Однако необходимость достижения профессионального уровня представления интересов и ожиданий потребителей в общественных советах предполагает вовлечение в их деятельность на системной основе и специализированных участников, обладающих профильными экспертно-аналитическими и юридическими компетенциями.

Рождающиеся в продолжение времени действия Указа Президента №618 от 21.12.2017 г. решения по привлечению к участию в государственном управлении развитием конкуренции некоммерческих организаций, в частности, привнесение в его пространство элементов саморегулирования участников рынка, демонстрируют все большее значение общественного контроля в функционировании экономической системы, что обуславливает и еще большую ценность участия НКО и СРО в общественных советах [5].

Представляется необходимым дальнейший анализ и научное осмысление соответствующих практик, которые позволят уточнить вектор движения в данном направлении. К числу вновь возникающих и требующих все более глубокого понимания проблем относятся вопросы сохранения доверия к НКО в новых для них условиях, а также и обеспечение на системном уровне представительности их участия в общественном контроле как выразителей восприятия и интересов потребителей, а не собственных, в том числе ситуационно обусловленных интерпретаций последних.

Список литературы

1. Гриб В.В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР // История государства и права. 2015. № 20. С. 3-10.
2. Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (Дата обращения: 31.03.2020).
3. «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»: Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618, «Собрание законодательства РФ», 25.12.2017, N 52 (Часть I), ст. 8111. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285796/ (Дата обращения: 28.11.2019).
4. Иващенко Н.Н., Теодорович М.Л., Патокина Н.Н. Вовлечение населения в процессы регулирования конкуренции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 1. С. 41-48.
5. Теодорович М.Л., Патокина Н.Н. Принципы формирования механизма проконкурнетного регулирования на основе подходов общественного участия // Социальные аспекты развития конкуренции: монография / А.А. Варызгина, Н.Н. Иващенко, А.В. Куликова [и др.]. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 70-81.

РОССИЙСКО-СЕРБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ СЕРБИИ SERBIA'S PUBLIC OPINION ON RUSSIA-SERBIA RELATIONS

Л. Толвайшис
Университет «Унион – Никола Тесла», г. Белград, Сербия
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
L. Tolvaišis
University “Union – Nikola Tesla”, Belgrade, Serbia
Ural Federal University, Ekaterinburg

Представлен обзор динамики общественного мнения Сербии по вопросу российско-сербских отношений. Приводятся социально-политический контекст и предпосылки формирования образа России как наиболее дружественной к Сербии страны в массовом сознании сербского общества.

The article reviews the dynamics of Serbia's public opinion on Russia-Serbia relations. It presents the sociopolitical context and analyses the preconditions behind Russia's image as Serbia's most reliable ally in the collective consciousness of the Serbian society.

Ключевые слова: российско-сербские отношения, общественное мнение Сербии, массовое сознание, мягкая сила

Keywords: Russia-Serbia relations, Serbia's public opinion, collective consciousness, soft power

Из всех государств, с которыми Сербия поддерживает дипломатические отношения, общественное мнение этой страны наиболее благосклонно к России. При этом для продвижения культуры и языка в Сербии Россией затрачено несопоставимо меньше ресурсов, чем рядом западных государств, а целенаправленная стратегия продвижения «мягкой силы» в Сербии со стороны России отсутствует. Свидетельство этого – преимущественно спонтанный характер распространения культурного влияния России и несогласованность работы ключевых институтов [1].

Формированию положительного имиджа России в Сербии благоприятствуют как внутри-, так и внешнеполитические интересы сербских элит, однако их недостаточно для исчерпывающего объяснения, почему Сербия олицетворяет собой наиболее успешный пример накопления Россией репутационного ресурса. Мотив наличия альтернативного центра внешнеполитического притяжения в лице России присутствует в общественно-политическом дискурсе Сербии как важный элемент фона дипломатических отношений с Европейским союзом (ЕС), призванный укрепить переговорные позиции страны. Обращение сербских политиков к теме союзнических отношений с Россией способствует мобилизации евроскептически настроенного электората, для которого решительное и жёсткое подавление сепаратизма в Чечне в 1999-2000 гг. служит образцом для решения косовского вопроса. Чувству безопасности, которое сербское массовое сознание ассоциирует с Россией, способствует последовательная дипломатическая поддержка территориальной целостности Сербии в ООН. Симпатии сербской общественности подпитываются редакционной политикой большинства СМИ, годами выносящих в передовицы лейтмотив военной мощи России.

Инерция, по которой развивается сербское общественное мнение в отношении России, объяснима действием ресурсов исторической памяти, которых у России в Сербии несопоставимо больше, чем у западных государств [1]. Память о российской помощи во время Первой и Второй мировых войн проецируется на текущие геополитические процессы и действующих государственных деятелей.

Согласно данным опросов общественного мнения, ЕС и лидирующая в нём Германия ассоциируются в сербском общественном мнении со смыслами правового государства, мира, экономического благополучия, прав человека, инвестициями, эффективным госуправлением, ростом трудоустройства,

перспективами для молодёжи [2]. Тем не менее, влияние Германии, России и Китая на Сербию преимущественно воспринимается как положительное, а влияние ЕС и США – как отрицательное [2]. Сербское общество не готово отказаться от Косова ради вступления в ЕС [2]. Большинство граждан высказываются за чётко сформулированную концепцию нейтральности [2]. За членство в НАТО выступает лишь каждый 11-ый опрошенный [2]. 53% высказываются против размещения военных баз на территории Сербии, однако в случае крайней необходимости 20% отдали бы предпочтение российской базе [3]. Граждане Сербии ассоциируют Россию с военно-политической, США – с экономической и технологической, Китай – с экономической и политической мощью [2]. Свыше половины граждан считают, что безопасность Сербии под угрозой [4]. Запрос на «твёрдую руку» в сербском общественном мнении находит выражение в устойчивой популярности президента России В.В. Путина, превосходящей популярность любого сербского политика [5]. Союзнические отношения с Россией воспринимаются в качестве предпосылки укрепления безопасности Сербии. Такому восприятию способствуют ежегодные совместные военные учения, покупки российского вооружения и полученные в подарок от России 6 самолётов МиГ-29, 30 танков Т-72, бронетранспортёров БРДМ-2.

В августе 2017 г. наиболее дружественной страной Россию назвало 41% граждан Сербии (32% молодёжи и 52% граждан старше 65 лет) [3]. В то же время, следует отметить слабый уровень владения сербского общества русским языком и ограниченное присутствие в Сербии российского социокультурного поля. В России побывало только 11% населения Сербии [6]. В качестве наиболее привлекательных стран для жизни, работы, будущего детей граждане Сербии называют Германию, Швейцарию, Австрию, Италию, Швецию, Норвегию, в которых существуют крупные сербские диаспоры [3].

Сербское общество расколото по вопросу интеграции в ЕС: доли сторонников и противников сопоставимы. Против вступления Сербии в ЕС стабильно настроено около 40% граждан, и такая же доля граждан считают, что Сербии никогда не стать членом ЕС [7]. В январе 2017 г. вступление в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) под руководством России поддерживали 32% граждан, а пятая часть выступали против [2]. Союз Сербии с Россией летом 2018 г. поддерживали уже 60,8% граждан, вступление в ЕС – 46,5% граждан, в НАТО – лишь 7,1%) [8]. В начале 2020 г. за вступление Сербии в ЕС готовы были проголосовать 54% граждан, против – 24%, 12% воздержались бы и 10% затруднились ответить [9]. Восточный вектор интеграции рассматривается с долей осторожности: почти половина считает достаточным достигнутый уровень сотрудничества с Россией [2]. В марте

2020 г. большинство оценило российско-сербские отношения на 4 балла по 5-балльной шкале, треть на 5, четверть – на 3 балла [6].

Благоприятные для России особенности массового сознания Сербии обусловлены специфическим историко-геополитическим контекстом, однако в силу географической удалённости и менее развитых экономических связей Россия более ограничена в средствах влияния на Сербию, чем европейские страны. Все политические силы, победившие на выборах в Сербии после 2000 г., в качестве программной цели выдвигали курс на вступление в ЕС с элементами альтернативных интеграционных проектов. Балансирование между политическими симпатиями к России и заинтересованностью в экономической интеграции с Европой для политических элит Сербии оказалось единственно возможным устойчивым курсом.

Список литературы

1. Бондарев Н. Русија на Балкану хода као месечар. 20.08.2019. <http://nspm.rs/kuda-ide-srbija/rusija-na-balkanu-hoda-kao-mesecar-ali-nam-ipak-ponekad-podje-za-rukom-da-uradimo-nesto-dobro-smileno-i-korisno-%E2%80%93-srbi-zele-da-sede-na-dve-stolice.html>.

2. Поповић М., Стојановић Гајић С. Ставови грађана о спољној политици Србије. Београд: Београдски центар за безбедносну политику, 08.03.2017. URL: http://bezbednost.org/upload/document/stavovi_graana_o_spoljnoj_politici_srbije.pdf.

3. Михаиловић С. Којем би се царству приклонили... Србија између Истока и Запада. Демостат, 14.09.2017. URL: <http://demostat.rs/sr/vesti/istrazivanja/kojem-bi-se-carstvu-priklonili--srbija-izmedu-istoka-i-zapada/214>

4. Поповић М., Стојановић Гајић С. Ставови грађана о безбедности Србије и дијалогу са Приштином. Београд: Београдски центар за безбедносну политику, 14.02.2017. URL: http://bezbednost.org/upload/document/stavovi_gradjana_o_bezbednosti_srbije_i_dijalogu_s.pdf.

5. Председник Русије Владимир Путин је најомиљенији политичар у Србији - показала су истраживања. Радио телевизија БН, 25.03.2012. URL: <http://rtvbn.com/cirilica/435/putin-omiljeni-politicar-u-srbiji>.

6. Колико грађана жели да оде из Србије – статистика вас може изненадити. РТС, 21.05.2020. URL: <http://rts.rs/page/stories/ci/story/124/drustvo/3961511/srbija-odliv-mozgova-odlazak-.html>.

7. Биљана Чпајак. ЕУ у цепу, Русија на срцу // Политика, 20.03.2017.

8. Истраживања јавног мњења: Србија лето 2018 // Нова српска политичка мисао. 04.08.2018. URL: <http://nspm.rs/istrazivanja-javnog-mnjenja/srbija-let-2018.html>

9. Стабилно висока подршка чланству Србије у ЕУ – 54 одсто. РТС, 22.01.2020. URL: <http://rts.rs/page/stories/ci/story/1/politika/3822103/stabilno-visoka-podrska-clanstvu-srbije-u-eu--54-odsto.html>.

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ
АНАБАРСКОГО УЛУСА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ):
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**
**SOCIO-CULTURAL SELF-IDENTIFICATION OF RESIDENTS
OF THE ANABAR ULUS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)**

В.В. Филиппова

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск*

V.V. Filippova

*Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk*

Приводятся результаты исследования, проводимого в рамках реализации проекта РФФИ 20-09-00257. На основе анализа опубликованных и неопубликованных источников, полевых материалов, включающих анкетирование и интервьюирование населения Анабарского улуса (района) Республики Саха (Якутия), выявлены социокультурные факторы самоидентификации жителей. Установлено, что объединяющим показателем населения, проживающего в данном районе, выступает единая региональная идентичность как анабарцев.

This article presents the results of a study financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (Grant No. 20-09-00257A). Based on the analysis of published and unpublished sources, field materials, including questionnaires and interviews of the population of Anabar ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia), socio-cultural factors of self-identification of residents were identified. It is established that the uniting factor of the population living in this area is a single regional identity as "anabarsy".

Ключевые слова: социокультурная самоидентификация, малочисленные народы Севера, долганы, эвенки, якуты, Анабарский, Якутия

Keywords: socio-cultural identity, Indigenous Peoples of the North, Dolgans, Evenks, Yakuts, Anabar, Yakutia

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью аспектов региональной социокультурной самоидентификации и эмпирических анализов ее различных сторон, несмотря на значительное число публикаций отечественных и зарубежных исследователей по теме. В данной работе использован конструктивистский подход А. Пааси, согласно которому институционализация происходит в одновременных процессах достижения регионом своей территориальной, символической и институциональной формы, в результате которого формируется региональная идентичность. Идея А. Пааси успешно применена на территории Якутии [1].

При изучении данного вопроса особый интерес вызывают регионы с полиэтничным составом населения. Одним из таких является Хатанго-Анабарский регион, где население представлено как коренными этносами (долганы, эвенки, нганасаны, якуты), так и русскими, прибывшими как в дореволюционное время, так и в советский период.

Исследование осуществлено на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников, полевых материалов, собранных в Анабарском национальном (долгано-эвенкийском) улусе (районе) в 2020 г. Данный улус расположен за Полярным кругом в зоне тундры и лесотундры на крайнем северо-западе Республики Саха (Якутия). Среди коренного населения, по переписи 2010 г., преобладают долганы с долей в 42.4%, эвенки – 22.7%, якуты – 21.6%, эвены – 6.4%. Улус состоит из двух муниципальных образований: Саскылахского национального эвенкийского наслега (с. Саскылах, который также является районным центром) и Юрюнг-Хаинского национального долганского наслега, единственным населенным пунктом которого является одноименное село.

Непосредственную эмпирическую базу составили результаты социологического исследования, проведенного в данном улусе, неформализованные интервью и анкетный опрос жителей, а также анализ опубликованных и неопубликованных источников.

В вопросе об этнической идентичности все ответы респондентов и информантов были типичны. Это выразилось в определении своей принадлежности к своему этносу, своей национальной культуре, родному языку, традиционному природопользованию. основополагающим в самоидентификации жителей являлось долганское, эвенкийское, и/или якутское самосознание, сформулированное выражением: «я – долган; я – эвенк; я – якут» и т.д. В селе Юрюнг-Хая ярко выражена этническая самоидентификация долганского этноса, несмотря на незнание родного языка: не владеют – 14.4%, знают отдельные слова и фразы – 26.9%.

Что язык не всегда является наиболее важным этноинтегрирующим показателем, ярко выражено в ответах жителей Анабарского улуса о родном языке. Большая часть населения считает родным языком “якутский” – 74.1% опрошенных. Респонденты также указывали отличие якутского языка в обоих сёлах, объясняя это включением долганских и эвенкийских слов. Данное предположение подтверждается изданными словарями диалектов жителей с. Юрюнг-Хая и Саскылах [2; 5].

Важным фактором в этнической самоидентификации жителей исследуемого района выступила культура и традиции своего этноса (60.2%). Для жителей характерно соблюдение не только календарных праздников, но и

традиций, обычаев и обрядов в повседневной жизни (53.2%), которые они переняли от своих предков (67.7%). Как отметили респонденты, наиболее часто традиционные элементы культуры проявляются в приготовлении пищи (26.4%) и в повседневной одежде (57.2%). Такой высокий показатель является результатом передачи традиционных знаний от старшего поколения молодому. Для большинства северных этносов характерно наличие праздника встречи нового года в начале лета. Для якутов – это Ысыах, для эвенков – Икэнипкэ. Нами выявлены различия при проведении календарных праздников в рассматриваемых двух наслегах. Жители села Саскылах проводят Ысыах в июне, в то время как жители Юрюнг-Хая не отмечают данный праздник. Саскылакцы проводят и эвенкийский праздник-обряд “Икэнипкэ”. Юрюнг-хаинцы отмечают традиционный праздник долган и эвенков «Байанай» 9 августа каждого года в Международный день коренных народов мира. Общим праздником для жителей улуса является слет оленеводов.

Во время интервью многие указывали на свою семейно-родовую принадлежность. На основе интервью и опубликованных источников установлено, что саскылахцы и юрюнг-хаинцы являются потомками следующих родов: хангаласцы, хатыгын, омондон, бети, крестьяне, дулган, бараах, сэдэмэ, арыяат. Многие этнонимы отражены в топонимах Анабарского улуса. Сами жители различают по фамилиям принадлежность тех или иных к определенному роду. Например, Винокуровы – хангаласцы, хатыгынцы – Андросовы, род Сэдэмэ – Туприны. Территориально-родовая самоидентификация жителей улуса опубликована местными исследователями в ряде краеведческой литературе [3; 4; 6], что также говорит о важности данного вида самоидентификации.

Важнейшим аспектом социокультурной самоидентификации является поселенческая самоидентификация. Результаты проведенного исследования указывают на деление жителей региона по населенным пунктам улуса: саскылахцы и юрюнг-хаинцы. Старожилы во время интервью упомянули, что раньше можно было по одежде распознать, откуда человек прибыл: *«Мы раньше носили обувь с прямым швом (выкройкой) – лапайка, поэтому саскылахцы называли нас «лапайки». Конечно, теперь мало кто помнит это»*. Интересно, что в улусе мы не выявили деления на жителей периферии и центра внутри района, что может быть обусловлено не только наличием только двух населенных пунктов, но и их функциями: Саскылах – наличие статуса райцентра; Юрюнг-Хая – размещение речного порта, обеспечивающего весь улус. Однако, население улуса, как и большинство населения северных районов Якутии, подчеркивает свое крайнее северное географическое положение по отношению к жителям центральной части – *«дойду дьоно»*. Изолированность

региона воспринимается населением как само собой разумеющееся, отражающее ареал расселения долган именно в этом районе и больше нигде. Это также нашло отражение и в ответах респондентов – важность истории и территории в определении национальности указали только 10,4% населения.

Общерегionalная самоидентификация «анабарцы» характерна как для коренных жителей, освоивших бассейн р. Анабар, так и для тех, кто проживают на территории улуса относительно недавно и не относят себя ни к саскылахцам, ни к юрюнг-хаинцам. Одним из общерегиональных видов самоидентификации является и арктическая идентичность, обусловленная не только тем, что Анабарский улус входит в арктическую зону России, но и тесной связью с природой, пониманием Арктики как родины и дома [7]. Жители улуса тесно связаны с природой через традиционные отрасли хозяйства – оленеводство, охоту и рыболовство, не различающиеся по поселениям и этносам, коренному и пришлому населению, а также видам хозяйствующих субъектов.

Таким образом, на основе предварительных результатов можно выявить следующие факторы самоидентификации жителей Анабарского улуса (района):

- этнический – преобладание долганского этноса именно в данном улусе, а село Юрюнг-Хая является единственным населенным пунктом компактного проживания долган в Республике Саха (Якутия);

- языковой, когда языком общения для большинства коренного населения (долган, эвенков, якутов, эвенов и др.) выступает якутский;

- культурный, функционирующей в повседневной жизни и в календарных праздниках;

- территориально-родовой, отражающий семейно-родовую принадлежность населяющих данный регион этносов;

- поселенческий, состоящий из жителей двух муниципальных образований, – саскылахцы и юрюнг-хаинцы;

- пространственный, выявляющей местонахождение Анабарского улуса на карте Якутии: жители центральной части республики – «дойду дьоно».

Объединяющим же показателем самоидентификации населения, проживающего в данном районе, выступает региональный фактор – единая региональная идентичность – анабарцы и жители Арктики.

Список литературы

1. Бурнашева Д.В. Арктическая идентичность в контексте методологии конструктивизма // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 5А. С. 70–77.

2. Анаабыр улууһун Дьэһэй уонна Сааскылаах нэһилиэктэрин түөлбэ тылларын кылгас быһаарыылаах тылдыта / Анабарский диалект якутского языка. Якутск : Дани-Алмас, 2014. 44 с.

3. Гольдерова А.А. Дьэһэй нэһилиэгэ: Анаабыр улууһа. Дьокуускай: Сахаада, 2013. 112 с.
4. Константинова А.И., Спиридонов В.Е. Сэттэ Сэдэмэ ситимэ. Дьокуускай, 2016.
5. Спиридонова А.Е., Спиридонов В.Е. Үрүн-Хайа долганнарын олохтоох тылларын (диалектарын) тылдыта: Анаабыр улууһа. 2002. 40 с.
6. Шубин К.Н. – Полярный. Дорогами предков. Якутск, 1994.
7. Arctic Social Indicators : ASI II: Implementation/ Editors: Joan Nymand Larsen, Peter Schweitzer, Andrey Petrov- Copenhagen: Nordisk Ministerråd, 2014.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМА ЕЁ ОПРЕДЕЛЕНИЯ MODERNITY AND THE PROBLEM OF ITS DEFINITION

Е.Д. Шетулова
*Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексева, г. Нижний Новгород*
E.D. Shetulova
*Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod*

Анализируется содержание понятия «современность». По мнению автора, недостаточно описывать современность исключительно как процессы информатизации, компьютеризации, цифровизации. Понятие «современность» должно включать социальную, этическую, политическую стороны общественной жизни.

The purpose of the article is to analyze the content of the concept of "modernity". According to the author, it is not enough to describe modernity exclusively as processes of informatization, computerization, digitalization. The concept of "modernity" should include the social, ethical, political aspects of public life.

Ключевые слова: информационное общество, постмодерное общество, общество знания, государство всеобщего благоденствия

Keywords: information society, post-modernity society, knowledge society, welfare state

Современность, проблемы современного общества – одна из наиболее распространенных тем в современной социальной науке. Однако современность не является до конца определенной терминологически. Определений, какое общество современно, множество. Например, в статье Ж.Ю. Бакаевой представлен далеко не полный их перечень. В нем Дж. Лихтхайм, определяющий современность как постбуржуазное общество, Р. Дарендорф, называющий, по крайней мере, США посткапиталистической

страной, А. Этциони, настаивающий на постмодернистском характере современного общества, К. Боулдинг – на постцивилизационном, Г. Кан – постэкономическом, С. Алстром – постпротестантском, Р. Сойденберг – постисторическом характере, Р. Барнет, предлагающий термин «постнефтяное общество» [см.: 1, с. 187].

Это терминологическое разнообразие объяснимо. Во-первых, любое определение зависит от мировоззренческих и методологических ориентаций соответствующего автора. Общая консервативная или либеральная ориентация, как, впрочем, и любая другая, всегда имеет внутри себя некоторые оттенки. Во-вторых, она зависит от того или иного понимания соотношения прошлого, настоящего, будущего. Это понимание может акцентироваться на разных аспектах, предопределяя пессимистскую, актуалистскую, футуристскую позиции. Наконец, в-третьих, от истолкования сущности прошлого и общего видения будущего. Общество есть сверхсложная, саморазвивающаяся система, обусловленная в своем развитии статистическими, вероятностными закономерностями. Следовательно, прогнозирование – вещь неблагоприятная.

Конечно, среди определений современности есть и своеобразные «фавориты». Термины «постиндустриальное», «информационное», «постмодерное общество», на первый взгляд, могут быть признаны в качестве такого рода «фаворитов». Но некоторый анализ показывает, что «фаворитизм» представленный определений кажущийся. Ведь, несмотря на их широкое распространение, частоту употребления, они не являются общепризнанными и к тому же начинают постепенно вытесняться понятиями «общества знания», «информационального общества», «сетевое общества», «цифрового общества» и рядом других.

Для этого есть конкретные основания. Рассмотрим их на примере соотношения «информационного общества» и «общества знания». Информационная революция, создавшая ряд перспектив для развития человека, одновременно обусловила возникновение предпосылок для нового разобщения людей, породив глобальное цифровое неравенство [2, с. 7-8]. Отсюда вытекает обоснованное убеждение, согласно которому «нельзя допустить, чтобы революция в сфере информационных технологий и коммуникации привела к тому, что, исходя из логики узкотехнологического детерминизма и фатализма, рассматривалась бы как возможная лишь одна единственная форма общества» [2, с. 19-20]. Это и предопределяет новое концептуальное оформление современности – общества знания, для которых информационное общество лишь средство создания [2, с. 21]. Каково соотношение между ними? Так, «понятие информационного общества основывается на достижениях

технологии. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры» [2, с. 19].

При этом понятно, что возможное вытеснение «информационного общества» или иных наиболее распространенных сегодня понятий, вероятно, дело некоторого времени. В настоящий момент превалирующие термины, описывающие современность, действительно, «постиндустриальное», «информационное», «постмодерное общество». Например, как отмечает П.К. Гречко, «современность в прямом и полном смысле этого слова атрибутивна только постмодерному или информационному обществу» [3, с. 317].

Данный тезис, однако, вполне может быть поставлен под сомнение. Причем, как с понятийной, так и с фактуальной точек зрения. Постмодерное и информационное общество не обладают тождеством. Их критерии не совпадают. Если в применении понятия «информационное общество» акцент делается на фиксации наличия соответствующих технологий и их воздействия на общественную жизнь во всех ее сферах, то понятие «постмодерное общество», с одной стороны, более размыто, но, по всей видимости, включает неопределенность, риск, плюрализм, демассификацию, индивидуализм, нелинейность как базовые характеристики. С другой стороны, «постмодерное общество», не привязанное исключительно к технологической базе, вполне может фиксироваться как этап исторического развития, по меньшей мере, европейской цивилизации, следующий за этапами домодерна, модерна или Нового времени.

Ряд же эмпирических характеристик демонстрируют своеобразный «откат» от современности как в мире, так и в нашей стране, несмотря на все продвинутые новейшие технологии, широко внедренные в производственную и непроизводственную сферы.

Прежде всего, этот откат выражен в демонтаже социального государства, «государства благосостояния». Как показано в статье В.А. Буткалюка, «государство благосостояния» возникло под давлением боевого массового рабочего движения и представляло собой «компромисс между трудом и капиталом в специфической исторической ситуации» [4, с. 139]. Демонтаж его усилился и ускорился под влиянием неолиберальной глобализации и первого глобального финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Проявления процесса демонтажа «государства благосостояния» заключены в сокращении и даже упразднении многих социальных программ и гарантий, снижении уровня жизни подавляющей части населения. Так, сегодня в США, локомотива информатизации, верхнему 1% населения принадлежит 36% богатств. Это превышает совместное богатство нижних 95% американцев [4, с. 137].

Эта же тенденция характерна для современной России. В частности, в статье О.А. Александровой (2013 г.) приведены данные, иллюстрирующие этот тезис. В нашей стране не используются эффективные механизмы перераспределения доходов, правительство существенно экономит на социальной сфере, происходит фактическое снижение социальных обязательств государства, снижается доступность социальных благ, нет социального компромисса элиты и граждан, продолжается движение в направлении антисоциальной экономической политики [5, с. 55]. Все это на фоне процессов информатизации, компьютеризации, цифровизации.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, понятие «современность» не представляется до конца определенным содержательно. Во-вторых, представления о современности как информационном обществе приемлемо по технологическому критерию, который не является единственным. В-третьих, исходя из исторического движения, по крайней мере, европейской цивилизации, понятие «постмодерное общество» достаточно адекватно. В-четвертых, попытки содержательного выражения понятия «современность» продолжаются и, видимо, будут продолжаться, особенно при условии учета не только технологического фактора, но и иных, а именно социальных, этических и политических факторов.

Список литературы

1. Бакаева Ж.Ю. Противоречия и перспективы современного общества как целостной информативной системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3. С. 187–195.
2. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 229 с.
3. Гречко П.К. Темпоральная многослойность социального: современность как вызов // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 306–318.
4. Буткалюк В.А. Крах теории и практики «государства благосостояния» // Социологический альманах. 2014. № 5. С. 136–146.
5. Александрова О.А. Социальное государство в современной России: развитие или демонтаж // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 15 (116). С. 55–64.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ С. ЧУРАПЧА)

THE ROLE OF VOLUNTEERING IN SOCIAL SUPPORT OF THE POPULATION (ON THE EXAMPLE OF CHURAPCHA)

Г.Г. Алексеева

*Чурапчинский государственный институт
физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия)*

G.G. Alekseeva

*Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sports,
Churapcha, Republic of Sakha (Yakutia)*

Рассматривается роль волонтерства в социальной поддержке населения. Автор на основе географического расположения региона и климатических условий приводит примеры волонтерской помощи, оказываемой в селе Чурапча.

The article examines the role of volunteering in social support of the population. Based on the geographical location of the region and climatic conditions, the author gives examples of volunteer assistance provided in the village of Churapcha.

Ключевые слова: волонтерство, село, регион, климатические условия, волонтерская деятельность

Keywords: volunteering, village, region, climatic conditions, volunteering

Волонтерство является одним из актуальных направлений гражданского общества. Волонтерство может найти применение в любых областях жизнедеятельности. В последнее время необходимость добровольческой деятельности особенно остро проявилась во время пандемии коронавируса, которая сотрясает весь мир, меняя устоявшийся ритм и образ жизни.

По утверждению О.А. Оберемко, словам «волонтер» и «доброволец» приписываются сходные значения, различия отмечаются в эмоциональном, когнитивном, деятельном смыслах, амбивалентности узуса, что свойственно всем синонимам [1]. По федеральному закону №135 «О благотворительности и добровольчестве (волонтерстве)» данные понятия определены как синонимы [2].

Волонтерство – это добровольное оказание безвозмездной общественно-полезной помощи, основанное на духовно-нравственных ценностях, формирующихся природно-климатическими условиями и традиционным наследием, имеющее определенную социальную структуру, состоящую из

сообщества активных людей, общественных объединений, организаций, оказывающих разного рода безвозмездную помощь.

Взаимопомощь – это не взаимовыручка по принципу «ты мне – я тебе», а оказание безвозмездной помощи нуждающимся в целях спасения человеческой жизни в экстремальных условиях и приумножения добра в обществе [3].

Климатические условия и географическое расположение региона влияет на образ жизни, традиции, культуру его жителей. Территория Республики Саха (Якутия) является самым большим субъектом Российской Федерации. В Якутии три часовых пояса, ее можно разделить на северную, южную, восточную, западную. Традиции, культура, уклад жизни населения в данных частях несколько отличаются друг от друга.

Так, в селе Чурапча, которое относится к восточной части Республики Саха (Якутия), весной каждый сельский житель начинает строить, ремонтировать, утеплять дома, хозяйственные постройки и приводить в порядок приусадебные участки. Летом начинаются сельскохозяйственные работы: сенокос, работы в огороде, сбор ягод, грибов, лекарственных трав, заготовка запасов на зиму. Сенокос порой продолжается до тех пор, пока не выпадет первый снег.

В суровых климатических условиях человек должен уметь правильно вести хозяйство, распорядиться своим временем так, чтобы планомерно проводить сезонные работы, к которым относится заготовка льда. Поздней осенью сельчанам необходимо запастись льдом, так как в селах нет водопровода, чистую питьевую воду традиционно получают, растопляя лед. Поздней осенью, когда земля замерзает и опадают листья деревьев, начинают и заготавливать дрова. Заготавливают дрова из сухостоя, чтобы не повредить живые деревья. На зиму на один дом необходимо 4-5 прицепов дров. На заготовку дров ездят коллективно – мужчины нескольких семей.

Природно-климатические условия региона обуславливают специфику видов помощи, в которой больше нуждаются пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, чтобы они смогли благополучно перезимовать в своих домах. Людям пожилого возраста с каждым годом все труднее дается подготовка к перезимовке.

В этом году особенно остро данный вопрос встал перед пожилыми людьми, маломобильными гражданами, живущими в сельской местности. В рамках всероссийской акции взаимопомощи «Мы вместе» волонтеры помогают не только в доставке продуктов, медикаментов, выгуле собак, выносе мусора, но и по хозяйству: уборка двора от снега, сугробов, очистка, подготовка ледника к летнему сезону, заготовка льда (питьевой воды), заготовка дров, окучивание огорода, доставка саженцев, помощь в посадке растений.

Традиционные виды помощи волонтеров в селах Якутии: летом помогают пожилым людям в сборе засохшей бересты, которая очень хорошо подходит для разгорания топки печи, ведут ремонтные работы по утеплению, облагораживанию жилья, поздней осенью — участвуют в заготовке дров, льда для питьевой, хозяйственной воды на зиму, ловят рыбу в подледной рыбалке (мунха).

Все эти специфические виды деятельности традиционны для добровольцев волонтерского центра ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта». Каждый год студенты и преподаватели помогают пожилым людям, ветеранам и социальным семьям микрорайона «Спортивный». Участие студентов в традиционной деятельности коренных народов Якутии позволяет “помнить, что наши корни уходят глубоко в сельский традиционный образ жизни. Село – колыбель любой нации”, в этом смысл этнопедагогического волонтерства.

Таким образом, роль волонтерства в социальной поддержке населения в селе Чурапча повысилась во время карантинных мер пандемии коронавируса, и увеличилось количество желающих стать волонтерами. В заключение следует сказать, что развитию организованного волонтерства в сельской местности помогают гражданское общество и государство. Соотнести гражданское общество и волонтерство можно не иначе как общее и частное соответственно. Причем, по нашему мнению, они являются в достаточной степени взаимосвязанными и взаимозависимыми: гражданское общество не будет полноценно без волонтерство, а волонтерство не может существовать вне гражданского общества.

Список литературы

1. Оберемко О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 94–101.
2. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 18.12.2018 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/. (Дата обращения: 26.08.2020 г.)
3. Алексеева Г.Г. Взаимопомощь: волонтерство в условиях холода // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33) С. 209-222 URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42666415_45577523.pdf. (Дата обращения: 26.08.2020 г.).

**ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЛИЦ
ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**SPECIFICS OF THE VALUE AND MORAL SPHERE OF PERSONS OF
PRERETIREMENT AGE IN MODERN RUSSIA**

С.А. Барсукова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

S.A. Barsukova

Penza State University, Penza

Поднимается проблема ценностной трансформации в сфере нравственности у современных россиян в период перехода к пенсионному возрасту. Приводятся результаты исследований, подтверждающих наличие кризисных переживаний в данном возрасте и особенностей ориентации при вхождении в пенсионный период на нравственные ценности.

The article raises the problem of value transformation in the field of morality among modern Russians during the transition to retirement age. The results of studies confirming the presence of crisis experiences at a given age and the features of orientation when entering the retirement period on moral values are given.

Ключевые слова: демографический кризис, предпенсионный возраст, социальная адаптация, ценностная трансформация, ценностно-нравственная сфера

Keywords: demographic crisis, pre-retirement age, social adaptation, value transformation, value-moral sphere

На современном этапе российское общество переживает демографический кризис в связи с увеличением доли пожилых людей в возрастной структуре населения России. По официальным данным, процент людей старше 50 лет составляет 25% населения и имеет тенденцию к своему увеличению [1]. Необходимо отметить также, что пенсионная реформа, предполагающая увеличение пенсионного возраста населения России, может привести к значительным изменениям в социальных, культурных, экономических и психологических аспектах жизни общества. Данные обстоятельства требуют научного осмысления социокультурных факторов, обеспечивающих эффективную адаптацию при переходе к пенсионному возрасту.

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ ввел понятие «предпенсионный возраст» [2]. У многих россиян, ожидающих скорого выхода на пенсию, данный закон вызвал тревогу и растерянность, а социальные сети были полны агрессивных высказываний по адресу правительства. Специалисты же из

различных областей приводили весомые аргументы в пользу обоснованности данного решения. Между тем, многие исследователи пытаются выработать научные подходы, позволяющие оказать поддержку социальным группам населения, которых в первую очередь затронула эта реформа.

Изучению проблем человека в связи с выходом на пенсию посвящено большое количество исследований в различных гуманитарных областях. Правовой подход изучает вопросы разработки и соблюдения пенсионного законодательства (А.В. Верховцев, В.П. Галаганов, А.Р. Далимов, Т.В. Жданова, С.Г. Ерошенков). Проблеме возрастных и половых характеристик лиц предпенсионного и пенсионного возрастов посвящен демографический подход (А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, Н.Н. Пономарева, Н.И. Силина). В рамках экономического подхода изучаются проблемы занятости лиц предпенсионного и пенсионного возраста (Д.Г. Владимиров, Е.Ш. Гонтмахер, В.Д. Роик, Т.В. Смирнова). Социологический подход рассматривает специфику социальной структуры российского общества и место в ней пожилых людей (З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, З.-Х. Саралиева). Проблемы образа жизни и адаптации в связи с переменой социального статуса представлены в работах В.Д. Альперовича, Н.В. Ермолаевой, Е.И. Холостовой, Е.В. Щаниной, В.Д. Шапиро, Р.С. Яцемирской.

Обобщая результаты исследований, необходимо отметить, что вхождение в пенсионный возраст имеет несколько вариантов. Для определенной части населения пенсия воспринимается как период, который даст возможность отдохнуть, больше общаться с родными, заняться саморазвитием. Очевидно, что для них отсрочка пенсии вызывает в основном негативные переживания. Многие же воспринимают пенсионный период как прекращение активной трудовой и общественной жизни и не знают, куда направить свою энергию в новых условиях жизнедеятельности. Большинство психологов, занимающихся данной проблемой, отмечают, что сам факт ожидания и выхода на пенсию является для человека стрессогенным фактором и сопровождается психической травмой (Е.С. Авербух, М.С. Ахметова, А.О. Кабанов, М.В. Прохорова, Т.И. Сапожникова). Следовательно, представители данной социальной группы оказываются часто не только экономически, но и психологически не подготовленными к своему новому возрастному статусу.

Необходимо отметить увеличение научного интереса к проблеме социальной адаптации к пенсионному возрасту. Но рост числа публикаций по теме, тем не менее, оставляет многие вопросы открытыми. Анализ психологической, философской и социологической литературы позволил обнаружить противоречия между двумя противоположными позициями в отношении к данному возрасту. Один из подходов выход на пенсию

рассматривает как начальный этап старости, как начало «финала жизни» и концентрирует свое внимание, прежде всего, на изменениях в физиологии и связанных с этим социальных ограничениях. Другой подход основывается на акмеологической позиции и рассматривает период выхода на пенсию как высшую стадию зрелости, ориентирующую человека на экзистенциальные ценности и ресурсы развития.

Необходимо отметить, что социальная ситуация человека на данном этапе онтогенеза детерминирована некоторыми условиями ранней жизни: социальными, культурно-историческими, личностными и другими факторами. Различные сценарии адаптации к новому жизненному циклу зависят от способности человека противостоять социальным вызовам и конструктивно преодолевать переходные периоды за счет трансформации внутренней системы ценностных ориентаций. По справедливому замечанию А.Г. Асмолова, «кризисы развития зрелой личности неизбежно сопровождаются перестройкой системы ценностей» [3, с. 283]. Человек предпенсионного возраста все больше задумывается о своем прошлом и пытается осознать себя в новом качестве. Такие мировоззренческие вопросы как «смысл жизни и смерти», «проблема нравственного идеала», «сущность человеческого счастья» заставляют его по-другому посмотреть на свою жизнь и мир в целом. Именно ценностно-нравственная сфера определяет выбор дальнейшей стратегии старения [4].

Наши исследования показывают, что поколение людей старше 55 лет чаще, по сравнению с представителями более младших групп, выбирает такую ценность, как соблюдение нравственных принципов [5]. Среди ведущих моральных принципов и ценностей для большинства людей этой возрастной группы выступает категория порядочности, которая ассоциируется с признанием и уважением со стороны окружающих. Значимость добра и совести как самостоятельной ценности становится в этом возрасте более актуальной, проявляется усиление выраженности заботы о других [6].

Вместе с тем, обнаружилось тенденции к индивидуализму и склонность пожилых людей к довольно жестким принципам в отношениях с другими. Часто в морально-нравственной сфере наблюдается отказ от адаптации к новым ценностям, нормам, манерам поведения, продиктованных актуальным состоянием общества [7]. В качестве основных индикаторов ценностных трансформаций личности в предпенсионном и пенсионном возрасте выступают такие показатели нравственного идеала, как самопринятие и принятие других [8]. Исследователями установлено, что уровень удовлетворенности жизнью людей пожилого возраста взаимосвязан со способностью к осмыслению своего жизненного опыта, формированием на этой основе смысло-жизненных

ориентаций и степенью внутриличностной конфликтности в ценностно-смысловой сфере [9].

Список литературы

1. Данные Федеральной службы государственной статистики на 2019. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13877>.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018г. № 350-ФЗ. Режим доступа: http://www.pfrf.ru/info/order/organization_appointment_payme~4259.
3. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
4. Лунина Е.Б. Особенности совладающего поведения у лиц в позднем возрасте: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 21 с.
5. Барсукова С.А., Кошарная Г.Б. Динамика общекультурных нравственных ценностей в условиях модернизации российского общества // Власть. 2015. № 9. С. 166–170.
6. Барсукова С.А. Психологическое содержание обыденных представлений о совести в различных возрастных группах // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 10 (37). Т. 2. С. 266–274.
7. Сахарова Т.Н. Эмоционально-нравственная сфера пожилых людей: (опыт психологического исследования): Монография. М.: Прометей, 2011. 219 с.
8. Ковалева Е.А. Психологические трансформации личности в пенсионном возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2009. 23 с.
9. Жучкова С.М. Социально-психологические детерминанты удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Мытищи, 2018. 26 с.

ОЩУТИМЫЕ ТРЕНДЫ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ **TANGIBLE TRENDS OF CHANGE IN RUSSIAN CIVIL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC**

Т.Д. Гладина

***Торгово-Промышленная палата Нижегородской области,
г. Нижний Новгород***

T.D. Gladina

***The Chamber of Commerce and Industry of the Nizhny Novgorod Region,
Nizhny Novgorod***

Российское гражданское общество быстро меняется под воздействием вызовов, которые поступают из внешней и формируются во внутренней среде государства. Развитие процессов цифровизации страны изменяют привычные

взаимоотношения граждан с правительственными структурами управления. Появляются новые более открытые тренды, комфортные условия взаимодействия, устанавливаются новые этические нормы коммуникаций. Изменяются инструменты и технологии взаимодействия.

Russian civil society is rapidly changing under the influence of challenges that come from the external and are formed in the internal environment of the state. The development of the country's digitalization processes is changing the usual relationships between citizens and government management structures. New, more open and comfortable conditions for interaction are being created, and new ethical standards of communication are being established. Interaction tools and technologies are changing. The pandemic associated with the emergence of coronavirus infection has become a trigger for the ongoing changes in Russian society.

Ключевые слова: самоорганизация, общественность, волонтерство, цифровые платформы, триггер изменений, этические нормы коммуникаций

Keywords: self-organization, community, volunteerism, digital platforms, change trigger, ethical communication standards

Российское общество переживает сложные, изменчивые и порой противоречивые этапы своего развития. Почти 30 лет мы живем в новых реалиях. Необходимо осознание появления новых трендов, которые оказывают влияние на характер развития гражданского общества, возникающих в нем проблем, а также подходов к их решению.

На новом, рыночном этапе развития российского общества необходимо обозначить новые ориентиры и приоритеты, подходы к построению новых стандартов во взаимоотношениях граждан с государственными структурами общества.

Гражданское общество представляет совокупность общественных отношений, связей, коммуникаций, которые отражают интересы и потребности людей в определенных сферах профессиональной или социальной деятельности.

Структуру гражданского общества представляют граждане определенного государства, которые имеют право и возможность состоять в различных общественных, творческих, коллективных объединениях, ассоциациях, комитетах, союзах, органах территориального самоуправления, политических партиях, общественных организациях; одной из самых многочисленных является профсоюз, предпринимательских, научных, творческих, молодежных и волонтерских сообществах, благотворительных фондах, религиозных, медицинских организациях, независимых СМИ, производственных коллективах, торгово-промышленных палатах, ассоциациях промышленников и предпринимателей и в других многочисленных

сообществах, которые, взаимодействуя с государственными властными структурами, имеют возможность влиять на развитие общественных отношений, проведение организационных изменений в обществе, отдельном регионе, городе, районе, поселении или своем профессиональном коллективе.

Для создания условий эффективного развития гражданского общества необходимо наличие, как минимум, 5-ти основных, взаимосвязанных направлений: экономика, социальная политика, совершенствование правовых норм, борьба с коррупцией, развитие культурных многонациональных традиций, свобода вероисповеданий. Важной вехой развития гражданского общества является создание творческих союзов и формирование пула грамотных управленцев, которое происходит в рамках Всероссийского Конкурса «Россия – страна возможностей», где выявляются профессионалы – интеллектуалы «Лидеры России».

В обществе развиваются независимые СМИ, которые формируют устойчивое общественное мнение через разнообразные передачи на многочисленных российских каналах, таких как «60 минут», «Время покажет», «Пусть говорят», «Авторитетное мнение», «ДокТок» и многие другие.

Довольно расширенно используются разные коммуникационные каналы и платформы в соцсетях, ютуб, инстаграмм, фейсбук, Вконтакте, ватсап, вайбере. Здесь формируются виртуальные общественные объединения, где каждый имеет возможность выразить свое мнение, отстаивать свою позицию, инициативу, а также развивать и поддерживать свои разноплановые интересы.

Под влиянием интернет ресурсов российское общество очень быстро меняется, появляются новые механизмы и инструменты его развития. Развиваются благотворительные организации и некоммерческие партнерства (НКО). Повышается качество оказания социальных услуг через проведение открытых конкурсов, выделяются субсидии и гранты для поддержания социально ответственного бизнеса и проектной социально направленной деятельности общественных организаций.

Возникают новые форматы общественных отношений. Например, в Нижегородской Торгово–промышленной палате созданы и работают 19 Общественных Комитетов, объединяющие 340 членов и 57 экспертов, которые обладая своей активной жизненной позицией, решают вопросы, исследуют ситуации, вносят предложения, устанавливают связи, добиваются положительных изменений в обществе по многим направлениям. К ним относятся – здравоохранение, экология, развитие трудовых ресурсов, внешнеэкономическая деятельность, транспорт, ЖКХ, развитие молодежного предпринимательства, транспорт и логистика, реклама, цифровая экономика и

IT технологии, туризм и гостиничный бизнес, развитие народных промыслов и многое другое.

Под воздействием похожих общественных формирований повышается качество государственного управления и существенно меняются технологии развития гражданского общества. Проводятся публичные слушания социально значимых проектов развития города и благоустройства общественных мест в микрорайонах и другие общественно-полезные и значимые для населения проекты.

Формируются и активно работают структуры общественного контроля: общественная палата, общественные советы и департаменты при органах власти, народный фронт, муниципальные гранты, развитие органов территориального самоуправления, информационные дни мэра и губернатора, открытые диалоги. Меняется структура имущественной поддержки некоммерческих организаций, предоставляются налоговые льготы малому бизнесу.

2020 год стал переломным в развитии российского гражданского общества. Форсмажорные обстоятельства, связанные с появлением и быстрым распространением коронавирусной инфекции, которую Ковид 19 превратил в общемировую пандемию, изменил весь мир. Общество столкнулось с вызовами, которые совсем недавно трудно было представить. Остановилась работа на предприятиях и организациях, обучение в учебных заведениях, люди больше 2-х месяцев находились в вынужденной домашней самоизоляции. Это коснулось всех сфер жизнедеятельности человека и государства. В России создан оперативный штаб поддержки социальных проектов «Гражданская инициатива». Появились новые этические формы взаимодействия и коммуникации: проведение совещаний, конференций, форумов в формате онлайн, для этого созданы цифровые платформы, такие как «ZOOM» и многие другие, через которые проводятся общественно значимые мероприятия в удаленном доступе.

В условиях пандемии в Нижегородской области впервые создан и успешно развивается «Профсоюз свободных предпринимателей, фрилансеров и домашних работников», который тоже становится развитым институтом гражданского общества.

Общероссийский Правительственный проект цифровизации страны вносит значительные изменения в привычные подходы к формированию гражданского общества. Предполагаемыми ощутимыми трендами становятся: внедрение цифровых регистров, цифровых профилей граждан, цифровых паспортов и пропусков, использование биометрических данных в банковских структурах и общественных местах. Происходит существенная переоценка

ценностей человека, переосмысление факторов комфортной среды, а также экономических, личностных, и психологических издержек от внедрения цифровых новаций в обществе.

Список литературы

1. Белаичук А., Емферов В. Свод знаний по управлению бизнес процессами. ВРМ СВОК 3.0. М: «Альпина Паблишер» 2-2. 480 с.
2. Ротер М. Учитесь видеть бизнес процессы. Построение карт потоков создания ценности. М: «Альпина Паблишер», 1998. 170 с.
3. Смольников С.А. Основы, методы и преимущества обратной связи в рабочем коллективе // Инновационная наука. №10. С. 103–106.
4. Гладина Т.Д., Костина М.В., Косова Н.М. Реализация социального партнерства муниципальной власти и населения. Изд-во ООО «Ассоциация ученых» г. Арзамас РАНХиГС, Администрация г. Арзамас, 2016. 96 с.
5. Официальный сайт ТПП Нижегородской области.

ПРОЦЕССЫ ОТЧУЖДЕНИЯ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ **ALIENATION PROCESSES IN SCIENCE AND EDUCATION**

М.В. Заладина
*Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексева, г. Нижний Новгород*

M.V. Zaladina
*Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod*

Исследуются проявления отчуждения в науке, возникающие благодаря опредмеченности её результатов и особенно заметные в результате процессов её институционализации и функционализации. Отчуждённый от управления учёный не может эффективно влиять на состояние науки. Рассмотрены отличия в степени отчуждения в фундаментальной и прикладной науке и феномен цифрового отчуждения в современном образовании.

Abstracts are devoted to manifestations of alienation in science, arising due to the objectivity of its results and making it especially noticeable as a result of the processes of its institutionalization and functionalization. Alienated from management, a scientist cannot effectively influence the state of science. The difference in the degree of alienation in fundamental and applied science and the phenomenon of digital alienation in modern education are considered.

Ключевые слова: отчуждение, наука, образование, цифровое отчуждение
Keywords: alienation, science, education, digital exclusion

Наука, просвещение, казалось бы, в принципе не могут рассматриваться в контексте отчуждения. Знание, которое наука создаёт, имеет безусловную ценность, является общественным благом, значимым феноменом культуры. Но знания опредмечиваются и начинают самостоятельное существование; учёный не всегда может вполне отчётливо представить, какое применение может получить его открытие. И в науке, подобно тому, как это происходит в экономике, религии или политике, результат деятельности может отчуждаться от человека и противостоять ему.

Проблемы отчуждения в науке поднимает, в частности, созданное в России в 2012 году «Общество научных работников». В принятой Декларации излагаются причины его создания «в терминах, характеризующих моральные медиа-коды (справедливости, отчуждения, эксплуатации и т.д.). Прежде всего, речь идет об отчуждении власти от научных работников... Мнение активно работающих учёных о науке... игнорируется. Руководители научных учреждений... назначаются властью без согласования с научной... общественностью» [1, с. 27]. Далее в Декларации говорится об усугублении этой ситуации архаичным администрированием, порой низводящим учёных мирового уровня до положения бесправных наёмных клерков.

По всей видимости, отчуждение появляется в науке с самого начала её становления. Однако особенно заметным оно делается, когда наука становится подчинённым государству общественным институтом. Институционализация ведёт за собой функционализацию, результатом которой становится утрата наукой своей относительной свободы и безусловное подчинение диктату общества.

Наука, по сути, становится аналогичной материальному производству отраслью. В своё время Макс Вебер констатировал превращение больших естественнонаучных и медицинских институтов в государственно-капиталистические предприятия. В настоящее время эта тенденция усиливается. А.Ю. Антоновский констатирует, что для европейской науки делаются неотвратимыми вызовы «прежде всего со стороны политики и хозяйства... со всеми следствиями „отчуждения рабочего от средств производства «... Рядовой ученый и есть тот самый эксплуатируемый рабочий, а отчуждаемые „средства производства“ (рабочее место, кабинет, библиотека, кафедра) находятся в распоряжении бизнеса и бюрократии» [2, с. 88].

Правда, следует отметить существенное отличие в степени отчуждения, имеющей место в фундаментальной науке и в науке прикладной. В последней гораздо сильнее проявляется отношение к научному знанию как к товару, производящемуся ради продажи, цена которого определяется балансом спроса и предложения. Когнитивный капитал в этом случае рассматривается как некий

комплекс знания, призванный притягивать инвестиции, а популяризация знания служит тому, чтобы ресурс постоянно поддерживался в рабочем состоянии.

Однако для менталитета и моральных установок большинства учёных, работающих в фундаментальной науке, в ВУЗах, рыночная модель, при которой их труд приравнивается к товару, является принципиально чуждой. Прошедшая в 2018 г. в журнале «Вопросы философии» дискуссия по вопросам высшего образования показала, что «рыночное отношение к знанию как к товару неэффективно ни с культурно-исторической, ни с экономической точек зрения, поскольку изначально знание не может быть полностью отчуждено» от получившего его человека [3, с. 34].

Тем не менее, независимо от нашего желания, объективно в науке происходят процессы отчуждения. В частности, над непосредственно когнитивным процессом надстраиваются разнообразные структуры административно-управленческого, манипулятивного характера, через которые непосредственно ставятся любые научные задачи. Отчужденческая сущность административных структур проявляется в том, «что когнитивный процесс – когнитивная деятельность и когнитивные отношения – выступает как подчиненный им и как якобы получающий свой смысл и оправданность и даже саму свою правомочность лишь исключительно благодаря этому подчинению» [4, с. 95].

Институционально-функциональная деятельность чиновников от науки носит формально-универсальный характер, принципиально ничем не отличаясь от любой другой деятельности, в которой господствует бюрократическая целесообразность. А учёный, отчуждённый от управления, не имеет возможности эффективного влияния на состояние дел, особенно когда существует «стремление неолиберальных политиков поставить науку под контроль и даже лишить её социального авторитета» [5, с. 10].

Существует не критичное следование определённым западным моделям в образовании, порождающее заметное уменьшение количества преподаваемых социально-гуманитарных предметов. Последнее ощутимо снижает способность обучающихся к самостоятельной рефлексии, а также к адекватной реакции на происходящие в профессии и в обществе изменения. Согласно данным проведённых исследований, общее количество выпускников, имеющих высокий индекс креативности, снизилось всего лишь до 2% [3, с. 54]. Как видим, отчуждение, существующее в сфере высшего образования, существенно затрудняет реализацию изначально творческого потенциала выпускников.

Современная ситуация с пандемией значительно ускорила и сделала масштабнее процессы цифровизации образования, что, в свою очередь, делает более очевидным феномен цифрового отчуждения. Многие исследователи

полагают, что к дистантным коммуникациям в современном образовании следует относиться с большой осторожностью [6; 7]. Онлайн-трансляция любого «визуализированного материала усиливает его ... отчужденность от реальных участников коммуникации. ... будут деформированы дисциплины, предполагающие интерактивное понимание – так называемые „науки о духе“. Это философия, история, психология» [6, с. 17-18]. Быстрый поиск информации в сети в сочетании с недостаточной её надежностью, ведёт к недоразвитию рефлексии и способности к аналитическому мышлению. Глубокая эмоциональная вовлечённость в просматривание визуального ресурса не предполагает основательного рационального анализа. Практически все известные теоретики коммуникации, от М. Маклюэна и до Ж. Липовецки, считают цифровые её формы агрессивными, порождающим неоднозначные психоэмоциональные реакции.

Если создаётся онлайн-курс, важно, чтобы он был авторским, т.к. если он будет отчуждаться от написавшего его преподавателя и читаться человеком с другим набором компетенций, особенно если с меньшим уровнем квалификации, качество образования пострадает. Уже не говоря о том, что личностный компонент исчезает полностью. «На место отношений «человек-человек» становится отношение «человек-машина», что также является одним из признаков господствующего отчуждения» [8, с. 106].

Поэтому для минимизации отчуждения, онлайн-образование, по всей видимости, лучше использовать не в качестве основной, а в качестве дополнительной формы обучения.

Список литературы

1. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 18–33.
2. Антоновский А.Ю. Научное познание как понятие социальной философии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 86–89.
3. Какое образование для нас ценно? Материалы «круглого стола» Участники: Пружинин Б.И., Ажимов Ф.Е., Валицкая А.П., Грановская О.Л., Грякалов А.А. // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 34–58.
4. Хамидов А.А. Отчуждение в сфере науки // Человек в мире отчуждения: сб. ст. Алматы: Гылым, 1996. С. 94–116.
5. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.
6. Онлайн- и офлайн-образование: методология и принятие решений. Материалы круглого стола / В.В. Миронов, Г.В. Сорина, В.Ю. Перов и др. // Проблемы современного образования. 2019. № 4. С. 9–49.

7. Лешкевич Т.Г. Феномен цифрового отчуждения // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 137–139.

8. Перов В.Ю., Китаев Д.Г. Проблемы трансформации университетской этики // Ведомости прикладной этики. 2018. № 52. С. 98–110.

**ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ АТОМИЗАЦИИ**
INTERNAL AND EXTERNAL ASPECTS OF SOCIAL ATOMIZATION

Ю.В. Козлова
*Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород*
Yu.V. Kozlova
Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

Рассматриваются явления, с которыми связана социальная атомизация населения. Это культурно-исторические и общественные кризисы, с одной стороны, и массовая динамика – с другой. Ослабление социальных связей не приводит к освобождению и самореализации личности, но высвобождает деструктивные импульсы, что является предпосылкой для трансформации общественной системы.

The article deals with the phenomena associated with the social atomization of the population. These are cultural, historical and social crises on the one hand, and mass dynamics on the other. The weakening of social ties does not lead to the liberation and self-realization of the individual, but releases destructive impulses, which is a prerequisite for the transformation of the social system.

Ключевые слова: глобализация, атомизация, ретрофлексия, солидарность, эготизм, социальная изоляция, депривация, выученная беспомощность

Keywords: globalization, atomization, retroflexion, solidarity, egotism, deprivation, learned helplessness

В последние десятилетия человечество живет в процессе непрерывных перемен или их ожидания. Пример – кризис европейской культуры, «разгерметизация» и индивидуализация азиатских общественных систем, трансформации постсоветского пространства. Человек становится все более автономным от социальной инфраструктуры в физическом плане и все более ограниченным как индивидуальность. Глобальные процессы сфокусировали это противоречие. Что же в его основе? Как проявляется «массовость» в современном российском обществе и какое состояние ей противоположно?

В функционалистском контексте Р. Мертона социум рассматривается как система, построенная вокруг фундаментальных ценностей, регулирующих индивидуальную жизнедеятельность [1]. Благодаря этому становится возможным разделение функций, коммуникативный обмен и развитие общественной системы.

В обществе формируется личность как системное качество индивида, обеспечивающее социальную интеграцию. Достижение идентичности, преодоление дезинтеграции открывает личности познание, реализацию нравственных норм, участие в труде, общении, самоактуализацию.

Характеризуя взаимосвязь тоталитаризма и массовизации, Х. Арендт впервые использует понятие «социальная атомизация» [2]. В обществе, стоящем на пороге тоталитаризма, массовые процессы доминируют над социальными, а «массовый человек» прежде всего изолирован и лишён нормальных социальных отношений. «Атом» – это тот, кто по каким-либо причинам утратил социальные связи, маркеры, ориентиры и способы идентификации, разотождествился с социумом как «мерой всех вещей».

В дихотомиях эгоизм/альтруизм, ретрофлексия/солидарность, идентичность/противопоставление для него акцент смещается на замыкание в индивидуальных мотивах и личной истории. По сути, депривация взаимной поддержки, обмена с социумом не приводит личность к необходимости противопоставить себя ему, усилить свои позиции, направить силы к развитию. Наоборот, происходит инкапсуляция, остановка на достигнутом уровне.

Можно говорить о «потерянных» поколениях в связи с войнами и экономическими кризисами, именно как о лишенных поддержки со стороны общества. Эта поддержка – создание и трансляция универсальных смыслов, которые выходили бы за пределы мотивации одного этноса, поколения или социального класса.

Общество становится атомизированным, когда возникает критическая масса таких «атомов», когда нормы и традиции перестают регулировать поведение и оценки, а в массовом сознании упраздняются общественные институты и когда значительная часть народонаселения перестаёт принимать участие в общественной жизни [3].

Атомизации предшествуют объективные предпосылки, которые создают опыт существования вне традиционных норм, ситуации, когда общественные структуры в значительной степени или совершенно не способны амортизировать ухудшение условий жизни или же преодолеть неопределенность (войны, катастрофы, экономический или властный кризис). Важны и субъективные условия, такие как высокая формализация общественных групп, вызывающая утрату доверия и уважения к ним, использование горизонтальных

социальных связей для получения прибылей и мошенничества, создание контекста всеобщего недоверия и виновности пострадавшего, который не предусмотрел и не предотвратил действия по отношению к себе или сложную жизненную ситуацию.

Борьба мотивов (например, в периоды нестабильности, после войн, радикальной смены политического курса) вызывает столкновение высших чувств и ценностей со слабой волей. Значительная часть общества получает посттравматический синдром. Для его преодоления требуется проекция и идентификация с правителем или врагом. Рутинные действия приобретают потенциал защитных механизмов (ритуализация, табуирование, вытеснение). Поэтому максимально возможное «упрощение» поведения, «уклонение» от социальной жизни не делает индивида асоциальным или аполитичным, а лишь ритуализирует действия, совершаемые в частной жизни. Они приобретают символический характер и адресованы той самой избегаемой, отрицаемой и сакральной сверх-личностной структуре. Именно поэтому лишенные смыслообеспечения массы так легко создают и транслируют самые невероятные конспирологические теории [4].

Но не только универсальные ценности и смыслы важны, необходимы образцы поведения, указания, что хорошо и что плохо, как поступать в той или иной ситуации. Массовая культура постоянно продуцирует и поставляет массовому сознанию подходящие образы, объединяет их в готовые модели [5]. Но утрата доверия происходит и по отношению к этому потоку и его источникам. В определенном смысле, принимающим устройством для россиянина 2000-х гг. является не сам гаджет или телеэкран, а тот метамиф, который позволяет «перекодировать» сообщения, источникам которых он не доверяет, в некую депрессивную вероятность. Именно поэтому информационные сообщения не информируют, а развлекательные не развлекают, все они приобретают для атомизированного получателя одну и ту же тревожную тональность. «Самовысвобождение атомов» приводит их к утрате защит и проживанию внеситуативной опустошенности, тревоги, агрессии и апатии.

Речь не идёт о представителях субкультур или диссидентах, как и о девиантных личностях. «Энергию разрушения» продуцирует сегмент общества, утративший способность самоидентификации, если она выходит за близкий круг реальных контактов. Это не аморфная масса, а устойчивый носитель разрушительного потенциала, люди, не интегрированные в своё настоящее и не видящие способов улучшить ситуацию в будущем.

После общественного кризиса «атомы» объединяются в обновлённую систему, в которой новые формы идентичности становятся более гибкими и

менее травматичными, поэтому происходит высвобождение индивидуального, творческого начала, повышение вариативности личной и общественной активности. Именно сбалансированность солидарности и спонтанности даёт индивиду ощущение собственной значимости и повышает потенциал активности [6]. После разрешения противоречия начинается этап интенсивного развития с высокой удовлетворенностью большинства новой системой отношений.

Таким образом, атомизация в современном российском обществе – естественное следствие демократизации, глобализации, прозрачности границ, языковой свободы, цифровизации. Пандемия придала ускорение этому процессу, и вопрос заключается в том, насколько неизбежен выход на первый план базовых ценностей – выживания, безопасности и витальных потребностей, а не универсальных, действительно ли добровольная изоляция и дистанцирование приводят к распаду или безличности социальных связей, жизни «одним днём». Возможно ли восстановление временного вектора, тех смыслов, целей и ценностей, которые объединяли бы людей на долгосрочной основе, и какие меры для этого необходимы?

Список литературы

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 880 с.
2. Арндт Х. Опыты понимания. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 712 с.
3. Орехов Ф.И. Происхождение массового сознания: перелом эпох, атомизация и отчуждение // Национальное гуманитарное знание. Том III. Сборник научных статей / под общ. ред. В.А. Козловой, И.В. Кожан. – Ростов-на-Дону: ООО «Интерплэй», 2019. С. 166-176.
4. Давыдов А.И. Защитные механизмы цивилизации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2017. № 1. С. 36-41.
5. Даймонд Д. Коллапс. М.: АСТ, 2008. 768 с.
6. Юдина Е.С. Социологические подходы к пониманию атомизации общества // Формирование гуманитарной среды в вузе. Т.1. 2016. С. 85-89.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

**КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРГАНОВ ВЛАСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
HUMAN RESOURCES POTENTIAL OF GOVERNMENT BODIES:
PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT**

О.А. Костина, Е.А. Рак

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород*

Т.В. Конкина

*Управление делами Правительства и развития кадрового потенциала
Нижегородской области, г. Нижний Новгород*

В.Е. Рак

*Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства
Нижегородской области, г. Нижний Новгород*

O.A. Kostina, E.A. Rak

*Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of The Russian Presidential
Academy Of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod*

T.V. Konkina

*Management of Government Affairs and Human Resources Development
in Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod*

V.E. Rak

*Ministry of Energy and Housing and Utilities Sector
of Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod*

Рассматриваются проблемы развития кадрового потенциала органов государственной власти, особое внимание уделено анализу развития кадрового управленческого резерва в Нижегородской области.

The problems of developing the human resources potential of public administration are considered, attention is paid to the analysis of the development of the personnel management reserve in the Nizhny Novgorod region.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, кадровый потенциал, кадровый резерв, кадровый управленческий резерв

Keywords: public administration, personnel potential, personnel reserve, personnel management reserve

Изменения системы государственной службы и методы ее адаптации к требованиям современного мира предъявляют новые требования к государственным служащим, к их развитию и саморазвитию как специалистов, как управленцев, как членов управленческих команд [1; 2].

Кадровые вопросы государственной гражданской службы достаточно жестко регламентируются различными нормативно-правовыми актами [3]. Создание кадрового резерва является одним из инструментов развития

кадрового потенциала органов власти. Кадровый резерв рассматривается нами как технология работы с реальными и потенциальными кадрами органов государственной власти, позволяющая эффективно реализовать механизм продвижения по службе государственных служащих и создающая возможности для граждан, желающих поступить на государственную службу.

По данным, представленным на портале Госслужба (<https://gossluzhba.gov.ru/>), в кадровые резервы федеральных государственных органов включено 96 635 человек (по состоянию на 17 февраля 2020 г.). В резерв управленческих кадров субъектов Российской Федерации входит 9 635 человек (данные на 1 января 2020 г.) [4]. «Сегодня системе государственного управления особенно нужны специалисты высокого класса, незаурядные личности, владеющие интеллектуальными навыками, современными технологиями, способные генерировать идеи, принимать взвешенные решения, управлять масштабными преобразованиями в самых разных сферах», – отметил Председатель Правительства М. Мишустин в приветствии представителям федерального резерва управленческих кадров [5]. С 2017 г. реализуется Программа развития кадрового управленческого резерва [6]. Подготовка управленческого резерва высшей готовности для возможного выдвижения на государственные должности регионального и федерального уровней – основная цель данной программы. Её реализация способствует формированию сообщества управленцев, объединенных общим пониманием вызовов и задач, стоящих перед страной; обладающих видением, знаниями, навыками и мотивацией для деятельного участия в их решении; заинтересованных в установлении устойчивых социально-деловых связей.

Эффективным инструментом подбора кадров и формирования резерва управленцев и специалистов для органов государственной и муниципальной власти в регионе является программа/проект «Команда Правительства». Она представляет собой инновационное сочетание IT и HR механизмов, воплощенных в портале (сайт <https://hr.government-nnov.ru/>) [7].

Из общей численности служащих в органах исполнительной власти (4 344 человека) полностью заполнили свое резюме на портале 3 860 человека (89%) (пользователи с диагностической картой и возможностью подавать резюме на открытые вакансии). Из общей численности органов местного самоуправления (7 502 человек) полностью заполнили свое резюме 6 285 человек (84%). А всего в настоящее время на портале зарегистрированы более 15 тысяч человек – их резюме в постоянном режиме рассматриваются HR специалистами Правительства Нижегородской области для назначения в органы власти и муниципалитеты.

Рядом муниципалитетов проводится подбор сотрудников через программу «Команда Правительства»: г. Нижний Новгород, г. Дзержинск и др. Подбор персонала происходит как через проведение открытых конкурсных процедур, так и через направление пула резюме кандидатов в соответствии с поступившим запросом о подборе. С помощью подбора персонала из базы перспективных специалистов и управленцев программы «Команда Правительства» с начала действия программы (май 2018 г.) по настоящее время были назначены более 250 человек на различные уровни должностей в органах исполнительной власти и муниципалитетах.

Опыт портала востребован и другими регионами. В июне 2019 г. на Петербургском международном экономическом форуме правительство Нижегородской области заключило соглашение о сотрудничестве в рамках реализации HR-проекта «Команда Правительства» с Республикой Саха (Якутия), с Ямало-Ненецким автономным округом, с Кемеровской областью, Ханты-Мансийским автономным округом. Соглашения предполагают взаимодействие по созданию эффективной модели управления кадрами, в том числе, за счет обмена информационными технологиями для автоматизации управления карьерой сотрудника государственных органов с использованием современных цифровых кадровых решений, проведения многоэтапных конкурсов кандидатов на ведущие руководящие позиции, формирования резервов управленческих кадров под приоритетные направления стратегии социально-экономического развития регионов в органах государственной власти. В 2019 г. в рамках подписанных Соглашений в Республике Саха (Якутия) был запущен портал «Команда Якутии» (сайт <https://komanda.sakha.gov.ru/>).

В базу «Команды Правительства» входят 189 «Лидеров России», они имеют привилегии в конкурсных процедурах, а также выступают в роли наставников для участников образовательных программ. С начала реализации проекта «Команда Правительства» портал имеет более 2,5 млн. просмотров, 23 546 человек зарегистрировались, прислано 15 349 резюме, из них 6 616 – муниципальные служащие, 3 914 – госслужащие, 4 819 – внешние кандидаты. Проект представлен в социальных сетях: число подписчиков на июль 2020 г. составляет: Facebook – 514, Instagram – 757, ВКонтакте – 961.

24 мая 2020 г. был создан Корпоративный университет Правительства Нижегородской области (КУПНО), целью которого является повышение уровня компетенций государственных служащих и, как следствие, эффективности их профессиональной деятельности для реализации целей и задач Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года и Национальных проектов.

С сентября 2019 г. реализуется Проект «Молодежный кадровый резерв» для поиска, развития и продвижения талантливой и инициативной молодежи на государственную и муниципальную службу в целях реализации Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 г. Организатором проекта выступила «Команда Правительства» совместно с Молодежным парламентом при Законодательном собрании Нижегородской области. Из 250 кандидатов, изначально заявившихся к участию, показавших высокие результаты в процессе прохождения всех отборочных процедур, имеющих свои проекты по развитию региона, были отобраны 50, которые и продолжили работу над развитием 43 проектов под руководством опытных наставников.

Весной 2020 г. в рамках блока «Служение», развернутого на портале, участники «Команды Правительства» совместно с волонтерами участвовали в работе линии «112», развивая компетенцию служения.

В мае 2020 г. на портале был открыт Проектный офис по развитию человеческого капитала – совместный проект власти и бизнеса, в рамках которого с мая по июль 2020 г. проводилось обучение участников в дистанционном формате представителями Управления делами Правительства Нижегородской области, Департамента государственного управления и государственной службы Нижегородской области и HR Ассоциации ПФО (образовательный кибер-марафон (программа) «Мастерская profskills»). Проведение обучающих, развивающих мероприятий, сотрудничество направлено на развитие управленческого потенциала сотрудников органов власти через использование современных подходов к управлению персоналом, в том числе с использованием бизнес-подходов. В рамках проведения HR мероприятий в проекте «Команда Правительства» планируется работа по формированию отраслевых резервов, резервов муниципалитетов, а также развитие данного направления в части создания резервного фонда всех должностей и обучения сотрудников совместно с Корпоративным университетом Правительства Нижегородской области.

Прямой эффект от внедрения технологии формирования кадрового резерва – это изменение всей кадровой политики Нижегородской области с использованием современных информационных технологий [8], создание уникальной системы отборочных и оценочных процедур для замещения вакантных должностей на региональном уровне, возможность интеграции с федеральными кадровыми системами и, в конечном итоге, обозначение вектора развития HR-направления в государственном управлении для регионов Российской Федерации. Косвенный эффект выражается в росте доверия граждан к системе государственного управления в регионе, вовлечении

широких слоев населения в обсуждение актуальных социально значимых вопросов, росте гражданской активности.

Список литературы

1. Экспертная дискуссия «Человеческий капитал на государственной и муниципальной службе: ценности и развитие», Гайдаровский форум-2018. URL: <https://gaidarforum.ru/news/na-gaydarovskom-forume-proshla-ekspertnaya-diskussiya-chelovecheskiy-kapital-na-gosudarstvennoy-i-mu/> (Дата обращения: 15.08.2020).

2. Панова Е.А., Опарина Н.Н. Российская государственная гражданская служба: достижения и тенденции развития кадровой политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-gosudarstvennaya-grazhdanskaya-sluzhba-dostizheniya-i-tendentsii-razvitiya-kadrovoy-politiki/viewer> (Дата обращения: 15.08.2020).

3. Методический инструментарий по формированию кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации Версия 3.1. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72098548/#review> (Дата обращения: 12.08.2020).

4. Резерв кадров // Госслужба. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/rezerv> (Дата обращения: 17.08.2020).

5. Председатель Правительства Михаил Мишустин направил приветствие представителям федерального резерва управленческих кадров. URL: <https://edu.gossluzhba.gov.ru/news/1257046a-b8f8-ea11-afe9-0a94ef943a49>. (Дата обращения: 15.08.2020).

6. Указ Президента РФ от 1 марта 2017г. № 96 «Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71520518/> (Дата обращения: 15.08.2020).

7. «Команда Правительства» – программа по формированию высокоэффективного коллектива управленцев. URL: <https://hr.government-pnov.ru> (Дата обращения: 15.08.2020).

8. Цветкова И.Н., Рак Е.А. Актуальные вопросы использования цифровых сервисов в государственном и муниципальном управлении // Современное государственное и муниципальное управление: в поисках ресурсов и технологий общественного развития: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 15 апреля 2020 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Дзержинский филиал; редакционная коллегия: Егоров А.И. (председатель), Первухина И.Ю. (зам. председателя). Дзержинск: Аджика, 2020. С.110-120.

**РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ***
**RISKS OF FORMATION OF HUMAN CAPITAL
OF EDUCATIONAL COMMUNITIES**

Л.А. Лесина
*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*
L.A. Lesina
Ural Federal University, Ekaterinburg

Представлен анализ основных факторов, негативно влияющих на процесс формирования и развития человеческого капитала в образовательном пространстве. Сделан вывод о необходимости разработки междисциплинарного подхода к решению обозначенных проблем.

The article presents an analysis of the main factors that negatively affect the process of formation and development of human capital in the educational space. It is concluded that it is necessary to develop an interdisciplinary approach to solving these problems.

Ключевые слова: образовательная общность, человеческий капитал, образовательное пространство, образовательная неуспешность, стратегия поведения

Keywords: educational community, human capital, educational space, educational failure, behavior strategy

Перспективы развития инновационной экономики в российском обществе связаны с повышением качества человеческого капитала молодого поколения. Образование является той сферой, где закладываются основы его формирования и дальнейшей актуализации. Конструирование стратегий поведения общностей школьников, студентов колледжей и вузов осуществляется по-разному. Часть образовательных общностей конвертирует свой человеческий капитал в образовательную успешность, а затем и в профессиональную самореализацию. Однако исследования российских социологов последних лет фиксируют нарастание тревожной тенденции: увеличивается число выпускников школ, колледжей и вузов, которые испытывают серьезные проблемы в образовательной деятельности, демонстрируют низкие результаты обучения и затрудняются с профессиональным самоопределением [1-3]. Деформация процесса формирования и обогащения человеческого капитала образовательных общностей обусловлена

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016.

деструктивным воздействием целого ряда факторов социокультурного, психологического, педагогического и экономического характера. Использование социологического подхода для изучения развития и трансфера человеческого капитала на разных ступенях и уровнях образования позволяет осмыслить проблематику данного процесса в контексте широкого спектра противоречий отечественной системы образования. Поставленные цели и задачи исследования предопределили выбор в качестве теоретико-методологической основы теории человеческого капитала, теории социальной общности. Основными принципами общностного подхода являются следующие: рассмотрение образовательных общностей как ключевых субъектов образовательного пространства; изучение особенностей взаимодействия в образовательной деятельности парных общностей (учителя – школьники, преподаватели – студенты) [4].

Использование общностного подхода как основной методологической базы определило контуры и дизайн эмпирического исследования, которое было проведено в январе – апреле 2020 г. с применением качественной методической стратегии: полуструктурированное интервью с учителями общеобразовательных школ, преподавателями колледжей и вузов г. Екатеринбурга, а также фокус-группы с учащимися и студентами. На основе первичного анализа собранной информации были выделены ключевые факторы, деформирующие процесс формирования и трансфера человеческого капитала в образовательном пространстве города.

Базовые основы человеческого капитала закладываются еще во время обучения в школе. Именно в этот период формируется образовательная мотивация и интерес, активность в учебной деятельности. Информанты отмечают устойчивую тенденцию трансфера образовательной неуспешности обучающихся из школы – в колледжи и вузы, а затем и в сферу профессиональной, трудовой деятельности. *«Если учащийся неуспешен в школе, то, естественно, он неуспешен при поступлении куда-либо дальше. Таких случаев очень много. Если в населенном пункте малое количество колледжей, то вообще такой ребенок может оказаться вне образовательной системы».* (В.И., школьный учитель) Вопреки ожиданиям, реформирование системы образования, разработка моделей инновационной образовательной среды, создание новых педагогических технологий, системы творческих пространств не привели к уменьшению масштаба обозначенной проблемы. По оценкам опрошенных педагогов, доля неуспешных обучающихся составляет в среднем 15 – 30% от академической группы. *«В студенческой группе из 20 человек обычно неуспешны порядка 1/4 группы. Иногда бывает и до половины группы, но это реже».* (Ж.А., преподаватель вуза)

Неопределенность и динамизм социальных процессов приводит к противоречию между институциональной моделью образовательной успешности и сконструированными субъективными смыслами успешности формирования человеческого капитала образовательных общностей. Как следствие, появляются симулякры и имитационные практики образовательных достижений, которые не приводят к формированию качественного человеческого капитала образовательных общностей, зато помогают добиваться образовательным учреждениям высоких показателей в отчетности и избегать репутационных рисков. *«Успеваемость студентов – это важный показатель. Ведь учебные заведения проходят одну очень формализованную процедуру, и называется она «получение государственной аккредитации и лицензирование». Кроме того, во время приемной кампании при наборе студентов фактор рейтинга учебного заведения играет большую роль».* (Ч.В., директор колледжа)

У данной проблемы есть еще одно основание – социокультурное. У парных образовательных общностей (педагоги – обучающиеся) существуют различные смысловые модели и интерпретативные поля форм и механизмов успешного формирования человеческого капитала, обусловленные разницей в представлениях о ценности знания и образования. *«Критерии, понимание успешности у поколения современных учащихся и их педагогов, родителей кардинально отличаются. В этом и заключается источник многих проблем».* (А.П., преподаватель вуза)

Серьезные различия в институциональных и субъективных моделях социальной успешности обуславливают снижение образовательной мотивации, деформацию образовательных интересов и выбор учащимися и студентами в качестве стратегии поведения имитационных моделей успешности, что приводит к несоответствию документов об образовании и реального качества человеческого капитала образовательных общностей, к их иррациональному поведению в процессе профессионального самоопределения. *«В современном мире весьма распространено явление, когда человек с высшим образованием и высокообразованный человек – это не синонимы».* (А.П., преподаватель вуза)

Цифровизация и информатизация образования, распространение в образовательном пространстве новых форм коммуникации, обусловленных современным технологическим укладом, предопределяют необходимость конструирования новых педагогических технологий и повседневных образовательных практик. В данном случае проблема проявляется не столько в отсутствии необходимой материально-технической базы, сколько в желании и готовности педагогов развивать у себя новые компетенции. *«В колледжах очень сложная финансовая ситуация, не выделяются деньги на повышение*

квалификации, да и времени, а порой и желания, на это у педагогов нет». (А.Л., преподаватель колледжа). Другая сторона проблемы – массовое распространение невербальных форм коммуникативных практик. *«Сейчас молодые люди больше тренируют зрительное восприятие, но не развитие речи и своей личности. Речь дает возможность выявить успешного человека. Риск в том, что проблемы в коммуникации усиливаются. Через 10-15 лет самая востребованная компетенция будет – умение общаться и говорить».* (Т.Т., учитель средней школы)

Предлагаемый перечень факторов, препятствующих формированию качественного человеческого капитала молодого поколения в сфере отечественного образования, не является исчерпывающим. Необходимо целенаправленное изучение и глубокое осмысление разрозненных повседневных практик по преодолению неразвитости и ограниченности человеческого капитала образовательных общностей. На основе обобщенного опыта возможна разработка системных междисциплинарных подходов к работе с проблемными образовательными общностями, а также конструирование прикладных моделей социальных технологий, механизмов и форм наращивания человеческого капитала молодого поколения, являющегося стратегическим ресурсом общества.

Список литературы

1. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. №3. С. 34–44.
2. Петрова Р.Г., Рябова Т.В. Низкая успеваемость студентов младших курсов: мера социальной ответственности университета // Управление устойчивым развитием. 2019. №1. С. 62–67.
3. Писарева Л.И. Междисциплинарное исследование явления неуспеваемости детей в учебе: конструирование педагогической реальности // Школьные технологии. 2018. №2. С. 93–100.
4. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.

**ФЕНОМЕН МАЛОЙ РОДИНЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ***
**THE PHENOMENON OF A SMALL HOMELAND IN THE CONTEXT OF
CIVIC IDENTITY DEVELOPMENT**

Д.В. Миронов
*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*
D.V. Mironov
*Saint Petersburg University,
Saint Petersburg*

Отмечается, что при изучении проблематики гражданской идентификации акцент в основном делается на роли в этом процессе макроструктур, и указывается на необходимость анализа микровзаимодействий структур жизненного мира. Феномен малой родины рассматривается как часть жизненного мира человека, которая создает базовые условия для формирования его идентичностей, в том числе гражданской.

The author notes that when studying the civic identification issues, the role of macrostructures in this process is in focus, and indicates therefore the need to analyze micro-interactions, structures of the life-world. The phenomenon of a small homeland is viewed as a part of a person's life-world, which creates the basic conditions for the formation of his (her) identities, including civic identity.

Ключевые слова: гражданская идентичность, малая родина, макро- и микроподход в социологии, жизненный мир

Keywords: civic identity, small homeland, macro- and microapproach in sociology, life-world

Процесс формирования общегражданской идентичности по-прежнему не теряет своей остроты для Российского государства. Несмотря на то, что с момента распада СССР прошло уже почти треть века, о процессах, разворачивающихся в современной России, принято рассуждать как о постсоветских, что, на наш взгляд, настраивает на определенную логику их восприятия и понимания.

Основная ее идея заключается в том, что настоящее положение дел в России определяется ее, прежде всего, советским прошлым. Это можно соотнести и с тем, как развиваются в современной российской социологии подходы к изучению российской идентичности, имея в виду, что «современные поиски отечественной идентичности укладываются, целом, в сложившиеся в дореволюционный и советский периоды схемы анализа» [1, 25]. Не отрицая

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00742

необходимости учета отечественных научных наработок в сфере исследования процессов гражданской идентификации, хотелось бы отметить их явный макроаналитический уклон, то есть гражданская идентичность рассматривается в основном как результат воздействия на индивидов (социальные группы) со стороны макроструктур и макропроцессов, прежде всего, государства и политического процесса как таковых.

Такое положение дел определяется теми сущностными характеристиками гражданской идентичности как социального явления, которые закрепились в концептуальных схемах современных социальных наук, прежде всего в социологии и политологии: гражданская идентичность, будучи эффектом отождествления индивида с обществом «во всех его типических социокультурных измерениях (язык, ментальность, картина мира, социокультурные ценности, нормы поведения)» [2], является проявлением деятельности макросоциальных структур, начиная с социальных институтов, задействованных в процессе первичной социализации, и заканчивая теми, что отвечают за осуществление социального контроля на разных уровнях социальной системы в целом. В основании гражданской идентичности, таким образом, лежит идентификация с обществом, государством, страной [3].

На наш взгляд, макроподход в исследовании проблем, связанных с формированием гражданской идентичности, следует дополнять анализом микровзаимодействий индивида, в ходе которых конструируются социально-культурные символы и ценности, имеющие значение при формировании гражданской идентичности. Учитывая обозначенный контекст, необходимо большее внимание уделять феноменам жизненного мира.

К таковым мы относим феномен малой родины, который мы определяем как эмоционально-оценочный образ конкретного места, где индивид родился или прошел первичную социализацию, который формируется и поддерживается благодаря воспоминаниям индивида о своем пребывании в этом месте и ощущению эмоциональной привязанности к нему [3]. Воспоминания о малой родине, так или иначе, связаны с периодом первичной социализации индивида, когда формируются базовые элементы его символической и ценностно-нормативной систем. Таким образом, эти символы и ценности устойчивы и значимы для человека на протяжении всей его жизни, они стали частью его субъективного опыта, влияют на формирование его идентичностей.

При изучении механизмов формирования гражданской идентичности это обстоятельство необходимо учитывать. На наш взгляд, устойчивость символического и ценностного каркаса гражданской идентичности можно обеспечить только при условии отсутствия диссонанса между жизненным

миром человека и тем, что в данном контексте предлагает система как внешняя по отношению к человеку сила, императивная по своей сути. Отсюда возникает необходимость включения в систему смыслов, вокруг которых формируется гражданская идентичность, смыслы, которыми индивид наделяет свои действия, ощущая свою принадлежность к конкретному месту, отождествляя себя с конкретным сообществом, с миром малой родины.

Список литературы

1. Когатько Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации. СПб.: Алетейя, 2010. 135 с.
2. Гришина Е.А. Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т 1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 336-337.
3. Миронов Д.В. Феномен малой родины через призму социальной феноменологии: опыт концептуализации // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 3 (статья находится в печати).

НАРРАТИВНАЯ ПРИРОДА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ THE NARRATIVE NATURE OF COLLECTIVE MEMORY: THEORETICAL APPROACHES AND RESEARCH METHODS

А.А. Нечаева
*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*
A.A. Nechaeva
*Saint Petersburg University,
Saint Petersburg*

Изучение коллективной памяти открыло широкие возможности для анализа процессов формирования идентичности и строительства наций. Однако, определение методологического аппарата в рамках мемори стадиз вызывает некоторые сложности. Предпринята попытка проанализировать существующие в академической литературе теоретические подходы к нарративной природе коллективной памяти и выявить потенциал нарративного анализа как метода исследования памяти.

The studying of collective memory has opened up wide opportunities to analyze the processes of identity formation and nation building. However, defining the methodological apparatus of Memory Studies poses certain difficulties. In the given paper, an attempt was made to analyze the theoretical approaches to the

narrative nature of collective memory existing in academic literature and to reveal the potential of narrative analysis as a collective memory research method.

Ключевые слова: коллективная память, нарратив, нарративный анализ, мемори стадиз

Keywords: collective memory, narrative, narrative analysis, Memory Studies

Коллективная память как нарратив

Зародившаяся в XX веке дисциплина мемори стадиз позволила рассматривать вопросы формирования идентичности групп, репрезентации и определения значения прошлого в настоящем, выстраивания ценностных ориентации наций с помощью использования концепта “коллективной памяти”. Однако, исследования памяти представлялись проблематичными с эмпирической точки зрения. Ряд исследователей предлагали различные подходы для изучения материальных и нематериальных проявлений коллективной памяти, а также ее восприятия социальными группами, но в рамках этих подходов память рассматривалась как статичная и зафиксированная в определенный момент времени и не могла быть охвачена в ее целостности. Дж. Олик стал одним из первых исследователей, предложивших понимать коллективную память как развивающийся во времени процесс. Взгляд на память как на процесс, существующий в рамках культурного контекста и обладающий темпоральными характеристиками, привел к развитию идей о нарративной природе коллективной памяти. Подобные идеи развивали П. Рикер, Дж. Верч, Дж. Брунер, Ки Ванг и Кинфанг Сонг, Г. Розенвальд, Р. Охберг. Автором предпринята попытка рассмотреть теоретические обоснования нарративной составляющей коллективной памяти и предложить нарративный анализ в качестве метода исследования памяти, который позволит учитывать ее временной и процессуальный характер, а также существующие в ее рамках социальные взаимодействия.

Нарратив представляет собой “организацию одновременных событий и происшествий в хронологическом последовательном порядке, который придает значение и объясняет каждый из его элементов и, в то же время, конструируется с их помощью” [6, с. 1102]. Исторические события преобразуются в форму повествования и наделяются контекстом и смыслом через использование описания окружающей обстановки, характеристики героев и включение сюжета. В рамках нарратива значение события формируется и объясняется за счет его порядка и места в истории [7].

Коллективная память тесно связана с концептом идентичности. Чувство идентичности основывается на осознании субъекта себя как продолжающегося во времени [1]. Достичь подобного ощущения можно с помощью нарративных

структур коллективной памяти. П. Рикер говорил, что память представляет собой нарратив. События прошлого в процессе коммеморации объединяются в серии, из которых выстраивается повествование. Именно в рамках данных серий события приобретают свое значения и могут быть интерпретированы. Однако, повествование может быть структурировано различными способами, вследствие чего на основании одного и того же фактического материала можно выстроить различный нарратив идентичности.

В процессе выстраивания нарратива коллективной памяти “рассказчик” первой выбирает временную перспективу. При формировании своей идентичности группа отбирает более или менее удаленные исторические события, чтобы отразить желаемую глубину погружения в прошлое. В зависимости от временной отдаленности выбранного прошлого сообщество получает возможность трансформировать “образ предков”.

Вторым этапом после отбора временной перспективы становится выбор линии преемственности, что позволяет презентовать идею неразрывности исторического континуума. М. Хальбвакс говорил, что коллективная память должна быть сформирована таким образом, чтобы в каждый момент истории участники социальной группы узнавали то или иное прошлое как “свое” [См.: 1]. Подобное узнавание становится возможным при поддержании неизменной связи с материальными носителями памяти, ключевыми событиями и личностями истории, которая подлежит регулярному восстановлению. Однако, в моменты трансформации общественного устройства и установления новых ценностных ориентаций возможен разрыв с прошлым.

Дж. Верч выделял “конкретные нарративы” и “схематические шаблоны нарративов” [11]. Разница между ними заключается в том, что конкретные нарративы уделяют внимание деталям повествования, организуются вокруг конкретных дат, акторов и совершенных действий. Схематические шаблоны нарративов представляют собой более обобщенный конструкт, который может использоваться в качестве шаблона для формирования конкретных нарративов со сходным сюжетом. Они существуют на абстрактном уровне и используются для отражения универсальной истины о группе, формирования ее идентичности. Данные, противоречащие созданной схеме, упрощаются и исчезают по прошествии времени [8].

Абстрактный уровень существования схематических шаблонов нарратива позволяет им выстраивать “глубокую память” (термин Дж. Верча). Коллективная память, выстроенная нарративно, является глубокой, так как формирующие ее нарративные приемы оказываются за пределами сознательной рефлексии. Кроме того, глубину и укорененность коллективной памяти

объясняет эмоциональный резонанс нарративных шаблонов и их фундаментальная связь с идентичностью общности.

Дж. Брунер поддерживает идеи о нарративной природе коллективной памяти, указывая, что мы структурируем опыт и воспоминания о прошлом в форме повествования, создавая мифы, оправдания действия или бездействия, рассказывая истории [5]. “В отличие от конструкций, сформированных с помощью логики и научных процедур, которые могут быть отсеяны посредством фальсификации, нарративные конструкции могут только достигнуть уровня правдоподобия. Таким образом, они представляют собой версию реальности, принятие которой регулируется обычаем и потребностью в существовании нарратива, а не эмпирическим подтверждением или логическим объяснением” [2, с. 74].

О роли контекста при запоминании и формировании смыслов писали исследователи Ки Ванг и Кинфанг Сонг. Смыслы существуют в рамках культурного контекста, который отвечает за обработку информации [10]. Авторы указывают, что коллективная память может формироваться не только посредством языковых форм, но и закрепляться с помощью изображений, архитектурных построек, телесных ритуалов и других материальных и нематериальных носителей. Однако именно лингвистический нарратив, в котором заключена память, обеспечивает ее транспоколенческую сохранность и транслируемость. Он указывает одновременно и на временность какого-либо исторического прошлого (его факт происшествия в определенный момент в прошлом), и на его постоянство (языковую закодированность в устойчивую систему значений). Выстраивание нарратива при формировании коллективной памяти отвечает за ее сохранность и доступность, включает ее в культурную реальность.

Г. Розенвальд и Р. Охберг внесли вклад в дискуссию о нарративности коллективной памяти, указав, что рассказ историй не только позволяет рассказчику сформировать образ прошлого, но и сам выбор историй вносит вклад в формирование образа рассказчика [9]. Набор нарративов формирует идентичность сообщества, но и уже существующий образ группы определяет отбор событий, о которых пойдет речь. Повествуя о прошлом группы, рассказчик – транслятор коллективной памяти делает вывод, как правило, нравственного содержания. Нарративные структуры коллективной памяти, репрезентирующие события прошлого, позволяют группе представить себя в роли жертвы или победителя, придать оправдания своим поступкам в ситуациях поражения или агрессии, выстроить ценностные направления для будущего развития общества.

Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти

Описанный рядом исследователей характер коллективной памяти требует использования методов анализа, способных учитывать ее темпоральность и процессуальность. Оптимальным методом может стать нарративный анализ, который позволяет рассмотреть историческую реальность как ряд историй, в рамках которых взаимодействуют комплексные акторы и структуры. С помощью данного метода появилась возможность рассматривать память как лингвистический, социальный и культурный феномен, оценивать социальные практики и влияющий на них социокультурный и исторический контекст.

Р. Тернер указал, что объектами нарративного анализа могут стать “мифы, символы, социальные идеи, репрезентируемые персонажами, подчеркивая при этом важность связи последних с конкретной социальной проблематикой” [3, с. 123]. Используя нарративный анализ, исследователи открывают возможность проанализировать социальные отношения, выраженные в лингвистических практиках. Х. Алкер поддерживает идею о том, что нарративный анализ служит эффективным методом исследования событий прошлого, выраженных в форме нарратива и принимающих форму типических сюжетов, мифов, историй, сказок [4]. С помощью нарративного анализа представляется возможным изучить смысловые структуры коллективной памяти, проанализировать роли, приписываемые участникам событий, символические образцы взаимодействия в обществе и процесс формирования идентичности группы.

Список литературы

1. См.: Васильев А. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Кочеляева Н. (ред.) Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. М.: Совпадение, 2015. С. 29–58.
2. Нечаева А. Конструирование коллективной памяти на примере украинских просветительских онлайн-проектов: дис. СПб., 2019.
3. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. №2. 1992. С. 121–133.
4. Alker H. Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols // Alker H.R. Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 486 p.
5. Bruner J. The Narrative Construction of Reality // Critical Inquiry, 1991. С. 2–21.
6. Griffin L. Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // The American Journal of Sociology, вып. 98(5), 1993. С. 1094–1133.

7. King N. *Memory, Narrative, Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 208 p.
8. Novick P. *That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 648 p.
9. Rosenwald G., Ochberg R. *Storied Lives: The Cultural Politics of Selfunderstanding*. Cambridge: Yale University Press, 1992. 336 p.
10. Wang Q., Song Q., Kim Koh J. Culture, Memory, and Narrative Self-Making // *Imagination, Cognition and Personality*, вып. 37(2), 2017. С. 199–223.
11. Wertsch J. Collective Memory and Narrative Templates // *Social Research*, вып. 75(1), 2008. С. 133–156.

**СЕГРЕГАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ***
SEGREGATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET URBAN SPACE

О.В. Нотман
*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*
O.V. Notman
Ural Federal University, Ekaterinburg

Обсуждаются вопросы трансформации социопространственной структуры современных российских городов. Раскрываются особенности и динамика сегрегационных процессов, обусловленных сочетанием советского эгалитарного наследия и рыночных механизмов развития городского пространства. Выделяются факторы, препятствующие и способствующие нарастанию сегрегации.

The paper discusses the transformation of the socio-spatial structure of modern Russian cities. The author reveals the features and dynamics of segregation processes caused by the combination of the Soviet egalitarian heritage and market mechanisms of urban development. Factors that hinder and contribute to the growth of segregation are highlighted.

Ключевые слова: городское пространство, сегрегация, районы, жители
Keywords: urban space, segregation, areas, residents

Уникальность морфологии современных российских городов определяется сочетанием наследия советской эпохи и новых тенденций социально-экономического развития. Идеология советского планирования и градостроительных проектов была направлена на унификацию жизненных

* Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ РФ (НШ-2722.2020.6).

условий и смешение социальных слоев. Явно выделенных зон, секторов с социально однородным «наполнением» в советских городах не было [1, с. 27]. Социопространственная структура советских городов (в отличие от зарубежных, в которых действовал рынок жилья и район проживания являлся показателем статуса резидентов) не определялась четким соответствием жилищного и социального статусов. Исследователи советских городов отмечали, что «при неоднородности застройки в разных районах и наличии по соседству жилищ разной престижности, социальная сегрегация по районам была недостаточно выраженной» [2, с. 128].

Пространственная близость различных социальных групп, явившаяся результатом эгалитарной жилищной и социальной политики, минимизировала сегрегационные процессы в городском пространстве. Отсутствие рынка жилья как такового и получение квартир от государства приводило к тому, что в одном микрорайоне, доме, подъезде соседствовали представители разных социальных слоев, люди разного уровня образования и дохода. В силу объективной инерционности городских пространственных структур, смешанное проживание в многоэтажных домах сохранилось и в постсоветский период. Проживание значительной части населения в жилье, полученном в советские годы, в определенной степени замедляет выраженность сегрегационных процессов.

Достаточно низкий потенциал жилищной мобильности российского населения внутри города (смена одного района на другой) также препятствует нарастанию сегрегации. Связь социальной позиции и места жительства в постсоветском городском пространстве оказывается не столь линейной. Увеличение доходов и повышение статуса не всегда влекут за собой смену менее престижного на более престижный район. Возможности большей части российского населения в плане покупки жилья, соответствующего занимаемой социальной, профессиональной позиции, весьма невысокие. Этот эффект экономисты называют эффектом «пузыря» на рынке недвижимости, и, как ни парадоксально, именно этим эффектом объясняют отсутствие явно выраженной социальной сегрегации в современных российских мегаполисах [3, с. 24]. Финансовая недоступность нового жилья замедляет массовый отток среднего класса из панельных многоэтажек в районы более качественного жилья. Вместе с тем, старение жилищного фонда, снижение престижа советских индустриальных районов и их «ветшание», а также стремление наиболее состоятельных групп к пространственному отгораживанию в перспективе будут способствовать увеличению выраженности сегрегационных процессов в городском пространстве.

Социальная сегрегация, в отличие от не столь выраженной этнической (мало напоминающей концентрированные модели расселения мигрантов в европейских и американских городах), постепенно приобретает в пространстве постсоветских городов видимые физические границы. Локализация качественного дорого жилья и концентрация высокодоходных групп в определенных районах российских мегаполисов (прежде всего, это кварталы новых жилищных комплексов, коттеджные поселки и таунхаусы в черте города) – один из наиболее ярких примеров зарождения точечной сегрегации, обусловленной имущественным расслоением населения и новой рыночной логикой городского развития. Строительство элитных жилых комплексов с символическими и реальными физическими границами доступа приводит к формированию своеобразных престижных микрорайонов, резко контрастирующих с качеством и благоустроенностью городской среды периферийных районов.

С 2000-х годов структура городского пространства в современной России, еще в некоторых аспектах сохраняя эгалитарные черты прошлого, начинает видоизменяться под влиянием рыночных механизмов регулирования стоимости жилья, девелопмента городских территорий и их коммерческой капитализации, а также процессов самоорганизации населения. Механизмы структурирования городского пространства определяются идеологией неолиберального урбанизма, в рамках которой рыночные интересы городских экономических элит (в том числе коалиции городской власти и бизнеса [4]) зачастую доминируют над публичными интересами горожан в развитии городских территорий. Неолиберальная идеология ставит во главу угла принцип эффективности и монетизации любых ресурсов, поэтому неолиберальные города превращаются в города для бизнеса/предпринимателей, а не для жителей [5, с. 78].

Бизнес-подходы к городскому развитию, основанные на идее города как машины экономического роста, воплощаются в стратегиях бустеризма (быстрого развития любой ценой) и проектах реструктуризации (джентрификации) «малоэффективных» городских территорий. Результаты реализации этих стратегий, инициируемых и продвигаемых союзами сити-менеджеров, предпринимателей, владельцев недвижимости, не всегда оказываются общественным благом – выгодой для всех горожан. Безудержный рост негативно влияет на качество городской среды обитания, портит эстетический облик местности, уничтожает открытые пространства, способствует увеличению социальных неравенств в городе. Реконструкция, в особенности центральных районов, зачастую становится фактором, провоцирующим социальную напряженность и конфликты между различными группами горожан, отстаивающими свое право на город. Активно

продвигаемый средствами маркетинга витринный образ города «для бизнеса» с его отелями, представительствами глобальных компаний резко контрастирует с монотонными спальными районами, в которых «доживает» свой век советское обустройство и часть из которых оказывается в статусе депрессивных, «отлученных» от «сверкающих» фасадов нового городского пространства [6, с. 3–4].

Агрессивное коммерческое «освоение» внутригородских территорий, формирование рынка жилья и нарастание разницы в стоимости городской земли (и располагающейся на ней недвижимости) в различных частях города способствуют формированию новых пространственных неравенств, связанных с ограничениями в доступе к городским благам и инфраструктуре, усиливающейся дифференциацией качества городской среды, транспортной депривацией ряда районов. Процессы городского расползания и нерешенность транспортной проблемы в крупных городах-мегаполисах приводят к изолированности определенных городских районов, жители которых оказываются «оторванными» от социальной инфраструктуры и благ городской жизни.

Рост сегрегации в различных ее проявлениях неизбежно сопровождается снижением общегородского качества жизни, поэтому требует разработки специальных мер социальной политики, направленных на повышение инклюзивности и доступности городской среды, развитие многофункциональных общественных пространств, обеспечение транспортной связанности/проницаемости городских территорий.

Список литературы

1. Павлюк С. Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США) // Региональные исследования. 2015. № 3 (48). С. 26–36.

2. Герасимов К., Чуйкина С. Символические границы и «потребление» городского пространства // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. Вагин В. В. Сер. «Научные доклады». Вып. 116. 2000. С. 127–153.

3. Михайлова Т. Завод в центре: искривление советской географии // Стимулы, парадоксы, провалы. Город глазами экономистов (сборник). «Strelka Press», 2016. 219 с.

4. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241–256.

5. Смирнов Н. Зомби-манифест неолиберального урбанизма // Разногласия. Журнал общественной и художественной критики. 2016. № 9. С. 69–86.

6. Вендина И.О., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17.

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
КОНКУРЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**
**SOCIAL ASPECTS OF MANAGING THE DEVELOPMENT
OF COMPETITION AT THE REGIONAL LEVEL**

В.В. Окшин

*Управление Федеральной антимонопольной службы
по Оренбургской области, г. Оренбург*

Н.Н. Патокина

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.V. Okshin

Orenburg Office of Federal Antimonopoly Service of Russia, Orenburg

N.N. Patokina

Lobachevsky University

Поднимаются вопросы совершенствования управления развитием конкуренции в РФ, встраивания в соответствующие управленческие механизмы социального компонента, призванного обеспечить фокусировку реализуемых регулятивных процессов на достижении удовлетворенности потребителя. Предлагается возможный подход к решению данной задачи.

Questions are being raised about the improvement of the management of the development of competition in the Russian Federation, incorporating a social component into the relevant management mechanisms to ensure that the regulatory processes implemented are focused on achieving consumer satisfaction. A possible approach to solving this problem is proposed.

Ключевые слова: управление развитием конкуренции, общественные советы местного уровня, приоритетные товарные рынки

Keywords: competition management, public councils at the local level, priority product markets

Управление развитием конкуренции в продолжение почти десятилетия закономерно оказывается в центре решений и механизмов, направленных на развитие социально-экономических преобразований в РФ. Профильные нормативно-правовые и законодательные акты принимаются с начала текущего

десятилетия, в то время как практические федерального и регионального уровня решения в этой сфере относятся и к более ранним периодам.

Накапливаемый опыт и практики определенно свидетельствуют о возрастающей роли населения, его восприятия и позиции в отношении планируемых и фактически происходящих перемен. Состояние региональных товарных рынков оказывается во все более тесной зависимости от социально-экономической ситуации, а социально-психологический климат региона оказывает значительное влияние на восприятие потребителем конкурентной среды и состояния отдельных рынков так же, как и на его отношение к актуальной повестке федерального уровня [1]. Закономерно, что национальный нормативно-правовой акт высшего уровня – Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618, помещает удовлетворенность потребителя в центр целеполагания национальной проконкурентной политики [2].

Новейшими изменениями в законодательстве об общественном контроле определено создание Общественных советов при федеральных органах исполнительной власти РФ, а Национальным планом развития конкуренции, утвержденным Указом Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618, преобразование в общественные советы общественно-консультативных советов, действовавших при ФАС РФ и ее территориальных органах. Общественным советам при этом отводится роль интеграторов в вопросах общественного участия в процессах развития конкуренции, в наибольшей степени затрагивающих собственно потребительские интересы, – обеспечение справедливого регулирования, достижение ожидаемого выбора товаров и услуг и желаемого соотношения их цены и качества. В связи с этим возникает задача конструирования общественных советов как элемента управленческого и одновременно социального механизма развития конкуренции.

Саморегулируемые организации в соответствии с профильным законодательством на некоммерческой основе выполняют регулирующие, прогосударственные функции, чем определяется специфика их опыта, ценного для участия в механизме общественного контроля.

В свою очередь, НКО на основе накопленного опыта взаимодействия с социумом и понимания интересов и проблем различных социальных групп могут выступить в роли медиаторов и драйверов воплощения восприятия выявленных типов потребителей, действуя в составе общественных советов в роли их квалифицированных представителей. Вхождение НКО в общественные советы в этой новой для них роли создаёт возможность синергии новой миссии с уже существующим опытом и компетенциями, все более сфокусированного и эффективного продвижения потребительских интересов в сфере профильного администрирования, встраивания пропотребительских и проконкурентных

решений в регулирование конкуренции. Осознанное включение НКО в общественные советы в увязке с их компетенциями способно стать важным шагом на пути признания НКО в качестве институциональных участников реализации прав граждан и организаций в пространстве конкурентных отношений, хотя и не гарантирующим автоматического установления баланса между действиями государственных органов по достижению целей развития конкуренции и представлениями социума об их адекватности и результативности.

Не менее важной представляется возможность публичной дискуссии на полях общественных советов по вопросам фокусировки мер по поддержке и развитию конкуренции в увязке с ожиданиями конкретных социумов и локальных сообществ. Развивающаяся на постоянной основе при поддержке и участии профильных регулятивных органов такая дискуссия способна придать необходимую конкретность задачам, подлежащим решению, согласно дорожным картам развития конкуренции регионального и местного уровня [3].

Закономерным шагом в направлении включения общественного контроля в механизмы развития конкуренции на внутрорегиональных и локальных товарных рынках может стать создание системы профилируемых в данном направлении общественных советов местного уровня при должностном лице, осуществляющем полномочия исполнительного органа местного самоуправления. С ее формированием новый контур социального действия и взаимодействия обретет завершенность, что одновременно способно стать новым важным этапом формирования гражданского общества в РФ.

Поиск оптимального соотношения традиционного регулирования и общественного участия в управлении развитием конкуренции приводит к необходимости определения подходов к выбору товарных рынков, которые первоочередно должны находиться в фокусе общественного контроля. Положения Указа Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 направлены на социально значимые и приоритетные товарные рынки. Ввиду отсутствия определения таковых в законодательстве и разнонаправленности практик территорий остаётся нерешенным вопрос о соответствующих критериях. Вместе с тем, находит подтверждение своей состоятельности практика отнесения к приоритетным и социально значимым тех товарных рынков, в отношении которых поступает наибольшее количество обращений граждан, бизнес-организаций в территориальные органы (включая Общественные советы) ФАС РФ, Роспотребнадзора; ГЖИ; органы Прокуратуры; общественные приемные (Президента РФ, высшего должностного лица субъектов РФ); средства массовой информации.

Представляется, что положения о включении в состав общественных советов регионального и местного уровня выразителей интересов участников приоритетных и социально значимых региональных и локальных товарных рынков, местных элит и групп влияния с представительством и полномочиями, достаточными для их содержательного и результативного участия в разработке, планировании и реализации действий по повышению удовлетворенности потребителей в части, касающейся соответствующего муниципального образования, должны найти отражение в нормативно-правовом акте федерального уровня.

Важным является и вопрос обеспечения объективности и непредвзятости позиции носителей и выразителей интересов потребителей, отстаиваемых ими в общественных советах, преодоления соответствующих рисков, связанных с недостатком навыков публичной дискуссии, профильных знаний и компетенций, в их числе цифровых, возможным компрадорством и субъективными факторами, инерцией традиционных управленческих подходов и практик в данной сфере. Одним из ответов на него может стать действующая при участии профессиональных образовательных организаций и экспертно-аналитических структур система обучения с административной проекцией в форме тематических разделов дорожных карт развития конкуренции на региональном и местном уровне, разработка которых предусмотрена актами Правительства РФ, Стандартом развития конкуренции в РФ на региональном уровне, Национальным планом развития конкуренции. Наряду с формированием предложений в раздел дорожных карт развития конкуренции субъекта Российской Федерации по повышению удовлетворенности так же, как и последующему развитию фактически реализуемых мероприятий по мере достижения и анализа промежуточных результатов, важное место в дорожных картах должны занять положения, направленные на сохранение статуса и роли общественных советов как полноправных и полноценных (в том числе в профессиональном отношении) участников поиска и реализации решений по развитию конкуренции, поддержанию постоянной конструктивной общественной дискуссии в публичном, в том числе, сетевом пространстве, сомодераторам которой выступал бы профильный регулятивный орган субъекта РФ (местного самоуправления).

Список литературы

1. Теодорович М.Л., Окшин В.В. Социально ориентированная конкурентная политика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 4 (48). С. 98-108.

2. «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»: Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618. «Собрание законодательства РФ». 25.12.2017. N52. (Часть I). Ст. 8111. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285796/ (Дата обращения: 28.11.2019).

3. Патокина Н.Н. Общественное участие как элемент социального механизма управления развитием конкуренции // Социологический альманах. Вып. 12. «Социально-экономические процессы в условиях реализации национальных целей развития России»: Орел: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС. 2020. С. 101-104.

**П.А. СОРОКИН И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В РОССИИ**
**P.A. SOROKIN AND MODERN SOCIO-CULTURAL PROCESSES
IN RUSSIA**

М.М. Серафимов
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
M.M. Serafimov
Lobachevsky University

Автор обращает внимание на многолетнее доминирование в социологических учениях парадигмы противостояния «позитивизма» и «марксизма» и на своего рода завещание выдающегося ученого И. Валерстайна, который в работе «После либерализма» убедительно и аргументированно высказал мысль, что это противостояние является условным. Валерстайн считает, что последние двести лет человеческой истории господствовал либерализм в трех ипостасях: *консерватизм, либерализм и социализм*. А после распада государств социалистического лагеря, прежде всего СССР, следует крах либеральной модели мироустройства и наступают «темные времена».

Автор предлагает более глубоко и внимательно рассмотреть модель развития общества, предложенную выдающимся русско-американским ученым П.А. Сорокиным в его главном труде «Социальная и культурная динамика». Основываясь на культурно-цивилизационном подходе к человеческой истории и сменяемости эпох: чувственной, идеациональной и идеалистической, он сделал вывод, что наступает закат чувственного периода, в котором произойдут катастрофические социокультурные изменения. Написанная еще в 30-е гг. прошлого века и дополненная в 50-е гг., работа удивительно современна и отражает эти происходящие изменения.

The author draws attention to the long-standing dominance of the "positivism" and "Marxism" confrontation paradigms in sociological teachings and to a kind of will of the outstanding scientist I. Valerstain, who in his work "After Liberalism" convincingly and argumentatively expressed the idea that this confrontation is

conditional. Valersteyn believes that the last two hundred years of human history were dominated by liberalism in three hypostases: conservatism, liberalism and socialism. And the collapse of the socialist camp states, first of all the USSR, is followed by the collapse of the liberal model of the world order and "dark times" come.

The author suggests to consider more deeply and attentively the model of society development proposed by the outstanding Russian-American scientist P.A. Sorokin in his main work "Social and cultural dynamics". Based on the cultural and civilizational approach to human history and the changeability of epochs: sensual, idealistic and idealistic, he concluded that the sunset of the sensual period is coming, in which catastrophic socio-cultural changes will occur. Written back in the 30s of the last century and supplemented in the 50s, the work is surprisingly modern and reflects these ongoing changes.

Ключевые слова: позитивизм, марксизм, консерватизм, либерализм, социализм, социокультурные процессы

Keywords: positivism, marxism, conservatism, liberalism, socialism, socio-cultural processes

Как известно, ядром диалектики является закон о единстве и борьбе противоположностей. В свое время В.И. Ленин высказал мысль, что «новейшая философия так же партийная как две тысячи лет тому назад» [1]. Он предположил, что это борьба между материализмом и идеализмом. Это утверждение вполне применимо и к другим социально-общественным наукам. Однако, как бы ни были гениально одарены К. Маркс и В.И. Ленин, они все-таки не боги. Мир оказался сложнее и многомернее дихотомии «материализм – идеализм». Кстати говоря, В.И. Ленину принадлежат слова «что лучше иметь дело с умным идеалистом, чем с грубым и невежественным материалистом» [2].

В социологии, как более молодой науке, чем философия, на протяжении ее истории основным водоразделом и борьбой противоположностей являлось противостояние между «позитивизмом» [3] и «марксизмом» [4]. Однако, это борьба была в определенной мере искусственна, как борьба двух сторон одной медали – либерализма. Эту мысль убедительно и аргументированно обосновал И. Валерстайн в одной из последних своих работ «После либерализма» [5]. Нам эта точка зрения представляется интересной и заслуживает глубокого анализа. И вот почему.

У этих двух течений общие родовые корни в политической сфере – это Великая Французская революция с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство!»

В экономической сфере – это материалистическая политэкономия, где производственно-экономические отношения являются базовыми в обществе.

И, наконец, оба направления придерживаются идеи линейного прогрессивного развития общества, с определенной разницей. «Позитивисты» и их продолжатели видят прогресс в совершенствовании капиталистических отношений эволюционным путем. Но, как показала историческая практика, все это в конечном счете неизбежно приведет к «социал-дарвинизму». Концепция «золотого миллиарда» вполне подтверждает это.

Революционный, более ускоренный прогресс предполагает гуманное развитие либеральных идей в духе «социал-утопизма». Подтверждением и образцом этого может служить история СССР и других социалистических стран. Но, оказывается рай на земле построить невозможно. Что-то не сработало и реставрация капитализма произошла с помощью «передового рабочего класса».

Подтверждением этих мыслей мы находим даже в статье В.И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма».

Таким образом, если по И. Валерстайну мы примем, что 200 лет доминирования либерализма в мире (капиталистического и социалистического) пришли к краху, хаосу и неопределенности о чем он предупреждал. «Таким образом, мы подошли к нашей эпохе, которую я мыслю как предстоящий нам «темный период», который, можно сказать, символически начался в 1989 г. (продолжение 1968-го) и продлится по меньшей мере от 25 до 50 лет».

«Следующие 25-50 лет будут отличаться не столько функционированием мирового рынка, сколько деятельностью мировых политических и культурных структур. Главное, что государства будут постоянно терять свою легитимность, и потому для них окажется трудно обеспечивать как минимальную внутреннюю безопасность, так и безопасность в межгосударственных отношениях. На геокультурной сцене не будет господствующего общепринятого дискурса, и даже формы культурной дискуссии сами будут предметом дискуссии.» [5; с. 245].

Объективности ради отметим, что И. Валерстайн в своей работе употреблял не дихотомию «позитивизм-марксизм», а триаду «типов отношений в период 1815-1848 гг.: *консерватизм, либерализм и социализм*».

Эти термины отражают политическую структуру, по его мнению, 200-летнего либерализма. Нам представляется более интересным социологическая триада: *позитивизм, марксизм и культурно-цивилизационный подход* к общественному развитию.

Как известно, культурно-цивилизационный подход в социологии первым предложил русский ученый Н.Я. Данилевский.[6] После него это направление в

социологии продолжили К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби. Однако, узость и данного направления социологии была очевидна П.А. Сорокину.

Выдающийся ученый, исследователь, переболевший различными «измами», еще в 30-годы написал 4-х томный труд «Социальная и культурная динамика» [7], который переиздал в однотомном варианте уже в 1957 г. с учетом пережитых исторических событий. Судя по предисловию автора, он считал этот труд, наряду с работой «Моя философия – интегрализм», важнейшим итоговым вкладом в развитие социологической науки.

Почему-то во всех словарях, учебниках, энциклопедиях и других научных изданиях сказано о нем примерно так: «Питирим Сорокин – русско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности».

Даже его всемирно известные ученики: Мертон Р., Парсонс Т. нигде не комментируют и не вспоминают его главную работу жизни – «Социальная и культурная динамика». Более того, эти два классика структурного функционализма, занимая ведущее место в социологической науке в США, подвергли его острой критике и забвению, потому что П.А. Сорокин пытался преодолеть узость структурного функционализма и расширить границы социологии, включив в нее анализ культурных суперсистем и позитивных девиаций.

Что же касается наших советских, а теперь российских социологов, то и у них он не нашел понимания, потому что это противоречило классическому марксизму с его революционно-эволюционным прогрессом общественно-экономических формаций, и предлагался циклический «неклассический» подход в социологии.

Не изменился подход к идеям и исследованиям П.А. Сорокина и в наше время. Приведу один пример.

Наш современный уважаемый академик А.И. Кравченко в учебнике «История социологии» целую 5 главу (32 стр.) посвятил учению П.А. Сорокина, пишет о многих его работах и в конце вскользь упоминает его основную работу в таком вот контексте: «В этой связи характерен подход П.А. Сорокина к анализу войны, основы которого были заложены еще в российский период его деятельности и окончательно сформулированы в конце 30-х гг. в его «Социальной и культурной динамике» [8].

А в более свежем учебнике того же автора в списке из 15 работ П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика» вообще не упоминается [9], как будто этой работы не было.

Мне кажется такое отношение к научному наследию П.А. Сорокина непозволительно в наше время. Во-первых, его подход к всемирной истории,

утверждающий, что 500-летний чувственный период человеческой цивилизации достиг апогея и его падение ставит перед человечеством катастрофические вызовы. Во-вторых, его описание в 50-е гг. кризиса мироустройства из 13 положений подтверждаются с удивительной точностью сегодня. Я просто зачитаю некоторые из них.

9. Чувственная суперсистема нашей культуры будет все больше напоминать «место культурного демпинга», наполненное беспорядочной массой элементов, лишенных единства и индивидуальности. Превратившись в такой базар, она окажется жертвой случайных сил, делающих из нее скорее «исторический объект», нежели самоуправляемый и живой субъект.

10. Продолжится увядание творческого потенциала культуры. Место Галилея и Ньютона, Лейбница и Дарвина, Канта и Гегеля, Баха и Бетховена, Шекспира и Данте, Рафаэля и Рембрандта займут посредственные псевдомыслители, ремесленники от науки, от музыки, от художественной литературы, шоумейкеры – один вульгарнее другого, а нравственный категорический императив окажется вытесненным гедонистическими соображениями эгоистической целесообразности, предубеждением, обманом и принуждением. На смену великому христианству придет множество самых отвратительных небылиц, состряпанных из фрагментов науки, обрывков философии, настоенных на примитивной мешанине магических верований и невежественных суеверий. Конструктивные технологические изобретения будут постепенно заменяться деструктивными. Более подробно:

а) количественная гигантомания вытеснит качественную утонченность; «самое большое вместо самого лучшего»; бестселлер вместо классики; блестящая внешность вместо внутреннего содержания; методика вместо гениального озарения; подражание вместо творчества; сенсационный успех вместо обстоятельной оценки; «операциональное управление» вместо просвещенного знания;

в) мышление заменится «поиском информации»; вместо мудрецов будут «шустрые Алексы»; вместо подлинных критериев – фальшивки; вместо великих лидеров – мошенники;

с) даже величайшие культурные ценности прошлого подвергнутся унижению. Бетховены и Бахи станут привесками к велеречивому пустозвонству, рекламирующему слабительные средства, жвачки, кукурузные хлопья, пиво и прочие сплошные удовольствия. Микеланджело и Рембрандты будут украшать мыло и лезвия для бритвы, стиральные машины и бутылки изпод виски. Репортеры и болтуны на радио время от времени удостоят чести Шекспира и Гёте, позволив им «оставить след» в своих бумажках и разговорах.

Обратите внимание, что это пророчество написано до господства телевидения и тем более интернета и информационных технологий. Так может быть, стоит вернуться к более глубокому изучению наследия П.А. Сорокина и его идеи трех стадий развития человеческой цивилизации?

Список литературы

1. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Политиздат, 1969. 392 с.
2. Ленин В.И. Философские тетради. М.: Политиздат, 1969. 752 с.
3. Конт О. Общий обзор позитивизма. Перевод с французского И.А. Шапиро. Под ред. Э.Л. Радлова. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 296 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1969. 73 с.
5. Валерстайн И. После либерализма. Изд. 2-е, М.; УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 264 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., Изд-во «Книга», 1991. 574 с.
7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
8. Кравченко А.И. История социологии: учеб. М.: ТК Вельби, Изд-во Проспект, 2006. 408 с.
9. Кравченко А.И. Социология: учебник. М.: Проспект, 2012. 544 с.

НА ПОРОГЕ – «КОМФОРТНАЯ» ТОТАЛИТАРНОСТЬ ON THE CUSP OF "COMFORTABLE" TOTALITARITY

А.Н. Фатенков

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.N. Fatenkov

Lobachevsky University

Вводится понятие «комфортной» тоталитарности. Оно, по версии автора, схватывает и выражает суть массового общества при гегемонии в нём цифровых технологий, аутентично воспроизводящих структурную матрицу капитализма.

The concept of "comfortable" totalitariness is being introduced. According to the author, it captures and conveys the essence of mass society along with hegemony of digital technologies which authentically replicate the structural template of capitalism.

Ключевые слова: тоталитаризм, тоталитарность, «комфортная» тоталитарность, цифровые технологии, капитализм

Keywords: totalitarianism, totalitariness, "comfortable" totalitariness, digital technologies, capitalism

От *тоталитаризма*, известного и обстоятельно описанного социально-политического феномена, имеет смысл отличать *тоталитарность* – как его сущность и совершенную форму (ценностно-негативное и ценностно-сомнительное дрейфует к своим полюсам совершенства). Тоталитаризм стремится к полному контролю над людьми, но, не достигая этой вожделенной полноты, прибегает для поддержания власти властвующих к репрессиям и террору по отношению к активной оппозиции и пассивно несогласным. Тоталитарность, располагая техническими возможностями для сплошного контроля, может обойтись уже без обильных кровопусканий. Тоталитаризм, заявивший о себе в XX веке, содержал ещё заметные следы авторитаризма и сложился именно в странах с укоренённой авторитарной традицией, в континентально-европейском социально-культурном ландшафте. Тоталитарность – конструкт либерального Запада и той части Востока, где инновационные технологии плотно легли на традиции деспотии. С авторитарным правителем, с его портретными и статуарными изображениями, встречаешься на каждом углу. На деспота никто не смеет поднять глаза. Он есть – и его нет. Его смерть, случись она, ни на секунду ничего не изменит в социальном плане. Уход авторитарного лидера – всегда встряска для общества. Либерализм – с его культом закона как оборотной стороны неверия в человека – антагонистичен авторитаризму и протагонистичен деспотизму. Тоталитарность – это деспотия, оснащённая *IT*-технологиями и адаптированная к формату массового общества.

Так поименованное общество складывается тогда, когда трагический период восстания, подъёма масс, нашедший выражение, в частности, в формировании и крушении тоталитаризма XX века, сменяется инфантильно-парадоксальным периодом их возвышенного падения. Массовый человек поверхностно, суетливо активен – и глубинно ленив. Это оптимальный клиент для расползающейся по миру тоталитарности. Авторитаризм, а рудиментарно и тоталитаризм, ещё нуждаются в содержательно активной поддержке каких-то социальных слоёв и групп. Тоталитарность – нет. Она выстраивается на презентационной, показной активности, прикрывающей сущностную бессодержательность и пассивность персон и ассамбляжей.

Человек массового общества вымуштрован незатейливой стандартизацией. Он ленится и боится мыслить. Почему? Опасается не найти доказательств, на систему которых можно переложить ответственность за

пришедшую в голову идею. Считает, и напрасно, что каждая мысль нуждается в сопроводительной аргументации, зачастую к тому же отождествляя аргументированность с трафаретностью социальной риторики. Лениность ума – это страх перед мнимой неизбежностью доказательности и перед подлинной трудностью в различении того, что не требует доказательств в силу своей собственной состоятельности, а что – по причине своей неустрашимой никчемности.

Мысль, страсть, поступок – всё, взывающее к личной ответственности, вызывает дискомфорт, потерю того, на что человек массового общества готов променять остатки свободы и самостоятельности. Чаемый комфорт сулят нынешнему обывателю адепты цифровой матрицы. И это ловушка, в которую он охотно лезет. IT-технологии не только потакают банальной лени и вычурности проектами «умных домов», «дизайнерских детей» и рекламой «сверхвозможностей», якобы даруемых чипизацией. Конструируемая ими виртуальная среда, позволяющая многократно переигрывать произведённые в ней операции, приучает к безответственности и поощряет её. Сплошная оцифровка пространства человеческой жизнедеятельности должна завершиться выходом к точке сингулярности – к моменту и состоянию полной неразличимости реального и виртуального, человеческого и бесчеловечного, достойного и недостойного.

На исходе пандемического лета новостной строкой прошло сообщение о том, что Илон Маск представил публике чипированную свинью. И... оптимизма как-то прибавилось: до пресловутой точки сингулярности, стало быть, ещё далеко. Вот если бы чипированная свинья представила Илона Маска...

Впрочем, ситуация продолжает оставаться погранично-тревожной. Человек, становясь придатком «умных» гаджетов, обрекает себя на цифровое слабоумие – психопатологию, распространение которой отмечают сегодня специалисты соответствующего профиля и «консервативно» мыслящие философы [1]. В социальном плане цифровизация человеческой жизнедеятельности ведёт к экспоненциальному росту отчуждения, маскируемого паллиативной виртуальной коммуникацией. IT-вспоможение – отнюдь не дар и уж точно не безвозмездный. Стратегически – это неисчерпаемый источник сверхприбыли страховых компаний, которые ждут не дождутся, «когда миллионы трансчеловеческих держателей страховых полисов будут наслаждаться неограниченной продолжительностью жизни...» [2, с. 259]. Финансовая корысть превалирует над содержанием инноваций и в тактическом измерении, уже сейчас. Так, от введения видеоарбитража в регламент спортивных состязаний выигрывают прежде всего букмекерские конторы,

участникам же и зрителям соревнований грозит постепенная атрофия непосредственности эмоциональных переживаний, что явно способствует подгонке психики под параметры искусственного интеллекта.

Если вдуматься, цифровой инструментарий служит не столько экономии времени (для содержательного труда и творчества), сколько бессодержательной экономии его экономии. Иными словами, работает в угоду посредническим операциям, собственно и репрезентирующим структуру капиталистических отношений. Скорость исчисления и скорость оборота капитала подстёгивают друг друга. Цифровое общество – это рафинированный капитализм, инновационный антураж которого прикрывает и изошрённые, и кондовые формы эксплуатации.

Внедрение функциональной матрицы ИТ-технологий в сферу общественной жизни ведёт к стиранию границ между реальным и виртуальным, что, вместе с нарастающей тенденцией к неразличимости правила и исключения, чрезвычайного положения и нормы, структурно воспроизводит лагерную систему, как показывает Джордж Агамбен [3]. К этой идее итальянского интеллектуала стоит отнестись серьёзно несмотря на двусмысленность его социальной позиции (на словах критикуя либерально-технократической строй, на деле он демпфирует его критику) и невзирая на обнаруживаемую на страницах «*Nomo sacer*» теоретически и практически сомнительную редукцию человека к так называемой «голой жизни» [4].

Новые технологии индуцируют общественный недуг, который Зигмунт Бауман и Леонидас Донскис квалифицируют как «*бархатный*» *тоталитаризм*: речь идёт о «подконтрольной форме манипулирования сознанием и воображением, которую выдают за либеральную демократию, благодаря чему удаётся поработить и контролировать даже критиков» [5, с. 25]. Авторы любопытной книги-диалога с удивлением и сожалением пишут о неспособности либерализма противостоять тоталитарным угрозам. Но чему удивляться? Либеральная деспотия закона, деперсонифицирующая социальную среду, есть одна из вариаций деспотизма. И декларируемые либерализмом права многочисленных меньшинств есть лишь неизбежная уступка и ширма для сохранения в неприкосновенности недеклалируемых прав господствующего слоя, который, прагматично жертвуя отдельными своими единицами, преспокойно мигрирует своим ядром из одной властной институции в другую. Инновационные инструменты, безусловно, ему в помощь. Для имитации бурной деятельности во благо общества, для фабрикация успехов и подтасовки нужных результатов... наконец, для банального слежения за согражданами.

Кори Пайн, уже цитировавшийся исследователь подноготной ИТ-корпораций, резюмирует: «Заработок становится всё теснее связан с игрой по

правилам техиндустрии, из чего следует неизбежная торговля собой. Ни для кого не секрет, что электронные прислужники Кремниевой долины следуют за нами всюду прямо в кармане. <...> Нас клеймят и отслеживают как телят и коров, лишённых какой-либо значимости, и тыкают тысячами срочных, но бессмысленных приказов, возникающих из ниоткуда» [2, с. 293]. Узнаваемая картина, не правда ли, и не только из свидетельств о «тамошних нравах».

Цифровое общество – это капитализм, функционирующий в режиме «комфортной» тоталитарности. Когда востребован не индивид, а марионетка, мнящая себя сверхиндивидом, в чём лукаво содействуют ему новые технологии. Когда качество жизни редуцируется к её удобствам. И когда их купля-продажа, а не открытое принуждение и насилие, позволяют достичь полного контроля над людьми.

Сможет ли наша страна выбраться из затягивающейся инновационной тоталитарной петли? У России как *alter ego* нелиберальной Европы [6] – шансы есть. У России капиталистической – шансов нет.

Список литературы

1. Фатенков А.Н. С цифровыми технологиями – в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 217–219.
2. Пайн К. Живи, вкалывай, сдохни. Репортаж с темной стороны Кремниевой долины / пер. с англ. К. Казбек, И. Мельникова. – М.: Индивидуум, 2019. – 304 с.
3. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. М. Велижева и др.; науч. ред. Д. Новиков. – М.: Европа, 2011. – 256 с.
4. Фатенков А.Н. Редукция человека к «голой жизни». Антропология Дж. Агамбена // Человек. – 2015. – № 1. – С. 133–148.
5. Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив / пер. с англ. А.И. Самариной; науч. ред. М.А. Симакова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. – 296 с.
6. Фатенков А.Н. Наследие революции: Россия как *alter ego* нелиберальной Европы // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV международного симпозиума. Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 53–55.

**О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)
THE SOCIAL STATUS OF HUMANITARIAN INTELLECTUALS
(EXPERIENCE OF REGIONAL RESEARCH)**

М.В. Федосеева

Научный центр социально-экономического мониторинга, г. Саранск

M.V. Fedoseeva

Scientific Centre for Social and Economic Monitoring, Saransk

Предпринята попытка анализа социального статуса гуманитарной интеллигенции в регионе. Предлагается к рассмотрению ряд подходов к определению категории «интеллигенция». На основе эмпирических данных делается вывод о поступательной трансформации статуса гуманитарной интеллигенции, размывании её идентичности в новых социальных реалиях.

An attempt is made to analyze the social status of the humanitarian intelligentsia in the region. A number of approaches to defining the category of "intelligentsia" are proposed for consideration. Based on empirical data, a conclusion is made about the progressive transformation of the status of the humanitarian intelligentsia, the erosion of its identity in the new social realities.

Ключевые слова: гуманитарная интеллигенция, социальный статус, идентичность, статусная рассогласованность

Keywords: humanitarian intelligentsia, social status, identity, status mismatch

Гуманитарная интеллигенция исторически выступает ресурсом воспроизводства культурных образцов, паттернов поведения, национального самосознания, а также просветительства в самом широком смысле этого слова. Однако под воздействием перманентных социально-экономических и культурных изменений в российском обществе происходит трансформация её статусно-ролевых конструкторов и идентификационных характеристик.

Исследовательский фокус обращен к вопросам конструирования некоторых статусных характеристик гуманитарной интеллигенции в региональном социуме.

В современной науке не сложилась единая концепция интеллигенции (в том числе гуманитарной), её функций и места в российском обществе. Исторически слой интеллигенции был не однороден по своей структуре, мировоззренческим установкам, дифференцирован на группы, различные по уровню дохода, быта, взглядов, уровню притязаний и возможностям самовыражения [1].

Интересным представляется подход к определению категории «интеллигенция», предложенный Р.В. Ивановым-Разумником. Автор полагал,

что «интеллигенция есть этически–анти-мещанская, социологически внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности» [2]. Данное определение значительно сужает «количественные» параметры слоя интеллигенции (когда образование становится достаточным фильтром для вхождения в группу), повышая при этом её «качественную» составляющую.

Мы разделяем мнение ряда современных авторов, согласно которому подход к определению интеллигенции как профессиональной группы, занимающейся умственным трудом, в настоящее время уже не актуален. Это связано с распространением больших социальных групп, выражающих себя, прежде всего, в культурных и моральных устремлениях, бытовой морали, этике, характере межличностных коммуникаций. Это роль носителя образцов и норм «нематериальных» видов деятельности [3].

Эмпирическую базу составляют данные социологического исследования, проведенного ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» (при участии автора) в июле – августе 2019 г. Объектом исследования выступили представители региональной гуманитарной интеллигенции. Критерием отбора стали профессиональная принадлежность к сфере науки, образования, культуры, искусства и управления. Выборка целевая, опрошено 154 человека в возрасте 18 лет и старше, из них 26,6% мужчин и 73,4% женщин. Большинство опрошенных имеют высшее образование (59,1%) или ученую степень (34,4%), среднее профессиональное (специальное) образование – 6,5% респондентов.

Следует упомянуть, что под социальным статусом мы понимаем относительно устойчивую позицию индивида в социальной структуре, обществе или социальной группе. Социальный статус гуманитарной интеллигенции детерминируется *объективными* (уровень образования, материальное положение) и *субъективными* (социальный капитал семьи, образ жизни, престиж профессии, личностный потенциал, включенность в социальное управление) факторами.

Объективные факторы. Значимым компонентом статусного набора индивида, наряду с образованием, выступает уровень дохода. Самооценка финансового положения гуманитарной интеллигенции в регионе свидетельствует о поступательном снижении её экономического статуса. Так, доля экспертов, уровень дохода которых находится «выше среднего», составила 17,8%. Чуть более половины опрошенных обладают достаточными финансовыми возможностями лишь для приобретения необходимых продуктов

питания и одежды (56,6%). У черты бедности оказались чуть более 20,0% представителей слоя интеллигенции, что является одной из причин обесценивания статуса «интеллигента».

По субъективным оценкам респондентов финансовое положение более половины из них за последний год осталось без изменений (50,3%), позитивную динамику отметили 13,1%. Более трети опрошенных указали на снижение уровня дохода за последний год, часто связанное с сокращением нагрузки, потерей работы одного из членов семьи, несоизмеримым увеличению заработной платы ростом цен на продукты питания и услуги. Наблюдается феномен статусной рассогласованности региональной интеллигенции: при высокой самооценке социальной роли в обществе её социально-экономическое положение демонстрирует снижающийся тренд.

Субъективные факторы. Важно отметить, что значительная часть региональной гуманитарной интеллигенции занята в бюджетной сфере (культура, образование, искусство и т.д.), которая в большинстве случаев не только не обеспечивает высокого дохода, а, напротив, характеризуется процессами нисходящей мобильности занятых. При этом ценностной доминантой для большинства представителей гуманитарной интеллигенции остается профессиональная деятельность.

Субъективные оценки удовлетворенности сферой труда имеют позитивный характер: полностью удовлетворены выбранной профессией и содержанием работы более половины опрошенных (52,6%). В той или иной степени удовлетворены трудом 35,7%. Доля негативных оценок составила 10,4%.

Материальный фактор выступает основной причиной неудовлетворенности трудом и одним из важнейших мотивов поменять работу. Низкий уровень заработной платы отметили 77,8% опрошенных, а доля респондентов, готовых к поиску более высокооплачиваемой работы, составила 59,7%. Пятая часть респондентов указала на «низкий престиж профессии» и «отсутствие востребованности своего труда» (19,4% и 18,1% соответственно).

Важным компонентом социального статуса выступает не только удовлетворенность характером и содержанием труда, но и позитивное восприятие себя как профессионала в той или иной области. По данным опроса, абсолютное большинство экспертов считают себя успешными в профессии (87,0%). Несмотря на позитивное восприятие гуманитарной интеллигенцией своей профессиональной деятельности (удовлетворенность характером, содержанием и условиями труда), можно констатировать высокую долю вероятности «выхода» из профессии в поисках более высокого заработка. Именно интерес к профессии, возможность реализации творческого потенциала

в рамках выбранной сферы деятельности и субъективное ощущение успешности нивелирует вероятность «выхода» из неё. Справедливо отметить, что на региональном рынке труда для «гуманитария» возможности для горизонтальной мобильности весьма ограничены.

Таким образом, наблюдается противоречие между объективной потребностью российского социума в воспроизводстве морально-нравственного потенциала страны, сохранении её культурного кода, с одной стороны, и низкой востребованностью творческого потенциала интеллигенции, «размыванием» её идентичности – с другой.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы. Во-первых, региональная интеллигенция переживает сегодня сложный период, характеризующийся внутригрупповой дифференциацией как в экономическом, так и в социальном отношении. Невысокие социальные возможности, ограниченность доступа к высокодоходным и престижным сферам занятости очерчивает социальную грань, за пределами которой интеллигенция утрачивает свою социальную специфику. В-третьих, консолидирующим фактором для группы выступает потребность хотя бы в частичном сохранении её целостности. И, наконец, происходит сужение рамок идентификационного пространства интеллигенции, что во многом обусловлено её «размыванием» в других социальных общностях и «маргинализацией» статуса.

Список литературы

1. Шиняева О.В., Ключева Т.В., Займалин Е.П. Интеллигенция в российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (23). С. 54-59.
2. Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? URL.: http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0500.shtml/ (Дата обращения: 1.10.2020).
3. Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 52-61.
4. Тощенко Ж.Т. Российская гуманитарная интеллигенция: противоречия жизненного мира // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 3. С. 8-15.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ:
ВЗГЛЯД СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ АРКТИКИ
SOCIAL PROBLEMS IN THE RUSSIAN ARCTIC:
THE VIEW OF ARCTIC UNIVERSITY STUDENTS**

Д.Н. Филиппова
*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия)*
D.N. Filippova
*North-Eastern Federal University in Yakutsk,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia)*

Анализируются социальные проблемы Российской Арктики по итогам исследования «Арктика в ценностях студентов университетов Арктики», проведенного в 2017-2019 гг. Студенты в анкете отмечают локальные проблемы арктических территорий: низкую транспортную доступность, отсутствие дорог, отсутствие рабочих мест, проблемы экологии и др.

Social problems of the Russian Arctic based on the results of the study «The Arctic in the values of students of Arctic universities» conducted in 2017-2019 are analyzed. Students in the questionnaire note local problems of the Arctic territories: low transport accessibility, lack of roads, lack of jobs, environmental problems, etc.

Ключевые слова: социальные проблемы, Арктика, студенты университетов Арктики, взгляд молодежи, арктические территории, АЗ РФ

Keywords: social problems, the Arctic, students of the Arctic universities, the view of young people, the Arctic territories, the AZ of the Russian Federation

Анализ взгляда студентов на социальные проблемы в Арктике основывается на результатах анкетного опроса «Арктика в ценностях студентов университетов Арктики», проведенного в 2017-2019 гг. с участием автора под руководством научного руководителя профессора У.А. Винокуровой. Совместно с научным руководителем Ульяной Алексеевной Винокуровой нами была составлена анкета на основе положений Арктической циркумполярной цивилизации [1] для исследования приверженности Арктике студентов университетов Арктики, определения роли Арктики в их системе ценностей. В анкетном опросе приняли участие 190 студентов Северо-Восточного федерального университета (город Якутск), 80 студентов Мурманского арктического государственного университета (город Мурманск) и 171 студент Северного (Арктического) федерального университета (город Архангельск).

Анкета была разделена на 4 блока, рассмотрим часть ответов блока «Настоящее и будущее Арктики». Изучим ответы на вопрос «Отметьте наиболее важные (3) меры по проблемам, которые необходимо решить в Арктике в ближайшие 10 лет». Студенты наиболее часто выбирали проблемы

«Повышение транспортной доступности: плохие автомобильные дороги, высокие цены на авиаперевозки, железной дороги» (31-52%), «Создание новых рабочих мест» (35-48%) и «Повышение стартового уровня заработной платы для обеспечения достойного уровня качества жизни в Арктике» (26-45%).

Ответы студентов различаются по вузам. Студентов СВФУ проблема «Энергетика и теплообеспечение» беспокоит больше всего – этот вариант выбрали 43% респондента. А природосбережение волнует практически половину студентов САФУ – 41% выделили этот вариант, треть (33%) студентов МАГУ того же мнения, 30% отметили проблему «Меры по адаптации к изменениям климата». Четверть студентов университетов Арктики (23-27%) выбрали «Строительство объектов социальной и культурно-досуговой инфраструктуры». Менее важным, судя по частоте выбора, студенты СВФУ (11%) считают «Регулирование международных отношений на территории Арктики», студенты САФУ и МАГУ чуть чаще выбирали эту меру (14-17%), однако доля их ответов от общего количества опрошенных в вузе была тоже невысокой.

Свои варианты указали студенты СВФУ: «проезд дорогой», «экономика». Один студент МАГУ указал «борьбу с коррупцией». Студенты САФУ отметили «обеспечение и создание эффективного производства и исследований», «духовность жителей», «обеспечение населения жильем», «строительство доступного жилья», «власть ничего не хочет делать и решать». Как мы видим, обучающаяся молодежь остро чувствует проблемы, которые сегодня существуют в арктических районах Якутии, Мурманской и Архангельской области. Их взгляды ориентированы на решение локальных проблем.

Какие же проблемы студенческая молодежь считает актуальными для современной молодежи Арктики? Здесь респонденты могли выбрать не более 3 вариантов ответов. Ответы студентов университетов Арктики здесь схожи, большинство выбрали «недостаточная продуманность и системность механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров для работы в Арктике» (57-65%). Половина студентов определили проблему безработицы для современной молодежи как одну из главных (43-55%). Далее частота выбранных ответов варьируется без особой разницы: «слабая профессиональная подготовка и слабость творческой энергии, духа предприимчивости» (35-46%), «преодоление поведенческих и ментальных барьеров пассивного отношения к социальным проблемам Арктики» (39-41%), «специфическая направленность рынка труда в арктических регионах» (31-40%), «отсутствие целенаправленной государственной политики в Арктике» (24-37%).

Свои варианты отметили студенты МАГУ: «нездоровый образ жизни, маленькая зарплата». Студенты СВФУ: «отсутствие досуговых центров в

улусах, вследствие чего молодежь спивается» и «барьеры для ведения бизнеса». Студенты САФУ: «слабое здравоохранение», «отсутствие доступного жилья», «безбожие», «качество жизни», «непонимание перспектив Арктики» и «нехватка рабочих мест по специальности».

Таким образом, мы видим, что локальные социальные проблемы арктических территорий волнуют студентов и влияют на их жизненные планы и ориентиры. Как показало исследование, большинство студентов по окончании университетов не готовы постоянно жить и работать в Арктике [2]. Отмеченные студентами проблемы приведены и в Указе Президента РФ от 26 октября 2020 г. N 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». К основным опасностям, вызовам и угрозам, формирующим риски для развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности, остаются в 2020 году снижение естественного прироста населения, миграционный отток и, как следствие, сокращение численности населения; отставание значений показателей, характеризующих качество жизни в Арктической зоне, от общероссийских или средних по субъектам Российской Федерации, в том числе в части, касающейся ожидаемой продолжительности жизни при рождении; смертности лиц трудоспособного возраста; младенческой смертности; доли автомобильных дорог общего пользования, отвечающих нормативным требованиям; доли аварийного жилищного фонда; объема ввода в эксплуатацию жилья; доли обеспечения жилищного фонда всеми видами благоустройства; низкий уровень доступности качественных социальных услуг и благоустроенного жилья в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях, в том числе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов; высокий уровень профессионального риска, обусловленный превышением нормативов условий труда; комплексным воздействием вредных и (или) опасных производственных факторов; неблагоприятными климатическими условиями; повышенный риск появления и развития профессиональных заболеваний; отсутствие системы государственной поддержки завоза в населенные пункты, расположенные в отдаленных местностях, топлива, продовольствия и других жизненно необходимых товаров, обеспечивающей возможность их реализации населению и хозяйствующим субъектам по доступным ценам; низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, в том числе предназначенной для функционирования малой авиации и осуществления круглогодичных авиаперевозок по доступным ценам, высокая стоимость создания объектов такой инфраструктуры; низкий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и недостаточность конкуренции в телекоммуникационной

сфере; высокая доля локальной генерации электроэнергии на основе использования экономически неэффективного и экологически небезопасного дизельного топлива [3].

Повышение качества жизни – важный момент для развития всей Арктической зоны РФ. Комфортные условия жизни и работы могут повысить человеческий потенциал территорий, данный вопрос требует своевременных решений общества, науки и власти.

Список литературы

1. Винокурова У.А, Филиппова Д.Н. «Жить Арктикой»: Анкета / М-во образования и науки Рос. Федерации, Сев.-Вост. федер. ун-т имени М.К. Аммосова, Финансово-экон. ин-т, каф. социологии и управления персоналом. Якутск, 2017. 10 с.

2. Филиппова Д.Н. Ценностное отношение к Арктике у студентов университетов Арктики. Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник. 2020. Том 3. №3. 274 с.

3. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. N 645 "О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года". URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1418757/#ixzz6cRxgtvoY> (Дата обращения: 30.10.2020).

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ КАК ОСНОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ EXISTENTIAL EXPERIENCES AS THE BASIS OF HUMAN EXISTENCE

Ю.Е. Францева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
Yu.E. Frantseva
Lobachevsky University

Современное общество характеризуется усилением социальной неопределенности, связанной с трансформацией ценностей и социальных норм, ростом социальной вариативности, нарастанием скорости социальных изменений. Изменение социальной реальности порождает неопределенность человеческого бытия, формирующее экзистенциальные переживания человека в отношении себя и мира. Экзистенциальные переживания, являющиеся условием формирования экзистенциального опыта, определяют механизм формирования экзистенциальной идентичности личности.

Modern society is characterized by increasing social uncertainty associated with the transformation of values and social norms, increasing social variability, and increasing the speed of social change. The change in social reality creates the uncertainty of human existence, which forms the existential experiences of a person in relation to himself and the world. Existential experiences, which are a condition for the formation of existential experience, determine the mechanism for the formation of an individual's existential personality.

Ключевые слова: экзистенциальные переживания, экзистенциальный опыт, экзистенциальная идентичность, личность

Keywords: existential experiences, existential experience, existential identity, personality

Мир человека в современных условиях характеризуется кардинальными социальными изменениями, усилением социальной неопределенности, связанной с трансформацией ценностей и социальных норм, ростом социальной вариативности, нарастанием скорости социальных изменений [1, 1]. Именно «вызов неопределенности» становится главной определяющей характеристикой современного мира, который отвечает за формирование переживаний существования человека [2, 2]. Неуверенность и обреченность стали вызовами ежедневной жизни. Согласно концепции Ж.-П. Сартра, человек постоянно находится в условиях экзистенциального выбора: преодолеть негатив, стать «подлинным», реализовать возможность осуществления своего «проекта», обрести яркую индивидуальность либо не найти самого себя, не взяв ответственности за собственное существование, погрузиться в «отчаяние» [3].

Многие философы отражали проблему переживания в своих трудах: Э. Гуссерль понимал сознание как переживание в отношении к жизненному миру, С. Кьеркегор полагал экзистенцию особой формой переживания, С.Л. Франкл считал переживания условием «жизненного знания» [4].

Ф.Е. Василюк рассматривает переживание человека как особую внутреннюю работу, внутреннюю деятельность, которая позволяет перенести те или иные жизненные события. В результате этой внутренней деятельности у человека формируется не только нечто субъективное внутреннее душевное (равновесие, осознанность, умиротворенность), но и объективно изменяется созданный человеком образ (знание) не по истинности содержания данного образа, а по смыслу отношения к нему [5].

И.А. Бескова описывает экзистенциальные переживания как «базовые чувства, эмоции, состояния, связанные с самыми основами существования человека в мире, или, как говорят, с его экзистенцией», которые могут быть как позитивно, так и негативно окрашенными. Позитивно окрашенные экзистенциальные переживания – это состояния растворенности в мире,

присутствия здесь и сейчас, ощущения необусловленной радости, любви, гармонии, целостности, единения с миром. Негативно окрашенные экзистенциальные переживания – это чувства вины, стыда, одиночества, страх покинутости (потерянности, ненужности), болезни, смерти. Чтобы не испытывать негативные состояния, человек прилагает значительные усилия для того, чтобы уклониться от встречи с такими переживаниями. Уходя от переживаний, человек использует разные формы побега от них: от невинных до экстремальных – от погружения с головой в работу, сериалы, виртуальные миры, до принятия алкоголя, наркотиков и экстрима в разных его формах [6].

Рассматривая переживания человека, Р. Мэй обращает внимание на то, что для экзистенциальной психологии «важны не отдельные психологические реакции, а скорее психологическое бытие человека существующего, который осуществляет свой опыт, то есть они используют психологическую терминологию в онтологическом смысле» [7].

Однако психологическое бытие в современном мире является усложненной задачей человека, т.к. существование человека, его жизнь в мире с ее вечными вопросами о смысле жизни, свободе и ответственности, о смерти и одиночестве, надежде и отчаянии – это те моменты, которые формируют ценностно-смысловые качества личности человека.

В результате проживания человеком экзистенциальных ситуаций и экзистенциальных переживаний формируется экзистенциальный опыт, он же и становится источником личностных изменений. По своей сути процесс взросления, а точнее процесс становления зрелой личности, это приобретение экзистенциального опыта переживания событий собственной жизни. Проведенное Н.В. Гришиной исследование анализа события социального характера студентов на протяжении всего процесса их обучения в вузе выявило, что на тенденцию личностного «взросления» влияла включенность экзистенциальных переживаний в событийный ряд собственной жизни [8].

Гришина Н.В. выделила универсальные характеристики экзистенциального опыта:

1) Отсутствие времени, продолжительности – разрушение привычных характеристик ощущения себя в пространстве и времени, ощущение своего слияния с миром, прямого контакта с ним.

2) Интенсивность – он помнится долгое время, часто спустя годы, а то и десятилетия. Вспоминая и рассказывая о нем даже спустя годы, человек заново переживает сильные чувства.

3) Уникальность – трудно с чем-нибудь сравнить и трудно выразить словами; чаще других упоминается ощущение прекрасного и чувство какого-то глубокого смысла происходящего [9, 2].

Экзистенциальный опыт как целостный процесс существования человека выступает в качестве фактора переосмысления и переоценки своей жизни. Очень часто негативный опыт в прошлом начинает оцениваться как важный и позитивный, преобразуя прошлую перспективу жизненного пространства человека и изменяя его личную историю. При этом нельзя недооценивать его фундаментальную роль в феноменологии жизненного мира человека, который формируется в процессе взросления личности, становления отношений человека с бытийными проблемами.

Основным аспектом человеческого бытия является трансцендентность экзистенциальной идентичности, выходящей к подлинному бытию, по мнению М.М. Бахтина, совершается как бы в «точке несовпадения человека с самим собой», «в точке выхода его за пределы всего, что он есть как внешнее бытие» [10, 51].

Экзистенциальная идентичность формируется на основе экзистенциального опыта человека, переживания экзистенциальных ситуаций и осуществления экзистенциальных выборов. Если формирование идентичности, по Э. Эриксону, связано с организацией жизненного опыта в индивидуальное Я, то становление экзистенциальной идентичности связано с организацией экзистенциального опыта. Т.Д. Марцинковская отмечает, что переживания могут рассматриваться как механизм формирования идентичности человека как целостной системы [1]. В соответствии с этим экзистенциальные переживания, являющиеся условием формирования экзистенциального опыта, определяют механизм формирования экзистенциальной идентичности.

Экзистенциальная идентичность является идентичностью зрелого человека и отвечает определенному уровню его развития. Личностная и социальная идентичности «вписаны» в программу развития человека и его жизнедеятельности в социальном мире.

Экзистенциальный опыт и экзистенциальная идентичность играют фундаментальную роль в процессе взросления человека как личности, способной интенционально оценивать свои отношения с миром, события, происходящие в его жизни. Эти отношения и формируют экзистенциальные переживания человека.

Список литературы

1. Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014. № 7 (36). URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 20.09.2020).

2. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. № 8 (40). URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 20.09.2020).
3. Ниязбаева Н.Н. Экзистенциально-психологический подход в образовании: проблемы и перспективы // Психологическая наука и образование. URL: http://psyjournals.ru/files/47079/psyedu_ru_2011_3_Niyazbaeva.pdf (Дата обращения: 20.09.2020).
4. Чередниченко И.П. Переживания в экзистенциальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2010. № 2. С. 188-194.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживаний: монография. М: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
6. Бескова И.А. Будь собой! (Значение и ценность экзистенциальных переживаний) // Ваша светлость. 2007. N 1 (4). С. 42-45.
7. Мэй Р. Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. 224 с.
8. Гришина Н.В., Погребницкая В.Е., Салитова М.В. Развитие и становление индивидуальности в период ранней взрослости: студенты-психологи // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. № 4. С. 277-288.
9. Гришина Н.В. Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 20.09.2020)
10. Куликова Т.В. Философия границы в контексте гуманитарного познания. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (3). С. 47-54.

**СОВРЕМЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ПАМЯТНИК В РОССИИ:
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
A MODERN MILITARY MONUMENT IN RUSSIA:
ARTISTIC TRADITION AND TRANSFORMATION**

П.Г. Черёмушкин
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI), г. Москва
P.G. Cheremushkin
Association of Researchers of Russian Society (ARRS-XXI), Moscow

Посвящено новейшим тенденциям в России при создании и реставрации памятников и военных мемориалов. Обсуждается, как учитывается сохранение художественных традиций, прежде всего советских, и как происходит их преобразование в новые формы, учитывающие современные вкусы и технологии, что наиболее наглядно проявилось при создании Ржевского мемориала. Обсуждаются так называемые ведомственные памятники героям Великой Отечественной войны. Представлен анализ изобразительного решения

памятника конструктору Ростиславу Алексееву в Нижнем Новгороде. Особое внимание уделено критическим оценкам новых военных памятников.

The report is devoted to the latest trends in Russia in the creation and restoration of monuments and war memorials, while discussing how the preservation of artistic traditions, primarily Soviet ones, is taken into account and how they are transformed into new forms that take into account modern tastes and technologies, which was most clearly manifested when creating of Rzhev memorial. The so-called departmental monuments to the heroes of the Great Patriotic War are being discussed. The analysis of the pictorial solution of the monument to the designer Rostislav Alekseev in Nizhny Novgorod is presented. Particular attention is paid to critical assessments of new military monuments.

Ключевые слова: памятники, монументальное искусство, память, герои, Великая Отечественная война, Жуков, Рокоссовский, Ржевский мемориал, Ростислав Алексеев, Нижний Новгород, скульптура, критика

Keywords: monuments, monumental art, memory, heroes, the Great Patriotic War, Zhukov, Rokossovsky, Rzhevsky memorial, Rostislav Alekseev, Nizhniy Novgorod, sculpture, criticism

В России к 75-летию Победы проводилась большая работа по увековечиванию памяти о Великой отечественной войне, связанная с монументальной скульптурой и её объектами. Самым крупным из них стал мемориал Советскому солдату во Ржеве на границе Московской и Тверской областей. Были отреставрированы ряд памятников, в частности, памятник маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову, который в какой-то момент таинственно исчез со своего места перед Историческим музеем в Москве, монумент «Родина-мать» работы скульптора Евгения Вучетича в Волгограде, мемориал героям-панфиловцам у разъезда Дубосеково. Мемориальный комплекс состоит из шести монументальных скульптур высотой 10 метров, олицетворяющих воинов шести национальностей, сражавшихся в рядах дивизии Панфилова.

Ржевский солдат

Под Москвой сооружен и открыт гигантский Ржевский мемориал, посвященный битве 1942 года, который производит сильнейшее впечатление не только своими размерами, но и новаторскими художественными приемами, использованными при его создании. В августе 2017 г. был объявлен международный конкурс на проект монумента. В оргкомитет по созданию Ржевского мемориала поступило 13 работ. На региональных сайтах началось народное голосование, в котором с большим отрывом лидировал проект № 777999 с девизом «Мы за родину пали, но она – спасена»; в нем уже фигурировал образ журавля как метафоры души погибшего солдата (этот

проект так и не был воплощен, хотя цитата из стихотворения Твардовского использована в построенном мемориале). Однако оргкомитет посчитал, что все проекты недостаточно соответствуют теме, в них необходимо «добавить души», и конкурс продлили до апреля. Авторы будущего проекта-победителя – 33-летний скульптор Андрей Коробцов и 29-летний архитектор Константин Фомин участвовали и в первом этапе конкурса, но, как сам признавал скульптор, их «первый вариант был слишком пафосным».

Сайт «Медуза» оценил стоимость Ржевского мемориала вместе с памятником, музейно-выставочным павильоном и панелями с именами павших в 650 миллионов рублей [1].

Высота памятника в 25 метров, по словам Коробцова, определялся на месте возведения, где архитектор поднимал макет на разную высоту, чтобы посмотреть, как это будет выглядеть. Ржевский мемориал в итоге оказался самым крупным монументом, возведенным в России после распада СССР, хотя задачи добиться этого, по утверждению Коробцова, не было.

Общественность восприняла памятник Ржевскому солдату в целом положительно. Отзывы, как правило, были восторженными, и к художественным качествам публика претензий не предъявляла. Некоторые наблюдатели сочли художественное решение Ржевского солдата крайне неудачным. *Историк, член Совета Вольного исторического общества Анатолий Голубовский высказал своё мнение о памятнике таким образом: «Внешность солдата – нордическая. И это кощунство. И художественное решение – абсолютно беспомощное. Автор не способен придумать пластическое решение и паразитирует на популярной литературной метафоре. При этом литературный образ – лирический, интимный. Гигантский истукан с автоматом ППШ (размер не помню), трансформирующийся в стаю огромных птиц, выглядит как надругательство над трагедией, разыгравшейся под Ржевом. Монумент для одних, молодых выглядит как аттракцион из современного фильма-фэнтези, он «прикольный», для других – зрелых и стариков вызывает настроение лирической грусти, а не чувство скорби и вины перед теми, кто попал в эту жуткую мясорубку» [2].*

Памятник Жукову у Исторического музея в Москве

Одним из первых мемориальных объектов, посвященных памяти о Великой отечественной войне, сооруженных после распада СССР в Москве, стал памятник маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову, выполненный скульптором Вячеславом Клыковым и открытый 8 мая 1995 г. Памятник неоднократно подвергался критике со стороны общественных организаций и скульпторов. Критики, главным образом, обращали внимание на несоблюдение скульптором пропорций в фигурах маршала и коня.

20 марта 2020 г. скульптура Клыкова была демонтирована для реставрации и временно заменена новой. 23 апреля 2020 г. оригинальный памятник был возвращён на место. 27 апреля реставрация памятника была полностью завершена. Считается, что конная статуя маршала Жукова выполнена в стиле социалистического реализма.

Памятник Рокоссовскому в Москве

6 мая 2015 г. в Москве был открыт памятник полководцу времен Великой Отечественной войны маршалу Константину Рокоссовскому. Конная статуя выполнена скульптором Александром Рукавишниковым и изображает военачальника на коне во время командования парадом Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. Рукавишников исполнил конную статую со свойственным ему мастерством и в присущем мастеру стиле.

Ведомственные памятники героям Великой Отечественной

За последние годы появился целый ряд новых памятников деятелям времен войны, которые не были на первом плане во времена оные. Самым знаменитым памятником, открытым в 2018 г., стала гигантская фигура конструктора автомата Михаила Калашникова, установленная в Оружейном сквере на пересечении Оружейного переулка и Долгоруковской улицы в Москве. Памятник должен прославлять русское оружие и имя конструктора автомата, известного во всем мире. Автор: Салават Щербаков.

Многие из новых монументов можно назвать ведомственными памятниками героям войны. В Москве 13 апреля 2013 г. открылся памятник руководителю военного ансамбля песни и пляски Александру Александрову – автору гимна России и песни «Священная война». Памятник установлен в Земледельческом переулке напротив здания ансамбля. (Скульптор Александр Таратынов). Статуя изображает человека, одетого в военную форму – подпоясанного ремнем гимнастерку, застывшего во взмахе дирижерской палочкой.

В октябре 2017 г. перед зданием пресс-бюро Службы внешней разведки (Остоженка, 51) был открыт памятник начальнику службы внешней разведки в годы Великой отечественной войны Павлу Фитину. Статуя изображает генерала, возглавлявшего советскую разведку с 1939 по 1946 гг., во весь рост в накинутой шинели и кирзовых сапогах. Лицо застыло в полуулыбке. За пределами прославления личности Фитина остался тот факт, что он участвовал в организации убийства Льва Троцкого и других сталинских преступлениях. Автор памятника Андрей Ковальчук в последнее время создал целую галерею статуй исторических деятелей.

Другим примером «ведомственного памятника» стала скульптурная композиция, установленная на территории штаб-квартиры СВР в Ясенево в

честь разведчиков-нелегалов. «В центре памятника – фигуры молодых людей, семейной пары, которая, пройдя специальную подготовку, получила первое в жизни оперативное задание. Перед ними арка, на вершине которой размещена эмблема СВР. На стороне арки, обращенной к молодой чете, отлиты в бронзе важнейшие страницы истории внешней разведки, начиная с 1920 г., а также портреты легендарных разведчиков: Павла Фитина, Николая Кузнецова, Дмитрия Медведева, Иосифа Григулевича, Кирилла Орловского, Алексея Ботяна, Кима Филби, Рудольфа Абеля, Конона Молодого, Джорджа Блейка, Юрия Дроздова. Автор памятника народный художник РФ Андрей Ковальчук.

Нижний Новгород: памятник конструктору судов на подводных крыльях Ростиславу Алексееву

В 2009 г. в Нижнем Новгороде в сквере на пересечении улицы Коминтерна и бульвара Юбилейный был торжественно открыт памятник Ростиславу Евгеньевичу Алексееву – конструктору судов на подводных крыльях, экранопланов и экранолетов.

Памятник Р.Е. Алексееву установлен именно в Сормовском районе Нижнего Новгорода, где на заводе «Красное Сормово» прошло его становление как выдающегося конструктора, как творческой личности. Авторы памятника – заслуженный художник Российской Федерации, скульптор Татьяна Холуева и архитектор Анастасия Хвиль.

На постаменте из серого гранита возвышается бронзовая скульптура Алексеева в минуты размышления: он идет, погруженный в себя, в правой руке держит блокнот с логарифмической линейкой. Фигура выполнена в динамике: кажется, еще шаг – и конструктор сойдет с постамента и стремительным шагом делового человека направится реализовать свои новые смелые проекты.

Интересна и символична форма постамента. Основание выполнено в форме носа корабля, а за спиной конструктора развеваются паруса - крылья. Алексей увлеклся парусным спортом, принимал участие в регатах. Памятник удачно вписался в городскую среду и стал центром целого мемориального комплекса. Мемориальный комплекс объединен идеей покорения пространства и времени. В век информационных технологий, высоких скоростей и стремительного развития техники эта идея остается актуальной и придает памятнику современное звучание.

Анатолий Голубовский о «монументальном мусоре»

31 июля 2020 г. в Москве на площади трёх вокзалов – Комсомольской открылся памятник железнодорожникам-участникам Великой Отечественной войны авторства Салавата Щербакова. Вот, что написал по этому поводу на фейсбуке журналист Анатолий Голубовский:

«Пока мы эмоционально дискутируем о том, как относиться к заморским разрушителям, отечественные созидатели зря времени и денег не теряют. Без шума, треска и при полном бездействии общественности, озабоченной судьбами памятников работарговым и колонизаторам, они продолжают загаживать (в оригинале ненормативный глагол – ред.) Москву. Мало кто обратил внимания на состоявшееся 31 июля открытие памятника железнодорожникам-участникам ВОВ работы... кого? Правильно – Салавата Щербакова. Москвич Маг пишет: “Над концепцией скульптору Салавату Щербакову помогали работать представители Совета ветеранов железнодорожного транспорта. Уместить в эту композицию попытались по максимуму: у основания на низком гранитном цоколе располагаются пять фигур (машинист, женщина-монтер пути, руководитель дороги, стрелочница и дорожный мастер), чуть выше – бронепоезд и паровоз, а сверху – еще и орден Победы”. Вглядитесь в лица этих странных персонажей в форме железнодорожников. Все они как на подбор – истинные арийцы. И даже не пытайтесь разобраться в этом нагромождении неизвестно чего. Стыдно, ей-богу. В очередной раз не уберегли московскую площадь. Вот где вандализм – не в Америке. Наши посконные вандалы не сокрушают, а ставят памятники. Так надежней. Точно не снесут в обозримой перспективе, потому что не принято. И разрушительный эффект сильнее...» По ссылке – фотография, на которой член Комиссии по монументальному искусству при Мосгордуме Салават Щербаков голосует за свой памятник.

Монумент Родине-матери в Волгограде

Следует отметить, что на протяжении длительного времени после сооружения монумент «Родина-мать», возведенный в 1967 г. с использованием труда военнослужащих, ветшал и находился в плачевном состоянии. В 2019 г. один из крупнейших в мире монументов был одет в леса, и началась его реставрация, которая потребовала крупных капиталовложений. В 2020 г. реставрация была завершена, и монумент открылся зрителям в обновленном виде.

Скульпторы Салават Щербаков и Андрей Ковальчук поставили рекорд по установке новых военных монументов, памятников героям Второй мировой и Великой Отечественной войны, долгое время остававшимися в тени, за пределами общественного внимания. При перечислении скульпторов, работающих на военную тему в России, следует упомянуть и Владимира Суровцева – автора памятников Рокоссовскому в Волгограде [3] и поэту Александру Трифоновичу Твардовскому в Москве.

В России возродилась старая советская традиция гигантомании в монументальной скульптуре, свидетельством чего стал Ржевский мемориал. К 75-летию Победы отреставрировали «Родину-мать» Евгения Вучетича и мемориал «Двадцати восьми героям-панфиловцам» у разъезда Дубосеково. В некоторых регионах стали устанавливаться памятники Сталину, да и общая тенденция к прославлению тирана усилилась. Иногда это принимало фантазмагорические формы, будто бы он сошел со страниц повести Владимира Войновича «Монументальная пропаганда» – отдельные почитатели Сталина устанавливали его статуи у себя во дворах. Примером возрождения сталинистских настроений в обществе стал демонтаж в Твери мемориальных досок польским офицерам, расстрелянным НКВД в 1940-м году [4].

К 75-летию Победы произошло восстановление старых и создание новых памятников героям Великой Отечественной войны. Более того, у этой тенденции проявилась другая сторона: многие произведения монументального искусства подверглись жесткой критике за избыточность, отсутствие вкуса при их создании, а также «конвейерность».

Необходимо расширять возможности для молодых российских скульпторов при получении заказов на крупные монументы, в том числе увековечивающие память о Второй мировой войне, проводить широкое общественное обсуждение проектируемых монументов, чтобы избежать недовольства и художественных неудач, монополизации на получение заказов скульпторами старшего поколения.

Список литературы

1. История мемориала Советскому солдату подо Ржевом, который словно парит над землей. За что его хвалят – и почему критикуют художественное решение? URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/06/istoriya-memoriala-sovetskomu-soldatu-podo-rzhevom-kotoryy-slovnoparit-nad-zemley-za-chto-ego-hvalyat-i-pochemu-kritikuyut-hudozhestvennoe-reshenie>.

2. Историк, член Совета вольного исторического общества Анатолий Голубовский предоставил эту оценку специально для автора настоящего текста.

3. Владимир Суровцев, скульптор: «Я изобразил Рокоссовского так, как он выглядел на Параде Победы». URL: <https://v1.ru/text/gorod/57063151/>.

4. В Твери демонтировали мемориальные доски в память о жертвах репрессий. URL: <https://tvernews.ru/news/258212/>.

**СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

ДОКЛАДЫ

**АКТУАЛЬНОСТЬ УЛУЧШЕНИЯ ОСАНКИ
УЧАЩИХСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ
THE RELEVANCE OF IMPROVING THE POSTURE
OF HIGH SCHOOL STUDENTS**

И. Абелькалнс, А. Голубева, А. Клемпере-Сипягина
Латвийский Университет, г. Рига, Латвия
I. Abelkalns, A. Golubeva, A. Klempere-Sipjagina
University of Latvia, Riga, Latvia

Посвящено роли осанки в структуре развития молодежи. В рамках исследования авторы изучают и анализируют источники и литературу по вопросам осанки, проводят практические занятия в классах средней школы. В ходе исследования спортивному учителю в сотрудничестве с физиотерапевтом рекомендуется разработать комплекс упражнений по улучшению осанки, влияющих на метаболическую, сердечно-сосудистую, иммунную систему, костную и мышечную системы, укрепляющих осанку учеников. Рекомендуется, чтобы комплекс упражнений выполнялся в течение 3-5 минут на каждом занятии по спорту, что соответствует законодательным нормам программы занятий «Спорт и здоровье».

The article is about the role of posture of young people`s development framework. Within the study, the authors study and analyse the sources and literature on posture issues, carry out a practical study in secondary school classes. In a course of the study, it is recommended that a sport teacher in cooperation with a physiotherapist develop a set of posture enhancing exercises that affect the metabolic, cardiovascular, immune system, bone and muscle system, strengthen the posture of pupils. It is recommended that the set of exercises must be carried out for 3-5minutes in each sport lesson, which is consistent with the legislative regulation of Sports and Health lesson programme.

Ключевые слова: осанка, спортивное занятие, здоровье, комплекс упражнений.

Keywords: posture, sport lesson, health, set of exercises

Сегодня, когда быстро развиваются технологии, экологическая инфраструктура и многие другие отрасли, люди могут делать гораздо больше, используя все меньше и меньше физической активности и энергии. Однако это

вызывает неподвижность, что, в свою очередь, приводит к проблемам со здоровьем – чаще всего к неинфекционным заболеваниям, увеличению веса и проблемам с осанкой [1]. Это относится к людям всех возрастов, но также становится важным для подростков и молодых людей, когда важно помнить о необходимости укрепить осанку и развить здоровый образ жизни на будущее. Изучение привычек учащихся в 2018 г. указывает, что 22,6% имеют боли в спине, что связано с проблемами опорно-двигательного аппарата [2]. Результаты исследования образа жизни детей и влияния избыточного веса на здоровье [3] тоже показывают, что все больше и больше детей раннего возраста имеют проблемы с ожирением, что, в свою очередь, влияет на правильную осанку и указывает, что проблема проявляется уже в дошкольных учреждениях.

Осанка – сложная, но относительно легкая в обучении система, которая является основой стабильного и здорового тела. Это можно усилить, выполнив программу, которая включает упражнения для решения соответствующих проблем с осанкой. Чтобы улучшить общее состояние здоровья населения, необходимо привлечь как можно больше молодых людей. Нет лучшего места, чем школа для выполнения такой задачи.

Чтобы физиологические изгибы позвоночника развивались должным образом, в детстве большое значение имеет деятельность по укреплению мышц и связок тела. И только сбалансированный, взаимно сбалансированный тонус мышц и связок сохраняет физиологические изгибы позвоночника в правильном положении [4]. Правильная осанка не возникает сама по себе, ее нужно развивать с раннего возраста и еще больше укреплять и поддерживать на более поздних стадиях жизни.

Термин «осанка» означает расположение тела в пространстве и отвечает за равновесие тела как при движении, так и при статическом стоянии. На осанку влияют: нейрофизиология, биомеханика и психоэмоциональное состояние [5].

Тело адаптируется к наиболее подходящему положению по отношению к окружающей среде и движущимся объектам как в статическом, так и в динамическом положениях. Основная функция осанки – поддерживать баланс как в статическом, так и в динамическом состоянии [5].

Дисциплина, которая изучает осанку, с научной и клинической точки зрения – это постурология. В последние годы термин «постурология» использовался в альтернативной медицине для описания взаимосвязи между различными положениями осанки и функциональными расстройствами, особенно хроническими заболеваниями, такими как головные боли, фибромиалгия, а также изменения психических и телесных функций [5]. Постурология важна для выявления анатомической и функциональной

взаимосвязи между конкретными позами и патологическими состояниями, которые иначе трудно диагностировать. Диагностический метод, который можно использовать для определения стабильности осанки и здоровья, называется стабилотриемией. Школьному учителю трудно использовать этот метод, поэтому необходимы другие способы оценки осанки.

Одна из возможностей – вместе с физиотерапевтом поработать над программой по укреплению осанки, соответствующей действующему стандарту по предмету «Спорт и здоровье».

Поскольку осенью 2020 г. в Латвийской Республике вступили в силу новые положения о национальных образовательных стандартах и учебных программах, необходимо проанализировать, как должен выглядеть урок «Спорт и здоровье».

Достиженные результаты разделены на конкретные тематические блоки, а именно:

- «Изучение разнообразных базовых движений дает возможность заниматься интересными, безопасными и полезными для здоровья физическими упражнениями и является основой для укрепления физического здоровья;

- Физическая активность является предпосылкой хорошего физического и психического здоровья;

- На безопасность и здоровье себя и других влияют как собственные продуманные решения, осознание потенциальных рисков и оценка своих действий, так и готовность адекватно реагировать в неожиданных и незнакомых ситуациях» [6].

Включение физических упражнений, которые укрепили бы осанку ребенка, не только возможно, но и необходимо.

С точки зрения обеспечения здорового образа жизни и физиологических процессов, занятия необходимы для нормализации формирования костной системы и систем организма, помогают бороться с лишним весом и малоподвижным образом жизни [7].

Образец программы основного курса общего среднего образования предусматривает, что количество учебных часов в неделю по предмету «Спорт и здоровье» составляет 3 часа в неделю. Это означает, что хотя бы 3 раза в неделю по инициативе учителя можно будет работать над укреплением здоровья учеников. [6; 8].

Рекомендации для успешного проведения такой работы включают:

- создание программы, которой могли бы следовать как люди без проблем с осанкой, так и люди со всевозможными проблемами осанки;

- выяснение, какие группы мышц необходимо развивать, чтобы укрепить осанку, а затем разработать соответствующие упражнения, которые

укрепят эти мышцы. Стабильная и правильная осанка основана на сильных мышцах спины, брюшного пресса, ягодиц и бедер;

- разработку методических указаний и дозировку упражнений. Упражнения будут эффективны, если будут выполнены технически правильно и в соответствующей дозировке. Неправильные упражнения могут привести к другим проблемам со спиной;

- определение критериев, по которым можно быстро и эффективно определить качество осанки, а также понять, есть ли проблемы с осанкой и если да, насколько серьезны. Есть два способа легко оценить осанку – наблюдать осанку во фронтальной и сагиттальной плоскостях. Глядя на туловище во фронтальной плоскости, можно заметить, ровные ли плечи. При взгляде на тело в сагиттальной плоскости следует обращать внимание на ухо, плечо, тазовую кость, колено и лодыжку. По качеству все эти ориентиры должны находиться практически на одной линии. Это очень простые, но эффективные методы. Но для более широкого определения качества осанки 2-х тестов позы недостаточно, поэтому важно выбрать дополнительные тесты, после которых можно определить качество осанки – кривизну поясницы и гибкость спины [9].

В ходе исследования в сотрудничестве с физиотерапевтом был создан комплекс упражнений, состоящий из 10 упражнений. Мышцы спины были выбраны для укрепления с помощью четырех различных упражнений. Для тренировки мышц брюшного пресса были выбраны различные упражнения: упражнение на укрепление корсета, упражнение на косые мышцы живота, два упражнения на укрепление боковых мышц живота и упражнение на укрепление прямых мышц. С помощью одного упражнения укрепили мышцы спины и бедра. Доза, используемая в комплексе упражнений, варьируется от 6-8 раз до 16-20 раз.

В ходе исследования авторы наблюдали три группы десятиклассников (N-66). Был разработан комплекс упражнений, и в течение двух месяцев на каждом занятии спортом по 5 минут проводились занятия с учениками. Двух месяцев недостаточно, чтобы сделать объективные выводы. Тем не менее, при повторных наблюдениях исследователи пришли к выводу, что: ученики больше следят за своей осанкой, пытаются выпрямить спину, не смотрят вниз, наблюдают за одноклассниками и напоминают им о правильной осанке.

Выводы.

- Учителю спорта в сотрудничестве с физиотерапевтом необходимо разработать набор упражнений, которые влияют на обмен веществ, иммунную систему, сердечно-сосудистую систему, опорно-двигательный аппарат, что должно улучшить осанку.

- Рекомендуется выполнять упражнения 3-5 минут на каждом занятии по спорту в соответствии со стандартом по предмету «Спорт и здоровье» Латвии.

- В результате выполнения упражнений по осанке учащиеся следят за положением своего тела, стараются выпрямить спину, не смотреть вниз, наблюдают за одноклассниками и напоминают им о правильной осанке, в результате чего можно ожидать, что молодые люди улучшат свое здоровье и осанку.

- В целях актуализации проблемы рекомендуется в вузах студентам, в рамках дипломных, бакалаврских и магистерских работ, изучать возможность укрепления осанки с дошкольного до среднего школьного возраста. В рамках студенческих научных конференций рекомендуется проводить анализ результатов исследований на основе педагогической практики.

Список литературы

1. National Center for Chronic Disease Prevention and Health Promotion (NCCDPHP). Lack of Physical Activity. URL: <https://www.cdc.gov/chronicdisease/resources/publications/factsheets/physical-activity.htm> (Дата обращения: 18.04.2020).

2. Slimību profilakses un kontroles centrs. (2020), Latvijas skolēnu veselības paradumu pētījums. URL: https://www.spkc.gov.lv/sites/spkc/files/data_content/latvijas-skolenu-veselibas-paradumu-petijums-05.10.2020_1.pdf (Дата обращения: 22.10.2020).

3. Sigmund, E., De Ste Croix, M., Miklánková, L., & Frömel, K. (2007). Physical activity patterns of kindergarten children in comparison to teenagers and young adults. *European Journal of Public Health*, 17(6), 646-651. URL: <https://academic.oup.com/eurpub/article/17/6/646/475065> (Дата обращения: 06.09.2020).

4. Mauriņa L, Tripāne T. (1999). Ieteicamās fiziskās aktivitātes bērniem ar dažādiem veselības traucējumiem. Rīga: Madris.

5. Cerini, F., Mazzola, M., Chiara F., Salvatore P., Massimo M., Provvidenza D., Giovanni T. (2017), Posture and posturology, anatomical and physiological profiles: overview and current state of art. (2017). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6166197/#ref9> (Дата обращения: 10.10.2020).

6. Saeima. 2019., Noteikumi par valsts vispārējās vidējās izglītības standartu un vispārējās vidējās izglītības programmu paraugiem. Latvijas Republikas likums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/309597#piel8> (Дата обращения: 06.10.2020).

7. Bula Biteniece I, Jansone R, Piech K. (2013.), Bērns un sports pirmsskolā. Rīga: RaKa.

8. Valsts izglītības satura centrs, (2020) Sports un veselība Pamatkursa programmas paraugs vispārējai vidējai izglītībai. | ESF projekts Nr.8.3.1.1/16/I/002 Kompetenču pieeja mācību saturā. URL: <https://mape.skola2030.lv/resources/528> (Дата обращения: 08.09.2020).

9. Physiopedia, (2020). Sports Screening: Postural Assessment. URL: https://www.physio-pedia.com/Sports_Screening:_Postural_Assessment (Дата обращения: 06.10.2020).

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК СРЕДСТВО ДУХОВНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА
HIGHER EDUCATION AS A MEANS OF SPIRITUAL REPRODUCTION**

Е.Ю. Бикметов
*Уфимский государственный
авиационный технический университет, г. Уфа*
E.Yu. Bikmetov
Ufa State Aviation Technical University, Ufa

На основе социологического исследования аргументировано, что систему высшего образования необходимо ориентировать не только на профессиональное, но и духовное воспроизводство посредством индивидуального развития личности, включающего в себя совершенствование ее духовного мира. Раскрывается роль образовательного процесса в формировании духовной культуры студенческой молодежи.

Based on sociological research it's argued that the higher education system should be oriented not only to professional, but also to spiritual reproduction through individual development of the individual, which includes the development of its spiritual world. The role of the educational process in the formation of the spiritual culture of students is revealed.

Ключевые слова: духовная культура, духовное воспроизводство, высшее образование, ценности, личностно ориентированный подход к обучению и воспитанию

Keywords: spiritual culture, spiritual reproduction, higher education, values, a person-oriented approach to learning and upbringing

Развитие социологии духовной жизни актуализирует поиски новых подходов к изучению образования как важнейшей подсистемы духовной жизни людей, формирования творческого начала личности, созидательной энергии самого человека. Дальнейшая плодотворная разработка в социологии проблемы личности, ее обучения и воспитания может вестись на междисциплинарной основе. Сегодня необходимо фокусирование внимания исследователей на возможном ядре, соединяющем социальные взаимодействия субъектов образования и социализации, а именно на личности, ее потребностях, ценностях. Ценности создаются людьми не только в плане производства материального и духовного, но, может быть, в большей степени в смысле приписывания им определенной меры ценностей. В свою очередь эти созданные людьми ценности, превращаясь в самооценку, начинают регулировать взаимодействия людей. Ценностные ориентации молодежи находятся в фокусе исследовательского интереса [1]. «Важно понимание ценностных ориентаций подрастающего поколения для формирования

программ молодежной политики, создания информационных материалов, помогающих молодежи ориентироваться в социальном пространстве» [2, с. 89]. Образование обеспечивает освоение и производство индивидом социального опыта, выступает как структурированная система объект-субъектных и субъект-субъектных отношений, в которой самообразование и воспитание превращают образование в индивидуально-личностную потребность [3, с. 145]. В системе общего образования закладываются траектории дальнейшей профессиональной деятельности человека, его духовно-культурного развития.

С целью изучения роли образовательного процесса в формировании духовной культуры молодежи в 2019 г. был проведен опрос студентов 1–2 курсов бакалавриата очной формы обучения по направлениям экономической и управленческой подготовки в техническом университете г. Уфы (N=200). Основными мотивами поступления в университет для большинства студентов выступают приобретение интересующей профессии и получение диплома. Особое значение представляют ответы, которые позволяют оценить отношение обучающихся к культурной и интеллектуально-знаниевой стороне образовательного процесса. Довольно большой процент респондентов (16.2%) осознают, что будущую профессиональную деятельность необходимо осуществлять на основе знаний, полученных в ходе образовательного процесса. Ответы «получить знания для дальнейшей научной и интеллектуальной деятельности» (6.8%) и «стремление к культурному совершенствованию» (6.4%), могут подразумевать возможность мотивации студента к продолжению обучения на следующем уровне высшего образования. Можно предположить, что решение родителей являлось определяющим для большего числа студентов, чем процент отметивших данный ответ (4.9%), в чем они не стали признаваться. И это не может не беспокоить, так как процесс обучения, возможно, для них будет не интересен, а выбранная профессия в последующем не будет доставлять удовлетворения. На вопрос, «Что является для Вас наибольшей ценностью высшего образования?» были получены следующие ответы: «диплом о высшем образовании» – 38.4%; «социальный статус в будущем (менеджера, экономиста, предпринимателя)» – 25.6%; «будущий карьерный рост» – 21.9%; «общее интеллектуальное развитие» – 7.4%; «знания для дальнейшей профессиональной деятельности» – 6.7%. Приоритетом для студентов являются материальные ценности (диплом) или ценности, способствующие получению материальных благ (социальный статус, карьерный рост). Они имеют гораздо большее значение, чем духовные ценности (интеллектуальное развитие, профессиональные знания). На вопрос, «Собираетесь ли Вы продолжить обучение в магистратуре после получения квалификации «бакалавра»?», были получены ответы: «нет, так как собираюсь

начать работать» – 39.3%; «нет, так как уже работаю и не будет хватать времени» – 16.6%; «нет, так как получу все необходимые знания» – 12.2%; «возможно, через какой-то промежуток времени» – 25.5%; «да, так как собираюсь заниматься научной деятельностью» – 6.4%. Лишь единицы собираются получить квалификацию магистра и заниматься в будущем научной и педагогической деятельностью в высшем учебном заведении. Возможно, на такое распределение ответов влияет существующее недопонимание студентами в первую очередь уровневой системы образования. Играет роль и то обстоятельство, что многие студенты (особенно, которые работают и учатся) воспринимают обучение как «необходимую обузу», стремясь затрачивать на него как можно меньше усилий. Получение диплома и квалификации «бакалавра» ими рассматривается как ступень для карьерного роста и повышения материального благосостояния, а не возможность для дальнейшего культурно-интеллектуального самосовершенствования. Существует и общее недоверие к существующей системе высшего образования. Большинство респондентов не верят в познавательную и развивающую стороны современного образования в вузе. Это отражает мнение российского общества о современной системе высшего образования, на репутацию которого существенно повлияли неоднозначные реформы и многочисленные нарушения. Считается (и небезосновательно), что «во главу угла» сейчас ставятся финансовые возможности и протекция, а не талантливость и инициативность будущих кадров. Однако на вопрос, «Повлияло ли обучение в вузе на Ваш культурный и интеллектуальный уровень?», большинство опрошенных (63.3%) дали ответ «Оказало существенное влияние в положительном плане», 14.5% считают, что «повлияло, но не существенно», 7.2% ответили, что «никак не повлияло», а 15% затруднились с ответом. Это показывает, что, несмотря на скептическое отношение к образовательному процессу, студенты ассоциируют высшее образование с духовным развитием личности и накоплением знаниевого потенциала. На вопрос: «Что, по Вашему мнению, подразумевает духовная культура личности?» наибольшее количество респондентов выбрали наиболее полный ответ: «сочетание нравственных принципов и качеств, интеллектуальных и творческих способностей личности». Многие ассоциируют духовную культуру с традиционным пониманием этого термина – степенью религиозности личности. Довольно большая часть студентов затрудняются идентифицировать понятие «духовная культура» или, скорее, не желают задумываться над этим. На вопрос: «Какое влияние оказывает образовательный процесс в высшем учебном заведении на формирование духовной культуры личности?» респонденты ответили: «серьезно воздействует, изменяя мировоззрение личности» (48.4%), «незначительно влияет» (21.3%), «не

влияет» (15.5%) и «затрудняюсь ответить» (14.8%). В распределении ответов большую роль играет степень заинтересованности студента процессом познания и развития своего культурно-интеллектуального потенциала. Количество отметивших последний ответ позволяет предположить, что многие студенты были не искренними при участии в опросе. Оказался невысоким процент ответов студентов (6.8%), полагающих, что гуманитарные дисциплины способствуют формированию профессионального потенциала. Пренебрежение гуманитарной составляющей сужает духовный кругозор личности и может привести в будущем к искаженному анализу различных управленческих, производственных ситуаций. На вопрос, «Влияет ли духовная культура на управленческую деятельность?», большинство студентов ответили: «влияет в незначительной степени» – 62.1%. Почти равное соотношение получили полярные ответы: «сильно влияет» (14.6%) и «не влияет» (17.2%). Затруднились ответить 6.1% опрашиваемых. Возможно, сыграло роль распространенное мнение об управленческой деятельности и бизнесе как о сфере, где моральные нормы и принципы являются препятствием для достижения успеха. Анализ данных в целом подтверждает выводы исследования, проведенного нами еще в 2003 г. На формирование интеллектуального потенциала и творческой активности студентов в образовательном процессе влияют в первую очередь их личностные качества, жизненные планы, ценности, заложенные семейным воспитанием и общим образованием, стереотипы массового сознания. Часто студенты избегают творческого поиска решения учебных задач, проявляют инертное отношение к учебному процессу, что проецируется на духовную культуру общества в целом.

Изложенное выше актуализирует изучение духовного производства и потребления в сфере образования, междисциплинарного обоснования применения социальных технологий в работе с молодежью, которые предполагают мировоззренческий переход – осмысление административным менеджментом картины жизни, которая учитывала бы такие переменные, как демографические показатели, социально-экономический статус, уровень культуры и образования, социально-духовное здоровье личности и ее самосознание [4]. Личностно ориентированный ценностный подход к обучению и воспитанию требует кооперации институтов образования с семьей, институтами власти, заинтересованными коммерческими и некоммерческими организациями в формировании ценностных ориентаций учащихся. Результаты последних исследований еще раз подтверждают, что семья выступает активным агентом образовательной и профессиональной социализации [5, с. 104]. Производство средств к жизни выступает лишь одним из условий включенности личности в систему общественных отношений. Систему

образования необходимо ориентировать не только на профессиональное, но и духовное воспроизводство посредством индивидуального развития личности, включающего в себя развитие ее духовного мира.

Список литературы

1. Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / Коллективная монография; под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д. соц. н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. 600 с.

2. Ростовская Т.К., Саралиева З.Х. Ценностные ориентации молодежи Нижегородской области (результаты регионального социологического исследования) // Вестник ВЭГУ. 2018. № 3 (95). С. 89–94.

3. Бикметов Е.Ю., Кузнецова Е.В., Рувенный И.Я. Личностно-ориентированный подход в образовании менеджеров в высшей школе // Социальная политика и социология. Междисциплинарный научно-практический журнал. 2011. № 8 (74). С. 144–152.

4. Бикметов Е.Ю., Игнатъева О.Н., Сизоненко З.Л. Планирование и реализация здоровьесберегающих технологий управления // Здоровье как ресурс: V. 2.0 Международная научно-практическая конференция. Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. 2019. С. 346–349.

5. Семейная экосистема человека: монография / З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судьин, Д.А. Шпилев, А.В. Ермилова [и др.]. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ HIGHER EDUCATION AS AN OBJECT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

М.Б. Буланова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

M.B. Bulanova

Russian State University for the Humanities, Moscow

Неопределенность стала константой современного мира, охватив все сферы жизнедеятельности общества, включая образование. Под влиянием этой неопределенности произошла деформация той сферы, которая находилась под опекой социального государства, а также была гарантом устойчивости и стабильности для людей, профессионально занятых образовательным трудом.

Uncertainty has become a permanent constant of the modern world, covering all spheres of society, including education. Under the influence of this uncertainty, there was a deformation of the sphere that was under the tutelage of the social state,

and was also the guarantor of stability and stability for people professionally engaged in educational work.

Ключевые слова: образование, высшее образование, российское образование, социальные трансформации

Keywords: education, higher education, Russian education, social transformations

Назвав нашу современность «ускользающим миром», Э. Гидденс обозначил действие двух взаимоисключающих тенденций: мир «стал более управляемым и одновременно вышел из-под контроля, – он ускользает из рук» [1]. В повседневности это проявляется как нестабильный, неустойчивый характер социальной жизни.

Образование из важнейшего фактора прогресса, сферы, «создающей, аккумулирующей и «распределяющей» знания, навыки и опыт, в конечном итоге – творческий потенциал человека и общества» постепенно стало превращаться в одну из «отраслей, производящих услуги в рамках рыночной экономики». Превращение образования в рыночную услугу привело к тому, что доминирующими тенденциями его функционирования стали коммерциализация, бюрократизация и менеджеризация [2; 3].

Такая политика деформировала содержание и структуру, прежде всего, высшего профессионального образования: в университетах стали учить и учиться тому, что востребовано конъюнктурой и потребностями рынка в ущерб развитию творческого потенциала личности, а значит, и общества в целом. Появилась серьезная диспропорция между специальностями и направлениями, по которым дается образование, и потребностями общественного развития.

Кроме того, постепенно утратив позиции «социального лифта», способного снизить социальное неравенство, образование деградировало, его значение в определении судьбы молодежи серьезно снизилось. Например, единый государственный экзамен (ЕГЭ), задуманный как сдерживающий фактор неравенства в доступе к высшему образованию, под действием тенденции коммерциализации обнаружил свою неэффективность. Теперь, чтобы воспользоваться баллами ЕГЭ для поступления на бюджетные места в крупные и/или престижные вузы на ряд перспективных специальностей, надо набрать по каждому экзамену почти 100 баллов, что по силам далеко не каждому школьнику.

Коммерциализация сферы высшего образования привела к диспропорции между подготовкой и трудоустройством выпускников вузов. С одной стороны, искусственно создается дефицит специалистов для развития общественно значимых сфер, а с другой стороны, невостребованная молодежь

пополняет ряды безработных или вынуждена устраиваться на работу, не имеющую отношения к полученной специальности. Все это ведет к растрате образовательного потенциала российского общества.

Среди тенденций, влияющих на реформирование высшей школы, можно выделить:

Усиление неравенства в доступе, условиях и качестве предоставления высшего образования. Если рассматривать образование как коммерческую услугу, то на практике это оборачивается формированием отношений, затрудняющих доступ к высшей школе значительной части населения. К числу таких ограничений относится в первую очередь плата за обучение, которая является входным барьером для представителей социально необеспеченных слоев. Кроме того, возникают социально детерминированные различия в качестве обучения на всех ступенях и, как следствие, социальная дискриминация. Такое положение ведет к ослаблению интеллектуального потенциала страны, сужает ее потенциальную социальную основу, молодежь попадает в ущемленное, неустойчивое, негарантированное, то есть прекарное социальное состояние.

Продолжающаяся коммерциализация образования. Внедрение рыночных отношений привело к тому, что все, связанное с жизнью и деятельностью человека, стало предметом купли-продажи. Все чаще в официальных документах термин образование подменяется словосочетанием «образовательные услуги». А если это услуги, то их можно заказывать (коммерческие вузы) и за них нужно платить (коммерческие места в государственных вузах).

С начала XX в. в геометрической прогрессии растут расходы домашних хозяйств на оплату услуг в высшем образовании. Можно проследить возрастающую динамику: 2000 г. – 137 (52.2% – расходы на высшее образование); 2005 г. – 931 (64.9%); 2010 г. – 1583 (69.4%); 2015 г. – 1574 (51.6%); 2016 г. – 1591 (48.3%) [4]. Некоторое колебание в расходах на оплату услуг в 2015 и 2016 гг. можно объяснить, с одной стороны, падением платежеспособности населения в связи с ситуацией кризиса в экономике, с другой стороны, политикой Министерства образования и науки, постоянно сокращающего количество бесплатных мест и повышающего цены за коммерческое обучение.

Постепенный уход государства из сферы образования. Переход на самофинансирование образовательных учреждений, сокращение числа бюджетных мест в вузах, неравномерное (рейтинговое) государственное финансирование вузов и школ порождают ситуацию неопределенности в настоящем и непредсказуемости будущего в образовании.

В советское время более 90% расходов вузов было обеспечено бюджетными средствами, однако с 2010-х гг. наблюдается устойчивая тенденция к постепенному снижению доли участия государства и повышению доли участия студентов в финансировании высшей школы. Это, с одной стороны, является результатом сокращения бюджетных доходов государства, с другой стороны, ущербной политики реформирования образования. Так, в результате реорганизации вузов, с 2015/16 уч. года существенно уменьшилось общее количество образовательных организаций высшего образования с 1115 (на начало 2010/11 уч. года) до 896 (из них 530 – государственные и муниципальные организации, 366 – частные). На начало 2016/17 уч. года этот процесс продолжился, а число вузов уменьшилось до 818 (502 и 316 соответственно) [4].

Кроме того, к продолжающемуся процессу сокращения числа вузов, уменьшения количества бюджетных мест и размеров государственного финансирования прибавился постоянный мониторинг эффективности деятельности вузов, новые подходы к лицензированию и государственной аккредитации, плановые проверки Рособнадзора. В результате не только не произошло ожидаемого и планируемого повышения качества высшего образования, но нагнеталась ситуация нервозности и напряженности в деятельности руководства и профессорско-преподавательского состава высшей школы, обострилась проблема доступности данной ступени образования для абитуриентов.

Депрофессионализация специалистов на рынке труда. Новые требования рынка, предъявляемые к выпускникам вузов, не всегда соответствуют полученной ими квалификации. Эта проблема в российском обществе начала осознаваться к середине 2010-х гг. В условиях закрытия предприятий и сокращения штатов учреждений, оказавшись в армии безработных и поставленные в ситуацию выживания, специалисты стали находить различные способы применения своих сил и способностей, в том числе не соответствующие полученному образованию и трудовому опыту.

Последствия смены профессиональной деятельности наглядно иллюстрируются данными Росстата, фиксирующими тенденцию увеличения числа россиян, работающих не по специальности. И если в 2012 г. у 55% опрошенных россиян был выявлен разрыв между полученной специальностью и выполняемой работой [5], то в последние годы стабильно лишь одна треть окончивших высшие учебные заведения трудоустраиваются по своей профессии.

Итак, в настоящее время сфера высшего образования оказалась в ловушке как трансформационных процессов, происходящих во внешней среде,

так и реформ в самом образовательном процессе. По сути, речь идет о столкновении экономических принципов (конкуренция, ориентация на прибыль) с социальной сферой (к которой относится образование), где господствуют совершенно другие ориентиры (солидарность, ориентация на стабильность) [6]. Все эти обстоятельства создают внешний фон нестабильности, неопределенности, который способствует формированию внутренних факторов прекарности труда в сфере образования.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 120 с.
2. Яковлева Н.Г. Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 149–152.
3. Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российское образование для инновационной экономики: «болевые точки» // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 40–48.
4. Образование в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 80 с.
5. Что показал опрос Росстата об отношении россиян к труду. URL: <https://rg.ru/2012/08/13/laykam.html> (Дата обращения: 30.05.2020).
6. Анисимов Р.И. Парадоксы труда и особенности прекаризации работников образования // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. М.: РГГУ. 2019. С 297–303.

ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ И ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ NUTRITION FEATURES AND EATING BEHAVIOR OF ADOLESCENTS IN SCHOOL

**Е.С. Богомолова, Е.А. Олюшина, Н.В. Котова, М.В. Шапошникова,
М.В. Ашина, С.Ш. Шейыхова, К.А. Лангуев**
*Приволжский исследовательский медицинский университет,
г. Нижний Новгород*

**E.S. Bogomolova, E.A. Olyushina, N.V. Kotova, M.V. Shaposhnikova,
M.V. Ashina, S.Sh. Sheyukhova, K.A. Languev**
*Privolzhsky Research Medical University,
Nizhniy Novgorod*

Анкетированием проведено изучение питания и пищевого поведения подростков общеобразовательной организации. Выявлены нарушения режима питания, качественного разнообразия рациона и пищевого поведения учащихся,

что определило основные направления оптимизации питания исследуемого контингента.

The research of adolescent's diet and eating behavior was carried out due to questioning in school. Eating disorders, qualitative variety of diet, eating behavior were identified. It determined the main directions for optimization of schoolchildren's diet.

Ключевые слова: питание, пищевое поведение, подростки, образовательные организации

Keywords: diet, eating behavior, adolescents, educational establishments

Питание в детском возрасте, действуя в рамках генетической программы, обеспечивает растущий организм необходимыми заменимыми и незаменимыми пищевыми веществами, являясь витальным условием роста, развития и сохранения здоровья детей и подростков [1; 2].

Проблемы питания современных школьников, представленные в многочисленных трудах отечественных и зарубежных исследователей, рассматриваются как приоритетные в формировании нарушений здоровья детской популяции. При этом как проявления избыточного, так и недостаточного питания у детей в большинстве случаев связаны с неправильным пищевым поведением [3]. Пищевые привычки в раннем возрасте во многом определяются особенностями воспитания и семейной средой, но по мере взросления под влиянием окружающего микросоциума пищевое поведение подростков зачастую начинает выступать как средство общения, психоэмоциональной разрядки, самоутверждения, компенсации неудовлетворенных потребностей, предопределяя изменения в худшую сторону [4].

Оценка питания и проблемы формирования пищевого поведения подрастающего поколения, безусловно, относятся сегодня к числу приоритетных задач гигиенической науки.

Целью исследования являлась гигиеническая оценка питания и пищевого поведения подростков – учащихся общеобразовательной организации.

Методы исследования. Методом анонимного анкетирования изучили особенности питания и пищевого поведения учащихся 9-х и 10-х классов общеобразовательной организации. В анкете содержались вопросы, касающиеся режима питания, частоты употребления пищевых продуктов и нарушений пищевого поведения подростков. Гендерное соотношение респондентов составило 48.8% девушек и 51.2% юношей.

Результаты исследования. При оценке режима питания учащихся установили, что 4-5 разовое питание присуще менее 40% исследуемых. Преимущественное большинство подростков питаются 3 раза в день. Стоит

отметить высокий процент (18.6%) 10-классников, которые принимают пищу лишь 2 раза в день, что крайне не достаточно. В среднем у всех школьников проходит временной интервал между приемами пищи 3-4 часа. Однако довольно часто случается, что интервалы между приемами пищи удлиняются до 5 часов и более, что чаще отмечено среди 10-классников – 40.7%. В связи с этим 60.5% учащихся испытывают чувство голода ежедневно.

В ходе исследования было выяснено, что 27,8% школьников не завтракают дома, а 18,9% делают это не регулярно. В связи с недостаточным количеством приемов пищи в течение дня у учащихся прослеживается тенденция к перееданию за ужином (32,6%). Большое количество респондентов (44,2%) едят не менее чем за 4 часа до сна. В связи с этим 15,1% подростков ежедневно ложатся спать на «голодный желудок».

Анализ частоты включения в рацион питания школьников основных продуктов показал, что значимая доля учащихся никогда не употребляют или употребляют редко (1-3 раз в мес.) некоторые из основных продуктов питания ежедневного рациона. Только 40% 9-классников и около 50% 10-классников включают мясо в ежедневный рацион. 17.5% анкетированных не употребляют молока. Сыр употребляют редко или не употребляют совсем – 32.6%, творог – 38.5% опрошенных. Более чем у половины респондентов хлеб и хлебобулочные изделия встречаются в рационе не менее одного раза в день и чаще (66.3%), при этом значима доля учащихся, кто не употребляет хлеба. Среди 9-классников в 3 раза выше представительство подростков, не использующих в питании растительное масло, являющееся источником незаменимых ПНЖК.

Среди продуктов питания, которые следует ограничивать в рационе, лидирующие позиции занимают кондитерские изделия. В 10 классах их ежедневно употребляет каждый второй учащийся (55.8%), в 9 классах этот показатель составляет 37.2%. 65.1% 9-классников предпочитают употреблять чипсы, сухарики, соленый арахис минимум 1 раз в неделю и чаще, в то время как 10-классники включают в свой рацион данные продукты реже (37.3%). Газированные напитки достаточно часто встречаются в рационе школьников. Более половины учащихся употребляют их чаще 1 раза в неделю.

При анализе нарушений пищевого поведения подростков выявлено, что четверть опрошиваемых (25.6%) часто испытывают влечение к еде, при этом не испытывая чувства голода. Каждый пятый школьник (20,9%) положительно ответил на вопрос: «Пытаетесь ли Вы с помощью еды отвлекать себя от житейских, социальных, профессиональных и других проблем: отношений с близкими, неприятностей на учебе, конфликтов с кем-то из окружающих?». В целом приступы чрезмерного употребления большого количества пищи как реакция на дистресс, не имеющая в основе физического голода, что в научной

литературе называется компульсивное или психогенное переедание, характерны для 17.6% респондентов.

По данным исследования, 12.8% подростков предпочитают есть в одиночестве, так как чувствуют себя при окружающих смущенными и обеспокоенными из-за большого объема съеденного, а 36% школьников чувствуют угрызение совести или чувство вины, когда понимают, что съели больше положенного.

Результаты анкетирования показали, что 27.9% учащихся озабочены проблемами похудения и их преследуют навязчивые мысли о еде, либо о том, как бы не съесть лишнего. Четверть опрошиваемых (25.5%) признались, что избыточно потребляют пищу тайком по ночам, что также относится к расстройствам приема пищи и принято называть синдромом ночной еды. Среди 9-классников доля таких выше на 9.3% по сравнению с учащимися 10 классов.

В ходе исследования отмечено, что 17.4% подростков съедают все, что положено на тарелку или стоит на столе, не потому что голодны, а потому что их так приучили родители. Также 29.1% респондентов ответили положительно на вопрос: «Заставляли ли Вас под угрозой наказания съесть всю порцию?». Показательным стал тот факт, что в 69.8% случаев родители баловали своих детей в раннем детстве едой во время болезни.

Заключение. На основе данных проведенного анкетирования были выявлены следующие нарушения пищевого поведения подростков:

1) у обучающихся часто встречаются нарушения режима питания: отсутствие завтраков перед уходом в школу, нерегулярность полноценных приемов пищи, удлинение интервалов между ними, вследствие чего многие испытывают чувство голода;

2) значимая доля подростков вообще не употребляют или употребляют редко некоторые из основных продуктов питания ежедневного рациона: мясо, молоко, сыр, творог, растительное масло. В питании многих подростков присутствуют продукты, требующие максимального ограничения;

3) установлена частота нарушений пищевого поведения подростков: у 17.6% опрошенных отмечено компульсивное переедание, для каждого четвертого (25.6%) характерен синдром ночной еды.

Для профилактики отклонений в здоровье школьников, связанных с нерациональным питанием и пищевым поведением, представляется целесообразным:

1) гигиеническое обучение подросткового контингента основам здорового питания и здорового образа жизни;

2) оптимизация рационов питания учащихся как в образовательных организациях, так и в домашних условиях;

3) медико-психологическая консультация подростков с нарушениями пищевого поведения.

Список литературы

1. Горелова Ж.Ю. Современные отечественные и зарубежные исследования о здоровом питании детей и подростков // Здоровье семьи – 21 век. 2018. № 1 (1). С. 25–41.

2. Лебедева У.М. Организация питания детей и подростков на региональном уровне / У.М. Лебедева, П.П. Баттахов, К.М. Степанов, А.М. Лебедева, С.С. Занковский, Л.И. Булгакова, Д.М. Винокурова // Вопросы питания. 2018. Т. 87. №6. С. 48–56.

3. Тапешкина Н.В. Опыт применения факторного анализа для изучения пищевого поведения детей и подростков школьного возраста / Н.В. Тапешкина, А.Я. Перевалов, О.П. Власова, Л.В. Попкова // Вопросы диетологии. 2019. Т. 9. № 3. С. 22–27.

4. Кочкорова Ф.А. Пищевое поведение и здоровье школьников / Ф.А. Кочкорова, М.К. Эсенаманова, А.Т. Эрбаев // Вестник КГМА им. И.К. Ахунбаева. 2018. № 1. С. 137–144.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОМОГЛА ЛИ ЭТОМУ ПРОЦЕССУ ПАНДЕМИЯ КОРОНОВИРУСА DIGITALIZATION OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION: HAS THE CORONOVIRUS PANDEMIC HELPED THIS PROCESS

А.С. Готлиб

*Самарский национальный исследовательский
университет им. С.П. Королева, г. Самара*

A.S. Gotlib

Samara National Research University named after S.P. Korolev, Samara

Анализируются особенности онлайн-образования вообще (макро-контекст) и проблемы, связанные с использованием одного из его форматов – видеоконференций как самого используемого образовательного инструмента в эпоху пандемии (микрконтекст). Приводятся первые результаты качественного социологического исследования этого инструмента.

The article is devoted to an analysis of the online-education peculiarities (macro-context) and problems, connecting with the using of one his forms – video-conferences as the most using educational tool in the epoch of pandemic (micro-context). There are the first results of qualitative social research this tool.

Ключевые слова: университет, самоопределение, онлайн-образование, цивилизационный вызов, видеоконференция, качественное исследование

Keywords: university, self-determination, online-education, civilizational challenge, videoconference, qualitative research

Современный университет мучительно ищет свое место в резко меняющемся мире динамичных технологических и социальных трансформаций, тесно связанных друг с другом, глобальных экономических преобразований и экономических кризисов, вновь и вновь пытаюсь самоопределиться, переосмыслить себя [1]. Направления такого анализа – самые разные: это и поиск наиболее эффективной организационной модели университета, структуры ее менеджмента [2]; это попытки по - новому переописать смысл университетского образования, его роль и функции в современном мире [3]; это и проблема качества университетского образования, поиск критериев его оценки. В российской социологии наряду с этими общемировыми направлениями рефлексии присутствуют и дополнительные измерения проблемы самоопределения, вызванные прежде всего бесконечным процессом реформирования высшей школы. Это анализ социальной политики российского государства в его отношении к университету [4], исследование политической экономии российских вузов, анализ сверхбюрократизации образовательного процесса, отсутствия (или ущемления) академической свободы в российских вузах.

Вместе с тем в последние годы появился и принципиально новый вектор поиска совершенствования современного университета – цифровизация университета как ответ на глобальный цивилизационный вызов – цифровую революцию в сфере носителей и трансляторов информации, наиболее ярко проявивших себя в появлении сети Интернет. Важнейшая составляющая этого процесса – становление онлайн-образования, которое, несмотря на противоречивость его оценок экспертами, тем не менее успешно развивается, даже перекраивая в некоторых странах традиционный ландшафт высшего образования [5]. Главный фокус рефлексии этого нового формата высшего образования – поиск ответа на вопрос: в какой мере расширяющееся онлайн-образование влияет на институт образования в целом, представляет ли оно угрозу традиционному университету? Социологическое исследование, проведенное еще в доковидную эпоху в Самарском университете (2015-2016 гг., грант РФФИ, рук. Готлиб А.С.), в том числе, было ориентировано и на решение этой исследовательской задачи. Исследование показало, что позиция экспертов, представленная двумя группами: администрацией вузов, владельцами и топ-менеджерами онлайн-платформ, а также пользователями онлайн-образовательных услуг (опрошено 42 человека методом свободного оффлайн и скайп-интервью) и позиция производителей онлайн-образо-

вательных продуктов (опрошено 350 преподавателей вузов Самары методом полуструктурированного интервью) практически совпадают: наиболее представленной оказалась взвешенная позиция: будущее университета принадлежит гибриднему (смешанному) образованию [5; 6]. В рамках такой позиции онлайн-образование выступает дополнением к традиционному образованию, определенным инструментом, который инкорпорируется университетом (если онлайн-курсы представлены на онлайн-образовательных платформах) или создается силами собственных преподавателей внутри него.

В рамках исследования были артикулированы и проблемы, связанные с расширением онлайн-образовательного пространства в России (макроконтекст проблемы). Наиболее значимая из них: нежелание менеджмента университетских институций вкладывать средства в создание качественных онлайн-образовательных продуктов. Дело в том, что дешевое онлайн-образование становится таковым лишь после его многократного использования, создание же конкурентного образовательного онлайн-продукта требует серьезных инвестиций. Такая ситуация складывается, по мнению экспертов, в силу ряда причин: недостаточные финансовые возможности образовательных институций; невысокая материальная обеспеченность населения, не готового в своей массе платить за образование; нечеткая государственная политика в отношении этой формы образования, отсутствие нормативной базы ее реализации. Еще одна проблема – инерционность мышления преподавательского корпуса, их неготовность к участию в производстве онлайн-продукта, хотя в исследовании выявлены и группы преподавателей, вполне готовых к этой новации [6].

Вынужденный и резкий переход к массовому дистанционному образованию в условиях пандемии (в массе своей к одному из его образовательных форматов – видеоконференциям, организованным на соответствующих онлайн-платформах), на мой взгляд, как лакмусовая бумага помог обнажить проблемы микроуровня, ежедневного онлайн-взаимодействия «преподаватель–студент». Анализ первых скайп-интервью в рамках проводимого в Самарском университете качественного социологического исследования «Университет в эпоху пандемии: взгляд преподавателей» позволил обнаружить ряд таких проблем. Первая проблема (или особенность) такого взаимодействия – одомашнивание образовательного процесса. При этом часть опрошенных преподавателей полагают, что это скорее достоинство онлайн-взаимодействия: здесь преподаватель, читая лекцию из своего домашнего физического пространства, в большей степени предстает человеком со своими пристрастиями, интересами, нежели это происходит в оффлайн-взаимодействии. Отсутствие (или уменьшение) доли эмоциональности

взаимодействия, о котором так пекутся критики онлайн-образования, здесь компенсируется знакомством студентов с вещной средой преподавателя, элементами его быта, что в конечном итоге приводит, по мнению опрошенных, к некоторому стиранию барьеров во взаимодействии. В то же время другая часть опрошенных полагают, что все-таки одомашнивание скорее проблема, нежели достоинство онлайн-образования: присутствие детей и других членов семьи дома во время онлайн – лекции чревато как помехами в коммуникации со студентами, так и дополнительным напряжением преподавателя, даже если эти помехи и не происходят.

Еще одна проблема, выделенная практически всеми опрошенными, – техническая неготовность к регулярному образовательному онлайн-общению: отсутствие у части студентов камер и даже компьютеров; низкая скорость домашнего Интернета (*«материальное неравенство налицо»* (Л., муж., проф.); несовершенство используемых онлайн-платформ, когда невозможно одновременное визуальное присутствие десятков студентов (*«отключаются камеры, и нельзя проверить включенность студентов в лекционный процесс»* (Н.,жен., доцент); отсутствие технической поддержки со стороны образовательных институций и др. Опрошенные преподаватели отмечают и влияние онлайн-общения «преподаватель-студент» на здоровье преподавателя и студента: *«это тяжело физически»* (А., муж., проф.); *«истощает привязка к компьютеру на многие часы»* (И., жен., доцент); *«устают глаза, повышается давление»* (Е., жен., проф.).

Вместе с тем, опрошенные преподаватели выделили и ряд явных преимуществ онлайн-образования: существенная экономия времени и преподавателя, и студента, что в условиях большого города с его неизменными пробками немаловажно; видеоконференция как самый распространенный формат онлайн-образования *«дает возможность использования самых разнообразных инструментов: показ отрывков из фильмов, видео, вовлечение студентов в выполнение «здесь и сейчас» интерактивных заданий, использование мультимедийных приемов и техник демонстрации подготовленных педагогом презентаций»* (Н., жен., доцент). По мнению опрошенных преподавателей, *«этот формат запустил выполнение обязательных индивидуальных заданий студентами, что повышает плотность общения с ними»* (И., жен., доцент), и, хотя и оборачивается дополнительной нагрузкой преподавателя, но, конечно, повышает качество образования. И, наконец, *«это-свобода, безграничное пространство, которое вы выстраиваете, здесь куратором становится преподаватель, а академическая коммуникация меняется и раздвигается»* (А, муж., проф.).

Список литературы

1. Рикитянская М. Университет будущего: идеи и возможности // Отечественные записки. 2013. № 4. С. 295–302.
2. Покровский Н. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом глобальных изменений // Идея университета и топос мысли. М-лы конференции, посвященной 25-летию кафедры философии гуманитарных факультетов СамГУ. Самара: Самарский университет, 2005. С. 148–154.
3. Абанкина Т., Абанкина И. Место вузов в новой экономике: стратегии и угрозы // Отечественные записки, 2013. № 4. С. 171–180.
4. Прыткова Н. Российское образование на пути его совершенствования // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5. С. 71–74.
5. Готлиб А.С. Сможет ли онлайн-образование стать альтернативой традиционному университету? // Вестник Самарского государственного университета, 2015. №1. С. 15–22.
6. Готлиб А.С. Онлайн-образование в оптике преподавателей российской высшей школы // Карельский научный журнал. 2016. № 4. С. 230–233.

**ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
ERASMUS + НА ПРОЦЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ**
**THE IMPACT OF THE EUROPEAN EDUCATION PROGRAM ERASMUS+
IN THE PROCESS OF INTERNATIONALIZATION OF RUSSIAN
UNIVERSITIES**

М. Де Мартино
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
M. De Martino
Lobachevsky University

Европейская образовательная программа Erasmus+ внесла значительный вклад в интернационализацию российских университетов. Автор анализирует влияние европейских образовательных проектов на российские вузы с точки зрения усиления их интернационализации. В период 2014-2020 гг. российские вузы активно принимали участие в программе Erasmus+, о чем свидетельствует большое количество поданных заявок с участием российских организаций. Анализ, проведенный национальным офисом Erasmus+ в России, показал, что европейские проекты и, в частности, их потенциал в сфере высшего образования, вносят вклад на трех уровнях: макроуровне, мезоуровне и микроуровне. На макроуровне европейские проекты способствовали повышению конкурентоспособности российских университетов, созданию стратегических сетей на национальном и международном уровнях и

содействовали развитию Болонского процесса. На мезоуровне проекты Erasmus+ помогли развитию инноваций в российских университетах как на академическом, так и на административном уровне. Анализ микроуровня показал, что европейские проекты оказали влияние на целевую группу, такую как студенты и преподаватели, которые улучшили свои навыки.

Деятельность Жана Моне помогла российским университетам расширить свои научные тематики за счет углубленного изучения европейских исследований, перенимая лучшие европейские практики для решения современных задач.

The European educational program Erasmus+ has contributed significantly to the internationalization of Russian universities. In this article, the author analyses European educational projects' impact on Russian higher education institutions in terms of their enhanced internationalization.

Ключевые слова: интернационализация, российские университеты, Erasmus, Европейский союз

Keywords: internationalization, Russian universities, Erasmus, European Union

Several authors have underlined how the international funds and especially the programs supporting academic mobility and international cooperation, facilitated the process of internationalization of the Russian Higher education system after the collapse of the Soviet Union [1; 2; 3; 4]. In particular, Europe's influence was powerful in the modernization of Russian universities and enhancing their international dimension.

Russian universities started to be beneficiaries of European Union funds in higher education since 1993 when the European Union extended to Russia the possibility to participate in the Tempus program, the technical assistance program in higher education for the EU's neighboring countries [5].

Since then, the Russian universities and the European educational policy underwent several changes. For instance, in 2003, the Russian Federation joined the Bologna process, the political strategies in the field of education of the European Union and the Russian Federation evolved and adapted to the universities and society's challenges.

In 2020, the European educational program Erasmus+, which started in 2014 and was open to Russian universities' participation, reached its last year before the beginning of the European Union's next financial period (2021-27) new educational program will be launched.

The actions of the Erasmus+ program, in which the Russian universities participated most actively, also considering that as a non-European Union country its participation was limited to specific actions of the program, were three: International

Credit Mobility (ICM), Capacity Building in the field of Higher Education (CBHE) and Jean Monnet Activities.

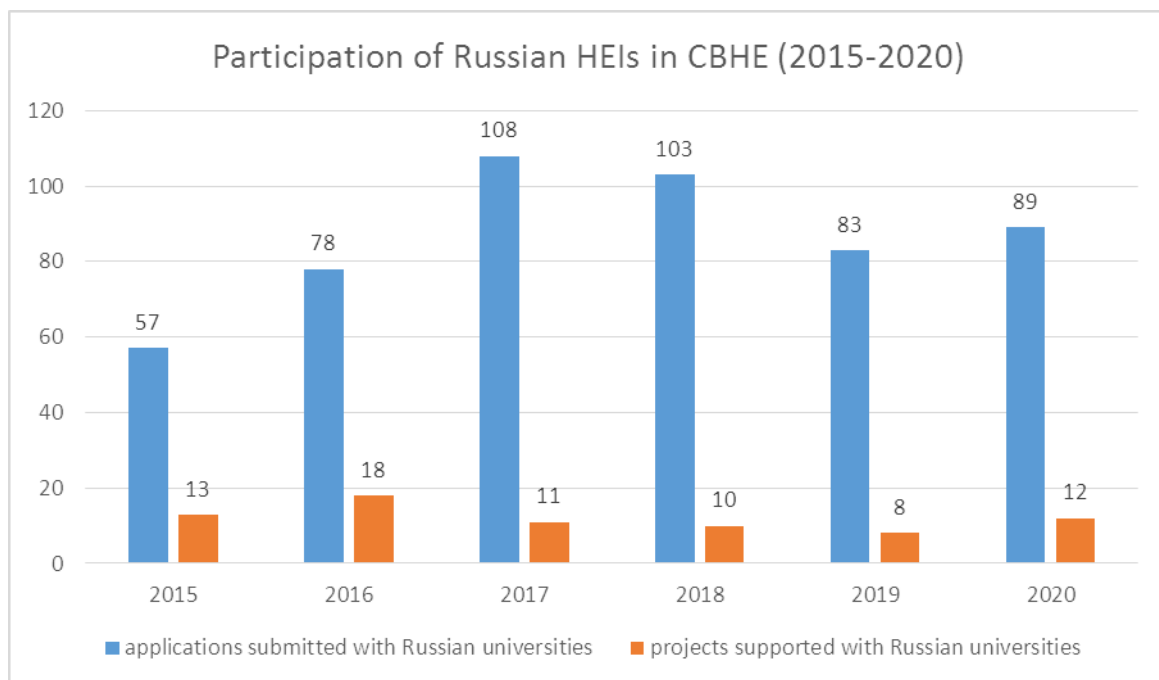

Figure 1 Participation of Russian HEIs in CBHE (2015-2020)

Figure 1 summarizes the participation of Russian universities in the Capacity Building in the field of Higher Education (CBHE) for the period 2015-2020. In total, 518 applications with Russian participants were submitted, and the European Commission approved 69 of those projects. In total, about 300 Russian universities were involved in those projects [6].

Analyzing the implementation of projects through monitoring visits and checking the reports submitted by Russian Universities, the Erasmus+ National Office in Russia underlined that the Erasmus+ Capacity Building projects contribute at three levels: macro-level, meso-level, and micro-level [6].

At the macro-level, the CBHE contributed to enhancing Russian universities' competitiveness, establishing strategic networks at the national and international levels, and promoting the Bologna Process development. The meso-level fostered innovation within the Russian universities at both the academic level (opening new programs, laboratories, adopting new pedagogic practices) and administrative level (enlarging the cooperation with new partners and improving the university management). The micro-level refers to the impact of the projects on the target group, such as students, who obtained new skills relevant in the labour market after testing the educational outcomes/outputs of CBHE projects [6].

Russian universities also participated in the Jean Monnet Activities with increasing numbers in terms of applications submitted per year (figure 2). These numbers are impressive if we consider that in 2016 Russia became the country with the highest number of applications submitted (195), leaving at second place Italy

(126), which traditionally is the country with the highest number of applications in this action of the Erasmus+ program [7].

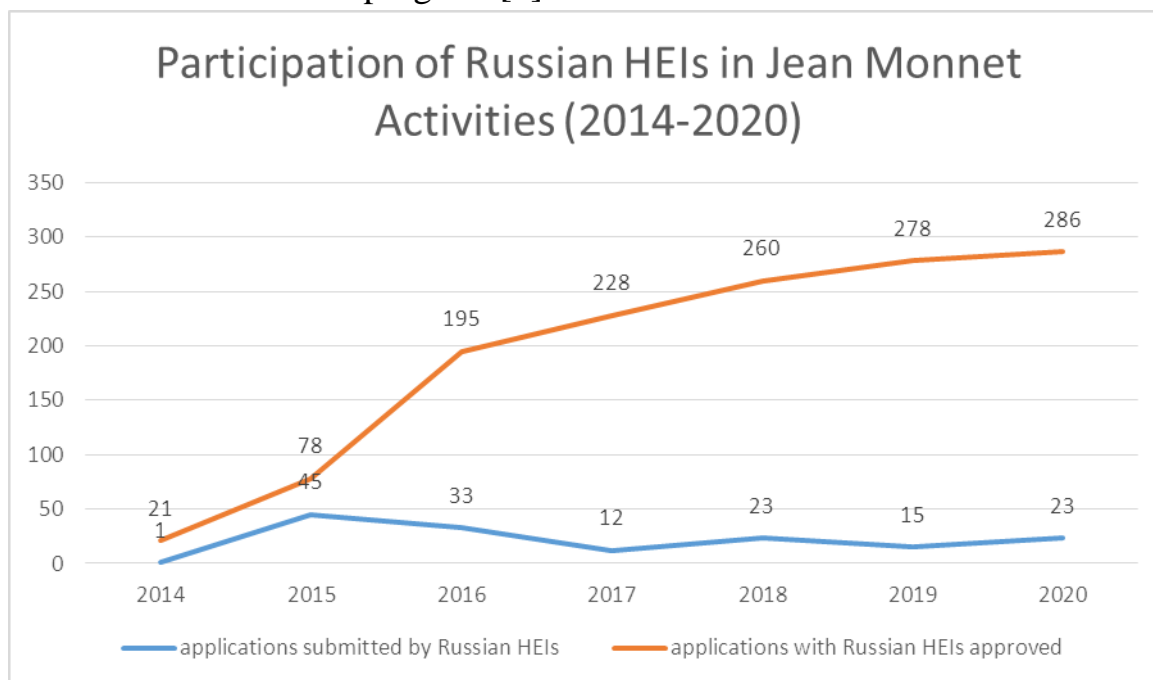

Figure 2 Participation of Russian HEIs in Jean Monnet Activities (2014-2020)

As highlighted by the Erasmus+ National Office in Russia, Russian universities are particularly interested in the Jean Monnet Activities because this specific action of the Erasmus+ program enhances their international dimension [8]. Through international conferences, publications, and specialized courses on European studies, the Jean Monnet Activities have supported Russian universities in expanding their thematic areas and focusing on European studies, learning from the European best practices to respond to the modern challenges.

Quantitative indicators (such as the high participation rate in the calls) show a great interest from Russian universities in the European educational area and the Erasmus+ program. However, it is essential to consider also their high impact on the process of internationalization. This aspect is confirmed by the assessments and monitoring visits of projects carried out by the Erasmus+ National Office in Russia.

References

1. Korteniemi E. (2011). Nordic cooperation with Russia in education and research, TemaNord 2011: 545. Copenhagen: Nordic Council of Ministers
2. Kuraev A. (2014). Internationalization of higher education in Russia: Collapse or perpetuation of the Soviet system? A historical and conceptual study. Dissertation, Department of Educational Leadership and Higher Education, Boston College.

3. Wiers-Jenssen J., & Sandersen H.T. (2017). The Norwegian Framework for Educational Cooperation with Russia: Educational policy with a hint of foreign affairs. In *Higher Education in the High North* (pp. 47-63). Springer, Cham.
4. Kukarenko N., & Zashikhina I. (2017). Internationalization the Russian Way: Modernization of the Higher Education System in Russia. In *Higher education in the high north* (pp. 21-46). Springer, Cham.
5. McCabe R., Ruffio P. & Heinämäki P. (2011). *Tempus@ 20: A Retrospective of the Tempus Programme Over the Past Twenty Years (1990-2010)*. EUR-OP.
6. Национальный офис Erasmus+ в России (17.10.2020). Erasmus+ в России Направление Capacity Building in the field of Higher Education Конкурс 2020: краткие итоги
7. Олейникова О.Н. (2018). Россия в Программе Jean Monnet. Excellence in European studies. Jean Monnet conference in Moscow. 19-20 April 2018
8. Национальный офис Erasmus+ в России (15.10.2020). Программа Jean Monnet в России История успеха Особенности программы Jean Monnet «из первых рук»

**О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ABOUT THE METHODOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF
MODERN RUSSIAN HIGHER EDUCATION**

В.В. Зырянов
*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва*
V.V. Zyryanov
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Изложено развитие подхода к комплексному изучению современного состояния высшего образования России, сформулированного Е.Н. Ивахненко. В основе подхода – оценки реакций высшего образования на внедряемые элементы европейской системы образования, основанные на приоритетах Болонского процесса и европейского пространства высшего образования. Авторская идея состоит в предложенной методике анализа, которую можно применить как к массиву вторичных данных, так и для проведения новых исследований.

The development of the approach to the comprehensive study of the current state of higher education in Russia, formulated by E.N. Ivakhnenko, is outlined in this work. The approach is based on assessing the reactions of higher education to the introduced elements of the European education system, based on the priorities of the Bologna Process and the European Higher Education Area. The author's idea consists in the proposed analysis method, which can be applied both to an array of secondary data and to conduct new research.

Ключевые слова: высшее образование, образовательная услуга, Болонский процесс, единое пространство высшего образования

Keywords: higher education, educational service, Bologna process, unified space of higher education

Практически с первых лет вхождения России в Болонский процесс авторы многочисленных статей в авторитетных российских журналах [1–5] стали фиксировать на этом пути серьёзные проблемы, перерастающие в кризисные явления, пытаться выявить их причины и предлагать пути преодоления (смягчения) ситуации.

Цель предлагаемого материала – обоснование исследовательской схемы анализа современного состояния российского высшего образования.

Мы предлагаем оттолкнуться от подхода Е.И. Ивахненко [1], который воспользовался методологией Н. Лумана, представившего общество в виде «закрытых рекурсивно эволюционирующих социальных систем», взаимодействующих между собой «посредством механизма структурного сопряжения» [1]. ВО в этой теоретической схеме представляется как система, развивающаяся посредством потенциала образовательных практик, аккумулирующихся внутри неё самой. Это устойчивая, внутренне цельная система, базирующаяся на чётко очерченных принципах и складывающихся традициях, которая в то же время не является застывшей, поскольку реагирует как на внешние сигналы, так и на внутренние импульсы самокоррекции. Принципиально важно в этой связи, что директивно внедряемые в систему образования новации «могут быть эффективными лишь в том случае, когда система воспринимает их как внешний вызов и отвечает на них, исходя из возможностей своего внутреннего ресурса» [1]. Отсутствие или ограниченность ресурсов подталкивает акторов системы к имитации директивного вмешательства или к его игнорированию [1].

Таким образом, в качестве методологической схемы анализа российского ВО можно выделить следующие ответные реакции на директивы: а) игнорирование; б) имитация; в) принятие и адаптация. И далее проследить, к чему ведут эти реакции.

Обращаясь к инициации реформ в ВО, отметим её ключевые мотивы: *адаптацию к рыночным условиям и интеграцию в мировое образовательное пространство.*

Начнём с тотальной установки адаптировать к рынку всё, в том числе систему ВО. Между тем, образование имеет содержательную составляющую (чему учить), технологическую (как учить), организационную (как выстроены вертикали и горизонталы взаимодействия акторов образовательного процесса) и ресурсную (откуда берутся средства на функционирование системы).

Дисциплины, не имевшие идеологической компоненты, не претерпели изменений в содержании, а социально-гуманитарные были пересмотрены основательно. Образовательные технологии, как и организационные принципы, далеки от идеологии. Не случайно и буржуазный Запад, и идеологически близкий Китай в XX веке с интересом изучали и перенимали советскую образовательную систему, хотя она была построена на чуждой им идеологии и/или ментальности. Фактически, они перенимали организационную систему, а не идеологию. Получается, что самые существенные вопросы в адаптационных процессах возникали с ресурсной составляющей. Кстати, можно было ничего не менять и оставить финансирование ВО за государством. Можно было сделать его полностью частным. Принят же был комбинированный вариант – государство покрывает часть затрат, а другую часть сами образовательные организации. Вот тут и возникает ситуация, когда *образованию брошен вызов, проигнорировать который невозможно, симитировать – тем более*. Выхода тут два – закрываться, ввиду недостаточности средств, или принять правила игры и начинать продавать то, что на самом деле товаром не является. Так в российской образовательной среде появилось понятие «образовательная услуга». Ещё 2004 г. В.А. Садовничий в интервью газете «Брянский рабочий» восклицает: «Считаю безнравственным платное образование. Сегодня же многие вузы <...> вынуждены брать деньги за обучение, чтобы хоть в какой-то мере восполнить дефицит финансирования. <...> государство обязано достойно финансировать высшую школу и в целом все образование» [2]. Весьма показательно, что ректор МГУ говорит об обучении, а не об образовании. Здесь стоит сделать два уточнения. Первое. На наш взгляд, нельзя не согласиться с М. Нуссбаум, которая разводит «образование для людей» и «образование для прибыли», соотнося первое с «образованием «сократовского типа», фокусирующимся на законах мышления, логики, на гуманистических ценностях», и характеризуя второе как ««софистический тип», редуцирующий схемы мышления до их соответствия схемам текущей социально-экономической системы» [3]. Второе. В сознание людей внедряется мысль, что всё образование – это «образование для прибыли», т.е. за него можно и нужно платить. Тем самым происходит подмена смысла, т.к. «образование не может быть отнесено к категории услуг без потери своего смысла и назначения – развития культуры посредством развития человека, человеческих отношений и технологий» [3]. Причина этой подмены в условиях господства рыночных принципов очевидна – это прибыль. «Масштаб рынка образовательных услуг только внутри страны вырос за десятилетие в сотни раз». Отсюда «стремление российской элиты (как политической, так и вузовского истеблишмента) взять под контроль эту весьма доходную отрасль» [4].

Что касается *интеграции в мировое образовательное пространство*, то это естественное движение страны, долгое время имевшей ограниченные контакты с внешним образовательным и научным миром. Выбор Болонского пути реформирования оказался безальтернативен – в тот момент в мировой практике просто не было других моделей интеграции.

Идёт 27-й год перманентного реформирования. Мы свели в таблицу приоритеты Болонского процесса (до 2010 г.) и Европейского пространства ВО (до 2020 г.) и *обозначили* реакцию отечественного ВО на их внедрение. По большинству приоритетов и их «жизни в России» есть обширная литература, проблема же в том, что проведённые исследования фрагментарны, базируются на разных методологических основаниях и ценностных позициях. Предлагаемый подход позволит как обобщить в едином формате огромный массив исследований трансформации ВО в РФ, так и восполнить обнаруженные лакуны.

Т а б л и ц а

Приоритеты		Реакция российского ВО
Болонский процесс	Европейское пространство ВО	
Уровневая система (бакалавриат + магистратура)	Уровневая система (бакалавриат + магистратура + аспирантура)	Внедрена
Переход на систему ECTS		Имитация
Академическая мобильность	Академическая мобильность	Частичное игнорирование
Европейское приложение к диплому		Частичное игнорирование
Система контроля качества образования		Имитация
Единое европейское исследовательское пространство	Соединение образования, исследований и инноваций	Игнорирование, имитация
Активная вовлечённость студентов	Студентоцентрированное образование	Имитация
Социальная поддержка малообеспеченных студентов	Социальное измерение процесса	Частичное игнорирование
Образование в течение всей жизни	Обучение в течение всей жизни	Частичное игнорирование
Модульная система		Имитация
Дистанционные технологии		До пандемии частичное игнорирование
Нелинейные траектории обучения студентов		Имитация, игнорирование
Гармонизация содержания образования по направлениям подготовки		Имитация, игнорирование
Академические рейтинги студентов и преподавателей		Частично внедрены

Единые европейские оценки		Игнорирование
	Занятость выпускников	Имитация, игнорирование
	Сбор и обработка данных	Через официальную статистику
	Обеспечение прозрачности	Внедрено через сайты
	Финансирование	Комбинированное

Как видим, таблица схематично презентует методику получения общей картины состояния ВО. В графе «реакция» мы экспертно и предельно кратко обозначили суть реакции, указав, по сути, только вектор исследования, которое уточнит предварительную оценку реакции, наполнит её содержанием, размышлениями, интерпретациями. Далее отметим, что полученная в результате исследования картина покажет, насколько наше ВО соответствует идеальной европейской модели, не системе ВО конкретной страны, а абстрактной модели, которая вряд ли наилучшим образом отвечает задачам ВО, потребностям страны и её населения. Позитивный же результат такого анализа видится в том, что изучение реакций ВО России на европейские приоритеты позволит точнее и подробнее описать его состояние, отчётливее высветить возможности, обоснованнее наметить ближайшие и перспективные задачи. Это особенно важно сейчас, когда модернизация российского ВО «внешне нацелена на развитие, улучшение системы, повышение качества знаний, формируемых компетенций, научных результатов и т.д., но фактически ориентирована на оптимизацию негативных последствий проведенных в ее ходе реформ» [5].

Список литературы

1. Ивахненко Е.Н. Отечественное образование как система и объект управления // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8/9. С. 9–23.
2. Виктор Садовничий: «Платное образование – это безнравственно...». URL: https://www.msu.ru/info/struct/rectintv_arch/viktor_sadovnichiy_platnoe_obrazovanie_eto_beznpravstvenno_.html (Дата обращения: 28.08.2020).
3. Лёвкин В.Е., Лёвкина А.О., Доценко Е.Л., Волосникова Л.М. Смысл образования: развитие или оказание услуг? // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 4. С. 9–42.
4. Волкова Л.В., Филатова М.Н. Двадцать лет Болонского процесса. Размышления об итогах реформ и рисках российского образования // *Primo Aspektu*. 2019. № 3 (39). С. 19–32.
5. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю. Парадоксы модернизации высшего образования: итоги 20-летнего мониторинга в Свердловской области // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 289–301.
6. Калмыков Н.Н., Сатырь Т.С. Российское высшее образование: взгляд экспертов // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 91–96.

РЕСУРС ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА A RESOURCE FOR HUMAN POTENTIAL

Д.Л. Константиновский
Институт социологии

*Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

D.L. Konstantinovsky
Institute of Sociology,

*The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Необходимыми условиями развития становятся достаточный объём и постоянный рост человеческого потенциала, осуществляемые, в значительной части, в сфере образования. Всё более актуальной становится комплексная проблема, связанная с эффективностью образования и вкладом выпускников образовательных учреждений в человеческий потенциал и национальную экономику.

Adequate and continuous growth of human potential, carried out, to a large extent, by the education sector, becomes a prerequisite for development. The complex problem of educational efficiency and the contribution of graduates to human potential and the national economy is becoming increasingly important.

Ключевые слова: человеческий потенциал, сфера образования, квалификации высокого уровня, профессиональные ориентации молодежи

Keywords: human potential, education sector, high-level qualifications, professional orientation of youth

Один из важных, часто обсуждаемых вопросов – соответствие подготовки и выполняемой работы. Может ли этот вопрос решаться, если делать прогнозы динамики рынка труда точнее, если исключить влияние интересов семей, а сферой образования руководить более жёстко, заставить её следовать некоей стратегии, правилам и требованиям, «спускаемым сверху»? Не обязательно. Скорее – едва ли. Нет гарантии, что в таком случае возобладает гармония между сферой образования, устремлениями новых поколений и рынком труда. Например, возникающий на рынке труда спрос на новые квалификации не всегда может быть обеспечен сферой образования: для обучения новым квалификациям, в особенности квалификациям высокого уровня, зачастую требуются преподаватели, каких в данный момент нет либо недостаточно у образовательных организаций (или значительной их части). Таких преподавателей в достаточном количестве попросту негде бывает взять, они

ещё не появились, поскольку новые сектора национальной экономики могут требовать совершенно новых знаний для подготовки нужных в них работников.

Со стороны субъективной, образовательные и профессиональные ориентации молодёжи весьма изменчивы, молодые люди пытаются определиться и ищут векторы для построения жизненной траектории в сложной системе координат, задаваемой престижем профессии, материальным вознаграждением, возможностями трудоустройства и другими факторами. В любом случае, было бы неправомерно и несправедливо ограничивать свободу выбора профессии, уровня образования и требовать, чтобы молодые люди желали исключительно того же, в чем заинтересованы работодатели.

Странным выглядело бы и неукоснительное требование, чтобы выпускники образовательных организаций работали исключительно по тому профилю, по которому прошли обучение. Это была бы примитивизация подхода к человеческому потенциалу, с точки зрения эффективности его использования, понимание его в узко утилитарном смысле. Подобно этому, возникающие время от времени попытки реанимировать обязательное распределение выпускников тоже вызывают недоумение, как и любая идея технократической организации общества, где будущее каждого жёстко предопределено и человек предназначен для выполнения определенной ему функции.

Обращение к опыту отечественного развития показывает, что проблема несоответствия возникла не сегодня и преподает нам полезные уроки. Советская система образования обязана была следовать жёсткой регламентации своей деятельности, однако результаты тогдашнего планирования и руководства оказывались такими, что многие из окончивших учёбу работали не по специальности. Среди выпускников вузов в 1985–1987 гг. на должности, не требующей полученного образования, работал почти каждый десятый, из окончивших в эти годы средние специальные учебные заведения выполнял обязанности рабочего каждый пятый [1, 144]. Опрос молодых специалистов выпуска 1985-1987 гг. показал, что работали не по специальности 41,0% окончивших вузы и 59,8% получивших среднее специальное образование; из них 49,0% выпускников вузов и 42,6% выпускников техникумов в качестве причины указали отсутствие вакансий по специальности [2, 94].

Нынешние диспропорции между структурой подготавливаемых специалистов и потребностями рынка труда не являются чем-то новым, хотя порождены отчасти иным набором причин. Учитывая международный и

прошлый отечественный опыт, нельзя не признать, что коррекция рынком труда профессиональных траекторий после завершения учёбы была, есть и будет, а эксперты, оценивающие положение дел, и молодые люди, выбирающие своё будущее, находятся в ситуации неопределённости.

Однако сложность проблемы не означает, что ничего нельзя сделать. Есть разнообразный опыт образовательных организаций, намеренно предпринимающих действия по налаживанию связей с работодателями и учёту их требований, есть встречные шаги экономических субъектов, несомненно и развитие форм образования, нацеленных на удовлетворение современных требований, в особенности инновационных производств, при том, что остаётся немало нерешённых проблем [3].

Что касается профессиональной ориентации молодёжи, то трудно найти школу, куда бы не приглашали представителей различных специальностей и образовательных организаций для общения со старшеклассниками. Тем не менее и в этой сфере по-прежнему ещё многое остаётся сделать, чтобы в необходимой мере знакомить молодых как с существующими образовательными возможностями, так и сегодняшними и грядущими требованиями рынка труда [4].

Здесь возникает не только вполне конкретная (и давно знакомая) тема необходимой профессиональной ориентации, но и более масштабная – уровня социализации, требующегося для принятия решения о будущем, соответствующего возрасту, когда юноша или девушка выбирают профессию. Увы, исследование показало, что почти треть оканчивающих полную среднюю школу (юношей и девушек в возрасте 17–18 лет) не определились с выбором специальности [5, 43]. При этом из планирующих поступить после 11 класса на учёбу по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих и программам подготовки специалистов среднего звена не выбрал будущую профессию примерно каждый пятый-шестой, а в вузы – едва не каждый третий. «Недоработки» на стадии выбора профессии будут неизбежно исправляться на следующих этапах образовательной и профессиональной карьеры.

Отчасти возможности «снять» проблему предоставляются заочным образованием и распространённостью совмещения образования с работой. Эти варианты позволяют сочетать образовательную и профессиональную траектории, а тем самым обрести необходимый опыт, по-настоящему познакомиться с будущей специальностью и сделать на этом основании сознательный, обоснованный выбор. Важно, что они облегчают

трудоустройство как там, где молодой человек уже трудится, так и в других местах, поскольку работодатель заинтересован в соискателе с опытом работы. Эффект этих преимуществ в сочетании с воздействием других подталкивающих к их использованию обстоятельств (например, распространение платы за обучение) сказывается вполне явно: сочетание работы и учёбы для значительного числа студентов стало обыденностью, несмотря на сопутствующие трудности [6].

Другой вопрос, возникающий при интерпретации данных: правомерно ли, вообще, рассматривать и, более того, оценивать полезность образования исключительно с точки зрения утилитарного использования в экономике? Имеющаяся статистика располагает к самым общим и формальным оценкам. Но, может быть, следует несколько усомниться в правомерности такого подхода, – заметим, не только к образованию, но и к людям?

Например, когнитивные и некогнитивные составляющие того, что приобретено за годы учёбы, используются в разной мере в зависимости от характера выполняемого труда. Специальные знания могут быть (здесь важно – *могут*) в более полной мере использованы на работе по специальности, а более общие – и на любой работе. Немало примеров того, как знания в одной области оказываются полезными в иной сфере деятельности, а квалифицированные специалисты переходят в другую отрасль и становятся успешными. Таким образом, оценка и деятельности образовательной организации, и поведения выпускника на рынке труда, с точки зрения совпадения подготовки и работы, теряет свою буквальную, по сути, элементарную, примитивную основу.

Универсальное применение находит социализация, полученная за время учёбы. Это – не менее ценное, чем знания по специальности, приобретенные выпускниками любой образовательной организации – получил ли он курс по программам высшего образования, подготовки специалистов среднего звена или квалифицированных рабочих и служащих. Например, умение учиться, коммуникативные навыки, усвоенные за время учёбы, понадобятся практически везде. Социализация, однако, бывает всякая; бывает и такая, что помешает карьере, а может, работа потребует переменитьсь. Разные образовательные организации могут прививать разные навыки, и разные из них могут потребоваться в разных сегментах рынка труда (например, специфические – в теневой экономике).

И наконец, были и остаются важнейшими роль образования для развития личности, общегуманистическое значение образования. Об этом, к сожалению,

порой забывают эксперты, но, к счастью, не акторы образования и рынка труда. В ходе мониторинга образовательных и профессиональных траекторий выпускников вузов молодые наши респонденты, окончившие вузы несколько лет назад, говорили, что не жалеют о годах, проведённых за учёбой, и в тех случаях, когда получили специальность, которая не понадобилась; они рады, что получили образование, которое даёт широкий взгляд на мир, помогает в жизни [7]. Особенно это характерно для хорошего гуманитарного образования. Впоследствии человек оканчивает, например, курсы и приобретает профессию, которая нужна рынку труда. А молодой рабочий, занятый в цехе тяжёлым физическим трудом, говорил исследователям, что даст своим детям высшее образование, хотя оно, наверное, не будет востребовано; он сделает это, чтобы дети были образованными людьми, кем бы ни довелось им работать [8, 401]. Так называемым потребителям образовательных услуг хорошо видно, что образование обнаруживает свою полезность не только на рабочем месте.

Требования современности настолько серьёзны, что не принимать их во внимание невозможно: от учёта их зависит, какое место страна будет занимать в будущем мире. По мере развития инновационного сектора экономики будет расти потребность в соответствующих его требованиям кадрах. Сможет ли наша молодёжь ответить на этот вызов национальной экономики? Будет ли способна наша система образования обеспечить нужную структуру и содержание подготовки кадров?

Ответы на эти вопросы находим в данных исследований. Не следует опасаться, что проблемы станут неразрешимыми. Отечественный опыт демонстрирует высокую степень подвижности, реактивности социального поведения молодёжи и адаптивности сферы образования. Он показывает, что молодёжь чрезвычайно остро чувствует перемены, и её устремления неотрывно следуют за новыми возможностями и требованиями времени: возрастёт нужда в специалистах высокого уровня, соответствующим образом социально вознаграждаемых, увеличится и доля молодёжи, стремящейся к таким квалификациям и статусам. А сфера образования в случае изменения спроса вынуждена будет удовлетворять его новым характеристикам (подобно тому, как она перестроилась, чтобы соответствовать сегодняшнему дифференцированному спросу на знания и на дипломы) и ещё раз продемонстрирует свои ресурсы; это произойдёт независимо от того, в какой степени она открыта к прямому сотрудничеству с работодателями.

Список литературы

1. Молодежь в СССР. Стат. сборник. М., 1989. 383 с.
2. Труд в СССР: Статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988. 302 с.
3. Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российское образование для инновационной экономики: «болевые точки» // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 40–48.
4. Шафранов-Куцев Г.Ф. Современные вызовы и реальность профориентационной деятельности в системе «Школа–ВУЗ–рынок труда» // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 120–128.
5. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодёжь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37–48.
6. Мылласова О.В., Константинова А.Ю. Совмещение работы и учебы: всегда ли средства оправдывают цели? [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/06/68231> (Дата обращения: 18.08.2018).
7. Мониторинг непрерывного образования: инструмент управления и социологические аспекты / [С.А. Беляков, В.С. Вахштайн, В.А. Галичин и др.]; Науч. рук. А.Е. Карпухина. М.: МАКС Пресс, 2006. 340 с.
8. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодёжь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. 548 с.

ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ FEATURES OF THE NEW FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS

Л.В. Куриленко

*Самарский национальный исследовательский
университет им. С.П. Королева, г. Самара*

L.V. Kurylenko

Samara National Research University named after S.P. Korolev, Samara

Выявляются новые методологические основы и стратегии подготовки будущих специалистов в высшей школе. С этой целью анализировались группы компетенций, представленных во ФГОС 3++, что позволило определить специфику подготовки и прийти к выводу о необходимости стратегии подготовки в высшей школе, опирающейся на диалоговый стиль взаимодействия субъектов процесса подготовки.

The article is devoted to the identification of new methodological foundations and the definition of a strategy for training future specialists in higher education. For

this purpose, the competency groups presented in FSES 3++ were analyzed, which made it possible to determine the specifics of training and come to the conclusion about the need for a training strategy in higher education, based on the dialogue style of interaction between the subjects of the training process.

Ключевые слова: система подготовки в высшей школе, универсальные компетенции, профессиональные компетенции, стратегия подготовки в высшей школе, методологические основы подготовки в высшей школе, диалогическое обучение

Keywords: training system in higher education, universal competencies, professional competencies, training strategy in higher education, methodological foundations of training in higher education, dialogic training

Социально-системный кризис, переживаемый Россией, делает чрезвычайно актуальной проблему появления новых идей и людей, мыслящих и действующих нестандартно и вместе с тем культурно, способных к творчеству и оптимальному управлению деятельностью других людей и своей собственной для достижения социально значимых целей. В связи с этим в системе высшего образования наблюдается переход от социально утилитарной школы, обеспечивавшей воспроизводство рабочей силы и распространявшей моноидеологическое мировоззрение, к школе, направленной на разностороннее развитие человека, создающей условия для самореализации, саморазвития, достижения успеха в обучении. На это указывают обозначенные во ФГОС 3++ группы компетенций, среди которых особого внимания заслуживают универсальные и профессиональные.

В частности, анализ группы универсальных компетенций показывает, что формирование таких способностей и качеств личности будущего специалиста, как системность и критичность мышления, означающих умение самостоятельно заниматься поисковой деятельностью и с этой целью критически оценивать полученную информацию, системно решать задачи, возникающие в процессе поиска, самостоятельно ставить перед собой цели деятельности, планировать этапы и выбирать оптимальные варианты ее достижения позволяет воспитывать в себе качества личности, направленные на умение взаимодействовать в команде, исполнять роли, предлагаемые в процессе совместной деятельности членами команды, что в полной мере отвечает задачам самоорганизации и саморазвития и, действительно, носит универсальный характер и имеет значение для всех направлений подготовки и специальностей.

Группа профессиональных компетенций привлекательна тем, что во-первых, согласно ФГОС 3++, разрабатывается на основе профессиональных стандартов, а это означает тесную взаимосвязь системы подготовки специалиста и сферы производства, соответствующей его профессиональной

деятельности; во-вторых, при разработке профессиональных компетенций за основу берутся требования, предъявляемые будущим специалистам рынком труда, что позволяет предполагать высокую востребованность данных специалистов в будущем; в-третьих, привлечение работодателей к разработке профессиональных компетенций позволяет рассчитывать на стопроцентное трудоустройство выпускников.

С этой точки зрения, процессы демократизации и гуманизации в системе подготовки в высшей школе как социального института обучения и воспитания заключают в себе следующие тенденции:

1) направленность на поддержку и защиту развивающейся личности, на создание оптимальных условий для ее творческого развития, на «формирование социальной адаптивности и мобильности» (В.И. Загвязинский) в условиях рыночной экономики;

2) обретение обучающимся своего образа, «лица» (К. Юнг) в процессе усвоения им накопленной культуры и «выращивания» своей собственной;

3) развитие школы как единого «благоустроеннейшего государства» (Я.А. Коменский) с целью создания условий для созидательной деятельности каждого из участников подготовки будущего специалиста.

Следовательно, имея в виду данные тенденции, высшая школа в современных условиях решает задачу по формированию разносторонне развитой личности путем приобщения ее к общечеловеческой культуре, взятой в аспекте социального опыта и последующей его трансформации в опыт индивидуальный. Главной отличительной чертой такого образования является особое внимание как к индивидуальности обучающегося и его личности в целом, так и к индивидуальности и личности преподавателя.

Проблема развития личности исследовалась в разных направлениях. С одной стороны, личность рассматривалась в качестве социального индивида, что означало обеспечение соответствующих условий, приводящих к становлению необходимых социально значимых качеств посредством овладения знаниями, нормами и правилами человеческого общежития. Главными являлись социальные факторы развития личности (Л.Н. Коган, И.И. Резвицкий, Г.Н. Филонов, И.Т. Фролов и др.).

С другой стороны, личность понималась как индивидуальное выражение социальных свойств и качеств человека, индивидуальная форма бытия общественных отношений, мера социальности человека, что позволяло отличить личность от родовой характеристики человека, от его особенного и выделить в нем нечто индивидуальное, единичное (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Э.В. Ильенков, В.Д. Шадриков и др.).

Неоднородность и многогранность позиций относительно проблемы развития личности позволяет акцентировать внимание на вопросе соотношения

индивидуального и социального как в личности обучающегося, так и в личности преподавателя. Его решение – это первостепенная по важности задача, актуальность которой объясняется и тем, что на современном этапе подготовки будущих специалистов индивидуальность обучающегося гиперболизировалась, сгладились его социальные качества, выявив уязвимые позиции преподавателя, потерявшего в «море» новшеств, появившихся в высшей школе, «благодаря» часто меняющимся образовательным стандартам. В связи с этим актуальными становятся вопросы, связанные с характером влияний этих новшеств на субъектов системы подготовки в высшей школе – обучающегося и преподавателя. Среди этих вопросов следует выделить проблему разработки методологических основ с учетом требований новых образовательных стандартов, инновационной стратегии подготовки, заключающейся в решении задач по формированию новой личностной позиции, новых смыслов организации процесса подготовки, а также нового диалогового стиля коммуникативной и интеллектуальной деятельности, новых способов социальных и межличностных взаимодействий субъектов процесса подготовки (В.Я. Ляудис).

Очевидно, что последняя задача является приоритетной, поскольку диалоговый стиль во взаимодействии ориентирует преподавателя на субъект-субъектные отношения с обучающимися, на помощь им в самоорганизации, саморазвитии и самореализации, на создание условий для их личностного роста, а также на совершенствование своих индивидуальных свойств и качеств личности. Процесс подготовки будущих специалистов, имеющий в основе общение как познавательную деятельность, позволяет наиболее полно формировать обозначенные в образовательных стандартах компетенции, что в соответствии с их содержанием становится значимым, так как в большинстве случаев сегодняшний преподаватель выступает в реальной ситуации учебного занятия как «человек монолога», для него по-прежнему характерно статусное доминирование, приоритет субъект-объектных отношений с обучающимися.

Методологические основы теории диалога получили обоснование и развитие в работах М.М. Бахтина, который считал диалоговые отношения «...почти универсальным явлением, пронизывающим всю человеческую речь и все проявления, и отношения человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [1, с. 363].

Ученые (А.Б. Добрович, В.К. Дьяченко, К.М. Левитан, М.И. Лисина и др.) рассматривают учебный диалог как процесс взаимообучения с целью взаимообогащения его участников личностными смыслами, то есть смыслами, детерминирующими восхождение индивидуальности к своей личности через личность другого. В таких условиях процесс подготовки будущих специалистов в высшей школе на высоте его конструктивных возможностей призван

осуществляться в динамике столкновения и взаимообогащения различных сфер, проявлений личности, способной к восприятию других и в то же время способной к самокритике и к риску принятия на себя свободной ответственной позиции.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2016. 282 с.
3. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные педагогические труды. 2-у изд., перераб. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
4. Добрович А.Б. Общение: Наука и искусство. М.: Яуза, 1996. 254 с.
5. Дьяченко В.К. Сотрудничество в обучении. М.: Просвещение, 1991. 191 с.
6. Загвязинский В.И. Педагогическое творчество учителя. М.: Педагогика, 1987. 159 с.
7. Коган Л.Н. Человек и его судьба. М.: Мысль, 1988. 283 с.
8. Коменский Я. Всеобщего совета об исправлении дел человеческих // Педагогическое наследие / Сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1989. С. 106–136.
9. Левитан К.М. Культура педагогического общения. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985. 102 с.
10. Ляудис В.Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия // Педагогическая психология: хрестоматия: учебное пособие / Сост. Б.Б. Айсмонтас. М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2004. С. 225–234.
11. Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество: Проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М.: Политиздат, 1984. 141 с.
12. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996. 318 с.
13. Юнг К. Психология бессознательного. М.: Канон +, 2019. 320 с.

**АКТУАЛИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЛАНДШАФТОВ
ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ТРАНЗИТИВНОСТИ
ACTUALISATION OF UNIVERSITY LANDSCAPES
IN THE FACE OF THE CHALLENGES OF TRANSITIVITY**

Н.С. Ладъжец

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

N.S. Ladyzhets

Udmurt State University, Izhevsk

Анализируются процессы в сфере университетского образования в условиях вызовов транзитивности. Подчеркивается роль региональных университетов в связи с ужесточением многоуровневой конкуренции.

The processes in university education in the context of transitivity challenges are analyzed. The role of regional universities in connection with toughening multilevel competition is highlighted.

Ключевые слова: транзитивность, университетская экосистема, университетское управление

Keywords: transitivity, university ecosystem, university governance

Если определить основное значение термина «транзитивность» – то это переходность, изменчивость. В последние десятилетия многие западные социологи, покидая магистраль устойчивого развития, позиционируемую как приоритетную, стали говорить об обществе потоков, перехода, транзитивном обществе. Появление новой терминологии свидетельствовало о том, что нормативными становятся потребности в постоянстве инновационных изменений, обеспечивающий лидерство, превосходство, конкурентные и рейтинговые преимущества. Именно инновации все в большей степени попадают в фокус управленческих стратегий в ключевых сферах социального взаимодействия. Перед этими транзитивными вызовами инновационного развития, актуализируемыми на глобальном, национальном и региональном уровнях, оказались и университеты, рассматриваемые как генераторы и драйверы инноваций.

Характерно, что они становятся, действительно, стратегически значимы для всех университетских систем и университетов, включая региональные. Еще несколько лет назад можно было говорить только о крупных и высоко рейтинговых университетах. Сегодня совершенно очевидно, что в условиях ужесточения многоуровневой конкуренции максимальным рискам и угрозам оказываются подвержены менее статусные региональные университеты. Располагая существенно меньшими внутренними бюджетами, они вынуждены проявлять повышенную адаптацию ко всем внешним вызовам, отстаивая

признание приоритетных для региона направлений обучения и исследования; изыскивая возможности поддержки региональных ветвей власти и кооперации с бизнесом; а также реализуя целый комплекс регионально значимых мероприятий для перехода от статуса университета транзита, теряющего лучших абитуриентов и выпускников, к статусу транзитивного университета, привлекательного на всех уровнях предоставления подготовки и результативно взаимодействующего с работодателями по созданию новых перспективных мест профессиональной занятости.

В сегодняшнем новом обществе постоянства ускоренных изменений именно университеты могут стать ключевыми игроками в развитии не только навыков и компетенций выпускников, но также исследовательских и инновационных преимуществ, формируя университетскую экосистему, которая, при согласовании инициатив, может стать инновационной, партнерской экосистемой региона. В этом случае все три миссии университета оказываются взаимно дополнительные, собственно университет становится реальным источником и драйвером стратегически значимых изменений, а все ключевые для этих процессов термины – «комплексность», «инициативность», «инновационность», «согласованность», «партнерское взаимовыгодное взаимодействие» – стратегически значимы. Разумеется, это требует больших изменений в управлении университетом, в организации учебного процесса, в позиционировании ресурсов университета для партнерского взаимодействия в регионе и на образовательных рынках.

Ситуация оказывается приближена к рыночной: тот, кто достиг топовых позиций в конкурентовании и остановился на этой модели ведения бизнеса как наилучшей, завтра, с неизбежностью, утратит эти позиции. В этих условиях факторы выбора и риски как управленческих команд, так и всех участников университетского взаимодействия многократно возросли, так же, как и ответственность за принимаемые решения.

Радикальное изменение приоритетов современного социума в предельно заостренной форме сформулировал еще Уильям Бек: «Мечтой старого общества является то, что каждый хочет и должен иметь долю пирога. Утопией общества риска является то, что каждый должен быть избавлен от отравления» [1]. Но еще ранее Уинстон Черчилль утверждал, что любой кризис – это всегда новые возможности.

Увидеть и развить эти возможности, скорее и успешнее, получится у дженералистов-универсалов, способных встраивать быстрое изменение технологий в содержание и формы образовательно-исследовательского процесса. Расширение горизонтов видения позволяет развивать не только ресурсную базу коллабораций университетов, но и инновационные направления в межотраслевой

кооперации университетских экосистем. Сегодня будущее представляется возрастающе неопределенным, поэтому и подготовка студентов должна стать многопрофильной, с акцентом на развитии когнитивных способностей, а не узкоспециальных навыков и знаний, которые, по необходимости, должны добираться самостоятельно и на протяжении всей жизни.

2020 год под знаком общепланетарных усилий в борьбе с COVID-19 во многом обрушил традиционные подходы к определению приоритетов в теории и практике университетов. Соответственно, вызовы транзитивности – быстрой адаптации к изменениям и развития – привели к осмыслению необходимости учета новых трендов для университетов и университетских систем.

По публикациям ведущих экспертов и обзорам образовательных рейтинговых структур, можно выделить несколько совершенно новых либо видоизмененных основных направлений, которые должны учитываться в университетском управлении [2].

- Сокращение численности иностранных студентов, преподавателей и исследователей.
- Сокращение международных образовательных программ и исследовательских проектов.
- Развитие дистанционных образовательных программ с интерактивным образовательным взаимодействием и виртуальными тренажерами практик, разрабатываемых под целевые группы студентов.
- Повсеместный переход к смешанному аудиторно-дистанционному интерактивному обучению.
- Постоянство переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава и управленческого аппарата в овладении новыми образовательными и управленческими технологиями.
- Снижение финансирования национального высшего образования и международных грантовых программ образовательных и исследовательских стажировок.
- Развитие университетских коллабораций, партнерских союзов в формате «тройной спирали инноваций», преимущественно в области STEM.
- Усиление крена в сторону практического, утилитарного обучения на прикладном бакалавриате для массового сегмента и развитие аналитически-креативного мышления у студентов продвинутых уровней и форм университетской подготовки.
- Постоянство актуализации университетских программ в направлении обеспечения качества с учетом потребностей всех участников партнерского взаимодействия университета с внешними контрагентами.

- Развитие технологий и культуры обеспечения безопасности и защиты конфиденциальности данных в цифровой образовательно-исследовательской среде.

- Создание университетских подразделений и межуниверситетских коллабораций по выявлению и мониторингу рисков и угроз с моделированием и оценкой сценариев устранения негативных следствий.

Все перечисленное, безусловно, изменяет международный и национальные ландшафты университетского образования. Это – уже не тенденции отдаленного будущего, а транзитивные вызовы сегодняшнего дня, которые становятся повесткой необходимых комплексных изменений для всех университетов.

Список литературы

1. Curtis A. The vegetables of truth / Adam Curtis // BBC, Friday 10 October 2014. URL: <http://www.bbc.co.uk/blogs/adamcurtis/entries/a2094c9d-9864-348e-a241-7aa93adf0c09/>

2. Huang F. Keeping one step ahead of COVID-19's likely impact on HE / Futao Huang // University World News. 19 September 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200918134321220>.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ, ПОЛУЧАЮЩИХ ВЫСШЕЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

PSYCHOLOGICAL READINESS OF STUDENTS TO USE DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES ON THE EXAMPLE OF STUDENTS RECEIVING HIGHER MEDICAL EDUCATION

В.М. Леванов, И.Б. Карпухин, Е.А. Перевезенцева
*Приволжский исследовательский медицинский университет,
г. Нижний Новгород*

V.M. Levanov, I.B. Karpukhin, E.A. Perevezentseva
*Privolzhsky Research Medical University,
Nizhniy Novgorod*

Рассматриваются результаты исследования психологической готовности студентов, обучающихся в Приволжском исследовательском медицинском университете, к использованию дистанционных образовательных технологий. Полученные данные, основанные на диагностике психологической готовности и мотивации студентов к дистанционному образованию, дают возможность

разработки инструмента для психологической адаптации обучающихся к дистанционным образовательным технологиям.

The article examines the results of the study of the psychological readiness of students studying at the Volga Research Medical University to use distance learning technologies. The data obtained, based on the diagnosis of psychological readiness and motivation of students for distance education, make it possible to develop a tool for psychological adaptation of students to distance learning technologies.

Ключевые слова: дистанционное образование, дистанционные образовательные технологии, студенты, мотивация, медицинское образование

Keywords: distance education, distance learning technologies, students, motivation, medical education

Введение

Интенсификация учебной деятельности и переход от традиционной организации учебного процесса к инновационным технологиям существенным образом повышают требования к состоянию здоровья учащихся [1, с. 3]. Дистанционное обучение является одной из разновидностей современного образования. В процессе любого вида обучения возникает потребность в психологическом комфорте всех участников этого процесса, а в дистанционном обучении комфортные психологические условия наиболее важны [2].

В психологии сложилось понимание «готовности» как условия быстрого включения в деятельность, качественного освоения и совершенствования изучаемого материала, оптимальности реализации и высокой продуктивности деятельности, устойчивости и надежности осуществления деятельности в сложных, динамично меняющихся ситуациях [3].

Большое значение в дистанционном обучении имеет мотивация. Именно мотивация к получению прочных знаний является движущей силой для дистанционного обучения [4]. Проблема мотивации студентов к обучению в дистанционном формате можно по праву считать одной из важнейших в рамках образовательной деятельности [5].

Материалы и методы

Объектом исследования была психологическая готовность, предметом – структура психологической готовности учащихся к использованию дистанционных образовательных технологий. Основным исследовательским инструментом стала анкета, состоящая из тринадцати вопросов, включающая шкалу для изучения психологической готовности к использованию дистанционных образовательных технологий (авторы С.А. Векилова, И.С. Клецина, Г.В. Семенова). Исследование было организовано как добровольный анонимный онлайн-опрос на основе Google-формы. Всего в

исследовании приняли участие 110 студентов с первого по шестой курс Приволжского исследовательского медицинского университета.

Результаты

Психологическая готовность студентов к использованию дистанционных образовательных технологий имеет двухфакторную структуру и состоит из следующих компонентов: «осознание необходимости и важности применения дистанционных образовательных технологий» и «позитивное эмоционально-оценочное отношение к дистанционным образовательным технологиям» [6].

По результатам опроса были получены следующие данные: большинство студентов готовы включаться в работу по использованию дистанционных технологий и при этом чувствовать себя уверенно (44.4%), 24.4% «скорее готовы, чем нет», и 20% ответили «скорее нет, чем да», 11.2% – «затрудняются ответить».

Испытывают внутреннее сопротивление при необходимости работать с дистанционными образовательными технологиями всего 15.6% («скорее да, чем нет»), 24.4% – «скорее нет, чем да», а 60% вообще не испытывают внутреннего сопротивления при работе в дистанционном формате.

Испытывают негативные эмоции, когда вынуждены осваивать дистанционные технологии, всего лишь 11.1% («скорее да, чем нет»), 29.3% – «скорее нет, чем да»; 59.6% уверены, что не испытывают страх и тревогу при работе с дистанционными технологиями. Почти половина опрошенных (45%) считают, что результативность при работе с дистанционными технологиями остается на высоком уровне, 37.2% – отвечают на вопрос «скорее да, чем нет», и 17.8% – «скорее нет, чем да».

Таким образом, можно отметить, что у части студентов, получающих высшее медицинское образование, присутствует неуверенность в собственной компетентности при использовании дистанционных технологий, наличие негативных эмоций (страха, тревоги) из-за сложностей при их освоении, низкая оценка результативности собственной деятельности с использованием этих технологий [6].

Можно сделать вывод, что обучающиеся недостаточно мотивированы к учебной деятельности, чему способствуют разные причины, в том числе и психологические [7]. Создание положительной мотивации является одним из ключевых направлений работы, нацеленной на активное заинтересованное участие в преобразованиях, раскрытие творческого потенциала, формирование благоприятного психологического климата [8].

Что касается убеждений в необходимости использования технологий и согласия применять их в своей деятельности, большинство студентов (39.6% – «да», 35.8% – «скорее да, чем нет») уверены в необходимости использования

дистанционных образовательных технологий в будущем, и лишь часть отвечают «скорее нет, чем да» (19.2%), 5.4% – «затрудняются ответить».

В совокупности почти 2/3 опрошенных студентов (40% – «да», 20% – «скорее да, чем нет») готовы тратить свое время на освоение дистанционных технологий, 17.8% – «скорее нет, чем да», 13.3% – «нет» и 8.9% «затрудняются ответить».

Более половины (53.3%) студентов считают, что освоение дистанционных технологий означает идти в ногу со временем, 29.9% – «скорее да, чем нет», и всего лишь 9.1% ответили отрицательно на этот вопрос («скорее нет, чем да»). 7.7% «затрудняются ответить».

Ответы на эти вопросы отражают позитивность эмоций при использовании дистанционных образовательных технологий, веру в будущее этих технологий, в их современность, приемлемость временных затрат на освоение этих технологий и удовольствие от их использования.

Выводы

В результате проведенного исследования удалось выяснить, что большинство студентов, получающих высшее медицинское образование, уверены в собственной компетентности при использовании дистанционных технологий, и не испытывают негативных эмоций при их освоении, готовы использовать данные методы и верят в современность и будущее этих технологий.

Список литературы

1. Перевезенцев Е.А. Состояние здоровья и пути оптимизации медицинского обеспечения подростков – учащихся профессиональных училищ и техникумов агропромышленного района // Автореферат диссертации. 2009. Рязанский гос. мед. ун-т им. И.П. Павлова. Рязань, 2009. 24 с.

2. Шигабетдинова Г.М., Углева Е.В. Психологическая готовность к высшей школе в контексте дистанционного обучения // Электронное обучение в непрерывном образовании 2018. V Международная научно-практическая конференция. С. 740–743.

3. Мельничук А.С. Готовность к обучению в ВУЗЕ как психологический феномен // Акмеология. 2010. № 4. С. 56–58.

4. Гладких И.Б. Мотивация в дистанционном образовании (модель Келлера применимо к студентам с ОВЗ) // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 25. С. 58–62.

5. Королева О.А. Особенности мотивации студентов при дистанционном обучении // Педагогический форум. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 215–217.

6. Семенова Г.В., Гусева Ю.Е., Поссель Ю.А. Структура психологической готовности к использованию дистанционных образовательных

технологий у педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2019. № 2. С. 71–79.

7. Саласин Д.В. Проблема мотивации в дистанционном обучении // Дистанционное обучение – образовательная среда XXI века: материалы XI Международной научно-методической конференции, 2019. С. 272–273.

8. Перевезенцев Е.А., Леванов В.М. Мотивация как ведущий компонент при внедрении и применении принципов бережливого производства в медицинских организациях (аналитический обзор) // Кубанский научный медицинский вестник. 2020. № 27 (4). С. 134–148.

**ВЫСШАЯ ШКОЛА – СУБЪЕКТ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
HIGHER SCHOOL – SUBJECT OF NEW DIRECTIONS
OF SOCIAL MOBILITY**

Л.И. Найденова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

L.I. Naydenova

Penza State University, Penza

Дан краткий аналитический обзор основных направлений социологических исследований высшей школы в современном российском обществе. Сделан вывод о том, что институциональная деятельность высшей школы наполняется новым содержанием, при этом ее деятельность включает возможности перехода к другим статусам с новыми социальными признаками.

The article provides a brief analytical review of the main directions of sociological research of higher education in modern Russian society. It is concluded that the institutional activity of higher education is filled with new content, while its activities include the possibility of transition to other statuses with new social characteristics.

Ключевые слова: высшая школа, институциональные функции, социальные статусы, социальные слои, прекариат

Keywords: higher school, institutional functions, social statuses, social strata, precariat

Среди современных исследований институциональной деятельности высшей школы в современном российском обществе надо выделить ряд следующих, наиболее важных, на наш взгляд, направлений.

Трудоустройство и подбор кадров как функция высшей школы; социальное партнерство работодателей и вузов, обеспечивающих качество профессиональной подготовки. Примером может быть исследование Г.А. Ключарева, посвященное проблеме трудоустройства выпускников вузов по

полученной специальности, а также проблеме взаимосвязи вузовского и корпоративного образования [1]. Необходимым условием для разработки будущей образовательной модели является взаимосвязь профессионального образования с бизнесом.

Еще одним интересным примером является исследования А.Ю. Мягкова по проблемам взаимных ожиданий студентов технического вуза и потенциальных работодателей [2]. На основе анализа самооценки личностного и профессионального потенциала студентов, их мнений о значимости профессиональных компетенций, о качествах молодого специалиста, наиболее востребованных на российском рынке труда, автор приходит к выводу, что еще существует серьезный разрыв между профессиональными и личностными ресурсами выпускников и требованиями внешней среды.

Высшее образование как система и социальный институт, в том числе региональные аспекты. В этом плане показательным является исследование Н.Н. Калмыкова [3]. По результатам опроса экспертов определены основные цели и задачи развития российского образования: повышение заработной платы преподавателей, совершенствование их профессионального уровня, обеспечение соответствия качества профессиональных образовательных программ потребностям российского общества. Снижение доступности, недостаточное финансирование, ухудшение качества подготовки и недостаточную их востребованность названы основными проблемами сферы образования. Как одно из перспективных направлений развития отмечено государственно-частное партнерство, способствующее взаимодействию работодателей с вузами.

Известные и ведущие специалисты в сфере социологии образования Г.Е. Зборовский и Е.А. Шуклина [4] обосновывают необходимость и выявляют возможности создания целостной системы высшего образования в федеральном округе как основные направления институционального развития высшего образования в современном российском обществе. Предполагается, что способом создания такой системы может стать переход к нелинейному развитию высшего образования в макрорегионе, поскольку уже существуют предпосылки перехода к такому развитию. Это формирование межвузовского сетевого взаимодействия, трансформация управления университетами, изменение траекторий академической мобильности с внешней (зарубежной) на внутреннюю (макрорегиональную), усиление инновационности образовательного и научно-исследовательского процессов.

Все это приводит к необходимости исследовать институциональные функции образования, в том числе высшего, которые наполняются новым

содержанием в соответствии с происходящими трансформациями в социально-экономической сфере и с информатизацией общества.

Но возникли и побочные последствия модернизации содержания и структуры высшего образования. Исследования Н.А. Селиверстовой выявили, каким образом и почему в процессе модернизации содержания и структуры российского высшего образования при отсутствии достаточных ресурсов (финансовых, материально-технических, кадровых) возникает имитация основными участниками образовательного процесса образовательных практик в высшей школе. Она возникает как ответная рационализация действий и реакция на высокую нагрузку. Одновременно развивается имитация образовательных практик студентами, для которых это – проявление рационализации, средство подтверждения своего социального статуса и/или достижения цели – диплома о высшем образовании [5].

Важную роль в возникновении таких неожиданных и нежелательных явлений сыграло всеобщее введение оплачиваемых образовательных услуг при получении профессионального образования в высшей школе. По результатам исследования Н.Г. Яковлевой [6], происходит подчинение сферы образования финансовому капиталу и его акторам. В результате образование формирует социальные стереотипы поведения социальных групп и в итоге приводит к формированию социального типа человека, которого условно можно назвать «человеком финансовым». Это в целом, ведет к формированию нового – финансово ориентированного – социального типа поведения.

Происходящие изменения не всегда оказываются положительными для реализации институциональных функций высшего образования. А.М. Осипов, Н.А. Матвеева и др. исследовали информационные потоки в российском образовании и их влияние на социальное и профессиональное самочувствие работников образования. Выявлено, что основным источником бумажного прессинга стала ошибочная управленческая стратегия на основе общественно-государственного управления, что привело российское образование к институциональному тупику [7].

Стратегии деятельности вузов и основных участников деятельности. А.О. Грудзинский и Е.В. Чупрунов [8] исследуют стратегии вузов в связи с переходом в целевое конкурентоспособное состояние, и основные элементы «дорожной карты» повышения конкурентоспособности на примере Нижегородского государственного университета (ННГУ). Это стандартизированные стратегические инициативы, направленные на производство конкурентоспособных интеллектуальных продуктов в образовании, науке и инновационной деятельности, и уникальные инициативы по развитию специфичных для ННГУ конкурентных преимуществ.

В результате происходящих трансформаций высшей школы отчетливо выступают новые явления и изменения в социальной структуре и социально-стратификационных процессах. По результатам исследований современных российских социологов, к ним можно отнести, например: появление прекариата как нового социального слоя; появление новых признаков социального статуса, характерного для представителей этого же прекариата; изменение отношения к высшему образованию. Известный социолог П.А. Сорокин охарактеризовал образование как социальный лифт, или канал, который помогает перейти к новому социальному статусу. Сейчас, если продолжить это образное сравнение, более уместно будет охарактеризовать образование, в частности высшее, как «транспортно-пересадочный терминал» со сложной структурой, в котором социальные деятели имеют разную мотивацию, цели, возможности для занятия желательного статуса.

Таким образом, институциональная деятельность высшей школы как субъекта трансформаций включает возможности формирования новых социальных слоев с появлением новых признаков социального статуса.

Список литературы

1. Ключарев Г.А. О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 3. С. 51–59.
2. Мягков А.Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 102–109.
3. Калмыков Н.Н., Сатырь Т.С. Российское высшее образование: взгляд экспертов // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 91–97.
4. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Шуклина Е.А. Существует ли система высшего образования в России? // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 76–86.
5. Селиверстова Н.А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 3. С. 71–77.
6. Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 12. С. 104–114.
7. Осипов А.М., Матвеева Н.А., Бояджиева П.А., Воронцов Я.А. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 3. С. 60–70.
8. Грудзинский А.О., Чупрунов Е.В. Стратегические изменения университета для повышения конкурентоспособности // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 132–140.

**ГРАЖДАНСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БУДУЩИХ
ПЕДАГОГОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
**CIVIL AND SOCIAL SELF-DETERMINATION OF FUTURE TEACHERS:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Л.Ф. Шаламова

*Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), г. Москва*

Ю.С. Трофимова

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

L.F. Shalamova

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

Yu.S. Trofimova

Lobachevsky University

Рассматриваются результаты социологического опроса студентов педагогических вузов, которые проходили обучение по профессиональной программе «Вожатый» в ФКЦ МПГУ в 2020 г. Опрос касался проблем гражданского и социального самоопределения молодых людей. Некоторые позиции ответов студентов сопоставляются с опросом по аналогичному инструментарию студентов – участников студенческих педагогических отрядов в 2010 г.

The article discusses the results of a sociological survey of students of pedagogical universities who were trained in the professional program "Counselor" in the FKC MPGU in 2020. The survey concerned the problems of civil and social self-determination of young people. Some positions of students' responses are compared with a survey using similar tools of students participating in student teaching teams in 2010.

Ключевые слова: вожатый, воспитание, педагог, гражданин, патриотизм, гражданское самоопределение, социальная активность

Keywords: counselor, education, teacher, citizen, patriotism, civil self-determination, social activity

Одной из важнейших задач в современной России является необходимость выстраивания эффективной системы организации работы по формированию фундамента целостного развития личности, ее социализации и самоопределения. Именно в процессе воспитания определяется траектория духовно-нравственного и гражданского становления подрастающего поколения, усвоения им общечеловеческих ценностей, ведущих жизненных принципов. Этот процесс формируется еще в самом начале жизненного пути ребенка и продолжается на протяжении всей его жизни.

Наиболее важным периодом для личностного становления являются школьные годы.

Не случайно Федеральными законами от 01.03.2020 N 47-ФЗ, от 31.07.2020 N 304-ФЗ были внесены изменения в Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и расширено в то же время конкретизировано понятие «воспитание».

Сегодня «воспитание – это деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [1].

Очевидно, чтобы осуществлять воспитательную работу с детьми, сами педагоги, воспитатели, вожатые должны обладать соответствующими гражданско-патриотическими качествами, разделять традиционные для нашего народа социальные и духовные ценности, обладать такой гражданской позицией, которая способствует формированию гражданственности и патриотизма, гражданской идентичности российских детей, утверждению в их сознании уважения к историческому и культурному прошлому России, готовности к выполнению гражданского долга.

Признавая важность вышесказанного, сотрудники Федерального координационного центра по подготовке и сопровождению вожатских кадров МПГУ на стадии обучения студентов по программе профессиональной подготовки «Вожатый» с целью определения проблемных зон провели сплошной социологический опрос, в котором приняло участие 150 респондентов из 14 субъектов Российской Федерации по инструментарию, идентичному опросу представителей студенческих педагогических отрядов (далее СПО), проведенному авторами в 2010 г. Среди участников СПО были 240 представителей педагогических вузов и студентов, обучающихся по разнообразным направлениям подготовки.

Прежде всего было важно выявить, что для участников опроса представляет собой современная Россия. Значительная часть опрошенных (40,4%) заняли нейтральную позицию: для них Россия всего лишь страна, в которой они живут. Это на 22,9% больше, чем в 2010 г.

Россию как страну больших возможностей воспринимают только 10%. Как мощное государство – страну, испытывающую временные трудности – 12,1% респондентов. Для сравнения, в 2010 г. такой позиции придерживались 21,8% участников СПО.

И только 25,5% участников опроса (что на 10% меньше, чем в опросе 2010 г.) воспринимают свою страну, как государство, которым можно гордиться.

Одним из важнейших направлений воспитательной работы с детьми является гражданско-патриотическое воспитание, значимость которого особенно возрастает в условиях, когда происходит фальсификация исторических событий, когда «ареной разрушения исторического сознания россиян оказалось беспримерное в мировой истории явление – Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Искажается истинное значение Победы, одержанной в этой войне над фашизмом, которая имеет всемирно-историческое значение» [2].

К сожалению, значительная часть будущих педагогов-вожатых недооценивает роль нашей страны в разгроме фашизма во Второй мировой войне. И хотя на как предмет гордости эту роль рассматривают на 13,3% респондентов больше, чем в 2010 г., их число составляет только половину от всех участников опроса – 53,5%. И это при условии, что опрос происходил в год празднования 75 годовщины Победы.

Опрос показал и снижение доверия молодежи к представителям органов власти: Президенту Российской Федерации выразили доверие 38,7% (против 46,6% – в 2010 г.), Достаточно большое количество респондентов обозначили позицию «не доверяю» – 20,4%, что несколько меньше (на 2,9%, чем в 2010 г.).

Одновременно количество будущих педагогов – вожатых, которые затруднились с ответом, составило в 2020 г. почти 41%. (в 2010 г. – 30%). Затруднились выразить свою позицию по отношению к Правительству Российской Федерации больше половины опрошенных студентов: 54,9%. Примерно каждый четвертый из участников опроса выражает свое недоверие Правительству РФ (26,10%), и только 19 % из них выразили свое доверие.

Не лучше выглядят цифры и при самооценке патриотических чувств молодежи. Абсолютное большинство молодых респондентов в целом правильно понимают патриотизм, однако уверенно назвать себя патриотом могут только 32,4% опрошенных. Еще 51,4%, хотя и не так уверенно, но относят себя к этому числу. Настораживает, что каждый шестой будущий вожатый и педагог в себе патриотических чувств не находят, и не относят себя к патриотам России. В опросе 2020 г. их количество на 6% возросло по сравнению с 2010 г.

Эти цифры заставляют серьезно озаботиться и задуматься о причинах сложившейся картины.

Очевидно одно, большое количество неопределившихся с ответом говорит о необходимости органов власти, воспитательных структур образовательных организаций, органов студенческого самоуправления обратить более серьезное внимание на студенческую молодежь и своевременность постановки вопроса о необходимости более серьезной воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования, организациях среднего профессионального образования и средних образовательных организациях.

При подготовке вожатских кадров важно выявить наличие у обучающихся своей позиции по отношению к различным событиям общественно-политической жизни в России, тем более что таких событий за прошедший год было не мало: обсуждение и принятие поправок к Конституции Российской Федерации, объявление режима самоизоляции из-за эпидемии Covid-19.

Свою позицию по отношению к происходящим событиям общественно-политической жизни России не имеют только 5,9% участников опроса (у половины из них не сформировалась способность к выработке собственной позиции, а вторая половина предпочитает ее вообще не иметь). Из тех, кто признает наличие собственной позиции, почти 33,8% респондентов имеют свою точку зрения и отстаивают ее по мере возможности. 17,6%, хотя свою точку зрения и позицию имеют, предпочитают ее обозначать, не отстаивая ее. Почти 10 % имеют свою точку зрения, но не высказывают ее из-за осторожности, потому что им это может навредить. В два раза уменьшилось количество участников опроса, обозначивших, что принимают официальную точку зрения, которой придерживаются представители органов власти, управления (таких молодых людей 2010 г. было 13 %, а в 2020 – всего 5,6%).

Заслуживает внимания еще одна группа отвечавших, которая имеет свое мнение, но не высказывает его, потому что не верит, что может хоть как-нибудь влиять на события. Она достаточно большая и насчитывает 26,1 % от всех участников опроса.

Эта позиция перекликается с факторами, препятствующими развитию социальной активности молодежи. На первое место почти половина участников опроса поставила «незнание, к кому и куда обратиться для реализации своих общественно значимых инициатив» (так ответили 40,4% респондентов). Вопрос был множественный и не ограничивал количество выбранных ответов.

Остальные факторы расположились следующим образом:

– лень – отметили 36,9%;

- отсутствие (недостаток) информации о возможностях применения своих сил в современных условиях – 31,2%;
- недоверие к органам государственной и муниципальной власти – 28,4%;
- неверие в собственные силы – 24,8%;
- неверие в возможность что-то изменить к лучшему – 23,4%;
- недостаток свободного времени – 15,6%;
- преобладание у молодых людей интересов, направленных на удовлетворение их собственных нужд – 14,2%;
- низкая разработанность системы стимулирования молодёжной активности – 12,2%;
- отсутствие эффективной молодежной политики в вузах – 10,6%;
- непонимание общественной значимости результатов такой деятельности – 10,6%;
- неорганизованность и разобщенность молодежи – 9,2%.

Как видно из ответов молодых людей, недоверие к властям и непонимание точек приложения молодежных сил являются ведущими факторами низкой социальной активности студенческой молодежи. При этом только треть опрошенных (34%) считают отношение государства к молодежи заинтересованным. Следует заметить, что количество придерживающихся такой точки зрения участников опроса возросло по сравнению с 2010 г. на 5%. На 13% снизилось количество студентов, которые считают, что государство использует молодежь в своих интересах. В 2020 г. такую позицию отметили 35,5%. 16% участников опроса отмечают безразличное отношение государства, а еще 14,5% ни с одной из выше обозначенных позиций не согласились, высказали, что у них другое мнение.

Представленные результаты исследования подтверждают необходимость возвращения в систему образования глубокой, целенаправленной работы по воспитанию личности будущего специалиста, и прежде всего это необходимо в сфере подготовки педагогических кадров.

Международные события вокруг выборов первых лиц государств, усложнение международных отношений показывают необходимость эффективного выстраивания общественно-государственного партнерства, направленного на поддержку формирования системы ценностей у молодых россиян, нравственного фундамента, необходимого для воспитания достойных, любящих свою Родину молодых людей, готовых посвятить себя развитию страны и её движению вперед.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902389617/> (Дата обращения: 01.11.2020).

2. Кикнадзе В.Г. Победа над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: значение для всемирной истории // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2015. № 1 (4). URL: <https://www.noo-journal.ru/2015-1-4/article-0031/> (Дата обращения: 03.11.2020).

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ВЕСЕННЕГО СЕМЕСТРА... СПАСИБО «КОРОНЕ»... ЗА ЧТО? THE FIRST RESULTS OF THE SPRING SEMESTER... THANKS TO THE «CORONA»... FOR WHAT?

Г.С. Широкалова
*Приволжский филиал
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород*
G.S. Shirokalova
*Volga Branch of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences,
Linguistics State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod*

Анализируется тренд российского высшего образования на переход к дистанционной форме обучения. Доказывается, что коронавирус ускорил реализацию задач Проекта «Будущее образования: глобальная повестка», ориентированного на формирование в России сословного / кастового общества. Анализируются результаты опыта автора по проведению онлайн занятий со студентами заочной формы обучения.

The trend of Russian higher education towards distance learning is analyzed. It is proved that the Coronavirus has accelerated the implementation of the objectives of the Project "The Future of Education: Global Agenda", focused on the formation in Russia of the class / caste society. The results of the author's experience in conducting online classes with distance learning students are analyzed.

Ключевые слова: студенты, преподаватели, качество обучения
Keywords: students, teachers, quality of education

У «спасибо» в данном случае многослойный подтекст: надежда на то, что руководство вузов обратит внимание на совершенствование технической базы, а Минобрнауки выделит средства на ее совершенствование. И ирония, поскольку большинство преподавателей и студентов убедились: «говорящая голова» по объективным причинам дает знаний/навыков значительно меньше.

В мае РАНХиГС провел исследование об отношении студентов к дистанционному образованию. Согласно результатам, около 66% студентов хотели бы вернуться в аудитории. За «удаленку» – 34%. К сожалению, подробные результаты еще не опубликованы, поэтому будем оперировать информацией из интервью руководителя лаборатории РАНХиГС Д. Рогозина. Известно, что РАНХиГС, вслед за ВШЭ, давно отстаивает удаленную форму обучения. Поэтому, учтем справедливое замечание по поводу полевых исследований Г.Б. Юдина.: существует проблема «возврата данных»: как следует возвращать полученные данные сообществу в российских условиях, и вообще в какой форме надлежит учитывать интересы сообщества ... Ответ на этот этически и методологически важный вопрос зависит от политических предпосылок коммуникации исследователя и информантов» [1, с. 66].

По мнению Д. Рогозина, студенты в большей степени недовольны тем, что произошло «резкое "падение" подвижности и мобильности, отсутствие общения со сверстниками, комнатная изоляция». «Когда все это исчезает, человек испытывает колоссальный стресс. Так что когда студент говорит, что ему не нравится дистанционный формат образования, зачастую он критикует не само обучение, а вынужденный изолированный стиль жизни» [2].

Итак, получается, что дело не в качестве образовательного процесса, а в ограничениях, наложенных карантином. Не будет карантина, восстановится мобильность – уйдут проблемы «шоковой терапии и стрессоустойчивости», вызванные, в том числе, отсутствием «нужной во всех возрастах дистанции с теми, кто живет в одной квартире» [2].

Проблем у преподавателей стало больше, чем у студентов: кроме личной адаптации к новым формам работы, надо «помогать студентам, нести ответственность за тех, кто так или иначе зависит от твоих решений и действий. Поэтому преподаватели, зажатые «тисками административных норм и правил» с большим скепсисом относятся к дистанционному образованию». Вывод: «надо говорить о гибридных формах образования, когда лекции, часть семинаров, тестовые задания могут проходить в онлайн, разгружая и делая более осмысленными очные встречи».

Еще одно интервью дал проректор РАНХиГС М. Назаров: «Коллеги говорят, что работать стало удобнее. По крайней мере, не надо тратить время на дорогу. А вот студенты с удивлением отмечают: нагрузка увеличилась, стало больше заданий. Учиться без очного контакта с преподавателем

труднее: домашняя обстановка отвлекает и расслабляет. Преподавателям важно продумывать сценарий, чтобы не потерять внимания слушателей по ту сторону экрана. Допускаю, что и студенты, и преподаватели могут не захотеть возвращаться к аудиторной версии занятий по тем предметам, которые не теряют в качестве на удаленке».

Минус онлайн: «лодырю на дистанционке легче "спрятаться", а нам сложнее его мотивировать. Сложнее почувствовать, все ли хорошо "доходит", ведь у ребят не всегда есть возможность оперативно переспросить что-то».

Плюсы дистанционки: «Онлайн-обучение не уступает по эффективности очным занятиям», «заочное образование, усиленное «цифрой», снова станет одним из значимых форматов обучения», «вузы сохранят до 80 процентов средств даже с учетом расходов на создание он-лайн-курсов» [3].

В сухом остатке: гуманитарные общеобразовательные предметы не теряют в качестве обучения. Их переводим на удаленку. Очные занятия составят 20%. Снизится стоимость обучения для студентов. Возражения у кого-то будут? Со временем объявим их фейком... Но проблема в том, что возражений не будет. У студентов России в 2003 г. «украли» полноценное пятилетнее образование. Но и родители, и студенты облегченно вздохнули: те же «корочки» за меньшие деньги, при том, что плата за обучение в вузах росла быстрее, чем заработки, а количество бюджетных мест сокращалось. Это потом бакалавриат объявили «неполноценным» высшим и предложили дорогостоящую магистратуру. В результате выросла популярность среднего специального образования, куда подростки идут после девятого класса: у бакалавров не достаточно практических навыков, из-за чего сложности трудоустройства.

Коронавирус ускорил тот процесс, который был заявлен в 2007 г. Механизм его реализации презентовали в 2013 г. в Докладе "Будущее образования: глобальная повестка». В создании участвовало Агентство стратегических инициатив при Президенте РФ, ВШЭ, СКОЛКОВО и др., что позволяет рассматривать Доклад как государственный заказ на создание сословного/кастового общества, обеспечиваемый прописанной в нем реформой:

1. Обучение будущего будет высокостратифицированным и будет определяться возможностями доступа (в т.ч. стоимостью этого доступа) к уникальным носителям компетенций «гуру» и сообществам практик.

2. Массовые знания и навыки будут передаваться в первую очередь за счет автоматизированных решений (на первых этапах за счет гибридных онлайн/офф-лайн форматов, как в blended learning, а далее в работе с полностью автоматизированными системами-наставниками.

3. «Живое» обучение будет сравнительно более дорогим и, как следствие, будет носить «премиальный» характер... Содержание этого обучения будет сосредоточено не на передаче общедоступной информации и отработке рутинных упражнений, а на выработке сложных надпредметных компетенций, связанных с творческим мышлением и поддерживающим его психофизическим «настроением». Важной частью такого живого обучения должна также быть работа с ценностями и предельными смыслами» [4, с. 10]. Насколько такая стратегия вписывается в политику РФ проанализировано в публикации в журнале «Философия хозяйства» [5, с. 235-253].

Однако вернемся к студентам. В этом семестре я работала только с заочниками и перед зачетом попросила ответить на вопросы о данной форме проведения занятий. Не секрет, что многих из них в настоящее время работодатели не отпускают на сессию, следовательно, «дистанционка» должна быть удобна: задания получаешь по переписке, выполняешь после работы... Да, и материальная сторона важна: зарплаты на селе не ахти... Жить несколько недель в Нижнем накладно для семейного бюджета.

По этим причинам ожидался разброс мнений об итогах данного эксперимента. Ошиблась. Практически все за возвращение в аудитории: «только очная», «желательно, чтобы все занятия проходили в аудиториях», «скорее бы вернуться на обычное обучение, т.к. оно намного лучше». «Онлайн – ни по каким предметам. В моей деревне отвратительное интернет-соединение», «как нужно умудриться, чтобы и работать, и выполнять большой объем заданий...».

Причина предпочтения – «очная форма дает больше знаний, поскольку учеба не совмещена с работой и можно все свое время посвятить изучению новых материалов». Она требует большей ответственности и от преподавателя, «поскольку необходимо готовить материал для лекций и заданий, организовывать учебный процесс».

Ну а если ситуация заставит учиться в дистанционной форме, то как должны проходить занятия? «Говорящая голова» не имеет сторонников по нескольким причинам: если сессия «не выездная», то от работы не освобождают, следовательно «онлайн-график не позволит быть на занятиях», да и переписка даст больше, чем прослушивание лекций. Электронная почта предпочтительней и «потому как мой интернет не позволяет мне смотреть онлайн-трансляции». «Дистанционка» хороша тем, что «можно не ездить в академию», «оттачиваешь навыки работы с электронными ресурсами», «есть выбор времени для занятий». Еще один плюс – «учишься, когда позволяет время». Минус – «много задают заданий». Впрочем, несколько человек хотели бы их увеличить.

Итак, заочники предпочитают традиционные формы занятий. Их выбор на получение образования был осознан, и они хотят его получить в той форме, которая дает более глубокие знания.

Что касается преподавателей, то при новой форме работы временные затраты на общение со студентами, если ставишь целью их чему-нибудь научить, возрастают в разы: за семинар опрашивается пять – семь студентов, при он-лайн проверяешь работы всей группы, да еще до 3-х и более раз посылаешь на «переделку». Поэтому никакое «удобство» в виде отсутствия затрат на «московские дороги» не компенсируют ту нагрузку, которая досталась преподавателю, ответственно относящемуся к своему долгу.

Об оплате дополнительных часов, освобождении от рутины, связанной с проверкой работ, покупке/оплате преподавателю нужных для онлайн технических средств речи не идет. Их не будут инициировать и преподаватели: впереди массовые сокращения... В этих условиях эмоциональное выгорание педагогов от чтения текстов, бездумно скаченных с интернета, неспособности многих студентов к простейшему анализу информации и бессилия изменить этот тренд рано или поздно и у самых ответственных вызывает снижение требовательности, а по итогам к падению качества образования.

Следовательно, спасибо «короне» за то, что можем оценить утраты и риски этой весны для высшего образования России...

Список литературы

1. Юдин Г.Б. Субъект глазами объекта // Социология власти. 2016. Т. 28. № 4. С. 57–82.
2. Агранович М. Исследование: 70% студентов мечтают вернуться в аудитории. URL: <https://rg.ru/2020/05/29/issledovanie-70-studentov-mechtaiut-vernutsia-v-auditorii.html>.
3. Агранович М. Проректор РАНХиГС: Дистанционная форма обучения подходит не для всех. URL: <https://rg.ru/2020/04/06/prorektor-ranhigs-distancionnaia-forma-obuchenii-podhodit-ne-dlia-vseh.html>.
4. Лукша П., Песков. Д. Будущее образования: глобальная повестка. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3eeae0b4d37ce157f622aea.pdf>.
5. Широкалова Г.С. Коронавирус и «служебные люди» // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2020. № 3. С. 235–253.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

СПЕЦИФИКА РОДИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ОДАРЁННОГО РЕБЁНКА*

SPECIFICITY OF PARENTAL CHOICE OF A GIFTED CHILD'S DEVELOPMENT TRAJECTORY

О.Ю. Ангелова, Т.О. Подольская, М.В. Прохорова
Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

O.Y. Angelova, T.O. Podolskaya, M.V. Prokhorova
Lobachevsky University

Установлено, что в ходе воспитания одарённых детей их родители стоят перед сложными выборами в пользу развития определённого вида способностей и образовательной траектории ребёнка, определением стратегии поведения в критические периоды детского развития. Результаты исследования указывают, что успешное решение комплекса задач в развитии одарённых детей требует от их родителей абнотивности.

It was stated, that during the space of gifted children upbringing their parents face difficult dilemmas in favor of certain types of abilities, as well as, selection of educational trajectory of the child, identifying behavioral strategy in critical periods of child's development. The investigation results indicate that successful solution of a set of tasks in the upbringing of gifted children requires abnotiveness from their parents.

Ключевые слова: одаренность, одарённые дети, одарённый ребёнок, критические периоды, образовательные траектории, траектории развития, абнотивность родителей

Keywords: gifted children, gifted child, critical periods, educational trajectory, developmental trajectory, parents' abnotiveness

Актуальность исследования. В ходе воспитания одарённых детей их родителям приходится сталкиваться с определёнными дилеммами. Сложный выбор того или иного решения в дальнейшем повлияет на раскрытие потенциала и самореализацию одарённых детей. Цель данного исследования – выявить некоторые из этих дилемм и специфику их решения родителями одарённых детей.

Выборка участников и методика исследования. Респондентами стали родители восьмидесяти пяти одарённых детей, обучающихся в старших классах

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-07462 «Разработка многофакторной социально-экономической модели поведения одаренной личности с применением методов машинного обучения».

школы-интерната им. А.Н. Колмогорова МГУ им. М.В. Ломоносова. Данное образовательное учреждение специализируется на подготовке детей, прошедших серьёзные конкурсные испытания в точных науках и естествознании. Для сбора данных применялось анкетирование, в ходе которого родители ответили на следующие вопросы, затрагивающие проявление способностей у детей в нескольких сферах, необходимость выбора в развитии детских способностей, ролях родителей и детей в выборе образовательной траектории. Обработка данных производилась с помощью методов описательной статистики, непараметрического критерия χ^2 Пирсона, качественного анализа [1].

Результаты исследования. Большинство родителей выделяют у своих одарённых детей сразу несколько видов способностей (рис. 1). Доля родителей, выявивших у своего ребёнка способности сразу в нескольких сферах, достоверно, значимо превосходит тех, кто отметил только одну группу способностей ($\chi^2=112,02$; $p=0,000^{***}$).

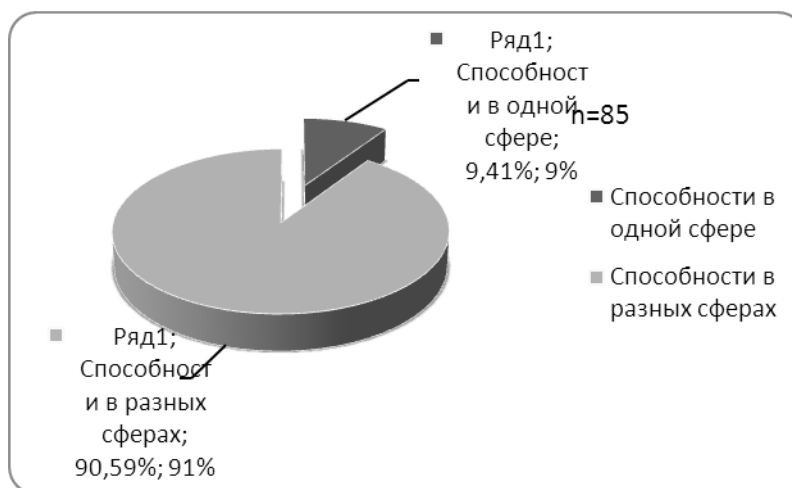

Рис. 1. Сферы проявления способностей одарённых детей

Подобная ситуация в условиях дефицита времени, физических возможностей сопровождать детей в кружки, секции, на олимпиады, конкурсные отборы, ограниченность денежных ресурсов может привести родителей к выбору в пользу развития ребёнка исключительно в одной сфере. С такой дилеммой сталкивается большинство родителей (63,53%). Около трети родителей (28,24%) не стоят перед необходимостью униполярного выбора. И незначительная часть родителей (8,24%) не могут чётко обозначить свою позицию.

Следующий выбор, перед которым стоит семья, воспитывающая одарённого ребёнка, – определение его образовательной траектории. Принятие

* Примечание. $p^{**}<0,01$; $p^{*}<0,05$

такого решения происходит под влиянием целого комплекса субъективных и объективных факторов, часть из которых может играть ключевую роль. В большинстве семей, воспитывающих одарённых детей, решающим является мнение самого ребёнка (рис. 2). Одарённый ребёнок выступает в роли субъекта, активно влияющего на свой дальнейший профессиональный путь. Между крайними группами, отражающими доминирующую роль ребёнка в принятии решения о построении своей образовательной траектории и пассивную позицию, существуют достоверно значимые различия ($\chi^2=108,17$; $p=0,000^{***}$).

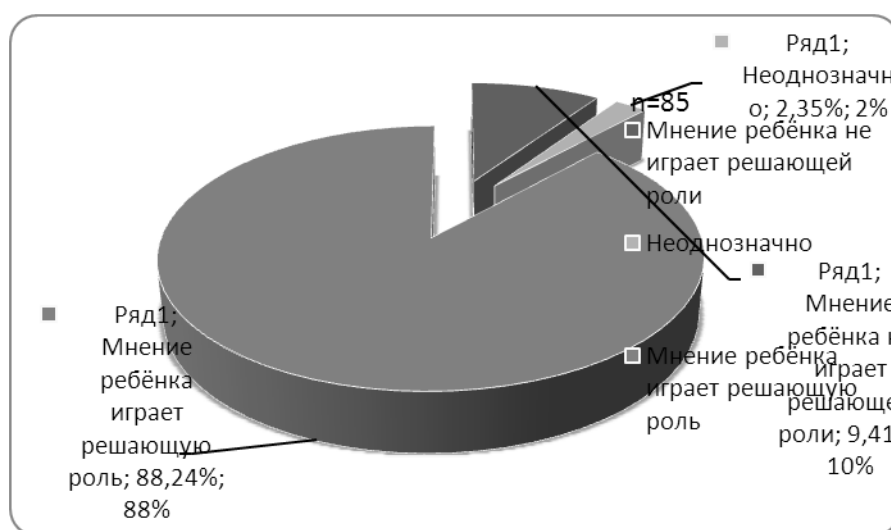

Рис. 2. Субъект выбора образовательной траектории

Наряду со стабильными, устойчивыми периодами, когда медленно происходит поступательное развитие способностей ребёнка, часть родителей (44,71%) выделили и кризисы, которые проявляются через снижение мотивации к учёбе или хобби у одарённых детей. Указанная характеристика соответствует описанному Л.С. Выготским поведению детей в периоды бурного развития: «значительная часть детей... обнаруживает трудновоспитуемость» [2, с. 249].

При возникновении критических периодов в развитии способностей ребёнка поведение родителей различается (рис. 3). Большинство родителей считают, что необходимо активно воздействовать на ребёнка, стимулируя его к продолжению занятий в выбранной сфере. Около трети родителей выбирают выжидательную стратегию поведения, отдав на откуп ребёнку выбор, посещать ли кружки, секции, участвовать ли в конкурсах и олимпиадах. Между крайними группами существуют достоверно значимые различия ($\chi^2=12,08$; $p=0,005^{***}$).

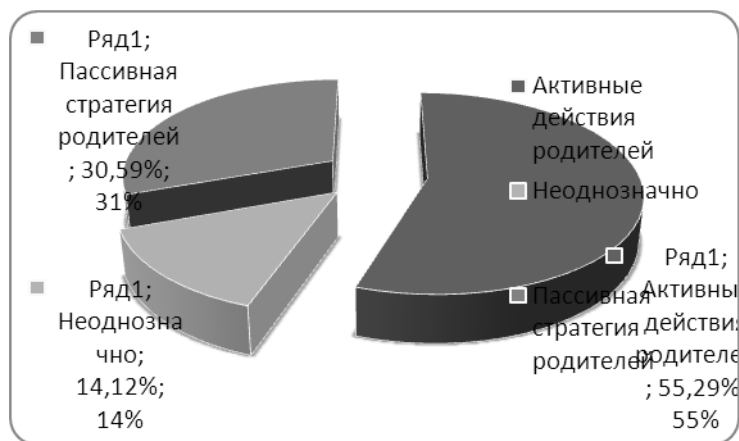

Рис. 3. Поведение родителей в критические периоды развития одарённых детей

Заключение. Воспитание одарённых детей в семье сопровождается решением целого комплекса задач, которые стоят перед их родителями. В числе таких задач: выбор в пользу развития определённого вида способностей и образовательной траектории ребёнка, определение стратегии поведения в критические периоды детского развития. Определяя пути решения указанных выше задач, родители стоят перед сложным, неоднозначным выбором, от которого зависит будущее одарённых детей: принять на себя активную роль или занять выжидательную, наблюдательную позицию, передавая инициативу ребёнку. В перспективных исследованиях учёным ещё предстоит выявить успешность тех или иных детско-родительских ролей. Данное исследование указывает на необходимость обладания родителями свойством абнотивности [3], обеспечивающей гибкий подход к сложным выборам в ходе воспитания одарённого ребёнка.

Список литературы

1. СУНЦ МГУ. Школа им. А.Н. Колмогорова [Электронный ресурс]. URL: <https://internat.msu.ru/> (Дата обращения: 01.09.2020).
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 тт. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
3. Кашапов М.В. Ресурсная готовность педагога к работе с одарёнными обучаемыми // Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. № 2. С. 90-101.

**СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ СРЕДСТВ В УНИВЕРСИТЕТ**
**BEHAVIORAL STRATEGIES OF YOUNG HIGHER-SCHOOL TEACHERS
IN ATTRACTING FUNDS TO THE UNIVERSITY**

Е.А. Балезина
*Пермский государственный
национальный исследовательский университет, г. Пермь*
E.A. Balezina
Perm State National Research University, Perm

Формирование предпринимательского университета приводит к тому, что каждый вуз устанавливает новые требования к работе преподавателя. Молодой преподаватель должен привлекать дополнительные средства в университет через выполнение договорных работ, участие в НИОКР, финансируемой различными грантами, оформление патентов. В таких условиях молодые преподаватели выбирают различные стратегии поведения.

The formation of an entrepreneurial university leads to the fact that each university establishes new requirements for the work of a teacher. A young higher-school teacher should fundraise at the university through the implementation of contractual work, participation in research and development funded by various grants, and patent filing. In such circumstances, young higher-school teachers choose different behavioral strategies.

Ключевые слова: молодые преподаватели, стратегии молодых преподавателей, привлечение средств в университет, НИОКР

Keywords: young higher-school teacher, behavioral strategies of young higher-school teacher, fundraising at the university, research&development (R&D)

Модернизация высшего образования связана с реализацией таких концепций, как Университет 3.0, выполняющий три функции: образования, науки и взаимодействия с государством [1; 2], Предпринимательский университет, в котором каждый участник образовательной среды должен развивать компетенции предпринимателя, выполняет различные виды деятельности, направленные на внедрение науки в производство и извлечение из этого прибыли [3; 4].

Вне зависимости от того, какая концепция лежит в основе, на практике это приводит к включение в список обязательных требований к работе преподавателя привлечения денежных средств в вуз через выполнение научно-исследовательских работ на заказ и внедрение опытно-конструкторских разработок [5]. В эффективных контрактах преподавателей встречается показатель «руководство или участие в выполнении НИОКР». Данный показатель достигается: а) заключением договоров с коммерческими или

государственными структурами на выполнение исследований; б) подачей заявок на гранты и выполнение работ по ним, например, в УрФУ учитывается объем НИОКР всех видов, под которыми предполагаются госзадания, хозяйственные договора и прочие привлеченные средства [6]; в) патентной деятельностью в виде «создания потенциально коммерциализируемого результата интеллектуальной деятельности, зарегистрированного в установленном порядке, правообладателем (одним из правообладателей) которого является вуз» [7].

Все указанные виды деятельности требуют высокого уровня профессионализма и наличия большого опыта, чем не обладают молодые преподаватели, которые оказываются перед необходимостью выполнять данные виды показателей эффективного контракта.

Цель данной публикации – охарактеризовать стратегии молодых преподавателей в условиях выполнения показателя «привлечение внебюджетных средств в вуз».

Предполагается, что молодые преподаватели обладают большей инновационностью и открытостью к изменениям, в связи с чем должны активно участвовать в научно-исследовательской работе, конкурсах и коммерциализации результатов образовательной и научной деятельности.

Эмпирической базой выступили результаты анкетирования (n=135) и полуструктурированных интервью (23 интервью) с молодыми преподавателями в возрасте до 34 лет включительно Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). Выборочная совокупность строилась по двум критериям: наличие/отсутствие ученой степени и сфера преподавания (естественнонаучные дисциплины и общественные). Далее цитаты интервью приведены в скобках и выделены курсивом.

В результате проведенного исследования выявлены следующие стратегии молодых преподавателей и особенности их восприятия проблемы привлечения дополнительных средств и заключения хозяйственных договоров.

Во-первых, выполнение НИОКР молодыми преподавателями связано с написанием заявок на гранты и участием в разных конкурсах. И 36% молодых преподавателей, принявших участие в исследовании, указали, что готовили заявку для получения финансирования научно-исследовательской работы в учебном году; 17% – получили такое финансирование по грантам, контрактам и хозяйственным договорам. Однако участие в грантовых конкурсах принимают в основном молодые преподаватели с ученой степенью кандидата наук (коэффициент отношения шансов $OR=2,709$).

Для молодых преподавателей без ученой степени написание заявки воспринимается как ситуация неопределенности по ряду причин. Во-первых,

большой риск не выиграть конкурс из-за отсутствия формальных признаков, таких как наличие ученой степени и большого опыта работы в подобных видах деятельности (у молодых преподавателей без степени возможно наличие опыта участия в различных исследованиях, однако отсутствует его официальное подтверждение). *«Есть два ученых, у одного уже много регалий, званий, и есть второй, практически неизвестный. Они написали, например, статьи примерно одинакового качества ... соответственно у первого признаний будет больше»* (жен., 32г., б/степ., общ.). Во-вторых, молодые преподаватели без степени указывают на неготовность тратить свое время на написание заявок: вклад временных ресурсов не оплачивается в случае проигрыша. *«Если я понимаю, что у меня нет материала, условно говоря, КПД низкое будет, мне проще тогда найти другое место, где я могу, например, разово деньги заработать»* (жен., 26лет, б/степ., общ.). Поэтому молодые преподаватели без ученой степени просто отказываются от данного вида работы.

Во-вторых, молодые преподаватели указывают на излишнюю «забюрократизированность» административной системы в части заключения договоров. В связи с длительным и сложным процессом оформления всех документов часть информантов выбирают такие стратегии: либо полностью отказываются от выполнения научно-исследовательских работ: *«юристы тебе говорят «А вот, нам этот пункт не нравится, мы не подпишем». И заказчик не соглашается его убрать, то всё. Никакого компромисса тут быть не может. Приходится отказываться»* (муж., 25лет, б/степ., ест.), либо молодые преподаватели выполняют такие работы в обход университета, фактически осуществляя вторичную занятость. В обоих случаях это, с позиции вуза, негативные стратегии поведения, т.к. они не только не приводят к увеличению финансирования, но и «отвлекают» молодых преподавателей от основного вида деятельности.

Указанные стратегии взаимосвязаны: если преподаватель отказывается от оформления всех документов через вуз, то у него, как правило, не будет официального подтверждения своего участия в таком исследовании, что приведет к увеличению риска отказа от финансирования его проекта/исследования при участии в конкурсе.

В-третьих, получение патента – наименее популярная среди молодых преподавателей деятельность. По результатам анкетирования, 7% молодых преподавателей готовили документы на получение патента за прошедший учебный год, и 4% получили патент или свидетельство об авторском праве. При этом, регистрация результата интеллектуальной деятельности не всегда приводит к коммерциализации, т.к. после проведения научно-исследовательской работы и регистрации ее результата у преподавателей, как правило,

нет заинтересованности в продолжении работы над процессом внедрения полученного патента в производство [8, с.3]: «при большом желании это можно было бы двинуть все, например, на госконтракт тот же... но его вряд ли поддержат» (муж., 28лет, б/степ., ест.).

Выделенные стратегии молодых преподавателей указывают на существование ряда проблем как внутри университета, так и вне его. В силу отсутствия опыта и официального признания молодые преподаватели без степени оказываются наименее продуктивными с точки зрения привлечения внебюджетных средств в университет. А молодые преподаватели с ученой степенью включаются во все виды деятельности наравне со старшими коллегами. При этом в силу своей молодости они обладают большим инновационным потенциалом, поэтому в предпринимательском университете необходимо обращать внимание именно на эту группу преподавателей.

Список литературы

1. Нариманова О.В. Концепция Университет 3.0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2019. № 2 (25). С. 350–363.

2. Морозов Р., Герреро М. Формирование университета нового поколения в Беларуси: факторы и перспективы. URL: <https://www.ipm.by/upload/medialibrary/1c0/1c05511017771c7ec745cbbf8088b71c.pdf> (Дата обращения: 15.05.2020).

3. Горшкова О.В., Черная И.П. Управление кадровым потенциалом предпринимательского университета: новые компетенции ППС // *Университетское управление: практика и анализ*. 2012. № 4. С. 57–63.

4. Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет // *Вопросы образования*. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-predprinimatelskiy-universitet> (Дата обращения: 15.06.2020).

5. Маркина Е.В. Проблемы привлечения внебюджетных средств высшими учебными заведениями в Российской Федерации // *Финансы и кредит*. 2006. № 24. С. 37–42.

6. Показатели эффективного контракта ППС (доклад проректора по экономике и стратегическому развитию УрФУ). URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/academic_council/commission_changes/Pokazатели_ehffektivnogo_kontrakta_PPS.PPTX (Дата обращения: 10.06.2020).

7. Положение об эффективном контракте профессорско-преподавательского состава ФГ БОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)». URL: https://mai.ru/upload/iblock/fdd/polozhenie-ob-ek-pps_mai_26.05.2017_1.pdf (Дата обращения: 14.06.2020)

8. Ивлиев Г. Задачи в сфере интеллектуальной собственности на 2020 год: повышение патентной активности, цифровой Роспатент, коммерциализация ИС. URL: <https://rupto.ru/content/uploadfiles/presentations/zadachi-rp-2020.pdf> (Дата обращения: 15.06.2020).

**ДЕТИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В
РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ: РАЗРАБОТКА ИНДЕКСА ИНКЛЮЗИИ
CHILDREN WITH DISABILITIES IN RUSSIAN SCHOOLS:
DEVELOPMENT OF THE INDEX FOR INCLUSION**

А.Р. Горяйнова
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва*
A.R. Goriainova
Higher School of Economics, Moscow

Формирование показателей, связанных с инклюзией лиц с ограниченными возможностями здоровья, отражает движение государства в направлении создания инклюзивной системы образования. Предпринята попытка построить агрегированный индекс инклюзии, основанный на частных индексах инклюзии для трех групп респондентов: учеников, родителей и учителей.

The formation of indicators related to inclusion of persons with disabilities reflect the state's move towards establishing an inclusive education system. In this report the author attempts to construct an aggregated index for inclusion based on private inclusion indexes for three groups of respondents: students, parents, and teachers.

Ключевые слова: инклюзивное образование, ученики с ОВЗ, дети-инвалиды, индекс инклюзии, социальная инклюзия

Keywords: inclusive education, students with disabilities, inclusion index, social inclusion

Включению детей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в общий образовательный процесс (далее – ОВЗ) в России способствовало принятие важных законодательных решений, в том числе Конвенции о правах инвалидов в 2012 г. [1]. Реализация инклюзивного образования предполагает, что образовательные учреждения в качестве своей цели ставят выполнение принципов инклюзии, которые являются нормативно закрепленными. Для соблюдения принципов инклюзивного образования, среди которых немаловажное значение имеют отношения, взаимодействия между участниками образовательного процесса, потребность в уважении и в друг

друге [2], должны существовать определенные условия, обеспечиваемые государством, должны разделяться одинаковые ценности и в школе, и в самом обществе.

Государственная политика в России, и в частности в сфере образования, направлена на формирование и достижение различных целевых показателей, включая их мониторинг и оценку [3–5]. Выявление и достижение целевых показателей на институциональном уровне, связанных с инклюзией инвалидов, отражают, в частности, движение государства в направлении создания инклюзивной системы образования и преобразования Российского общества в целом.

В настоящем докладе представлены результаты исследования, в котором была предпринята попытка построить индекс инклюзии, учитывающий мнения ключевых агентов образовательного процесса. В исследовании использованы данные опроса «Инструмент социально-профессиональной оценки инклюзивности школы» за 2017-2018 гг., предоставленные российской общественной организацией инвалидов «Перспектива». Анкетирование проводилось среди учителей, учеников и родителей в различных регионах России.

В ходе исследования автором были разработаны частные индексы инклюзии для трех групп респондентов, а именно для учеников, учителей и родителей, а также разработан агрегированный показатель. Кроме того, результаты, полученные для отдельных школ с низкими и высокими баллами индекса инклюзии, были контекстуализированы с помощью формализованных интервью с директорами этих школ.

В ходе исследования автором на первом шаге были разработаны частные индексы инклюзии для трех групп респондентов. При этом рассмотрены только те вопросы, которые непосредственно связаны с темой инвалидности, установками в отношении инклюзивного образования. На втором шаге был посчитан агрегированный показатель, который включал в себя сумму трех частных индексов. Суммарный индекс учитывал только те школы, где в наличии были данные по всем трем категориям респондентов. В результате, интегральный индекс позволил выделить школы, характеризующиеся разным уровнем инклюзивных процессов.

Для более подробного описания полученных индексов автором дополнительно рассмотрены данные формализованного интервью с руководителями обследованных школ. Так, администраторы школ, отличающихся наибольшими баллами суммарного показателя инклюзии, отмечают больше категорий штатных специалистов, осуществляющих поддержку детей с инвалидностью, а также указывают, что учителя по большей части вовлечены в получение дополнительного образования на тему инклюзии

за последние 3 года, чего нельзя сказать о других школах. Проведение мероприятий по теме инклюзии оказываются важной частью стратегии развития инклюзии в каждой школе вне зависимости от того, как давно они идут по пути инклюзии.

На вопрос о том, все ли учителя разделяют идеи инклюзии в школе, директора отвечают по-разному. Среди причин, почему не разделяются одинаковые установки учителями, руководители школ отмечают следующие: сложность организации образовательного процесса, опасения за предоставление некачественного образования, нехватка специалистов, оборудования, возможности повышения квалификации, а также недостаточное финансирование.

Существуют проблемы, связанные с нехваткой набора компетенций для обеспечения континуума сервисов для детей с инвалидностью в программе инклюзивного образования. В процессе исследования также изучались ограничения, с которыми сталкиваются участники образовательного процесса, связанные с негативным отношением людей к инклюзивному образованию, с недостаточностью инфраструктуры.

Список литературы

1. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной ассамблеи от 13 декабря 2006 года. URL: <http://base.garant.ru/2565085/> (Дата обращения: 15.05.2018).

2. Алехина С.В. Принципы инклюзии в контексте развития современного образования // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 5–16.

3. Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии. Практическое пособие. М.: РООИ «Перспектива». 2007. 124 с.

4. Оценка программ: методология и практика / Под ред. А.И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н.А. Кошелевой. М.: Издательство «Престо-РК», 2009. 396 с.

5. Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / Под общ. ред.: П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. М.: МОНФ, 2007. 234 с.

**ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ
СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**
**CHARACTERISTIC FEATURES OF THE STUDENT KNOWLEDGE
CONTROL SYSTEM IN A MODERN HIGHER SCHOOL**

С.С. Демцура
*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск*
S.S. Demtsura
South Urals State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk

Российская высшая школа ищет новые формы и методы обучения, контроля качества знаний студентов. Рассматривается актуальная проблема формирования у студентов знаний и суждений, а также проблема контроля их сформированности. Автор описывает особенности системы контроля на примере отдельно взятой дисциплины, рассматривает оптимальные способы осуществления контрольных мер.

Russian higher school is looking for new forms and methods of training, quality control of students' knowledge. The article is devoted to the urgent problem of the formation of knowledge and judgment among students, as well as the problem of controlling their formation. The author describes the features of the control system on the example of a single discipline, describes the best ways to carry out control measures.

Ключевые слова: высшая школа, контроль знаний студентов, предварительный контроль, тематический контроль, текущий контроль, итоговый контроль

Keywords: higher school, student knowledge control, preliminary control, thematic control, current control, final control

В век информатизации общества перед участниками образовательного процесса возникла острая проблема качества образования, а также адаптации образования к жизненным реалиям (социальным, информационным, технологическим, культурным, демографическим, экономическим).

Современное обучение и воспитание студентов вузов требует трансформации и реформирования [1]. Именно поэтому обозначились новые тенденции. Проходящая реформа характеризуется рядом особенностей. Появилась и развивается трехуровневая система в вузах страны (в соответствии со статьей 10 п.5 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 01.05.2017 г.), выделяют следующие уровни высшего образования: бакалавриат; специалитет, магистратура; подготовка кадров высшей квалификации, появились новые форматы образования, произошел переход на новые образовательные технологии [2, с. 43]. Российская

высшая школа ищет новые формы и методы обучения, контроля качества знаний студентов – основы развития их мышления. Отметим, что проблеме формирования у студентов знаний и суждений, а также проблеме контроля их сформированности посвятили свои исследовательские работы многие ученые (Ю.В. Ивлев, Л.И. Куликова, О.И. Немиров, Т.Н. Соснина, Т.Н. Парамонова и др.) [3, с. 115]. Каждый педагог в процессе преподавания той или иной дисциплины ставит перед собой определенные образовательные, развивающие и воспитательные цели. Достичь этих целей преподаватель может, выбрав нужные формы, методы и средства обучения. Оценить, насколько совпадают поставленные цели и достигнутые результаты, педагог может с помощью контроля. Как известно, существуют четыре основных вида: предварительный, текущий, тематический и итоговый, три типа: внешний, взаимный и самоконтроль, а также множество различных форм педагогического контроля.

Педагог при подготовке к преподаванию любой дисциплины должен досконально продумать свою методику преподавания, которая обязательно должна включать в себя цели, содержание, формы, методы и средства преподавания. Однако при этом педагог не должен забывать и о разработке видов, типов и форм контроля знаний, умений и навыков студентов. Способы осуществления контроля знаний студентов педагог должен начать продумывать одновременно с составлением тематического плана занятий по дисциплине.

Отметим, что первичным видом является предварительный контроль. Формой предварительного контроля может выступать тест или устный опрос студентов. При этом педагог должен задавать вопросы, начиная от более простых (из школьной программы) к сложным (из жизненного опыта обучающихся или дополнительной литературы). Преподавателю желательно не выставлять баллы за данное задание, так как данный вид контроля необходим только преподавателю, чтобы определить исходный уровень знаний студентов и в соответствии с ним провести дальнейшую корректировку процесса преподавания.

Рассмотрим систему контроля знаний студентов на примере дисциплины «Экономическая теория». К слову, после изучения темы «Предмет, структура и функции экономической теории» преподаватель может провести текущий контроль знаний студентов в форме устного опроса, после темы «Становление экономической теории как науки» – тест для определения знаний обучающимися стадий развития экономической теории как науки. Во время изучения третьей темы «Производство, издержки, прибыль» педагог может предложить студентам задачи на расчет издержек производства или определение прибыльности производства. Так в ходе текущего контроля знаний преподаватель будет получать информацию о качестве усвоения учебного

материала обучающимися. После изучения первого раздела преподавателю необходимо провести тематический контроль в форме эссе на предложенные темы, например: «Отличие экономической теории от других общественных наук» или «Каков, на Ваш взгляд, прогноз развития в XXI веке экономической теории как науки». При изучении следующего раздела педагог может использовать более сложные формы контроля. Так, после изучения темы «Рынок, его механизм и условия формирования» обучающимся будет предложена письменная работа, в которой необходимо заполнить таблицу по классификации рынка с собственными примерами. После изучения темы «Конкуренция и рыночные структуры» можно провести коллоквиум, во время которого студенты получают возможность обсудить преимущества и недостатки различных видов конкуренции. После изучения следующей темы «Теория спроса и предложения. Рыночное равновесие» преподаватель должен проверить практические умения и навыки студентов. Это возможно сделать с помощью практических заданий, например, по построению кривых спроса и предложения по заданным функциям, графика рыночного равновесия или экономических задач на определение типа эластичности спроса. После изучения темы «Теория потребительского поведения» преподаватель может провести деловую игру «Рациональная покупка». После изучения последней темы раздела педагогу необходимо провести тематический контроль, например, в такой форме, как контрольная работа, которая будет включать задания на проверку теоретических знаний (написать классификацию, заполнить таблицу) и практических навыков и умений (решение экономических задач).

В конце изучения первой темы третьего раздела «Финансовая система и финансовая политика государства» преподаватель может предложить студентам провести взаимный контроль знаний друг друга в форме устного опроса, пользуясь разработанным преподавателем листом с вопросами. После того, как обучающиеся прошли темы «Денежно-кредитная система и монетарная политика» и «Роль государства в рыночной экономике» педагог должен выполнить текущий контроль знаний с помощью теста, а после темы «Инфляция: сущность, виды, показатели» – с помощью решения задач на расчет уровня инфляции и определения уровня валового внутреннего и валового национального продукта. После изучения последней темы раздела «Безработица: сущность, виды, показатели» для тематического контроля знаний студентов педагог может так же, как и в предыдущем разделе, провести контрольную работу с заданиями, направленными на проверку теоретических знаний и практических навыков. При изучении четвертого раздела преподаватель может предложить студентам провести взаимный контроль знаний после каждой изученной темы, а также сам может проводить внешний

контроль знаний с помощью устного опроса. Для тематического контроля знаний студентов педагог может предложить студентам написать эссе по одной из тем, связанных с мировой экономикой. В качестве способа отработки студентами пропусков занятий или для отстающих учеников преподавателем могут быть использованы такие формы, как реферат или собеседование. Это поможет студентам закрепить материал темы, а преподавателю определить уровень усвоения ими материала. Формой углубления знаний студентов, желающих заниматься научной деятельностью, могут служить рефераты, или научные статьи, под руководством преподавателя. Более того, в качестве формы контроля может быть выбрано собеседование с будущим работодателем (представителем бизнеса).

Отметим, что для системы высшего образования социальное партнерство с промышленными предприятиями является одной из самых эффективных форм функционирования в условиях рыночной экономики [3, с. 10]. Итоговой формой контроля знаний обучающихся после изучения всего курса дисциплины «Экономическая теория» будет зачет, экзамен или курсовая работа, а возможно, что будет использоваться сразу несколько форм. Например, зачет может проводиться в конце семестра, а экзамен и курсовая работа – после изучения всей дисциплины.

При выборе способов осуществления контроля знаний студентов в процессе изучения дисциплины «Экономическая теория» преподаватель должен ориентироваться в первую очередь на темы и содержание тем. Так, при изучении тем, направленных на знание обучающимися теоретических положений, педагог должен использовать формы проверки теоретических знаний: устный опрос, как преподавателем студентов, так и студентами друг друга; тестирование, собеседование, коллоквиум, эссе, реферат, деловые игры. При изучении практикоориентированных тем студентам чаще всего предлагается решить экономические задачи. Контрольная работа чаще всего используется педагогом после изучения целого раздела, так как в ней сочетается проверка теоретических знаний и практических умений и навыков.

Список литературы

1. Демцура С.С. Мероприятия, направленные на духовно-нравственное воспитание студентов // Современное образование: методология, теория и практика материалы Международной научно-практической конференции. Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2018. С. 26–30.

2. Демцура С.С. Реформа российского образования и судьба высшей школы // Социум и власть. 2017. № 4 (66). С. 43–48.

3. Демцура С.С. Формирование у студентов знаний и суждений о ценах / С.С. Демцура, К.А. Федорова, Н.Ю. Анищенко // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 4. С. 114–119.

4. Демцура С.С. Сетевое взаимодействие в образовании // Академия профессионального образования. 2017. № 3. С. 7–10.

**ВЫТАЛКИВАЮЩИЕ И ПРИТЯГИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕРМИ)
PUSHING AND PULLING FACTORS OF
EDUCATIONAL MIGRATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS
(IN THE CASE OF PERM)**

Н.С. Киселева
*Пермский государственный
национальный исследовательский университет, г. Пермь*
N.S. Kiseleva
Perm State National Research University, Perm

На материалах социологического опроса учащихся 10-11 классов школ г. Пермь (n=470, 2019–2020 гг.) выявлены основные факторы образовательной миграции – «выталкивающие» (связанные с характеристиками территории отъезда) и «притягивающие» (связанные с характеристиками территории приезда). Показано, что социально-экономические характеристики территории притяжения, а также ее образовательные возможности выступают ведущими факторами миграции.

The materials of a sociological survey of students in grades 10-11 of schools in Perm (n = 470, 2019–2020) revealed the main factors of educational migration. These are “pushing out” (associated with the proposed territories of departure) and “pulling in” (related to the proposed territories of arrival). It is show that the socio-economic characteristics of the territory of attraction, as well as its educational opportunities are the leading factors in the conflict.

Ключевые слова: образовательные мигранты, старшеклассники, выталкивающие и притягивающие факторы, привлекательность города

Keywords: educational migrants, high school students, pushing and pulling, the attractiveness of the city

В региональных столицах целесообразность выездной образовательной миграции старшеклассников общеобразовательных школ на первый взгляд не очевидна в виду наличия на этих территориях вузов и разнообразного рынка труда. Однако, отток молодых людей в возрасте от 17 до 24 лет из крупных городов (в т.ч. г. Пермь) все же наблюдается. Согласно данным Росстата,

численность приёма на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в Пермском крае заметно снижается: в 2012 г. прием составлял 21,5 тыс. чел., в 2018 г. – 15,3 тыс. чел. В силу ограниченности данных, не были исключены те, кто поступил на магистратуру и те, кто вышел из образовательной системы. При этом численность обучающихся, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании, в 1,5 раза меньше (в 2012 г. – 13,6 тыс. чел., в 2018 г. – 11,5 тыс. чел.) [1]. Таким образом, мы наблюдаем снижение количества выпускников школ (абитуриентов), поступающих в локальные высшие учебные заведения.

Одной из базовых теорий, раскрывающих факторы, влияющие на миграцию, является теория «толчка-притяжения» американского социолога Э. Ли. Согласно позиции ученого, на принятие решения о миграции действуют «притягивающие» и «выталкивающие» факторы [2]. Для того, чтобы индивиды захотели изменить привычное для них место жительства, «место происхождения» («origin»), необходимы условия, заставляющие их переселиться в другие города и страны (факторы, «выталкивающие» из места проживания). «Притягивающие» факторы, наоборот, связаны с городом, в который уезжает индивид, «местом назначения» («destination»), с более привлекательными условиями для проживания. Развивают данный подход Н. Букаринова и В. Ильин, пишущие о «социальной энергетике выталкивания» (опирается на факторы, делающие жизнь в месте проживания неблагоприятной для самореализации) и «социальной энергетике адресного притяжения другого места» (наиболее благоприятные условия для самореализации) [3].

На основе описанных теорий нами было выдвинуто предположение, что факторы образовательной миграции старшеклассников связаны: а) с образовательными возможностями на территории проживания, ее социально-экономическими, климатическими характеристиками (факторы «выталкивания»), а также б) с образовательными возможностями территории притяжения, ее социально-экономическими, социокультурными характеристиками (факторы «притяжения»).

Цель исследования заключалась в определении «выталкивающих» из города проживания и «притягивающих» в другой город факторов образовательной миграции старшеклассников г. Перми.

Материалы и методы. В ходе авторского социологического исследования методом анкетирования было опрошено 470 учащихся 10 и 11 классов общеобразовательных школ г. Перми. Анкетирование проводилось в два периода: с 25 по 8 мая 2019 г., и с 20 ноября 2019 г. по 17 февраля 2020г. Выборочная совокупность включила в себя старшеклассников «слабых», «средних» и «сильных» школ (основанием для выбора школ выступили

результаты деятельности общеобразовательных школ г. Перми за 2017–2018 учебный год, размещенные на Едином портале пермского образования). В опросе приняли участие те, кто находились в момент опроса в школе. Анализ данных осуществлялся с помощью программы SPSS for Windows.

Результаты исследования. Среди респондентов, планирующих подавать документы в вузы других городов (76%), для большинства главными причинами выбора других городов (факторы «притяжения») являются более качественное обучение (71%), их экономическая развитость по сравнению с г. Пермь (66%) (рис. 1).

Рис. 1. Основные причины выбора другого города для получения высшего образования (в % к числу респондентов, планирующих уехать)

К причинам выбора другого города также относятся наличие интересующей специальности (56%), возможность лучше устроиться в новом городе (55%), высокий престиж диплома (49%) и более высокие шансы трудоустроиться (49%). Возможность быстрее сделать карьеру, сильный преподавательский состав, наличие родственников и знакомых являются менее актуальными причинами выбора другого города (от 26% до 40%). Советы старших, поступление за компанию с другом и дешевое платное обучение малозначимы при выборе города для получения высшего образования.

Для изучения корреляций большого числа взаимосвязанных переменных был проведен факторный анализ. Для корректного использования метода из анализа были исключены шесть переменных, что позволило повысить валидность данных.

Все причины выбора другого города в качестве желаемого места для получения высшего образования были разделены при помощи факторного анализа на три группы: 1) экономические факторы («более экономически развит по сравнению с г. Пермь», «возможность быстрее сделать карьеру»), 2)

образовательные факторы («наличие интересующей специальности», «сильный преподавательский состав в вузе»), 3) индивидуальные («там живут родственники, знакомые», «посоветовали старшие (родители, учителя в школе)»).

Факторный анализ причин, по которым респонденты не рассматривают Пермь («выталкивающими» факторы), выявил «неудовлетворяющие окружающие условия» (экономическая ситуация, депрессивная территория и климат); «отсутствие перспектив обучения и трудоустройства» (мало возможностей для успешного трудоустройства, отсутствие престижных университетов); «отсутствие направления обучения» (отсутствие нужного набора специальностей, близость сильных более развитых городов-конкурентов).

Для установления связи причин выбора другого региона (новые факторы) с типами школ использовался коэффициент корреляции Спирмена, который показал, что выбор учащимися «слабых» и «сильных» школ связан с «образовательным» фактором (слабая отрицательная связь, -0,373 и очень слабая положительная связь, 0,261). Факторы отъезда из Перми одинаковы для учащихся всех типов школ.

Оценка восприятия Перми в контексте планов образовательной миграции методом семантического дифференциала показала, что респонденты склонны оценивать город негативно. В их восприятии в городе плохие климатические условия (-6,59 – самый низкий показатель индекса). Положительно оценен только уровень развития культурно-досуговой сферы (0,17) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Восприятие Перми учащимися 10-ых и 11-ых классов, среди тех, кто выбрал другой город и другой город и г. Пермь (индекс)

Характеристики (отрицательные)	Индекс	Характеристики (положительные)
Опасный	-0,17	Безопасный
Неухоженный	-0,07	Красивый
Бесперспективный	-0,04	Перспективный
Экономически отсталый	-0,04	Экономически развитый
Плохие климатические условия	-6,59	Хорошие климатические условия
Плохо развитая инфраструктура	-0,1	Хорошо развитая инфраструктура
Плохая экология	-0,61	Хорошая экология
Низкий уровень развития культурно-досуговой сферы	0,17	Высокий уровень развития культурно-досуговой сферы

Таким образом, было установлено, что «притягивающие» в другой регион факторы связаны в первую очередь с социально-экономическими и с образовательными возможностями. При этом, по мнению респондентов, в Перми плохие климатические условия, что также может быть причиной

миграции. «Выталкивающие» факторы образовательной миграции старшеклассников из города Перми связаны тоже с образовательными возможностями территории притяжения и ее социально-экономическими характеристиками. При этом уровень культурно-досуговой сферы молодые люди склонны оценивать положительно.

Список литературы

1. Статистический ежегодник Пермского края. 2019: Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2019. 357 с.
2. Lee E.S. A theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3, No. 1. P. 47–57.
3. Букаринова Н.А., Ильин В.И. Старшеклассники на перепутье: остаться или уехать? // SocioTime / Социальное время. 2018. №1(13). С. 71–86.

**РАЗВИТИЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
LIFELONG LEARNING DEVELOPMENT: INSTITUTIONAL
COLLABORATION IN NATIONAL PROJECTS CONTEXT**

И.А. Коршунов
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва
I.A. Korshunov
Higher School of Economics, Moscow

На примере мер государственной поддержки образования взрослых, реализованных в ходе национальных проектов, рассмотрено взаимодействие различных институтов системы образования. Установлено что механизмы, предусматривающие институциональное сотрудничество, могут быть основанием для развития рынка образовательных программ для взрослых и способны обеспечить прирост охвата населения образованиям и обучением.

Collaboration of institutions in adult educational system is considered on the example of governmental support initiatives for lifelong learning under the National projects of development. Mechanisms of institutional cooperation can be used for development of the educational programs market for adults and can provide to increasing of their rate of participation in continuing education and training.

Ключевые слова: непрерывное образование, институты образования взрослых, национальные проекты развития, государственная поддержка, уровень участия взрослых в обучении

Keywords: lifelong learning, adult educational institutions, university, national projects of development, governmental support, rate of participation in continuing education and training

С конца 90-х годов прошлого столетия непрерывное образование взрослых оставалось в Российской Федерации сферой образования с наиболее серьёзным отставанием от развитых стран: как по уровню охвата населения (в 3 раза), так и по уровню консолидированного финансового обеспечения (в 10 раз) [1]. Одна из причин такого состояния – отсутствие массового рынка программ обучения взрослых, прохождение которых приводит к экономическому эффекту для предприятий и непосредственно граждан, обеспечивая повышение качества жизни. Этот рынок успешно может быть запущен только через взаимодействие широкого спектра общественных институтов, которые находятся в стадии формирования, лишь постепенно заменяя ранее существовавшую административную систему обновления навыков взрослых.

Первая попытка анализа и выявления содержательных возможностей таких институтов была предпринята в Аналитическом докладе «12 решений» [2]. Доклад был подготовлен в 2018 г. в преддверии запуска российских национальных проектов (далее – НП), которые становились инструментами развития системы образования различных уровней, нацеленной на повышение уровня человеческого капитала как основы экономического роста. При этом ключевая роль отводилась вновь создаваемым и развиваемым механизмам и институтам, запускающим эффективное взаимодействие существующей системы образования и рынка труда.

В настоящей работе выполнен анализ реализации паспортов основных федеральных проектов (далее – ФП) в 2019 г. на предмет запуска институтов непрерывного образования, а также межинституциональных механизмов взаимодействия, получивших развитие за счет государственной поддержки и показавших работоспособность [3].

Центры по обучению взрослых на базе университетов. Их поддержка осуществлялась в рамках ФП «Новые возможности для каждого». Субсидирование в форме грантов предполагало не столько прямые расходы на обучение, сколько поддержку реализации стратегии вузов по расширению перечня востребованных программ, обеспечение их софинансирования со стороны реального сектора экономики, общий рост масштабов обновления взрослыми своих компетенций. Высокий уровень предлагаемых программ, техническое оснащение, уже налаженные связи вузов с реальным сектором экономики в субъектах Российской Федерации позволили привлечь на сумму 445 млн. руб. грантовой поддержки еще 243 млн. руб., обеспечив 58% софинансирования проекта. В рамках грантовой поддержки 65-ти

университетских центров дополнительного образования было реализовано дополнительное обучение 163 тыс. человек. Таким образом университеты как институты системы непрерывного образования доказали свои возможности для развития данного сегмента за счет высокой эффективности привлекаемых средств. Реальный сектор экономики активно поддержал инициативы ФП «Новые возможности для каждого». Разработанные программы реализовывались университетами совместно с ФИОП Роснано, ООО «Газпром Трансгаз», ПАО «Русгидро», ООО «Лукойл-Энергосети», ПАО «Роснефть», АО «Северсталь-менеджмент, ПАО СК «Росгосстрах» и рядом других корпораций.

Центры опережающей профессиональной подготовки на базе техникумов и колледжей (далее – ЦОПП) создавались субъектами Российской Федерации в ходе реализации ФП «Молодые профессионалы – Повышение конкурентоспособности профессионального образования» (Национальный проект «Образование»). Создание ЦОПП включало формирование организационной структуры (площадки-агрегатора), координирующей развитие и использование ресурсов субъекта Российской Федерации в целях опережающей профессиональной подготовки всех категорий граждан по наиболее перспективным профессиям и компетенциям. Функционирование ЦОПП обеспечило запуск организационных процессов совместного использования профессиональными образовательными организациями современного оборудования, реализацию программ повышения квалификации педагогов и мастеров производственного обучения, независимую оценку квалификаций, в том числе проведения демонстрационного экзамена по стандартам WorldSkills. К концу 2019 г. функционировало 14 региональных ЦОПП, а также 6 пилотных проектов по стандартам WorldSkills в Новгородской, Сахалинской, Новосибирской, Томской, Липецкой областях и Хабаровском крае.

Межинституциональные механизмы взаимодействия, сочетающие обучение, независимую оценку квалификаций и поддержку занятости были отработаны для категории лиц старшего возраста при реализации ФП «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (НП «Демография»). В рамках его запуска в 2019 г. с использованием инфраструктуры службы занятости населения прошли переобучение 75 тыс. граждан предпенсионного возраста. Обучение еще 25 тыс. лиц предпенсионного возраста проводилось в субъектах Российской Федерации союзом «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы» (Ворлдскиллс Россия – Worldskills)», что помогло зрелым специалистам укрепить свои позиции на конкурентном рынке труда по 120 компетенциям и апробировать механизм обучения и проведения независимой оценки приобретенных компетенций. Востребованными в рамках обучения по стандартам WorldSkills оказались

программы, передающие более технологические навыки. При этом стоимость поддерживаемых государством программ достигала 100 тыс. руб.

Механизм поддержки обучения навыкам цифровой экономики с использованием цифровых сертификатов был реализован в рамках ФП «Кадры для цифровой экономики» НП «Цифровая экономика Российской Федерации». Персональные цифровые сертификаты предоставляли возможность экономически активным гражданам бесплатно пройти обучение по программам повышения квалификации по компетенциям цифровой экономики, предварительно отобранными для участия в проекте. В 2019 г. 5000 профессиональных сертификатов получили жители Башкортостана, Саха (Якутии), Татарстана, Ростовской и Тульской областей. В 2020 г. к программе смогут подключиться жители других регионов, так что к 2024 г. нарастающим итогом будет выдано до 1 млн. сертификатов. Каждый сертификат был эквивалентен примерно 15 тыс. руб.

Среди представленных Университетом 2035 (оператором проекта) образовательных программ еще более технологические программы – «Основы программирования и алгоритмизации», «Введение в веб-разработку на языке JavaScript», «Интернет вещей и индустрия 4.0», «Цифровые технологии при проектировании зданий и сооружений», «Цифровые технологии в туризме» и другие. В предоставление программ было вовлечено более 100 как государственных, так и частных провайдеров дополнительного образования. Среди них: «Израильская высшая школа информационных технологий HackerU», «Фонд развития онлайн-образования», «Edcrunch University».

Возможности доплатить и пройти обучение по более дорогостоящей программе обладатель сертификата не имел. Эту дополнительную плату не мог внести и работодатель. Таким образом, отсутствие организованного институционального взаимодействия не обеспечивало выбор программы в соответствии с точной потребностью гражданина или предприятия.

Обучение предпринимательским навыкам и компетенциям, в том числе *soft skills*, осуществляемое на базе широкого спектра *некоммерческих организаций*, в том числе региональных бизнес-инкубаторов, стало одним из компонентов ФП «Популяризация предпринимательства» (НП «Малое и среднее предпринимательство»). Целевая аудитория слушателей включала: действующих предпринимателей, молодежь, женщин, военнослужащих, уволенных в запас; лиц старше 45 лет; безработных; инвалидов; выпускников и воспитанников детских домов. Реализация образовательных программ предусматривала механизм вовлечения в проект ранее созданной предпринимательской инфраструктуры субъектов Российской Федерации. В нее теперь включались сети образовательных институтов (прежде всего региональные бизнес-инкубаторы) с координацией со стороны региональных органов исполнительной власти в сфере экономики и поддержки

предпринимательства. Основам ведения бизнеса, финансовой грамотности и иным навыкам активной самостоятельности было обучено более 100 тыс. чел.

Координация обучения граждан навыкам, напрямую направленным на повышение производительности труда, происходила под управлением специально сформированного *Федерального центра компетенций по производительности труда*. Проект реализовывался в рамках ФП «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» и «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда», (НП «Производительность труда и поддержка занятости»). Проект использовал обучение для запуска управленческих механизмов повышения производительности на предприятии и для появления новых компетенций почти у 9,4 тыс. чел.

Предоставление возможности пройти переподготовку или повышение квалификации в соответствии с передовыми отраслевыми требованиями к профессии осуществлялось также в составе других отраслевых федеральных проектов [4], что потребовало организации взаимодействия образовательных организаций и подразделений отраслевых работодателей.

Анализ результатов и хода реализации национальных проектов показывает, что значительное количество ведомств рассматривают образование и обучение как инструмент передачи и внедрения новых технологий для повышения эффективности своих отраслей и готовы включаться в межинституциональное взаимодействие. При этом лидируют два ключевых национальных проекта – «Образование» и «Здравоохранение», непосредственно повышающие качество человеческого капитала (Рис. 1).

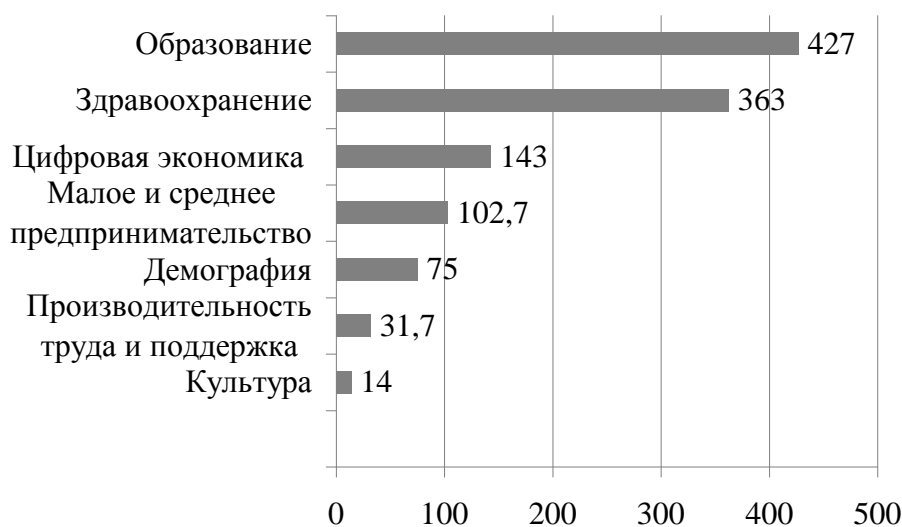

Рис. 1. Численность лиц, обученных в 2019 г. в рамках реализации национальных проектов, тыс. чел.

Реализация проектов подтвердила работоспособность выбранных инструментов государственного стимулирования образовательных организаций, с одной стороны, предприятий и граждан – с другой. Возникающие риски реализации проектов по обновлению навыков взрослого населения связаны с постепенным характером запуска институциональных изменений и отработки механизмов взаимодействия, которые оказались не устойчиво закреплены в первый год реализации федеральных проектов.

Всего же в 2019 г. в рамках всех национальных проектов было обучено дополнительно около 1,2 млн. человек, что обеспечило прирост показателя охвата взрослых граждан образованием и обучением с 24,7% в 2018 г. до 25,2% в 2019 г. При этом объем дополнительных средств, затраченных на мероприятия, так или иначе связанных с обучением граждан в 2019 г. (30 млрд. руб.), оказался даже больше запланированного. Это стало возможным в связи с тем, что комплекс федеральных проектов финансировал не только дополнительное увеличение количества обученных, но и создание инфраструктуры учебных центров, разработку программ с востребованной со стороны рынка труда ценностью, а также задействовал межинституциональные механизмы привлечения внебюджетных средств.

Список литературы

1. Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / Под общ. ред.: Я.И. Кузьминов, И.Д. Фрумин. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. 106 с.

2. Коршунов И.А., Кужелева К.С., Грачев Б.А., Сергеев К.А. Обучение и образование взрослых: востребованные программы, возрастная и отраслевая структуры. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. 44 с.

3. Национальные проекты. Будущее России [Электронный ресурс]. URL: <https://futurerussia.gov.ru/> (Дата обращения: 15.07.2020).

4. «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» (НП «Здравоохранение»); «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок» (НП «Наука»); «Цифровая образовательная среда»; «Социальные лифты для каждого»; «Экспорт образования» (НП «Образование»); «Создание условий для реализации творческого потенциала нации – «Творческие люди» (ФП Культура) и других.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
НОВЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ**
**TRANSFORMATION OF MODERN SCHOOL EDUCATION:
NEW ALTERNATIVES**

А.В. Куликова, В.В. Михайлова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Kulikova, V.V. Mikhailova
Lobachevsky University

Рассматривается проблема трансформации среднего общего образования, выбора альтернатив традиционной школьной форме обучения. Приводятся результаты социологического исследования, в рамках которого родители, чьи дети обучаются в школах, и те, которые перевели своих детей на семейную форму обучения, давали оценку и характеристики современного российского школьного образования, обсуждали альтернативы.

This paper discusses the problem of transformation of secondary General education, the choice of alternatives to the traditional school form of education. The article presents the results of a sociological study in which parents assessed and characterized modern Russian school education and discussed alternatives. Parents of school children and parents who transferred their children to home education took part in the survey.

Ключевые слова: школьное образование, семейное образование, трансформация образования, семья, школа

Keywords: school education, homeschooling, home education, transformation of education, family, school

Проблема выбора альтернатив традиционному школьному образованию достаточно актуальна в России. Родители все чаще критикуют систему общего среднего образования в стране, для кого-то выходом является услуги репетиторов, кто-то переходит на семейное образование. В 2020 г. пандемия нового коронавируса внесла свои коррективы в организацию обучения детей, когда большинство школьников и их родителей вынуждены были перейти на систему дистанционного обучения, которую можно назвать аналогом семейного образования.

Сама практика семейного образования является сравнительно новой для России. Федеральный закон об образовании от 2012 г. разрешает получать образование вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в т.ч. в форме семейного образования [1]. Министерство образования и науки Российской Федерации определяет семейное образование как «форму организации целенаправленного процесса получения образования в семье,

осуществляемая родителями в соответствии с государственными образовательными стандартами, с периодической аттестацией по результатам обучения» [2]. Уже существует несколько федеральных онлайн платформ, помогающим родителям в организации процесса обучения (онлайн-школа «Фоксфорд», домашняя школа InternetUrok).

Однако остаются открытыми вопросы: насколько эффективно семейное образование в сравнении с традиционным школьным, какие положительные и отрицательные стороны существуют у этих двух альтернатив обучения, насколько удовлетворены родители качеством образования в современной российской школе. Для решения этих задач в декабре 2019 – феврале 2020 гг. было проведено социологическое исследование, в рамках которого опрошено 70 родителей, чьи дети обучаются в средней общеобразовательной школе, и 54 родителя, которые перевели своих детей на семейную форму обучения. Все семьи проживают в Нижнем Новгороде.

Удовлетворенность школьным образованием у родителей из обеих групп опрошенных невысока. Но если те, у кого дети посещают обычную школу, чаще ставят удовлетворительные оценки (41%) и положительные (20%), то родители, занимающиеся семейным образованием, критикуют систему (неудовлетворенных более 60%). При этом все родители говорят об ухудшении качества образования за последние пять-десять лет (83-89%), с той лишь разницей, что нижегородцы, чьи дети учатся дома, более категоричны в своих оценках. Те, кто говорит об улучшении качества российского школьного образования (11% родителей школьников, 6% родителей, занимающихся семейным образованием), называют два основных аргумента: более углубленная и расширенная программа обучения и соответствие программ требованиям времени, использование компьютерных технологий.

Основное направление критики системы школьного образования родителями, чьи дети находятся на домашнем обучении, – это чрезмерная загруженность учителей бумажной работой, которую родители связывают с их низкой заинтересованностью процессом преподавания (около 70%). Это отмечают и родители школьников, но значительно реже (около 40%). Для данной группы опрошенных критичнее введение ЕГЭ и тестовой системы контроля знаний (73%), родители, занимающиеся семейным обучением – 63% и несовершенство учебной программы (53% и 59%). Родители, чьи дети обучаются дома, более критично настроены и называют и такие причины снижения качества школьного образования, как отсутствие у детей интереса к учебе, низкий уровень преподавания и, как следствие, снижение уровня знаний детей.

Родители оценивали в том числе, насколько хорошо современная школа справляется со своими задачами (табл. 1, 2.). Родители, выбравшие для своих детей семейное обучение, критикуют школу по всем направлениям: психическое и социально-личностное развитие, физическое развитие, формирование практических навыков. По всем задачам, которые ставит перед собой общеобразовательная школа, мы видим преобладание отрицательных оценок над положительными. Родители школьников критикуют систему, но значительно в меньшей степени. В заслугу школе ставятся обеспечение физического развития, воспитание любви к Родине и окружающей природе, познавательное-речевое развитие детей. Неоднозначно отношение родителей к тому, как школа готовит своих выпускников к поступлению в вузы: оценки распределились практически поровну. Остальные задачи скорее вызывают критику: особенно родители отмечают, что школа не справляется с психическим развитием детей, не способствует укреплению психического здоровья, не корректирует недостатки в физическом развитии, не учитывает индивидуальных особенностей ребенка и не осуществляет обратной связи с родителями по разным вопросам обучения и воспитания.

Однако, несмотря на то, что вектор критики школьной системы образования достаточно силен, семьи не видят другой альтернативы. Те, кто уже сегодня выбрал семейную форму обучения, по озвученным выше причинам не собираются ее менять. Родители школьников, хотя и задумываются иногда о том, что необходимо изменить форму обучения, все же считают семейное образование неподходящим форматом для себя (61%). Безусловно, в такой форме обучения родителей школьников привлекает многое: гибкий график занятий (76%) и индивидуальный и даже нестандартный подход к обучению (72% и 64% соответственно), большое количество свободного времени (45%) и возможность оградить детей от негативного влияния сверстников (49%). Но многие также опасаются своей невысокой компетенции в организации процесса обучения (55%), недостаточной социализации вне стен школы (48%), больших материальных затрат (38%). Немаловажным фактором отказа от подобной альтернативы образования, возможно, является и тот факт, что родители школьников ожидают осуждения и критики со стороны своих родных и знакомых, а также негативного отношения со стороны школы (по 44%).

Таким образом, мы видим достаточно критический настрой в отношении школьной системы образования. Родители, которые выбрали для своих детей семейную форму обучения, наиболее резки в своих оценках школьного образования. Родители школьников, несмотря на то, что также во многом критикуют систему, не видят для своих детей другой альтернативы и не готовы переходить на семейное обучение. Ограничительные меры весной 2020 г.,

связанные с пандемией нового коронавируса, привели к тому, что все российские школьники были переведены на дистанционную форму обучения, в организации процесса обучения было задействовано большинство родителей. В связи с этим важно изучить, изменилось ли отношение родителей к школьной системе образования после возвращения к традиционной форме организации обучения, изменился ли вектор критики, увеличилось или, напротив, уменьшилось число тех, кто готов к переходу на семейную форму обучения или хотя бы начал задумываться об этом; как должна трансформироваться школьная система, какие ожидания родителей и школьников сегодня существуют.

Таблица 1

Оценка родителями, чьи дети обучаются дома, того, насколько хорошо современная школа справляется со своими задачами, %

	1 – неудовлетвори тельно	2	3	4	5 – отлично	Баланс*
Укрепление психического здоровья	78	17	6	0	0	-95
Осуществление необходимой коррекции недостатков в физическом развитии детей	70	19	9	0	2	-87
Осуществление необходимой коррекции недостатков в психическом развитии детей	76	13	9	2	0	-87
Развитие индивидуальных способностей ребенка	61	26	11	0	2	-85
Взаимодействие с семьями детей для обеспечения полноценного развития детей	52	33	11	4	0	-81
Оказание консультативной и методической помощи родителям по вопросам обучения и развития детей	44	28	26	2	0	-70
Формирование у детей практических навыков	37	35	22	4	2	-66
Воспитание у детей уважения к правам и свободам человека	52	20	20	7	0	-65
Обеспечение социально-личностного развития детей	31	39	24	6	0	-64
Обеспечение художественно-эстетического развития детей	33	33	31	2	0	-64
Воспитание у детей любви к семье	41	30	20	7	2	-62
Развитие в детях творческого потенциала	46	22	26	4	2	-62
Обеспечение физического развития	35	24	37	4	0	-55
Воспитание у детей любви к окружающей природе	28	33	30	9	0	-52
Подготовка детей к поступлению в ВУЗ	24	30	44	0	2	-52
Обеспечение познавательно-речевого развития детей	20	28	50	2	0	-46
Воспитание у детей любви к Родине	20	31	26	13	9	-29

*Разность сумм положительных и отрицательных оценок

Таблица 2

Оценка родителями школьников того, насколько хорошо современная школа справляется со своими задачами, %

	1 – неудовлетворительно	2	3	4	5 – отлично	Баланс*
Обеспечение физического развития	13	10	31	28	17	22
Воспитание у детей любви к Родине	7	20	32	30	10	13
Воспитание у детей любви к окружающей природе	7	11	51	27	3	12
Обеспечение познавательно-речевого развития детей	7	20	41	30	1	4
Подготовка детей к поступлению в ВУЗ	17	18	30	24	10	-1
Обеспечение художественно-эстетического развития детей	10	21	42	24	1	-6
Воспитание у детей любви к семье	10	24	41	23	1	-10
Воспитание у детей уважения к правам и свободам человека	14	17	48	15	4	-12
Развитие в детях творческого потенциала	17	24	32	20	6	-15
Обеспечение социально-личностного развития детей	14	27	35	21	1	-19
Формирование у детей практических навыков	17	31	34	17	0	-31
Оказание консультативной и методической помощи родителям по вопросам обучения и развития детей	20	30	32	15	1	-34
Развитие индивидуальных способностей ребенка	32	23	24	18	1	-36
Осуществление необходимой коррекции недостатков в физическом развитии детей	23	34	24	17	1	-39
Взаимодействие с семьями детей для обеспечения полноценного развития детей	17	38	31	13	0	-42
Осуществление необходимой коррекции недостатков в психическом развитии детей	32	31	25	8	1	-54
Укрепление психического здоровья	30	32	31	6	0	-56

*Разность сумм положительных и отрицательных оценок

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

2. Письмо Министерства образования и науки РФ от 15 ноября 2013 года № НТ-1139/08 «Об организации получения образования в семейной форме». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154825/.

**РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ОБРАЗОВАНИЯ В АДАПТАЦИИ
МИГРАНТОВ-АРМЯН**
**THE ROLE OF EDUCATION INSTITUTIONS IN ADAPTATION
OF ARMENIAN MIGRANTS**

Л.С. Курносова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
L.S. Kurnosova
Lobachevsky University

Рассматриваются образовательные институты как фактор адаптации мигрантов-армян, роль школы в освоении русского языка, создания круга общения, сложности, с которыми сталкиваются дети в образовательных учреждениях, помощь школы в их интеграции в российское общество.

The article considers educational institutions as a factor of adaptation of Armenian migrants, the role of schools in learning the Russian language, creating a social circle, the difficulties faced by children in educational institutions, and the school's assistance in integrating them into Russian society.

Ключевые слова: институты образования, школа, язык, высшее образование, адаптация, проблемы общения

Keywords: educational institutions, school, language, higher education, adaptation, communication problems

В данной работе используются материалы исследования, проведенного автором осенью 2018 – весной 2019 года. Метод – интервью в свободной форме. Опрашивались мигранты-армяне, имеющие детей школьного возраста, студенты армянской национальности и учителя, в классах которых обучались дети-армяне. Всего было собрано 17 интервью. Для обработки полученных данных был применен метод контент-анализа с привлечением специализированного пакета Лекта и программ Excel и Statistica. Словарь составил более 48 000 слов. В центре внимания были социокультурные факторы и практики, экономические практики не рассматривались.

Респонденты упоминали институты образования в связи с изучением русского языка, посещением детьми детских дошкольных учреждений, обучением их в школе и вузах, сохранением родного языка.

Армяне мигрируют в Россию уже не первый век, но для каждого поколения причины и выбор направления миграции имеет свои особенности. Большинство опрошенных переехали в Россию и остаются здесь по экономическим причинам. Выбор города и региона чаще всего обусловлен наличием в них родственников, но встречались и те, кто получал в России

высшее профессиональное образование в советское время. Такие респонденты утверждали, что психологических проблем у них тогда не было, а русский язык они учили в школе, так как он был обязательным предметом на всей территории СССР. Глубокое изучение русского проходило у них в вузах.

Преподавание русского языка в школах в местах исхода остается важным фактором миграции и основой адаптации на новом месте. Так осваивало русский язык все старшее поколение мигрантов-армян. Под старшим поколением здесь понимаются взрослые опрошенные, их родители, а также родители опрошенных студентов, дедушки и бабушки студентов. Это касается и тех, кто приехал непосредственно из Армении, и тех, кто приехал из Грузии, и тех, кто из Грозного, и тех, кто продолжает в настоящее время проживать в местах исхода. Все опрошенные студенты говорили, что их родители приехали в Россию с базовыми знаниями русского языка.

Можно утверждать, что культура русскоязычия в Армении пока сохраняется, поэтому мигрантам-армянам легче адаптироваться, чем мигрантам из других стран постсоветского пространства, в которых такая культура существенно утрачена, особенно в сельской местности. В Армении русским в разной степени владеет большинство населения.

Понимают все, потому что сразу в школе учим.

Русский язык начинают учить во втором классе, два урока в неделю, и учат до окончания школы. Упоминалась также специальная русская школа.

Я знаю, что моих двух племянниц целенаправленно отдали в русскую школу, чтобы они изучали русский язык.

Языковая адаптация ребенка зависит от его возраста, в котором его привезли, и институтов дошкольного образования. Легче было осваивать русский язык тем, кто ходил в детский сад уже в Нижнем Новгороде перед школой и/или родились здесь. Сам факт рождения не очень важен, если ребенок не посещал дошкольных учреждений, а основным языком общения в семье – армянский.

Лично у меня никаких трудностей не было, так как я здесь родилась... Я в садик ходила, где были русские ребята, в школе я уже знала язык и сейчас тоже владею языком хорошо.

Сложнее тем, кто приехал к школьному обучению и пошел в первый или второй класс и совсем не говорил по-русски. Почти все респонденты отмечали, что самыми трудными были начальные классы, а в средней школе уже проблем не было. Учителя подтверждают, что если дети в начальной школе учились в России, то к средней школе они говорят по-русски достаточно хорошо, чтобы не иметь проблем в учебе.

В Россию они как раз приехали в период, когда нужно было детей готовить к первому классу. Наверное, сложности были основные здесь.

Вот ребята, которые пришли с первого класса, у них трудностей, проблем нет. А вот девочка, которая пришла в 6 классе, у нее в самом начале были трудности.

У школ нет специальных адаптационных программ для детей-мигрантов, поэтому в каждом случае действуют индивидуально. При этом многое зависит от личности учителя, позиции директора школы и личности самого ребенка. В одну из гимназий брат и сестра пришли в первый и второй классы без знания русского. Учитель начального класса занималась с ними дополнительно:

И там была учительница, которая их прямо с нуля, с азов учила языку. Картинки показывала, что это медведь, а это ёжик, это жираф. Вот прям с нуля они учили язык.

Понятно, что дополнительным временем учителя не располагают, и это исключительный случай, но они не отказываются объяснять непонятное после уроков. Если Россия и далее собирается привлекать мигрантов, желательно разработать дополнительные программы для детей-мигрантов и учитывать эту нагрузку у учителей.

Некоторую помощь оказывают социальные педагоги и психологи, но в некоторых школах их должности, по-видимому, занимают случайные люди. По результатам данного исследования невозможно отследить роли социального педагога и школьного психолога в адаптации детей-мигрантов. Есть только пара упоминаний, что родителям рекомендовали к ним прибегнуть. Учителя отзывались о детях-армянах, как об очень ответственных и беспроблемных и лишь об одном ребенке говорилось как о «шибутном», но тоже в положительном смысле.

Есть дети, которые стеснялись обращаться за помощью, но обращались с вопросами к одноклассникам.

Я не говорил «я не понимаю, что от меня нужно» в принципе, а говорил «забыл», и они спокойно объясняли, кто-то тетрадки давал, смотрел в тетрадку и разбирался сам, вот.

Некоторые подчеркивали, что им нравилось, что учителя их никак не выделяли, не было особого отношения, а воспринимали так же, как остальных детей.

Родители детей тоже содействовали языковой адаптации детей. Чаще всего репетиторов нанимали на начальном этапе освоения языка, а также на заключительном, когда была необходима подготовка к сдаче ЕГЭ. Некоторые родители переходили на русский язык в семье.

Отношения с одноклассниками тоже зависят от школы и класса. Большинство респондентов не имели проблем в общении с одноклассниками, но так складывается не во всех школах. Полученный массив информации не позволяет оценивать динамику отношения местного населения к мигрантам, но об отсутствии негативного восприятия говорили в основном студенты, которые учились в начальной школе лет 10-12 назад, а случаи негативного восприятия относятся к ближайшим 2-4 годам. Обычно это обзывания, отказ принимать в компанию, игры и т.п. Учителя в этих случаях вмешивались.

Думаю, что нужна была помощь не ему, а окружающим его детям. Им нужно было объяснить, что не важно, какой национальности человек, в первую очередь перед вами человек. И с ним нужно обращаться точно так же, как и с самим собой, со своими друзьями.

В Нижнем Новгороде есть школы, в которых проводятся специальные мероприятия по воспитанию толерантности к различным культурам. Одна из опрошенных при трудоустройстве на должность социального педагога была удивлена, что «директор, наоборот, она очень обрадовалась, что вот я армянка». Это многонациональная школа, в ней проводятся выставки национальных блюд, дни национальных культур, есть музей.

Почти все респонденты говорили, что их друзья – это одноклассники или однокурсники. Именно школа создает русскоязычный круг общения детям-мигрантам. Освоив язык, дети активно участвуют во внешкольных мероприятиях. Некоторые респонденты очень тепло отзывались о своих школах и учителях.

Ни армяне-родители, ни учителя не упоминали о каких-либо проблемах в общении друг с другом. Учителя отзывались об армянских родителях как внимательных, доброжелательных и готовых к сотрудничеству. Все они были настроены на получение ребенком качественного образования, некоторые планировали поступление детей в вузы и колледжи. Как и русские родители, опрошенные армяне воспринимали высшее образование как условие социальной успешности. Данные выводы не могут быть распространены на всех мигрантов-армян, так как опрошенные не охватывали все сегменты данной группы мигрантов. Просматривается смещение в сторону социально благополучных и более современно ориентированных.

Можно сказать, что институты образования в целом способствуют успешной адаптации мигрантов-армян и их интеграции в российское общество. Эта успешность в значительной мере обусловлена готовностью мигрантов часть проблем решать самостоятельно, а также длительной историей проживания армян в России и сохранением русскоязычной культуры в Армении. Необходим учет дополнительной нагрузки учителей при работе с

детьми-мигрантами. Российским школам необходимы дополнительные программы по языковой адаптации для детей-мигрантов.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
В ЭСТРАДНО-ЦИРКОВОЙ СТУДИИ «ВЕСЕЛАЯ АРЕНА»
DISTANCE LEARNING ORGANIZATION
AT THE CIRCUS STUDIO «VESELAYA ARENA»**

М.В. Ларин, Е.Н. Моисеенко
*Эстрадно-цирковая студия «Веселая арена»,
Центр внешкольной работы Центрального района Санкт-Петербурга,
г. Санкт-Петербург*
M.V. Larin, E.N. Moiseenko
*Variety circus studio "Merry Arena",
The Center of Extracurricular Activities of the Central District of St. Petersburg,
Saint Petersburg*

Период пандемии сказался на организации работы всех учебных заведений. Особую специфику имеет организация дистанционной работы спортивных секций. Педагоги цирковой студии «Веселая арена» вели образовательную, просветительскую и воспитательную работу посредством социальных сетей, мессенджеров и электронной почты. Представлены как минусы, так и плюсы дистанционной подготовки детей в студии циркового искусства.

The pandemic period affected the organization of work of all educational institutions. The organization of the remote work of sports sections has specificity. Teachers of the circus studio "Fun Arena" conducted educational work through social networks, instant messengers, and email. The article presents both the pros and cons of distance learning for children in a circus art studio.

Ключевые слова: цирковое искусство, дети, он-лайн-обучение, тренировки

Keywords: circus art, children, online education, training

Физическое воспитание детей и подростков реализуется через различные виды занятий. Среди них есть и цирковое направление. Детские цирковые студии Санкт-Петербурга имеют сложившиеся традиции физического воспитания детей. Индивидуальный подход, зрелищность номеров привлекают в студии все большее количество воспитанников. Сегодня в Санкт-Петербурге функционирует 14 цирковых студий. Это государственные образовательные учреждения внешкольной работы с детьми и молодежью [1, с. 446].

Занятия в коллективах проводятся в соответствии с образовательной программой, которая относится к художественной направленности дополнительного образования детей и предполагает как общекультурный, так и профессионально-ориентированный уровень ее освоения учащимися [2, с. 30]. В процессе обучения учащиеся получают теоретические знания в области театрального и циркового искусства, на практике знакомятся и осваивают основные цирковые жанры: акробатику, воздушную гимнастику, жонглирование, эксцентрику, дрессировку, фокусы, клоунаду. На всех этапах обучения проводятся занятия по специализации: актерскому мастерству, сценическому движению и сценической речи, хореографии, гриму, декоративно-художественному оформлению [3, с. 234].

Однако свои изменения в процесс обучения внесла ситуация повышенной готовности, введенная руководством страны и региона из-за пандемии коронавируса COVID-19. Пандемия вынуждает высшие, средние и начальные образовательные заведения закрывать свои двери. Учебный процесс после затяжных выходных переходит в дистанционный режим. Дистанционное обучение представляет собой любой курс, где учащиеся отделены от преподавателя и друг от друга, а в процессе обучения используются технологии для поддержки регулярного и предметного взаимодействия как между учащимися, так и между преподавателем и обучающимся.

Педагоги цирковой студии «Веселая арена» тоже перешли на проведение занятий в дистанционном формате.

Надо отметить, что еще до вступления ограничительных мер как вспомогательный инструмент для воспитательных, образовательных и информационных целей была создана группа в социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/club172643940>). За длительное время обучающиеся и их родители привыкли к ежедневному просмотру новостей и публикаций в группе. Это значительно облегчило переход на дистанционное обучение. В сжатые сроки информационная платформа превратилась в образовательный контент с ежедневным обновлением, согласно рабочей комплексной программе, и стала основным средством общения между студийцами и педагогами в рамках дистанционного обучения. Помимо социальных сетей, педагогами использовался мессенджер WhatsApp и электронная почта.

В преддверии самоизоляции все педагоги студии начали активную подготовку к дистанционному обучению, чтобы дети продолжали осваивать теоретическую и практическую части комплексной программы. Особую роль отвели записи обучающих видеоуроков с цирковым реквизитом. Видео были сняты блоками по каждой из четырех программ студии в пошаговой последовательности освоения. Видеоматериал был выложен как последо-

вательный и пошаговый обучающий процесс. Первый блок видеозанятий преимущественно был отснят с привлечением к съёмке самих обучающихся цирковой студии. Они под руководством педагога под камеру выполняли технические элементы. Дети быстрее воспринимают информацию через других детей и охотнее приступают к самостоятельным занятиям.

Отснятый видеоматериал размещался в ресурсах социальной сети последовательно от простого к сложному. Пошаговый процесс позволил максимально адаптировать обучение к домашней обстановке без ущерба освоения программы. О профессиональной съёмке в тот момент не могло быть и речи. В роли операторов выступали родители детей и ближайшие родственники педагогов.

В качестве наглядного материала, помимо собственно отснятых видеоматериалов, в группу размещались видео из YouTube с примерами цирковых номеров и тренировок. В процессе дистанционного обучения ставились задачи художественного плана на базе видеозанятий, используя трюковую часть, поставить художественно оформленный номер с музыкой, хореографией и трюками.

Во время дистанционного обучения студия придерживалась выполнения воспитательного плана, в рамках которого в день Цирка 18 апреля обучающиеся он-лайн посетили часовое представление цирка «Дю Солей», размещенное на портале https://www.youtube.com/watch?v=VL0TG_nCqzE. Педагоги разместили ссылку и на экскурсию профессионального экскурсовода Юлии Осиповой в музей Цирка (https://vk.com/wall-88499146_1317).

Благодаря свободному и неограниченному доступу к видеоматериалам студийцы и их родители могли в свободное время и вне в зависимости от места их нахождения продолжать осваивать цирковую программу без всяких ограничений. Мастер-классы по цирковому искусству, видеовстречи и цирковые номера со знаменитыми артистами цирка были доступны детям дистанционно, в удобное для них время и месте.

Плюсом дистанционного обучения стало то, что дети учились работать на камеру, и это стало для них опытом публичного выступления. Дети учились самостоятельно работать над собой и самоорганизовываться. Находили в себе силы и желание тренироваться самостоятельно. Не каждый взрослый может это сделать.

Во время самоизоляции был разработан перспективный план развития студии на следующий учебный год. Велась методическая работа – запланированы встречи с ветеранами цирка для погружения в историю цирка, мастер-классы.

Нельзя не упомянуть о недостатках организации дистанционного обучения. Специфика преподавания циркового искусства состоит в том, что в трюковой части детей надо страховать. Существует целая методика здоровьесберегающих технологий в цирковых коллективах [4, с. 107]. При дистанционном обучении это невозможно сделать. Можно объяснить ребёнку, как делать тот или иной элемент, указать на ошибки при его выполнении, но страховать ребенка при выполнении цирковых элементов невозможно.

Минусом обучения цирковому искусству дистанционно является отсутствие реквизита в домашних условиях. Поэтому использовались подручные средства, но не все можно заменить. Так, педагоги студии предлагали найти дома несколько одинаковых небольших предметов для отработки навыков жонглированию. Детям предлагалось жонглировать не мячиками, а яблочками, просмотрев сначала, как это делает сам педагог на видеозаписи.

Недостатком такого обучения является и то, что дистанционно невозможно детей обучить выполнять цирковые элементы, которые исполняются парами и целыми группами (например, выполнение элементов чехарда, пирамида или прыжков в большой скакалке группой). Это требует групповой отработки в зале.

По нашему мнению, основанному на многолетнем профессиональном опыте циркового артиста и тренера, программу обучения по цирковому искусству невозможно дать в полном объеме и освоить ее только в рамках дистанционного обучения. Однако наработанные приёмы и опыт дистанционного обучения будут и в последующем использоваться в очном учебном процессе как дополнение или вспомогательное средство.

За период дистанционного обучения педагоги студии собрали огромный архив видео и фото, включающий более 150 видеоматериалов занятий самих детей, что в будущем может использоваться как наглядный обучающий материал для вновь пришедших детей.

Организация дистанционного обучения в цирковой студии не позволяет выполнить полноценную подготовку детей. Однако опыт, полученный педагогами, обогатит процесс обучения, сделает его более наглядным и образным.

Список литературы

1. Ларин М.В., Сорокина Н.В. Проблемы физического воспитания детей и подростков в цирковых студиях Санкт-Петербурга // Управление человеческими ресурсами в сфере физической культуры, спорта и здорового

образа жизни: сб. науч.ст. Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 23-25 мая 2019 г. СПб.: ПОЛИТЕПРЕСС, 2019. С. 446–448.

2. Сорокина Н.В., Ходырева Е.В., Щербакова Д.В. Организация работы цирковой студии «Веселая арена» // Спортивно-массовая работа и студенческий спорт: возможности и перспективы: матер. междунар. научно-практ. конф. Санкт-Петербург, 26-27 ноября 2015 г./ под общ. ред. В.И. Храпова. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2015. С. 30–33.

3. Щербакова Д.В. Цирковые студии как новый тренд физического воспитания подрастающего поколения // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения: матер. IX Всероссийской науч.-практ. конф. М.: Изд-во «Первый том», 2019. С. 233–237.

4. Сорокина Н.В., Ходырева Е.В., Щербакова Д.В. Здоровьесберегающие технологии организации занятий в цирковом коллективе // Инновационные и социальные процессы физической культуры: матер. междунар. научно-практ. конф. / под общ. ред. проф. Л.Г. Рубис. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2016. С. 104–108.

**СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ:
ПРИНЦИПЫ СОБЫТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION FOR YOUNG PEOPLE:
PRINCIPLES OF EVENT ORGANIZATION**

А.С. Мищенко

*Общественное объединение «Непрерывное образование для всех»,
г. Санкт-Петербург*

A.S. Mishchenko

*Public Association “Continuing education for all”,
Saint Petersburg*

Рассматриваются принципы применения событийного подхода в качестве инструментария и социально-гуманитарного условия развития учебно-воспитательного процесса в профессиональных лицеях и колледжах, показывается, что это даёт возможность понять новые возможности организации учебного и воспитательного процесса, преодолеть отчуждение в отношениях его субъектов.

The principles of applying the event approach as a tool and socio-humanitarian conditions for the development of the educational process in professional lyceums and colleges are considered it is shown that this makes it possible to understand the new possibilities of organizing the educational process, to overcome alienation in the relations of its subjects.

Ключевые слова: событийный подход, принципы применения событийного подхода, событийная природа учебно-воспитательного процесса в средней профессиональной школе

Keywords: event-based approach, principles of applying the event-based approach, event-based nature of the educational process in secondary vocational schools

Современное общество столкнулось с институциональным кризисом классических систем образования. Это требует новых наработок, изменяющих характер учебных процессов, в частности, в среднем профессиональном образовании. Одна из таких новаций – применение событийного подхода. О том, что этот подход весьма продуктивен, мы уже высказывались в научной печати [1; 2]. По мнению Н.Б. Крыловой, в событийном подходе отражается самобытная природа образования, его интенция, внутреннее движение и социокультурная динамика, а также в определенной мере подобный подход противостоит технологизму (веками – А.М.) устоявшимся узко функциональных дидактических приемов [3]. Само по себе событие обладает сложной структурой. Мы рассмотрим лишь несколько принципов, раскрывающих авторский взгляд на различные аспекты применения событийного подхода в профессиональных лицеях и колледжах. А именно, принципы, раскрывающие его временные, личностные и диалогически-смысловые аспекты применения.

Кратко изложим их содержание.

Принцип, раскрывающий временные аспекты применения событийного подхода. Как отмечают А. Кроник и Е. Кроник, для личностного формирования человека в качестве участника того или иного сообщества в высшей степени важны социальные связи, порожденные неоконченными событиями его прошлой и настоящей жизни, а также жизни общавшихся и общающихся с ним людей. Такие события могут вызвать у него стремление рассмотреть свою жизнь с единой точки отсчёта на основе *единого критерия*. В результате этого произошедшие в жизни учащихся позитивные события могут *наполнить* их энергией, актуализировать и раздвинуть границы их личностного, профессионального и гражданского потенциала, и наоборот, отрицательные события – сузить и деформировать. То есть, если учесть только позитивные аспекты событийного подхода, учащиеся при поддержке педагогов могут превратить время своей жизни в *особое пространство* своего духовного и нравственного роста [4, с. 12].

Принцип, раскрывающий личностные аспекты применения событийного подхода. Как показывают наши исследования, взаимодействия субъектов образования, рассматриваемые через призму применения в учебном и воспитательном процессе событийного подхода, – это сложная совокупность. Последняя, в зависимости от своего характера, либо продуктивно, либо деструктивно отражается на учащейся молодежи, на её общении с другими людьми, в частности, с педагогами. Это способствует становлению у неё особых – *характерообразующих* – глубинных отношений с субъектами образовательного

процесса. При этом, что особо важно, такое взаимодействие обычно не «спущено», и не «навязано» сверху администрацией учебного учреждения. Часто мероприятия, призванные стать позитивными событиями, не становятся таковыми для учащихся и педагогов, лишь постольку поскольку они их «отбывают», «отсиживают» (или «отстаивают»), но не «проживают» внутренне. А чтобы тот или иной факт социальной жизни и деятельности стал для конкретного молодого человека или педагога настоящим событием, нужно чтобы он был для них лично значимым, серьезно прочувствованным фактом их бытия: не всякий эпизод жизни человека может стать таким событием. Очень многое зависит от личности, включенной в событие, от его эмоциональной окраски: событие, чтобы стать педагогически позитивным инструментом, должно быть ярким и красочным, нерядовым и праздничным, незаурядным и впечатляющим, оно – должно стимулировать учащихся на труд, а не на праздность, противостоять рутине человеческой повседневности.

Принципы, раскрывающие диалогически-смысловые аспекты применения событийного подхода. Стратегия жизнедеятельности учащихся и педагогов конкретного образовательного учреждения – в нашем случае профессионального лица и колледжа, на наш взгляд, должна быть ориентирована на генерирование у них смысла развития и реализации себя в качестве личности, профессионала и гражданина (имея в виду педагогическое сообщество лица и колледжа, необходимо помнить, что оно должно решать вопросы, связанные с кристаллизацией смыслов профессионального обучения и воспитания учащихся).

Раз это происходит, жизнедеятельность учебных организаций среднего профессионального звена начинает отвечать принципам событийного подхода. В этот момент их педагоги максимально эффективно способствуют формированию у молодежи новых смыслов и глубинных уровней понимания ими своей прошлой, актуальной и будущей жизнедеятельности в качестве профессионалов. Для этого при организации педагогами процесса образования как особой системы событий преподаватели и мастера производственного обучения должны *провести* своих учащихся через ряд этапов углубления понимания поставленных перед ними целей и задач обучения. На первом этапе педагоги должны сформировать у них четкое представление об изучаемых предметах на уровне их внешних – феноменологических – характеристик. На втором этапе – помочь своим подопечным сформировать разносторонние представления о системе знаний, умений и навыков, входящих в область их будущей профессиональной деятельности. На третьем этапе – раскрыть им глубинные смыслы всего образовательного процесса [5, с. 66-67, 145-149]. Иначе говоря, основываясь на новых смыслах, благодаря своим педагогам, учащиеся могут и должны преодолеть чувство бессмысленности учёбы в конкретном профессиональном лице или

колледже. А педагогические коллективы, опираясь на технологии и инструментарий событийного подхода, обучить молодежь навыкам противостояния феноменологии «бессмысленного» в качестве одного из центральных компонентов не только современной философии, но и культурной практики современного социума.

Из данного положения, в частности, следует: методическое и технологическое реформирование современных учебно-воспитательных процессов, выражая событийный подход, должно иметь диалогический характер. Целями учебно-воспитательного процесса должны стать не только реализация, но и развитие диалогической сущности общения педагогов и учащихся. Для этого педагоги и учащиеся должны осознать, что здесь недостаточно реализовать субъект – субъектную парадигму отношений общения. При реализации событийного подхода в процессе образования всегда имеется и личностный слой (акцент и аспект) таких отношений. Субъект – субъектные отношения и взаимодействия несут в себе возможность односторонней реализации: субъект (актор) → объект (другой актор) и наоборот. Личностные же отношения педагогов и обучаемых могут быть только равнонаправленными в своей ценностно-смысловой диалогической предпосылке, реализации и развитии. Они выражают собой *процесс выравнивания* их неравных социальных и личностных статусов внутри общения. А именно: личность (актор) → личность (другой актор). В первом типе отношений – субъектных взаимодействиях – проявляется *скукоженность* общения людей друг с другом (и следующих из неё представлений и требований – как педагогов, так и исследователей – к сущности образовательного процесса). Такого рода отношения общения не могут выступать основанием для реализации событийного подхода внутри образовательной практики профессионального лица и колледжа. Ибо здесь скрывается не просто отчужденное взаимодействие, а постоянно возобновляемое, постоянно расширяющееся, по самым разным – культурным, социальным и ментальным – основаниям, отчуждение основных акторов учебно-воспитательного процесса друг от друга. А именно, с одной стороны, мы имеем отчужденное отношение: субъект (актор) → объект (другой актор), а с другой стороны, иное, но такое же отчужденное взаимодействие: объект (актор) ← субъект (другой актор). В личностных отношениях педагогов и учащихся, раз они поднялись на такую высоту, полноту и глубину общения друг с другом, эта отчужденная онтологически данная двойственность, реализованная в факте их коммуникации, будет сжиматься до нуля, превращая функционально-ролевые поверхностные коммуникации людей в их человечески богатое своей конкретикой подлинное общение.

Список литературы

1. Мищенко А.С. Событийный подход к развитию сетевых ресурсов образовательных учреждений обучения молодежи и взрослых: Науч. статья // Человек и образование. 2016. № 3. С. 166–170.
2. Мищенко А.С. Учебно-воспитательное событие как социально-гуманитарное условие развития личности: Науч. доклад // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16-18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 1121–1131.
3. Крылова Н.Б. Событийность в образовательной и педагогической деятельности / ред.: Н.Б. Крылова, М.Ю. Жилина. Саратов: Эстамп, 2010. 145 с. (Новые ценности образования; № 1(43)).
4. Кроник А.А., Кроник Е.А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. М.: Мысль, 1989. 204 с.
5. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 192 с.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ PRIORITY AREAS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SAFETY OF THE LEARNER'S PERSONALITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Т.Г. Мухина, Д.Д. Яркова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
T.G. Muhina, D.D. Yarkova
Lobachevsky University

Раскрываются результаты сравнительного анализа опыта работы ведущих отечественных вузов в области психолого-педагогического обеспечения безопасности личности обучающегося в образовательном процессе. Выявлены приоритетные направления обеспечения психологической безопасности личности обучающегося, направленные на безопасность образовательного учреждения и безопасность образовательной среды образовательного учреждения.

The article reveals the results of a comparative analysis of the experience of the leading domestic universities in the field of psychological and pedagogical ensuring the safety of the student's personality in the educational process. On the basis of the analysis, the priority directions of ensuring the psychological safety of the student's personality, aimed at the safety of the educational institution and the safety of the educational environment of the educational institution, have been identified.

Ключевые слова: безопасность, психологическая безопасность, обучающейся, образовательная среда вуза

Keywords: safety, psychological safety, student, educational environment of the university

Современные ученые И.Н. Емельянова, Л.М. Волосникова отмечают, что одной из принципиальных особенностей современного этапа развития университетов как социальных институтов является отдаление от общих ориентиров, которые выработаны в системе классического университетского образования. Классика связана с устойчивостью, традициями, эталонами и образцами, с которыми необходимо сверять свою деятельность. В современном образовании на смену традициям пришли инновации, на смену устойчивости – неопределенность, на смену единообразию – плюрализм [1]. В связи с этим особую актуальность приобретают инновационные процессы, направленные не только на гарантирование интеллектуального развития общества, формирования человеческого капитала в сфере образования, но и обеспечение социальной, в том числе психологической, безопасности личности обучающихся в образовательном процессе.

В связи с этим *целью нашего исследования* являлось изучение приоритетных направлений психолого-педагогического обеспечения безопасности личности обучающегося в образовательном процессе на примере опыта работы ведущих университетов России.

Информационную базу для проведения исследования составили документы (ОПОП, учебные планы, электронные учебно-методические комплексы, диссертационные исследования, сборники конференций и др.), размещенные на официальных сайтах университетов. В рамках нашего научного исследования мы изучили опыт ведущих вузов России: МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, МГППУ, ВШЭ, РГПУ им. А.И. Герцена, ЮФУ, ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Данные вузы входят в десятку лучших вузов в области социологии, психологии и педагогики, обладают действующими научными психолого-педагогическими школами, уникальными по значимости для развития общественных наук и инноваций в области образования.

Социальная безопасность, в структуру которой входит и психологическая безопасность личности, означает эффективное выполнение социальными институтами своих функций, направленных на удовлетворение потребностей, интересов, целей населения страны [2]. Под психологической безопасностью понимается состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее

референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников [3].

На основании проведенного анализа опыта работы ведущих вузов России в области обеспечения психологической безопасности личности в образовательном процессе можно выделить следующие приоритетные психолого-педагогические направления работы:

1. В вузах ведется социально-психологическая работа, направленная на обеспечение безопасности образовательного учреждения (противопожарная, антитеррористическая, экономическо-финансовая, информационная и т.п.) и образовательной среды. Данные направления работы охватывают изучение, обеспечение совокупности мер, направленных на сохранение жизни и здоровья обучающихся и обучающихся. Создаются и функционируют научно-лабораторные комплексы, оснащаются научно-методические и спортивные центры. Особое внимание уделяется обучению и образованию обучающихся с ОВЗ. Социально-психологическая работа основана на фундаментальных исследованиях в области поведенческой психологии, нейропсихологии, конфликтологии (МГУ им. М.В Ломоносова, МГППУ, РГПУ им. А.И. Герцена).

2. В образовательный процесс внедряются образовательные программы бакалавриата и магистратуры по направлениям: «Психология»: «Клиническая психология», «Психология развивающего инновационного образования», «Психология переговоров», «Психология конфликта». При этом в выборе специализации образовательных программ ученые руководствуются не только ФГОС и подбором кадрового состава, но и учитывают специфику вуза. В частности, в Высшей школе экономики реализуются программы ориентированные на подготовку психолога, сопровождающего бизнес; в педагогическом университете – в области образования, в классическом университете – поддерживаются не только инновационные, но и классические фундаментальные направления – «Общая психология» и др. Такой инновационный по сути подход позволяет, с одной стороны, увеличить спектр профессиональной подготовки психологов, подготовить выпускника к разным сферам профессиональной деятельности: бизнесе, политике, спорте, образовании, с другой стороны, благодаря классическим университетам сохранить фундаментальные научные школы. В программы включены современные теории и концепции в области интеллектуального, психического, социального развития человека.

3. Используются активные и интерактивные формы и методы обучения, создаются электронные учебно-методические комплексы, внедряется компьютерная продукция. Внедрение дистанционных технологий обучения, создание виртуальных приёмных, электронной образовательной среды,

репозитории позволили осуществлять обучение в условиях ограничительных мер во время самоизоляции населения (пандемия коронавируса). Вместе с тем, тотальное, вынужденное внедрение дистанционного обучения вскрыло ряд психологических, материально-технических, информационных проблем, которые могут стать предметом инновационных исследований в области социологии, психологии и педагогики, а также развития образования и управления в этой сфере.

4. В практическом плане важнейшими стратегически важными разработками являются диагностические комплексы, позволяющие проводить оценку становления и развития психологических свойств, поведения человека и его взаимоотношений в разных жизненных обстоятельствах и средах, в том числе и в образовательной среде (МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, МГППУ, ВШЭ, РГПУ им. А.И. Герцена, ЮФУ, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

В структуре университетов создаются и функционируют институты, стратегической задачей которых является подготовка педагогов и обучающихся, с одной стороны, готовых к инновационной деятельности, с другой – обладающих знаниями в области социологии, психологии и педагогики (Институт педагогики (СПбГУ), Институт инклюзивного образования (МГППУ), Институт педагогики и психологии (ЮФУ); департаменты психологии (ВШЭ). Профессиональная переподготовка и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава осуществляется по программам: «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование», «Клиническая психология», «Возрастная нейропсихология: диагностика и реабилитация», «Интермодальная терапия экспрессивными искусствами».

5. Инновационным направлением в вузах России является развитие партнерства с научными и научно-медицинскими центрами России (Институт психологии Российской академии наук; Научный центр психологического здоровья Российской академии медицинских наук; Центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева; Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского) и зарубежными университетами (Йельский университет; Гарвардский университет; Стэнфордский университет; Университет Калифорнии в Беркли).

В заключении следует отметить, что анализ научных публикаций, в том числе диссертационных исследований, позволил актуализировать следующие приоритетные направления психолого-педагогических исследований в области обеспечения психологической безопасности личности в образовательном процессе: выявление психолого-педагогических и социальных условий, направленных на личностно-эмоциональную защищенность обучающихся;

определение рисков в образовательном процессе; выявление критериев безопасности образовательной среды; формирование культуры безопасности субъектов.

Список литературы

1. Емельянова И.Н., Волосникова Л.М. Функции современных университетов: сравнительный анализ миссий отечественных и зарубежных вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 1. С.83–92.

2. Андроникова О.О. Генезис виктимности личности в социально-психологической парадигме: [монография]. – Новосибирск: НГПУ, 2017. 270 с.

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СРЕДСТВАМИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
PATRIOTIC EDUCATION OF FUTURE BACHELORS OF PEDAGOGICAL
EDUCATION BY MEANS OF PROJECT ACTIVITIES**

Т.В. Осокина
*Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары*
T.V. Osokina
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Рассматриваются вопросы организации конкурса проектов, посвященного 75летию Победы в Великой Отечественной войне.

The article deals with the organization of a project competition dedicated to the 75th anniversary of Victory in the great Patriotic war.

Ключевые слова: проект, патриотическое воспитание, школа, педагоги в годы войны, дети войны, эвакуация

Keywords: project, patriotic education, school, teachers during the war, war children, evacuation

Одна из проблем, на которую стоит обратить особое внимание, является сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Многообразие и разноплановость информации, которую предоставляют различные источники, откладывают отпечаток на историческую память населения, иногда делая её противоречивой и неправдивой.

На заседании кафедры педагогики, психологии и философии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева было

принято решение о проведении среди студентов вуза конкурса проектов «Школа и педагоги в годы Великой Отечественной войны». В данной статье хотелось бы остановиться на результатах конкурса.

При подготовке проекта студенты третьего курса факультета истории управления и права профиля «Правоведение и правоохранительная деятельность» опирались как на местный материал, так и на данные других источников. Для примера приведем выдержки из работ студентов.

Анита М. подготовила проект о педагоге Никифорове Иване Никифоровиче. Вурнарская средняя школа № 1, которую окончила Анита, носит имя Героя Социалистического Труда, ветерана Великой Отечественной войны Ивана Никифоровича Никифорова. В школьном музее собраны материалы об учителях, выпускниках, а также большой раздел посвящен И.Н. Никифорову. По судьбе этого человека, прожившего почти век, можно сверять историю страны.

Никифоров Иван Никифорович (24.01.1910 – 12.03.2003) родился в селе Убеево Ядринского уезда (ныне Красноармейский район) в крестьянской семье. Первоначальное образование получил в Убеевской шестилетней школе, которую окончил в 1924 г. С 1924 по июнь 1929 гг. обучался в Шихазанской школе 2-ой ступени с педагогическим уклоном, по окончании которой два года проработал учителем начальной школы. В 1931 г. поступил на физико-математический факультет Чувашского государственного педагогического института, который окончил в 1935 г. С августа 1935 по март 1942 гг. работал учителем математики и физики Вурнарской средней школы. С марта 1942 по ноябрь 1945 гг. находился в рядах действующей армии на фронтах Великой Отечественной войны. Был шофером одной из бригад гвардейского механизированного корпуса. Прошел путь от Сталинграда до Будапешта в составе фронтов: Сталинградского, Южного, 4-го, 3-го, 2-го Украинских и Южной группы войск. С 1946 по 1976 гг. работал в Вурнарской средней школе. Бессменный председатель районной предметной комиссии учителей математики, член совета РОНО, председатель районного комитета защиты мира, народный заседатель, И.Н. Никифоров неоднократно избирался делегатом съездов учителей.

В своей работе он ориентировался на сильного ученика. «Забегание вперед» позволяло увлечь и найти новое, смелое, неожиданное решение. Каждый его урок – это «духовный заряд», желание познать новое, преодолеть себя. Иван Никифорович умел жить на уроке увлеченно, взволнованно, шуткой и юмором разряжая «наэлектризованное пространство». И.Н. Никифорова отличала высокая интеллектуальность, способность мыслить широко, творчески, эрудиция, великолепное знание предмета, уважение и доверие к

ученику. Многие его воспитанники, беря пример с учителя, связали свою жизнь с математикой. Рядом с ним на протяжении всей жизни трудилась его жена учитель математики Разумова Серафима Павловна. Дело своих родителей продолжили их дочери Уткина Алевтина Ивановна и Коржаева Раиса Ивановна, заслуженные учителя Чувашской республики. За успехи, достигнутые в учебно-воспитательной работе в 1951 г., И.Н. Никифорову присвоено почетное звание Заслуженный учитель РФ. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 01.07.1968 г. Ивану Никифоровичу Никифорову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден орденами Ленина, Красной Звезды, Отечественной войны 1-ой степени, медалями.

24 января 2020 г. Вурнарская средняя школа № 1 отмечала 110 лет со дня рождения педагога. Студенты данного курса принимали участие в «Дне ЧГПУ им. И.Я. Яковлева», проводя творческую мастерскую «Школа будущего» в 8-11 классах. Они на практике познакомились с системой работы школы.

Екатерина Л. в своем проекте «Ишакская школа во время Великой Отечественной войны» раскрыла историю школы и биографию учительницы Анастасии Фёдоровны Арбатовой, проработавшей в данной школе тридцать пять лет.

У школы богатая история. Первая школа в селе Ишаки была открыта в 1843 г. Министерством государственного имущества. В 1943 г. в ней был открыт русский класс для воспитанников детского дома эвакуированных ленинградских детей. Тогда из блокадного Ленинграда было эвакуировано более 100 детей из трех детских домов: детского дома № 73 Невского района, № 9 и № 43 Выборгского района. Во время эвакуации детей сопровождали: директор детского дома Андреев Василий Иванович, воспитательницы Смирнова Зинаида Федоровна, Шухгардт Елизавета Ивановна, Подкопаева Надежда Ильинична, завхоз Волков Михаил Савельевич, кастелянша Белова Нина Александровна.

Жили они в двух зданиях, питались в своей столовой, учились в Ишакской средней школе. Каждый урок в школе проходил сразу для двух групп учеников. Учитель поочередно объяснял предмет каждой группе: на русском языке – для одной и на чувашском языке – для другой группы. Когда становилось темно, они зажигали лучины, коптилки из ваты. Писали углем или самодельными чернилами. Чернила приготавливали из дубовых шишек. Вести уроки на двух языках и для двух групп было сложно не только для учителей, но и для учеников, хотя и в этом были свои плюсы. Местные ребята учились русскому языку, новички же приобщались к языку чувашскому. Ребята постепенно привыкали к мирной жизни. Здесь им было значительно легче, чем в блокадном Ленинграде. Но и в Ишаках не все было гладко: холод и голод.

Колхоз, как и вся Чувашия, работал на фронт. Ребята понимали, что все это для победы и помогали своим трудом приблизить этот час. Они помогали убирать урожай, собирали грибы, орехи, крапиву. Девочки работали в швейной мастерской.

В 1946 г. был брошен клич: «Ленинград собирает своих детей!». За ребятами приезжали вернувшиеся с фронта родственники. У кого нашлись родители, родные, тех забирали. Количество детей в детском доме постепенно уменьшалось, и тогда стали принимать местных детей, которые остались без родителей. Количество детей в детских домах после войны начало уменьшаться, и их начали объединять. Воспитанников Ишакского детского дома в августе 1948 г. перевели в село Калинино, там объединили воспитанников из трех детских домов: Покровского, Ишакского и Бичурга-Боишевского. В 1983 г. в селе Ишаки, в двухэтажном здании бывшего детского дома, был открыт краеведческий музей.

Биография Анастасии Фёдоровны Арбатовой (1896 – 1994) интересна тем, что она училась у И.Я. Яковлева в Симбирской чувашской учительской школе. В своих воспоминаниях она с благодарностью отмечает время, проведенное в школе. «Нас хорошо подготовили к учительской деятельности, к жизни. Мы хорошо изучали садоводство, цветоводство, пчеловодство, поэтому у меня во дворе всегда росли самые красивые цветы в деревне», – говорила она.

Анастасия Федоровна Арбатова – заслуженная учительница Чувашской АССР, награждена орденами Трудового Красного Знамени (1949 г.), Ленина (1950 г.), медалями.

Анжелика Н. исследовала педагогическую деятельность В.А. Сухомлинского в посёлке Ува Удмуртской Республики, где он лечился и проходил период реабилитации после ранения. Посёлок Ува на западе Удмуртии – небольшое поселение, жители которого в основном заняты сельскохозяйственным трудом. К началу 1942-1943 учебного года Увинская средняя школа имела 34 класса и 1044 ученика. В 10 классных комнатах школьники занимались в 3 смены. Начало занятий – 8 часов утра, окончание – в 19 часов 15 минут. В зимнее время из-за отсутствия света было сорвано 35 уроков. Дети военной поры не отличались хорошим здоровьем. В мае 1943 г. был общий осмотр учащихся 5-10-х классов Увинской школы. В заключении врача указано, что из учеников 5-10-х классов больных анемией – 38 человек, пороком сердца – 17, малокровием – 35 человек, другими болезнями – 21 человек. За зиму 1942-1943 гг. было 112 случаев простудных заболеваний.

Острой оставалась проблема отсева учащихся. По длительной болезни или смерти выбыло 14 человек. Из-за отсутствия обуви и одежды оставили учёбу 19 человек, пошли работать на предприятия и в учреждения 37 человек.

Военные условия особым образом влияли на учебный процесс. Так, в ноябре 1942 г. директор школы вынужден был запретить письменные работы по целому ряду предметов гуманитарного цикла – географии, истории, конституции и даже по естествознанию. Причиной данного решения была экономия бумаги. Оценки по этим предметам рекомендовано было выводить на основе устных ответов учащихся.

Трое студентов нашли материал о Николае Фёдоровиче Кюнге, одном из руководителей вооружённого восстания в Бухенвальде. Учитель истории Н.Ф. Кюнг не отказался от преподавания даже в тяжелейших условиях концлагеря.

Каждый студент защитил свой проект.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**
**ORGANIZATIONAL AND CONTENT SUPPORT OF PHYSICAL
EDUCATION IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE
FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD OF HIGHER EDUCATION**

В.А. Оринчук

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

А.Н. Кутасин

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

V.A. Orinchuk

*Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of The Russian Presidential
Academy Of National Economy and Public Administration*

A.N. Kutasin

Lobachevsky University

Представлена роль физической культуры в реализации ФГОС ВО нового поколения и модель преподавания физической культуры в вузе в соответствии с данными ФГОС. Определены проблемные места в организации процесса физического воспитания студентов, а также предложены меры по повышению эффективности физкультурно-спортивной работы в вузе.

The article presents the role of physical culture in the implementation of the new generation of FSES HE the model of teaching physical culture in higher

education in accordance with the data of the FSES. The authors identified the problem areas in the organization of the process of physical education of students, as well as proposed measures to improve the effectiveness of physical culture and sports work at the University.

Ключевые слова: физическая культура, федеральные государственные образовательные стандарты, высшее образование, физическое воспитание студентов

Keywords: physical culture, Federal state educational standards, higher education, physical education of students

Одним из ключевых направлений модернизации профессионального образования в нашей стране является совершенствование содержания системы высшего образования. В настоящее время в вузах Российской Федерации подготовка бакалавров (специалистов) по всем направлениям (специальностям) осуществляется на основе Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО 3+, ФГОС ВО 3++). Отдельные федеральные государственные образовательные организации высшего образования разрабатывают и реализуют самостоятельно устанавливаемые образовательные стандарты (СУОС) [1].

В соответствии с ФГОС ВО или СУОС для программ бакалавриата (специалитета) дисциплины (модули) по физической культуре и спорту реализуется [1; 2]:

– в рамках Блока 1 «Дисциплины (модули)» в объеме не менее 2 з.е. (72 академических часа). В большинстве вузов дисциплина «Физическая культура» или «Физическая культура и спорт» с проведением лекционных, семинарских, методических занятий.

– в рамках элективных дисциплин (модулей) в очной форме обучения в объеме не менее 328 академических часов, которые являются обязательным блоком и в з.е. не переводятся. Дисциплины (модули) по физической культуре и спорту направлены на формирование общекультурных компетенций (ОК) или универсальных компетенций (УК):

– УК (ОК) – Способность поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (направления подготовки бакалавриата или специалитета).

Значимость дисциплин по физической культуре и спорту в формировании общекультурных (универсальных) компетенций и в профессиональной подготовленности обучающихся трудно переоценить. Физическая культура является компонентом общей культуры, психического и физического

становления, а также профессиональной подготовки студента в течение всего периода обучения [3].

Несмотря на важность и необходимость дисциплин по физической культуре и спорту, существуют *проблемные места* при организации занятий по данным дисциплинам:

- переход на преподавание дисциплины «Физическая культура» из блока 1 (2 з.е.) на дистанционную форму обучения или перевод до 50% времени на самостоятельную работу студента;

- включение в рабочую программу дисциплины «Физическая культура» (элективные дисциплины по физической культуре и спорту) из 328 академических часов до 50% времени на самостоятельную работу студента;

- безальтернативность выбора видов физкультурно-спортивной деятельности в рамках дисциплины «Физическая культура» (элективные дисциплины по физической культуре и спорту);

- отсутствие в вузах необходимой для реализации элективных дисциплин по физической культуре и спорту спортивной базы и кадрового обеспечения кафедр физического воспитания;

- оказание платных услуг студентам взамен обеспечения занятий по элективным дисциплинам по физической культуре и спорту;

- низкое качество преподавания дисциплин по физической культуре и спорту и, как следствие, снижение мотивации студентов к изучению данных дисциплин;

- отсутствие объективных критериев оценки по дисциплинам по физической культуре и спорту;

- низкое качество медицинского сопровождения учебной деятельности по элективным дисциплинам по физической культуре и спорту для студентов с ОВЗ (выдача справок-освобождений от занятий, а не справок рекомендаций к видам двигательной деятельности);

- отсутствие мотивации к изучению дисциплины «Физическая культура» у старшеклассников общеобразовательных организаций, а зачастую ее пропуски, так как в 10-11 классах идет активная подготовка к сдаче ЕГЭ.

В Нижегородском институте управления – филиале РАНХиГС разработана и реализуется на протяжении 10 лет модель преподавания дисциплины «Прикладная физическая культура» (элективные дисциплины по физической культуре и спорту), которая создает условия для эффективного изучения данной дисциплины при определенном недостатке спортивной базы, тренерских кадров, низкой мотивации студентов (рис. 1). Преимуществом данной модели является то, что студенты сами выбирают формы занятий (тем самым подтверждается элективность данной дисциплины) и имеют

возможность выбора посещения занятий либо по учебному расписанию, либо во внеучебное время в объеме 4 часов в неделю. Данная модель позволяет охватить занятиями по физической культуре всех студентов очной формы обучения, независимо от их уровня физической подготовленности и состояния здоровья.

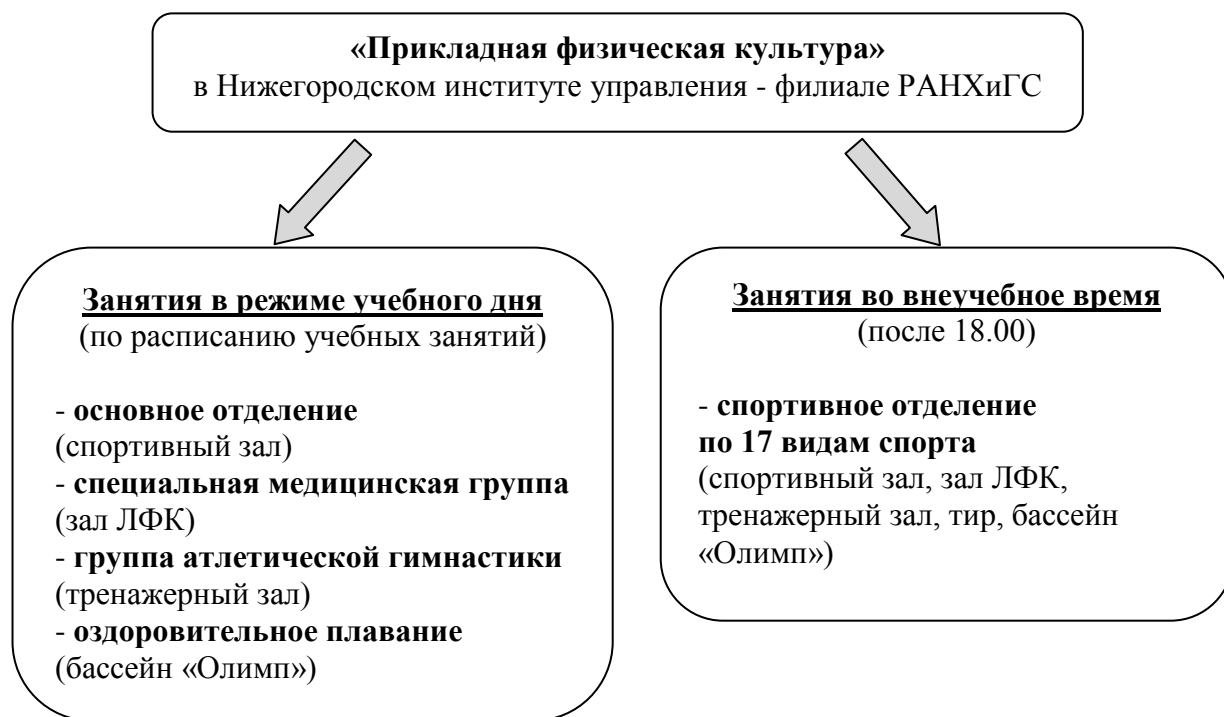

Рис. 1. Модель проведения занятий по дисциплине «Прикладная физическая культура» в Нижегородском институте управления – филиале РАНХиГС

Все студенты очной формы обучения в начале учебного года распределяются по отделениям для изучения дисциплины «Прикладная физическая культура». Распределение проводится совместно с врачом медицинского пункта института по данным медосмотра студентов и справок 086-у (для студентов 1 курса). Студенты распределяются по следующим отделениям: основное, специальная медицинская группа, спортивное отделение, а также группы атлетической гимнастики и оздоровительного плавания [4]. Так, в 2019 г. студенты 1-3 курсов (всего 1148 студентов) на занятия по дисциплине «Прикладная физическая культура» были распределены следующим образом:

- 345 обучающихся (30,0%) – в 17 спортивных отделениях;
- 121 обучающийся (10,5) – группы ЛФК (спец. мед. группа);
- 50 обучающихся (4,3%) – оздоровительное плавание;
- 141 обучающийся (12,3%) – группа атлетической гимнастики;
- 491 обучающийся (42,8%) – основное отделение.

Занятия во всех отделениях проводятся преподавателями кафедры физического воспитания. Выбор всех отделений, кроме основного, студенты делают осознанно, что существенно повышает мотивацию к занятиям по физической культуре. Реализация представленной модели позволила за последние годы значительно повысить уровень посещаемости занятий по физической культуре и снизить количество пропусков занятий без уважительной причины. Уровень посещаемости занятий о физической культуре за 2019 год был следующим:

- оздоровительное плавание и группа атлетической гимнастики – посещаемость до 100%;
- спортивные отделения – 93%;
- группы ЛФК (спец. мед. группа) – 88%;
- основное отделение – 74%.

Таким образом, в период реформирования системы высшего образования физической культуре отводится важная роль в формировании общекультурных (универсальных) компетенций и в профессиональной подготовленности обучающихся, так как физическая культура тесно связана не только с физическим развитием, но и с формированием средствами физической культуры и спорта жизненно необходимых психических качеств, свойств и черт личности будущего специалиста. Но несмотря на важность физического воспитания студентов, существуют проблемные места при организации занятий по физической культуре в вузах: переход на дистанционную форму обучения, перевод до 50% времени на самостоятельную работу студента, недостаточность имеющейся спортивной базы, низкая мотивация студентов к изучению физической культуры. Применение опыта вузов Нижегородской области по развитию физической культуры и спорта и реализации предложенных мер позволили бы существенно повысить эффективность физического воспитания в вузе и активизировать физкультурно-спортивную работу со студентами.

Список литературы

1. Держинская Л.Б., Прохорова И.В., Держинский Г.А. Физическая культура: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений ф-тов заоч. обучения. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2016. 122 с.
2. Колганова Е.Ю., Журина И.И. Организация процесса обучения по дисциплине физическая культура в рамках ФГОС ВПО третьего поколения // Сборник научных трудов SWORLD. 2014. Т. 16. № 4. С. 69-78.
3. Гусев А.Н., Стафеева А.В. Прикладная физическая подготовка студентов в вузе как основа концепции разработки содержания дисциплины «Физическая культура» в рамках ФГОС ВПО 3+ // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 146-149.

4. Оринчук В.А., Лапчинская Н.В. Организационное обеспечение физического воспитания студентов специальной медицинской группы // Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции «Физическая культура и спорт: интеграция науки и практики». Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 40-42.

**КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЫХ
УЧИТЕЛЕЙ В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ
CONSTRUCTING SOCIAL PROBLEMS
OF YOUNG TEACHERS IN RURAL SCHOOLS**

И.Э. Петрова, Е.С. Беляева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
I.E. Petrova, E.S. Belyaeva
Lobachevsky University

Адаптация молодых специалистов сферы образования на селе – процесс комплексный, сложный и многомерный. Программы помощи в трудоустройстве молодых учителей в субъектах Российской Федерации нацелены на насыщение сельских школ высококвалифицированными кадрами в настоящее время и ближайшее будущее. В формировании условий их занятости принимают участие различные институциональные и неформальные акторы: Министерство просвещения и региональные министерства/департаменты образования; Министерство строительства и ЖКХ и подведомственные ему организации на местах; муниципалитеты районов и поселений; коллективы сельских школ, общественные организации и, конечно же, сами молодые учителя. Интересы участников процесса закрепления молодых кадров зачастую противоречат друг другу и никогда не бывают представлены на одних публичных площадках. Сельские учителя выступают на педагогических конференциях, жилищное строительство обсуждают главы районов с региональными правительствами, чиновники разных министерств на федеральном уровне не согласовывают задачи программ, обращенных к одной целевой аудитории. Именно научные исследования могут показать недостатки публичного обсуждения целей и потребностей всех акторов процесса адаптации молодых учителей на селе.

Adaptation of young specialists in rural education is a complex, complex and multidimensional process. Programs to help young teachers find jobs in the regions of the Russian Federation are aimed at saturating rural schools with highly qualified staff now and in the near future. Various institutional and informal actors take part in forming their employment conditions: the Ministry of Education and regional ministries/departments of education; the Ministry of Construction and Housing and its subordinate organizations on the ground; municipalities of districts and settlements; teams of rural schools, public organizations and, of course, young teachers themselves. The interests of participants in the process of retaining young

teachers often contradict each other and are never represented on the same public platforms. Rural teachers speak at pedagogical conferences; district heads discuss housing construction in rural areas with regional governments; and officials from different ministries at the federal level do not agree on the objectives of programs that address the same target audience. It is at this time that research can reveal the shortcomings of public discussion of the goals and adaptation needs of young teachers in rural areas.

Ключевые слова: молодые специалисты, сельская школа, социальная политика, трудоустройство, адаптация

Keywords: young specialists, rural school, social policy, employment, adaptation

Трансформация современного российского села происходит под воздействием многих глобальных и локальных трендов. Изменение технологического уклада воздействует на сельское хозяйство и приобретает на селе формы нового расслоения. С одной стороны, гигантские почти полностью автоматизированные агрохолдинги с внедрением технологий искусственного интеллекта, с другой – традиционный ручной труд на собственном участке или использование устаревших технологий в сохранившихся с 1990-х годов хозяйствах, по разным причинам не успевающих модернизировать свою технику. Урбанизация влечет за собой отток молодежи из села в малые и крупные города, важным пунктом для закрепления новых горожан становится профессиональное образование (среднее специальное и высшее), с помощью ЕГЭ и поступления по среднему баллу аттестата ставшее доступным практически любому выпускнику сельской школы. Глобализация экономики позволяет сельским жителям приобщиться к общемировым тенденциям потребления различных благ (достаточно посмотреть статистику открытия пунктов выдачи заказов крупнейшего российского интернет-магазина WildBerries в российской глубинке), но и высвечивает ключевые недостатки коммуникации – основного преимущества глобальной эпохи – нестабильность интернета, малая мощность электростанций, неудобства общественного транспорта и плохие дороги для использования личных автосредств.

Федеральные и региональные программы, посвященные закреплению молодежи и, в частности, молодых учителей на селе, ориентируются на показатели еще совсем недавнего прошлого и не учитывают обновленные потребности социума и молодежи. Обеспечить молодого специалиста не совсем элитным жильем и совсем не элитным автотранспортом, а также относительно повышенной зарплатой кажется главным стимулом, но он как будто взят из 1980-х гг. и не удовлетворяет ни учителей – участников программ, ни их коллег из сельских школ, ни администрацию поселений. Сформированные

потребности в использовании современной экономической и досуговой инфраструктуры, новых технологий преподавания и коммуникации противоречат устоявшейся усредненной трактовке стимулов «дом – машина – зарплата» как единственного необходимого ориентира.

Научные исследования сельского социума высвечивают тенденции все продолжающегося старения педагогических кадров, оттока выпускников сельских школ в город, текучки кадров из числа участников программ по закреплению молодых специалистов в малых городах и сельской местности [1].

Направленность современных глобальных процессов, цели федеральных и региональных программ, а также интересы молодых учителей, их коллег и самого сельского социума зачастую оказываются диаметрально противоположными.

Как показывают авторы фундаментального исследования и коллективной монографии о проблемах сельско-городской миграции [2, 115], новые технологии в агропромышленном комплексе освобождают населения от занятия непроизводительным тяжелым трудом на фермах и в теплицах (проводится полная или частичная автоматизация), и в некоторых регионах уже фиксируется избыток трудоспособного населения на селе, увеличивающий и так немалый процент безработных. Призыв к городскому населению или уехавшим в город вернуться на село в этих условиях сталкивается с вызовом профессионального переобучения/ трудоустройства уже имеющих кадров, как правило, закрепленных, с обустроенным жильем и приусадебным хозяйством. Руководитель коллектива авторов монографии справедливо задается вопросом, как руководители региональных правительств представляют себе жизнь этого молодого специалиста – «вселиться в дом, завести пару коров и уж точно укорениться в самом традиционном сельском укладе»?

Важным становится вопрос инициатора и (или) носителя адаптивной потребности во всем процессе закрепления молодых учителей в сельской школе [3, 1091-1094]. Как разные акторы работают на формирование этой потребности – стимулируют ее появление или, напротив, препятствуют ее развитию, становятся ключевыми в конструировании социальной проблемы адаптации молодых специалистов на селе? Педагоги и администрация сельских школ более всего озабочены адаптацией нового учителя к профессии и коллективу, администрация поселения – укоренению нового члена в сельском социуме, а организаторы различных программ – институциональному закреплению выпускника вуза (лучше пожизненно) в системе образования на селе. В это же время миграционные установки самих молодых специалистов изучены недостаточно подробно. Как правило, различные авторы сходятся во мнении, что сельская молодежь, в особенности, возвращающаяся после обучения в

городе в свою родную школу, более склонна закрепиться там на долгое время, чем городская молодежь, не имеющая собственных сетей поддержки на селе и не знакомая с этим образом жизни [4, 19].

Авторское исследование направлено на выявление динамики в предпочтениях молодых учителей – участников региональных программ с 2008 по 2020 гг. в Нижегородской области (N = 650), а также сопоставлению целей разных акторов, вовлеченных в процесс закрепления молодых кадров на селе.

Ключевым выводом в рамках концепции конструирования социальных проблем молодых кадров на селе становится межведомственная разобщенность не только в организации программ, но с самого начала – в отсутствии общих публичных площадок для обсуждения целей одних и тех же участников. Заявленные социальные проблемы конструируются отдельно друг от друга: адаптация к профессии – среди педагогического сообщества; адаптация к новым условиям – с районной администрацией; самоопределение в новом социуме – с родственниками или ближайшими соседями, а сходится все в интересах одного и того же человека, который предпочитает решить свою проблему в комплексе, не успевая разделить ее на части и продвинуть одинаково успешно на всех публичных аренах.

Кроме того, многие российские исследователи выделяют высокий уровень институционального подчинения молодых специалистов [5, 39] – администрации школы, администрации программы и региональных министерств, что способствует закрытию педагогического сообщества и не дает открыто обсуждать существующие проблемы.

Предложенная участникам региональной программы для молодых учителей в Нижегородской области анкета содержала вопросы из ежегодного исследования Высшей школы экономики (25-ая волна РЛМС), и два из них неожиданно встретили сопротивление всех без исключения респондентов: *Каков Ваш ежемесячный доход?* и *Как Вы оцениваете собственное здоровье?* В лучших традициях советского прошлого респонденты в индивидуальных интервью сообщали, что бояться написать о своих болезнях – им надо быть/казаться абсолютно здоровыми, чтобы администрация школы не сделала из этой информации шума. Опасаются они и разглашать уровень своего дохода (хотя его совсем не трудно узнать в усредненном значении по статистическим данным отчетов о реализации программы), потому что это может стать для них проблемой перед коллегами, родными или соседями по селу.

Сами молодые учителя оказываются в ситуации максимально затрудненного доступа к публичным аренам, на которых они могли бы вполне легальными средствами конструировать насущные проблемы на фоне или в качестве альтернативы запросам Правительства РФ, Министерства сельского

хозяйства РФ, Министерства просвещения РФ, Министерства строительства и ЖКХ РФ, всех региональных и муниципальных администраций, а еще сельской школы, сельского социума и своего ближайшего окружения.

Существующий опыт преодоления такой дистанции представлен пока только в волонтерском проекте по работе лучших выпускников вузов в течение 2 лет в сельской школе сразу после своего выпуска. Как ни странно, такая организация процесса ломает все традиционные шаблоны, но вполне удовлетворяет многим заявленным целям и показателям программ трудоустройства молодых учителей в сельских школах. Как отчитываются региональные министерства просвещения, участвующие в проекте, школы всегда наполнены молодыми учителями; а муниципалитетам не нужно строить много нового жилья из дефицитного бюджета – кадры меняются, существующие условия вполне достаточны в перспективе прожить 2 года на этом месте. Возрастные педагоги школы менее шокированы молодыми коллегами, и тем и другим не надо менять свои адаптационные/ миграционные установки или задаваться целью остаться навсегда именно в этой школе и конкретном селе. Дети 10-11 классов успевают сформировать компетенции с новым учителем и вместе с ним выходят из школы [6, 76].

Не считаем предложенный вариант основным для конструирования заявленной комплексной проблемы, но приводим его в качестве иллюстрации новых возможностей в выполнении задач, как казалось, имеющих строго заданную траекторию разрешения. В конструктивистской концепции, предоставляется публичная арена для представления интересов всех участников, складывая из них своеобразную мозаику.

Скорее всего, именно новые публичные пространства смогут агрегировать мнения участников, которые заведомо отличаются ключевыми характеристиками – самые весомые (федеральные ведомства) и кажущиеся незначительными на их фоне голоса единицы (молодой учитель); очень традиционные (сельский социум) и инновационные (поколения, владеющие технологиями и сформировавшие потребности в потреблении глобального контекста). Даже общественные организации молодых учителей пока представляют весьма старомодные формы и арены для вовлечения молодых специалистов – как правило, конкурсы творческих работ о любви к малой родине... Дальнейшее исследование публичных арен и механизмов конструирования закрепления молодых кадров в сельской школе, а также адаптация зарубежного опыта позволят найти новые тенденции в этом интригующем процессе.

Список литературы

1. Кудрявцева Л.А. Проблемы и перспективы привлечения молодых специалистов в сельскую местность. URL: http://www.sisupr.mrsu.ru/2012-4/PDF/Ermaikova_Kudryaeva.pdf (Дата обращения: 15.09.2020).
2. Сергиенко А.М., Колесникова О.Н., Перекаренко Ю.А., Родионова Л.В., Снегирева О.А., Тарасова Е.В. Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 325 с.
3. Федина В.В. Особенности адаптации педагогов в сельской школе // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Общественные науки. 2012. № 28. С. 1091-1095.
4. Амирова Л.А., Антошкин В.Н. Социальный портрет сельского учителя: результаты сравнительного исследования сельских и городских педагогов // Современные исследования социальных проблем. 2017. Том 8. № 9. С. 5-24.
5. Авраимова Е.М., Клячко Т.Л., Логинов Д.М., Токарева Г.С. Эффективность школьного образования. Позиция учителей / Под ред. Т.Л. Клячко. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 80 с.
6. Свеженец В.П. О возможностях самореализации молодежи на сельских территориях и о молодежных проектах, реализуемых на селе: информ. изд. – М.: ФГБНУ «Росинформротех», 2017. 76 с.

САМООБРАЗОВАНИЕ: ДИСФУНКЦИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ? SELF-EDUCATION. IS IT DISFUNCTION OF EDUCATIONAL INSTITUTION?

М.В. Придатченко
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
M.V. Pridatchenko
Lobachevsky University

Речь идет о нарастании дисфункциональности института образования, выраженной в увеличении затрат субъектов образовательных практик и снижении эффективности стандартных легитимных способов достижения легитимных целей.

We are talking about the increasing dysfunctionality of the educational institution, expressed in terms of increased costs for participants in educational practices and decreased efficiency of standard legitimate ways to achieve legitimate goals.

Ключевые слова: институт образования, самообразование, дисфункции института образования, гибкие образовательные практики

Keywords: educational institution, self-education, disfunction of educational institution, flexible educational practices

Институциональная организация общества – это своеобразный общественный договор. Индивидуальные акторы передают часть своих свобод и возможностей следовать своим уникальным стратегиям в пользу социальных институтов в обмен на институционализованные, стандартизированные, более эффективные, но менее ресурсоемкие практики достижения легитимных социальных целей. С точки зрения социальной системы, основная задача социальных институтов в унификации способов социальной жизни, организации пространства легитимации и передачи общеприемлимого знания, создании ценностно-нормативной структуры поведения в процессе социального взаимодействия. В целях поддержания социальной преемственности, взаимопонимания и социальной системы в целом и в надежде на личную выгоду акторы ограничивают свое поведение социальными нормами, избегают нелегитимных способов достижения социально одобряемых целей.

В современном обществе сохраняется высокая ценность образования, которое рассматривается как наиболее вероятный канал вертикальной социальной мобильности и доступа к гражданским правам. Необходимость получения полного школьного образования – самоочевидный факт в странах, называющих себя цивилизованными. Продолжительность школьного обучения варьируется от 5 до 15 лет. По мере развития общества длительность школьного обучения увеличивается. Преимущественной формой получения полного среднего образования является освоение образовательной программы в специальных учреждениях, лицензированных и аттестованных государственными органами управления и организациями национальной системы образования.

Школа оказалась монополистом в организации жизни человека от 5 до почти 20 лет – она определяет расписание в течение дня и года, формы и содержание образовательных практик, нормы и статусно-ролевую структуру в школьном пространстве. Жизнь школьника, более того жизнь семьи с детьми-школьниками, оказывается в полном подчинении школьной, как правило, ограничительной логике. Учить надо то, что определено школьной программой; то, как задано школьной программой и в сроки, установленные школьной программой. Подобная степень подчиненности и обусловленности индивидуальной жизни институциональными правилами была допустима в прошлом веке в обмен на определенные социальные выгоды. Например, вертикальная социальная мобильность ученика при добросовестном выполнении программы учебного заведения или высвобождение времени

родителей для труда по найму. Кроме того, в прошлом веке школа взяла на себя функцию поддержки трансформации ценностей в сфере детской занятости. Использование детского труда было объявлено неприемлимым – обязательное школьное образование защитило детей от эксплуатации и создало для них социально значимую деятельность, то есть право и потенцию на существование во взрослом, рациональном и целесообразном мире.

В настоящих условиях инструменты института образования стали слишком затратными для граждан, и в то же время их эффективность в достижении легитимных целей значительно снизилась. Текущая, гибкая современность вступает в противоречие со школьной структурой, ограничивающей возможности свободного выбора. Учащиеся недовольны организацией процесса, содержанием образования, его несоответствием современным реалиям.

В 10 и 11 классы поступают ребята, ориентированные на сдачу ЕГЭ и поступление в высшие учебные заведения. В этот период освоение школьной программы требует от них 7-8 часового присутствия в школе 6 дней в неделю, 3,5 часа (по СанПин) на выполнение домашнего задания, минимум одно 1,5 часовое занятие у репетитора для подготовки к ЕГЭ. Самый грубый подсчет показывает, что организация времени далека от рациональной и абсолютно не учитывает потребности растущего организма в отдыхе, правильно организованном питании, физических нагрузках и общении с близкими и друзьями. Принимая во внимание, что среднестатистическая школа не готовит к успешной сдаче ЕГЭ, рано или поздно у детей и родителей возникает вопрос: «Зачем ходить в школу?»

В законодательстве нашей страны предусмотрен ответ на этот вопрос. Российская Федерация оказалась значительно либеральнее многих мировых партнеров в решении этой проблемы – ее Закон об образовании разрешает осваивать школьную программу за 10 и 11 классы в форме самообразования. Сегодня среднее образование в форме семейного образования и самообразования получают около 0,1% учеников от числа всех школьников России, каждый год эта цифра прирастает на 2000 человек. Получение образования в форме самообразования предполагает самостоятельное освоение образовательной программы вне школы. Ученик, получающий образование в форме самообразования, допускается к ЕГЭ после успешного прохождения аттестации за 10 и 11 классы и зачета за итоговое сочинение.

Учащиеся в форме самообразования самостоятельно организуют учебный график, привлекают доступные ресурсы (учебники, интернет-ресурсы, репетиторы и курсы). Основное внимание в подготовке уделяется изучению дисциплин, по которым планируется сдавать единый госэкзамен. Остальные

дисциплины осваиваются в объеме, который требуют программа и успешная аттестация. Это ведет к одностороннему освоению образовательной программы: игнорированию «ненужных» предметов, снижению общего культурного уровня. Самообразование требует от ученика высокого уровня мотивации, самоорганизации, навыков поиска и работы с информацией, ответственности за результат.

Полезность и выгода от взаимодействия с институтом школы снижается для индивидуального актора с каждым годом. Посещение школы становится рутинной традиционной практикой, теряющей свою сущность. Свою часть общественного договора школа не выполняет, перекладывая ответственность на детей и семьи. Можно говорить о дисфункциональности института образования в аспекте подготовки учеников к итоговой аттестации и рациональной организации учебного процесса. В этих условиях часть акторов вырабатывает инновационную адаптивную стратегию (согласно классификации американского социолога Р.К. Мертона) – разделяя одобряемые обществом цели, люди прибегают к нестандартным социально нелегитимным способам их достижения. Интересно, что делают они это с целью перейти на следующую ступень (университет) в социальном институте образования.

Дискуссии о необходимости реформирования образования ведутся уже не один год – ни содержание, ни организация его не соответствуют потребностям современного общества, не способствуют развитию актуальных навыков учеников. Качественное образование – дорогостоящий проект, требующий запроса от всего общества. Самообразование – адаптивная стратегия в условиях кризиса системы образования. Это решение насущной проблемы здесь и сейчас (подготовка к ЕГЭ, рациональная организация времени школьника, снижение стрессовых нагрузок) без учета потенциальных перспектив. В период активной социализации, когда информации и открытых возможностей должно быть больше, чем требуется для решения практических задач, самообразование может ограничивать потенциал ученика.

**НЕОБХОДИМОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ
THE NEED FOR PSYCHOLOGICAL EDUCATION
OF FUTURE TEACHERS**

М.М. Прошек, С.А. Воронина
Ивановский государственный университет, г. Иваново
M.M. Proshchek, S.A. Voronina
Ivanovo State University, Ivanovo

Рассматривается необходимость психологического образования будущих учителей. В своей работе они сталкиваются с различными трудностями, вызванными нехваткой психологических знаний, что вызывает затруднения в работе, которые могут привести к прекращению педагогической деятельности

The article discusses the need for psychological education of future teachers. In their work, they face various difficulties caused by a lack of psychological knowledge, which causes difficulties in their work, which even lead to the termination of pedagogical activity.

Ключевые слова: индивидуально-личностные особенности молодого специалиста, психологические знания, трудности в работе, адаптация молодых учителей, страх перед ученической аудиторией

Keywords: individual and personal characteristics of a young specialist, psychological knowledge, difficulties in work, adaptation of young teachers, fear of the student audience

На последних курсах обучения студенты приходят работать в школу. Решившись на данный шаг, они понимают всю ответственность и нагрузку работы. Но многие учителя, не проработав и года, уходят из школы. Конечно, изначально они думают, что у них не возникнет серьезных проблем, ведь практика в школе на четвертом курсе проходит успешно! Однако, чем больше работают, тем больше замечают, что молодым учителям сложно адаптироваться к школе. Неумение грамотно рассчитать время урока, логично выстроить последовательность этапов урока, затруднения при объяснении материала, отсутствие взаимопонимания с коллегами – вот далеко не полный перечень проблем, подстерегающих учителя-новичка. Именно тогда они осознают необходимость психологических знаний. Именно психология поможет найти ответы на такие вопросы: «Как молодым специалистам избежать трудностей на работе в школе?», «Как регулировать отношения со школьным коллективом?» или «Как найти подход к сложным ученикам?» и многие другие вопросы. Познание психологии даст возможность стать не

просто учителем, а учителем-психологом, который понимает своих учеников и знает, как правильно поступить в непростой ситуации.

Изучая проблемы профессиональной адаптации молодых специалистов после окончания педагогических ВУЗов в школе, мы провели анализ условий, которые мешают молодым специалистам войти в рабочий коллектив и наладить контакт с детьми.

1. Отсутствие опыта у молодых специалистов приводит к допущению ими ошибок, неловким ситуациям. Молодому учителю кажется, что все видят его погрешности, осуждают, негативно оценивают его. Кроме этого, придя в школу, молодые специалисты не знают, как передать свои знания ученикам. Данная ситуация грозит непониманием материала. А это, в свою очередь, может повлиять на профессиональную репутацию молодого учителя.

2. Страх ученической аудитории. Подавляющее число учителей испытывают страх перед ученической аудиторией и сомнения в своей способности установить контакт с классом.

3. Большая нагрузка на учителей. Проблема нагрузки является наиболее важной в процессе адаптации к профессии. В настоящее время существуют достаточно высокие требования школы и общества в целом к учителю, к его соответствию ФГОС. Кроме проведения уроков, на его плечи ложатся: ведение электронного журнала, проверка классных работ, самостоятельных и контрольных работ, а иногда и проверка работ на олимпиады. От учителя ожидается, что он будет подходить к своей работе творчески, используя новейшие методы обучения, учитывая особенности каждого ученика и все его потребности. Это усложняет процесс адаптации, несоответствие стандартам сказывается на профессиональной самооценке молодого учителя.

4. Индивидуально-личностные особенности молодого специалиста. Данный фактор является основополагающим, ведь способность адаптироваться, темперамент, характер, степень развития коммуникативных способностей, уровень эмпатии, уровень притязаний и самооценки, мотивация и уровень подготовки, включающий наличие специального педагогического образования и способностей к занятию педагогической деятельностью, играют главную роль в профессии педагога. Не имея большей части этих качеств, человеку будет сложно работать в сфере образования.

5. Отношения с коллективом. Профессиональная адаптация происходит у молодых педагогов по-разному. Большую сложность представляет вступление в новый коллектив. Попав в новую среду, молодой специалист постоянно контролирует себя, адаптируется к её специфике, вырабатывает новый стиль поведения. Находясь в новом коллективе, он неизбежно приобщается к его опыту, усваивает его традиции, ценностные нормы. Большое значение в

профессиональном становлении, в совершенствовании личности молодого педагога имеет нравственная основа коллектива, его морально-психологическая атмосфера, которая бывает и созидательной, и разрушительной.

Изучив проблемы адаптации учителей к работе в школе, мы пришли к выводу, что благоприятное вступление в профессию обеспечивают такие факторы, как удачный опыт взаимодействия с детьми при проведении уроков и организации внешкольной и внеклассной воспитательной деятельности. Хорошие отношения с администрацией школы, социально-психологический климат в педагогическом коллективе, профессиональная подготовка в вузе, а также личностные качества личности помогают преодолевать трудности в период адаптации. Кроме этого, многое зависит от самого учителя. Он должен проявлять интерес к самообразованию, чтобы совершенствовать полученные знания.

Далее изучили необходимую литературу по интересующей нас теме – это труды М.А. Галагузовой «Адаптация бакалавров к социально-педагогической деятельности», Т.С. Поляковой, «Анализ затруднений в педагогической деятельности начинающих учителей», В.Н. Шубкина «Некоторые вопросы адаптации молодежи к труду».

Стоит отметить, что тема адаптации молодых учителей к работе в школе требует дальнейшего изучения, что станет неотъемлемой частью психологического образования.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ**
**TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONAL STATE
OF THE SUBJECTS OF THE EDUCATIONAL SPACE UNDER
CONDITIONS OF SELF-ISOLATION**

Н.А. Птицына, Е.К. Маркова
Ивановский государственный университет, г. Иваново
N.A. Ptitsyna, E.K. Marcova
Ivanovo State University, Ivanovo

Рассмотрен ряд проблем (изменение режима труда и отдыха, увеличение учебной нагрузки, гиподинамия), а также характеристики функционального состояния субъектов образовательного пространства вуза в условиях самоизоляции. Наряду с сохранением функций, обеспечивающих учебную деятельность, у студентов выявлена негативная динамика психоэмоционального состояния. Обоснована необходимость включения в учебный процесс

технологий по здоровьесбережению, направленных на повышение психоэмоциональной и мотивационной ресурсности студентов.

A number of problems have been considered (changes in the work and rest routine, increased study load, physical inactivity), as well as characteristics of the functional state of subjects of the university educational space under self-isolation conditions. Along with preserving the functions that ensure educational activity, students were found to have negative dynamics of the psycho-emotional state. The necessity of including health saving technologies aimed at increasing the psycho-emotional and motivational resource of students into the educational process has been substantiated.

Ключевые слова: функциональное состояние личности, субъекты образовательного пространства, обучение в условиях самоизоляции, ресурсность

Keywords: functional state of personality, subjects of educational space, training in conditions of self-isolation, resource capacity

Введение

Эффективность профессиональной деятельности, удовлетворенность процессом и результатами труда, перспективы профессиональной карьеры в значительной степени зависят от ресурсов личности. Одним из важных факторов, оказывающих существенное влияние на субъект труда, является его функциональное состояние. На основе учета интересов, особенностей мотивационно-потребностной сферы, психофизиологических ресурсов конкретного индивида становится возможным повышение продуктивности его профессиональной деятельности, развитие мотивации к обучению и совершенствованию трудовых навыков.

В настоящее время термин «функциональное состояние» все чаще применяется исследователями, работающими на стыке различных научных дисциплин (физиологии, психологии, социальной работы, эргономики и др.). Наличие разнообразных подходов, базирующихся на изучении разных уровней функционирования человека (физиологического, психологического, психофизиологического и др.), обуславливает неоднозначное толкование его содержания. Вместе с тем, ученые сходятся во мнении, что функциональное состояние – это общая интегральная характеристика деятельности, зависящая от индивидуально-психологических свойств человека [1].

Наряду с цифровизацией образования, одним из инструментов которого является онлайн-формат, возникла необходимость изучения функционального состояния субъектов образовательного пространства в особых условиях внешней среды. Опыт жизнедеятельности в период вынужденной изоляции, вызванной пандемией, свидетельствует об увеличении психологического

напряжения студентов, которое оказывало существенное влияние на продуктивность их деятельности.

Обучение в условиях самоизоляции сопряжено с рядом экзогенных и эндогенных факторов, оказывающих непосредственное и опосредованное воздействие на функциональное состояние студентов. В числе экзогенных факторов можно назвать «вынужденность» онлайн-обучения, недостаточное материально-техническое обеспечение образовательного процесса, ограниченность передвижения во внешнем пространстве, жилищные условия. Среди эндогенных – уменьшение физической активности и снижение уровня работоспособности, нарушение процесса самоорганизации, ослабление интереса к учебной деятельности в условиях изоляции, трансформация коммуникативной активности, снижение адаптационного потенциала.

Материалы и методы исследования

В целях изучения особенностей функционального состояния студентов в условиях самоизоляции, а также разработки мер, направленных на оптимизацию учебного процесса проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 30 студентов 3-4 курсов социолого-психологического факультета Ивановского государственного университета, обучающихся по направлениям «Социальная работа» и «Управление персоналом». Исследование проводилось в период с 1 апреля по 20 июня 2020 года. Среди испытуемых девушки составили 73,4 %, юноши – 26,6%.

В ходе исследования выявлены проблемы, возникшие у студентов в условиях самоизоляции, зафиксированы изменения их функционального состояния. Однако следует учитывать, что студенты находились в неодинаковых социально-бытовых и социально-психологических условиях. Применялся комплекс методов, включающих наблюдение (в ходе проведения занятий в онлайн-режиме), беседу, полуструктурированное интервью, а также материалы эссе на тему: «Я – в период самоизоляции».

Результаты и обсуждение

Подавляющее большинство студентов полагают, что в условиях самоизоляции кардинально изменился режим их труда и отдыха. Обучение в онлайн-формате вызвало увеличение учебной нагрузки, сокращение времени для отдыха, ограничение физической активности. Более половины студентов отметили дефицит свободного времени, тогда как четверть опрошенных указали на его избыток. У юношей и девушек, живущих за пределами областного центра, во время пандемии появилась возможность проживать дома и длительно общаться с близкими. Причем, опыт общения с родственниками студенты охарактеризовали неоднозначно. Основная часть опрошенных

оценили такое общение как позитивное, доставляющее удовольствие и придающее новые силы:

«Жила с мамой вдвоем дома. Мне было комфортно находиться дома, так как с мамой у нас хорошие отношения. Не было стресса и напряжения, так как мы сразу договорились не смотреть новости, особенно Первый канал, где целыми днями говорилось про covid» (Ж., 19 лет).

«За это время я больше помогал своей семье... больше проводил времени с мамой... разговаривал с ней о том, что сейчас происходит...» (М., 19 лет).

Встретились и негативные оценки. Тесные контакты с близкими вызывали у некоторых студентов дополнительное психоэмоциональное напряжение:

«...Я очень домашний человек и без надобности не выхожу на улицу. Психологически было очень тяжело, потому что я люблю тишину, а у меня есть маленький брат (6 лет). В общем, если это повторится, то я уже не выдержу такого морального и психологического давления, тем более к нам еще бабушка переезжает» (Ж., 20 лет).

Наряду с усилением психоэмоциональной нагрузки студенты назвали обострение материально-технических и жилищно-бытовых проблем (особенно в семьях, имеющих несколько детей), приостановление производственной деятельности и/или лишение рабочего места и заработка, необходимость обеспечения техническими средствами всех членов семьи учащихся и работающих в удаленном режиме, пребывание всех членов семьи в условиях ограниченного пространства (квартиры, частного дома). Приведем ряд примеров.

«Больше полутора лет я живу отдельно от родителей и самостоятельно себя обеспечиваю. Для поддержания желаемого уровня жизни приходилось совмещать учебу и три подработки, которые складывались в единый заработок. Самым прибыльным и стабильным местом была сфера услуг, которая пострадала в первую очередь. Соответственно, пришлось мобилизоваться и искать альтернативные источники дохода...» (Ж., 20 лет).

«Были проблемы с компьютером. У нас в семье три человека, которым пришлось заниматься удаленно. Компьютер приходилось расписывать по времени, что не очень удобно, так как занятия начинались в разное время» (Ж., 20 лет).

«У меня были проблемы только с дистанционным обучением. Не было возможностей делать задания (я делала с телефона, компьютера нет)» (Ж., 20 лет).

Зафиксирована динамика изменения оценки студентами своего функционального состояния и работоспособности в условиях самоизоляции.

Анализ материалов интервью показал, что в начале периода самоизоляции большинство студентов ощущали себя бодрыми, энергичными, проявляли готовность к деятельности в новых условиях, их работоспособность оставалась на высоком уровне. В течение периода самоизоляции произошло значительное снижение этих показателей.

В период самоизоляции студенты проводили самооценку уровней работоспособности (морфофизиологического, психологического, поведенческого). Согласно полученным данным, продуктивность их учебной деятельности значительно уменьшилась. Примерно в равной мере снизились показатели активности и настроения. В условиях гиподинамии у студентов стали чаще возникать стрессовые реакции и проявляться признаки утомления. Большинство студентов отмечали признаки кислородного голодания, наличие головных и мышечных болей, нарушения сна, ухудшение зрения, снижение когнитивных функций (памяти, внимания). Об особенностях своего физиологического состояния студенты упомянули в эссе.

«Физически так же, как и эмоционально, стало тяжело недели через четыре. И без того слабые глаза стали уставать еще быстрее, появились боли в пояснице...» (Ж., 19 лет).

«Где-то 9-ый день начал походить на все последующие. Они были настолько одинаковыми, что в какой-то момент я перестал считать, когда случится окончание «карантина», который несколько раз переносил президент. В тот же момент, кажется, все составляющие моей психики рухнули. Я устал от этой изоляции, мне было грустно, постоянно болела голова, не хотелось даже причесываться» (М., 20 лет).

В начале пандемии (март-апрель) сами студенты и их ближайшее окружение старались соблюдать санитарно-эпидемиологические правила (мытьё рук, проведение санитарно-гигиенической обработки одежды, продуктов и др.). А впоследствии выполнение данных процедур стало носить в большей мере формальный характер. По мнению студентов, подобное отношение во многом сложилось под влиянием официальной информационной политики. Сведения о коронавирусе (подчас противоречивые) сообщали, в основном, чиновники и политики, отсутствовал всесторонний научный анализ сложившейся ситуации, что вызывало недоверие, а в отдельных случаях – иронию и сарказм. Приведем ряд примеров:

«Показалось, что ученых нет. Одни политики и чиновники все знают. Сегодня говорят одно, завтра – другое, сами себе противоречат» (М., 19 лет).

«Первые дни после введения карантина дались мне не просто. В СМИ постоянно нагнетали ситуацию. Мне становилось страшно за своих родных

...После того, как страх исчез, все вокруг стало казаться театром абсурда..., Веселее всего следить за тем, как люди про все забыли. Это я о том, что никому резко стал не нужен Парад Победы и остальные скрепы. Их заменили спорами «бешенных псов» о том, кто все-таки «придумал этот вирус»» (М., 20 лет).

Среди испытуемых оказалось несколько студентов, склонных к рискованному поведению. Например, несмотря на ряд действующих в период пандемии на территории Ивановской области ограничений, отдельные студенты оказались не готовы изменить привычный образ жизни: совершали междугородные поездки, проводили свободное время в компании сверстников.

Более половины студентов испытывали дефицит общения, девушкам и юношам не хватало «живого диалога» как с ровесниками, так и с преподавателями.

«Очень не хватало живого общения с одноклассниками и другими сверстниками» (Ж., 19 лет).

«Мне не нравилась дистанционная форма обучения. Она не дает полноценного усвоения информации. Если говорить честно, учиться было совсем не интересно. Я очень хотела вернуться к нормальному посещению занятий и «живому» общению с преподавателями» (Ж., 19 лет).

По мнению студентов, наиболее существенными недостатками дистанционного образования являются низкое качество интернет-соединения, перебои в работе онлайн-платформ и недостаток качества цифрового контента. В данном контексте заслуживает внимания такая ситуация:

«С самого начала карантина моя семья уехала в деревню. В конце марта я переехала к ним... Интернет ловил только в поле. Мы разжигали костер, чтобы хоть что-то сделать по учебе, чтобы у нас не замерзли пальцы. В результате я съехала в учебе» (Ж., 20 лет).

Перспективу дальнейшего обучения в формате онлайн студенты оценили не однозначно.

«Очень не хочется переходить на дистанционное обучение, потому что дома делать ничего не хочется и знаний от этого не прибавляется» (Ж., 20 лет).

Другой пример:

«Дистанционное обучение не напрягало. Даже казалось, что проходит более интересно. Увеличилась мотивация к обучению» (Ж., 20 лет).

В начале периода пандемии у большинства испытуемых зафиксировано благоприятное психологическое состояние. Впоследствии у значительной части студентов отмечено повышение тревожности. В условиях стрессовой ситуации

у девушек и юношей проявились такие симптомы, как сензитивность, раздражительность, нарушение сна, элементы агрессии.

В ходе семинарских занятий студенты задавали вопросы, продиктованные необходимостью в психолого-педагогической поддержке, а также коррекции функционального состояния. На основании индивидуальных запросов студентов проводилась психокоррекционная работа, направленная на сохранение психофизиологического здоровья: составление графика труда и отдыха, предусматривающего физические нагрузки и творческие занятия, разработка рекомендаций по здоровому питанию и нормализации сна, применение медитативных техник. В целях развития мотивационной ресурсности студентам предлагалось разработать индивидуальный план, включающий постановку и достижение ближайших и перспективных целей.

Заключение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у студентов, обучавшихся в онлайн-формате в период пандемии, наблюдались изменения функционального состояния, обусловленные влиянием экзогенных и эндогенных факторов. Включение в учебный процесс технологий по здоровьесбережению, направленных на коррекцию функционального состояния, позволяет сохранять и развивать психоэмоциональную и мотивационную ресурсность субъектов образовательного пространства вуза.

Список литературы

1. Хватова М.В. Функциональное состояние человека как интегральная характеристика [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnoe-sostoyanie-cheloveka-kak-integralnaya-harakteristika/viewer> (Дата обращения: 02.08.2020).

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ МИССИИ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РАМКАХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**IMPROVING THE CULTURAL AND CREATIVE MISSION
OF HIGHER EDUCATION IN THE FRAMEWORK OF SOCIO-CULTURAL
PROCESSES IN MODERN RUSSIA**

Ю.Ю. Рыбасова
*Казанский кооперативный институт,
филиал Российского университета кооперации, г. Казань*
Yu.Yu. Rybasova
*Kazan Cooperative Institute,
Branch of Russian University of Cooperation, Kazan*

В статье нами рассмотрена проблема совершенствования культурной и творческой миссии высшей школы в рамках социокультурных процессов современной России. Соответствуя международным стандартам, важно применять знания теоретического и практического характера повышения компетенций.

Ценностью является информационно-образовательная среда с применением интерактивных технологий, способствующих рождению «новой элиты», умеющей работать дистанционно, в онлайн формате и оффлайн образовательной среде.

In this article, we consider the problem of improving the cultural and creative mission of higher education in the framework of socio-cultural processes in modern Russia. In accordance with international standards, it is important to apply knowledge of the theoretical and practical nature of improving competencies.

The value is the information and educational environment with the use of interactive technologies that contribute to the birth of a "new elite" who can work remotely, in an online format and offline educational environment.

Ключевые слова: миссия, социокультурный процесс, информационно-цифровые технологии, дистанционное образование, компетенция, «новая элита», диалог культур, студент, статус, благосостояние

Keywords: mission, socio-cultural process, information and digital technologies, distance education, competence, "new elite", dialogue of cultures, student, status, welfare

В Федеральном законе № 273 об «Образовании в Российской Федерации» говорится, что образование как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения является общественно значимым благом, осуществляемым в интересах человека, семьи, общества и государства. Образование – это совокупность приобретаемых знаний, умений и навыков, а также ценностных установок, опыта деятельности и компетенции объема и сложности в целях

интеллектуального, духовно-нравственного, творческого и профессионального развития человека [1].

Сегодня актуально говорить о культурной и творческой миссии высшей школы, и как показывает практика, происходящие изменения в совершенствовании социокультурных процессов современной России связаны с культурной профессионально-творческой подготовкой студентов.

Согласно современным теориям подготовки профессионалов, которые должны соответствовать международным стандартам, сегодня, с нашей точки зрения, недостаточно направлять основные усилия только на совершенствование содержательной части образовательных программ. Необходимо проводить работу теоретического и практического характера повышения качества умений и навыков, то есть компетенций.

Как утверждают современные авторы, мощным фактором совершенствования современного российского общества и всей образовательной среды являются информация и информационные образовательные технологии, которые активно используют как в образовании, науке, так и в творческом процессе на производстве и даже в быту. В связи с распространением интерактивных технологий формируется «новая элита», то есть профессионал умственного труда, творческий работник, владеющий в совершенстве информационно-цифровыми технологиями [3].

Особенную ценность современного общества, на наш взгляд, представляет та образовательная информация, которая важна для пространства, выстраивания диалога культур во всех сферах общества. В рамках современных проблем, таких как страшного социально-психологического и медицинского заболевания COVID-19, российскому обществу важно умело и правильно перестроиться на новое культурно-информационное пространство. Как показала практика, есть возможность получения образования дистанционно, однако нельзя забывать о главной образовательной услуге – знании как ценности культуры. Обладающий широким спектром знаний специалист имеет возможность совершенствоваться и повышать уровень своего благосостояния и свой статус.

Новые подходы к совершенствованию культурной и творческой миссии высшей школы в рамках социокультурных процессов современной России состоят в модернизации личностных качеств будущих профессионалов с высшим образованием. На основе взаимосвязи образования, обучения и воспитания необходимо создавать условия для культуры и творчества личности.

Задачами образовательного процесса выступают:

1. создание среды для базовой профессиональной культуры и творчества студентов в вузе;
2. воспитание у студентов способности к восприятию культуры;
3. привитие высоких культурно-творческих потребностей и интересов студентам высшей школы;
4. совершенствование культуры общения, освоение своего места в диалоге культур, а также развитие культурного самосознания студентов.

Российская высшая школа в настоящее время ориентирована на то, чтобы конечная цель образования определялась рынком труда, а также работодателями, которые заинтересованы в качественном специалисте.

В проекте «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года» содержатся положения о том, что совершенствование культурной и творческой миссии высшей школы в рамках социокультурных процессов современной России должно включать следующие характеристики:

- 1) духовно-нравственные и ценностно-смысловые ориентации студентов;
- 2) мотивацию студентов на непрерывный личностный рост;
- 3) коммуникативные и другие социально значимые способности студентов;
- 4) умения и навыки, обеспечивающие социальное и гражданское становление личности студента;
- 5) успешную самореализацию студентов в жизни, обществе и профессии [2].

Учитывая особенности нашего региона, можно говорить о следующем:

во-первых, образовательные учреждения (вузы) должны представлять собой поликультурные системы;

во-вторых, в вузах должен быть реализован принцип национально-культурной сообразности, что позволяет создавать условия для формирования культурной идентичности студентов;

в-третьих, в рамках образовательной среды вуза должна осуществляться интеграция студентов в мировое поликультурное пространство и воспитание в них «гражданина мира» на основе общечеловеческих ценностей.

Культурное и творческое пространство вуза должно представлять собой социально-образовательную среду формирования личности студента, в рамках которой осуществляется освоение им ценностей мировой и национальной культуры, моделей межкультурных и социальных взаимоотношений на основе толерантного взаимодействия и общечеловеческих ценностей.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения: 26.08.2020).
2. ПРОЕКТ в редакции от 13 января 2015 г. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://минобрнауки.рф/открытое_министерство/стратегия (Дата обращения: 26.08.2020).
3. Рыбасова Ю.Ю., Мазитова Ф.Л. Общекультурная подготовка бакалавров в вузе: монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 94 с.
4. Исаченко Н.Н. Современное Российское общество в динамике социокультурных процессов // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 2. С. 35–39.

ДЕТСКИЙ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ КАК ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ ИНСТИТУТ: СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ **CHILDREN'S HEALTH CAMP AS A TRANSFORMING INSTITUTION: SOCIOECONOMIC AND SOCIOCULTURAL ASPECTS**

Ю.Л. Софронова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
Yu.L. Sofronova
Lobachevsky University

Организация детского отдыха в летний период остаётся одним из актуальных вопросов как для родителей, так и для государства, заявляющего о своей социальной ориентированности в условиях рыночной экономики. Детский летний лагерь предстаёт перед нами как традиционный социальный институт, являющийся наследием советского прошлого и трансформирующийся в современных условиях.

The organization of children's recreation in the summer remains one of the pressing issues, both for parents and for the state, which declares its social orientation in a market economy. The children's summer camp appears to us as a traditional social institution, which is a legacy of the Soviet past, and is transforming in modern conditions.

Ключевые слова: детский оздоровительный лагерь (ДОЛ), институциональные функции, социоэкономические аспекты трансформации, социокультурные аспекты трансформации

Keywords: children's health camp, institutional functions, socio-economic aspects of transformation, socio-cultural aspects of transformation

Созданный изначально как элемент системы идеологического воспитания подрастающего поколения (одна из ключевых функций), сегодня детский летний лагерь формально ориентирован, прежде всего, на реализацию функций организации оздоровления, досуга, отдыха и дополнительного образования детей разного возраста. «Организация», «организованность» остаются здесь ключевыми понятиями, и запрос на помощь в этой сфере со стороны родителей, адресуемый государству и бизнесу, существует в той же мере, что и ранее. Вероятно, этот запрос даже возрастает в связи с усложнением социальных, экономических, политических отношений в обществе. Дороговизна жизни заставляет родителей думать в первую очередь о материальном обеспечении семьи, школы сосредоточены на решении образовательных задач и заявляют об отсутствии ресурсов для школьных и юньских лагерей, государственные предприятия больше не обязаны держать на балансе социальные объекты, городская среда полна опасностей и рисков. На смену государственной идеологии пришла «власть смартфонов» – и один из многочисленных вызовов, адресованных родителям, состоит в том, чтобы убедить собственных детей: «оффлайн» – это не менее интересно, чем «онлайн». Проблем действительно много, а всякая здравомыслящая семья заинтересована в том, чтобы летние месяцы были потрачены не зря, были содержательными и полезными. Пребывание ребёнка в детском летнем лагере, хотя бы в течение одного месяца, разнообразит каникулярный период и имеет свои преимущества в плане социализации наряду с пассивным отдыхом и различными семейными мероприятиями и поездками.

Как трансформируется институт детского оздоровительного отдыха в современных условиях? В чём его отличие от института советского пионерского лагеря, каков баланс традиционности и инновационности в реализации практик и каковы приоритеты ключевых участников взаимодействия? Все эти вопросы являются интересными и открытыми для внимания исследователей. При поверхностном рассмотрении формальных аспектов, например, социально-экономических, общую картину можно назвать противоречивой. Как отмечается в брошюре Общественной Палаты РФ, посвящённой данной теме, в 2017-2018 гг. детский отдых был организован в 85 субъектах России, согласно рейтингу регионов по организации детского отдыха в 2018 г., лидерами в данной сфере являются г. Москва, Краснодарский край, Нижегородская область, Свердловская область, Московская область, г. Санкт-Петербург. Меньше всего баллов (по оценке экспертов) набрали Ивановская область, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Республика Адыгея [1].

В то же время, из 85 указанных субъектов РФ только в 24 регионах количество детей, охваченных каникулярными программами, в 2017-2018 гг. увеличилось, а в 60 регионах численность детей, отдохнувших летом, снизилась [1]. К сожалению, брошюра не предлагает хотя бы краткого экспертного анализа причин подобной ситуации, но можно предположить, что одним из факторов является низкая покупательная способность населения. Так, анализ удовлетворённости потребителей состоянием ценовой конкуренции на рынках товаров и услуг Нижегородской области в 2018 г. показал, что только 2% респондентов удовлетворены уровнем цен на рынке услуг отдыха и оздоровления детей (8% – скорее удовлетворены). 46% завил о своей частичной и полной неудовлетворённости, а ещё 44% опрошенных затруднились ответить [2]. В Нижегородской области по состоянию на июль 2019 года в государственном реестре зарегистрировано 69 ДОЛ, из них только 9 лагерей предлагают путёвку стоимостью менее 25 тысяч рублей (с частичной государственной компенсацией), остальные 60 субъектов системы детского летнего отдыха продают путёвки стоимостью от 25 тысяч (также с возможностью частичной компенсации со стороны государства). Из 69 организаций, представленных в реестре, в отношении 16 используется механизм частичной компенсации стоимости путёвки [3]. Согласно распоряжению Правительства Нижегородской области от 01.11.2017 г. № 1765-р, стоимость одного дня пребывания в загородных детских образовательно-оздоровительных центрах должна составлять не менее 708 рублей, а стоимость набора продуктов питания – не менее 250 рублей в сутки [3]. Так, например, стоимость путёвки в ДОЛ «Восток» (Нижегородская область, Семёновский городской округ) на 14 дней августа 2020 г. составила 25 тысяч рублей, с возможностью частичной компенсации. Детский летний отдых, таким образом, оказывается достаточно затратным мероприятием, особенно в том случае, если семья является многодетной или родители ориентированы на приобретение услуг тематического характера (например, лагерь, где ребёнок может изучать иностранный язык).

Социокультурные аспекты трансформации института детского летнего отдыха тоже представляют безусловный интерес. В этой связи, в первую очередь приходится говорить о *диверсификации культурного стиля* – это движение от прежней идеологической государственной унификации к относительному разнообразию рыночного предложения. Так, яркий и привлекательный федеральный портал incamp.ru, поддерживаемый государством и бизнесом, рассказывает посетителям о заманчивом разнообразии каникулярных программ, реализуемых как на всей территории РФ, так и за её пределами. Лагеря творческие, языковые, международные,

лагеря с бассейном, детские лагеря для малышей. Активный отдых, медиа и блоггерство, приключения и открытия. «Большая игра в следопытов», «Академия звёзд», «Город мастеров» – программы на любой вкус для семей, имеющих возможность стать покупателями подобных услуг. На этом фоне одной из приоритетных задач становится оценка того, в какой степени декларации совпадают с реальностью и насколько результативными являются усилия специалистов, участвующих в организации детского оздоровительного отдыха.

Одним из культурных приоритетов организации детского отдыха является *формирование, стимулирование и поддержание интереса* детей и подростков к происходящему в окружающем мире, в различных его проявлениях. «Заинтересовать» становится задачей всё более сложной – благодаря социальным сетям и блогерам, современный подросток уже «всё видел и всё знает» иногда даже знает больше, чем взрослые, или больше, чем полагается, и данный *межпоколенческий разрыв* требует от специалистов, работающих с детьми, особых навыков, талантов и усилий. Помимо специализированных тематических проектов популярными становятся программы и практики в стиле «диджитал-детокс» – гаджетов в жизни современных детей так много, что уже стоит учиться «отрывать глаза от смартфона». Самым простым способом «цифровой детоксикации» в лагерях сегодня является предоставление детям смартфонов лишь на несколько часов в день.

С другой стороны, *медийная культура, культура электронного / цифрового / виртуального общества уже интегрирована в детско-подростковую среду*. Если в прежних советских лагерях одним из центров притяжения была библиотека, в современных ДОЛ библиотеки или отсутствуют, или не являются предметом активного интереса детей. Тематика игр и развлечений связана с популярными телевизионными шоу – например, это «Поле чудес», «Голос», «Давай поженимся» и другие. Прежний символ советского пионерского лагеря – военно-патриотическая игра «Зарница» в значительной степени потерял актуальность (за исключением юнармейских лагерей). На смену «Зарнице» пришли разнообразные квесты, в частности, *квесты в стиле «horror»* – как ни странно, и по всей видимости, именно страх в современном цифровом мире (мире геймеров) оказывается наиболее сильной эмоцией, способной «разбудить» сознание и вдохновение ребёнка или подростка, оглушённого шумным потоком разнообразной информации. Так, в ДОЛ «Восток» вожатые организовали ночной квест для детей от 12 лет, в рамках которого участникам было предложено выполнить различные задания по поиску «ключей» – всё это сопровождалось появлением различных

персонажей из фильмов ужасов, включением в игру неких мистических элементов. В итоге все найденные ключи были переданы «инопланетянам», сразу после этого они условно покинули Землю на летающей тарелке... Возможно, в современном глобальном мире, где всё так иллюзорно и непредсказуемо, а порой и иррационально, подобные практики имеют некий смысл.

Конечно же, детский оздоровительный лагерь по-прежнему остаётся пространством, где ребята учатся жить без родителей, учатся быть организованными и самостоятельными. В ДОЛ дети знакомятся и общаются, находятся вместе 24 часа в сутки. У этого есть свои плюсы и свои минусы – как и раньше, у кого-то появляются друзья, кто-то вступает в конфликты, разрешает их или не разрешает. *Живое эмоциональное общение и солидаризация* – ценности, которые находятся под угрозой в эпоху индивидуализированного общества, «цифрового аутизма», пандемии, политического противостояния.

Отдельная интересная тема наблюдений и исследований – это *социокультурный портрет современного вожатого*. По данным Общественной Палаты РФ, в большинстве российских регионов действуют вожатские (педагогические) отряды, функционируют школы вожатых, проводится подготовка вожатых на базе вузов. Нижегородская область занимает первое место по подготовке волонтеров в этой сфере, опережая Мордовию и г. Москву. Особый интерес здесь представляют мотивы, устремления и навыки молодёжи, ориентированной на работу с детьми на базе детских оздоровительных лагерей.

Список литературы

1. Организация детского отдыха в регионах РФ – 2018 / Социальный навигатор «Россия сегодня». – М., 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: opr.f.ru/files...2019dok/otdih_deti-2018_25062019.pdf (Дата обращения: 20.08.2020).

2. Исследовательский проект кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ФСН ННГУ совместно с сотрудниками научно-образовательного центра исследований социальных систем Факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В 2018 году в исследовании приняли участие 3000 респондентов, проживающих в 20 районах Нижегородской области, включая городские округа и Нижний Новгород. Выборка строилась как районированная, репрезентирующая районы Нижегородской области по численности населения и социально-экономическому развитию.

3. Первый интернет-каталог детских лагерей и мероприятий с бесплатным сервисом бронирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://incamp.ru/> (Дата обращения 20.08.2020).

**ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**DISTANCE LEARNING AS INNOVATIVE PROCESS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

К.А. Страхова, А.С. Бабакина
Белгородский государственный университет, г. Белгород
K.A. Strakhova, A.S. Babakina
Belgorod National Research University, Belgorod

Изучаются инновационные процессы в сфере образования на примере дистанционного обучения. Особое внимание уделяется росту динамики рынка дистанционного обучения в Российской Федерации и его необходимости.

The article is devoted to the study of innovative processes in the field of education, in particular, distance learning. Special attention is paid to the growth of the distance learning market dynamics in the Russian Federation and its necessity.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образование, технологии, инновация, внедрение

Keywords: distance learning, education, technology, innovation, implementation

Система современного образования не отстает от прогресса, она должна удовлетворять требованиям глобализированного мира, продиктованным временем. Формирование инновационного общества требует от образовательного процесса радикальных перемен и нововведений. Вопрос о повсеместном внедрении дистанционного обучения на территории Российской Федерации является релевантным последним событиям, связанным с распространением эпидемии гриппа (коронавирусной инфекции) по всему миру.

Термин «инновация» представляет собой нововведения, обеспечивающие качественный рост в научно-технических, финансовых, промышленных и иных сферах человеческой деятельности.

Целенаправленные инновации, касающиеся внедрения нововведений в учебный процесс – инновации в сфере образования. Их можно разделить на три типа: технологические (использование новых технологий), педагогические (разработка и применение новых методов преподавания и обучения), организационные (ведущие к повышению производительности труда). Целью введения новшеств в образовательный процесс является формирование у обучающегося инновационного мышления и культуры. Однако, в настоящее время стереотипы массового сознания все еще продолжают создавать затруднения при преобразовании данной сферы деятельности.

С целью совершенствования технологий, методов и средств обучения применяются следующие виды инноваций:

1) внутрипредметные – совершенствования в рамках учебной дисциплины, что определено спецификой её преподавания;

2) общеметодические – нововведение нетрадиционных педагогических технологий, главной особенностью которых будет возможность применения данных инноваций в любой учебной дисциплине;

3) административные – реализация управленческих решений в системе образования, способствующих повышению эффективности функционирования субъектов образовательного процесса;

4) идеологические – новшества, вызванные изменениями в сознании.

«В период зарождения электронного обучения виделось, что за внедрением новых образовательных технологий последует и преобразование учебного процесса в целом» [1, с. 201]. В настоящее время в РФ и за рубежом активно применяется дистанционное обучение (ДО) как одна из технологий инноваций в образовании. В отличие от развитых европейских стран и США, где ДО внедрялось с 70-х годов, в России его активная разработка и применение начались с 2000-х, хотя само его зарождение относят к 1917 г. [2, с. 45]. На протяжении многих лет протекало его плавное развитие, что позволило ему стать неотъемлемой частью современного образовательного процесса. В данный момент на территории России более 50% ВУЗов активно применяют систему дистанционного обучения.

«Современный процесс дистанционного обучения может происходить как в режиме реального времени (on-line) посредством Интернета, так и в режиме off-line» [3, с. 168]. Он-лайн режим подразумевает параллельное взаимодействие преподавателя и студента посредством коммуникации в строго установленный промежуток времени. Он требует наличия у обеих сторон особого технического оборудования для проведения видеотрансляций и получения обратной связи от обучаемого.

Оф-лайн режим означает последовательное выполнение студентом самостоятельной работы в любое свободное время, но до установленного дедлайна. Данный вид деятельности имеет свои риски: у преподавателя отсутствует подтверждение того, что обучаемый самостоятельно выполнил поставленные перед ним задачи, а не попросил кого-либо проделать эту работу за него.

Система ДО является гибкой модульной технологией обучения на расстоянии, отражающей все характерные для традиционного образовательного процесса компоненты. Данная инновация позволяет осуществить принцип общедоступности высшего образования и расширяет возможности выбора вуза

для абитуриента. Они не ограничены пространственными рамками. Не отрываясь от работы и привычного места жительства, человек может получить высшее образование, повысить свою квалификацию или переквалифицироваться (сменить вид деятельности). Особо актуальна доступность получения престижного образования для россиян в зарубежных вузах, так как оно не только дешевле традиционной формы, но и сокращает расходы на проживание.

Помимо самих обучающихся – главных пользователей системы дистанционного обучения к субъектам этой системы следует отнести и других лиц:

- организаторы обучения;
- авторы курсов, отвечающие за их учебно-методическое содержание;
- кураторы/тьюторы – преподаватели, наблюдающие за процессом работы обучающихся и при необходимости руководящие их действиями (внедрение тьюторов в образовательный процесс «способствует интерактивности обучающей среды, обеспечению успешного продвижения обучающегося по индивидуальному образовательному маршруту» [4, с. 22]);
- другие пользователи – лица, которые тоже участвуют в системе ДО, посредством обращения к ним обучающихся с целью получения необходимой информации.

ДО обладает рядом принципов, присущих исключительно данной форме обучения:

- интерактивности – возможность контактов студентов между собой, а также с преподавателями, опосредованных информационными и телекоммуникационными технологиями;
- стартовых знаний – для эффективного получения знаний посредством применения ДО обучающимся необходимо обладать начальным уровнем подготовки в работе с аппаратно-техническим обеспечением;
- индивидуализации – возможность формирования темпа учебного процесса в зависимости от индивидуальных характеристик обучающихся;
- идентификации – осуществление контроля над самостоятельным обучением ученика/студента, так как ДО позволяет фальсифицировать выполнение индивидуальных заданий обучающихся;
- регламентности обучения – наличие жесткого контроля времени освоения дисциплин путем установления графика самостоятельной работы;
- целесообразности применения технологий аппаратно-технического обеспечения;
- открытости – в настоящий момент ДО открыто и доступно без ограничений практически для всех.

К основным преимуществам системы ДО следует отнести: доступность и открытость, гибкость учебного процесса, индивидуальный характер обучения, возможность получения образования параллельно с профессиональной деятельностью, равные возможности при получении образования (независимо от места проживания лиц, здоровья, уровня материального достатка), самостоятельная организация учебного процесса.

Однако, существуют и очевидные недостатки в данной системе обучения: необходимость в высоком уровне компьютерной грамотности, неэффективность системы по отношению к обучающимся с низким уровнем самоорганизации, отсутствие очного общения между студентами и с преподавателями, необходимость в технической оснащенности, проблема аутентификации обучающихся при проверке знаний, высокая трудоемкость при составлении учебно-методического содержания курсов.

Независимо от недостатков, указанных выше, развитие и активное внедрение системы ДО будет продолжаться на всех уровнях образовательных учреждений. В настоящий момент прирост динамики рынка дистанционного обучения в РФ превышает мировые показатели. Так, в 2018 г. объем внутреннего рынка ДО в России составил 28,9 млрд. рублей. В период 2019-2021 гг. предположительно темпы роста должны составить 17-20% годовых. К 2021 г. планируется увеличение объема рынка до 53,5 млрд. рублей. Сегодня на международном рынке ДО отмечается высокий уровень интенсивности конкуренции, увеличивается количество предложений в данной сфере, предлагаются новые программы и инструменты. Наиболее востребованы организации, занимающиеся разработкой цифровых образовательных решений.

Возможно, вскоре дистанционные образовательные технологии станут обязательным компонентом образовательной среды. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации был подписан Приказ от 14 марта 2020 г. № 397 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» [5], послуживший причиной временного перехода многих государственных вузов полностью на систему ДО. Последние события позволяют переосмыслить значение данной инновации, расценивать ее как неотъемлемую часть процесса обучения и современного образования в целом.

Список литературы

1. Чибисова И.С. Развитие дистанционного обучения в России // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 200-203.
2. Девтерова З.Р. Основные этапы развития и современное состояние дистанционного обучения в России // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2010. № 3. С. 43-48.
3. Голодок Д.А., Алексеев В.М. Преимущества дистанционного обучения // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 11-2. С. 168-169.
4. Челнокова Е.А., Тюмасева З.И. Тьютерская деятельность в дистанционном обучении // Вестник Мининского университета. 2016. № 3. С. 17-26.
5. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=1064 (Дата обращения: 18.03.2020).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ FORMATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL CULTURE IN THE LIGHT OF THE TRANSFORMATION OF MODERN EDUCATION

А.А. Строков

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород

A.A. Strokov

Nizhny Novgorod Academy of the MVD of Russia, Nizhny Novgorod

Анализируется цифровая культура в отечественном образовании как новому явлению социальной реальности. Представлены основные характеристики цифровой культуры, ее проявления в современном обществе.

The article is devoted to the analysis of digital culture in domestic education as a new phenomenon of social reality. The main characteristics of digital culture and its manifestations in modern society are presented.

Ключевые слова: система образования, цифровая культура, цифровизация, цифровые реформы, цифровое пространство

Keywords: education system, digital culture, digitalization, digital reforms, digital space

Формирование иного типа культуры связано с обуславливающими его социальными процессами. Цифровая культура формируется в ходе цифровизации, синтезируя в своих характеристиках особенности активно развивающегося комплекса политических, экономических и социально-

культурных мероприятия. Основное направление цифровизации определяет специфику формирующейся цифровой культуры, ее место и роль в жизни современного общества. Определение характера направления процесса цифровизации позволяет выявить основополагающие черты цифровой культуры с ее достоинствами и недостатками.

Важнейшим социальным институтом, где происходит становление культуры, ее обогащение новыми элементами, является образование. Цифровизация в этой сфере ярко демонстрирует особенности формирования цифрового мира, раньше, чем в других сферах, обнажает противоречивый характер осуществляемых инноваций. Таким образом, определение особенностей развития основных направлений цифровизации образования представляется важной задачей для осознания специфики формирующейся цифровой культуры.

Сегодня в свете пролонгированных подзаконных актов, таких как: «Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», определяющий цель по решению задач, направленных на ускорение внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере; постановление Правительства Российской Федерации в части, касающейся программы «Цифровая экономика Российской Федерации», сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7» [1]. Отчасти в указанных выше документах предопределена судьба образования и культуры в части перехода их из традиционных рамок – в цифровые.

В целом, политика цифровизации направлена на развитие цифровой культуры общества. Она призвана создать условия доступности цифровых технологий для масс, повышая уровень их проникновения в социальную систему и все общественные отношения. Доступность этих технологий, как представляется инициаторам цифровых реформ, позволяет формировать новые картины мира, способы его познания и преобразования.

Человек в цифровом пространстве должен приобрести свойства стремительно расширяющей свои возможности интерактивной системы, которая формирует соответствующие параметры будущего[2].

Основные направления политики цифровизации запускают механизм поиска новых, необходимых современному (технологичному) человеку творческих компетенций, отвечающих его культурно-просветительским потребностям.

Следовательно, характер и масштабы цифровизации переопределяют колоссальные изменения всех уровней и форм образования, продекларированных Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

В процессе этих перемен, и есть массовые примеры из прошлого, можно разрушить «старое» и не построить «нового», отвечающего потребностям человека. Складывается ситуация, в которой цифровые инновации становятся самоцелью, и для них меняется вся структура образовательного процесса, влекущая изменение функционирующих ценностных основ, заставляющая и теоретиков, и практиков оценить такие реформы с точки зрения потери хрупкого культурного наследия и приобретения инновационного, технологичного, «модного», неизвестного.

Цифровизация образования вскрывает целый пласт проблем: отсутствие общей цифровой грамотности населения; неподготовленные к условиям работы в электронной (цифровой) образовательной среде педагогические работники; терабайты цифровой информации просветительно-культурного содержания, которые определяет для обучения уже сам педагог, а не государственные органы (по примеру утверждения конкретных учебников, рабочих тетрадей и т.д.), что может приводить к неоднозначному толкованию таких культурных ценностей обучающимися; и наконец, отсутствие доступных официальных цифровых ресурсов для самообразования.

У цифровой культуры есть и свои последователи (адепты), и свои противники (скептики), однако и те и другие пока едины в том, что политика цифровизации не системна, не объединена общим ценностно-смысловым началом. Она технологична и индустриальна, направлена на накопление новых технологических средств при отсутствии системного видения необходимости, способов и последствий их применения.

Мы приходим к выводу, что уязвимость направлений современных цифровых реформ в отечественном образовании проявляется в отсутствии самой убежденности в возможности создать безопасную цифровую образовательную среду, в ситуации масштабного социального расслоения еще и не реализуемыми представляются ожидания реформаторов по обеспечению равенства и доступности образования посредством перевода его в цифровой формат.

Особенно актуальным в современных условиях становится соотношение цифровых реформ образования с ценностями отечественной образовательной культуры.

Список литературы

1. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (Дата обращения: 27.07.2020).
2. Ярославцева Е.И. Философия цифрового пространства // Гуманитарные чтения РГГУ – 2008. Конференции. Научные семинары. Сборник материалов. – М.: РГГУ, 2009. С. 71–89.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ

THE SPECIFICITY OF THE INTERACTION FOR DISTANCE LEARNING

Н.А. Уваров

*Ставропольский филиал Краснодарского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ставрополь*

N.A. Uvarov

*Stavropol branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Stavropol*

Дистанционное обучение рассмотрено как специфический вид социального взаимодействия, анализируется его специфика в сравнении с традиционным, очным обучением; оцениваются возможности повышения квалификации с помощью дистанционного обучения.

Distance learning is considered to be a specific type of social interaction; its specificity in comparison with traditional, face-to-face learning is analyzed; opportunities for professional development through distance learning are assessed.

Ключевые слова: дистанционное обучение, взаимодействие, повышение квалификации

Keywords: distance learning, interaction, professional development

В последние годы дистанционное обучение привлекает к себе внимание исследователей различных областей знания. Федеральный закон от 29.12.2012 г. N 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "Об образовании в Российской Федерации" статья 16 п.1 [1] определяет дистанционное обучение как образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников. Речь в законе идет только об образовании с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (не о дистанционной форме

образования), но законом допускается сочетание различных форм получения образования и форм обучения [1, ст. 17 п. 4].

Эпидемия коронавируса и необходимость обеспечения безопасных условий обучения актуализировали проблему дистанционных форм обучения. Это нашло отражение в Приказе Минобрнауки России от 14.03.2020 N 397 "Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации" [2]. В качестве одной из мер, обеспечивающих безопасную реализацию образовательного процесса и недопущение распространения инфекции, приказ рекомендует использование дистанционного обучения.

Повышение квалификации и дополнительное образование с использованием дистанционных технологий исследуется С.А. Дочкиным [3], Н.М. Галкиной [4], И.Д. Бурак [5] с точки зрения использования дистанционных методов обучения в дополнительном образовании и самообразовании специалистов различного профиля. Меняющиеся экономические условия обуславливают высокую мобильность работающего населения. Это вызывает необходимость корректировки профессиональной деятельности в короткие сроки, как следствие, становится более востребованной профессиональная переподготовка специалистов.

Дистанционное обучение тоже определяется как взаимодействие учащихся и учителя между собой на расстоянии (дистанционно), при этом оно отражает практически все присущие учебному процессу компоненты (методы, цели, организационные формы, содержание, а часто и средства обучения) и реализуется специфичными средствами телекоммуникационных технологий, предусматривающими интерактивность процесса обучения [6].

При дистанционном обучении часть акторов остается неопределенной и анонимной. Создатель средства дистанционного обучения в некоторых случаях разрабатывает материалы и методические средства для анонимного адресата (примерно как при написании учебника). Это затрудняет адаптацию материала к конкретным образовательным потребностям обучающихся. Человек, выбирающий дистанционные средства обучения для самообразования, опосредованно взаимодействует с разработчиками этих средств. У него почти нет возможности задать им вопрос, уточнить правильность интерпретации информации. Чем ближе к реальности ситуация взаимодействия в дистанционном обучении (например, онлайн лекция, адресованная известной лектору аудитории, консультация), тем менее актуальна эта проблема. При всей опосредованности и анонимности взаимодействия при дистанционном

обучении статусы и роли в нем четко распределены: есть создатель сообщения и его адресат, обучающий и обучающийся. Возможны некоторые вариации (например, при реализации некоторых технологий дистанционного обучения обучающиеся создают учебные проекты и выступают в качестве обучающих друг для друга). Более высокий статус преподавателя обусловлен большим объемом ресурсов. Он выступает в качестве источника знаний, информации, он также управляет процессом обучения. Преподаватель располагает значительным объемом власти: он оценивает знания учащегося, принимает решение о присвоении учащимся сертификатов, дипломов и изменении их статусов.

Чем более опосредовано и обезличено взаимодействие, тем сложнее строить ожидания о возможной реакции на сообщение. Но даже в этом случае он имеет некоторое представление об адресате и может строить предположения о возможном восприятии. Например, предлагая в дистанционном курсе студентам итоговый тест, преподаватель ограничивает время его прохождения, чтобы затруднить списывание (значит, он ожидает, что студенты будут пытаться это делать). Материалы дистанционного обучения часто нацелены на определенную аудиторию или уровень подготовки (начинающий, имеющий базовые знания, подготовленный); при этом у обучающегося есть возможность решать самостоятельно, к какой категории он относится.

В идеале, в обучении любой формы цель преподавателя – передать некие знания и умения, а у обучающегося – их получить. Но не надо забывать и о возможных дополнительных целях. У преподавателя – получение вознаграждения за работу, отчетность, подтверждение статуса. У студента – получение оценок, прохождение итогового тестирования и получение сертификата, подтверждающего прохождение курса. Важно, чтобы эти второстепенные мотивы не становились основными или даже единственными. Принцип обоюдности, взаимности действий в дистанционном обучении обеспечивается не полностью в силу неопределенности субъектов взаимодействия. Коммуникация затруднена.

Часто встречающиеся в реальном взаимодействии барьеры (предрассудки, негативные стереотипы, социальное исключение) нивелируются в силу обезличенности, анонимности взаимодействия. Основные барьеры дистанционного взаимодействия связаны с опосредованностью взаимодействия техническими средствами, что затрудняет интерпретацию действий друг друга. Кроме того, сами технические средства могут оказаться ненадежными, давать сбои (обрыв связи, отсутствие звука или изображения).

Как правило, важным является предметное окружение ситуации взаимодействия. Где оно происходит, как организовано? Как расположены друг

относительно друга взаимодействующие субъекты, на каком расстоянии? Какие предметы их окружают, возможно – как они одеты? Дистанционное обучение осуществляется не в физическом, а в виртуальном пространстве, как бы «нигде», но его участники физически где-то находятся в момент взаимодействия, причем, учитывая продолжительность образовательного процесса, это не «момент», а достаточно длительное время, несколько часов в день. Этот аспект взаимодействия позволяет учесть проблему организации рабочего места и преподавателя, и обучающегося. С одной стороны, опосредованность дистанционного обучения дает значительную свободу организации работы – учиться можно в любой момент и в любом месте. С другой – «любое место» может быть плохо приспособлено для учебы, мешать сосредоточенности, затруднять восприятие информации. Кроме того, участники процесса взаимодействия вынуждены проводить значительное время у экрана компьютера или гаджета, что утомляет зрение и портит осанку. Они имеют возможность организовать график работы, позволяющий делать паузы, разминку, перемежать обучение физической активностью, но не всегда этой возможностью пользуются.

Таким образом, специфика дистанционного обучения обусловлена опосредованностью и (не во всех случаях) анонимностью взаимодействия. Опосредованность взаимодействия затрудняет взаимопонимание и рациональную организацию процесса обучения, но предоставляет участникам значительную свободу. Риском опосредованного взаимодействия в дистанционном обучении может стать подмена цели (получение формального статуса вместо получения знаний).

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "Об образовании в Российской Федерации" // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (Дата обращения: 12.05.2020).

2. Приказ Минобрнауки России от 14.03.2020 N 397 "Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации" // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348668/ (Дата обращения: 12.05.2020).

3. Дочкин С.А. Модернизация дополнительного профессионального образования в условиях формирования информационного общества:

диссертация... доктора педагогических наук: 13.00.08; Место защиты: Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2010. 348 с.

4. Галкина Н.М. Развитие коммуникативной компетентности слушателей инженерного профиля в открытой системе дополнительного (последипломного) профессионального образования: монография; Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. 158 с.

5. Бура И.Д. Дополнительное профессиональное образование как фактор развития трудовой карьеры: диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.05; Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2018. 171 с.

6. Что такое дистанционное обучение? Формы и преимущества дистанционного образования. URL: <https://www.sciencedebate2008.com/chto-takoye-distantionnoye-obucheniye/> (Дата обращения: 12.05.2020).

**СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ШКОЛЕ В РАМКАХ
ИНКЛЮЗИВНОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
SOCIAL INTERACTION AT SCHOOL IN A FRAMEWORK OF
AN INCLUSIVE METHODOLOGICAL APPROACH**

Е.В. Шенгалъц

Омский государственный технический университет, г. Омск

E.V. Shengalts

Omsk State Technical University, Omsk

Основной акцент сделан на инклюзивном методологическом подходе, а также на значении социального взаимодействия в рамках инклюзивного школьного образования. Автор рассматривает инклюзивное образование с нормативно-правовой точки зрения в контексте инклюзивного подхода.

The article deals with an inclusive methodological approach and the importance of social interaction in the framework of inclusive school education. The author examines inclusive education from a regulatory point of view in the context of an inclusive approach.

Ключевые слова: социальное взаимодействие в школе, инклюзивный подход, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья

Keywords: social interaction at school, inclusive approach, students with disabilities

В настоящее время в Российской Федерации происходит развитие и становление инклюзивного образования на всех уровнях образования, исключением не является и общее образование. В связи с этим актуальным становится вопрос получения образования школьниками с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и вопрос, связанный с инклюзивным

образованием. В этом контексте важно отметить, что инклюзивное образование предполагает, согласно Федеральному закону от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [1]. В этом ключе необходимо сказать, что происходит трансформация современного образования, в частности, с использованием инклюзивного подхода в образовании. Так, в определении инклюзивного образования в указанном выше Федеральном законе уже заложены основы инклюзивного методологического подхода. Рассмотрим данный подход более подробно.

Во Всемирной Декларации по образованию для всех, которая была принята в 1990 г., указано, что инклюзивное образование – обеспечение всеобщего доступа к образованию для всех детей, молодежи и взрослых, а также содействие равенству в этой области. Инклюзивное образование – процесс укрепления возможностей системы образования для охвата всех учащихся [2].

В Саламанкской Декларации (1994 г.) отмечается право каждого человека на образование. Принцип инклюзивного образования, согласно данному нормативно-правовому документу, заключается в том, что все дети поступают в обычные школы, если только не имеется серьезных причин, заставляющих поступать иначе [3]. Инклюзивный подход, провозглашенный в этом нормативно-правовом акте, подразумевает, что образовательные организации, являющиеся институтами социализации, должны принимать абсолютно всех детей, несмотря на их особенности. Согласно этому же документу, к таким детям относятся и дети с физическими и умственными недостатками и, например, одаренные дети, то есть как здоровые дети, так и дети с ОВЗ имеют право на образование, обучение в рамках общеобразовательной школы.

В соответствии с руководящими принципами политики в области инклюзивного образования инклюзивный подход к политике в области учебных программ и планов отличается гибкостью и может корректироваться с учетом различных потребностей, чтобы каждый мог воспользоваться качественным образованием общепринятого уровня, а также данный подход признает, хотя каждый учащийся и имеет различные многообразные потребности, тем не менее, каждый должен извлекать пользу из базового общеприемлемого уровня качественного образования [2].

В указанных выше документах отмечено, что инклюзивный подход предполагает включение в систему образования каждого ребенка вне зависимости от его способностей. Важно указать, что инклюзивный подход

предполагает комфортные условия в рамках общеобразовательной организации как для обучающихся с ОВЗ, так и для здоровых обучающихся.

Изучая инклюзивный подход, важным представляется отметить точку зрения ученых, считающих невозможным осуществление данного подхода без педагогов. Так, Н.В. Геркина, Е.Н. Загладина, Т.В. Новикова отмечают, что инклюзивный подход предполагает организационную и методическую поддержку «основных» педагогов. По мнению указанных выше исследователей, в штатном расписании должны быть педагог-психолог, специальный психолог, дефектолог, логопед, тьютор, координатор по инклюзии, социальный педагог. Все специалисты заняты в процессе воспитания и обучения школьника с ОВЗ [4, с. 194]. С.В. Алехина, В.К. Зарецкий замечают, что в РФ недостаточная профессиональная подготовка педагогов общего образования и специалистов сопровождения, способных осуществлять инклюзивный подход [5, с. 108]. Отмеченное выше является одними из барьеров, препятствующих реализации инклюзивного подхода.

З.Г. Нигматов, И.Т. Хайруллин, Д.Р. Ерова, изучая методологические основания и концептуальные идеи инклюзивного образования, отмечают, что инклюзивный подход предполагает принятие всеми участниками образовательного процесса философии инклюзии, понимание образовательных потребностей детей, а также предоставление услуг в соответствии с ними, привлечение общественности и устранение дискриминации в образовании [6, с. 250].

Н.В. Карпушкина указывает, что инклюзивный подход рассматривается как проникновение инклюзивной культуры как базовой в становлении нового типа открытого «безбарьерного» образования, внедрения новой структуры взаимодействия всех участников инклюзивного процесса [7, с. 163]. Следовательно, мы можем говорить о том, что инклюзивный подход способствует изучению социального взаимодействия участников инклюзивного школьного образования. В рамках этого методологического подхода выделяется новый тип социального взаимодействия. Так, в Саламанской Декларации основные принципы инклюзии, а, по нашему мнению, в некоторых из них заложены основы социального взаимодействия. Отметим некоторые из них: каждый человек имеет право на общение, а также на то, чтобы быть услышанным; все люди нуждаются друг в друге; подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений; все люди нуждаются в поддержке и дружбе [3].

В указанных выше принципах инклюзии четко прослеживается значение социального взаимодействия, в частности, в сфере образования как для здоровых обучающихся, так и для обучающихся с ОВЗ. В инклюзивном

методологическом подходе особую роль, с нашей точки зрения, играет именно социальное взаимодействие, направленное на предотвращение дискриминации, признание ценности каждого ученика, участие всех обучающихся в процессе урочной и внеурочной деятельности, приобретение навыков общения.

Инклюзивный подход в образовании позволяет не просто рассмотреть социальное взаимодействие, но и раскрыть его значение. С точки зрения данного подхода, социальное взаимодействие устраняет социальное неравенство, позволяет социализироваться каждому обучающемуся, развивает коммуникативные навыки школьников с ОВЗ и здоровых школьников, формирует инклюзивную культуру.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Справ.-прав. система «Гарант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения: 15.04.2020).

2. Руководящие принципы политики в области инклюзивного образования [Электронный ресурс] / UNESCO. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0017/001778/177849r.pdf> (Дата обращения: 15.04.2020).

3. Саламанкская Декларация и рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями. Саламанка, Испания, 7-10 июня 1994. [Электронный ресурс] / Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/> (Дата обращения: 15.04.2020).

4. Геркина Н.В., Загладина Е.Н., Новикова Т.В. Инклюзивный подход в рамках современного образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 3. С. 193–195.

5. Алехина С.В., Зарецкий В.К. Инклюзивный подход в образовании в контексте проектной инициативы «Наша новая школа» // Психолого-педагогическое обеспечение национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». Сборник материалов конференции. 2010. С. 104–116.

6. Нигматов З.Г., Хайруллин И.Т., Ерова Д.Р. Методологические основания и концептуальные идеи инклюзивного образования // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 15. С. 250–254.

7. Карпушкина Н.В. Современные стратегии моделирования информационно-аналитического сопровождения инклюзивного высшего образования в России // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 1. С. 161–168.

**СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА**

ДОКЛАДЫ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КЫРГЫЗСКОЙ СЕМЬИ
В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL KYRGYZ FAMILY
IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION**

А.Т. Балтабаева

Кыргызско-Узбекский университет, г. Ош, Кыргызская Республика

A.T. Baltabaeva

Kyrgyz-Uzbek University, Osh, Kyrgyz Republic

Определены особенности кыргызской традиционной семьи в системе глобализационных процессов. Рассматриваются существенные изменения в форме, функциях и роли семьи в обществе, возникает вопрос о выявлении основных направлений влияния на нее глобализации. Основное внимание уделяется угрозам, которые глобализация привносит в сферу традиционной кыргызской семьи.

The peculiarities of the Kyrgyz traditional family in the system of globalisation processes have been identified. Substantial changes in the form, functions and role of the family in the society are considered and the main directions of influence of globalization on it are identified. The main focus is on threats that globalization brings to the sphere of traditional Kyrgyz family.

Ключевые слова: семья, брак, традиционная кыргызская семья, традиционное право, глобализация

Keywords: family, marriage, traditional Kyrgyz family, traditional law, globalization

Особенности кыргызского общества, его исторического и культурного развития наложили особый отпечаток на формирование такого социального феномена, как семья.

В основе традиционной кыргызской семьи лежат родственные и брачные связи, обеспечивающие ее прочность. Члены традиционных семей прочно и крепко держались вместе благодаря общей собственности на материальные средства производства. Обычное право и адаты, регулирующие нравственно-правовые отношения кыргызов, носили императивный характер и охватывали имущественные и личные, неимущественные правоотношения. Мужчина

обладал правом распоряжения, владения и пользования и отвечал за целостность, сохранение и приумножение семейного имущества. Женщина обладала правом владения и пользования, но не распоряжения. Традиционные основы защищали права малолетних детей, но также четко регламентировали их обязанности. Имелись различия прав и обязанностей у юношей, отделенных и не отделенных. Молодые люди имели право на получение выдела (энчи), дочери – на приданное (сеп). В случае смерти родителей над детьми устанавливалась опека, как правило, родственниками со стороны отца. Родные дети и усыновленные имели равные права в получении наследства. В основном у кыргызов наследование происходило по принципу минората и в очень редких случаях по завещанию. Институт брака у кыргызов в связи с развитием общественных отношений являлся главным показателем общественно-юридического роста [1]. Кыргызы придерживались в основном моногамных отношений, были случаи проявления полигамных браков, наряду с этим существовали различные формы брака. Разнообразие в формах брака было обусловлено тем, что заключение брака было связано с имущественными вопросами. Наличие определенного достатка у брачующихся напрямую зависело, будет ли это калымный брак, «бел куда», «бешик куда», при недостатке средств возникали следующие формы брака: умыкание (кыз алып качуу), «куч куйе». При заключении брака кыргызы придерживались экзогамии, этому способствовало четкое знание своей родословной. По обычному праву и адатам существовала определенная регламентация брачного соглашения, имевшая два вида: «кудага тушу», «кыз алып качуу». Кыргызы в большинстве случаев очень редко разводились, существовала такая процедура, как определение недействительности брака, которая практически была схожа с процедурой развода. Чаще всего прекращение брака наступало в случае смерти одного из супругов. В понятиях кыргызов брак был пожизненным союзом, поэтому супруги старались к друг другу относиться с любовью и уважением. В кочевых и полукочевых условиях жизни была востребована патриархальная семейная община, с устойчивыми семейными отношениями, но после 1917 г. происходит постепенная смена патриархальной семьи на малую «нуклеарную» семью. В нормах адата и обычного права нашли свое отражение мировоззрение и нравственно-правовой опыт в ведении семейного, а также общественного быта. Сегодня все правовые вопросы находятся в юрисдикции гражданского и семейного кодекса, источником которых является Конституция Кыргызской республики.

Вовлеченность кыргызов в мировые процессы и модернизация всей общественно-политической системы приводит к трансформации института традиционной кыргызской семьи. В современных условиях ученые особое

внимания уделяют проблемам состояния института семьи. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, семейная трансформация приобретает все более масштабный характер, что предполагает осмысления как ее причин, так и содержания происходящих изменений. Во-вторых, важным фактором, влияющим на все процессы и социально-экономические ориентиры, в том числе и на семью, является глобализация. Это предполагает потребность объективной, комплексной оценки рисков, потенциальных возможностей и тенденций влияния глобализации на семейные отношения. В контексте существующих изменений в форме, функциях и роли семьи в обществе возникает вопрос о выявлении основных направлений влияния на нее глобализации. Глобализация ведет к возникновению тенденций семейной трансформации и порождает определенные риски. Среди основных тенденций ее влияния на институт кыргызской семьи следует выделить следующие:

- масштабность миграционных процессов;
- унификация форм семьи и стирание национально-культурных различий в семейной сфере;
- появление новой системы ценностей, в которой социально-экономические ценности, утратив первоначальную связь с семейными, стали доминировать над последними.

Актуален вопрос об угрозах, которые глобализация привносит в сферу семьи. Известный специалист по проблемам семьи и гендерных отношений Т. Гурко выделяет ряд проблем, порожденных глобализацией [2]. Она обращает внимание в том числе и на особенности миграционных процессов. В условиях глобальной экономики люди устремляются в более благополучные государства в поисках высокого заработка и в надежде на лучшую жизнь. Они всегда оказываются в положении дискриминируемых по национальному признаку или статусу мигранта, часто бесправны, попадают в экономические ловушки, а женщины чаще могут быть подвергнуты дополнительной эксплуатации. Политика мультикультурализма и толерантности не всегда приводят к желаемым результатам. Враждебность со стороны граждан принимающих стран отмечается даже в Европейских странах. Даже если люди мигрируют семьями, они не имеют поддержки родственной сети и близких друзей и в случаях переживания стрессов и лишений часто не способны справиться с ситуацией, что отражается на их браке и детях. Родители терпят лишения, чтобы обеспечить будущее детей в более благополучной в экономическом положении стране. Сами дети быстрее адаптируются к новым условиям, усваивают язык и местную культуру, однако «отрыв от корней» не может не создавать проблем при формировании идентичности, особенно в подростковом возрасте. Семьи мигрантов в инациональном окружении, испытывающие к тому же и материальные проблемы, часто живут в состоянии перманентного

стресса, что не может «компенсироваться» лучшим материальным уровнем жизни. Кроме того, одним из механизмов глобализации является межстрановой (межнациональный) брак. «Риски» возрастают в случаях знакомства через Интернет. В любом случае, такие семьи имеют дополнительные проблемы (необходимость согласования культурных норм супружеского поведения, дополнительные конфликты по поводу воспитания детей и др.). Институт кыргызской традиционной семьи чутко реагирует на естественно-исторические процессы, развитие гражданского общества, происходящие во всем мире и в Кыргызстане. Примером изменений в традиционной семье является снижение репродуктивной функции, при этом репродуктивная потребность реализовалась как осознание самоценности детей. Происходит уменьшение роли семьи как особого феномена нравственно-материальной поддержки своих членов, эту функцию выполняют специализированные, социальные институты, предназначенные для поддержания членов общества – это детские дома, интернаты, дома престарелых и т.д.

Проблему формирования семьи молодыми людьми в условиях глобализации подчеркивают и руководители Европейского межстранового проекта немецкие социологи семьи П. Блоссфельд и Х. Хофмейстер. Молодые люди испытывают состояние «неопределенности» и неуверенность в будущем и потому не торопятся создавать семью. Небывалое увеличение возраста вступления в брак и уменьшение числа детей в семьях, делают вывод, связаны с возрастающей неспособностью молодежи принимать на себя долгосрочные обязательства (такие как брак и дети). Нравственные вопросы, связанные с семейными отношениями, под влиянием западных штампов постепенно меняются и отходят от привычных традиционных ценностей. В современных понятиях брак чаще всего – это всего лишь штамп в паспорте, сегодня молодые люди не пытаются сохранять брачные отношения, разрывая их при первых же трудностях. В Кыргызстане уже не подвергается осуждению отсутствие узаконенных отношений и проживание в гражданских браках. В связи с тем, что большинство молодого трудоспособного населения живут за пределами нашей родины, большую роль начинает играть так называемый «гостевой брак». Отражением общего настроения являются попытки через средства массовой информации и мусульманские понятия о браке узаконить многоженство. Это обусловлено неуверенностью в своих экономических возможностях в условиях глобализации, особенно в странах, где акцентируется роль мужа в качестве добытчика. Зачастую, однако, в условиях глобальной экономики вынуждены работать оба супруга, потому что всегда есть риск потери работы для одного «добытчика». Т. Гурко говорит о том, что в развитых странах уже сложились своеобразные гендерные стратегии на «глобальном

брачном рынке». Так, некоторые мужчины стремятся найти жену в тех странах, где установки на гендерное равенство в браке еще не столь распространены, как на Западе. При этом важнейшая угроза – глобализация культуры. Тенденция разрыва родственных связей как основного механизма трансляции национальной культуры превращает людей в «частички без рода и племени», что грозит в условиях секуляризации обществ создать мир «бескультурья» или в лучшем случае «массовой культуры» [2].

Произошла частичная утрата функции семьи, например, в обеспечении социального благосостояния, уменьшилась роль социально-статусной функции. Но по-прежнему специализация семьи в репродуктивной социальной функции, социализации детей в раннем, подростковом возрасте – обеспечение эмоционального удовлетворения остается востребованной обществом. Возрастает тенденция образования только нуклеарной семьи, увеличивается число неполных монородительских семей, повторных браков. Имеется существенная причина снижения роли семьи – это разделение брачно-семейного, сексуального, репродуктивного поведения, что привело к изменению социального поведения современного человека и представлений о браке и семье как таковой. Следует отметить, что нравственные устои формировались под влиянием обычаев, бытовавших в традиционных кыргызских семьях. Именно в семье формируются особые общечеловеческие социально-культурные отношения, которые выражают определенные социальные нормы, нравственные ценности, и пока сохраняется традиционная кыргызская семья, они не могут бесследно исчезнуть в ходе развития общества. Происходящие изменения в семейно-брачных нормах трансформируют семейные обычаи, обряды, нравственные и правовые отношения.

Анализ происходящих процессов показал, что семья подвержена очень большому количеству рисков, связанных в том числе и с глобализацией. От успешной выработки механизмов защиты семьи от негативных тенденций будут во многом зависеть семейные формы будущего. Однако нравственная содержательность обычаев, видоизменяясь, сохраняет свою имманентную сущность. Родовые семейные взаимоотношения, несмотря на разнообразные коллизии, играют ведущую роль в сохранении обычаев и нравственных ценностей. Семья, помимо всего, имеет свою этническую окраску, поэтому она выступает важным звеном в преемственности национальных, общечеловеческих ценностей.

Список литературы

1. Усупова Ч.С. Генезис и эволюция нравственно-правовых отношений кыргызского народа: социально-философский анализ. Автореферат

диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Бишкек. 2017.

2. Гурко Т.А. Глобализация и семья // Международный Форум “Expanding the role of women in cross-cultural dialogue” 10-11 июня 2008 г. Баку, Азербайджан. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_gurko1.html.

ОЦЕНКИ ДЕТЬМИ ИЗ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙ УСИЛИЙ РОДИТЕЛЕЙ ПО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ВОСПИТАНИЮ*

EVALUATING THE IMPLEMENTATION OF PARENTS' EFFORTS TO ETHNOCULTURAL SOCIALIZATION AND UPBRINGING BY CHILDREN FROM INTER-ETHNIC FAMILIES

Ф.Б. Бурханова

Башкирский филиал

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,

г. Уфа

Э.В. Садретдинова, Н.В. Коровкина

Башкирский государственный университет, г. Уфа

F.B. Burkhanova

Bashkir branch of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology,

The Russian Academy of Sciences, Ufa

E.V. Sadretdinova, N.V. Korovkina

Bashkir State University, Ufa

Излагаются результаты исследования межнациональных семей, проведенного в Башкортостане в 2019 г. Задачей проекта являлось выявление практик этнокультурной социализации и воспитания детей в семьях, где родители разных национальностей, опрошено 363 семьи, в том числе 363 родителя и 363 ребенка. Дается анализ оценок детей 16-23 лет, которые они дали действиям своих родителей по формированию трех компонентов этничности: складыванию этнической и религиозной идентичностей, определению родного языка/ языков.

The article presents some results of a study of interethnic families conducted in Bashkortostan in 2019. The aim of the project was to identify practices of ethnocultural socialization and upbringing of children in families with parents of different nationalities. 363 families were interviewed, including 363 parents and 363 children. The article analyzes the assessments of children aged 16-23 years, which they gave to the actions of their parents on the formation of three components of ethnicity: the formation of ethnic and religious identities, and the definition of their native language/ languages.

* Статья выполнена по гранту РФФИ № 19-011-00339.

Ключевые слова: межнациональная семья, этническая идентичность, религиозная идентичность, этнокультурная социализация, воспитание, родной язык

Keywords: interethnic family, ethnic identity, religious identity, ethno-cultural socialization, upbringing, native language

Одной из функций семьи является этнокультурная социализация и воспитание детей. В их рамках основными компонентами «этничности» или этнической культуры, которые должны быть переданы или сформированы у детей, являются этническая идентичность (осознание детьми принадлежности к этносу) и национальный язык. В качестве основных составляющих, будучи значимыми частями этнической культуры, могут рассматриваться также религиозная идентичность и традиции определенной конфессии.

В межнациональной семье процессы формирования вышеуказанных компонентов связаны с ответом на вопрос, «какой или какие» («один или оба»): к какой национальности или национальностям дети должны относить себя (и должны ли относить); каким национальным языком или языками они должны владеть (и должны ли владеть). В случае принадлежности родителей к разным конфессиям – к религии какой конфессии или конфессий их надо приобщать (и надо ли приобщать). При этом ответы на вопросы ищут и находят и родители (субъекты), и дети (объекты-субъекты) процесса этнокультурной социализации и воспитания.

Исследование формирования (передачи) указанных компонентов этничности, с точки зрения методики сбора данных, может быть построено по-разному. В нашем исследовании, наряду с другими методическими приемами, было применено сочетание субъективных оценок и «объективных» показателей, которые собирались как от объектов (детей), так и субъектов (родителей). От детей получены субъективные оценки родительских практик по формированию этнической идентичности, определения родного языка и владения языками, приобщения к религии. Примеры вопросов: в вашей семье Вас воспитывали так, что бы Вы знали язык отца, матери или обоих... (варианты ответов включали все возможные ситуации овладениями языками); правила, обычаи какой религии (отца, матери или обоих) Вам стремились передать в семье. Группа вопросов направлена на оценку детьми влияния родителей как субъектов. Примеры вопросов: кто из родителей, отец или мать, оказал большее влияние на то, к какой национальности/ национальностям Вы относите себя; кто из родителей оказал большее влияние на то, какой язык/языки считаете родным; кто из родителей оказал большее влияние на Ваши взгляды на религию.

В анкету включались вопросы, с помощью которых получены «объективные» данные, отражающие результат формирования компонентов «этничности». Например: к какой национальности (-ям) ощущает свою принадлежность респондент; какой язык (отца, матери, оба или другой) считает своим родным; какой язык/языки использует в коммуникациях; к какой конфессии (отца, матери или другой) относит себя, соблюдает ли религиозные обычаи. В целом выстраивалась цепочка взаимосвязанных индикаторов: что, по мнению детей и родителей, стремились передать и сформировать родители – как оцениваются эти усилия детьми – каков результат. Приведём некоторые данные.

Этническая идентичность. Большинство родителей (62,8%) стремились, для них было важно, чтобы дети определились с национальностью. Они хотели бы, чтобы дети относили себя к национальностям одновременно и отца, и матери (32,5%), к национальности отца (25,3%), национальности матери (5,0%) (табл.1).

Т а б л и ц а 1

Что стремились сформировать родители у детей, %

	Формирование этнической идентичности (к чей национальности хотели бы, чтобы дети себя относили) <i>ответы родителей</i>	Языковое воспитание (чей язык передавался) <i>ответы детей</i>	Религиозное воспитание (чью религию стремились передать) <i>ответы детей</i>
Отца	25,3	7,5	4,4
Матери	5,0	8,9	7,4
Обоих родителей	32,5	28,3	49,3**
Не важно/ не стремились	30,0	-	38,3
Другие ответы	-	55,4*	0,3
Затр. ответить	7,2	-	-
Всего	100	100	100

*Примечание: *в том числе 31,0% – язык хотя бы одного из родителей, 24,4% – русский язык; ** в том числе 31,1% – традиции общей для обоих супругов религии и 18,2% – обеих, но разных для супругов религий.*

Большинство детей (63,8%) ощущали усилия родителей в этом направлении, то есть влияние отцов и матерей на формирование этнической идентичности. Большой вклад в это отцов признают 12,5%, матерей – 15,3%, равный вклад отца и матери – 36% детей (табл. 2).

Итог этнокультурной социализации проявляется в том, что 89,5% детей определились со своей национальностью: отнесли себя к этносу отца – 32,2%; матери – 26,4%, к обоим – 25,4% (табл.3). Примерно треть имеют устойчивую идентичность. Третья часть детей заявляют о важности для них своей национальной принадлежности. Сильно коррелируют две переменные –

важность национальной принадлежности для родителей и детей. Родители, для которых важна собственная национальность, намного чаще, чем в подвыборке в целом, имеют детей, для которых она тоже важна. И наоборот.

Т а б л и ц а 2

**Оценка детьми влияния отца и матери
на формирование компонентов этничности, %**

Кто влиял	Влияние на:		
	этническую идентичность*	выбор родного языка**	взгляды на религию**
Больше отец	12,5	6,3	4,4
Больше мать	15,3	12,9	14,0
Оба примерно равно	36,0	41,0	25,3
Не оказали влияния	25,8	28,9	44,6
Затруднились ответить	10,4	10,7	11,6
Всего	100	100,0	100

*Формулировки вопросов: *«Кто из родителей, отец или мать, как Вам кажется, больше оказали влияние на то, к какой национальности Вы относите себя, кем себя осознаете, ощущаете?»; **«Кто из родителей оказал большее влияние на то, какой язык/языки Вы считаете родным/ родными?»; ***«Кто из родителей, как Вам кажется, оказал большее влияние на ваши взгляды на религию?»*

Национальный язык/языки. Ответы детей о реальных практиках их языкового воспитания в семье не совпадают с родительскими установками. Только 28,3% детей утверждают, что их воспитывали так, чтобы они знали язык обоих родителей, тогда как такой ответ дали 53,7% матерей и 56% отцов. Еще 31% детей говорят, что родители стремились к тому, чтобы они знали язык хотя бы одного из родителей (27,5% матерей и 24,6% отцов), а 24,4% (16,9% матерей и 17,1% отцов) – обязательно знали русский язык, а язык матери и отца – как получится.

Признают влияние родителей на то, какой язык/языки дети считают родным, 60,4% респондентов, в том числе влияние отцов – 6,3%, влияние матерей – 12,9%, обоих родителей – 41,0% (табл.2).

Результат языковой социализации: родным считают язык матери – 27,0%, язык отца – 22,6%, оба языка родителей – 24%, русский – 19,3% (в отсутствие русского родителя), два языка (русский+другой) – 3,4% (табл.3). Связь между типом этнической идентичности и практиками использования языка достаточно сложная: нельзя однозначно утверждать, что моноотцовской идентичности способствует использование в семейном общении языка отца, мономатеринской – использование языка матери, а би-идентичность связана с использованием обоих языков.

Основные результаты этнической социализации детей, %

	Чью национальность выбрали как свою	Чей язык выбрали как родной	Чью религию выбрали как свою
Отца	32,2	27,0	9,7
Матери	26,4	22,6	15,2
Обоих	25,1	24,0	29,1*
Другие варианты	5,8	22,6	1,9
Не определились с национальностью/ не относят себя к религии	8,8	-	31,6
Затр. ответить	1,7	3,8	12,5
Всего	100	100,0	100

*Примечание: *общая для обоих супругов религия*

Религия. Почти две трети детей (61,3%) утверждают, что родители стремились передать им традиции и обычаи религии. Треть родителей передавали общую для супругов религию (в большинстве случаев это ислам, который исповедуют башкиры и татары). Почти каждая пятая семья (18,2%) – религии обоих родителей (при разных религиях супругов), каждая девятая семья – религию одного из родителей (отца – 4,4%, матери – 7,4%)

Из рассматриваемых направлений этнокультурной социализации и воспитания менее всего дети признают влияние своих родителей на формирование религиозного мировоззрения (43,8%). Иерархия выборов ответов повторяет те, которые сложились в оценках влияния на этническую идентичность и выбор родного языка: оба родителя, мать, отец. Однако здесь влияние минимально, особенно отцов, а влияние матерей сопоставимо с влиянием на этническую идентификацию и выбор родного языка. Сказывается не только большая роль матерей в воспитании детей, которая выявлена по другим индикаторам, но и большая по сравнению с мужчинами приверженность женщин религии.

Результат этнокультурной социализации и воспитания: относят себя к какой-либо конфессии 55% детей. Если религии родителей разные, чаще выбирается религия матери. Однако для большей части (64,7%) отнесение к конфессии носит номинальный характер: больше трети детей (35,8%) не считают себя верующими, еще каждый десятый (10,2%) сообщает о себе, что верующий, но не определился с вероисповеданием, почти каждый пятый (18,7%) затруднился ответить на вопрос, является ли он верующим.

**ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В РФ***
**PROBLEMS IN TRANSFORMING THE DEMOGRAPHIC BEHAVIOUR
OF YOUNG PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Е.Н. Васильева
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
E.N. Vasilieva
Volgograd State University, Volgograd

Представлены данные Всероссийского социологического исследования, полученные по Волгоградской области (n=618). Выводы, сформулированные на основе полученных эмпирических данных, систематизируют проблемы трансформации демографического поведения молодежи РФ (на примере Волгоградской области).

The text presents the data of a sociological study, the study was carried out in the Volgograd region (n = 618). Conclusions are formulated, empirical data are analyzed, and the problems of transformation of the demographic behavior of young people in the Russian Federation are formulated (on the example of the Volgograd region).

Ключевые слова: молодежь, демографическое поведение, репродуктивное поведение, брачное поведение, самосохранительное поведение, миграционное поведение

Keywords: youth, demographic behavior, reproductive behavior, mating behavior, self-preservation behavior, migration behavior

Демографическое поведение включает брачное поведение, репродуктивное поведение, самосохранительное поведение, миграционное поведение. Все перечисленные типы поведения молодежи определяются ценностными установками, нормами, закрепленными формально и неформально в конкретном социуме. Эмпирически зафиксировать изменение поведения можно двумя методами, во-первых, статистическими (сравнивая статистику брачности, разводимости, коэффициенты рождаемости на одну женщину и др. показатели в разных поколениях). Во-вторых, социологическими методами; так, данные, полученных методом опроса, позволят сравнить ценностные ориентации, установки, практики молодежи и старших поколений.

Для оценки ситуации было проведено Всероссийское социологическое исследование (под руководством Т.К. Ростовской) [1], мы представим данные

* Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда – проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России»

по Волгоградской области. Анкета включала четыре основных блока, позволяющих оценить брачное поведение, репродуктивное поведение, самосохранительное поведение, миграционное поведение. Полученные данные мы сравнили по возрастным группам – 18-29 лет, 30-39 лет, 40-49 лет. В основе брачного поведения лежит отношение к незарегистрированным бракам (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Ответ на вопрос: «Как Вы относитесь к незарегистрированным бракам?»,
%**

<i>Отношение к незарегистрированным бракам</i>	<i>18-29</i>	<i>30-39</i>	<i>40-49</i>	<i>Итого</i>
категорически против	7,7	9,6	9,3	8,9
в целом не одобряю	35,4	29,7	42,3	35,5
в целом одобряю	42,1	43,4	32,5	39,5
полностью поддерживаю такую организацию семейной жизни	8,2	9,1	6,7	8,1
другое	6,7	8,2	9,3	8,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

На основании полученных данных, можно сделать вывод, что в возрастной группе 40-49 летних выше процент неодобрительного отношения к незарегистрированным бракам, что обусловлено наличием у респондентов 40 лет детей, а также негативного опыта незарегистрированных браков. Вопрос-фильтр позволил получить данные о респондентах, не состоящих в зарегистрированном браке, при ответе на вопрос: «Предполагаете ли вы зарегистрировать брак?». Вариант ответа «Да, предполагаю, но сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать» выбрали 66,7% молодежи (18-29 лет), 64,3% респондентов в возрасте 30-39 лет, 56% респондентов в возрасте 40-49 лет. Таким образом, в целом, брачное поведение волгоградской молодежи соответствует общемировым тенденциям.

Выводы о репродуктивном поведении молодежи можно сделать, сопоставив ответы молодежи на вопросы о желаемом и планируемом количестве детей (табл. 2). Установки на двудетность у 40-49 летних респондентов выше, чем у молодежи 18-29 лет. Разница между желаемым и планируемым количеством детей позволяет прогнозировать продолжение снижения количества детей на одну женщину, так как не все планируемые дети появятся на свет, а число планируемых детей ниже, чем число желаемых детей.

Таблица 2

Ответ на вопрос: «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы/собираетесь иметь...?», %

	<i>Хотели бы иметь, если бы были все необходимые условия</i>				<i>Собираются иметь</i>			
	<i>18-29</i>	<i>30-39</i>	<i>40-49</i>	<i>Итого</i>	<i>18-29</i>	<i>30-39</i>	<i>40-49</i>	<i>Итого</i>
0	8,8	3,7	2,6	5,0	8,4	3,3	10,7	7,3
1	15,5	11,9	10,6	12,6	14,7	18,5	19,3	17,5
2	38,1	38,8	42,3	39,7	41,1	37,0	40,6	39,5
3	21,1	24,2	25,9	23,8	13,7	17,1	13,9	15,0
4	3,6	3,7	1,6	3,0	2,1	1,9	1,6	1,9
5 и более	0,5	1,8	2,1	1,5	0,0	0,5	1,1	0,5
трудно сказать	12,4	16,0	14,8	14,5	20,0	21,8	12,8	18,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Благоприятно сказываются на сохранении численности населения миграционный прирост и увеличение продолжительности жизни. Воспроизводство населения за счет рождаемости и сохранение численности населения за счет увеличения продолжительности жизни и миграции – тенденции, не взаимозаменяемые, необходимо интенсифицировать оба процесса. Теоретические основы исследования здоровья и самосохранительного поведения прорабатываются в РФ в последние годы целенаправленно в работах А.А. Шабунова, З.Х. Саралиевой, А.Л. Янак [2; 3]. Самосохранительное поведение молодежи не существенно отличается от поведения старших возрастных групп. На вопросы, «Чем Вы руководствуетесь при составлении рациона питания?» (не думают о рационе 17,2% по всем возрастным группам), «Курите ли Вы?» (не курят 70,4% по всем возрастным группам), «Употребляете ли Вы алкогольные напитки?» (не употребляют алкогольные напитки 49,3% по всем возрастным группам), получены данные, близкие по значениям по всем трем возрастным группам. Итоговый вопрос самооценки образа жизни представлен в таблице 3.

Таблица 3

Ответ на вопрос: «Как Вы оцениваете свой образ жизни?», %

	<i>18-29</i>	<i>30-39</i>	<i>40-49</i>	<i>Итого</i>
его можно назвать здоровым	33,8	36,6	29,3	33,4
он не совсем здоровый	46,7	45,4	54,5	48,7
до здорового образа жизни мне далеко	19,5	17,6	16,2	17,8
не задумывался (лась)	0,0	0,5	0,0	0,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Показательно, что только около 30% респондентов могут назвать свой образ жизни здоровым, однако знания о том, что образ жизни не совсем здоровый, не стимулировали мотивацию респондентов к изменению образа

жизни. В момент опроса (январь – февраль 2020 г.) не было достоверной информации о пандемии, которая могла существенно повлиять на самосохранительное поведения акторов, поэтому сегодня необходимо провести уточняющее социологическое исследование.

На демографические показатели РФ и Волгоградской области большое влияние оказывает миграция [4]. Выводы о миграционном поведении жителей региона сделаны, опираясь на данные, полученные при ответах на вопросы: «Хотите ли Вы уехать из этого населенного пункта?» и «Предпринимали ли Вы какие-либо действия для переезда?» (табл. 4). Молодежь в возрасте 18-29 лет – наиболее мобильная группа населения, готовая к изменению места жительства. Сопоставление ответов на вопрос о желании переехать и готовность к действию (попытки переехать) показывают, что необходимо проводить работу по укреплению рейтинга региона среди жителей, так как экономическая ситуация в Волгоградской области стабильная. В этом случае желание респондентов переехать является индикатором неудовлетворенности социально-экономическим положением или другими показателями уровня жизни.

Т а б л и ц а 4

Ответы на вопросы: «Хотите ли Вы уехать из этого населенного пункта?» и «Предпринимали ли Вы какие-либо действия для переезда?», %

	18-29	30-39	40-49	Итого
Хотите ли Вы уехать из этого населенного пункта?				
да	46,9	36,7	34,5	39,2
Предпринимали ли Вы какие-либо действия для переезда?				
да	14,9	10,6	11,3	12,2

Рассмотрев демографическое поведение как систему, включающую брачное, репродуктивное, самосохранительное и миграционное поведение, мы можем сделать следующий вывод. Трансформация демографического поведения молодежи в Волгоградской области, с одной стороны, повторяет тенденции, зафиксированные в других регионах РФ и европейских странах. Молодежь откладывает регистрацию брака, жестко планирует деторождение – разные факторы лежат в основе того, что актер готов к рождению меньшего числа детей, чем хотел бы. С другой стороны, самосохранительное и миграционное поведение молодежи не повторяет общеевропейских ориентаций. Можно констатировать, что в Волгоградской области нет моды на здоровой образ жизни, не наблюдается высокая мобильность молодежи. Полученные эмпирические данные необходимо уточнять, основываясь на информации, собранной качественными методами исследования, что в дальнейшем позволит выработать рекомендации по стабилизации демографических показателей региона.

Список литературы

1. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 527-545.

2. Шабунова А.А. Здоровьесбережение – важный ресурс достижения демографического благополучия // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под редакцией Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М., 2019. С. 163-167.

3. Саралиева З.Х., Янак А.Л. Критерии типологии семейных здоровьесберегающих практик // Теория и практика психолого-социальной работы в современном обществе. Сборник статей участников VI Международной научно-практической конференции / Научные редакторы С.П. Акутина, Т.Т. Щелина, 2019. С. 29-31.

4. Рязанцев С.В. Демографическое развитие России: старые вызовы и новые решения // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общей редакцией Т.К. Ростовской, 2019. С. 6-8.

МОДЕЛИ СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ MODELS OF FAMILY INTERACTION IN THE IDEAS OF URBAN YOUTH

Т.М. Дадаева
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск*
T.M. Dadaeva
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Представлены результаты социологического исследования, выявлены семейные и репродуктивные установки молодежи, основные факторы и типология моделей семейного взаимодействия. Делается вывод, что современная молодежь придерживается эгалитарных установок на семью.

The article presents the results of a sociological study, identifies family and reproductive attitudes of young people, presents the main factors and typology of models of family interaction. It is concluded that modern youth adhere to egalitarian attitudes towards the family.

Ключевые слова: семейное взаимодействие, семейные и репродуктивные установки, городская молодежь, эгалитарные и традиционные установки

Keywords: family interaction, family and reproductive attitudes, urban youth, egalitarian and traditional attitudes

Процессы трансформации, которые происходят в современной семье, когда традиционные «мужские» и «женские» роли перерастают в общие цели на благо развития семейных отношений, совместного воспитания детей, семейного благополучия, обуславливают постоянный интерес к ее изучению. В современных условиях демографического кризиса (низкой рождаемости и брачности), установок на малодетность и сожительство, особую актуальность имеют исследования семейных и репродуктивных установок молодежи.

Среди российских авторов семью и семейное поведение изучали такие ученые как А.И. Антонов [1], Д.А. Медков [1], М.Б. Боков [2], С.Н. Бурова [3], С.И. Голод [4], Г.С. Гончарова [5], С.В. Захаров [6], Ю.А. Зеликова [7]. В работах представленных авторов изучаются брачно-семейное поведение и установки, различные аспекты взаимодействий в семье.

Цель данной работы – выявить основные модели семейного взаимодействия, семейные и репродуктивные установки в представлениях городской молодежи (на примере г. Саранска). Материал основан на данных анкетного опроса «Представления о семье и семейном взаимодействии в молодежной среде», проведенное в апреле 2020 года. Были опрошены 146 человек в возрасте от 18 до 30 лет, постоянно проживающие в городском округе Саранск. Выборка строилась на основе пола, возраста и района проживания в ГО Саранск. Среди респондентов мужчины составили 45%, женщины – 55%. Большинство опрошенных – лица в возрасте от 18 до 22 лет (36%), 30% – от 23 до 27 лет, 34% – от 28 до 30 лет. По семейному статусу 48% состоят в официальном браке, 22% – живут без официальной регистрации (сожительство), 18% – холосты (не замужем), 10% в разводе, 2% – вдовцы (вдовы). Большинство респондентов имеют детей (72%), 28% – не имеют.

Каждый второй представитель городской молодежи определяет оптимальный возраст вступления в брак от 26 до 30 лет. При этом 22% отметили возраст от 21 до 25 лет, 18% – свыше 30 лет, 10% – до 20 лет. В представлениях молодежи можно увидеть смещение возрастных рамок вступления в брак к более зрелому возрасту. Молодежь достаточно прагматична и понимает, что, помимо желания вступить в брак, необходимо профессионально и материально состояться, приобрести жилье для проживания семьи и т.д. Каждый четвертый респондент отметил, что работа и постоянный доход будут определяющим условием для создания семьи. Помимо трудоустройства и материального достатка для 18% молодежи важно получить образование, профессионально обучиться, а для 14% достаточно только желания создать семью. При этом 16% респондентов вообще не задумывались об этом, не строят планов создания семьи. В гендерном аспекте для 30 % юношей основой решения о создании семьи будет наличие работы и постоянного заработка, получение образования (16%), собственное желание создать

семью (16%), а также наличие собственного жилья (13%). Несколько по-иному выстраивают свои приоритеты девушки. Для 24% девушек основой решения о создании семьи будет получение образования, наличие работы и постоянного заработка (18%), собственное желание создать семью (12%), а также наличие собственного жилья (8%).

Большинство холостых респондентов (80%) собираются вступить в брак на официальной основе. Не планируют узаконивать свои отношения 10% опрошенных. Аналогичный процент респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос. В вопросе оценки сожительства (незарегистрированного брака) большинство молодежи нейтрально воспринимают данное обстоятельство, не видя в нем ничего предосудительного (68%), положительно оценивают совместное проживание без регистрации 12%, отрицательно – 20% респондентов.

Для 36% респондентов оптимальный возраст рождения первого ребенка приходится на диапазон от 21 до 25 лет, для 32% – от 26 до 30 лет, для 28% – от 30 лет и старше. В ответах можно увидеть тенденцию к позднему деторождению, поскольку 28% респондентов считают оптимальным возраст рождения первого ребенка уже после тридцати лет. Вместе с тем, отметим, что для большинства молодых людей (58%) оптимальным числом детей в семье являются два ребенка. Одного ребенка считают оптимальным 24% респондентов, трех детей – 10%. У большинства респондентов идеальное представление совпадает с реальным количеством планируемого числа детей в семье. Так, 38% в ближайшее время хотели бы двоих детей, четверть молодежи – одного ребенка, 10% – троих детей. В отдаленной перспективе планируют двоих детей уже более половины респондентов (54%), одного и троих детей по 8% представителей молодого поколения. Отметим также, что существенная часть респондентов (каждый пятый) не планируют рождения детей.

Согласно нашей гипотезе, молодые люди, считающие родительские отношения в семье образцом, скорее будут воспроизводить в собственной семье данную модель семейного взаимодействия, поэтому следующий вопрос касался гендерного распределения обязанностей в родительской семье. Традиционно «женскими» обязанностями (когда чаще всего их выполняет жена) оказались стирка одежды (84%), уход за престарелыми (74%), уборка квартиры (54%), управление бюджетом (48%), глажение одежды (44%). Традиционно «мужскими» видами домашнего труда (когда чаще всего их выполняет муж) стали ремонт вещей и квартиры (78%) и вынос мусора (38%). Гендерно нейтральными видами домашних обязанностей, когда оба супруга участвуют в их выполнении, выступили покупка продуктов (68%), воспитание детей (64%), планирование досуга (62%), приготовление пищи (58%), принятие важных решений в семье (52%), мытье

посуды (48%). Результаты показали, что в большинстве родительских семей львиную долю домашнего труда выполняют жены, что позволяет считать данное гендерное разделение домашнего труда традиционным. При этом родительские взаимоотношения выступают образцовыми для чуть более половины респондентов (52%). Противоположного мнения придерживаются 30% опрошенных. Определенная часть молодежи затруднилась ответить на поставленный вопрос (18%).

Среди основных причин распада современных семей большинство респондентов указали следующие: отсутствие взаимопонимания (44%), конфликты, которые связаны с воспитанием детей (22%), отсутствие взаимных интересов (12%). По данным опроса, ядро ценностных ориентаций городской молодежи составили материальный достаток (68%), семья (66%), здоровье (62%), дети (60%), любовь (46%). Для большинства респондентов семья является проявлением общего быта и совместного ведения домашнего хозяйства (44%), для трети семья – это объединенные кровным родством люди, для каждого десятого – официальный брак, зарегистрированный органами ЗАГС. Среди основных мотивов заключения брака респонденты выделили любовь (52%), рождение ребенка (26%) и желание создать семью (12%).

В результате исследования выяснилось, что в представлениях большинства опрошенных (74%) семья должна быть партнерского (эгалитарного) типа, где супруги обладают абсолютным паритетом. В пользу традиционной (патриархальной) семьи высказались 14% респондентов, матриархальной – 12%. При этом на вопрос, кто должен материально обеспечивать семью 36% высказались, что оба супруга, 34% – муж, 22% – жена. С точки зрения гендерной принадлежности, более половины мужчин (52%) отметили, что супруги на паритетной основе должны вносить свой вклад в семейный бюджет. Среди женщин подобный вариант ответа выбрали, 36% респондентов. Основными характеристиками идеальной семьи и семейного взаимодействия выступили: взаимопонимание (76%); финансовое благополучие (38%); взаимное уважение (34%); здоровье всех членов семьи (30%); любовь (22%); терпимость (16%).

Изучив представления молодежи о семейном взаимодействии, отметим, что основная гипотеза исследования нашла свое подтверждение: в представлениях большинства городской молодежи (74%) модель семейного взаимодействия тяготеет к эгалитарному (партнерскому) типу, где супруги все решают сообща, оба участвуют в материальном обеспечении семьи. Однако, 34% считают, что материально семью должен обеспечивать муж, что косвенно свидетельствует о противоречии во взглядах респондентов, и о сочетании как традиционных, так и эгалитарных установок. Подобное противоречие дает

основание говорить о «переходном» типе семейного взаимодействия в представлениях молодежи.

Список литературы

- 1 Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 1996. 304 с.
- 2 Боков М.Б. Проблемы семьи в общественном мнении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 4. С. 35–39.
- 3 Бурова С.Н., Демидова А.В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 97–103.
- 4 Голод С.И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 40–49.
- 5 Гончарова Г.С. Студенческая семья и отношение учащейся молодежи к семейным ценностям // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 3. С. 61–67.
- 6 Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2017. № 4. С. 73–112.
- 7 Зеликова Ю.А. Влияние социальной политики и родительских ценностей на семейное поведение и воспитание детей // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 3. С. 343–360.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЖИТЕЛЬСТВА* **COHABITATION'S FUNCTIONALITY**

Н.Ю. Егорова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
N.Yu. Egorova
Lobachevsky University

На основании результатов исследований автора выделяются функции сожительства как «пробного брака» и «фактического брака», подчеркивается неодинаковая значимость сожительства и брака для разных социально-демографических групп.

Based on the author's research results, the article highlights the functions of cohabitation as a “trial marriage” and “de facto marriage”, emphasizes the unequal importance of cohabitation and marriage for different socio-demographic groups.

Ключевые слова: сожительство, брак, функции

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Keywords: cohabitation, marriage, functions

Трансформации семейно-брачной сферы провоцируют появление и распространение новых форм, в рамках которых сегодня функционируют семья, родительство, супружество [1, с. 56-60]. Вариативность семейных моделей в контексте концепций демографических переходов [2], трансформации семьи [3], постинституционального подхода и диверсификации семьи [4], приватно-демографического поля [5] рассматривается как неотъемлемая черта семьи на современном этапе. Более того, с точки зрения С.И. Голода, есть «...основания для утверждения, что альтернативные модели... не случайны и, вероятно, еще не до конца себя раскрыли» [2, с. 241-242], что обуславливает необходимость их анализа с позиции функциональности.

Функционализм в исследованиях семьи, как правило, акцентирует внимание на ее базовых социальных функциях: репродуктивной, социализации, экзистенциальной, успешность выполнения которых связывается с определенной структурной формой: полной, как минимум, двухдетной семьей, с четко очерченными ролями мужа и жены [6]. В то же время структурно-функциональный анализ допускает, с одной стороны, наличие «функциональных заменителей», способных выполнять одни и те же функции, а с другой – многофункциональность социальных структур, их неодинаковую значимость для общества, социально-демографических групп, личности [7].

Данные демографической статистики и результаты общероссийских и региональных исследований говорят о все большем распространении сожительства. Брак, в том числе первый, оставаясь нормативным пока вариантом семьи, все чаще уступает место незарегистрированным союзам, которые могут быть как первыми, так и повторными [8]. Так, согласно данным RLMS 2018 г. [9], каждое шестое супружество не зарегистрировано (16%), каждое пятое – повторное.

Сожительство как очень неоднородный феномен включается в семейную систему в двух основных вариантах: «пробного» и «альтернативного», или «фактического» брака, выполняя различные функции.

Значимость сожительства как этапа формирования семьи подчеркивается количественными и качественными авторскими исследованиями. Стратегия сожительство→брак становится нормативной (табл. 1) для союзов разной очередности: 70% респондентов, заключивших брак в 2010-2018 гг., начали свою семейную жизнь с совместного проживания без регистрации (две трети вступивших в первый союз и 80% – в повторный).

Т а б л и ц а 1

**Наличие/отсутствие сожительства до брака
(с учетом года вступления в брак), % [9]***

год заключения брака	не жили вместе до брака	продолжительность сожительства			
		меньше года	1-3 лет	3-5 лет	5 лет и больше
1969 и ранее	89	5	5	-	1
1970-1979	85	11	4	-	-
1980-1989	80	13	4	2	1
1990-1999	63	17	13	5	2
2000-2009	42	23	21	6	8
2010-2018	30	26	23	11	10
Всего	61	18	13	4	4

*разница статистически значима с использованием критерия *chi-квадрат* при $p \leq 0,0001$

В то же время, очевидная селективная функция не является единственной. Типологизация автора сожительств молодых [10] позволила расширить спектр выполняемых ими функций: сожительство «как ожидание брака» может брать на себя функции «молодой семьи», выполнять селективную функцию, воспринимаясь «как этап развития отношений», быть адаптивной стратегией слаборесурсных групп, где объединение пары – результат стечения непростых жизненных обстоятельств (студенты, нет денег на отдельное жилье).

Сожительство способно выполнять функции рождения и воспитания детей, становясь полноценной семьей. Количественные исследования подтверждают наличие детей в таких союзах и возможную высокую продолжительность отношений. Согласно данным RLMS 2018 г., большинство сожителей (71%) имеют детей, 41% живут с партнером/шей 10 и более лет [9]. Тем не менее, сожители моложе состоящих в браке, среднее число детей в таких союзах ниже, продолжительность отношений меньше. Стоит отметить, что разница определяется не только наличием регистрации, но и очередностью отношений: максимальна для первых союзов, минимальна для повторных (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Общие характеристики состоящих
в супружествах различных типов, среднее [9]**

форма супружества		средний возраст, лет	количество детей, среднее	продолжительность отношений, лет
брак	первый	50	1,7	25,5
	повторный	53	1,9	16,3
сожительство	добрачное	33	0,7	8,4
	постбрачное	51	1,6	12,3

Сравнение социальных характеристик состоящих в браке и сожительстве тоже фиксирует разницу. Сожители чаще принадлежат к низкостатусным группам, особенно это касается пар с детьми [8, с. 11]. Соответственно к функциям семейным присоединяется функция экономического характера, а значимость сожительства и брака оказывается неодинаковой для различных социальных групп.

На этом фоне становится очевидным, что исключать новые формы семьи и супружества из исследовательского поля все сложнее. Семью нельзя рассматривать только в контексте брака, а сожительство как девиацию. Тенденции, связанные с распространением последнего в России, указывают, что оно успешно прошло первые стадии институционализации, став нормой в стратегии формирования семьи [12, с. 101-102]. Сегодня мы наблюдаем переход на следующий этап, который предполагает сохранение разницы между зарегистрированными и незарегистрированными союзами, что и фиксируют наши исследования при сравнении демографических и социальных характеристик сожителей и состоящих в браке. В то же время качественные и количественные исследования позволяют рассматривать сожительство и как полноценный семейный союз. На этом фоне, движение к их сближению очевидно.

Список литературы

1. Жизненные миры современной российской семьи: Монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.
2. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 242 с.
3. Вишневский А.Г., Дмитриев Р.В. Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Сборник научных трудов. М., 2016. С. 197–229.
4. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. №1. С. 31–54.
5. Михеева А.Р. Векторы современных трансформаций российской семьи: анализ в дискурсе структурно-генетической теории П. Бурье. Автореферат дис. ... докт. социол. наук: 22.00.03. Новосибирск. 2015. 39 с.
6. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. 2014. №1. С. 3–20.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
8. Егорова Н.Ю. Формы супружества в современной России: сравнение социально-демографических характеристик // Петербургская социология

сегодня: сборник научных трудов Социологического института РАН. 2019. Выпуск 11. С. 77–93.

9. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>), репрезентативная выборка «индивиды», 2018 г. Рассчитано автором.

10. Егорова Н.Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. №2 (79). С. 12–21.

11. Егорова Н.Ю., Воронин Г.Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Социальные науки. №3(47). 2017. С. 71–78.

12. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.

ПОЗДНЕЕ ВДОВСТВО: ГРАНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА LATE WIDOWHOOD: THE FACETS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

М.Э. Елютина, И.Д. Ивахнова
*Национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов*
M.E. Elyutina, I.D. Ivakhnova
Saratov National Research State University, Saratov

Акцентируется проблема позднего вдовства и его социокультурные аспекты. Показаны грани социологического анализа позднего вдовства, выделяются его смысловые и структурные характеристики, сопровождающие его трудности и переживания.

The article focuses on the problem of late widowhood and its socio-cultural aspects. The sides of the sociological analysis of late widowhood are shown, its semantic and structural characteristics are highlighted, accompanying its difficulties and experiences.

Ключевые слова: вдовство, позднее вдовство, социокультурный смысл позднего вдовства, состояние позднего вдовства, трудности позднего вдовства

Keywords: widowhood, late widowhood, socio-cultural meaning of late widowhood, state of late widowhood, difficulties of late widowhood

Актуальность данной темы обусловлена следующими содержательными моментами. Во-первых, социологическое исследование позднего вдовства – малоизученное направление социологии. В немногочисленных публикациях, посвященных теме вдовства, в фокусе внимания авторов находится раннее вдовство, социально-психологические механизмы адаптации к ситуации потери супруга/и, социальные проекции данной ситуации на процессы семейной социализации. Позднее вдовство практически не исследуется. Во-вторых, в связи с тем, что женщины живут дольше мужчин, а также вследствие преобладания «Он» модели асимметричного брака, когда партнер старше партнерши на 10 и более лет, вдовство имеет «женское лицо». Существуют специализированные организации, поддерживающие вдов, многочисленные рекомендации по интеграции вдов в социум, советы по финансам и трудоустройству. В этой связи сравнительные гендерные исследования данной проблемы остаются за скобками научных интересов. Отсутствие данных является одним из препятствий для разработки социальной политики, программ помощи и поддержки вдовствующим.

Социокультурный смысл позднего вдовства определяется не как универсальная константа, а как переменная, обусловленная контекстом. Основание и смыслы позднего вдовства существенно меняются при использовании таких призм, как пространство и время. Это свидетельствует о том, что в разных социокультурных контекстах имеются определенные обычаи, нормы, правила поведения вдов и вдовцов (например, обычаи, запрещающие даже в случае раннего вдовства повторный брак; право или его отсутствие на владение личной собственностью или наследством). В современном российском обществе содержание и проявления вдовства обусловлены как традициями, менталитетом, внутренним опытом саморефлексирования, так и качеством жизни пожилых людей, доминирующим отношением к ним. В наиболее общем виде позднее вдовство понимается как состояние, фиксирующее потерю супруга/и, сопровождающееся негативными переживаниями. Отметим несколько важных, с нашей точки зрения, проблемных аспектов данной темы.

Смысловые составляющие вдовства

1. Вдовство рассматривается как разновидность семейных аномалий наряду с сиротством, супружескими изменами, разводом, неравным браком. Следовательно, нуждается в терапии.

2. Вдовство как обычай. Этнографические, фольклорные данные свидетельствуют о ритуализации вдовства: обычай соблюдать траур, следование определенным этикетным нормам, регламентирующим внешний облик и поведение тех, кто обязан блюсти вдовство. 3. Мухина, рассматривая

статус вдовы в русской крестьянской среде второй половины XIX - начала XX века, отмечает ее двойственное положение в ритуальном отношении: с одной стороны, вдова считалась социально ущербной, неполноценным членом общества, что проецировалось на ритуальные функции в виде их ограничений, с другой – ассоциировалась с чистотой, целомудренностью, что вело к повышению ее религиозного статуса [1, с. 63]. Добавим в качестве традиционно рассматриваемого позитивного момента вдовства и тот факт, что статус вдовы нивелирует возможную стигму «нежеланности» и освобождает женщину от рисков жизни с токсичным супругом. Консервативная традиция клеймения женщин (вдовья доля), потерявших мужей, сохранилась в некоторых культурах и до настоящего времени. Она предусматривает различного рода запреты для вдов, например, на участие в праздничных гуляниях, ношение цветной одежды, употребление вкусной пищи.

3. Вдовство как формальный знак, маркирующий социокультурные границы:

- знак официальной регистрации прекращения брачных отношений, переход к холостому образу жизни;

- знак, специфицирующий идентичность человека, потерявшего мужа/жену: мирные и военные вдовы/цы, вдовы/цы знаменитых, публичных людей. Репутационный статус вдовствующих может как повышаться, так и понижаться, во многом это зависит от «веса» умерших в социальной жизни, от их престижа и авторитета. Описывается и такой феномен, как транс – вдовы/цы, мужа и жены которых совершили «переход» к другой половой идентичности;

- знак формирования определенных когнитивных и поведенческих схем.

4. Возрастной и гендерный идентификаторы вдовства: раннее вдовство и позднее вдовство; вдовы и вдовцы.

5. С точки зрения когнитивной модели, вдовство описывается как субъективный феномен.

Специфика позднего вдовства – прекращение устойчивых супружеских отношений, сопровождающихся, как правило, доверием, эмоциональной близостью, стабильностью на фоне возрастающей потребности в заботе и поддержке. Супружеская стабильность связана с наличием и использованием сложившихся социально-экономических и ментальных ресурсов семьи, в том числе когнитивных моделей событий и ситуаций. Вдовствующие, привыкшие к определенному порядку жизни, субординации отношений, эмоциональному энергетическому обмену, испытывают тяжелые переживания, связанные с жизнью в новом статусе. По социологическим данным, в России процент самоубийств выше среди овдовевших пожилых людей, чем среди тех, кто

женат/замужем [2]. Выделим наиболее важные характеристики данного состояния.

1. Наличие определенных этапов данного состояния фиксируется с помощью терминов «до» и «после». Остро переживаемое отсутствие близкого человека в жизни индивида предопределяет его желание компенсировать это отсутствие в символической форме. Общим моментом является соблюдение ритуалов заботы: следить за местом захоронения, облагораживать его. Именно эти телесно-практические элементы ритуала закладывают психологический фундамент для последующего примирения с необратимостью перемен, вызванных смертью близкого человека. В случае патологической скорби, застревания на мыслях об умершем, бесконечного внутреннего диалога с ним конструируется феномен «культы умершего», который фрустрирует повседневную жизнь овдовевшего. В научном дискурсе отмечается, что пожилые женщины легче переносят потерю супруга в связи с доминирующей у них ориентацией на «участие в жизни молодого поколения».

2. Физическое присутствие заменяется виртуальным, в том числе через «несобственное» присутствие: книги, ландшафты, личные вещи, имеющие непосредственное отношение к судьбе ушедшего человека.

3. Время жизни вдовы/ца распадается на разные временные звенья, образуя разомкнутую цепь. Образовавшиеся разрывы представляют собой смысловые пустоты, когнитивные диссонансы, нередко проецируются на взаимоотношения с родными и близкими людьми в виде разрастающейся дистанции.

Трудности позднего вдовства

1. Материальные затруднения.
2. Жилищные проблемы.
3. Трудности с повторным браком.
4. Насилие, разные виды дискриминации.
5. Последствия для здоровья.

Жизненные стратегии

Ситуативный контекст и личностные особенности вдовствующего в значительной мере определяют выбор его дальнейших жизненных стратегий.

1. Повторный брак, который можно рассматривать, во-первых, как своего рода протест против изоляции, против зыбкости современной социальной жизни, во-вторых, как разновидность совладающего поведения, направленного на то, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними трудностями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека.

2. Нахождение личностных резервов для противостояния инволюционным изменениям, например:

- специфическое ощущение времени – «Мне не так много осталось» – может стать источником разного рода «безумств», поведения, опрокидывающего заведенный порядок;

- человек с «не остановленными делами», тот резерв, который может быть использован для саморазвития на протяжении всей жизненной дистанции;

- вдовствующий человек находит себе компаньона или объединяется со своими братьями и сестрами, получает от них утешение и поддержку.

3. Использование ресурсов комплексной поддержки вдовствующих людей, включающей правовую (консультации юриста по вопросам наследственного, жилищного, семейного права), социально-психологическую помощь (индивидуальная работа с психологом, особенно необходимая в острой фазе переживания горя, взаимодействия со специалистом по социальной работе), а также терапевтическую помощь групп взаимной поддержки.

Список литературы

3. Мухина З.З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начала XX века) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62-71.

4. Белоглазов Г. Социологический анализ самоубийств в России. URL: <http://katatonia.narod.ru/ssuicide.html> (Дата обращения: 07.07.2020).

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ FACTORS SHAPING THE SOCIAL WELL-BEING OF FAMILIES WITH CHILDREN

М.В Курникова
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
M.V. Kurnikova
Lobachevsky University

Рассматривается понятие здоровье ребенка как фактор влияния на некоторые критерии социального самочувствия членов семьи. Определен уровень социального самочувствия родителей и сиблингов двух групп семей – с ребенком-инвалидом и с ребенком без нарушений здоровья. Выявлена значимость состояния здоровья ребенка как одного из доминирующих факторов формирования субъективного социального самочувствия семей с детьми.

The article discusses the concept of child health from the perspective as a factor in influencing some criteria of family members social well-being. The

questionnaire and testing method determined the level of social well-being of parents and siblings of two groups of families – families with a disabled child and with a child without health problems. The significance of the child's health status as one of the dominant factors in the formation of subjective social well-being of families with children is determined.

Ключевые слова: здоровье детей, социальное самочувствие, семья с ребенком-инвалидом

Keywords: children's health, social well-being, family with a disabled child

Социальное самочувствие выступает одним из ключевых маркеров настроения общества, его различных социальных групп и отдельных людей. Ведущими маркерами данного понятия являются три основных компонента: внутреннее состояние человека (здоровье, душевное состояние, испытываемые положительные эмоции, оптимизм), анализ внешних условий (восприятие ситуации в стране, семье) и понимание собственного положения в будущем (цель в жизни, претворение планов, индивидуальный успех) [1]. В эмпирических исследованиях социального самочувствия одним из подходов является измерение показателей довольства различными аспектами жизни и психологического комфорта (безопасность, состояние здоровья, отношения в семье, благоустроенная среда обитания, возможность творческой самореализации). В российской социологии семьи разработкой социальных показателей и индикаторов занимались М.С. Мацковский, А.Г. Харчев, Т.А. Гурко [2]. В целом, к показателям благополучной семьи относят: стабильный социальный статус семьи, экономическую независимость, здоровье членов семьи и образ жизни, сплоченность и единство семьи, хорошее социальное самочувствие, наличие положительных семейных традиций. Здоровье членов семьи при этом рассматривается в целом как некий фон, влияющий на все критерии социального самочувствия [3]. В качестве необходимых и достаточных для оценки выделяют четыре группы социологических показателей: 1) материально-бытовые (уровень жизни, обеспеченность атрибутами цивилизации); 2) социально-институциональные (полнота семьи, то есть наличие детей и обоих родителей); 3) социального самочувствия (здоровье, мотивация, оптимизм); 4) социально-групповые (удовлетворенность семейной жизнью, то есть интимными и другими межличностными отношениями в семье). Предлагаются следующие индикаторы оценки: «Здоровье родителей», «Здоровье детей», «Питание», «Оптимизм», «Мотивация».

Здоровые и успешные дети традиционно считаются критерием качества жизни семьи. Динамика детской заболеваемости в Российской Федерации

отражает неуклонный рост в общей структуре детского населения увеличение доли детей с нарушением здоровья, в том числе со стойкими нарушениями функций, т.е. инвалидов. Численность детей-инвалидов в РФ, по данным Федеральной службы государственной статистики на 2019 год, составляет 671 000 человек (2.2% от общей численности российских детей до 18 лет). За период 10 лет с 2008 по 2018 гг. инвалидность детей в Российской Федерации увеличилась на 16%. Основные причины прироста инвалидности детей в России – психические расстройства, болезни нервной системы и врожденные пороки развития [4; 5].

Инвалидность ребенка, с одной стороны, может являться следствием неблагополучия в различных уровнях функционирования семьи (физическом, психическом, социальном), а с другой стороны, установление у ребенка глубоких и стойких нарушений функций является сильным стрессом для родителей и снижает уровень социального самочувствия всех членов семьи. Здоровье ребенка как отдельный фактор, влияющий на уровень социального самочувствия семьи рассматривается в трудах Т.Н. Константиновой [6], Ф.А. Мустаевой [7], А.И. Пьянова [8], И.В. Щекиной [9].

Цель работы – сравнительная характеристика социального самочувствия членов семей с детьми. Исследование проводилось на территории Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Состав участников исследования представлен в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

№ пп	Состав групп исследования	Группа 1. Семьи с ребенком-инвалидом	Группа 2. Семьи со здоровым ребенком
1.	Мать, чел.	216	236
2.	Отец, чел.	106	86
3.	Сиблинги старше 14 лет, чел.	30	52

Для определения уровня социального самочувствия каждому члену семьи был предложен тест «Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС – 20)», авторы Е.И. Головаха, Н.В. Панина, А.П. Горбачик [10]. Для выявления дефицита факторов, способствующих улучшению социального самочувствия, был задан вопрос: «Что важно для улучшения Вашего социального самочувствия?» с предложенными вариантами ответов: материальное благополучие семьи; свое здоровье; здоровье ребенка (брата, сестры); уверенность в благополучном будущем; душевный и эмоциональный покой.

Результаты ответов сравнивались с использованием критерия χ^2 , статистически значимыми принимали отличия при $p < 0,05$.

По уровню материального положения считают свою семью обеспеченной и имеют ресурсы для повышения уровня материального комфорта не более 20% всех опрошенных родителей первой группы, во второй группе положительно

ответили на этот вопрос 41.6%. ($p < 0.001$). Подавляющее большинство семей с ребенком-инвалидом (80%) живут в условиях поддержания существующего материального положения и тратят все имеющиеся средства только на обеспечение насущных потребностей.

Матери детей-инвалидов, не способных к самостоятельному самообслуживанию по состоянию здоровья, имеют наименьший индекс социального самочувствия, но в целом его уровень находится в категории средних индифферентных оценок и не опускается ниже нормативных границ. Социальное самочувствие отцов тоже отрицательно реагирует на ситуацию наличия ребенка-инвалида в семье, хотя отцы более оптимистичны в оценках своих социальных потребностей, чем матери. Наименее подвержены влиянию дефекта ребенка его братья и сестры, и их субъективное восприятие своей жизни характеризуется высокой степенью удовлетворенности.

Родители здорового ребенка имеют высокий уровень социального самочувствия, но сиблинги здоровых детей проявили тенденцию повышенных требований к качеству удовлетворения своих социальных потребностей, по сравнению с сиблингами ребенка с инвалидностью.

Для матерей обеих групп «здоровье ребенка» является наиболее значимым фактором повышения уровня социального самочувствия, причем в группе семей со здоровым ребенком этот фактор влияет на большую долю респонденток ($p < 0.05$). Вторым фактором по силе влияния на социальное самочувствие матерей – это их собственное здоровье. Матери детей-инвалидов в большей степени, чем матери здоровых детей, испытывают дефицит этого фактора ($p < 0.05$). Фактор «материальное благополучие» не набрал существенной силы в процентном соотношении ответов у матерей обеих групп, несмотря на выявленную нами разницу в материальном обеспечении семей в группах исследования. Если в семьях со здоровым ребенком такое спокойное отношение к финансовому благосостоянию семьи можно объяснить достаточным уровнем достатка, то в семьях с ребенком-инвалидом у матерей финансовое благополучие перестает быть синонимом субъективного благополучия из-за наличия проблем со здоровьем ребенка как более сильного негативного фактора. Фактор «здоровье ребенка» является наиболее значимым для коррекции социального самочувствия и для отцов, так считают около половины респондентов в обеих группах, вне зависимости от наличия в семье ребенка с нарушениями функций. Вторым по значимости фактором влияния на свое социальное самочувствие 30% отцов здоровых детей отметили собственное здоровье, а у отцов детей-инвалидов на втором месте «материальное благополучие», что является ожидаемым результатом опроса,

исходя из низкого уровня материальных возможностей большинства семей данной группы.

Психологические и эмоциональные факторы «уверенность в будущем» и «душевный покой» не являются значимыми для коррекции социального самочувствия подавляющего большинства родителей в группах исследования.

Социальное самочувствие братьев и сестер детей-инвалидов в первую очередь зависит от состояния собственного здоровья (56.7%, $p < 0.05$). Это является серьезным сигналом, подтверждающим, что состояние здоровья детей зависит от благополучия и образа жизни семьи. В семьях со здоровым ребенком социальное самочувствие подростков в большей степени зависит от «материального благополучия семьи» (30.8%) и только потом от «собственного здоровья» (26,9%). Сиблинги в 23.1% семей со здоровым ребенком продемонстрировали тенденцию повышенной тревожности за свое благополучное будущее, что говорит о необходимости более глубокого исследования факторов влияния на благополучие российских подростков и молодежи, проживающих в семьях.

Таким образом, здоровье ребенка является одним из основных факторов влияния на социальное самочувствие всех членов семьи на уровне эмоционального и социального функционирования индивидуума и его субъективное восприятие окружающих жизненных условий.

Список литературы

1. Курникова М.В. Социальное самочувствие семьи с ребенком-инвалидом: определение, критерии и индикаторы оценки (теоретическое обоснование проблемы) // Вестник Пермского национального исследовательского университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 120–131.
2. Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики, 1989; Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки, 2003; Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи, 2016.
3. Бутрина В.И. Качество жизни инвалидов: анализ современной ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4 (194). С. 129–137.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13807> (Дата обращения: 03.03.2020).
5. Леушина Т.В. Тенденции в Российской статистике заболеваемости молодых когорт населения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 5. С. 94–101.
6. Константинова Т.Н. Социальные индикаторы: методология измерения семьи // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3 (16). С. 43–48.

7. Мустаева Ф.А. Социальное самочувствие семьи в современных условиях / Ф.А. Мустаева, О.Л. Потрикеева // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». 2013. № 8 (38). С. 95–102.

8. Пьянов А.И. Социальное самочувствие Российской семьи // Известия ВолгГТУ. 2011. № 7 (80). С. 81–87.

9. Щекина И.В. Система сигнальных показателей и индикаторов благополучия семей с детьми // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2015. № 1. С. 58–64.

10. Головаха Е.И. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС / Е.И. Головаха, Н.В. Панина, А.П. Горбачик // Социология. 1998. № 10. С. 45–66.

СУБЪЕКТНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: МНЕНИЯ РОССИЯН **SUBJECTIVITY OF FAMILY POLICY: OPINIONS OF RUSSIANS**

О.В. Кучмаева

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

O.V. Kuchmaeva

*The Institute for Demographical Research,
The Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University, Moscow*

Рассмотрены результаты социологического исследования, проведенного ИДИ ФНИСЦ РАН в 2019 г. и посвященного особенностям отношения к семье и семейной политике представителей различных поколений. Важным условием эффективности модели семейной политики выступает расширение круга ее субъектов. Выводы свидетельствуют о наличии возрастных различий в оценке эффективности семейной политики и значимости различных ее субъектов.

The results of a sociological study conducted by the Russian Academy of Sciences in 2019 and devoted to the peculiarities of attitudes to the family and family policy of representatives of different generations are considered. An important condition for the effectiveness of the family policy model is the expansion of the range of its subjects. The conclusions show that there are age differences in the assessment of the effectiveness of family policy and the significance of its various subjects.

Ключевые слова: семейная политика, институт семьи, социологические исследования семьи, субъекты семейной политики

Keywords: family policy, family Institute, sociological research of the family, subjects of family policy

Актуальность исследования представлений различных поколений о семье и семейной политике как ресурсе поддержки и развития потенциала института семьи обусловлена возрастанием в современном обществе интереса к реализации стратегий социальной политики, которая позволит семье эффективно выполнять свои функции в условиях мозаичности моделей семьи и трансформации представлений о желаемых моделях семьи и семейного образа жизни. Модели семейной политики реализуются в разных странах мира. Во многом их эффективность определяется востребованностью семьями тех или иных мер семейной политики, оценкой их значимости.

Для проведения сравнительного анализа положения семьи в социуме, ценностных представлений респондентов, представлений о значимости и эффективности семейной политики, выявления специфики России ИДИ ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН) в 2019 г. было проведено Международное социологическое исследование «Семья и семейная политика: взгляд поколений» на территории России, Белоруссии и Таджикистана. В ходе исследования было опрошено 1652 респондента, в том числе 447 человек поколения родителей (35-50 лет), 669 представителей молодежи (19-34 года) и 536 подростков (14-18 лет). В целом в совокупности респондентов – 67,8% россияне, 19,5% – граждане Таджикистана, 12,9% – белорусы.

Одной из задач исследования выступало определение перспективных направлений семейной политики с учетом мнений представителей различных возрастных групп. Данные тезисы посвящены оценке россиянами роли семейной политики в жизни их семьи и отдельным аспектам перспектив развития семейной политики.

Оценки респондентами эффективности существующей модели семейной политики весьма низки. При оценке эффективности по 5-ти балльной шкале средний балл оказался равен 2,4-3,4 балла, на высший (5) балл мероприятия семейной политики оценили лишь 23,9% взрослых, однако молодежь (6,9%) и подростки (16,0%) более критичны. В данном случае меньшее знакомство (молодежи, подростков) с мерами семейной политики и опыт пользования привело к относительно более низким оценкам.

Несмотря на признание семейной политики малоэффективной, многие из опрошенных все же признают свою семью социально защищенной. Вероятно, часть респондентов не связывают социальную защищенность семьи с существующей моделью семейной политики. 24,6% родителей и 24,4% молодых людей считают свою семью «вполне» социально защищенной. К более осторожному ответу «скорее да, чем нет» склонились еще 38,0% и 25,1% опрошенных различных возрастных групп. Таким образом, положительные оценки дала значительная часть респондентов. Молодежь гораздо чаще

взрослых респондентов затрудняется с ответом. Если попытаться перевести оценки социальной защищенности своей семьи в балльную шкалу, окажется, что молодежь несколько менее оптимистично оценивает ситуацию. Взрослые респонденты в среднем по совокупности оценили социальную защищенность своих семей на 3,75 балла из 5 возможных, молодые люди – на 3,59 балла. С одной стороны, подобные ответы могут быть связаны с тем, что часть молодежи проживает отдельно, самостоятельно; часть – уже создала свою семью; часть оценивает социальную защищенность родительской семьи. Родители, оценивая социальную защищенность своей семьи, имеют в виду семью с несовершеннолетними детьми.

Важное условие эффективности семейной политики – расширение круга ее субъектов, включенность различных акторов в реализацию стратегических мер поддержки института семьи. Респонденты – молодежь и родители ни в коей мере не отказываются от государственной поддержки семей – 70% и более (69,8% молодежи и 77,0% взрослых) опрошенных считают, что государство должно поддерживать семью, категорично против высказались лишь 1,1% опрошенных. Остальные выбрали более мягкие варианты ответа «главное, чтобы не мешало» – (9,2% молодежи и 7,4% лиц поколения родителей), «только малообеспеченным семьям» – (11,3% и 8,9% соответственно). Видимо, часть респондентов предпочитают надеяться на свои силы, полагая, что государство не должно вмешиваться в дела семьи, предоставляя семье возможность действовать самостоятельно и не мешать и, желательно, оказывать помощь в случае, если семьи испытывают серьезные материальные проблемы. Позиции молодого и старшего поколения очень близки. Подростки пока, возможно, в силу возраста и отсутствия опыта пользования мерами поддержки настроены более радикально: 47,8% подростков полагаются на государство в поддержке семьи. Среди подростков гораздо больше тех, кто уклонился от ответа.

Вопрос о других, помимо государства, возможных субъектах семейной политики вызвал у родителей и молодежи в значительной части случаев некоторое недоумение (около 30% респондентов затруднились с ответом на вопрос) (табл. 1). Видимо, это вызвано не слишком значительным участием негосударственных субъектов в реализации семейной политики. Традиционно российская семейная политика воспринимается как государственная деятельность. Лишь менее 11-13% респондентов полагают, что никто не должен помогать, расценивая это как вмешательство в дела семьи. Это больше, чем доля противников вмешательства государства. Молодежь чаще полагает, что семьям могут помочь сами семьи (каждый пятый опрошенный) и возлагают надежды на рост социальной ответственности бизнеса. Более зрелые респонденты чаще упоминают роль церкви как субъекта семейной политики.

В целом можно говорить о востребованности многосубъектности в реализации семейной политики.

Т а б л и ц а 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Кто должен помогать семье, кроме государства?», %**

Варианты ответа	Доля, %	
	родители	молодежь
бизнес	6,9	16,7
церковь	13,0	3,9
некоммерческие организации	15,2	16,9
сами семьи	14,5	21,5
никто	11,2	13,3
затрудняюсь ответить	29,3	28,3
другое	2,9	1,6

Интерес представляет, как выглядят ответы россиян на фоне таких стран постсоветского пространства, как Белоруссия и Таджикистан. Подавляющее большинство респондентов в разных странах полагают, что государство должно поддерживать семью (табл. 2). Россияне и белорусы чаще дают ответ «главное – чтобы не мешало», четверть жителей Таджикистана считают, что поддержка должна быть адресной, государство должно помогать только малообеспеченным семьям.

Т а б л и ц а 2

**Распределение ответов респондентов из разных стран на вопрос:
«Должно ли государство поддерживать семью?», %**

Варианты ответа	Доля, %		
	Таджикистан	Россия	Белоруссия
да	61,0	70,9	72,8
нет	0,3	1,7	0,0
главное – чтобы не мешало	4,5	9,7	14,7
только малообеспеченным семьям	26,8	10,8	4,4
затрудняюсь ответить	7,4	5,6	8,1
нет ответа	0,0	2,3	0,0
итого	100,0	100,0	100,0

В целом, ответы молодых и зрелых респондентов в отношении роли государства в реализации семейной политики достаточно близки. Часть и родителей, и молодых людей полагают, что помимо государства семье должен помогать бизнес и «сами семьи», объединения семей. Но молодежь несколько больше полагается на собственные силы и верит в необходимость социальной активности бизнеса. Расширение круга субъектов семейной политики выступает важным условием ее эффективности.

**МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО
ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА
NORTH INDUSTRIAL CITY MIGRATORY SETTINGS**

Н.А. Лебедева-Несевря, А.О. Барг
*Федеральный научный центр медико-профилактических технологий
управления рисками здоровью населения,
Пермский государственный
национальный исследовательский университет, г. Пермь*

В.М. Чечкин
Култаевская средняя школа, д. Кичаново
N.A. Lebedeva-Nesevra, A.O. Barg
*Federal Scientific Centre of Medical and Preventive Technologies
for Management of Public Health Risks,
Perm National Research University, Perm*
V.M. Chechkin
Kultaev High School, Kichanovo

На материалах социологического опроса (n=257), проведенного в 2019 г. в одном из промышленных городов Крайнего Севера России, охарактеризованы миграционные установки взрослого населения. Выявлен высокий потенциал выездной миграции. Показано, что основными «выталкивающими» факторами выступают климато-географические условия проживания и антропогенная загрязненность окружающей среды.

The hypotheses on what characteristics of the individual and of the local environment are likely to have an impact on immigration attitudes of the Far-North industrial city's population is tested on the results of sociological survey (n=257, 2019). The high potential of outbound migration is proved. The main migration pull-factors are associated with socio-economic environment, the main push-factors – with the ecological situation and climate.

Ключевые слова: миграция, миграционные установки, выездная миграция, Крайний Север, опрос

Keywords: migration, outbound migration, migration attitudes, Far-North, survey

На протяжении многих десятилетий миграция выступает ключевым фактором демографического развития северных территорий России [1]. Согласно Переписи населения СССР 1989 г., только 20% жителей Ямало-Ненецкого автономного округа жили в регионе с рождения [2]. По данным за период с января по ноябрь 2019 г., въездная миграция в Чукотском автономном округе превысила выездную, составив 5453 чел. прибывших против 4803 чел. выбывших [3]. За аналогичный период в г. Норильске (Красноярский край) количество прибывших составило 9137 чел., выбывших – 9678 чел. [4].

Въездная миграция промышленно развитых северных территорий преимущественно связана с трудовыми мигрантами. Это означает, что существенная часть населения Крайнего Севера является пришлым и неукорененным, зачастую изначально не планирующим прожить всю жизнь на Севере [5], что формирует повышенные риски потери северными территориями человеческого потенциала.

Цель настоящего исследования – охарактеризовать миграционные установки (в первую очередь – выездные намерения) населения промышленно развитого города Крайнего Севера России.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступили результаты социологического опроса (раздаточное анкетирование), проведенного в большом (население от 100 до 250 тыс. чел.) промышленно развитом городе, расположенном за Северным полярным кругом, летом–осенью 2019 г. Объем выборочной совокупности составил 258 человек. Доля мужчин в выборке 42%, женщин – 58%. Респонденты в возрасте от 18 до 30 лет составили 18.4% выборочной совокупности, в возрасте от 31 до 40 лет – 35.1%, от 41 до 50 лет – 27.3%, от 51 до 60 лет – 11.4% старше 60 лет – 7.8%. Значительная доля опрошенных (62%) не являются коренным населением города, в том числе 26.5% приняли решение о переезде из другого населенного пункта самостоятельно во взрослом возрасте, 17.1% респондентов переехали вместе с супругом(ой), 14% приехали в город еще маленькими, с родителями, 4.4% не указали времени своего переезда.

Результаты. Анализ ответов респондентов показал доминирование экономических мотивов при принятии решение о переезде на Крайний Север. Так, среди всех некоренных жителей обследованной территории для 54.7% респондентов переезд на Север был связан с поиском более высокого уровня заработной платы, для 28.2% опрошенных – с убеждением, что «там легче найти работу», для 23.9% – с дополнительными северными льготами (районный коэффициент, процентные (северные) надбавки к зарплате, пенсионные льготы, жилищные субсидии и пр.), для 10.3% – с возможностью получать официальную зарплату. Малозначимыми, но присутствующими мотивами переезда являются развитая инфраструктура и удобства жилья (6% опрошенных) и низкие цены на жилье (8.5% респондентов). Симпатии к северной природе и людям как фактор въездной миграции отметили 12% респондентов.

Экономические факторы играют важную роль в удержании прибывших мигрантов на Крайнем Севере. На вопрос, «Что Вас привлекает в городе, почему Вы здесь живете?» (отвечали как коренные жители, так и приезжие) треть респондентов (27.6%) отметили северные надбавки к зарплате, еще треть

(28.5%) – большую продолжительность отпуска в районах Севера, четверть (22.8%) – льготы при выходе на пенсию. Однако, на первое место при обсуждении «удерживающих» детерминант выходят личные факторы. Так, факт проживания друзей или родственников в данном регионе значим для 36% опрошенных, четверть респондентов (25.4%) живут на Севере, потому что «это их родина», 24.6% нравится город.

В ходе исследования зафиксирован высокий потенциал выездной миграции – подавляющее большинство (85.1%) опрошенных когда-либо задумывались о переезде из районов Крайнего Севера. Оформленное желание уехать выразили 69.6% респондентов, тогда как однозначно о своем нежелании уезжать сказали лишь 11.6% жителей северного промышленного города; еще 18.8% выборки затруднились ответить на вопрос, «Хотели бы Вы уехать с Крайнего Севера?». Мотивация возможного отъезда связана, в первую очередь, с климато-географическими и внешнесредовыми факторами. Так, 58.5% в качестве причины возникновения желания уехать назвали высокий уровень загрязнённости окружающей среды, 33.9% выбрали вариант «не нравится северный климат», 18.7% – «не нравится полярная ночь». Тяжелый северный климат и наличие антропогенной нагрузки на окружающую среду ассоциированы с возможным риском для здоровья. Поэтому, у трети опрошенных (32.2%) желание уехать связывается со страхом за здоровье свое или своих детей; у 21.6% – с уже имеющимися проблемами со здоровьем. Экономические и профессиональные мотивы фактически не определяют выездные настроения респондентов: об отсутствии перспектив профессионального развития, карьеры заявили 9.9% респондентов, об отсутствии возможности заработать – 8.8%.

Женщины чаще заявляют о том, что хотели бы уехать из-за климата (в 40.4% случаев против 24.3% среди мужчин, V-коэффициент Крамера = 0,168 при $p \leq 0,05$), высокого уровня загрязнения окружающей среды (в 68.7% случаев против 42.9% среди мужчин, V-коэффициент Крамера = 0,258 при $p \leq 0,005$), страха за свое здоровье и здоровье детей (в 41.4% случаев против 17.1% среди мужчин, V-коэффициент Крамера = 0,258 при $p \leq 0,005$). Мужчины в качестве мотивов возможного отъезда скорее называли наличие проблем со здоровьем (в 32.9% случаев против 14.1% среди женщин, V-коэффициент Крамера = 0,223 при $p \leq 0,005$) и то, что их друзья и родственники уже уехали с Крайнего Севера (в 17.1% случаев против 6.1% среди женщин, V-коэффициент Крамера = 0,177 при $p \leq 0,05$).

Опрошенные жители северного города в большинстве своем (в 80.7% случаев) имеют выездные намерения. Процент людей, планирующих переехать с Севера в течение ближайших 5 лет, составляет 31.1%; в течение 10 лет –

27.2%; в течение 15 лет – 7.8%; в течение 20 лет – 4.4%; 29.6% планируют переехать, но не знают, когда.

На вопрос о том, куда вы планируете переехать с Севера, ответы распределились следующим образом: населенный пункт Сибири (в том числе Красноярского края) – 27.6%, регион Юга России – 24.3%, Санкт-Петербург – 11%, Москва – 9.9%, другие регионы России (не Сибирь, Юг или города федерального значения) – 16%, другая страна – 3.9%, еще не решили – 24.9%.

Не планируют уехать из промышленного северного города лишь 5,6% его опрошенных жителей. Среди сдерживающих факторов – «нравится город», «не хочу менять работу», «здесь живут мои родственники и друзья».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ключевые аттрактивные (притягивающие) факторы северных территорий (в частности, промышленно развитых городов) лежат в плоскости общественных (социальных) условий, выталкивающие же факторы, напротив, связаны с естественными (природными) особенностями территорий (в терминологии В.И. Переведенцева [6]). Высокий уровень социально-экономического развития города, в том числе высокие среднедушевые денежные доходы населения, пенсионные льготы и дополнительный отпуск, являются временными «компенсаторами» климатической и внешнесредовой нагрузки, формируя относительную устойчивость населения лишь в среднесрочной перспективе (10–15 лет).

Список литературы

1. Ефремов И.А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 140–159.

2. Замятина Н.Ю. Расслоение пространства. Миграция с севера как индикатор статусных различий городов России // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 165–177.

3. Общие итоги миграции населения Чукотского автономного округа за январь–май 2019 года // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. URL: <https://habstat.gks.ru/news/document/75380>

4. Итоги социально-экономического развития муниципального образования город Норильск за 9 месяцев 2019 года и ожидаемые итоги за 2019 год // Официальный сайт города Норильска. URL: <https://norilsk-city.ru/docs/22661/33155/index.shtml>

5. Heleniak T. Out-migration and depopulation of the Russian North during the 1990s // Post-Soviet Geography and Economics. 1999. Vol. 40. № 3. P. 155–205.

6. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. Москва: Наука, 1975. 231 с.

**ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ**
DOMESTIC VIOLENCE AS A FORM OF SOCIAL ACTION

Е.В. Митягина, М.Н. Бородатая, Н.Н. Ершова
Вятский государственный университет, г. Киров
E.V. Mitiagina, M.N. Borodataya, N.N. Ershova
Vyatka State University, Kirov

Домашнее насилие рассматривается с точки зрения трех уровней понимания социального действия: классической теории М. Вебера, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теории креативности действий Х. Йоаса. В этой парадигме домашнее насилие – это не только удовлетворение одним субъектом своих потребностей и интересов через подчинение другого и установление контроля над ним, но и социально обусловленное, часто оправданное обществом действие.

Domestic violence is considered from the point of view of three levels of understanding of the social action: M. Weber's classical theory, J. Habermas's theory of communicative action and H. Yoas's theory of creativity of actions. In this paradigm, domestic violence is not only the satisfaction of one subject's needs and interests by subjugating and controlling another, but also a socially determined and often socially justified action.

Ключевые слова: домашнее насилие, социальное действие, виды социальных действий, коммуникативное действие и креативность действия

Keywords: domestic violence, social action, types of social actions, communicative action and creativity of action

Проблема домашнего насилия, особенно обострившаяся в условиях карантина в период пандемии COVID-19, затрагивает миллионы людей по всему миру. Мы предлагаем теоретический анализ феномена домашнего насилия с точки зрения теорий социального действия, когда домашнее насилие рассматривается не только как вид действия, направленного на субъект с целью вызвать его ответную реакцию, но и как социокультурно обусловленный, а в последнее время, все чаще оправданный, обществом поступок.

Исторически и логически анализируя теории социального действия, можно выделить несколько уровней в развитии понимания этой категории.

Концепция структуры социального действия Т. Парсонса, теория структуризации Э. Гидденса и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса выводят понимание социального действия на уровень взаимодействия субъекта и социальной структуры. Теория креативности действия Х. Йоаса, объединяя

первые два подхода, называет социальным действия индивида, соотнесенные с социальной структурой, но выполняемые в соответствии с требованиями конкретной ситуации.

М. Вебер, рассматривая социальное действие, выделял черты, которые отделяли его от простого действия субъекта. Такими чертами выступали субъективный смысл и ориентация на другого. Социальным действием М. Вебер называет «такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [1]. С этой точки зрения, домашнее насилие может быть рассмотрено как специфический вид социального действия, целью которого является удовлетворение одним субъектом своих потребностей и интересов через подчинение другого и установление контроля над ним.

Насильственное действие может принимать различные формы в типологии социальных действий классика, от целерационального как некоего идеального типа социального действия, до аффективного с самым низким уровнем осмысленного соотношения цели и средств ее достижения. *Целерациональность* насильственного действия определяется ориентацией на другого. Как элементу культуры общества, насильственному действию свойственны характеристиками *ценностно-рационального* действия, отражающие доминирующие в нем «ценностные» нормы. Человек совершает насилие, следуя за семейной, культурной и политической традицией. И здесь можно говорить о *традиционном* действии. При этом в большинстве случаев насилие совершается в ситуации спонтанного «эмоционального накала» со свойственными ему характеристиками *аффективности*. Таким образом, типология социального действия М. Вебера открывает «перспективы» на выявление сущности насильственного действия через призму цели, ценностей, традиций и аффектов, отражающихся в интеракциях «агрессор-жертва».

Ю. Хабермас рассматривает социальное действие на уровне взаимодействия субъекта и социальной структуры. В его теории «ориентация на другого» раскрывается в понятиях коммуникации, согласия, языка и речи. С этой точки зрения, насильственное действие всегда социально, представляет собой один из видов межличностных коммуникаций и социокультурно обусловлено.

Поясняя смысл коммуникативного действия, Ю. Хабермас использует понятие *система* и *жизненный мир*. *Система* – процессы, гарантирующие оформленность социального взаимодействия, стабильность и устойчивость форм, которые стремится подчинить себе мир смыслов и значений, образующийся в интересубъективной повседневной коммуникации (*жизненный мир*), подменяя процесс согласования общих целей процессом

манипулирования и подчинения [2]. *Жизненный мир* обеспечивает мотивацию целерационального действия посредством придания объектам и ситуациям значений, ориентируясь на которые, люди выбирают культурно, социально и индивидуально приемлемые цели и соотносят цели и средства.

В современном мире равновесие между системой и жизненным миром нарушено, и система «колонирует» жизненный мир. Колонизация жизненного мира – основная структурная проблема современного общества, так как распад символических структур ведет к мотивационному кризису: мотивация действий на основе придания им смысла исчезает и нарастает «системное насилие». Действия на основе личного выбора замещаются действиями на основе вынужденного подчинения и корыстного интереса, то есть внешних стимулов, исходящих от системы. Таким образом, если социальная система «пропитана» нормами насилия для сохранения своей устойчивости, она «запускает» механизмы их воспроизводства.

Ю. Хабермас отмечает, что жизненный мир обладает не только функцией коммуникативного действия. Одновременно это резервуар, из которого участники коммуникации черпают убеждения, чтобы в ситуации возникшей потребности во взаимопонимании предложить интерпретации, пригодные для достижения консенсуса [2]. В контексте исследуемой темы таковыми убеждениями могут выступать осуждение или оправдание насилия, его акторов, агрессора и жертвы.

Социальные медиа с постами про насилия и комментариями к ним пестрят примерами оправдания насилия: *«Если муж бьет по морде, то виновата морда»*; или *«В разводе всегда виновата женщина. ... Развалив семью, оставляя детей без отцов, ... многие женщины любят себя оправдывать словами: «виноваты оба» или «он меня бил – пил – изменял – мало зарабатывал – не уделял внимание». То есть виноват он, козёл муж, а она дескать ни при делах»* (орфография и пунктуация в примерах сохранены).

Третий уровень анализа социального действия представлен в теории Х. Йоаса, лейтмотивом которой становится идея действующего субъекта, способного изменять повседневность. Х. Йоас заявляет, что действие «представляет собой состояние, в котором человек существует в мире. ... Даже когда вы сидите и ничего не делаете, способ, которым вы воспринимаете предметы в комнате, полностью определяется вашим опытом действий. ... Действия совершаются постоянно» [3, с. 122].

Всякая способность к действию, утверждает Х. Йоас, содержит допущение первичной социальности, которая определяется словом. Когда действие выражается в едином именовании, позволяющем двум субъектам признать один и тоже объект одинаково, достигается социальный порядок, –

считает Х. Йоас [4]. В контексте домашнего насилия, согласованная позиция большинства в отношении того, что считать насильственным действием, отраженная в законах, позволит регулировать социальный порядок.

Каждый субъект при выборе решения в поставленной перед ним ситуации руководствуется своими возможностями и ориентацией на других на основе рефлексии будущего действия. «Рефлексия – это промежуточная фаза в процессе действия. Мы постоянно находимся в процессе действия, и когда мы сталкиваемся с проблемой, требующей внимания, то рефлексия – это действие» [5, с. 122]. Поэтому действие субъекта постоянно, даже в покое, поскольку принятие решения и возможность выбора тоже являются действием. В этом случае бездействие в отношении жертвы есть действие, которое можно характеризовать как равнодушие. При анализе реакций, с которыми встречаются женщины-жертвы насилия, бездействие структур – это специфическая форма действия.

Таким образом, Х. Йоас ставит субъекта действия в заданные извне условия, при которых он должен произвести нетипичное, нешаблонное действие для выхода из данных условий, а попросту найти нетривиальное решение. Недостаточно отмечать лишь зависимость человеческого действия от случайностей ситуации, необходимо учитывать, что *ситуация* конституирует действие. Иным словами, ситуация с насильственными действиями конструирует новое насильственное действие.

Рассмотрение домашнего насилия, с точки зрения теорий социального действия, позволяет не только очертить теоретическую рамку научных исследований этого феномена, но и расширить понимание насилия, вывести его за рамки субъект-субъектной парадигмы. Социальная система, построенная на культивировании насилия, запускает механизмы воспроизводства системного насилия, а отсутствие единства в понимании сущности насилия дестабилизирует социальные отношения, порождая многозначность его толкования. Агрессоры, жертвы и свидетели начинают оправдывать насилие, считая его нормой.

Список литературы

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
2. Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал. URL: https://cmd.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F.pdf
3. Йоас Х. Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 112–122.
4. Горностаева М.В. Креативность социального действия по Х. Йоасу – постулаты и пределы // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 23–25.

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА
«ДЕМОГРАФИЯ» В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ
МОЛОДЫХ СЕМЕЙ ПРИ РОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ***
**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT
"DEMOGRAPHY" IN THE CONTEXT OF FINANCIAL SUPPORT FOR
YOUNG FAMILIES AT BIRTH**

Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова
*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

T.K. Rostovskaya, E.A. Knyazkova
*The Institute for Demographical Research,
The Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Обращается внимание на актуальность преодоления демографического кризиса в России, связанного с новым этапом депопуляции; отмечается ключевая роль молодых семей в решении демографических проблем; анализируется комплекс мер федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» национального проекта «Демография», направленный на усиление материальной поддержки семей с детьми.

Attention is drawn to the urgency of overcoming the demographic crisis in Russia, connected with a new stage of depopulation; there is a key role for young families in addressing demographic problems; The federal project "Financial Support

* Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 20-18-00256.

for Families at the Birth of Children" of the national demography project, aimed at strengthening material support for families with children, is being analyzed.

Ключевые слова: национальный проект «Демография», молодые семьи, решение демографических проблем, финансовая поддержки молодых семей при рождении детей

Keywords: national demography project, young families, population solutions, financial support for young families at birth

Несмотря на определенные успехи в реализации демографической политики, проводимой государством, и зафиксированный в 2013-2015 гг. естественный прирост населения, Россия по-прежнему находится в условиях демографического кризиса. Главная экономическая угроза сложившейся демографической ситуации заключается в том, что в ближайшие десятилетия Россия будет ежегодно терять в среднем около 400-500 тыс. трудоспособного населения, что может привести к резкому замедлению экономического и инновационного развития страны и росту дефицита трудовых ресурсов в большинстве регионов России. Демографический кризис оказывает негативный эффект на структуру трудоспособного населения, рынок труда, рост пенсионной нагрузки, что напрямую отражается на состоянии социальной инфраструктуры, темпах экономического развития и показателях национальной безопасности регионов России [1, с. 43]. Только согласно среднему прогнозному сценарию, к 2030 г. ожидается, что на двух трудоспособных граждан будет приходиться один гражданин старше трудоспособного возраста.

Актуальность преодоления демографического кризиса в России, связанного с начавшегося с 2017 г. новым этапом депопуляции, диктуется рядом негативных факторов: сокращением доли женщин репродуктивного возраста в половозрастной структуре населения; усилением негативных эффектов демографической волны 90-х гг.; снижением величины суммарного коэффициента рождаемости. Уже в 2019 г. этот показатель стал ниже, чем был десять лет назад.

Отмечая роль государственной демографической политики в решении семейно-демографических проблем, необходимо подчеркнуть, что динамика показателей рождаемости в России будет во многом зависеть в дальнейшем от того, насколько успешно будут реализованы меры, направленные на социально-экономическую поддержку молодых семей, которые представляют главный субъект воспроизводства населения нашей страны. Согласно статистике, 77,5% общего числа детей рождаются у родителей моложе 30 лет, значит, деторождение, а, следовательно, и будущее нации связано именно с молодой семьей [2, с. 90].

Молодая семья – важнейший институт современного общества, и решение проблем ее жизнедеятельности, обеспечения экономического благополучия семей с детьми является первостепенной задачей семейно-демографической политики. Нерешенность проблем молодых семей, слабая государственная поддержка зачастую приводят к семейным конфликтам и даже распаду семьи. Отсюда следует вывод: социально-экономическое положение российской молодой семьи с детьми требует особого внимания со стороны государства в создании условий для достижения ими необходимого уровня благополучия [3, с. 299].

В этой связи является актуальным анализ особенностей реализации национального проекта «Демография» (далее – Нацпроект) [4], направленный на обеспечение единого подхода к реализации национальных целей и стратегических задач в области демографического развития России, и, в частности, на повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), который является ключевым демографическим показателем. К сожалению, в нашей стране с 2015 г. наблюдается тенденция снижения СКР, и логично, что Правительство России ставит вопрос об увеличении СКР с 1,6 до 1,7 детей на 1 женщину к 2024 г. Рассмотрим один из приоритетных федеральных проектов «Финансовая поддержка семей при рождении детей», входящих в Нацпроект, направленный на создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, развитие механизма финансовой поддержки семей при рождении детей. Увеличения рождаемости предполагается достичь как мерами, реализуемыми в России уже на протяжении нескольких лет, так и впервые включенными в рамки государственного стратегического документа.

Рассмотрим подробнее комплекс мер, направленный на усиление материальной поддержки семей с детьми, реализуемый федеральным проектом «Финансовая поддержка семей при рождении детей» Нацпроекта.

1. Ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка и ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) второго ребенка после 1 января 2018 года, позволяет поддержать семьи с невысокими доходами (он равен прожиточному минимуму для детей, который установлен в субъекте РФ за II квартал предшествующего года).

К концу 2019 года ежемесячная выплата на первого ребенка была назначена 541,6 тыс. детей, на второго ребенка принято 116,7 тыс. решений о назначении ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) второго ребенка.

В 2020 г. увеличился срок осуществления данной ежемесячной выплаты до трех лет (было 1,5 года), и средний размер выплаты составляет около 12 тыс. рублей (в 2019 г. средний размер выплаты – 11,2 тыс. рублей) [5]. Из

федерального бюджета на 2020 год на данные цели предусматривается порядка 150 млрд рублей.

2. Ежемесячная денежная выплата, назначаемая в случае рождения третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет.

Размер ежемесячной выплаты установлен в субъекте Российской Федерации с учетом величины регионального прожиточного минимума для детей. В среднем по Российской Федерации ее размер в 2019 г. составил 10,4 тыс. руб. в месяц.

Численность третьих или последующих детей, на которых была назначена ежемесячная денежная выплата на конец 2019 г. – 842,8 тыс. детей, что составляет 79.6% от числа рожденных в 2013 – 2019 гг. третьих и последующих детей. Из федерального бюджета на 2020 год на данную выплату предусматривается более 45 млрд руб.

3. Материнский (семейный) капитал.

Материнский (семейный) капитал, являясь одной из самых эффективных российских программ по поддержке семей с детьми, реализуется в Российской Федерации с 2007 г., в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 года N 256-ФЗ, направлен на государственную поддержку российских семей, в которых за 2007-2021 гг. включительно родился (был усыновлен) второй ребенок (либо третий ребенок или последующие дети, если при рождении (усыновлении) второго ребенка право на получение этих средств не оформлялось. С 2019 г. данная программа входит в федеральный проект "Финансовая поддержка семей с детьми" национального проекта "Демография". Размер материнского капитала в 2019 г. – 453 тыс. рублей. Средствами материнского капитала в 2019 г. распорядились 936,8 тыс. семей, такие данные прозвучали в марте 2020 г. в ходе круглого стола ОНФ по реализации нацпроекта «Демография» [6].

В 2020 г. принят ряд ключевых мер, связанных с расширением программы материнского капитала. Президент России В.В. Путин 1 марта подписал закон, предусматривающий продление программы материнского капитала, как минимум, до конца 2026 г., а также возобновление ежегодных индексаций материнского капитала (последняя индексация проводилась в 2015 г.). В этой связи в текущем году выплаты материнского капитала устанавливаются в следующих размерах:

«1) 466 617 руб. при условии, что право на дополнительные меры государственной поддержки возникло до 31 декабря 2019 г. включительно;

2) 466 617 руб. в случае рождения (усыновления) первого ребенка начиная с 1 января 2020 г. В случае рождения (усыновления) второго ребенка начиная с 1 января 2020 г. при условии, что первый ребенок был рожден (усыновлен) также начиная с 1 января 2020 г., размер материнского (семейного) капитала увеличивается на 150 000 руб. и составляет в общей сумме 616 617 руб.;

3) 616 617 руб. в случае рождения (усыновления) второго ребенка начиная с 1 января 2020 г. при условии, что первый ребенок был рожден (усыновлен) до 1 января 2020 г.;

4) 616 617 руб. в случае рождения (усыновления) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2020 года при условии, что ранее право на дополнительные меры государственной поддержки не возникло"[7]:

В федеральном бюджете на 2020 год на данные цели предусмотрено 316,4 млрд. рублей.

Средства материнского капитала можно использовать:

- на приобретение (строительство) жилья, в том числе на оплату первоначального взноса по жилищному кредиту или займу, а также на оплату основного долга и процентов по кредиту (займу) на приобретение или строительство жилья,

- на получение образования ребенком (детьми), в том числе на оплату содержания ребенка (детей) и (или) присмотра и ухода за ребенком (детьми) в организации, реализующей образовательные программы дошкольного образования,

- на приобретение товаров и услуг для социальной адаптации и интеграции в общество ребенка-инвалида (детей-инвалидов);

- на накопительную пенсию матери;

- на ежемесячную выплату на второго ребенка.

Наиболее востребованным направлением расходования средств материнского капитала по-прежнему остается улучшение жилищных условий.

Кроме того, с 1 января 2019 г. в рамках национального проекта «Демография» реализуется действующая с 2018 г. программа льготного ипотечного кредитования для семей, имеющих двух и более детей, со ставкой по ипотеке 6%. Планируется, что к концу 2024 г. количество кредитных организаций, выдающих такие жилищные кредиты, увеличится в 5 раз.

Следует подчеркнуть, что на финансовое обеспечение реализации федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» выделяется 2688,4 млрд. руб, что составляет 86,6% от всего финансирования по Нацпроекту. Это подтверждает значимость данной меры, направленной на улучшение семейно-демографической ситуации в части рождаемости и

развития института благополучной детной (многодетной) молодой семьи в российском обществе.

Вместе с тем, следует отметить, что только меры социальной и материальной поддержки молодой семьи не способны повысить рождаемость до уровня воспроизводства населения. Эффективность экономических мер не будет достигнута без создания в обществе атмосферы приоритета традиционных семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления института российской семьи, основанной на брачном союзе мужчины и женщины (ст. 72 Конституции РФ) [8].

Список литературы

1. Рыбаковский Л.Л. Второй этап депопуляции в России: особенности и сложности преодоления // Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 43–46.

2. Полосин Р.Б., Ростовская Т.К. Современное состояние государственной поддержки обеспечения жильем молодых семей // Молодежь и общество. Сборник научных статей / Под общ. ред. Ростовской Т.К. Выпуск 9. Том 1. М.: Изд-во Перспектива, 2017. С. 89–98.

3. Ростовская Т.К. Роль молодой семьи в формировании человеческого капитала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 297–302.

4. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

5. Информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 декабря 2019 г. «Итоги года: поддержка семей с детьми и социальное обслуживание населения». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73281165/> (Дата обращения 20.06.2020).

6. Тасс. Минтруд: более 900 тыс. семей воспользовались средствами материнского капитала в 2019 году. 02.03.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7876799> (Дата обращения 20.06.2020).

7. Федеральный закон от 01.03.2020 N 35-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала".

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ БЕЛГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД***
**ER-REGIONAL MIGRATION COMMUNICATIONS
OF THE BELGOROD REGION IN THE POST-SOVIET PERIOD**

О.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова
*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

Т.А. Фадеева
*Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

O.L. Rybakovsky, N.I. Kozhevnikova
*Institute for Demographic Research,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow*

T.A. Fadeeva
*Institute of Socio-Economic Studies of Population,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
Russian Academy of Sciences, Moscow*

Раскрыта демографическая и более детально межрегиональная миграционная ситуация, сложившаяся в Белгородской области в постсоветский период. Выявлены характер, направленность межрегиональной миграции, а также наиболее тесные миграционные партнеры региона внутри страны.

The demographic and in more detail inter-regional migration situation that has developed in the Belgorod region in the post-Soviet period is disclosed. The nature, direction of interregional migration, as well as the closest migration partners of the region within the country are revealed.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, демографическая ситуация, результативность и теснота миграционных связей

Keywords: interregional migration, demographic situation, productivity and tightness of migration ties

Белгородская область – один из немногих регионов России, успешно развивающихся социально-экономически и демографически, не имея при этом каких-либо федеральных преференций либо нефтегазоносных ресурсов. Это происходит вопреки действию центробежных миграционных сил, оттягивающих всё население страны в три основных «миграционных магнита» (Московский регион (г. Москва + Московская область), Ленинградский регион

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-011-00626

(Ленинградская область + г. Санкт-Петербург) и Краснодарский край) [1, с. 189-227].

Секреты данной успешности кроются как в субъективном факторе (губернатор Е.С. Савченко с 1993 г.), так и выгодном географическом положении (половина границ области приходится на Украину) и континентальном мягком климате вкупе с плодородной почвой.

Действенная социально-экономическая политика позволяет региону не только удерживать лидирующие позиции по производству зерновых, свинины и птицы, но сохранять при этом низкий прожиточный минимум, стоимость потребительской корзины. Всё это привлекает в область население из смежных украинских территорий и из многих регионов России, прежде всего, Дальнего Востока, Сибири и Европейского Севера.

При негативных демографических тенденциях, как по РФ в целом, так и по ЦФО, за постсоветский период с конца 1991 г. до начала 2020 г. постоянное население Белгородской области увеличилось с 1,40 до 1,55 млн. человек [2]. Данный рост суммировался из двух противоположных процессов: естественной убыли населения, составивший за 28 лет 0,21 млн. человек, и миграционного прироста (0,35 млн. человек).

Как и в большинстве равнинных регионов Европейской части России весь постсоветский период (до 2020 г.) в Белгородской области имела место депопуляция, относительные потери от которой за 28 лет составили 14% от средней численности населения за период и были (в относительной форме) минимальными по ЦФО (не считая г. Москвы).

Миграционный прирост населения Белгородской области складывался на 3/5 из межгосударственного и на 2/5 – из межрегионального обмена населением (215 и 138 тыс. человек соответственно за 28 лет). При более детальном рассмотрении межрегиональных миграций Белгородской области вырисовывается следующая картина. При близком к равноценному итоговому межрегиональному миграционному обмену населением с другими территориями страны Белгородская область имела три группы принципиально различных тесных межрегиональных миграционных партнеров.

Первая группа – это три основных миграционных магнита страны (5 регионов). В миграционном обмене с ними Белгородская область теряла и продолжает терять население. Только за последние 5 лет (2015 – 2019 гг.) миграционная убыль региона в первые миграционные магниты страны составила 19 тыс. человек, в т.ч. в Московский регион 14 тыс. человек.

Вторая группа тесных межрегиональных миграционных партнеров Белгородской области – это смежные и соседние регионы, прежде всего, Центрально-Черноземного экономического района России, Воронежская и

Курская области, из частей которых в начале 1950-х гг. Белгородская область и была образована. Хотя до этого исторически данная территория имела самостоятельное существование либо входила в состав более крупных административно-территориальных образований царской России.

Коэффициенты тесноты миграционных связей Белгородской области с двумя данными территориями были и остаются максимальными по всему массиву миграционных связей Белгородской области [2, 3]. Коэффициенты интенсивности межрегиональных миграционных связей (КИМС) прибытий в 1966-1969 гг. были выше средних по массиву: для Курской области – в 11,5 раз, для Воронежской – 7,8 раз [4].

Миграционные индексы пространственной структуры (МИПС) оборота в 2015-2019 гг. были выше средних по массиву – для Курской области в 12,9 раз, для Воронежской – в 7,7 раз [5]. Таким образом, по истечении 50 лет теснота миграционных связей между тремя данными регионами Центрально-Черноземного экономического района принципиально не меняется.

Результативность миграционного обмена между тремя областями была близка к равноценной все 28 постсоветских лет. При этом наблюдался небольшой отток населения из Курской области в Белгородскую, а в последние годы – из Белгородской области в Воронежскую область.

Менее тесный, но также равноценный обмен населением с Белгородской областью имеют Липецкая, Брянская, Тульская и Калининградская области.

Третья группа тесных межрегиональных миграционных партнеров Белгородской области – это регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Европейского Севера: Магаданская область (МИПС прибытий за 2015-2019 гг. – в 5,8 раз выше среднего), Чукотский автономный округ (4,1), Камчатская область (3,6), Республика Коми (3,3), Ямало-Ненецкий автономный округ (3,1), Республика Саха – Якутия (2,6); Мурманская, Сахалинская и Архангельская области (2,3 2,0 и 1,7 соответственно); Красноярский край (1,6).

За 2015-2019 гг. Белгородская область имела миграционный прирост в обмене населением с данными территориями, в сумме превышающий 10 тыс. человек.

С другими локальными миграционными реципиентами юга России, такими как Ставропольский край и Ростовская область, Белгородская область имела за 28 лет умеренную миграционную связь и близкий к равноценному миграционный обмен населением.

Из межрегиональных миграционных связей Белгородской области с другими регионами можно выделить обмен населением с Республикой Ингушетия в последние годы. В Белгородскую область активно прибывает население из Магаданской области, а убывает в Республику Ингушетия. Можно

предположить, что связь Белгородской области с Республикой Ингушетия имеет опосредованный «транзитный» характер, так как миграционная связь между Магаданской областью и Республикой Ингушетия – одна из самых высоких для данных регионов.

Список литературы

1. Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014. 383 с.
2. База данных Росстата [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/>.
3. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века и миграционные связи его регионов // Народонаселение. 2019. № 3. С. 4–14.
4. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.
5. Рыбаковский О.Л. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. М.: Экон-Информ, 2008. 287 с.

МИГРАЦИЯ КАК РЕСУРС ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ* MIGRATION AS A RESOURCE FOR DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

С.В. Рязанцев

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

S.V. Ryazantsev

*The Institute of Demographic Research,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Научной проблемой исследования является выявление особенностей современного этапа и перспектив демографического развития и вклада миграции в формирование численности населения и трудовых ресурсов. Россия как принимающая страна пока не извлекает в полной мере демографических выгод из существования Евроазиатского миграционного коридора. Миграционная политика страны остается достаточно жесткой и неадекватной демографической ситуации.

The scientific problem of the study is to identify the features of the current stage and the prospects of demographic development and the contribution of

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Советом по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант № НШ-2631.2020.6)

migration to the formation of the population and labor resources. Russia, as a host country, has not yet fully benefited from the demographic advantages of the Eurasian migration corridor. The country's migration policy remains quite tough and inadequate in the demographic situation.

Ключевые слова: демографическая ситуация, депопуляция, иммиграция, демографическая политика, миграционная политика, Россия

Keywords: demographic situation, depopulation, immigration, demographic policy, migration policy, Russia

Прогнозы ООН и Росстата свидетельствуют, что численность населения России в ближайшей перспективе будет снижаться. На начало 2020 г. в стране проживало около 147 млн. человек, что соответствовало девятому месту в мире. Однако прогнозы показывают, что численность российского населения в перспективе будет сокращаться. Например, по прогнозу Департамента народонаселения ООН, к 2050 г. численность населения России составит 129 млн. человек. Это означает, что Россия перейдет во вторую десятку стран мира по численности населения.

Действительно, сокращение численности населения для России будет иметь серьезные геополитические и экономические последствия, учитывая близость и общую границу с населенным Китаем. Прежде всего, достаточно сложно будет развивать и удерживать приграничные территории на Дальнем Востоке, которые теряют население в результате миграции. Процесс активного сокращения численности населения в восточной части государства можно назвать «демографическим сжатием России на Востоке». Максимальные потери населения между переписями 2002 и 2010 гг. понесли Магаданская и Камчатская области, хотя в аналогичной ситуации оказались и многие регионы, расположенные в центральной России (за исключением Московского региона и Белгородской области), в Поволжье и на Урале. Кроме того, происходят потери населения в малых городах и сельских населенных пунктах, усугубляется дефицит трудовых ресурсов, сокращается число абитуриентов в вузах и призывников для армии, сокращается доля детей и молодежи и возрастает доля пожилого населения в общей структуре населения. В этих условиях России необходима активизация демографической и миграционной политики, которые будут ориентированы на пополнение численности населения за счет различных источников, в том числе трудовой миграции.

Россия стала одной из крупнейших стран по приему мигрантов в Евразийском пространстве. Предпосылками масштабной и активной трудовой миграции в данные государства являются демографические тренды, растущие потребности в трудовых ресурсах и относительно успешное экономическое

развитие страны. Ключевыми донорами рабочей силы являются в настоящее время государства Центральной Азии. Между странами региона, с одной стороны, Россией и Казахстаном – с другой, сформировался Евразийский миграционный коридор, который является в настоящее время одним из крупнейших в мировом масштабе. Основу данного миграционного коридора составляет именно трудовая миграция, в которой участвует, по разным оценкам, от 2,7 до 4,2 млн. человек, что составляет от 10% до 16% экономически активного населения региона [1]. Для российской экономики трудовая миграция из стран Центральной Азии имеет огромное экономическое значение. Прежде всего, трудовая миграция из стран Центральной Азии остается для российского рынка труда важным источником пополнения трудовых ресурсов, пополняет население регионов и населенных пунктов. По экспертным оценкам, трудовые мигранты производят около 8% ВВП России, в том числе 2/3 ВВП может приходиться на выходцев из стран Центральной Азии.

Трудовые мигранты, несмотря на временность своего положения в стране, вносят существенный вклад в демографические процессы в России. Они сокращают дефицит трудовых ресурсов, стимулируют развитие некоторых отраслей экономики, пополняют население регионов и населенных пунктов в России, где происходит депопуляция [1]. Например, в 2001-2016 гг. более 2 млн. граждан стран Центральной Азии стали российскими гражданами. Многие из них, будучи трудовыми, возвратными и учебными мигрантами, беженцами, существенно дополнили демографический и трудовой потенциал России. В результате масштабной эмиграции сформировались многочисленные диаспоры из государств Центральной Азии в России, которые играют существующую экономическую и социокультурную роль в развитии всего Евразийского региона. Объемы денежных переводов от мигрантов в страны Центральной Азии в 2018 г. составили 59 млрд. долл. США [2]. Например, таджикская диаспора сделала Таджикистан лидирующей страной в мире по доле денежных переводов в структуре ВВП страны. Вклад денежных переводов мигрантов в экономику Таджикистана в 2008 г. достиг максимума, 4,8 млрд. долл. США, что составило 49% ВВП страны. В 2018 г. объем денежных переводов мигрантов составил 2,8 млрд. долл. США, или около 29% ВВП страны [3].

Согласно данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, в 2019 г. было зафиксировано около 3,9 млн. человеко-регистраций в России граждан стран Центральной Азии по месту пребывания с целью осуществления трудовой деятельности. Большинство из них приходилось на граждан Узбекистана – 2,1 млн., Таджикистана – 1,2 млн. и Киргизстана – 450 тыс. регистраций. В 2019 г. было выдано 1,6 млн. патентов гражданам стран

Центральной Азии, в том числе гражданам Узбекистана – 1,1 млн. и 530 тыс. – гражданам Таджикистана. При этом отметим, что российские работодатели отправили в МВД России только 1460 тыс. уведомлений о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами. Возможно, что существенная разница (2,4 млн.) между количеством регистраций по месту пребывания и уведомлениями о заключении трудового договора связана с описанными выше причинами [4]. Разница между выданными разрешительными документами и уведомлениями работодателями составила около 130 тыс.

По данным МВД, перед началом пандемии COVID-19 на 1 апреля 2020 г. в России общая численность трудовых мигрантов составила 4,17 млн. человек [5]. Учитывая, что на мигрантов из стран Центральной Азии приходится около 76% всей совокупности трудовых мигрантов в России, *к началу пандемии на территории России могли находиться около 3,2 млн. документированных трудовых мигрантов из стран Центральной Азии.* Кроме того, около 2,5 млн. трудовых мигрантов были заняты в неформальном и теневом секторе российской экономики, не имея регистрации и письменного контракта, лишены паспортов, ограничены в свободе передвижения, жили в местах работы и не возможности выходить за пределы стройки или предприятия. Многие мигранты происходят из стран Центральной Азии – возможно, *их численность могла составлять около 1,9 млн. недокументированных мигрантов* [6].

Требуется усиление направления миграционной политики, связанного с привлечением трудовых мигрантов как ресурса демографического развития. Несмотря на временность пребывания в принимающих странах, многие трудовые мигранты переходят в категорию постоянных жителей России. Россия как основная принимающая страна, пока не извлекает в полной мере демографических плюсов от существования Евроазиатского миграционного коридора. Миграционная политика страны остается достаточно жесткой и неадекватной демографической ситуации. Страна испытывает новую волну депопуляции с 2016 г. И хотя на государственном уровне вроде бы декларируется подход, что миграция должна быть одним из ресурсов развития, в самой системе миграционной политики, в ее механизмах и инструментах реализации сохраняется множество препятствий для интеграции мигрантов, в том числе мигрантов из стран Центральной Азии – основного региона-донора. Казахстан, хотя пока и не столкнулся с демографической проблемой в таком виде, как Россия, но уже сейчас в прагматических интересах может рассматривать трудовую миграцию как ресурс будущего развития.

Россия как принимающая трудовых мигрантов страна должна сделать упор в своей миграционной политике на интеграцию части трудовых мигрантов в принимающее общество: снять административные бюрократические

«барьеры» на пути получения разрешения на работу, на временное проживание, вида на жительство, гражданства для необходимых категорий мигрантов (студенты, аспиранты, ученые, специалисты высокой квалификации и редких профессий, менеджеры высокого уровня, деятели культуры и искусства, спортсмены, бизнесмены, инвесторы); обеспечить возможность получения разрешения на временное проживание, вида на жительство и гражданства для мигрантов и трудовых мигрантов, длительное время (более пяти лет) находящихся на территории России (при наличии доказательств работы и уплаты налогов или при желании выплатить налоги за указанный период в случае их неуплаты ранее). На практике это будет означать проведение кампании по легализации иммигрантов, которые не нарушали законов, работали продолжительное время и фактически интегрированы в принимающее общество; обеспечить реализацию программ интеграции в российское общество мигрантов, легально находящихся на территории страны, через государственное финансирование проектов различных образовательных, культурных, научных учреждений, грантов для неправительственных организаций (бесплатное обучение русскому и казахскому языку, правовая поддержка мигрантов, культурные проекты); обеспечить бесплатный доступ детей трудящихся-мигрантов, находящихся в стране, в общеобразовательные школы.

Список литературы

1. Рязанцев С.В. Трудовая иммиграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 718-729. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/economics/article/view/20764/16762>.
2. Дубов Г. Всемирный банк сообщил о рекордном объеме переведенных мигрантами средств. 09.04.2019 г. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2019/5cab3569a794703bec9306e>.
3. Данные Всемирного Банка. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org>.
4. Статистические сведения по миграционной ситуации. Данные Главного управления по вопросам миграции МВД России. Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/2/>
5. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в РФ на этапе закрытия границ // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 7 (109). С. 14-19. Режим доступа: https://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_7-109_April-1.pdf
6. Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105-111. DOI: 10.7868/S0132162518010117.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ВКЛЮЧЕННЫЕ В ТРАНСФОРМАЦИЮ
ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЬИ**
**SOCIAL PROCESSES INCLUDED IN THE TRANSFORMATION
OF TRADITIONAL FAMILY VALUES**

Л.И. Савинов

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск

L.I. Savinov

Ogarev Mordovia State University, Saransk

Трансформация семейных ценностей увязана с глобальными социальными процессами. Подчеркивается роль институтов государства, образования, медицины в изменениях в современной российской семье.

The transformation of family values is linked to global social processes. The role of state institutions, education, medicine in the changes in the modern Russian family is highlighted.

Ключевые слова: семья, семейные традиции, новые подходы к семейно-демографической политике

Keywords: family, family traditions, new approaches to family and demographic policy

Традиционные семейные ценности имеют глубокие социально-биологические корни, и многовековой процесс их формирования происходил в противоречивых условиях. Любое живое сообщество в целях продолжения своего существования должно воспроизводить себя. Человечество посредством эволюции закрепило решение задачи своего воспроизводства за семьей. Закрепление шло длительно, поскольку обществу необходимо было отрегулировать отношения между полами.

В процессе регулирования отношений между полами, по мнению А.П. Скрипника, «общество должно было обеспечить появление как можно более здорового жизнеспособного потомства и, вместе с тем, дать возможность удовлетворить сексуальные влечения каждому индивиду» [1, с. 46]. Супружеские гетеросексуальные отношения и воспроизводство потомства можно отнести к первым традиционным ценностям семьи, процесс формирования которых проходил в определенных условиях в течение нескольких тысячелетий, и данные ценности есть результат этих условий. «Определенные условия» включали в себя наличие многопоколенной семьи и развитие родственных связей (родство). Вырастить нескольких детей одной супружеской паре практически было невозможно.

В обществе была сформирована целая система взаимосвязанных и взаимозависимых условий и семейных ценностей традиционного общества. Причем одно и то же социальное явление (например, родство) выполняло роли и значимой ценности, и условия. Такая диалектика взаимосвязей была сформирована в традиционной семье. Наличие взаимосвязи, с одной стороны, способствовало функционированию семьи как института и малой группы, а с другой стороны, все это являлось необходимостью, поскольку реализовывались насущные социально-биологические потребности и самого общества, и индивида.

К основным традиционным семейным ценностям, сформированным социокультурой в XIX–XX веках, относятся: дети, родители, родство, супружество. Вступая в гетеросексуальные отношения, мужчины и женщины постоянно воспроизводят, благодаря рождению детей, всю систему семейных ценностей.

Конкретизировать современные социальные процессы, участвующие в трансформации традиционных ценностей семьи, будет более понятным и логичным, если мы начнем с наиболее общих процессов.

Современный глобализм против многих традиций, в том числе против традиционных ценностей семьи, поскольку они противостоят быстрым изменениям, связанным с проникновением глобализма в экономику, политику, этническую культуру и религию.

Процесс распространения индустриализации довольно быстро предъявил свои требования к семье, и в результате распространение традиционных семейных ценностей значительно территориально сузилось. Сегодня в индустриальных обществах практически отсутствуют многопоколенные семьи, мало многодетных семей, нормой стала небольшая семья (нуклеарная), которая включает родителей и одного или двоих детей. Процесс урбанизации идет параллельно индустриализации, однако, влияние городской субкультуры на трансформацию традиционных ценностей семьи происходит медленнее. Городскому образу жизни семьи присущи и сегодня родственные отношения и родственная взаимопомощь. Тем не менее, и городская семья настойчиво избавляется от традиционных ценностей и стремится к партнёрскому типу семьи.

Образование обладает многофакторным влиянием на традиционные семьи. Традиционная семья в недалеком прошлом сама была частью института образования. С развитием школьной и дошкольной систем образования, с появлением различных секций и кружков, а также с перенесением места трудовой занятости родителей с территории семьи на внесемейные территории семейные школы быстро стали сокращаться. Конечно, отдельно нужно

отметить фактор трудозанятости женщин в сфере производства. Работа женщины на производстве усложняет реализацию ценностей семьи.

Достижения медицины в области предотвращения рождаемости привели к росту свободы молодежи в сфере сексуальных отношений, что долгое время было под запретом в традиционной субкультуре брака.

Государство как в прошлом, так и сегодня, в зависимости от идеологии, религии, этнических традиций и экономического благополучия занимает само по себе не всегда однозначную позицию по отношению к традиционным семейным ценностям. В качестве примеров из прошлого можно указать на Древний Рим и Грецию, где свободным гражданам – мужчинам позволялось многое. В современной России традиционные ценности чтят в Республиках Северного Кавказа, а в большинстве регионов страны и особенно в крупных городах их значимость, особенно для молодежи, существенно изменилась. Анализ традиционных семейных ценностей необходим для понимания истории вопроса, его содержания, сущности.

Мы полагаем, что традиционные ценности семьи имеют глубокие социально-биологические корни. Это означает, что они достойны более тщательного изучения.

Сбережение народа России сегодня является основной задачей. С этой задачей страна не справляется уже 30 лет. Российский народ принял поправку в Конституцию РФ в области защиты традиционных семейных ценностей, прав и свобод человека и гражданина. Жизнедеятельность семьи и ее будущее – проблема геополитического масштаба для России. Обобщая многие варианты решения проблемы сбережения народа, необходимо дать убедительные ответы на следующие вопросы:

1. Какова ресурсная база нашей экономики?
2. Если нет сплочённости в обществе, то как нам быть единым народом?
3. Есть ли будущее у России, когда тысячи детей подвергаются насилию и убийствам?

Ученые в России уделяют должное внимание и семье, и ее изменениям. В области социологии семьи хорошо известны школы А.И. Антонова, М.С. Мацковского и А.Г. Харчева. Сегодня полнокровно действующая школа социологов работает в Нижнем Новгороде (возглавляет проф. З.Х. Саралиева). Работы представителей школы отличает удивительная способность сочетать теорию и практику, традиции и инновации, взвешенное отношение к отечественному и зарубежному опыту. Исследователи во многих работах рассматривают и анализируют значимость и динамизм ценностей семьи [2].

В этой сложной ситуации необходимо надеяться на профессионалов. Семейно-демографическая политика нуждается в новых подходах.

Список литературы

1. Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. Политиздат, 1992. 351 с.
2. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. Выпуск 2 (34). С. 118-123.; Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е. Молодая семья в контексте социологии семьи // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. № 3-4. С. 195-206.; Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национально исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56-71.

РОЛЬ СЕМЬИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ **THE ROLE OF THE FAMILY IN THE EDUCATIONAL SPACE: THE AXIOLOGICAL ASPECT**

Т.В. Свадьбина, М.В. Жаркова
*Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород*
T.V. Svadbina, M.V. Zharkova
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod

Рассматриваются роль и значение семьи в организации воспитательного пространства с позиций ценностного осмысления проблемы. Представлен теоретический обзор имеющихся точек зрения по вопросам роли семьи в воспитании подрастающих поколений. Семья показана как активный субъект в организации воспитательного пространства, обладающая высоким общественным назначением и смыслом формирования нового поколения.

The article discusses the role and importance of the family in the organization of educational space from the perspective of value understanding of the problem. A theoretical overview of the existing points of view on the role of the family in the upbringing of younger generations is presented. The family is shown as an active subject in the organization of educational space, which has a high social purpose and the meaning of forming a new generation.

Ключевые слова: семья, воспитательное пространство, духовно-нравственные ценности, патриотизм

Keywords: family, educational space, spiritual and moral values, patriotism

Долгожданной приметой нового мышления и осознания важности духовно-нравственного возрождения страны явились, безусловно,

государственные программы последних пяти-восьми лет по модернизации общего и дополнительного образования в России, Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 года, Национальный проект «Образование».

В социальном пространстве двух воспитательных институтов (семьи и школы) закреплены равенство миссии и ответственности за подрастающее поколение, однако, воспитание как целенаправленный процесс, подразумевающий приобщение человека к лучшим традициям и ценностям культуры и общества, начинается в семье.

«Ввиду существующих в обществе вызовов, в противоречие вступают также семья и школа, без единения которых в вопросе традиционных базовых ценностей сформировать эти ценности невозможно» [1, с. 102-109] и залогом успеха духовно-нравственного возрождения российского общества является не только отсутствие таких противоречий. Нужна целенаправленная, начиная с государственного уровня, работа по возрождению историко-культурной традиции семейного воспитания, которое обладает рядом преимуществ по сравнению со школой и другими агентами социализации и воспитания. На эту особенность семейного воспитания указал выдающийся русский мыслитель В.В. Розанов: «Семья остается истинной школой. Все же в семье больше любви. Все здесь теплее и интимнее, хоть чуть-чуть правдивее. Семья ... более, чем школа, способна привить одухотворенность, патриотизм и религиозность, так как сама цель обретения личностью этих свойств глубоко осмысленна [2, с. 220-223].

Идее преимущества духовно-нравственного воспитания в семье глубоко созвучна концепция другого видного русского философа-гуманиста, М.М. Бахтина, о необходимости довести нравственные нормы до уровня нравственной философии. Безнравственный поступок, продиктованный биологической или экономической мотивировкой, является, по его мысли, свидетельством личностной деградации человека, а также показателем кризиса социальных институтов общества и цивилизации в целом [3, с. 60-68].

Аксиологический компонент (ценности, которые лежат в основе воспитательных действий субъекта, а также ценности, транслируемые подрастающему поколению) является высшей точкой при создании и развитии модели воспитательного пространства, раскрытой Д.В. Григорьевым [4].

Следующим бесспорным преимуществом семейного воспитания является освоение индивидом не только культуры, ценностей и норм социума, но и восприятие, сохранение и дальнейшая трансляция социального опыта нескольких поколений, чья жизнедеятельность в обобщенном и концентрированном виде определила утвердившийся тип общественного развития и судьбу России (согласно теории Л.Н. Гумилева) [5].

Исходя из трех выше обозначенных предпосылок (семья – открытая система с гарантированной априори индивиду любовью и защищенностью; семья – субстанция нравственной философии; семья – носитель и транслятор социального опыта народа), можно обозначить два уровня формирования и развития потенциала семейного воспитания.

На макроуровне семья органически включена в социокультурную систему общества и призвана обеспечить сохранение и трансляцию последующим поколениям базовых ценностей, без которых, как отмечал П.А Сорокин, невозможно обеспечить интеграцию и консолидацию граждан страны. «В семье эти ценности принимают характер «особенных», сочетая в себе «социальные» и «очень личные», «индивидуальные», идущие от сердца» [6, с. 351].

На микроуровне в каждой семье создается свой нравственный кодекс, и человек следует этому кодексу на протяжении всей жизни. Если человек совершает неблаговидный поступок, то окружающие ставят «отрицательную оценку» не столько провинившемуся, сколько его родителям; это он осрамил свой род, запятнал честь своей семьи.

Семья – это еще и опыт проживания единой многонациональной семьей. И этот факт призван формировать в подрастающем поколении уважительное отношение к другой культуре, иной ментальности и национальной психологии.

Семья для детей и молодежи – это модель будущей семьи, предстоящих ролей матери и отца, внутрисемейных ценностей, родственных отношений, кладезь народной мудрости, семейной педагогики.

Семья исполняет главную цель воспитания, и это «не только и не столько целенаправленное воздействие на личность ребенка, сколько организация обустройства вместе с ним жизни, самостроительство в процессе созидания», – отмечала Н.Л. Селиванова. [7, с. 11]

Великий русский философ И.А. Ильин так оценивал роль семейного воспитания: «Воспитать ребенка – значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания. Родители, которые приняли эту задачу и творчески разрешили ее, подарили своему народу и своей Родине новый духовный очаг, они осуществили свое духовное призвание, оправдали свою взаимную любовь и укрепили, обогатили жизнь своего народа на земле, они сами вошли в ту Родину, за которую стоит бороться и умереть [8, с. 191].

Таким образом, нравственное, духовное, гражданско-патриотическое и трудовое воспитание, закладываемое в семье, является важнейшим условием нормального развития страны и духовно-нравственного возрождения российского общества.

Вместе с тем, приходится признавать наличие определенных проблем и противоречий в семейном воспитании, которые обусловлены общественно-политическими процессами девяностых годов XX века и не преодолены до настоящего времени: смена парадигмы политико-экономического развития российского общества, переход к «обществу потребления» и смена ценностных полюсов с «духовных» на «материальные»; резкая девальвация базовых национальных ценностей, разрыв межпоколенческой коммуникации преемственности ценностей и идеалов; распространение так называемой аберрации – поведения, демонстративно попирающего цивилизованные правила и нормы межличностного и общественного поведения.

Отрадно, что с провозглашением курса социально ориентированного государственного устройства кардинально изменилась и вся стратегия социокультурного и национально-патриотического развития и воспитания молодежи с акцентом на возрождении традиций и межпоколенных духовно-нравственных ценностей.

Но противоречия в семейном воспитании имеют место быть, и главное из них, как указывает нижегородский социолог Д.Ю. Вагин, состоит в том, что старшее поколение знает о базовых ценностях, но в повседневной жизни ими не руководствуется; а с другой стороны, молодежь «понимает» эти ценности, но считает их «бесполезными», не способными обеспечить материальный успех и карьерное продвижение [9].

Задача духовно-нравственного возрождения российского общества предполагает максимальное объединение усилий для создания глобального воспитательного пространства и остается достаточно сложной.

Из концепции создания воспитательного пространства П.В. Степанова [10], согласно которой заключительным этапом является создание условий для реализации ребенком, педагогом, родителями и другими участниками воспитательного пространства своей субъектной позиции, следует, что когда такие условия созданы, субъекты воспитания начинают создавать и качественно изменять само воспитательное пространство. Мы должны вырастить поколение, способное продуцировать в дальнейшем семью как развитый в духовно-нравственном аспекте субъект, обладающий необыкновенной мощью, даже просто вследствие того, что сама семья представляет собой полисубъектное воспитательное микропространство. Роль семьи как активного субъекта воспитательного пространства, обладающего высоким общественным назначением и смыслом формирования нового поколения, свято верящего в процветание родного Отечества, бесспорна. Оптимальное использование потенциала семейного воспитания предполагает

кропотливую, обдуманную, реальную, без формализма, работу с детьми и молодежью.

Список литературы

1. Свадьбина Т.В., Жаркова М.В. Освоение базовых национальных ценностей учащейся молодежью (из опыта социального партнерства школы и семьи в Нижнем Новгороде) // Современные исследования социальных проблем. 2019. № 5-2. Т. 11. С. 102–109.

2. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.

3. Бахтин М.М. К философии поступка. Собр. сочинений. Т. 1 философская этика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. 957 с.

4. Григорьев Д.В. Перспективы развития теории воспитательных систем. // Научное наследие академика Л.И. Новиковой: классика и современность: Сборник материалов I областных новиковских чтений, 14-15 марта 2007 г., Тула / Под. Ред. А.И. Григорьевой; Сост. Л. В. Заика. Тула: ИПК и ППРО ТО, 2008. 149 с.

5. Гумилев Л.Н От Руси до России. М.: 1997. 560 с.

6. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. Пер. с англ. М.: Наука. 1997. 352 с.

7. Научное наследие академика Л.И. Новиковой: классика и современность: Сборник материалов I областных новиковских чтений, 14-15 марта 2007 г., Тула/Под. Ред. А.И. Григорьевой; Сост. Л. В. Заика. Тула: ИПК и ППРО ТО, 2008. 149 с.

8. Ильин И.А. Путь к очевидности: Сочинения. М.: Республика, 1993. 430 с.

9. Вагин Д.Ю. Преемственность поколений в сфере духовно-нравственных ценностей современной молодежи России // Автореферат дис. ... кандидата социологических наук / С.-Петербург. гос. ун-т. Нижний Новгород, 2016. 26 с.

10. Словарь-справочник по теории воспитательных систем / Сост. П.В. Степанов. Изд.2-е, доп.и перераб. М.: Педагогическое общество России, 2002. 33 с.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЬЕ ВОСПИТАНИЦ
ПАНСИОНА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ И СТУДЕНТОК:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**SOCIAL PERCEPTIONS OF THE FAMILY OF BOARDERS
OF THE MINISTRY OF DEFENCE AND FEMALE STUDENTS:
COMPARATIVE ANALYSIS**

В.В. Солодников, И.В. Солодникова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва.

V.V. Solodnikov, I.V. Solodnikova

Russian State University for Humanities, Moscow

Обсуждаются результаты количественного анализа социальных представлений о формах семьи у девушек (воспитанниц Пансиона министерства обороны РФ) на основе сравнения с восприятием семьи девушками-студентками.

The article contains the discussion on the results of quantitative analysis of social image about forms of a family among teenage girls (students of the Ministry of Defense Boarding School). The data is compared to the compatible data from female university students.

Ключевые слова: социальные представления, (не)семейные формы общностей

Keywords: social representations; (non)family forms of communities

Введение

Данный текст представляет собой продолжение сравнительного количественного анализа, предпринятого ранее [1]. Здесь мы более подробно рассмотрим социальные представления студенток и воспитанниц Пансиона Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ) о (не)семейных формах различных общностей.

Сначала приведем ряд соображений, свидетельствующих об актуальности изучения социальных представлений о семье, имеющихся у девушек, не состоящих в браке.

Во-первых, после принятия поправок в Российскую Конституцию (среди которых брак определяется, как союз мужчины и женщины) были инициированы изменения в Семейном кодексе [см. более подробно: 2], подразумевающие, помимо прочего, рассмотрение в качестве родителей только кровных мать и отца, а также запрет усыновления детей лицами одного пола (в том числе при смене пола).

Во-вторых, российские врачи и юристы, сопровождавшие процесс суррогатного материнства для родителей-иностранцев, были обвинены в торговле детьми [см. более подробно: 3].

Наконец, представления о семье молодежи, не состоящей в браке, традиционно привлекали внимание исследователей, поскольку получаемая информация способствовала пониманию формирующихся тенденций брачно-семейного поведения, исходя из постулата этнометодологов: «ситуация воспринимаемая как реальная, реальна по своим последствиям».

Далее отметим основные особенности образа жизни воспитанниц Пансиона МО РФ*, отличные от повседневной жизни школьников и/или студентов.

В Пансионе обучаются дочери военнослужащих (с 5-го по 11-й класс): в настоящее время – более 740 воспитанниц. На каждом учебном курсе – 6 классов (в каждом – не более 20-ти человек).

В Пансионе есть несколько специализаций старших классов, которые подкреплены сотрудничеством с более чем 15 московскими ВУЗами. Специализирующиеся в области журналистики обеспечивают контент для внутреннего телеканала с 16-часовым вещанием. Один из авторов был впечатлен, когда в ходе однодневной научной конференции воспитанниц к её итоговому пленарному заседанию был снят, смонтирован и продемонстрирован документальный фильм о работе различных секций.

В дополнительном образовании (насчитывающем более 50 кружков и секций) заняты все учащиеся, которые помимо этого вовлечены в экскурсионную программу и «живое общение» с учеными, политиками, спортсменами, деятелями культуры и искусства.

На протяжении всего обучения они живут в благоустроенных общежитиях (как правило, в комнатах по два человека) на территории Пансиона. У каждой из них в общежитии есть компьютеризированное учебное место с доступом в Интернет.

Все воспитанницы находятся на полном государственном обеспечении.

В Пансионе создана служба психолого-педагогического сопровождения обучения и жизнедеятельности учащихся.

По окончании школы девушки могут поступать как в военные, так и в гражданские вузы страны.

* Полное название учебного заведения – Федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение «Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации». Оно было создано в 2008 году распоряжением Правительства Российской Федерации от 21.07.2008 г. №1043 р и приказом Министра обороны РФ от 29.07.2008 г. № 3415 [см. более подробно: 4].

Таким образом, воспитанницы живут и учатся в ситуации сильно напоминающей студенческую – вне родительской семьи (немосквички как правило навещают родителей два раза в год, в каникулы) и получают «стипендию» (в размере – 1300 руб. в месяц, а сироты и отличницы – 2000 руб.). Специфическими особенностями их стиля жизни являются гомогенный гендерный и (относительно) возрастной состав обучающихся, изолированная охраняемая территория кампуса, служба как минимум одного из родителей в Министерстве обороны РФ, которое оказывает активную спонсорскую поддержку Пансиона и прилагает специальные усилия по формированию гражданской идентичности «пансионеров».

В качестве эмпирического объекта исследования выступили 85 воспитанниц Пансиона, обучающиеся в 10-м классе (т.е. на момент опроса девушки уже шестой год учились и жили в Пансионе) различной специализации. В декабре 2018 г. был проведен групповой письменный опрос с использованием ранее разработанного [5] и апробированного [6] инструментария.

Продолжительность опроса варьировала в пределах 20-30 минут. Из последующей обработки результатов, вследствие пропуска значительного количества вопросов, были исключены 6 анкет. Дальнейшей количественной обработке подверглись 79 анкет.

Средний возраст опрошенных воспитанниц – учениц 10 класса составил 15,8 лет.

Для сравнения использовались результаты опроса (проведенного в 2015 г.) девушек-студенток трех факультетов гуманитарного ВУЗа, учащихся третьего-пятого курса (№=84, средний возраст – 20,8 лет)*,

Результаты и их обсуждение

Сначала обратимся к тем общностям, которые уверенно относятся воспитанницами Пансиона и студентками к семье (с превышением 4-балльной средней оценки 6-балльной шкалы) [см. более подробно: 1; 6].

Обращает на себя внимание (табл. 1) примечательный факт: несмотря на тождество рангов некоторых форм семьи (№ 1 и 3), оценки студенток статистически значимо выше, то есть биологическое родство ценится студентками более высоко. Аналогично их стремление рассматривать прародителей и внуков (с родителями или без них) в качестве семьи (№ 9 и 11). Даже биологическая мать (с отчимом) и детьми (№ 2 и 4), несмотря на более высокий ранг воспитанниц пансиона, студентками более уверенно рассматривается как семья (в последнем случае – статистически значимо).

* Исходная матрица данных исследования [6] была скорректирована и отобраны только результаты девушек.

Т а б л и ц а 1

Наиболее явные формы семьи (ТОП-10)

№	Воспитанницы пансиона (ВП)		Студентки (С)		Статистическая значимость различий*
	Ранг	Форма семьи	Форма семьи	Ранг	
1	1	Два биологических родителя и дети		1	0.05
2	2	Биологическая мать с детьми		5	-
3	3	Биологический отец с детьми		3	0.05
4	4	Биологическая мать, отчим и дети		6	0.05
5	5	Двое приемных родителей и их дети		4	0.05
6	6	Биологический отец, мачеха и дети		8	Близко к 0.05
7	7	Супружеская пара без детей		7	Близко к 0.05
8	8	Биологическая мать, отец мужа (свекор) и дети	-	-	-
9	9	Прародители, их взрослые дети и внуки		2	0.001
10	10	Взрослые брат/сестра, воспитывающие младших сиблингов		10	-
11	-	-	Прародители, воспитывающие внуков	9	0.05

*Оценки параметров семьи у студенток всегда выше.

Только общности, состоящие из биологической матери, свекра и детей (№ 8), оценивается пансионерками выше (но статистически незначимо).

Т а б л и ц а 2

Формы семьи (упорядоченные по значимости различий*)

№	Воспитанницы пансиона	Студентки	Статистическая значимость различий**
1	Биологическая мать, отчим и дети		0.001
2	Прародители, их взрослые дети и внуки		0.001
3	Два биологических родителя и дети		0.01
4	Двое приемных родителей и их дети		0.01
5	Биологический отец с детьми		0.01
6	Прародители, воспитывающие внуков		0.01
7	Супружеская пара без детей		Близко к 0.05
8	Биологический отец, мачеха и дети		Близко к 0.05
9		Мачеха, отчим и дети	0.01
10		Биологическая мать, отчим и дети	0.01
11		Тетя, воспитывающая племянника(цу)	0.01
12		Дядя, воспитывающий племянника(-цу)	0.01
13		Однополая пара с биологическими детьми	Близко к 0.05
14		Мачеха с детьми	Близко к 0.05

*б-балльная шкала, где «б» – «это точно семья». Приведены формы семьи, получившие средние оценки выше «4» и статистически значимо отличающиеся в двух выборках.

**Везде оценки студенток выше.

Более высокая субъективная значимость кровных уз для студенток вновь подтверждается наиболее статистически значимыми различиями в оценках

первых двух общностей (табл. 2). Эта тенденция сохраняется применительно к другим общностям, признаваемым студентками в качестве семьи (см. п.п. 3-6 и 11-13). Но и социальное родительство (иногда в комбинации с биологическим) студентками тоже оценивается выше (см. п.п. 4, 8-10 и 14). Примечательно, что бездетная супружеская пара всеми девушками признается семьей при отсутствии значимых различий. Наконец, таких общностей, по оценкам пансионеров, только 6, а для студенток – 14.

Еще более резкими и зеркально противоположными являются представления двух групп девушек об общностях, уверенно относимых ими к Несемейным формам (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Несемейные формы общностей*

№	Воспитанницы пансиона	Студентки	Статистическая значимость различий**
1	Группа (офисных) сотрудников		0.001
2	Коммуна		
3	Пожарная станция с персоналом		
4	Проживающие в приюте или временном убежище		
5	Соседи по комнате (в общежитии), не связанные романтическими отношениями		
6	Учащиеся на занятиях школе/колледже		
7	Члены общественной организации или местного самоуправления (экологи, товарищества собственников жилья...)		
8	Спортивная команда		
9	Старые друзья		
10	Студенческое братство		
11	Армейское подразделение		

*Приведены несемейные формы общностей, получившие средние оценки ниже «3» (где «1» – «это точно не семья») и статистически значимо отличающиеся в двух выборках.

**Везде оценки воспитанниц пансиона выше, т.е. общности рассматриваются как более «семьеподобные». Последние 4 формы общностей у них занимают промежуточное положение между семейными и несемейными (средние оценки варьируют в пределах от 3 до 4 баллов).

Во-первых, здесь оценки студенток всегда более категоричны при высокой статистической значимости различий.

Во-вторых, четыре общности (п.п. 8-11) приближаются к введенной границе признания воспитанницами пансиона в качестве семьи. Все они являются специфичными и, на наш взгляд, связанными с особенностями образа жизни воспитанниц пансиона.

Таким образом, применительно к восприятию общностей, относимых к несемейным, критерии воспитанниц пансиона оказываются более «мягкими», и ряд «квази» семейных форм (учебный класс, спортивная команда, друзья...) начинают занимать промежуточное положение между семьей и не-семьей.

В целом студенткам присуща более выраженная категоричность оценок, в результате чего большее количество общностей уверенно относится и к семейным, и к несемейным формам.

Выводы

- В настоящее время следует осторожно предположить, что особенности жизнедеятельности воспитанниц Пансиона сближают их социальные представления о семье со студентками московского ВУЗа. Но при этом в представлениях воспитанниц, с одной стороны, сильнее акцентируются в качестве конституирующих признаков семьи отношения кровного родства и порождения. А, с другой стороны, воспитанницы, «смягчают» критерии семьи, относя к ней более широкий круг различных социальных, квазисемейных общностей, что более характерно для американской студенческой подвыборки [5].

- Вместе с тем анализ полученных данных о социальных представлениях о семье воспитанниц Пансиона носит предварительный характер. Если рассматривать предпринятое сравнение в качестве «квазиэкспериментальной» процедуры, то независимая переменная оказывается двойственной: особенности образа жизни студенток/пансионеров и разница в возрасте между ними. В дальнейшем планируется эту двойственность устранить.

Список литературы

1. Солодников В.В., Солодникова И.В. Идентичность личности и социальные представления о семье воспитанниц пансиона МО РФ // Традиции и инновации гражданского воспитания в современном образовательном пространстве. – М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр, 2019. С. 39-51.

2. Законопроект об изменении Семейного кодекса. Главное // РБК, 2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/07/2020/5f0debd9a7947bf3f28b64c> (Дата обращения: 25.07.2020).

3. Чернова Н. Незаконнорожденные // Новая газета, 24 июня 2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/24/86392-nezakonnorozhdennye> (Дата обращения: 25.07.2020).

4. Московский кадетский корпус. «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации». URL: <http://pansion-mil.ru> (Дата обращения: 02.01.2018).

5. Weigel D.J. The Concept of Family An Analysis of Laypeople's Views of Family // Journal of Family Issues. 2008. Vol. 29. No. 11. Pp. 1426-1447.

6. Солодников В.В., Солодникова И.В. Социальные представления молодежи о семье в кросс-культурной перспективе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. №3 (5). С. 91-111. URL:

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ:
«МИЛЛИОНЕРЫ» ТОЖЕ ПЛАЧУТ***
**DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION:
"MILLIONAIRES" ALSO CRY**

С.А. Судьин
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
S.A. Sudin
Lobachevsky University

По результатам исследований, проведенных коллективом кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского, и на основании данных Нижегородстата анализируется текущее состояние и перспективы развития демографической ситуации в Нижегородском регионе. Данные анализируются в сравнительном и кросскультурном контекстах. Сделан акцент на необходимости сохранения населения в условиях ограниченности перспектив рождаемости. Делается вывод о необходимости интеграции не только целей национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография», но и всех законодательных инициатив, направленных на решение стратегической задачи по сохранению и приумножению численности населения Нижнего Новгорода, Нижегородской области и России в целом.

Based on the results of research conducted by the team of the Department of General Sociology and Social Work Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod and on data from Nizhny Novgorod State Statistics Committee, the current state and prospects of the demographic situation in Nizhny Novgorod region are analyzed. The data is considered in comparative and cross-cultural contexts. Emphasis is placed on the need to maintain the population with limited fertility prospects. The conclusion is made that it is necessary to integrate not only the national projects «Health Care» and «Demography» goals, but also all legislative initiatives aimed at solving the strategic task of preserving and increasing the population of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region and Russia as a whole.

Ключевые слова: динамика численности населения, демографические структуры и процессы, рождаемость и смертность, национальные проекты

Keywords: population dynamics, demographic structures and processes, birth rate and mortality, national projects

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «"Старикам везде у нас почет?" Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

В конце 2019 г. произошло событие, которое, по понятным причинам не получило широкой огласки в нижегородских СМИ. Нижний Новгород, некогда третий по численности населения город в стране, с определенного момента начал стремительно терять свои позиции. Сначала впереди приволжской столицы оказался Новосибирск – вечный соперник в борьбе за третье место после находящихся вне конкуренции Москвы и Санкт-Петербурга. В 2004 г. пришлось поменяться местами и с Екатеринбургом. Наконец, в 2019 г. Нижний Новгород опустился еще на одну позицию вниз в этом рейтинге, пропустив вперед и Казань. За чисто формальным и даже символическим фактом, в реальность которого было невозможно поверить еще каких-то десять лет назад, скрывается настоящая драма, причины и последствия которой стали предметом нашего материала.

Данный факт не выглядел бы столь болезненным, если бы не несколько обстоятельств, которые не оставляют надежды на изменение положения вещей в обозримом будущем. *Первое* касается общей динамики численности населения Нижнего Новгорода и региона в целом. Относительно «тучные», с демографической точки зрения годы, когда в активный репродуктивный период вступили сравнительно многочисленные когорты рожденных во второй половине восьмидесятых годов XX века, не стали таковыми для столицы Приволжского федерального округа. В 2012-2015 гг. можно было наблюдать вялый прирост численности населения областного центра, не превышавший 5000 человек в год. Для сравнения, данный показатель, например, в Екатеринбурге, начал меняться в лучшую сторону на шесть лет раньше, прирост населения в некоторые годы превышал 20000 человек. Несмотря на то, что в последние годы численность населения Свердловской области начала уменьшаться, для Екатеринбурга позитивная тенденция не утратила актуальности и по сей день.

С 2016 г. численность населения Нижнего Новгорода демонстрирует небольшой, но устойчивый спад, потенциал которого не исчерпан. Не подстегивает рождаемость и отсутствие влияния религиозного фактора, актуального для мусульманского большинства в Татарстане. Нижний Новгород – высокоурбанизированный, промышленно развитый город. Такие города традиционно не стоят в авангарде рождаемости, однако численность населения большинства из них не уменьшается. Например, показатели рождаемости в Санкт-Петербурге не дотягивают даже до весьма скромных среднероссийских, а численность населения неуклонно возрастает. И здесь кроется *второе обстоятельство*, на которое необходимо указать при анализе демографической ситуации в Нижегородском регионе.

Огромный вклад в падение численности населения вносит миграция. Наиболее мобильная и перспективная, с точки зрения репродукции, часть населения – молодежь – уезжает в Москву или Санкт-Петербург, там создает семьи и рождает детей. Миграционные процессы в большей степени, чем низкая рождаемость и высокая смертность, обуславливают стремительное падение численности населения регионов. Так, в период с 1991 по 2020 гг. Нижегородская область различными путями потеряла 577 тысяч жителей. Несмотря на очевидный вклад миграции в формирование значения этого показателя, особый трагизм ситуации заключается в неспособности региона к воспроизводству собственной численности населения.

Отрицательные показатели миграции в совокупности с качественными характеристиками этого процесса логично меняют и возрастную структуру региона, основу которой теперь составляют лица с невысоким, а то и нулевым репродуктивным потенциалом. Формируется замкнутый круг: молодежь уезжает жить и работать в столицы, раздувая и без того избыточные (а потому и неостребованные) репродуктивные ресурсы мегаполисов, в то время как оставшиеся кадры не способны ни физически, ни экономически удерживать численность населения на стабильном уровне.

Если рассматривать подобный хантинг как нормальный способ регулирования численности населения в регионах, следует задаться вопросом: как выглядит Нижний Новгород с точки зрения миграционной привлекательности, и на какие категории населения следует обратить внимание для достижения максимального эффекта при позиционировании. Заслуженная слава Нижнего Новгорода как образовательного и научного центра привлекает в регион многочисленных абитуриентов из других (преимущественно, соседних) субъектов Федерации: Кировской, Пензенской, Костромской, Владимирской областей, а также из Чувашии, Республики Марий Эл и Мордовии. Как показывает наш анализ, это обстоятельство лишь отчасти может способствовать решению демографических проблем, поскольку для многих иногородних студентов Нижний Новгород является лишь стартовой площадкой, где можно получить качественное и сравнительно недорогое образование, которое потом можно будет выгодно конвертировать в столичных регионах.

Третье обстоятельство заключается в негативном влиянии миграции и низкой рождаемости на возрастную структуру населения. Возрастание доли лиц старшего возраста вследствие вышеописанных процессов неизбежно разгоняет показатели смертности, в структуре причин которой начинают преобладать болезни, свойственные соответствующим жизненным циклам. Эффект порочного круга можно наблюдать и здесь: регионально

специфические характеристики смертности дополняются общероссийскими проблемами: низкой ожидаемой продолжительностью жизни, мужской сверхсмертностью в трудоспособных возрастах, отсутствием здорового старения и активного долголетия.

Наконец, *еще одним обстоятельством*, которое при ближайшем рассмотрении может оказаться самым трагическим, является отсутствие внятных мер решения сложившихся проблем на фоне признания их самыми серьезными угрозами национальной безопасности. Материальные трудности, на которые традиционно ссылаются семьи, мотивируя отказ от активного деторождения, актуализировали применение с 2007 г. монетарных способов стимулирования рождаемости. Оптимистическая динамика рождаемости после введения материнского капитала, фактически обусловленная положительными эффектами процесса естественной смены поколений, показалась достаточным доказательством правильности выбранного пути. Дополнительным аргументом стала его относительная простота даже на фоне очевидной затратности. Однако, оценка экономической эффективности программы материнского капитала, с точки зрения соотношения затрат и достигнутых результатов, красноречиво свидетельствует не в ее пользу.

Хорошую службу мог бы сослужить анализ опыта стран, столкнувшихся со схожими проблемами и пытавшихся решить их методами прямого материального стимулирования. Например, все годы существования ГДР правительство Восточной Германии, в которой стабильно проживало около 12 миллионов человек, было озабочено проблемой приращения населения. Меры поддержки были беспрецедентными, вплоть до раздачи бесплатного жилья по факту регистрации брака и многочисленных кредитов, которые частично списывались с рождением каждого последующего ребенка. Однако возобладавшие гедонистические установки в совокупности с ростом благосостояния домохозяйств препятствовали реализации указанных мер: погашение кредита, например, за автомобиль было делом полутора-двух лет, а рождение и последующее воспитание необходимого для решения тех же задач количества детей требовало значительно *больших* темпоральных и материальных затрат.

Демографическую политику, даже ставшую темой отдельного национального проекта, нельзя рассматривать в отрыве от мер, реализуемых в других сферах функционирования семьи и общества. Так, повышение пенсионного возраста будет иметь очевидные негативные последствия для воспроизводства населения, которые будут складываться из прямых потерь темпоральных ресурсов прародительского поколения, изначально предназначенных для воспитания внуков и высвобождения времени их

родителей для трудовой и иной деятельности. То обстоятельство, что окончание трудовой жизни среднестатистического российского мужчины (65 лет) будет фактически совпадать с моментом его ухода из жизни (66 лет), не нуждается в комментариях, но обращает наше внимание на другую сторону воспроизводства населения, а именно на его смертность.

В этой связи очевидным приоритетом должно стать сохранение имеющегося населения, а не принудительное форсирование рождаемости (к слову, девальвирующее семейный субинститут брака на уровне государственной политики) с использованием низкоэффективных и затратных механизмов. В современных условиях дети являются объектом долгосрочных венчурных инвестиций, а, значит, эти вложения начнут приносить дивиденды в лучшем случае через 25 лет. А ведь нынешнее благополучие государства обеспечивается наиболее уязвимой, с точки зрения здоровьесбережения и продолжительности жизни, частью населения. Подобная постановка вопроса соответствует основному направлению социальной политики наиболее благополучных стран, актуализировавшемуся в результате резкого увеличения продолжительности жизни, успехов медицины в части обеспечения активного долголетия и здорового старения. В условиях снижения численности лиц, традиционно относящихся к трудоспособному возрасту, возрастает социальная значимость активности пожилых, которая выражается не только в монетарном аспекте через использование их остаточных трудовых ресурсов. Распространение всевозможных университетов «третьего возраста» и других образовательных предложений, направленных на активизацию интеллектуального потенциала пожилых, вовлечение их в общественную активность на уровне территориальных общественных советов или соседских центров, расширение их участия в воспитании внуков, формирование новых увлечений – традиционные формы организации активного досуга, способствующего поддержанию высокого уровня физического и интеллектуального функционирования.

С сожалением вынуждены констатировать, что подобная постановка вопроса не стоит на повестке дня. В этой связи необходимо указать на важность интеграции целей не только национальных проектов, но и всего комплекса мер, нацеленных на решение стратегической задачи по сохранению и приумножению численности населения не только Нижнего Новгорода и области, но и России в целом.

**УГРОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ
УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ**
**RUSSIA'S DEMOGRAPHIC SECURITY THREATS
AND THE PROBLEM OF REPRODUCTIVE ATTITUDES OF THE YOUTH**

С.В. Устинкин, Е.К. Рудакова
*Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород*
S.V. Ustinkin, E.K. Rudakova
*Linguistics State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod*

Рассматриваются основные угрозы демографической безопасности России, выявленные в ходе анализа статистической информации Росстата о рождаемости, смертности, причинах естественной убыли населения, абортх. Рассматриваются причины снижения репродуктивных установок молодежи, в частности, одной из основных причин называется навязчивая пропаганда через СМИ антисемейных ценностей в молодежной среде.

The article examines the main threats to the demographic security of Russia, identified in the course of the analysis of the statistical information of Rosstat on fertility, mortality, reasons for natural population decline, and abortions. The reasons for the decrease in the reproductive attitudes of young people are considered, in particular, one of the main reasons is called obsessive propaganda of anti-family values through the media among the youth.

Ключевые слова: демографическая безопасность, депопуляция, миграция, репродуктивные установки

Keywords: demographic security, depopulation, migration, reproductive attitudes

Демографическая ситуация в России может быть описана в терминах «демографического перехода» и «демографического спада». Данные свидетельствуют о том, что в России сохраняется суженый тип воспроизводства населения, при котором смертность превышает рождаемость (на 1,484 млн. родившихся в 2019 г. приходится 1,798 млн. умерших) [1]. Низкая рождаемость по-прежнему является устойчивой тенденцией. По данным Росстата, население России на 1 октября 2019 г. составило 146,7 миллионов человек (с учетом Республики Крым) [2], незначительный подъем общей численности населения в предшествующие годы (2015 г. – 146,5 млн. чел., 2016 г. – 146,8 млн. чел., 2017 г. – 146,9 млн. чел., 2018 г. – 146,8 млн. чел.), в 2019 г. сменился очередным спадом, показатели естественного прироста

населения продолжают снижаться (табл. 1), при этом сохраняется положительное миграционное сальдо, общий миграционный прирост в 2019 г. составил 124,8 тыс. человек, что позволяет говорить о восполнение населения за счет миграционного фактора [3].

Т а б л и ц а 1

Данные о численности населения России, естественном приросте/убыле и миграционном приросте (Росстат) [4]

Показатели/Год	2010	2015	2016	2017	2018
Численность населения (млн чел.)	142,9	146,5	146,8	146,9	146,8
Естественный прирост/убыль (тыс.чел.)	-239,6	32,1	-2,3	-135,8	- 224,6 [5]
Миграционный прирост/убыль (тыс.чел.)	158,1	245,4	261,9	211,8	124,8 [6]

Урбанизация и отток населения в крупные городские агломерации является не менее серьезной угрозой демографической безопасности, в будущем грозит утратой огромного массива сельскохозяйственных площадей и освоенных жилых территорий. В 2018 г. доля сельского населения в приросте рождаемости составила всего 399 тыс. человек, с учетом того, что в России, по данным переписи 2010 г., зафиксировано 153,1 тыс. сельских населенных пунктов, данная картина свидетельствует о вымирании села, 12,6% сел в России уже не имеет постоянного населения. Пик рождаемости после 1990-х гг. (406,7 тыс. чел.) на селе был зафиксирован в 2014 г. (547,8 тыс. чел.), затем наблюдается её спад [7].

Сохраняются высокие показатели смертности в трудоспособном возрасте, первое место занимают сердечно-сосудистые заболевания (55%), второй причиной смертности и инвалидизации в России являются злокачественные образования. Курение остается причиной высокой смертности и многих заболеваний (по данным 2017 г. в России курили 43% мужчин и 14% женщин). За 2019 г. выросла заболеваемость гепатитом С. От наркомании в России ежегодно умирает более 100 тыс. чел. [8].

России занимает одно из первых мест в мире по количеству аборт. В 2018 г. было сделано 587,1 тыс. абортов, официальная статистика не отражает реального положения дел, поскольку не учитывает нелегальные медикаментозные аборты. Около 43,5 тыс. составляют аборты у первобеременных (7,7%), 4,64 тыс. абортов было сделано девушками в возрасте до 17 лет. За период с 1990-2019 гг., согласно данным официальной статистики Росстата, было сделано 55,35 млн. абортов, [9]. Данная тема связана с проблемой низкой фертильности, по данным исследований, одной из главных причин низкой фертильности женщин в России, наравне с алкоголизмом, курением, наркоманией, наследственными заболеваниями, является массовое прерывание первой беременности, аборт в анамнезе определяет будущее репродуктивное здоровье [10].

Демографическая ситуация усугубляется низкими репродуктивными установками молодого поколения и кризисом института традиционной семьи (в 2019 г. на 950,1 тыс. зарегистрированных браков пришлось 620,7 тыс. разводов) [11]. Несмотря на то, что, по данным опросов, у молодежи сохраняются традиционные установки на рождение детей (более 80% респондентов высказались за «семью с двумя детьми»), тем не менее «семья» в ценностной иерархии россиян сместилась на третье место после «самореализации» и «стабильного заработка» [12]. Современное поколение демонстрирует снижение потребностей в детях и семье. Эта тенденция характерна и для западных стран, социологи отмечают трансформацию социальных институтов, маргинализацию молодежи, рост психических заболеваний и зависимостей, безработица называется в качестве основного фактора отказа от брака и деторождения [13]. Многие молодые россияне отмечают пессимизм и риски социальной нестабильности в будущем, для большинства финансовая самостоятельность и возможность завести семью наступает не ранее 30-40 лет. По этой причине сузилось репродуктивное окно, появление первого ребенка часто происходит уже в зрелом возрасте.

В отношении проблемы формирования репродуктивных установок молодежи особое внимание стоит обратить на крайне навязчивую пропаганду через СМИ и молодежные Интернет-ресурсы антисемейных ценностей, нездоровых форм половых отношений, методик «запутывания полов», негативного отношения к деторождению и материнству (технологии чайлдфри, пропаганда бездетности), убеждений о безопасности поздней беременности и абортов (технологии «поздние роды», «право на аборт», «мое тело – мое дело»). Сегодня есть попытка сформировать поколение, которое не в силу своих убеждений, а под влиянием пропаганды сознательно отказывается заводить семью и детей, ориентировано только на карьеру и самореализацию. Во многих странах можно наблюдать, как подобные альтернативные идеи получают поддержку политических кругов и общественных движений, активно продвигаются в общественные институты, при этом расшатывают представления молодежи в вопросах семьи, брака, деторождения, «подаются под соусом» борьбы за права мужчин и женщин (гендерные права подменяются борьбой за права сексуальных меньшинств, право на аборт, право на бездетность, право на уход из жизни, право распоряжаться своими органами). Полагаем, что подобные идеи представляют самую большую угрозу демографической безопасности России, приводят к ценностному кризису как основной причине депопуляции.

Список литературы

1. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения. Раздел «Естественное движение населения». Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 27.09.2020).
2. Численность населения. Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 27.09.2020).
3. Распределение мигрантов по возрастным группам (миграционный прирост/убыль). Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1> (Дата обращения: 27.09.2020).
4. Численность постоянного населения в среднем за год. Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1> (Дата обращения: 27.09.2020).
5. Компоненты изменения общей численности населения Российской Федерации за период 1990-2019 гг. Раздел «Численность и состав населения». Федеральная служба государственной статистики (Дата обращения: 27.09.2020) <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
6. Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. Росстат. М., 2018. С. 32. Доступ: https://rosstat.gov.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf (Дата обращения: 27.09.2020).
7. Плотность населения Российской Федерации на 1 января 2019 г. Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gis.gks.ru/StatGis/2015/d/9/9ba51baf-8118-509a-a0a8-c9fbc4f477c.png> (Дата обращения: 27.09.2020).
8. Александрова Г.А., Голубев Н.А., Тюрина Е.М., Огрызко Е.В., Залевская О.В., Авдеева Л.Н. Социально значимые заболевания населения России в 2018 году. Статистические материалы Министерства здравоохранения РФ. М., 2019. 73 с.
9. Число абортс по данным Росстата в 1990-2019 годах. Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://www.fedstat.ru/indicator/data.do?format=excel> (27.09.2020).
10. Савельева И.С. 2004. Репродуктивное здоровье и репродуктивное поведение современной молодежи: перспективы и пути оптимизации. <https://www.dissercat.com/content/reproduktivnoe-zdorove-i-reproduktivnoe-povedenie-sovremennoi-molodezhi-perspektivy-i-puti-o> (Дата обращения: 27.09.2020).
11. Браки и разводы: 1950-2019 гг. Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 27.09.2020).
12. Фаравонова А.И., Амбарова П.А. Репродуктивные установки студенческой молодежи: проблемы и способы формирования. Доступ: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43239/1/irdso_2016_45.pdf (Дата обращения: 27.09.2020).
13. Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы. М.: Доклады Института Европы РАН. 2016. № 326. 142 с.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ FERTILITY FORECASTING BASED ON INDICATORS FOR REAL GENERATIONS

В.Н. Архангельский
*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации г. Москва*
V.N. Arkhangel'skiy
*The Institute of Demographic Research,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow*

Прогноз рождаемости обычно делается на основе анализа предшествующего тренда и возможных изменений суммарного коэффициента рождаемости. Динамика показателей рождаемости в реальных поколениях носит более устойчивый характер, что определяет целесообразность прогноза рождаемости на ее основе.

The fertility forecast is usually based on an analysis of the previous trend and possible changes in the total fertility rate. The dynamics of fertility indicators in real generations is more stable, which determines the feasibility of predicting fertility based on it.

Ключевые слова: рождаемость, реальные поколения, прогноз
Keywords: fertility, real generations, forecast

Прогноз показателей рождаемости основывается на их предшествующем тренде, учитывает возможное влияние тех или иных факторов на их будущую динамику, границы возможного изменения этих показателей.

Предшествующая динамика суммарного коэффициента рождаемости (который наиболее часто используется в прогнозных расчетах) в России не носила характера устойчивого тренда. Имели место периоды его значительного как снижения, так и повышения. Причем эти изменения были не случайны (при их случайном характере линия тренда могла бы быть использована как

сглаживающая и определяющая генеральную тенденцию), а были детерминированы действием факторов, имевших место в те или иные временные отрезки.

В середине 1980-х гг. происходило повышение суммарного коэффициента рождаемости, во многом в связи с реализацией мер помощи семьям с детьми. В конце 1980-х и в 1990-е гг. он снижался. Сначала это снижение отчасти, вероятно, было обусловлено тем, что в середине 1980-х гг. имели место тайминговые сдвиги, некоторое сокращение интервалов между рожденьями детей, после чего неизбежен тайминговый провал, то есть сокращение рождаемости из-за того, что часть детей, которые могли родиться в это время, уже родились раньше. В 1990-е гг. основной причиной снижения суммарного коэффициента рождаемости были, вероятно, изменения в социально-экономическом положении населения и, видимо, в образе жизни. Часть семей отказались от рождения детей (об этом свидетельствует снижение среднего числа рожденных детей в реальных поколениях), часть отложили их и реализовывали в начале 2000-х гг.

После достижения минимальных показателей в 1999 г., в начале 2000-х гг. уровень рождаемости начал повышаться, особенно существенно с 2007 г., когда начали реализовываться дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми и, прежде всего, федеральный материнский (семейный) капитал. Наибольший прирост показателей рождаемости имел место в 2007-2008 гг. и в 2012 г., когда активизировались региональные меры демографической политики. Существенное их повышение имело место и в 2015 г., и первой половине 2016 г. Можно предположить, что оно, отчасти, было обусловлено сдвигами в календаре рождения детей, связанными с приближавшимся первоначально установленным до конца 2016 г. сроком предоставления федерального материнского (семейного) капитала. Если так, то они неизбежно должны были привести к последующему тайминговому провалу, который, вероятно, в существенной мере повлиял на снижение рождаемости, начиная с осени 2016 г.

Динамика рождаемости существенно различается по очередности рождения. Особенно это проявилось в период с 2007 г., когда начали реализовываться меры помощи семьям, ориентированные в большей мере на поддержку вторых и последующих рождений. Но и здесь в 2017-2019 гг. имели место различия. Если по вторым рожденьям показатели рождаемости снизились, то по третьим и последующим рожденьям продолжали повышаться. Динамика рождаемости по первым рожденьям определялась, прежде всего, изменениями в брачности.

Учитывая такой характер динамики календарных показателей рождаемости, целесообразно при разработке прогноза ориентироваться на тенденции изменения показателей рождаемости в реальных поколениях, которые не зависят от тайминговых сдвигов и потому носят более устойчивый характер.

Среднее число рожденных детей значительно снижалось в поколениях женщин 1960-х – начала 1970-х гг.р. Если у женщин 1959-1960 гг.р. оно составляет 1,86, то в поколении 1968-1969 гг. (всего на 9 лет моложе) – 1,63. В последующих поколениях оно продолжило снижаться и на начало 2020 г. было минимальным у женщин 1973 г.р. (1,58). У более молодых женщин среднее число рожденных детей повышается. На начало 2020 г. оно было максимальным у женщин 1979 г.р. – 1,66. Итоговая величина, вероятно, будет немного больше.

Следует иметь в виду, что и в реальных поколениях различается динамика и детерминация показателей рождаемости в зависимости от очередности рождения. Поколенческая динамика среднего числа рожденных детей определяется двумя разнонаправленными тенденциями.

С одной стороны, сокращается среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка). Если у женщин 1950-х гг.р. оно составляет 0,93–0,94, 1960-х гг.р. – 0,92, то в поколениях середины 1970-х гг. уже не превышает 0,90, а в поколениях конца 1970-х – начала 1980-х гг.р. – еще ниже.

С другой стороны, несколько повышается в поколениях женщин второй половины 1970-х гг. р. среднее число вторых и третьих рождений.

Для более корректной оценки рождаемости по вторым и третьим рождениям в реальных поколениях целесообразно использовать показатели доли женщин, родивших второго ребенка, среди женщин, родивших первого ребенка, и третьего ребенка – среди родивших второго ребенка.

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого была максимальной у женщин 1956 и 1957 гг.р. (соответственно, 72,9% и 72,7%). В поколениях 1960-х гг.р. она существенно снижается, достигая минимума у женщин 1971 г.р. (54,2%). У более молодых женщин она возрастает и в поколении 1983 г.р. на начало 2020 г. составляет 63,6%. Даже у женщин 1985 г.р., которым еще далеко до завершения репродуктивного периода, ее величина (60,9%) уже превосходит ту, которая имеет место у тех, кто на 19 лет старше (1966 г.р. – 60,5%).

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго в поколении женщин 1954 г.р. составляет 28,0%. В последующих поколениях она снижается, достигая минимума у женщин 1965 г.р. (23,9%). У более молодых женщин она

повышается и у женщин 1979 г.р. составляет 30,7% (до конца репродуктивного периода она у них еще несколько возрастет).

Различия в динамике рождаемости в реальных поколениях по очередности рождения обуславливают целесообразность их прогноза отдельно для каждой очередности. Прогнозировать среднее число рожденных детей каждой очередности рождения, видимо, будет не совсем правильно. Во-первых, оно будет зависеть не только от вероятности рождения ребенка данной очередности, но и от среднего числа рожденных детей предыдущей очередности рождения. Во-вторых, отдельное прогнозирование среднего числа рожденных детей по очередности рождения на основе пролонгации трендов при их разнонаправленной динамике может в перспективе показать, что среднее число рожденных детей той или иной очередности рождения будет равно или даже больше, чем предыдущей очередности, чего в реальности, конечно, быть не может.

Поэтому при прогнозе рождаемости по вторым и последующим рождениям в реальных поколениях целесообразно использовать показатель доли женщин, родивших ребенка той или иной очередности, среди родивших ребенка предыдущей очередности. Затем прогнозная величина доли родивших второго ребенка среди родивших первого для каждого поколения женщин умножается на прогнозную величину среднего числа первых рождений и получается прогнозная величина среднего числа вторых рождений. Она умножается на прогнозную долю родивших третьего ребенка среди родивших второго и получается среднее число родивших третьего ребенка.

Среднее число четвертых и последующих рождений невелико, и в отношении него целесообразно использовать непосредственно его прогнозную величину, а не долю среди родивших ребенка предыдущей очередности.

На основе прогноза показателей рождаемости в реальных поколениях рассчитывается прогноз суммарного коэффициента рождаемости. Для этого нужно распределение коэффициентов рождаемости по возрасту в однолетней группировке. Его можно рассчитывать на каждый год прогнозируемого периода, если прогнозируются существенные изменения в распределении по возрасту коэффициентов рождаемости. Если такие изменения не прогнозируются, то можно использовать упрощенный подход, при котором на основе прогнозных средних чисел рожденных детей в реальных поколениях и распределения возрастных коэффициентов рождаемости рассчитывается суммарный коэффициент рождаемости только на последний год прогнозного периода, а за остальные годы его прогнозные величины рассчитываются интерполяцией.

Например, если прогноз делается до 2050 г., то возрастной коэффициент рождаемости в 15 лет в 2050 г. рассчитывается как среднее число рожденных детей у женщин 2035 г.р., умноженное на долю коэффициента рождаемости у 15-летних в сумме возрастных коэффициентов, и т.д.; возрастной коэффициент рождаемости в 49 лет в 2050 г. – как среднее число рожденных детей у женщин 2001 г.р., умноженное на долю коэффициента рождаемости у 49-летних в сумме возрастных коэффициентов. Таким образом, для определения прогнозной величины суммарного коэффициента рождаемости в 2050 г. нужен прогноз показателей рождаемости в реальных поколениях до поколения 2035 г.р.

Для определения трендов поколенческих изменений рождаемости целесообразно ограничиться, как самым младшим, поколением 1985 г.р. Для поколений, не закончивших процесс деторождения, делался досчет показателей с использованием возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения 2019 г. (гипотетически предполагая их неизменность). При этом возникает потребность в их использовании только для возрастов от 35 лет. Их тренд в последние годы более-менее устойчив, тогда как в возрастном интервале 20-34 года характер динамики коэффициентов рождаемости существенно менялся, и пока нельзя однозначно судить о характере детерминации этих изменений.

На основе предварительного анализа была определена целесообразность в качестве периода тренда поколенческих изменений рождаемости для расчета прогноза по среднему числу первых рождений и по доле родивших третьего ребенка среди родивших второго братя поколения женщин 1955-1985 гг.р., по доле родивших второго ребенка среди родивших первого – 1965-1985 гг.р. Для прогноза использовался линейный тренд с использованием некоторых ограничений: прогнозная величина среднего числа первых рождений фиксировалась постоянной после снижения, по сравнению с досчитанной итоговой величиной этого показателя у женщин 1985 г.р. (0,85), на 0,05; прогнозные величины доли родивших второго и третьего ребенка среди родивших ребенка предыдущей очередности фиксировались постоянными после повышения на 10%-ных пунктов по вторым рождениям и на 5%-ных пунктов по третьим рождениям по сравнению с досчитанными показателями для поколения 1985 г.р. (соответственно, 68,6% и 34,5%). Среднее число четвертых и последующих рождений для всех поколений, для которых рассчитывался прогноз, принималось постоянным на уровне средней величины в поколениях 1976-1985 гг.р. (0,08).

По результатам прогнозных расчетов, среднее число рожденных детей в поколении 2035 г.р. в России может составить 1,75 (1985 г.р. – 1,72). Такой же может быть и величина суммарного коэффициента рождаемости.

ДОЛГОЛЕТНИЕ СЕМЬИ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ 21 ВЕКА LONG-TERM FAMILIES AS A DEMOGRAPHIC CHALLENGE OF THE 21ST CENTURY

К.Д. Барашкова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия)*

K.D. Barashkova

*North-Eastern Federal University in Yakutsk,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia)*

Рассматриваются долголетние семьи, которые являются уникальным по своему содержанию социальным институтом, выполняющим взаимодействие между интересами общества и личности. Факторами и условиями благополучия долголетних семей являются семейные ценности и устои, которые складывались на протяжении всей семейной жизни на основе традиционных ценностей семейств.

The author considers long-term families, which are a unique social institution that performs interaction between the interests of society and the individual. Factors and conditions for the well-being of long-term families are family values and foundations that have been formed throughout family life on the basis of traditional values of family studies.

Ключевые слова: продолжительность жизни, институт семьи, долголетняя семья, семейные ценности, потенциал семьи, экология семьи

Keywords: life expectancy, family institution, long-term family, family values, family potential, family ecology

По оценкам Организации объединенных наций, население мира в возрасте от 60 лет и старше насчитывало в 2000 г. 600 миллионов человек, что почти втрое больше численности данной возрастной группы в 1950 г. (205 миллионов человек). В 2009 г. численность населения 60+ превысило 737 миллионов человек, а к 2050 г. составит более 2 миллиардов человек, ещё раз утроившись за период в 50 лет [1].

Россия занимает более низкую позицию в рейтинге из-за отставания по показателю ожидаемой продолжительности жизни на фоне роста долголетия в подавляющем большинстве стран [2, 22]. Социальная политика России реконцептуализируется на индикатор ожидаемой продолжительности здоровой

жизни (ОПЗЖ) в дополнение к традиционной ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), включая субъективный фактор здоровья, определяемого социологическими методами. Главной целью Национального проекта «Демография» является «увеличение продолжительности здоровой жизни до 67 лет», и в феврале 2019 г. Росстат утвердил методику определения данного индикатора [3]. С понятием здоровья связаны такие характеристики повседневной жизни человека, как уровень жизни, качество жизни, социальное благополучие, оценка которых зависит от ценностей жизненного мира личности.

Благополучие – это конструкт, представляющий собой взаимосвязь физических, культурных, психологических, социальных, экономических и духовных факторов. Социологи С.В. Егорова, С.Ю. Папанин выявили, что здоровье сопрягается с такими понятиями, как возможности и ресурсы человека, его жизненный мир, показатель благополучия и качества жизни [4]. Социальный капитал, накопленный пожилыми людьми, позволяет сохранять их активное долголетие.

Проблема долголетия семьи еще не стала предметом социологии семьи. Исследования сосредоточены на изучении кризиса семьи, разводов, приемных семей, репродуктивного поведения, гендерных аспектов современных форм семьи и их последствиях, что свидетельствует о культурном повороте целостного жизненного мира от ценностей совместимости, взаимопомощи в сторону индивидуализма, ослабления межличностных и межпоколенных взаимодействий, усиливающих социальное неблагополучие всех поколений. Социальное неблагополучие выражается в утере социальных перспектив, целей, возможностей адекватных ответов на вызовы и социальные риски. Межпоколенная разобщенность приводит к снижению ответственности родителей за детей и взрослых детей за родителей и прародителей. Хотя среди задач семейной политики в актах ООН обозначается «Защита прав семьи на уход за ее престарелыми и больными членами», неблагополучная нуклеарная семья не может взять на себя такую функцию. Статистика России свидетельствует, что почти каждый второй брак распадается на фоне уменьшающегося количества зарегистрированных браков. Например, в 2018 г. количество зарегистрированных браков снизилось до 917 тысяч, что на 12,7% меньше, чем в 2017 г. (1,05 млн. браков) [5]. Долголетние семьи пожилых людей на этом фоне представляют собой образец устойчивости брака. Однако, их феномен не выделяется на фоне кризисных явлений в семье, хотя социально-психологическая субъектность и компетентность пожилой семьи представляет собой особую семейную ресурсность в виде прародительского потенциала. Влияние прародительского потенциала многопоколенных семей на

устойчивость семей молодых, пользующихся поддержкой бабушек и дедушек, не является достаточно изученной.

По нашему мнению, наиболее пристального интереса заслуживают семьи, совместно прожившие 50 и более лет, так как они представляют собой образец, лучшую практику реализации семейных ценностей на протяжении длительной семейной жизни, противостоящей упадку и девальвации семейных ценностей, региональной депопуляции. Осознание особой ценности таких семей для гражданского общества зафиксировано министерством труда и социального развития РФ в 2016 г., учредившим ежегодный конкурс «Семья года», в котором решением Организационного комитета Всероссийского конкурса «Семья года» «в номинации «Золотая семья России» принимают участие семьи, члены которых прожили в зарегистрированном браке не менее 50 лет, являются примером приверженности семейным ценностям, укрепления многопоколенных связей, гражданственности и патриотизма» [6]. Этим решением исполнительной власти России была легитимирована социальная субъектность семьи, прожившей в зарегистрированном браке не менее 50 лет.

Долголетние семьи становятся источниками усвоения и передачи созданной предыдущими поколениями своеобразной экосистемы с лучшими практиками, образцами, нормами, традициями и обычаями успешного общества, выдерживающего вызовы и риски внутренних и внешних трансформаций экосреды.

Понятие «пожилой возраст семьи» подразумевает определенный этап развития семейных отношений, а также указывает на геронтологические характеристики супругов, но при этом не уточняет длительность совместного семейного статуса. Концепт «семья пожилых супругов» имеет акцент на возрасте супругов, не концентрируясь на стаже совместной супружеской жизни.

Говоря о долголетней семье, мы определяем её как союз мужчины и женщины, сохраняющийся в браке 50 и более лет. В России понятие «долголетняя семья» была легитимирована 26 марта 2008 г., а как «Золотая семья» (семьи, члены которых прожили в зарегистрированном браке не менее 50 лет) в 2016 г.

Введение понятия «долголетняя семья» исходит из синергетического подхода к родовому понятию «семья», понимаемому как целостный саморазвивающийся организм, эволюционирующий в заданных историко-социальных координатах. Экология семьи совершает поворот к человекоцентричной семье и выявляет комплекс ресурсного потенциала семьи, стабильным ядром которой является тип устойчивого функционирования долголетней пожилой семьи.

Список литературы

1. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» Института демографии Государственного университета – Высшей школы экономики. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/barom02.php> (Дата обращения: 16.06.2019).
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.
3. Росстат: утверждение методики расчета показателя «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет)» // <https://www.gks.ru/metod/nazproekt/met020003.pdf>.
4. Егорова С.В., Папанин С.Ю. Здоровье как показатель благополучия и качества жизни / Здоровье как ресурс: V. 2.0 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 251-254.
5. Число браков в России опустилось до минимума с начала века. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/08/04/2019/5cab45349a7947d0d969ec7c> (Дата обращения: 16.06.2019).
6. «Положение о Всероссийском конкурсе «Семья года»» от 17 февраля 2017 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/380> (Дата обращения: 16.06.2019).

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО
НАСИЛИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(РЕЗУЛЬТАТЫ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**
**EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF MEASURES TO PREVENT
FAMILY VIOLENCE IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
(RESULTS OF THE AUTHOR'S RESEARCH)**

Н.А. Безвербная
*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*
N.A. Bezverbnaya
*The Institute for Demographic Research,
The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Насилие в российском обществе воспринимается как частная внутрисемейная проблема, которая не должна быть предметом общественного внимания и государственной политики, что, в итоге, привело к отсутствию официальной статистики по пострадавшим от семейного насилия. Кроме того, насилие в семье редко становится основанием для обращения в правоохранительные органы или достоянием гласности за исключением

резонансных случаев. На основе проведенного экспертного опроса специалистов, занимающихся проблемами семейного насилия, дана оценка эффективности мер профилактики семейного насилия в субъектах Российской Федерации.

Violence in Russian society is perceived as a private intra-family problem that should not be the subject of public attention and state policy, which, as a result, led to the lack of official statistics on victims of family violence. In addition, domestic violence rarely becomes a reason for contacting law enforcement agencies or becoming public, except in high-profile cases. Based on an expert survey of specialists dealing with family violence, the authors assess the effectiveness of measures to prevent family violence in the regions of the Russian Federation.

Ключевые слова: демография, социология семья, семейное насилие, декриминализация, экспертный опрос

Keywords: demography, sociology family, family violence, decriminalization, expert survey

Проблема насилия в отношении женщин относится к глобальному кризису по ряду причин. Каждая третья женщина во всем мире подвергалась сексуализированному насилию или насилию со стороны интимного партнера; до 38% убийств женщин совершается от рук мужчины-интимного партнера. 79% всех выявленных жертв торговли людьми составляют женщины и дети. Общее число девушек, выходящих замуж в детстве, составляет 14,2 млн. в год. Согласно докладу, опубликованному в 2020 г., коалиции Every Women Treaty, включающей 700 правозащитников, 840 организаций в 128 странах мира, насилие со стороны интимного партнера обходится для государств гораздо дороже, чем конфликт и терроризм вместе взятые. В 2016 году стоимость насилия в глобальном контексте в отношении женщин была оценена ООН в 1,5 трлн. долларов США, что эквивалентно примерно 2% мирового валового внутреннего продукта (ВВП), или примерно размеру всей канадской экономики (UN Women, 2016). Пострадавшие от насилия сталкиваются с более высокими расходами на медицинское обслуживание и значительной потерей доходов. [1; 2].

В международном сообществе сложилось определенное понимание проблемы насилия над женщинами: она больше не является частным делом, насилие в отношении женщин – это социальная проблема, социальное и уголовное преступление, проблема правосудия, проблема общественного здравоохранения, а в последнее время и проблема нарушения прав человека. Но в российском обществе проблема семейного насилия воспринимается как частная внутрисемейная, которая не должна быть предметом общественного внимания и государственной политики, что, в итоге, привело к отсутствию официальной статистики по пострадавшим от семейного насилия. Насилие в

отношении женщин не квалифицируется с помощью единой категории, поскольку насилие затрагивает все уровни власти и все слои общества.

Авторское социологическое исследование включает 20 глубинных интервью (проведенных с июня по август 2020 г.) с руководителями НКО и кризисных центров, практикующими юристами, правозащитниками, работающими с авторами и пострадавшими от семейного насилия в девяти субъектах РФ таких, как Приморский край, Новосибирская область, Красноярский край, Томская область, Иркутская область, Ростовская область, Калининградская область, Ленинградская область, Московская область.

Все эксперты, у которых удалось взять интервью, подтвердили тезис о том, что чаще всего от жестокого обращения в семье страдают женщины, затем дети и члены семьи, старше 60 лет (по ряду причин пожилые люди – самая латентная группа, в которой существует эта проблема): люди старшего возраста сами практически никогда не обращаются за помощью, особенно если они взаимодействуют только с социальными работниками, иногда обращение невозможно из-за маломобильности и в целом плохого состояния здоровья. Также эксперты отмечают, что не редки случаи очень сложных детско-родительских отношений, которые стали катализатором физического и психологического насилия по отношению к пожилым родителям.

Отдельного внимания научного сообщества заслуживает проблема семейного насилия во время кризисных ситуаций, например, во время пандемии COVID-19. На основе проведенных нами экспертных интервью во второй половине 2020 г. с руководителями НКО и кризисных центров, практикующими юристами удалось выяснить, что специалисты объясняют вспышку семейного насилия в период пандемии COVID-19 и связанных с ним ограничительных мер условиями самоизоляции и экономическим кризисом: семьи заперты друг с другом в четырех стенах, неизвестности, как и стресса, стало больше. В такой ситуации практически неизбежны конфликты даже в благополучных семьях, что уж говорить о тех, где эпизоды домашнего насилия уже случались или успели стать нормой.

Согласно информации, предоставленной консорциумом женских неправительственных ассоциаций, в период с марта по май 2020 г. было подано в общей сложности 353 жалобы: 104 – в марте, 111 – в апреле и 138-в мае. Примечательно, что количество обращений за помощью в Центральном федеральном округе, включая г. Москву, в мае удвоилось по сравнению со среднемесячными запросами. С введением запретительных мер все большее число звонков поступало на Общероссийскую горячую линию для женщин, переживающих насилие в семье. Общее количество звонков за период с марта по май 2020 г. составило 8682.

Таким образом, ситуационный кризис обнаруживает всеобъемлющую картину проблемы, а также широко идущие и разрушительные последствия и обеспечивает более четкое представление о том, почему необходимы меры для минимизации данной проблемы в российском обществе.

Профилактические меры должны быть реализованы на разных уровнях. Нам думается, что один из путей реализации мер профилактики – работа с детьми и подростками в школах. Как универсальные, так и селективные программы, как правило, сосредоточены на развитии коммуникативных навыков на индивидуальном уровне ребенка, хотя некоторые включают дополнительные компоненты, которые нацелены на развитие практик, позволяющих лучше понимать свои эмоции и сосредотачиваться на них, навыков саморегуляции, просоциальной дружбы, решения социальных проблем. Подобные программы могут остановить воспроизводство насильственных действий, избавляя детей и подростков от отрицательных паттернов. Программы могут реализовываться силами волонтеров, задействованных в некоммерческом секторе, школьными психологами, психологами кризисных центров и НКО, работающими с пострадавшими от семейного насилия.

По нашему мнению, для эффективного реагирования на проблему семейного насилия необходимы просветительские кампании для разных целевых групп (предотвращение семейного насилия, уменьшение масштабов данного явления, недопущение повторных случаев в тех семьях, в которых уже были подобные ситуации).

Далее, профилактические меры и меры реагирования могут реализовываться на микроуровне с применением телефонного консультирования, оказания помощи в кризисном центре, социального патронажа, предоставления убежища пострадавшим, коррекционной работы с актерами насильственных действий. Ряд экспертов отметили необходимость формирования и поддержки межведомственного и межсекторального взаимодействия государственных структур и некоммерческого сектора.

Одним из самых дискуссионных аспектов данной проблемы является вопрос о принятии законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Основываясь на проведенных экспертных интервью, можно сделать вывод, что аналог охранного ордера (защитного предписания) – это не повод вмешательства во внутрисемейные отношения, а возможность для пострадавших от семейного насилия получить защиту, именно поэтому на мегауровне определенные законодательные рамки должны быть сформированы.

Список литературы

1. Safer Sooner Toward a Global Binding Norm to End Violence Against Women and Girls. 2020. 72 p.
2. Zainab Ibrahim, Jayanthi Kuru-Utumpala, Jay Goulden Counting the cost: The Price Society Pays for Violence Against Women. URL: https://www.care-international.org/files/files/Counting_the_costofViolence.pdf (date of access: 30.09.2020).
3. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 89-98.

ПОСТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 21 ВЕКА AGING OF THE POPULATION AS A SOCIO-DEMOGRAPHIC PHENOMENON OF THE 21ST CENTURY

Д.А. Бистяйкина, Е.В. Жемкова
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск*
D.A. Bistyaykina, E.V. Zhemkova
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Представлен анализ постарения населения как глобальной демографической проблемы и как социально-демографического феномена 21 века. Дана характеристика основных последствий для развития стран данного феномена. Изучены его основные характеристики в России и основные направления социальной политики в области повышения качества жизни людей пожилого возраста.

The article presents an analysis of the aging of the population as a global demographic problem and as a socio-demographic phenomenon of the 21st century. The characteristic of the main consequences of this phenomenon for the development of countries is given. The main characteristics of this process in Russia and the main directions of social policy in the field of improving the quality of life of elderly people are studied.

Ключевые слова: постарение населения, социально-демографический феномен, демографическая проблема, пожилые люди, качество жизни, социальная политика, социальная поддержка

Keywords: aging of the population, socio-demographic phenomenon, demographic problem, elderly people, quality of life, social policy, social support

Существует несколько демографических проблем, одной из которых является изменение половозрастной структуры населения, включающая две

абсолютно противоположные составляющие: увеличение доли молодого поколения в одних регионах и увеличение доли старшего возраста в других. Если первое характерно для стран юго-азиатского и северо-африканского регионов, то второе – для стран севера. Увеличение доли пожилых людей в половозрастной структуре населения получило название «демографическое старение». При этом, как подчеркивают исследователи, данный процесс отражается на развитии всех групп населения, а не только на старшем поколении и затрагивает все стороны жизнедеятельности абсолютно всех граждан [1].

Осознание необходимости принятия мер по замедлению процессов старения в экономически развитых странах пришло в 1980-е годы, когда демографическая проблема из разряда локальных перешла в разряд глобальных. На уровне международных контактов на протяжении последних сорока лет были сформированы и приняты нормативно-правовые акты международного характера, которые делали акцент на процессах старения и социальной политике государства по адаптации старшего поколения к новым реалиям современного мира. Указанные нормы стали основой социальной политики многих государств мира, позволив сформировать унифицированные механизмы изучения старения и выделения старости как определенного этапа жизненного пути, в рамках которого человеку должны быть обеспечены должный уход и общественное участие.

Исследования говорят о том, что в начале третьего тысячелетия в различных странах и регионах можно увидеть разнообразие процессов старения. С 2013 г. лидером указанных процессов является Япония, где каждый третий человек – представитель пожилых людей. Среди лидеров в процессах старения населения, помимо Японии, находятся такие страны, как Швеция, Норвегия, Великобритания, Франция, Федеративная Республика Германия, Италия, Бельгия [2].

Для России тоже характерны данные процессы, о чем свидетельствует статистика, позволяющая говорить о естественной убыли населения и возрастании доли старшего поколения в общей численности населения, что подтверждают показатели ожидаемой продолжительности жизни граждан старшего возраста. В 2018 г. естественный прирост населения на 1000 человек составил – 1,6. Вместе с тем постепенно увеличивается ожидаемая продолжительность жизни как для мужчин, так и для женщин, что также приводит к возрастанию доли лиц старшего возраста в общей доле населения России. В совокупности все обозначенные демографические процессы предполагают в дальнейшем рост коэффициента демографической нагрузки.

Для нивелирования данных процессов с 1 января 2019 г. вступил в действие закон о повышении пенсионного возраста. Срок выхода на пенсию в результате пенсионной реформы для женщин увеличится к 2028 г. с 55 до 60 лет, для мужчин с 60 до 65 лет. Одной из главных причин, по которой принято решение о повышении пенсионного возраста, как раз снижение демографической нагрузки на трудоспособное населения, так как весомая часть людей старшего возраста постепенно будет переходить из категорию старше трудоспособного в категорию трудоспособных. Тенденция роста коэффициента демографической нагрузки немного компенсируется постепенным сдвигом пенсионного возраста в сторону увеличения. Однако полностью нивелировать последствия старения населения России даже такое повышение пенсионного возраста не сможет.

Постарение населения требует от государств разработки комплекса документов, направленных на обеспечение высокого качества жизни старшего поколения. Старение населения, ставшее по своей сути следствием индустриализации и научно-технического прогресса, будет характерно для тех обществ, которые стремятся к развитию и повышению качества жизни населения. Существенные трансформации в структуре демографических процессов позволяют говорить о необходимости новых управленческих и социально-политических механизмов, где общество имело бы возможность использовать потенциал пожилых людей, а также обеспечивать комфортные условия для проживания лиц преклонного возраста.

Важным в этом плане, как мы подчеркивали в предыдущих исследованиях, является программно-целевой подход, позволяющий обеспечивать достойный уровень жизни людей старшего возраста и качественно улучшать их социальное самочувствие [3; 4]. Принятие и реализация целого комплекса законодательных актов позволяет говорить о реализации стратегии активного долголетия. Так, например, «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 № 164-р одной из своих задач называет «создание условий для активного долголетия граждан старшего поколения, которые позволят повысить уровень и качество жизни таких граждан» [5]. Особо подчеркивается, что люди пожилого возраста являются особой социально-демографической группой, специфику жизнедеятельности которой необходимо учитывать при разработке мер их социальной поддержки и социальной защиты.

На региональном уровне также приняты ряд документов, призванных обеспечить достойный уровень жизни граждан пожилого возраста. Учет специфики развития отдельного региона страны, состояние его социально-

экономической сферы, местных традиций и ряда других факторов позволяют приблизить социальную политику в отношении старшего поколения к конкретному человеку [6]. В Республике Мордовия действует программа «Старшее поколение», утвержденная Постановлением Правительства Республики Мордовия от 4 октября 2013 года № 425 (с изменениями на 18 сентября 2018 год, которые продлили действие данной программы), установила достижение такой цели, как формирование на территории Республики Мордовия организационных, правовых, социально-экономических условий для осуществления мер по улучшению положения и качества жизни пожилых людей, повышению степени их социальной защищенности, активизации участия пожилых людей в жизни общества.

Реализация программы способствовала достижению в республике следующих результатов:

- усиление правовой защиты пожилых людей;
- повышение качества жизни пожилых людей;
- проведение мероприятий по оказанию адресной социальной помощи, социальных и медицинских услуг;
- увеличение доли граждан, получивших услуги в учреждениях социального обслуживания до 100%;
- обеспечение проведения мобильными бригадами диспансерного обследования на дому лиц с ограниченной подвижностью в количестве 1800 чел.;
- обучение в школах здоровья для пожилых и пациентов старших возрастных групп – 1550 чел.;
- обеспечение доступа пожилых людей к культурным ценностям – 1190 чел.;
- ликвидация очередности на получение социальных услуг в отделениях социальной помощи на дому;
- обучение граждан пожилого возраста компьютерной грамотности.

Таким образом, старение населения в настоящее время является демографическим феноменом, характерным для большинства стран мира, в том числе и России, и имеет серьезные социокультурные и экономические последствия для всего общества.

Тенденция развития демографических процессов в современной России характеризуется, во-первых, продолжающейся с начала 90-х годов естественной убылью населения и, во-вторых, возрастанием доли старшего поколения в общей численности населения. Кроме того, для старшего поколения характерна гендерная диспропорция: женщин старшего возраста гораздо больше, чем мужчин. Динамика развития этих процессов такова, что

для преодоления их негативных последствий для государства и общества необходима соответствующая государственная политика, управленческие решения и деятельность, направленная на создание максимально комфортных условий активной жизни и деятельности лиц старшего возраста.

Список литературы

1. Попова Л.А. Демографические, экономические и социальные аспекты старения населения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. № 5. С. 261–267.
2. Барсуков В.Н. Анализ региональной дифференциации демографического старения населения // Вопросы территориального развития. 2015. Вып. 4 (24). С. 1–9.
3. Бистяйкина Д.А., Палибина А.С., Панькова Е.Г., Соловьева Т.В. Социологический анализ социального самочувствия лиц пожилого возраста в Республике Мордовия // Казанский педагогический журнал. 2018. № 3 С. 194–199.
4. Бистяйкина Д.А. Программно-целевой подход как форма социальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны в регионе / Д.А. Бистяйкина, А.С. Палибина, Т.В. Соловьева // Дискуссия. 2019. № 1. С. 6–12.
5. Об утверждении Республиканской программы «Старшее поколение» на 2014 – 2018 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РМ от 4.10.2013 г. № 425 // Гарант: [сайт информ.-правовой компании]. М., 2020. Режим доступа: <http://www.garant.ru/439072/>.
6. Панькова Е.Г., Палибина А.С., Бистяйкина Д.А., Соловьева Т.В. Муниципальная политика по улучшению социально-экономического положения семьи // Дискуссия. 2017. № 2. С. 62–70.

ЯРКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ У ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ БЕЗДОМНЫХ) VIVID MEMORIES OF CHILDHOOD IN ADULTS (ON THE EXAMPLE OF THE HOMELESS)

Е.И. Боричевская
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва*
E.I. Borichevskaya
Higher School of Economics, Moscow

Даётся анализ особенностей детских воспоминаний лиц без определенного места жительства. Бездомные подчеркивают значимые события в период 8-15 лет. Выявлено, что некоторые ситуации из детства

сопровождались негативными моментами и повлияли на бездомный образ жизни.

The purpose of the work is to analyze the characteristics of childhood memories in individuals without a fixed place of residence. Homeless people emphasize significant events in the period of 8-15 years. It was revealed that some situations from childhood were accompanied by negative moments and influenced a homeless lifestyle.

Ключевые слова: бездомные, детские воспоминания, эмоции, выпускники детских домов

Keywords: homeless, childhood memories, emotions, graduates of orphanages

Воспоминания о детстве – это индивидуальное измерение, у каждого присутствует «свое детство», которое сохранилось в памяти (даже у тех, кто пытался вычеркнуть его) [1]. Ж.П. Сартр отмечает, что детство «решает» дальнейшую судьбу человека, его привычки, манеры поведения, страхи, увлечения [см.: 2, с. 101]. Воспоминания о детстве взрослых людей (в возрасте 40 лет и более) показывают историю эмоциональных детских событий; историю социализации так, как все это можно увидеть глазами «бывшего ребенка» [1]. В.Г. Безрогов, Е.Ю. Мещеркина отмечают, что роль детских воспоминаний становится наиболее важной в период взросления и самоопределения личности [3]. Когда человек добился определенного социального статуса, интересно проанализировать память о предыдущих событиях, в частности о детстве, поскольку это поможет проследить и рост личности, и его приостановление.

Детство – это воспоминание (путем повествования, нарратива; история конкретного человека) тревог, откровений, сокрытия, любви, поддержки, но при этом неизменно нечто аффективно насыщенное [2]. Детские переживания так или иначе сохраняются в памяти или вытесняются в бессознательное. По мнению М.В. Галимзяновой, детская травма или переживания, которые были не совсем осознаны, могут привести к психотравматическим расстройствам в жизни взрослого человека [4]. Такое состояние не позволяет индивиду развиваться дальше, поскольку для успешного личностного роста необходим анализ неудачного жизненного опыта [5]. В.В. Нуркова, Г.Ю. Масолова считают, что люди, которые при воспоминаниях о детстве испытывают позитивные эмоции, эмоционально устойчивы и отличаются высоким уровнем самоконтроля [3, с. 70]. По теории А.Р. Брюна, негативные эмоциональные переживания личности в процессе воспоминаний отражают те области жизни человека, в которых затруднено достижение цели, «идеальный сценарий жизни» [1, с. 38].

Эмпирический материал работы основан на исследовании, которое проводилось автором в мае 2019 г., на тему «Бездомность как социальное явление: причины воспроизводства и социальные риски» методом экспертного интервью (15) с сотрудниками социальных центров, волонтерами для помощи бездомным, и глубинного интервью (17) с бездомными людьми. Бездомными считаются лица без определенного места жительства, которые ночуют на улице, в подъездах или других местах в силу отсутствия жилья и регистрации. Интересно проанализировать яркие моменты из детства данной категории людей, которые опустилась до низшего уровня по материальной составляющей и живут в одиночестве, без близких и родных.

Социально-демографические характеристики: большинство бездомных (46%) находится в возрасте от 40 до 48 лет; 39% – 50 – 60 лет, 15% в возрасте от 20 до 29 лет. 39% опрошенных, которые попали в трудную жизненную ситуацию, живут без крыши над головой от 4 до 8 лет, 38% более 17 лет, 23% от 1 года до 3 лет.

В ходе исследования была затронута тема детских воспоминаний. Когда лица без определённого места жительства слышали вопрос: «Расскажите, пожалуйста, как проходило Ваше детство, что в нем было запоминающегося», они испытывали радость, на их лице была улыбка. Продолжительная пауза собеседника выражала его эмоции. После позитивных чувств на лице проступали грусть, сожаление, печаль, некоторые стали плакать. Такого рода эмоциональный эпизод объясняется чувствительностью темы, разочарованием той или нынешней социальной роли, желанием вернуться в прошлое. Бездомные делились событиями из детства в период 8-15 лет. Самые яркие моменты – поездки на море и прогулки с родителями, первая любовь. Время с родителями они характеризуют как интересное, яркое, веселое. На море им запомнились интересные игры с другими детьми на пляже, забота и любовь родителей, красивый пейзаж, интересная и долгая дорога до моря (как отметили некоторые респонденты: «*Помню, как мы с родителями ездили на море. Такая поездка была хорошая. Мы гуляли*»). Бездомные отмечают как одну из причин своего нынешнего социального статуса – отсутствие поддержки и любви. В связи с этим, значимые события их детства – это забота и поддержка родителей, то, чего не хватает сейчас. Первую любовь лица без определенного места жительства вспоминают с теплотой. Они рассказывают, как развивались их отношения, акцентируют внимание на веселых моментах: («*Когда Машка лицо сожгла, потом ходила все красная*»). На их лице снова появляется улыбка, они становятся более раскрепощенными.

Прогулки с родителями вспоминают бывшие осужденные («*Там была свобода, чистый воздух*»), которые провели в исправительных колониях

большую часть своей жизни (большой срок наказания; неоднократно судимы). С грустью рассказывают, как гуляли в лесу, в парках с родителями, дышали свежим воздухом, собирали грибы, любовались цветами.

Среди бездомных были люди, которые воспитывались в детских домах. Тема детства вызвала у них чувство агрессии. Они отмечали, что не хотят вспоминать детство и место его проведения, поскольку в детском доме отсутствовала любовь со стороны воспитателей и возможности для развития личности (неквалифицированные учителя, небольшое количество учебников, книг) (*«Нет таких событий, я жил в детдоме, что мне вспомнить? Я уехал в другой город, чтобы все забыть, что там было. Сейчас ищу работу, что мне вспомнить»*). Некоторые уезжают в другие города, чтобы вычеркнуть из памяти факт пребывания в детском доме. Им сложно адаптироваться к жизни после детского дома (отсутствие базовых навыков), найти свое призвание, поступить в университет, построить семейную жизнь. Желание работать на постоянной работе отсутствует у данной группы людей, что влечет за собой низкий доход и риск остаться безработным. Недостаток профессиональной, психологической помощи, внимания, любви, поддержки оказывает влияние на дальнейшую жизнь воспитанника детского дома.

В процессе беседы бездомные отметили, что сожалеют о вредных привычках, которые пошли из детства – это употребление алкогольных напитков и курение. По их мнению, если бы они не начали увлекаться этим в детстве, то не опустились бы до такого уровня (*«В 16 лет первая сигарета, и все затянуло»*). Одна из главных причин бездомности (на основании эмпирического материала) – алкоголизм (продажа недвижимости в состоянии алкогольного опьянения). В детстве друзья оказали сильное влияние на зависимость от данных привычек.

Эксперты особенно делают акцент на отрицательных воспоминаниях детства бездомного. Они подчёркивают, что лица без определённого места жительства осознанно не будут рассказывать о событиях из детства, которые повлияли на их сегодняшнюю жизнь. В глазах исследователя бездомным важно «показать» благополучную жизнь до жизни на улице и «скрасить» причины бездомности. Так, в повествовании человека о детстве отсутствует аспект воспроизводства бездомности. Дети, которые воспитывались в неблагополучных семьях, привыкают к нищете. Неблагоприятные условия жилья, отсутствие индивидуального пространства, неработающие родители, которые часто выпивают, просят милостыню, воруют вещи и продукты питания – данные факторы развивают детскую беспризорность. В таких семьях родители не уделяют должного внимания детям, они растут и развиваются самостоятельно.

Ряд ученых считают, что для человека исключение из общества (бездомные) – это то состояние, которое следует искать в воспоминаниях о детстве. Трудные жизненные ситуации периода детства необходимо анализировать и тем самым предотвращать различного рода обиды, проблемы и накопленные негативные эмоции [4]. Поведение человека в трудной и неординарной ситуации основывается на его воспитании и на схожем поведении в детстве (родителей, детей, друзей) [2].

Список литературы

1. Галимзянова М.В., Касьяник П.М., Романова Е.В. Ранние детские воспоминания взрослых с различными дезадаптивными схемами // Вестник СПбГУ Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 1. С. 66–80.
2. Галимзянова М.В. Субъективные переживания детства, отношения в семье и формирование личности взрослого // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. Вып. 3. С. 98–107.
3. Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во УРАО, 2001. 251 с.
4. Галимзянова М.В., Романова Е.В., Касьяник П.М. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости // Вестн. С.-Петербур. ун-та. 2016. Сер. 16. Вып. 3. С. 109–125.
5. Богдановская А.Б. Психосемантическое исследование личностно-смысловой организации автобиографического нарратива // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 153(1). С. 171–178.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ПРАКТИК ПОЖИЛЫХ СЕМЕЙ FEATURES OF LIFE PRACTICES OF OLDER FAMILIES

Н.А. Бухалова

*Нижегородский государственный
инженерно-экономический университет, г. Княгинино*

N.A. Buhalova

Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University, Knyaginino

Рассмотрены особенности межличностного взаимодействия в пожилых семьях. Представлены результаты социологического исследования проблем трансформации супружеских ролей и перераспределения обязанностей в семьях людей позднего возраста.

The features of interpersonal interaction in elderly families are considered. The article presents the results of a sociological study of the problems of transformation of marital roles and redistribution of responsibilities in the families of people of late age.

Ключевые слова: супружество, гендерное распределение ролей, пожилые люди, эгалитарная семья

Keywords: marriage, gender distribution of roles, older people, egalitarian family

Формирование демографической структуры современной России во многом обусловлено процессами старения населения. Наблюдается устойчивая тенденция роста старшей возрастной когорты как специфической социально-демографической группы. После достижения пенсионного возраста современный человек проживает в среднем еще 20-25 лет. Группа пожилых людей в настоящее время крайне не однородна, так как биологическое старение имеет лишь условные возрастные рамки. Исследования этой группы сфокусированы на проблемах здоровья и ухода [1; 2; 3], вопросы динамики супружеских отношений остаются на периферии научного анализа. Многочисленные исследования межличностных семейно-брачных практик посвящены проблемам молодежи и людей среднего возраста [4; 5], геронтологические проблемы супружества исследованы сегодня недостаточно. Увеличение продолжительности заключительного жизненного цикла семьи требует переосмысления супружеских отношений в позднем возрасте.

Выход на пенсию неизбежно связан с изменением устоявшегося, привычного быта человека, что отражается на межличностном взаимодействии пожилых супругов. Исследования показывают, что в позднем возрасте распределение супружеских ролей становится менее гендерно выраженным и носит ситуативный характер [6]. В позднем возрасте супружеские пары склонны к эгалитарной модели отношений. Однако психофизиологические особенности старшего поколения, снижение лояльности и проявление консервативных настроений ставят под сомнение однозначность подобных выводов.

С целью выявления особенностей жизненных практик пожилых семей в 2019 г. был проведен социологический опрос супругов-пенсионеров (n=12 супружеских пар). География исследования – Нижегородская область. Главной квотой для отбора респондентов послужил возраст супругов (55+ и 60– лет для женщин и мужчин соответственно). Возрастной диапазон составил 58-83 года. Исследование проводилось в парах, где оба партнера дееспособны, не имеют тяжелых заболеваний и позиционируют отношения с супругом как стабильные, устоявшиеся.

Опрос показал, что достижение пенсионного возраста и прекращение активной профессиональной деятельности становится сложным этапом семейных отношений и может спровоцировать обострение конфликтов и межличностных проблем. *«Все изменилось. Даже режим дня. Я учитель,*

сейчас очень тяжело, быстро устаю. Раньше после работы отдыхала, спала, читала...сейчас не могу, он не понимает, что мне нужно это время уединения, чтобы восстановиться...тяжело» (женщина, 64 года). *«Я жаворонок, да и привык на смену рано вставать, с пяти утра на ногах. Жена любит поспать, вот и ворчит... телевизор утром в наушниках смотрю»* (мужчина, 63 года). Супругам приходится заново учиться жить вместе, подстраиваться под режим дня и потребности, улавливать эмоциональное настроение друг друга: *«Я знаю Н. с детства, мы вместе с 13-ти лет. Когда-то я познакомился с девочкой, потом узнавал девушку...родились дети, и Н. опять изменилась...сейчас мне приходится учиться жить с бабушкой (смеется)»* (мужчина, 83 года).

Распределение обязанностей в пожилой семье предполагалось нами как ситуативное, исходя из состояния здоровья, физиологических возможностей и занятости супругов. Гипотеза нашла подтверждение в ожиданиях пожилых партнеров, говоривших о важности взаимопомощи, поддержки, равенстве в принятии решений. Женщины более лояльны к партнерской модели супружества, чаще демонстрируют ожидания, связанные с перераспределением домашних обязанностей. Однако в повседневном взаимодействии чаще воспроизводятся традиционные гендерные модели поведения: *«...домом занимаемся вместе, я двор убираю... свой дом внимания требует...подлатать, покрасить. З. внутри хозяйничает, готовит, убирает»* (мужчина, 71 год). Зачастую распределение обязанностей детерминировано именно гендерными стереотипами: *«Думала, на пенсию выйдет, легче будет, помощь мне... а он голодный весь день будет, но к плите не подойдет. Нет, готовит он прекрасно, но это моя обязанность»* (женщина, 58 лет). Тяготение к традиционным супружеским моделям привычно для пожилых россиян и воспринимается в качестве нормы, наличие свободного времени не является определяющим при разделении обязанностей. Мужчины более лояльны к сохранению гендерно детерминированных супружеских ролей, так как доминирование в семье способствует сохранению социального статуса.

Одним из важных факторов, оказывающих влияние на трансформацию супружеских ролей в семье, является состояние здоровья пожилых мужа и жены. На более поздних этапах семейной жизни распределение обязанностей чаще носит эгалитарный характер, например, мужчины берут на себя выполнение домашних обязанностей и уход за больной супругой, а женщины решают финансовые вопросы и занимаются хозяйственными делами. *«...после операции он больше не может работать, из бригады пришлось уйти. Пенсия даже лекарств не покрывает... я уже 7 лет пенсионерка, но приходится работать. У детей семьи, не хотим быть обузой... пока справляюсь»* (женщина, 62 года). Чаще уходова функция выполняется женщинами. Вывод

автора находит подтверждение в исследованиях российских и зарубежных ученых [7; 8]. Подчеркивается роль пожилых людей в уходе за своими супругами. Согласно статистическим данным, в Западной Европе 20% пожилых людей являются неформальными попечителями. В Швеции 14% людей более 75 лет были вовлечены в неформальный уход за пожилыми людьми. Исследование старших воспитателей в Исландии показали, что более 20% респондентов в возрасте 65 лет и старше выполняли обязанности по уходу за супругам, другим родственникам [9].

В пожилой семье особое значение приобретает психологический и эмоциональный комфорт. Отвечая на вопросы о взаимопонимании, пожилые супруги подчеркивали умение чувствовать брачного партнера, угадывать его настроение, эмоциональное состояние. Отмечалась значимость способности *«сглаживать острые углы»*, *«чувствовать границы»*, *«не доводить до критического»*. Ответственность за эмоциональный фон в семье возложена на женщину. Такова позиция большинства опрошенных. *«Я в нашей семье и психолог, и громоотвод...наверное, образование помогает... женщина по своей природе более чувствительна к таким вещам»* (женщина, 64 года), *«...это природа решила, что женщина мать и лучше знает, как воспитывать и семью беречь...»* (мужчина, 74 года), *«...я не замечаю этого, может быть, и есть проблемы... она всегда меня поддержит»* (мужчина, 83 года), *«женщина является основой счастливого брака»* (женщина, 58 лет). Такие черты, как чувствительность, деликатность, эмоциональность, открытость ассоциируются с женским началом и воспринимаются, скорее как врожденные, нежели достигаемые, приобретенные.

Таким образом, прекращение активной профессиональной деятельности и выход на пенсию способствуют изменению межличностных взаимодействий в семье пожилых людей. В поздний постпенсионный период наблюдается нивелирование гендерных стереотипов при перераспределении обязанностей и власти в семье. Жизненные практики пожилых семей в ранний постпенсионный период не соответствуют эгалитарным идеалам. Стремление к партнерским отношениям скорее провозглашается, нежели практически воплощается. Рассуждая о важности взаимопомощи, принципах равенства, отношениях партнерства пожилые супруги фактически воспроизводят традиционную модель брачных отношений. Наблюдается поддержание социального статуса через гендерное разделение обязанностей. Исследование супружеских отношений в позднем возрасте являются перспективной областью социологических исследований, так как способствует научному осмыслению процессов трансформации семьи и феномена старости.

Список литературы

1. Здравомыслова Е. «Сэндвич–синдром». Внутрисемейная забота о пожилых // Деловой Петербург, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.dp.ru/post/8574/> (Дата обращения: 16.04.2020).
2. Саралиева З.М., Судьин С.А. Дементный больной и семья: о новой практике социальной защиты // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов. Материалы Всероссийской конференции / Под науч. ред. А.П. Суходолова, И.С. Карпиковой, 2019. С. 207-213.
3. Киенко Т.С. Статус и проблемы геронтогруппы (по материалам опросов жителей Ростовской области) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 32-41.
4. Сердюченко Я.В. Факторы формирования жизненного мира молодой семьи в Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 249-253.
5. Жданова Н.Е., Тихомирова А.М. Особенности брачно-семейных установок в студенческой среде // Московский экономический журнал. 2017. № 3. С. 68.
6. Arber S. Gender, Marital Status and Intergenerational Relations in a Changing World // Global Ageing in the 21st Century: Challenges, Opportunities and Implications / ed. by S. McDaniel and Z. Zimmer. Farnham, Surrey: Ashgate, 2013. P. 215-234.
7. Елютина М.Э., Болотов Г.И. Супружеская солидарность в позднем возрасте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. № 1. С. 36-39.
8. Lu Chen, Hongli Fan, Lanlan Chu (2020). The Double-Burden Effect: Does the Combination of Informal Care and Work Cause Adverse Health Outcomes Among Females in China? Journal of Aging and Health, 2020 – URL: <https://doi.org/10.1177/0898264320910916>
9. Silverstein M., Giarrusso R.J. Aging and family life: A decade review(Review) // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72. Iss. 5. P. 1039-1058.

**РОССИЙСКАЯ БАБУШКА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗЫ И РОЛИ***
**RUSSIAN GRANDMA IN THE SOCIAL NETWORK:
THE MODERN IMAGE AND ROLES**

А.И. Ворошилова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

М.В. Такмаков

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, г. Санкт-Петербург*

A.I. Voroshilova

Ural Federal University, Ekaterinburg

M.V. Takmakov

Saint-Petersburg Electrotechnical University ETU «LETI», Saint-Petersburg

Представлены результаты контент-анализа сообществ социальной сети «ВКонтакте», посвященных бабушкам. Установлено, что в социальных сетях отражается сохранение традиционных социальных и культурных ролей, характерных для феномена русской бабушки.

The article presents the results of a content analysis of the social network communities dedicated to grandmothers. According to the analysis, it was found that social networks reflect the preservation of traditional social and cultural roles of the phenomenon of the Russian grandmother.

Ключевые слова: социальная сеть, контент-анализ, бабушки, прародительство, образ бабушки, социальные функции

Keywords: social network, content analysis, grandmothers, grandparents, grandmother's image, social functions

Феномен «русской бабушки» имеет огромное значение для российской культуры и ментальности, поскольку является одним из базовых культурных архетипов [1]. Это обусловлено той значимой социальной ролью, которую традиционно выполняли женщины старшего возраста в семье и обществе [2].

Однако сегодня достижения научно-технического прогресса спровоцировали ряд значимых социально-демографических и культурных сдвигов. Это, в свою очередь, сказалось и на традиционных гендерных и семейных ролях [3], в том числе традиционных социальных ролях прародителей [4]. Чтобы оценить происходящие социально-культурные сдвиги, касающиеся образа и социальной роли бабушек, мы использовали метод контент-анализа социальных сетей, широко применяемый сегодня в социально-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

гуманитарных исследованиях [5]. В качестве базы исследования была выбрана крупная социальная сеть «ВКонтакте», аудитория которой превышает 100 млн. активных пользователей.

На первом этапе исследования из всей совокупности сообществ «ВКонтакте» (N=31773412) мы отобрали сообщества, удовлетворяющие следующим критериям: 1) в названии сообщества встречалось слово «бабушка» и/или его морфологические формы; 2) численность сообщества превышала 1000 подписчиков. В результате была получена выборка, состоящая из 92 сообществ. По численности данная выборка включала в себя: 1) от 1000 до 10 000 подписчиков – 67 сообществ; 2) от 10 000 до 100 000 подписчиков – 14 сообществ; 3) от 100 000 до 1 млн. подписчиков – 18 сообществ. Следует отметить, что максимальный размер из найденных нами сообществ, имеющих отношение к бабушкам, составляет около 600 тыс. человек.

Далее в этих сообществах были выделены ключевые темы, анализ которых позволил описать некоторые характерные черты образа современной бабушки:

1. Темы, связанные с выполнением хозяйственных функций:

1.1. Кулинария. В результате контент-анализа выяснилось, что наиболее стойкая ассоциация с бабушками, используемая в названиях сообществ, связана с домашней едой. В частности, 30 из 92 сообществ, найденных по нашему запросу, содержат кулинарные рецепты. Бабушкина еда ассоциируется с домашним уютом, вкусной выпечкой, заготовками, сытными обедами, секретами кулинарного мастерства и опыта («Бабушкины рецепты», «Бабушкин погребок», «Бабушкино лукошко» и т. д.). При этом по социально-демографической структуре и возрасту участников такие сообщества в основном состоят из молодых людей и людей среднего возраста обоего пола.

1.2. Рукоделие. Классический стереотип о бабушке как о старушке с вязанием также нашел свое подтверждение в тематике сообществ «ВКонтакте». Рукоделию оказались посвящены 23 сообщества из 92 выбранных. Наиболее распространенными в этой категории являются группы, посвященные вязанию, однако также встречаются группы широкого профиля, посвященные различным хобби (в т. ч. о шитье, вышивке). Данные сообщества выполняют функцию виртуального «кружка по интересам», где женщины обмениваются сугубо практическими знаниями – схемами, идеями и инструкциями. Выборочный анализ возрастной структуры сообществ данной тематической категории показал, что только половина из указавших возраст подписчиц старше 40 лет, таким образом, такие классические «бабушкины» хобби, как вязание, на самом деле широко распространены и среди женщин молодого возраста. Более того, около 1–2% в таких группах составляют мужчины. В то же время, рукоделие

(особенно вязание) в массовом сознании ассоциируется с бабушками, что используется создателями групп как маркетинговый ход в названии сообществ («Бабушка вяжет», «Бабушка мастерица», «Бабушка чудодельница»).

2. Общекультурные тематики:

2.1. Народная мудрость. К данной категории мы отнесли 17 сообществ из 92, хотя контент данных сообществ является очень смешанным. Основная форма такого контента – это публикации полезных советов в различных областях (от медицины до домашнего хозяйства), а также изречений деятелей культуры, народных пословиц и поговорок. В названиях сообществ образ бабушки используется во взаимосвязи с народной мудростью и опытом предков («Бабушкины советы», «Советы бабушек и дедушек» и т. д.).

2.2. Юмор. Развлекательные сообщества являются очень массовыми в молодежной аудитории, однако по запросу «бабушка» таких сообществ было 10 из 92, и все они имели аудиторию до 10 000 чел. Контент таких сообществ в основном визуальный, например, короткие юмористичные видео, анекдоты и саркастические высказывания. И хотя юмористический контент направлен на широкую аудиторию, в названиях так или иначе используется образ бабушки (сумасшедшей, веселой, ехидной и т. д. – «Бабушкины заскоки», «Бабушкин камыш» и т. п.).

2.3. Религия. Еще одним аспектом, касающимся образа бабушки в социальной сети, стала религия. Ей посвящены 9 сообществ из выбранных 92. При этом большинство из них связаны с христианством («Бабушка-свечница (12+)», «Православные бабушки»). Публикации сообществ включают изображения икон, тексты молитв, отрывки из религиозной литературы. В этой же категории встречаются сообщества о так называемых «ясновидящих бабушках», предоставляющих различные платные услуги («Официальный сайт Бабушки Нины (Слепая)» и т. д.).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что анализ наиболее крупных сообществ социальной сети «ВКонтакте» показал следующее. Традиционный образ бабушки является укоренившимся культурным архетипом, используемым в названиях сообществ «ВКонтакте» определенной тематики. Эта тематика связана в массовом сознании с образом бабушки. Получается, что, с одной стороны, сообщества социальной сети используют уже сложившийся образ, а с другой – продолжают его культивировать.

Содержательно образ бабушки проявляется через два ключевых аспекта – это хозяйственные и социально-культурные функции бабушек в современной семье и обществе. С точки зрения хозяйственных функций образ бабушки ассоциируется, прежде всего, с домашней едой и рукоделием (особенно вязанием). С точки зрения социально-культурных функций бабушки остаются

носителями народной мудрости и духовности. Причем духовность бабушек проявляется в двух ипостасях, причудливо переплетающихся в российской культуре. С одной стороны, бабушка является традиционным адептом христианской религии, набожной старушкой, «божьим одуванчиком». С другой стороны, социальные сети используют образ бабушки как ведуньи (колдуньи, «Бабы-Яги», народной целительницы), который связан с мистикой, оккультизмом, обрядами и пророческими предсказаниями.

Несмотря на современные цивилизационные изменения, образ «русской бабушки» остается практически неизменным элементом культуры, базовым архетипом, ассоциирующимся в массовом сознании с домашним уютом и мудростью старшего поколения.

Список литературы

1. Себряк А.Н. Русская бабушка как один из архетипов русской культуры // Вестник славянских культур. 2018. № 1. С. 40–50.
2. Семенова В.В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия, XX век: биография семей как объект социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С. 326–354.
3. Семейная экосистема человека: монография / З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судьин, Д.А. Шпилев [и др.]. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с.
4. Арутюнян М.Ю. Изменение «Института бабушек»: социально-психологический аспект // Народонаселение. 2012. №1 (55). С. 76–85.
5. Pertegal-Vega M.B., Oliva-Delgado A., Rodríguez-Meirinhos A. Systematic review of the current state of research on online social networks: Taxonomy on experience of use // Comunicar. 2019. № 27 (60). P. 81–90. DOI: 10.3916/C60-2019-08.

**ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**VOLUNTARY CHILDLESSNESS IN THE RUSSIAN PROVINCE
(ACCORDING TO A SOCIOLOGICAL STUDY
IN THE IVANOV REGION)**

Н.Б. Гафизова, Е.О. Цалко

*Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Иваново*

N.B. Gafizova, E.O. Tsalko

*Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Ivanovo*

На основе социологических данных авторы делают попытку описать социальный портрет жителей русской провинции, ориентированных на бездетность. Авторы делают вывод, что идеология чайлдфри пока не получила широкого распространения в русской провинции. Сторонниками этой идеологии чаще всего являются молодые жители крупных городов России.

The article is based on the sociological research data – results of questionnaire and focus-group interview. The authors attempt to describe a social portrait of the inhabitants of the Russian province, oriented to childlessness. The authors conclude that the childfree ideology has not yet become widespread in the Russian province. Supporters of this ideology are most often young inhabitants of large cities.

Ключевые слова: репродуктивные установки, репродуктивное поведение, идеология чайлдфри, добровольная бездетность

Keywords: reproductive attitudes, reproductive behavior, childfree ideology, voluntary childlessness

Проблема изучения репродуктивных установок населения, их измерение в настоящее время стоит довольно остро. Об этом свидетельствует и то, что первая из девяти целей национального развития до 2024 года – обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации.

С проблемой низкого уровня рождаемости Россия столкнулась в 60-х гг. XX в., когда по показателям опустилась до уровня европейских стран. Однако, если в тот период сокращение рождаемости было во многом следствием трагических исторических событий, изменивших демографическую картину нашей страны, сейчас речь идет о трансформации репродуктивных установок и поведения россиян, в том числе появлении установок на сознательный отказ от рождения детей.

В демографической науке данная проблематика на протяжении последних лет изучается довольно активно. Только, если одни авторы напрямую заявляют о появлении в России так называемого феномена чайлдфри («свободных от детей»), другие исследуют группы факторов, влияющих на изменение календаря рождений или в целом отказ от рождения детей, другими словами разделяют бездетность на «вынужденную» и «добровольную» [1; 2; 3].

Цель нашего материала – представить результаты исследования репродуктивных установок и мотивации на добровольный отказ от рождения детей жителей Ивановской области. В основе исследования – результаты социологического опроса, проведенного авторами в 2019 году с целью изучения репродуктивных установок и репродуктивного поведения жителей Ивановской области. Для проведения анкетирования населения применялась стратифицированная непропорциональная выборочная совокупность, которую составили жители Ивановской области репродуктивного возраста. Основные квотируемые признаки: возраст, пол, место проживания. В каждом муниципальном образовании опрошены жители в возрасте от 18 до 49 лет соответственно половозрастным различиям и месту проживания – город/село. Всего проанкетировано 756 человек. По итогам осуществлялась выборочная проверка качества ее проведения методом фокус-группы. Были сформированы 4 фокус-группы по каждому типу муниципальных образований Ивановской области: городской округ, муниципальный район, городское поселение, сельское поселение.

В результате исследования была изучена мотивация рождения ребенка (первого, последующего), а также отказа от рождения детей.

Анкетирование показало, что 2/3 опрошенных имеют детей, 1/3 участников – не имеют (35.3%), что вполне очевидно, учитывая возрастной состав респондентов (от 18 лет).

Традиционно репродуктивные установки оцениваются через представления об идеальном и желаемом количестве детей. Опишем социальный портрет тех жителей Ивановской области, которые на вопрос о желаемом количестве детей, ответили 0. Количество мужчин, выбравших данный ответ, оказалось почти в 3 раза больше, чем женщин (2.2% против 0.8%). Среди возрастных групп, не желающих иметь детей, выделяются респонденты в возрасте 18-19 лет (2%), 25-29 лет (1.9%), 35-39 лет (3.9%). По образованию – это люди с начальным или средним профессиональным образованием и чаще проживающие в городских округах.

На вопрос «Идеальная семья – это семья с ... ребенком?» 1.1% ответили – без детей. На вопрос «Вы желаете, чтобы в Вашей семье, было ... детей»:

только 1.5% ответили – ноль. В целом, полученные данные сопоставимы с результатами других социологических исследований [4].

Как показывают исследования, факторы репродуктивного поведения – это жизненные условия, субъективное переживание которых влияет на принятие решения о рождении или нерождении ребенка. Прежде всего, подобным фактором выступает общая оценка жизни, восприятие будущего. Наш опрос показал, что среди тех, кто не связывает свою жизнь с рождением детей, 45.5%, думая о будущем, испытывают безысходность, 27,3% – безразличие.

Также отметим среди причин, которые влияют на желание отложить рождение детей на неопределенный срок (или отказаться вовсе от их рождения), превалируют следующие: *«хочется хоть какое-то время пожить для себя»*, *«нет надежды на то, что родственники смогут оказывать регулярную помощь в уходе за ребенком (или родственников нет)»*, *«пока не позволяют материальные возможности»*, *«необходимость выплачивать кредиты, которые не позволяют мне супругу(е)/партнеру(ше), хотя бы на время, оставить работу»*.

Более детально мотивация на отказ от рождения детей была изучена нами в ходе фокус-групповых интервью, проведенных в трех типах муниципальных образованиях Ивановской области: городском округе Иваново, муниципальных районах – Комсомольском и Юрьеvecком, сельском поселении Аньково Ильинского района. Всего было опрошено 37 человек.

Участникам интервью задавался вопрос: *«Есть ли среди Ваших знакомых те, кто вообще отказывается иметь детей? Как Вы думаете, каковы их мотивы?»* У большинства участников ответы были примерно одинаковые: *«таких не знаю»* (Максим, 35-39, 2 детей, село), *«я не знаю таких, для всех дети – счастье»* (Татьяна, 40-44, 2 детей, село), *«таких нет, все хотят хотя бы одного»* (Любовь, 30 -34, 1 ребенок, город), *«не встречал»* (Сергей, 25-29, село), *«это только в городах, а здесь жизнь простая – дом, огород, дети»* (Артем, 30-34, 4 детей), *«таких не знаю, без детей счастья нет»* (Наталья, 25-39, 4 детей, село). Как видим, такого мнения придерживаются, прежде всего, жители сельских поселений или районных городских поселений, имеющие детей.

Те, кто все же имеют таких знакомых, оказались в основном горожанами, не имеющими детей: *«не знаю, может я»* (Антон, 30-34, город), *«только из-за проблем в личной жизни»* (Борис, 35-39, 1 ребенок), *«не хотят принципиально, только для себя хотят жить»* (Юлия, 40-44, 1 ребенок), *«есть, у них такой тип мышления, они считают, что рождение ребенка ухудшит их жизнь»* (Алексей, 20-29), *«сознательный выбор из-за здоровья»* (Татьяна, 30-34), *«есть, просто не хочет, только для себя хочет жить»* (Никита, 15-19).

Сознательный отказ от деторождения мы зафиксировали только в г.о. Иваново. Участники из малых городов и села практически не встречаются с чайлдфри. Показательно высказывание Натальи из Комсомольского района («... таких быть не может, это все напускное. Мои знакомые говорили, что не хотят, а потом оказалось, что у них были проблемы со здоровьем») (Наталья, 35-39, 3 детей, село)). Люди в сельской местности не верят в возможность сознательного отказа от детей.

Подводя итог, хотелось бы сформулировать несколько выводов по нашему исследованию. Во-первых, бездетность в русской провинции носит скорее вынужденный характер, обусловленный материальными трудностями или проблемами со здоровьем. Во-вторых, добровольно бездетными считают себя только 1,5% опрошенных и, в основном, это молодые люди (чаще мужчины), проживающие в областном центре. Поскольку все те, кто отнес себя к добровольно бездетным, находятся в детородном возрасте, говорить о том, что их бездетность окончательная, преждевременно. Делать вывод о распространении идеологии чайлдфри в российской глубинке пока представляется необоснованным. В целом, можно утверждать, что установки на бездетность как социально одобряемый феномен и, тем более, как социальную норму, скорее, характерны для крупных городов и распространены в молодежной среде.

Список литературы

1. Белинская Д.В. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. 2018. Т 4. №13. С. 12–19.
2. Смирнова А.В. Брак с детьми или без детей: установки молодоженов (На материале Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2010. №3. С. 8–15.
3. Тындик А.О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 96 с.
4. Гурко Т.А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-studentov-v-otnoshenii-roditelstva-i-sotsialnyh-roley-muzhchin-i-zhenschin>.

**КОНФЛИКТЫ В СЕМЬЕ КАК РЕСУРС ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**
**CONFLICTS IN THE FAMILY AS A RESOURCE FOR IMPROVING
RELATIONSHIPS ENGLISH TRANSLATION**

Е.Б. Задорожникова
Ивановский государственный университет, г. Иваново
E.B. Zadorozhnikova
Ivanovo State University, Ivanovo

Посвящено проблеме семейной конфликтности и выявлению ресурсных возможностей для оптимизации взаимоотношений между членами семьи.

The article is devoted to the problem of family conflict and identification of resource opportunities for optimizing relationships between family members.

Ключевые слова: семья, семейный конфликт, ресурсы личности, стратегии поведения в конфликте

Keywords: family, family conflicts, personal resources, strategy of behavior in conflict

Семья в современной России переживает тяжелые времена. На ней сказываются и экономические проблемы общества, и социальная политика государства, и его реформы, проводимые в самых разных сферах. Когда преобладают отрицательные последствия нововведений, это тоже сказывается и на внутреннем состоянии семьи, из-за чего растет напряжение, которое рано или поздно выливается в конфликты.

Наиболее широкое распространение получило понимание конфликта как столкновения сторон, мнений, сил. Мы разделяем мнение о том, что конфликт – это точка, способствующая либо развитию системы человеческих взаимоотношений, путь к взаимопониманию, росту семьи, либо провоцирующая дисфункциональное ее существование, возможное появление и развитие новых симптомов, вплоть до ее разрушения. С конструктивной точки зрения, конфликт указывает на задачу, которую нужно решить.

Любопытно, что супруги, как правило, убеждены, что конфликты мешают развитию взаимоотношений и тормозят их. Такие ситуации выводят из состояния равновесия и привычного комфорта в состояние неопределенности и создают зону напряжения. Возникает психологический дискомфорт в семье. Все воспринимается только в негативном свете. Раздражение, злость, страх и ограничивающие убеждения не дают увидеть объективную картину происходящего. Конфликтующие стороны часто переходят на личности, разбрасываются негативными эмоциями и больно ранят друг друга. Конфликт

задевает за живое и не отпускает до тех пор, пока не будет найдено верное решение.

Однако, по мнению психологов, конфликты могут быть конструктивными и стать точкой роста для супругов. Любой конфликт как отсутствие согласия между участвующими в нем людьми может стать ресурсом для развития семейных отношений. Он может изменить мировоззрение в сторону большей осознанности личностных ресурсов и нового уровня взаимопонимания с близкими людьми.

Исследователи выделяют следующие виды конструктивного влияния семейного конфликта на его основных участников:

- конфликт обнаруживает и разрешает противоречия, возникающие в отношениях между людьми. Своевременное выявление и разрешение конфликта может предотвратить тяжелые последствия;

- конфликт помогает глубже оценить индивидуально-психологические особенности людей, участвующих в нем, их ценностные ориентации, мотивы, стресс-реакции;

- в состоянии конфликта люди более четко осознают как свои, так и противостоящие им интересы и цели, полнее обнаруживают существование объективных проблем и разногласий;

- конфликт способствует выявлению ожиданий, представлений, ориентаций относительно друг друга или восприятие такового каждым из супругов, а также относительно образа семьи и брака каждым из супругов;

- конструктивное разрешение конфликта приводит к установлению контроля за соблюдением общепринятых правил, норм и ценностей;

- способствует обнаружению общего и созданию новых норм и правил либо изменению старых, исходя из новых обстоятельств жизни семьи;

- помогает согласованному распределению прав и обязанностей либо корректировке старых;

- в результате решения конфликтных противоречий происходит разрядка психической напряженности, снижается интенсивность негативных эмоций;

- конфликт устраняет полностью или частично имеющиеся противоречия, освещая узкие места, нерешенные вопросы;

- конфликт служит источником развития личности, межличностных отношений, в процессе конструктивного решения конфликтных вопросов человек приобретает социальный опыт выхода из трудных ситуаций.

В современной конфликтологии выделяют пять стратегий поведения в конфликтной ситуации:

- приспособление – одна из сторон во всём соглашается с другой, но имеет свою точку зрения, которую боится высказать;

- избегание – уход от конфликтной ситуации (интересы остаются не удовлетворенными у обоих партнеров);

- компромисс – относительно приемлемое для обеих сторон решение (потребности удовлетворяются частично у партнеров);
- соперничество – активное противостояние другой стороне (стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому);
- сотрудничество – установление взаимовыгодной договоренности (полностью удовлетворяются интересы обеих сторон).

Понятие «семейные конфликты» С.М. Емельянов описывает как противоборство между членами семьи на основе столкновения противоположно направленных мотивов и/или взглядов, то есть столкновение происходит в тот момент, когда члены семьи не готовы идти на уступки своему близкому человеку [1].

Отличительными особенностями семейного конфликта являются следующие. Во-первых, он пронизывает все сферы бытия, то есть, существует на всех уровнях: социально-экономическом, политическом, культурно-нравственном, зависит от государственной идеологии, устоявшихся социальных ролей и стереотипов в обществе. Во-вторых, для семейного конфликта характерен внетерриториальный, вненациональный и внегосударственный аспект. В-третьих, данный вид конфликтов стоит вне зависимости от временных рамок. В-четвертых, члены семьи не являются противоборствующими сторонами, адекватно осознавшими свои цели, скорее они жертвы собственных неосознаваемых личностных особенностей и неправильного, не соответствующего реальности, видения ситуации и самих себя. В-пятых, для семейных конфликтов характерны крайне неоднозначные и потому неадекватные ситуации, связанные с особенностями поведения людей в конфликтах.

Выделяют позитивные (в ходе разрешения, которых семья переступает на более высокую ступень развития) и негативные (в результате которых супружеские отношения входят в тупик, проблемы не решаются, а затягиваются во времени и обостряются) семейные конфликты. Позитивные конфликты рассматривают как неизбежную и необходимую часть семейных отношений. Позитивность или негативность конфликта в семье в основном зависит не от причины, его вызывающего, а, скорее, от способа его разрешения. То есть, важно не пытаться избавиться от конфликтов в семье, а научиться их разрешать наиболее адекватными способами. Борьба или несогласие по поводу фундаментальных ролей или ожиданий в семье и браке приводит к конфликту, который называется базовым конфликтом. Борьба или несогласие по поводу проблемы, которая может казаться важной, но не угрожает семейно-брачным отношениям, если остается нерешенной, называется небазовым конфликтом.

Следует отметить, что интенсивность протекания конфликта, его сила, скорость перерастания из одной фазы в другую определяются не только

интересами, целями, стилями поведения сторон, но и их ресурсами. Обладание теми или иными ресурсами придает силу конкретному участнику конфликта, дает ему большее число степеней свобод в выборе тактических приемов воздействия на оппонента. Потеря ресурса или осознаваемая субъектом возможность его потерять увеличивают напористость конфликтного поведения в зависимости от личностной значимости данного ресурса.

Ресурсы личности – это ее потенциальные возможности в самых различных и самых важных сферах жизнедеятельности. Но ценность ресурса определяется не возможностью, а актуализированной потребностью в нем и его дефицитом. Не все они равноценны для личности, но в совокупности они обеспечивают более или менее успешную самореализацию личности. Но, так или иначе, любой конфликт – это осознаваемая или неосознаваемая борьба за ресурс.

Таким образом, семейные конфликты обладают серьезным ресурсным потенциалом для оптимизации семейных взаимоотношений. При этом важно учитывать, что ресурсы как возможность и готовность участников конфликта на затраты ради цели напрямую связаны с потребностями личности и мотивами ее поведения, и личностный ресурс может одновременно выступать как средство достижения цели, так и самой целью и условием решения личностных, а также межличностных проблем.

Список литературы

1. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. 3-е изд. СПб.: Питер, 2009. 384 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА CONTEMPORARY DISCUSSIONS IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF CHILDHOOD

Т.Н. Захаркина
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
T.N. Zakharkina
Lobachevsky University

Рассматриваются актуальные темы современных дискуссий в контексте феномена детства. Представлены научные мнения об этапах становления социологии детства, периодизации детства, толковании границ детства.

The article deals with current topics of modern discussions of the phenomenon of childhood. Scientific opinions on the stages of the formation of the sociology of

childhood, periodization of childhood, interpretation of the boundaries of childhood are presented.

Ключевые слова: социология детства, периодизация детства, границы детства, потребительская социализация

Keywords: sociology of childhood, periodization of childhood, boundaries of childhood, consumer socialization

Исследование феномена детства не является новым направлением в социологическом знании. Расширение и углубление проблемного поля исследований, в которых дети становились главными объектами изучения, стали предпосылками выделения социологии детства в отдельную отрасль знаний. Авторами описывается процесс становления социологии детства, согласно которому

- на первом этапе выделяются теоретические концепции, определяющие детство как временную структуру общества;
- на втором этапе детство уже (как отдельная отрасль знания) рассматривалось в качестве подготовительного этапа к взрослой жизни;
- на третьем этапе детство характеризуется как важная часть социальной структуры и дети рассматриваются как реальная социальная общность, включенная в различные виды социального взаимодействия [1].

Вследствие этого детство уже является не только социологическим концептом, а рассматривается как антропологический, культурологический, психолого-педагогический, правовой феномен, исследуемый на междисциплинарной платформе. Например, в рамках психолого-педагогического поля субкультура детства рассматривается в контексте образовательного пространства, которое включает совокупность всех природных и социокультурных объектов (как материальных, так и духовных – традиции, ценности, верования, обычаи, произведения искусства и литературы и др.) [2]. Уделяется внимание исследованию возрастных кризисов детства, психологии устойчивого развития, трансформации межпоколенных отношений, глобализации детства, ретроспективного взгляда на феномен детства и его изменения, а также его исследования в творчестве отечественных и зарубежных авторов-классиков и современников на примере их произведений и автобиографий.

Одной из наиболее обсуждаемых тем является вопрос о необходимости пересмотра периодизации детства. В условиях гаджетизации детства и расширения коммуникативных связей в рамках виртуального пространства дети становятся акторами потребительского процесса, позволяющего формировать и развивать навыки (ир)рациональной покупки и использования

товаров и услуг. На этом фоне общепринятая периодизация, основанная на стадиях психофизического развития и условиях, в которых протекает воспитание (младенчество, дошкольный возраст, дошкольный возраст (младший/средний/старший), школьный возраст (младший/средний/старший)) теряет свою актуальность. Периодизация, базирующаяся на ведущих типах деятельности ребенка (0-1 год — непосредственно эмоциональное общение; 1-3 года — предметно-манипулятивная деятельность; 3-7 лет — сюжетно-ролевая игра; 7-11 лет — учение; 11-18 лет — общение в процессе учебной и организационно-профессиональной деятельности), носит более информационный характер и не представляет содержательного веса при эмпирических исследованиях феномена детства. В этой связи, основываясь на потребительской социализации ребенка, авторы предлагают следующую периодизацию детства [3]:

1. Детство от 0 до 6 лет (дети-драйверы семейного потребления);
2. Начинающие потребители 7-10 лет (покупки одобряем взрослыми и мотивируемые рекламой);
3. Самостоятельные (активные) потребители 11-15 лет (покупки предметов повседневного пользования, накопительство, уход от сиюминутного рекламного мотивирования, уход из-под влияния семьи на потребительское поведение в сфере услуг);
4. Опытные потребители 16-17 лет (осуществление сознательного выбора товаров и услуг).

Основываясь на нормативно-правовых документах (Конвенции о правах ребенка, Конституции РФ, Семейном Кодексе РФ и др.), авторы задаются вопросом не только о пересмотре возрастной классификации, но и толковании границ детства в принципе: «Многие документы противоречивы и в определении «самости», и дееспособности детей и молодежи с помощью возрастного критерия» [4]. Акцентируется внимание на введении понятия преддетства, характеризующегося уже существующими социальными институтами и традициями, духовно-нравственными основами и устоями, ценностями и привычками, целями и средствами их достижения [4].

Необходимость пересмотра периодизации и определения границ феномена детства вызвана не только внешними социокультурными изменениями, но и особенностями прикладных исследований детства. Предполагается, что новая периодизация детства позволит более аргументированно применять различные методы исследования в корреляции с возрастом ребенка, а также нивелировать факт «продлевания детства» в представлении родителей при эмпирических исследованиях.

Список литературы

1. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как субъект социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62–69.
2. Широких О.Б. Образовательное пространство современного детства как объект социологических исследований // Педагогическое образование и наука. 2019. № 3. С. 38–45.
3. Колосова Е.А. Потребительская социализация детей: подходы и практики // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия. Научная монография / Отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М., 2017. С. 139–156. 1 CD ROM.
4. Шубе В.З. Право ребенка на детство: методологические контуры исследования // Сибирский международный. 2018. № 20. С. 98–102.
5. Чичканова Т.А., Искрил Н.С. Детство как предмет педагогического исследования // Детство как антропологический, культурологический, психолого-педагогический феномен. Материалы II Международной научной конференции. Часть 1. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. С. 5–9.

МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕДОВЕРИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОТЕНЦИАЛУ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ INTER-INSTITUTIONAL INTERACTION IN THE PROCESS OF OVERCOMING DISTRUST OF THE SOCIAL POTENTIAL OF LARGE FAMILIES IN MODERN RUSSIA

Е.В. Камышова
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск*
E.V. Kamyshova
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Необходимость решения задачи повышения рождаемости в условиях демографического кризиса в современной России требует одновременно преодоления недоверия к социальному потенциалу многодетных семей. Активизация межинституционального взаимодействия в процессе преодоления общественного скепсиса и негатива в отношении данного типа семей – один из стратегически важных вариантов решения данной проблемы.

The need to solve the problem of increasing the birth rate in the context of the demographic crisis in modern Russia requires simultaneously overcoming distrust of the social potential of large families. Activation of inter – institutional interaction in the process of overcoming public skepticism and negativity about this type of family is one of the strategically important options for solving this problem.

Ключевые слова: многодетные семьи, социальный потенциал многодетных семей, социальные институты, межинституциональное взаимодействие, социальная работа

Keywords: large families, social potential of large families, social institutions, interinstitutional interaction, social work

Проблема недоверия к социальному потенциалу многодетных семей (под которым нами понимаются ресурсы конкретных семей данного типа, требующиеся для предупреждения и решения актуальных для них проблем, с одной стороны, а также средства, запасы и источники, от которых зависит вклад многодетных семей в жизнедеятельность социума, с другой стороны) в современной России чрезвычайно актуальна.

В ежегодном Послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию в 2020 г. одним из основных стал тезис, согласно которому: «Будущее России зависит от того, сколько нас будет» [1]. В условиях кризисной семейно-демографической ситуации, наиболее серьезным проявлением которой является депопуляция, очевидно, что именно переход к массовой многодетности является основным условием, гарантирующим выживание российской нации, и одновременно важнейшим фактором демографической безопасности страны [2]. Именно поэтому сегодня в России особое значение приобретает целенаправленная, последовательная, системная работа по преодолению недоверия к социальному потенциалу многодетных семей. Без этого добиться изменения отношения россиян к многодетности в положительную сторону и повышения рождаемости за счет значительного увеличения случаев появления в семьях третьих и последующих детей – представляется чрезвычайно сложным.

Ни в коем случае не преуменьшая значимость социальной работы с конкретными многодетными семьями, столкнувшимися с проблемами и испытывающими недостаток ресурсов для их преодоления, а также с их социальным окружением, которое скептически или негативно относится к ним, необходимо все же сделать акцент на том, что в современной семейно-демографической ситуации в России процесс преодоления недоверия к социальному потенциалу таких семей должен выстраиваться, прежде всего, на макроуровне. Именно на уровне всего общества и его социальных институтов, включенных в реализацию семейно-демографической политики государства, должна проводиться активная работа по социальной поддержке многодетных семей, формированию их положительного имиджа и преодолению скептического и негативного мнения окружающих об их социальном потенциале. Это значимо из-за серьезных негативных последствий недоверия к многодетным семьям для всего российского общества (дальнейшей трансляции

образа многодетной семьи как неблагополучной; их социального исключения из ряда отношений и сфер общества; игнорирования достижений благополучных многодетных семей, которые способны быть примером для других; сознательного отказа многих людей от многодетности и др.). Значит, и решаться данная проблема должна усилиями всего общества, всех связанных с ней социальных институтов.

При этом обязательным условием решения рассматриваемой проблемы на макроуровне является активное межинституциональное взаимодействие, которое отражает процессы воздействия разных социальных институтов друг на друга, их изменение, взаимную обусловленность, объединение имеющихся ресурсов и совместную деятельность в сфере семейно-демографической политики в целях пропаганды в обществе ценностей многодетных семей, формирования их положительного имиджа и адресной социальной поддержки тех из них, кто нуждается в повышенной защите. Конечная цель такого взаимодействия – в преодолении общественного недоверия к социальному потенциалу многодетных семей в России, и росте числа тех ее граждан, которые сознательно решаются на рождение и воспитание троих и более детей.

Конкретные задачи межинституционального взаимодействия в решении обозначенной проблемы должны формулироваться на уровне государства, которое в данном случае выступает организующим, координирующим и контролирующим социальным институтом. Одновременно для достижения ощутимых положительных результатов в этот процесс, наряду с семьей и государством, должны быть активно вовлечены учреждения и службы, функционирующие в рамках институтов образования, здравоохранения, социальной защиты, культуры, охраны правопорядка, рекламы.

При этом все субъекты, в рамках межинституционального взаимодействия вовлеченные в решение указанной задачи, должны отдавать себе отчет в том, что преодоление недоверия к социальному потенциалу данного типа семей – это длительный процесс, учитывая, насколько устоявшимся является подобное отношение к ним в современном российском обществе. В условиях «агрессивно-малодетного общества» [3] многодетность воспринимается большинством россиян как явление исключительное или даже девиантное. Как следствие, образ жизни семей с тремя и более детьми ассоциируется преимущественно с неблагополучием, бедственным положением, нехваткой родительской любви и материальными лишениями. Ситуацию в негативном смысле усугубляет влияние целого ряда факторов: малочисленность и поэтому нетипичность таких семей в сравнении с большинством (малодетными и бездетными семьями); несоответствие ценностей многодетности (связанных с рождением и воспитанием детей, прочностью семейных отношений)

установкам индивидуализма, карьеризма, приоритета материальных благ, жизни «в свое удовольствие», которые превалируют в современном социуме; распространенность негативных стереотипов о сниженном потенциале многодетных семей и реальные примеры их неблагополучия и социальной уязвимости. Это усиливает негативные последствия проблемы недоверия к социальному потенциалу многодетных семей и одновременно объясняет значимость межинституционального взаимодействия в процессе ее преодоления.

Конечно, современная российская социокультура знает реальные примеры межинституционального взаимодействия в решении рассматриваемой проблемы. Так, в рамках взаимодействия института семьи, а также учреждений и служб, функционирующих в рамках институтов государства, образования, здравоохранения, социальной защиты, рекламы и других апробированы и продолжают активно внедряться разные социокультурные технологии преодоления недоверия к социальному потенциалу многодетных семей. В их числе, например, технологии социальной поддержки (выплата социальных пособий, материнский (семейный) капитал, жилищно-коммунальные льготы, бесплатное предоставление земельного участка нуждающимся, льготы при оплате услуг детских дошкольных учреждений, льготная ипотека, право на досрочную пенсию многодетным матерям и др.), которые позволяют повысить уровень социальной защищенности таких семей и, соответственно, сохранять и воспроизводить их социальный потенциал. Заметен и опыт организации социально-культурных мероприятий, направленных на повышение престижа многодетности в обществе (фестивалей, смотров, конкурсов, в центре которых – многодетные семьи). В рамках межинституционального взаимодействия развиваются технологии связи с общественностью, социального партнерства, социального проектирования. И в этом смысле межинституциональное взаимодействие уже сейчас дает положительные результаты – таких семей в России стало действительно больше.

Тем не менее, нельзя не отметить и недостатки в практике такого взаимодействия: неразработанность его концептуальных основ, недостаточное нормативно-правовое обеспечение партнерства, формальный характер и нерегулярность многих мер и мероприятий. Эти несовершенства и трудности, конечно же, тоже требуют научного осмысления и устранения в ближайшей перспективе. Только при многосубъектном, комплексном, системном подходе, на условиях равного партнерства всех включенных в данный процесс социальных институтов расширяются возможности для формирования положительного имиджа многодетной семьи в социуме, что чрезвычайно важно для изменения демографической ситуации в России.

Список литературы

1. Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]: официальный сайт. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/>
2. Антонов А.И. Многодетная семья в агрессивно-малодетном обществе [Электронный ресурс] // Демография: научный интернет-журнал. Режим доступа: <http://wiki.ru/sites/demografiya/id-articles-454566.html>.
3. Верещагина А.В. Демографическая безопасность России / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, П.В. Станиславский; под ред. П.С. Самыгина. М.: РУСАЙН, 2016. 116 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ SOCIAL EXCLUSION OF LARGE FAMILIES IN MODERN RUSSIA

Е.В. Камышова, В.В. Кочетков
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск*
E.V. Kamyshova, V.V. Kochetkov
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Основной проблемой многодетных семей в современной России является ее социальная уязвимость, вызванная эксклюзией. В этой связи важны анализ факторов и проявлений их социальной эксклюзии, а также активная семейно-демографическая политика, ориентированная на разрушение ее механизмов и преодоление негативных последствий.

The main problem of large families in modern Russia is its social vulnerability caused by exclusion. In this regard, it is important to analyze the factors and manifestations of their social exclusion, as well as an active family and demographic policy aimed at destroying its mechanisms and overcoming negative consequences.

Ключевые слова: многодетные семьи, социальная эксклюзия, социальная уязвимость, семейно-демографическая политика, социальная работа

Keywords: large families, social exclusion, social vulnerability, family and demographic policy, social work

В современной России под влиянием целого комплекса социокультурных факторов все более отчетливо проявляет себя процесс дифференциации семей на группы, представители которых обладают разным социальным потенциалом и жизненными шансами. В условиях трансформаций ценностно-нормативной системы, социального расслоения общества и обострения социального неравенства усиливается негативное отношение к тем категориям семей,

которые оказались в трудной жизненной ситуации, испытывают сложности в решении своих проблем и требуют к себе особого внимания и поддержки со стороны общества и государства, в результате чего они оказываются в числе социально исключенных.

Одной из таких категорий являются многодетные семьи, у которых трудная жизненная ситуация формируется именно под воздействием социальной эксклюзии. Под последней нами понимается процесс ограничения доступа многодетных семей к общественным благам, а также их участия в важных общественных сферах и отношениях.

В основе социальной эксклюзии многодетных семей в современной России заложено, прежде всего, влияние социальных стереотипов, то есть устойчивых, разделяемых большинством представителей общества установок и мнений, связанных с особенностями жизнедеятельности конкретных социальных групп. В отношении многодетных семей среди таких стереотипов преобладают те, которые транслируют непонимание, неодобрение, неприязнь. Согласно результатам социологических опросов, у большинства россиян многодетность ассоциируется с бедностью, девиантностью и неблагополучием (в частности, с низким уровнем культуры, хроническими заболеваниями, детской безнадзорностью, родительским алкоголизмом и т.д.) [1; 2; 3]. Например, в общественном сознании прочно укоренился стереотип в отношении образа многодетной матери, исходя из которого – это всегда уставшая, неухоженная женщина, внимание которой сосредоточено только на муже и детях, загруженная семейно-бытовыми обязанностями, не ставящая себе цели личностного и профессионального роста, не соответствующая современным требованиям рынка труда, являющаяся постоянным клиентом социальных служб. В отношении детей из многодетных семей часто используются такие характеристики, как «безнадзорные», «неуспевающие в учебе», «невоспитанные», «проблемные» и т.д. А многодетные отцы в представлениях многих – это либо мужчины, почти не бывающие дома из-за необходимости зарабатывать и обеспечивать семью, либо неудачники, алкоголики, для которых многодетность стала «случайностью» и которые не чувствуют ответственности за семейную ситуацию. В результате вокруг многодетных семей существует «некоторая зона социального неодобрения и даже отторжения» [4, с. 15]. Укоренившиеся представления о них как о «неблагополучных» и «социальных иждивенцах», требующих к себе внимания и затраты ресурсов, провоцируют «защитную» отторгающую реакцию у других социальных групп и категорий семей, что, в свою очередь, является одной из причин отсутствия инклюзивного отношения к ним. И хотя в реальности многодетные семьи – это неоднородная социально-демографическая группа,

которую представляют и те, кто соответствуют негативным стереотипам, и те, кто своими ценностями, активностью и успешностью опровергают устоявшийся в отношении них образ неблагополучия, все равно проявления и последствия социальной эксклюзии в той или иной мере испытывают большинство из них.

На процесс социальной эксклюзии многодетных семей в современной России серьезное влияние оказывают и экономические факторы. Ситуации материального неблагополучия особенно распространены в семьях с неработающими матерями. Но даже если в таких семьях трудоустроены оба родителя и старшие дети, все равно из-за большого количества иждивенцев многие указывают на наличие серьезных материальных проблем [4]. Ограниченные материальные возможности, даже если изначально они затрагивали только финансовую сторону жизнедеятельности семьи, обязательно влекут впоследствии лишения в других сферах жизни, усугубляя процесс социального исключения. Например, для многих семей все чаще становится недоступным высшее образование детей в связи с его коммерциализацией, платные медицинские услуги, санаторно-курортный отдых и др.

К числу факторов социальной эксклюзии многодетных семей относятся также ограничения и нарушения их прав в трудовой сфере. Это особенно актуально для многодетных матерей, ведь им часто отказывают в приеме на работу, а уволить могут в числе первых. Проблемы с трудоустройством, предложение низкоквалифицированной и малооплачиваемой работы, отсутствие вариативной занятости и гибкого рабочего графика, отказы в неполном рабочем дне приводят к отказу многодетных матерей работать в подобных условиях. В результате в ответ на эксклюзию со стороны общества многодетные матери и сами отгораживаются от него, «закрываются» в семье.

Социальная эксклюзия опасна травмирующим влиянием на социально-психологическое состояние членов многодетных семей, формированием у них конфликтных моделей поведения с представителями социума, снижением их социальной активности, формированием иждивенческой позиции. Социальное исключение нередко приводит к тому, что многодетные семьи в ответ на негативную реакцию представителей общества уже и по собственной инициативе, а не только по инициативе общества, выстраивают труднопреодолимые социальные барьеры. Как следствие, семьи перестают использовать собственные ресурсы, перекадывают ответственность за ситуацию эксклюзии, в которой оказались, на внешние силы и обстоятельства.

Проявления социальной эксклюзии многодетных семей, к сожалению, имеют место и в практике социальной работы, ведь им навешивают ярлыки «лодырей», «лентяев», «социальных иждивенцев». Есть примеры, когда

многодетные родители не обращаются в социальные службы за помощью, так как им приходилось слышать высказывания типа «никто не заставлял вас столько детей рожать», «а о чем вы раньше думали, когда детей рожали» и т.д. И хотя в каких-то случаях такие оценки поведения многодетных родителей, действительно, справедливы, тем не менее, распространять их абсолютно на всех как в целом в социокультурной практике, так и в деятельности социальных служб нельзя. Подобное не способствует ни повышению эффективности взаимодействия социальных служб и многодетных семей, ни преодолению социальной эксклюзии последних.

Для снижения остроты проблемы социального исключения многодетных семей в современном российском обществе важно оказание им дифференцированной и адресной материальной, социально-психологической, социально-правовой, социально-педагогической и иной помощи, различной по характеру, размерам, длительности, регулярности, но одинаково отвечающей их потребностям и интересам, повышающей их уверенность в собственных силах и возможностях в плане выстраивания конструктивных отношений с социумом. При этом общим для всех категорий многодетных семей в процессе преодоления социальной эксклюзии является нуждаемость в моральной поддержке со стороны общества. Общие подходы в рамках семейно-демографической политики должны основываться на создании инклюзивной культуры в обществе. Через взаимодействие многодетных семей с учреждениями, представляющими институты социальной защиты, образования, здравоохранения, культуры, СМИ и др., возможно разрушение негативных стереотипов, осложняющих их жизнь, преодоление социальных барьеров, а также собственно профилактика и решение актуальных для них проблем. Важным ресурсом такого взаимодействия являются благополучные, успешные в разных аспектах многодетные семьи, которые уже смогли преодолеть эксклюзию, а также созданные ими общественные организации, группы само- и взаимопомощи.

Список литературы

1. Архипова Л.Ю. Образ многодетности в репрезентациях социума (региональный аспект) [Электронный ресурс] // *Universum*. 2019. № 7 (62). С. 12–17.
2. Вовк Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // *Нормы и ценности*. 2007. № 3. С. 33–46.
3. Смолева Е.О. Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 2. С. 116–137.

4. Грудина Т.Н. Ценностные ориентации многодетной семьи в России / Т.Н. Грудина: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2014. 24 с.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ FEATURES OF TRANSFORMATION OF THE MODERN FAMILY

Н.В. Капитанова

*Нижегородская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации, г. Нижний Новгород*

N.V. Kapitanova

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Nizhny Novgorod*

Дано определение понятия «трансформация семьи». На основе статистических данных автором сделаны выводы о том, что понятие семьи и семейных ценностей у современных россиян соответствует общепринятым нормам, а процесс трансформации семьи следует рассматривать как адаптацию участников семейных отношений к постоянно меняющимся условиям среды.

The article defines the concept of "family transformation". Based on statistics, the author concludes that the concept of family and family values in modern Russians corresponds to generally accepted norms, and the process of family transformation should be considered as a process of adaptation of participants in family relations to constantly changing environmental conditions.

Ключевые слова: брак, семья, социальный институт, общество, трансформация семьи

Keywords: marriage, family, social institution, society, family transformation

Семья – один из основных социальных институтов общества, благодаря которому человечество, в прямом смысле, существует. Ведь именно в семье идут процессы воспроизводства населения, преемственности поколений, социализации детей. Ни одно цивилизованное общество, ни одна нация на любом историческом этапе не могли обойтись без семьи, потому и невозможно уменьшить ее значение.

Изменения, происходящие в современном российском обществе, оказывают влияние практически на все социальные институты, в том числе, затрагивая и институт семьи, который в свою очередь претерпевает функциональные и структурные изменения. Иными словами, семья трансформируется в условиях постоянно изменяющегося общества. Попробуем разобраться, что же представляет собой процесс трансформации современной семьи?

Большой социологический словарь дает следующие определения понятий «семья» и «трансформация».

Семья (от англ. Family). 1. Социальный институт, характеризующийся определенными социальными нормами, санкциями, образцами поведения, правами и обязанностями, регулирующими отношения между супругами, родителями и детьми. Основные функции семьи: воспроизводство населения и социализация. 2. Малая группа, основанная на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной ответственностью и взаимопомощью [1].

Трансформация (от англ. Transformation – преобразование). Преобразование социальных институтов, социальных структур, нередко сопровождающееся их коренной ломкой [2].

Таким образом, понятие «трансформация семьи» подразумевает изменение социальных норм, санкций, образцов поведения, прав и обязанностей, регулирующих отношения между супругами, родителями и детьми.

По данным Росстата, в 2019 г. процент разводов относительно зарегистрированных браков составил 65%, точно такая же цифра наблюдалась и в 2018 г. Для сравнения, 30 лет назад данное соотношение было равным 42%, а 70 лет назад всего лишь 4%. Разводы в то время были редкостью [3].

Вместе с тем, по данным социологического опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – «ВЦИОМ») о причинах разводов в России, на первом месте находятся материальные факторы: бедность, отсутствие работы, невозможность прокормить семью. Общенациональная проблема наличия в стране высокого уровня населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, оказывает дестимулирующее воздействие на институт брака и семьи. Тенденция влияния данного фактора нарастающая. По мнению населения разных возрастных групп из 46 регионов России, за 6 последних лет практически в два раза больше браков стало распадаться по причине бедности [4]. Данные статистики свидетельствуют, что материальный, экономический компонент оказывает значительное влияние на существование современной семьи. Семейный человек старается улучшить материальное положение, соответствовать требованиям общества и рынка труда, повышает свой профессиональный уровень, становясь более мобильным в интеллектуальном и психологическом отношении, но менее ориентированным на семью, так как большую часть времени он проводит на работе. Складывающаяся ситуация приводит к трансформации традиционных социальных ролей: обязанности внутри семьи перестают делиться на мужские и женские, как следствие – позиция семейного

лидера больше не принадлежит безоговорочно мужчине, а женщина не выполняет только домашнюю работу.

Исторически трансформация семейных и брачных отношений происходит поэтапно. И.А. Шахова описывает особенности и тенденции, характерные для каждого этапа.

На первом историческом этапе трансформации семьи как социального института наблюдалось полное преобладание ценностей фамализма над индивидуализмом. Легитимны нормы многодетности. Рождение детей вне брака не было социально приемлемо, к внебрачным детям в обществе относились негативно. Брак осуществлялся только по воле родителей, а под давлением общественного мнения – как единственно приемлемый и легитимный способ урегулирования сексуальных отношений. Безбрачие осуждалось как ненормативная форма социального поведения человека. Супружеские пары, не имеющие детей, психологически страдали от своей социальной неполноценности и имели низкий ранг социального статуса. Главными критериями выбора брачного партнера были экономические или социально престижные для некоторых слоев и страт. Развод воспринимался как недопустимый вариант социального поведения. В целом доминировала неделимость семей. Семья была расширенной и очень разветвленной.

На втором этапе исторической трансформации социального института семьи происходит частичное преобладание ценностей фамализма над индивидуализмом. Легитимной нормой становится среднететность (три-четыре ребенка в семье). Брак заключается по личному выбору с учетом согласия родителей. Развод как социальный акт во всех слоях общества допустим только по объективным причинам. Для семейных структур в целом характерна частичная нуклеаризация семей.

Третий этап исторической трансформации института семьи характеризуется частичным преобладанием индивидуализма над фамализмом. Распространенной социальной конвенциональной нормой становится малодетность. Брак заключается сугубо по личному выбору. Развод осуществляется по субъективным, но проверяемым обществом причинам, которые необходимо установить (раздельное проживание супругов и ведение домохозяйства, девиация одного из супругов, тяжелая неизлечимая болезнь и т.д.). Причины развода все же находятся под пристальным социальным контролем общества.

На четвертом этапе трансформация института семьи достигает своей вершины по всем параметрам развития функционирования базового социального института. В системе ценностей наблюдается полное преобладание индивидуализма. Ценности фамализма уходят в прошлое и

перестают быть конвенциональными нормами. Значимость и автономность личности определяют все ее выборы и социальные действия в институте семьи. У семейных пар нет самой потребности в детях. Альтернативой семьи и брака становится отказ от брака, однополые союзы и добровольное одиночество. Происходит разделение всех видов семейного поведения. Сексуальное поведение уже не связано с брачным, репродуктивным и родительским поведением [5].

Резюмируя выше сказанное, можно сказать, что трансформация института семьи происходит под влиянием общественных изменений в целом. Изменившиеся представления мужчин и женщин относительно института семьи и брака способствовали видоизменению взаимоотношений и духовного потенциала в современной семье.

Вместе с тем данные результатов социологических исследований ВЦИОМ свидетельствуют, что самыми распространёнными причинами, по которым россияне вступают в брак, являются: продолжение рода и рождение детей; понимание и поддержка со стороны супруга(и); создание уютного дома, благоустроенного быта; необходимость почувствовать себя нужным, заботиться о ком-то [3]. Соотнеся результаты исследований с определением семьи, приведенным в начале статьи, можно сделать вывод, что основные нравственные ориентиры, а также понятие семьи у современных россиян, вступающих в брак, остались традиционными.

На наш взгляд, процесс трансформации семьи в настоящее время вернее рассматривать как приспособление, адаптация членов семьи к постоянно меняющимся условиям и требованиям современного общества. Думается, что данный процесс будет иметь положительную динамику. Не стоит забывать о государственной политике в области поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей. Подтверждением этого являются поправки в Конституцию Российской Федерации, внесенные в июле 2020 г. [6].

Список литературы

1. Социологический словарь. URL: <http://slovariki.org/sociologiceskij-slovar/7822> (Дата обращения: 20.08.2020).
2. Большой толковый социологический словарь. URL: <https://472.slovaronline.com/2568> (Дата обращения: 20.08.2020).
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 20.08.2020).
4. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/> (Дата обращения: 20.08.2020).

5. Шахова И.А. Трансформация ценностей института семьи в современной России // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostey-instituta-semi-v-sovremennoy-rossii> (Дата обращения: 22.08.2020).

6. Конституция Российской Федерации URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (Дата обращения: 20.08.2020).

7. Васильева О.В. Трансформация современной семьи и ее функций как социального института и малой группы // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2019/12/90703> (Дата обращения: 20.08.2020).

8. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-v-usloviyah-sovremennyh-modernizatsionnyh-protssessov> (Дата обращения: 20.08.2020).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ **SOCIAL REASONS FOR LOW BIRTH RATE IN RUSSIA**

С.А. Ключева
Национальный исследовательский
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
S.A. Klyueva
Lobachevsky University

Рассмотрены основные социально обусловленные причины низкой рождаемости и даже добровольной бездетности в современной России. Более того, приведены данные службы государственной статистики для отображения настоящей ситуации в сфере демографии. Приведены меры государственной поддержки, направленные на улучшение демографической ситуации в стране.

The article considers the main socially determined causes of low birth rate and even voluntary childlessness in modern Russia. Moreover, the data from the state statistics service are provided to reflect the current situation in the field of demography. State support measures aimed at improving the demographic situation in the country are also provided.

Ключевые слова: демография, рождаемость, причины малодетности, добровольная бездетность, семья, тенденции рождаемости, социальные процессы

Keywords: demography, birth rate, causes of childlessness, voluntary childlessness, family, birth rate trends, social processes

В современной России институт семьи претерпевает существенные качественные изменения, выявляются новые тенденции, возникают новые нормы и способы взаимодействия между членами семьи. Благодаря данным Федеральной службы статистики, мы можем наблюдать следующие процессы, протекающие в институте семьи: нуклеаризация семьи, снижение рождаемости, рост уровня разводов, снижение регистрируемой брачности, рост внебрачной рождаемости [1].

В данной работе обратим особое внимание на тенденцию низкой рождаемости, в частности социальные причины этого показателя.

Последние 30 лет в России наблюдается отрицательный естественный прирост, причем общая сумма преобладания смертности над рождаемостью составляет – 13 534 833 чел.

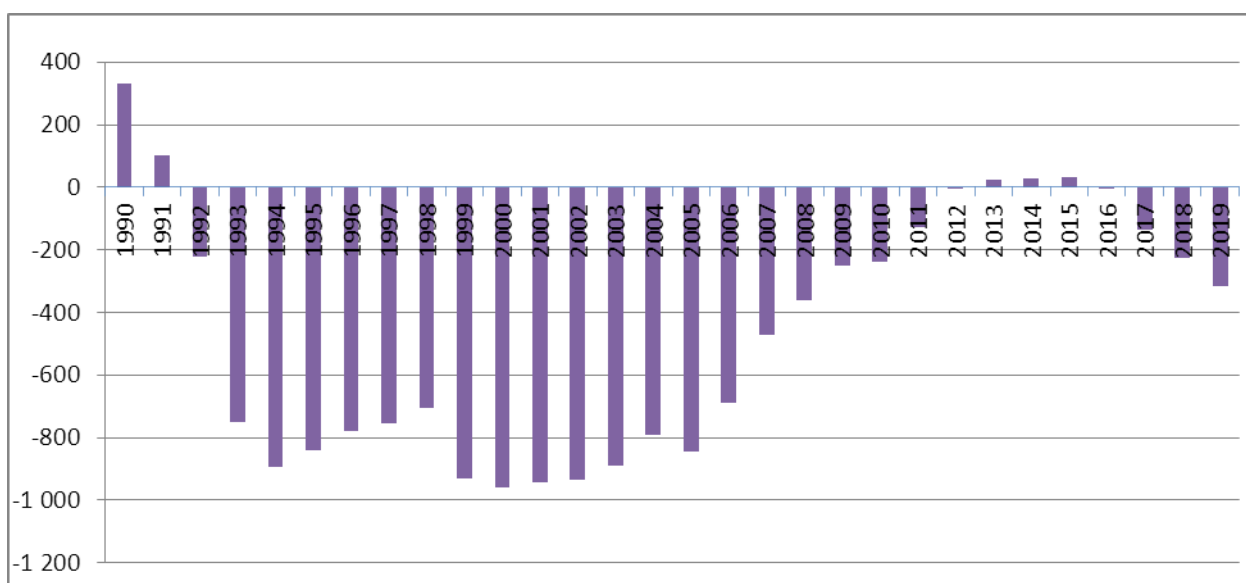

Рис. 1 Динамика изменения естественного прироста в России с 1990 по 2019 гг. (по данным Росстата)

На низкую рождаемость может влиять множество причин. К основным из них относятся: экономическая ситуация в государстве в целом, демографическая политика, проводимая в стране, общественное отношение к рождению детей, развитость «детской» инфраструктуры в регионе.

Кроме таких глобальных, всеобъемлющих проблем, которые в большей мере не зависят от отдельного человека или семьи, существуют и другие, более субъективные причины. К ним можно отнести: добровольную бездетность, состояние здоровья [2], ориентир на карьеру и образование, жилищную проблему. Именно такого рода причины и составляют основной ракурс данного материала.

Репродуктивное поведение женщин – важнейший фактор, влияющий на преодоление демографического кризиса в стране. Именно от женщин репродуктивного возраста и их поведения зависят очень многие показатели

демографической ситуации государства – рождаемость, естественный прирост, младенческая и детская смертность, количество выкидышей и аборт.

Репродуктивное поведение – это система действий и отношений, опосредующих рождение детей или отказ от деторождения в браке или вне брака. Индикаторами репродуктивного поведения женщин считается роль контрацепции и абортов в динамике уровня рождаемости, социальный характер потребности в детях, причины сокращения потребности в детях, установки, ориентации и ожидания молодежи, связанные в количеством желаемых детей [3].

В современном российском обществе наблюдаются такие феномены, как изменение роли женщины в обществе, увеличение количества лет, затраченных на получение образования, желание личностного роста в сфере профессиональной деятельности, из-за чего происходит «откладывание» вступления в брак и рождения детей на более поздний срок. А в возрасте старше 40 лет у женщин чаще возникают сложности в репродуктивной сфере, касающиеся её собственного здоровья и здоровья её потенциального ребёнка [2]. Стоит отметить, что из-за тенденции малодетности и отрицательного естественного прироста, который наблюдается не только в России, но и в странах Европы, можно отметить «старение населения», то есть преобладание старшего поколения над молодым населением, составляющим демографический потенциал государства [4].

Государство заинтересовано в здоровом населении и в преобладании рождаемости над смертностью, поэтому проводит активную демографическую политику. В России существует национальный проект «Демография», в котором определен план демографической политики России до 2024 г. В национальный проект «Демография» включен Федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей», который определяет материальную помощь государства [5]. Более того, с 2020 г. материнский капитал стал выплачиваться за первого ребенка, в соответствии с изменениями Федерального закона. Причем, выплата за первого ребенка составляет, согласно Федеральному закону, 466617 руб., а за второго ребенка материнский капитал увеличен на 150 тыс. руб., эта программа будет действовать до 2026 г. Можно сделать вывод, что государство активно принимает меры против депопуляции и проводит демографическую политику, направленную на стимуляцию рождаемости [6].

Социальные причины низкой рождаемости в России можно разделить на 2 крупные категории. Первая будет составлять причины, которые не зависят от воли людей, то есть являются объективными. К основным из таких причин относятся: экономическая ситуация в стране в целом, уровень развитости

инфраструктуры, проводимая демографическая политика, тенденция «старения» населения мира.

К другой категории причин низкой рождаемости относятся более субъективные причины, которые зависят от конкретного человека. К таким можно отнести: добровольную бездетность, жилищные условия семьи, ценностная ориентация личности, религиозность.

Правительство Российской Федерации активно ведет демографическую политику, направленную на стимуляцию рождаемости. К основным мерам демографической политики можно отнести: деятельность национального проекта «Демография», который обеспечивает материальную поддержку материнства, отцовства и детства, а также обеспечение детей в возрасте от 1,5 до 3х лет специальными организациями пребываниями ребенка. Существует программа материнского капитала, в которую были внесены изменения – материнский капитал предоставляется и на первого ребенка, и программа продлена до 31.12.2026 г.

Список источников

1. Егорова Н. Ю. Современная российская семья: основные тенденции / Н.Ю. Егорова, А.В. Курамшев // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106–118.

2. Воронин Г.Л., Ключева С.А. Зависимость состояния здоровья женщин от репродуктивного поведения по результатам RLMS-HSE 2006 – 2017 / Г.Л. Воронин, С.А. Ключева // Здоровье как ресурс: V.2.0 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 235–238.

3. Шелехов И.Л. Репродуктивное поведение российских женщин / И.Л. Шелехов, Е.Н. Скрипачева // Вестник ТГПУ. Томск: Томский государственный педагогический университет. 2009. № 2. С. 104–107.

4. Половозрастная пирамида. Доступ через: <https://Populatoin Pyramid.net> (Дата обращения: 15.09.2020).

5. Федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей. Доступ через <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/1> (Дата обращения: 15.09.2020).

6. Изменения в ФЗ №35 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала"». Доступ через: http://www.pfrf.ru/info/order/mother_fam_capital/~4744/ (Дата обращения: 15.09.2020).

СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА МАСКУЛИННОСТИ FAMILY IN CONTEXT OF MASCULINE CRISIS

А.В. Курамшев
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Kuramshev
Lobachevsky University

Кризис маскулинности рассматривается в контексте трансформации гендерной системы и семьи.

The masculinity crisis is viewed in a context of gender system and family transformation.

Ключевые слова: кризис маскулинности, семья
Keywords: masculinity crisis, family

В последние десятилетия значительно возросло число исследований, которые посвящены изучению разнообразных аспектов жизни мужчин, в фокусе внимания исследователей оказались практически все сферы их жизни и деятельности: экономика, семья, образование, политика, досуг, спорт и т.д.

"Мужские исследования" институционализировались как самостоятельная область междисциплинарных исследований на западе в конце XX века; определенные сдвиги можно зафиксировать и в современной отечественной науке [1-3].

Социологические исследования маскулинности связаны с изучением социальных ролей, различных форм маскулинности; в частности, «гегемонной», рассматриваемой через призму, прежде всего, силы и власти, а также последствий их применения в различных сферах жизни, в том числе, в семье.

При этом в большинстве исследований "маскулинность" представляется как нечто множественное, изменяющееся и исторически трансформирующееся. Под маскулинностью понимаются поведение и социальные практики, которые ассоциируются с мужчинами и исторически определены как неженские. Маскулинность может быть основой для конструирования различных социальных идентичностей.

Феминистки ориентированные исследователи часто рассматривают мужчин и маскулинность с критической точки зрения, концентрируясь на практиках мужчин, которые приводят к гендерному неравенству, где мужчины занимают привилегированное положение практически во всех сферах жизни, в том числе и в семье. Отмечая кардинальные изменения в положении женщин

как нечто самоочевидное, многие не обращают внимания на то, что многие права и свободы женщин стали возможными благодаря науке и технологиям, экономическим трансформациям, образовательным возможностям и политическому давлению в области юриспруденции, но ни один из этих факторов не является прямым следствием деятельности мужчин. Социальные, экономические и политические трансформации стали возможным не благодаря мужчинам, а вопреки им. Подобные изменения положения женщин в обществе и в семье скорее можно объяснить исходя из логики рационализации мира, где возросшие возможности для женщин были в некоторых областях необходимостью, а не оригинальной идеей.

Подобные соображения приводят нас к мысли о том, что мужчины в кризисе. Все трансформации в гендерных отношениях демонстрируют нам «мужской кризис», который становится вполне очевидным и наглядным. «Мужской кризис», или кризис маскулинности стал одной из определяющих характеристик современного общества на стыке веков. Многие мужчины и сейчас стремятся подать себя в образе «завоевателя мира», «мачо», однако агрессивное, подавляющее поведение, вызываемое данной стратегией, является во многом саморазрушительным.

В 1970-80 гг. в западной социологии появились ряд исследований о "кризисных явлениях" и даже о "кризисе маскулинности" [4]. В русскоязычной литературе чаще употребляется именно второе понятие [2, 5]. Однако "кризисные тенденции" и "кризис маскулинности" не тождественны. Как отмечает Р. Коннелл, "термин "кризис" предполагает существование когерентной системы, которая в результате кризиса разрушается или вновь восстанавливается, но маскулинность не является подобной системой. Мужественность – это конфигурация практик в рамках системы гендерных отношений. С чисто логической точки зрения, мы не можем говорить о кризисе конфигурации, скорее о ее потрясении или трансформации. Но мы можем говорить о кризисе всего гендерного порядка и его кризисных тенденциях" [4].

При этом кризис современной гендерной системы можно рассматривать как более частный случай кризиса, охватывающего современные общества, связанного с их переходом к постиндустриальной стадии развития и сопровождающейся коренной ломкой стандартов ориентации и ценностей, как отмечал Т. Парсонс, "радикальная смена ценностей приводит общество к глубокому кризису, т.к. она предполагает повсеместное его переструктурирование" [6].

Кризисные тенденции влияют на маскулинность, но не обязательно ее изменяют. Чтобы проследить возникновение современных форм проявления маскулинности, необходимо проанализировать кризисную ситуацию

существующего гендерного порядка. Кризис проявляется наиболее рельефно в сфере политических (властных) и экономических (производственных) отношений, а также в эмоциональных структурах (катексис) [4].

Общественные институты и, прежде всего семья, оказались неспособными разрядить возникающее таким образом напряжение, и маскулинность приобрела новую конфигурацию. Как замечает Р. Коннелл: "Мы можем лишь обрисовать обширный круг кризисных тенденций, но надо заметить, что для маскулинности изменения неизбежны. И речь здесь идет больше, чем об изменении современной роли мужчин или обновлении структуры маскулинности. Речь идет о семье и интимных связях, а также об экономике, государстве и глобальных отношениях" [4].

При объяснении кризиса маскулинности, как правило, выделяют в качестве основных факторов: во-первых, бездушный консюмеризм; во-вторых, речь идет об успехе феминизма в борьбе с мужчинами, а в-третьих, это социальное и культурное неодобрение традиционного представления мужественности. Подобные идеи выступают в роли апелляции, когда необходимо найти «ответ» на сложные изменения, происходящие между мужчинами и женщинами, а также когда надо объяснить мужскую неспособность приспособления к возникшей уверенности женщин.

Перемены в традиционной маскулинности, вероятно, могут служить ключом к пониманию кризиса маскулинности. Можно найти множество примеров того, как традиционные представления о маскулинности выходили из моды, но затем, вновь становились модными.

Для многих мужчин до сих пор быть мужчиной в первую очередь означает, быть доминантным, независимо от сферы (в рамках семьи, они видят себя только как главы семей, отказываются от эмоций, используют насилие как средство самовыражения). Подобная манера поведения не только не критикуется, но и в большинстве случаев поощряется как самими мужчинами, так и женщинами.

Не смотря на то, что маскулинность не является константой (зафиксированным состоянием), она изменяется, трансформируется в зависимости от социального пространства, времени, а также от периода жизни самого мужчины. Однако ядро маскулинности представляет собой что-то «естественное» для мужчины, то, к чему он должен стремиться, и что сохраняется в нем при любых условиях.

Если мы примем реалистичную точку зрения на утверждение о кризисе маскулинности, то, по крайней мере, должны будем признать, что положение мужчины в современном обществе меняется, и эти перемены есть социальный факт.

Нельзя отрицать, что произошедшие социальные трансформации являются глубокими, качественными переменами, затрагивающими все сферы жизни: современные женщины получили возможность выбирать для себя отношения, разводы, заботу о детях и сексуальное выражение; изменился характер семьи. Семья, где мужчина выступал в качестве неоспоримого главы семьи, единственного кормильца, почти изжила себя.

Еще одним из значимых элементов, структурирующих маскулинность, является институт отцовства, который также находится в состоянии трансформации.

Итак, кризис маскулинности – это не единичное, изолированное явление, а сложный, динамичный феномен, понять который возможно, только приняв во внимание его сложность, гетерогенность. При этом стоит отметить, что роль семьи в этом процессе является одной из наиглавнейших.

Список литературы

1. О муже(N)ственности: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 720 с.
2. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И.С. Кон // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2002. С. 188–195.
3. Мещеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. №11. С. 15–25.
4. Connell R.W. Der gemachte Mann: Konstruktion und Krise Männlichkeiten. Opladen: Leske und Budrich, 1999. 375 s.
5. Здравомыслова Е. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. Здравомыслова, А. Тёмкина // О муже(N)ственности: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.
6. Парсонс Т. Социальная система и культура // О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВОГО
ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**
**DEMOGRAPHIC FACTORS OF REPRODUCTION OF LABOR
POTENTIAL OF RURAL TERRITORIES REPUBLIC OF MORDOVIA**

Л.Н. Липатова

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург*

Т.Б. Малинина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Е.Н. Лазарева

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург*

L.N. Lipatova

*North-West Institute of Management –
the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, St. Petersburg*

T.B. Malinina

St. Petersburg University, St. Petersburg

E.N. Lazareva

*North-West Institute of Management –
the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, St. Petersburg*

На основе анализа данных официальной статистики выявляются основные тенденции развития демографических процессов в сельской местности Республики Мордовия, определены существующие и перспективные ограничения со стороны демографических процессов; предложены способы снижения их негативных последствий.

Based on the analysis of official statistics, the article identifies the main trends in the development of demographic processes in the rural areas of the Republic of Mordovia, identifies existing and future restrictions on the part of demographic processes; ways to reduce their negative effects are proposed.

Ключевые слова: демография, население, сельская местность, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграция

Keywords: demography, population, rural area, birth rate, mortality, natural increase, migration

Актуальность рассматриваемой темы определяется тем обстоятельством, что сельское хозяйство – одна из ключевых отраслей Республики Мордовия и поэтому играет важную роль в социально-экономическом развитии региона.

Продукция, производимая аграриями, формирует значительную часть валового регионального продукта, в структуре которого удельный вес отрасли в 2014–2017 гг. превышал 13% [1, с. 30-31].

Сельское хозяйство, обеспечивающее не только продуктами питания, но и средствами к существованию значительную часть населения Мордовии, оказывает большое влияние на ситуацию на региональном рынке труда и уровень жизни населения региона в целом. В структуре занятых в экономике РМ этот вид экономической деятельности занимает наибольший удельный вес.

Сельскохозяйственное производство обеспечивает доходами 75,2 тыс. чел., что составляет около 20% от общей численности занятых в региональной экономике. Еще 13,8 тыс. чел. работают на предприятиях по производству пищевых продуктов [1, с. 96, 102]. Таким образом, на сферу агропромышленного производства приходится почти 1/4 занятого в экономике Мордовии населения. В таких условиях вопросы демографического развития сельских территорий приобретают особенно большое значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона.

На основе анализа статистических данных охарактеризуем демографическую ситуацию, складывающуюся в сельской местности Республики Мордовия. И сразу подчеркнем, что наблюдаемая динамика не может не настораживать. Так, если в 1990-2018 гг. в России сельских жителей стало на 4 % меньше [1, с. 95], то численность постоянного населения, проживающего в сельской местности РМ, сократилась более чем на 30% [1, с. 52].

Особенно быстро этот процесс протекал в 2008–2018 гг., в течение которых численность сельских жителей в Мордовии уменьшилась более чем на 16%. А наибольшие демографические потери за всю постсоветскую историю принес мордовскому селу 2018 г. – 6,7 тыс. чел, что составляет 2,3% общей численности сельского населения региона в начале этого года [1, с. 55].

Процесс урбанизации протекает в Мордовии очень быстро. Если в Российской Федерации в новейший период ее истории структурная доля сельского населения уменьшилась незначительно (с 26,4% до 25,4% [3, с. 95]), то в Республике Мордовия этот показатель стал меньше на 6,6 п. п. Еще в 1990 г. удельный вес сельского населения в РМ был равен 43,2%, а в начале 2019 г. в сельской местности проживало 36,6 % населения региона (Табл. 1).

В Мордовии структура сельского населения по полу существенно лучше, чем в городской местности региона, где в расчете на 1000 мужчин приходится 1159 женщин. В мордовских селах и деревнях этот показатель составляет 1069 чел. (на 1 января 2019 г.) [1, с. 61]. Распределение сельского населения РМ по

полу примерно такое же, как и в целом на сельских территориях страны – удельный вес женщин составляет 51,7% [1, с. 61; 3, с. 96].

Т а б л и ц а 1

Численность постоянного населения Республики Мордовия [1, с. 52]

Годы	Все население, тыс. человек	в том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городского	сельского
1990	963,8	547,2	416,6	56,8	43,2
1995	954,3	553,9	400,4	58,0	42,0
2000	918,4	545,1	373,3	59,4	40,6
2005	871,8	510,9	360,9	58,6	41,4
2010	839,2	504,0	335,2	60,1	39,9
2015	808,9	495,2	313,7	61,2	38,8
2016	807,4	499,4	308,0	61,9	38,1
2017	808,5	505,3	303,2	62,5	37,5
2018	805,0	507,0	298,0	63,0	37,0
2019	795,5	504,3	291,2	63,4	36,6

А вот возрастная структура сельского населения Мордовии сильно отличается от соотношения укрупненных возрастных групп населения сельских территориях других российских регионов, причем не в лучшую сторону. Впрочем, касается это не только сельской местности. Если в РФ и Приволжском федеральном округе удельный вес детей и подростков в 2005-2018 гг. увеличился, то в Мордовии он стал меньше.

В ПФО и стране в целом в 2010-2018 гг. доля населения, моложе трудоспособного возраста, ежегодно возрастала и в 2018 г. составила 18,7%, что на 2,5 п.п. больше, чем в 2010 г. В РМ в этот период повышение рассматриваемого показателя не было таким значительным, а с 2015 г. стабилизировалось на уровне 15,2%. В то время как почти во всех приволжских регионах удельный вес этой возрастной группы был почти на 1,5 п. п. больше, за исключением Пензенской области, где эта структурная доля составляла 16% [2, с. 51-56].

Заметим, что и в стране в целом немного регионов, не обладающих особой привлекательностью для мигрантов, в которых фиксируется критически низкий удельный вес населения, моложе трудоспособного возраста, – показатель, во многом определяющий перспективы демографического развития территории. Меньшее значение доли детей и подростков в составе населения, чем это характерно для Мордовии, отмечается только в 2 регионах центральной России – Тамбовской и Тульской областях (15,1% и 15,0% соответственно, 2018 г.) [2, с. 51-56].

В сельских районах Мордовии структурная доля населения, моложе трудоспособного возраста, меньше, чем в городской местности: в 2019 г.

показатели были равны 13,7% и 16,1% соответственно [1, с. 62]. На сельских территориях России этот показатель был значительно больше – 20,1% [3, с. 97].

Если в целом в России среди сельских жителей удельный вес населения в трудоспособном возрасте (мужчины 16 – 59 лет, женщины 16 – 54 лет) в 2019 г. составлял 53,1% [3, с. 97], то в Мордовии этот показатель был выше – 53,7% [1, с. 61-62]. Почти во всех сельских районах Мордовии удельный вес населения старше трудоспособного возраста, имеет существенно более высокие значения, чем на других сельских территориях страны. Так, если в РФ он был равен 26,8%, то в РМ – 32,6%. А в 9 из 22 сельских районах республики более 1/3 всего населения – граждане старше пенсионного возраста. Очевидно, что воспроизводственный потенциал населения таких территорий не велик.

Рассмотрим компоненты изменения численности и структуры населения региона. Анализ начнем с оценки влияния на демографическую динамику естественного движения населения. В сельской местности РМ, вопреки общероссийской тенденции, в 2000-2018 гг. рождаемость снизилась, общий коэффициент рождаемости на сельских территориях в РМ в 2018 г. был равен 7 родившихся на 1000 чел. населения – это в 1,5 раза меньше, чем в РФ (Табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Рождаемость, смертность и естественный прирост сельского населения в Российской Федерации и Республике Мордовия, на 1000 человек населения [1, с. 7576; 3, с. 104]

Годы	Родившихся		Умерших		Естественный прирост	
	РФ	РМ	РФ	РМ	РФ	РМ
2000	9,8	7,6	17,1	20,8	-7,3	-13,2
2010	14,0	8,8	16,1	19,7	-2,1	-10,9
2016	12,2	7,7	14,2	17,6	-2,0	-9,9
2017	11,2	6,9	13,7	17,1	-2,5	-10,2
2018	10,7	7,0	13,6	16,8	-2,9	-9,8

Сравнительно низкий уровень рождаемости в Мордовии, оцениваемый по общему коэффициенту рождаемости, отчасти объясняется возрастной структурой населения. Если удельный вес женщин в возрасте 15-49 лет среди сельского населения в РФ в 2018 г. составляла 40% [3, с. 96], то в РМ этот показатель был равен 37% [1, с. 61-62], что может отразиться на показателях рождаемости. Но главная причина не в этом. Для Мордовии характерно крайне низкое значение суммарного коэффициента рождаемости, показывающего, сколько детей в среднем приходится на 1 женщину репродуктивного возраста. Максимальный в постсоветский период уровень, до которого под действием государственных мер стимулирующего характера повышался этот информативный показатель, – 1,403 – был достигнут в 2016 г. К 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости в Мордовии снизился до 1,255 рождений на 1 женщину 15-49-ти лет. Более низкое значение этого показателя

характерно только для одного российского региона – Ленинградской области (1,124) [2, с. 77-78].

Уровень смертности сельского населения Мордовии, хотя и заметно снизился в рассматриваемый период, остается значительно более высоким, чем в среднем в сельской местности других российских регионов. Таким образом, в результате естественного движения сельское население Мордовии ежегодно сокращается на 1% и более. Темпы этого процесса в 3-5 раз превышают средние в стране показатели.

В целом в 1990-2018 гг. естественная убыль сократила сельское население Республики Мордовия на 106,7 тыс. чел., что составляет 25,6% его общей численности в начале 1990 г. Более 72% демографических потерь сельских территорий Республики Мордовия в 1990-2018 гг. обусловлены превышением смертности над рождаемостью.

Усугубляет демографическую ситуацию в сельской местности РМ миграционный отток населения. В отдельные годы рассматриваемого периода (1990-1991, 2012-2014 и 2018 гг.) миграция была главным фактором демографической динамики в сельской местности региона и приводила к гораздо большим потерям, чем естественное движение населения. Миграционный прирост отмечался только во 1992-1994 и 2002-2006 гг., его суммарная величина составила 7175 чел., а миграционные потери – 48463 чел. Население большинства сельских районов Мордовии в последние 5 лет, вследствие оттока населения, сокращалось более чем на 1% ежегодно [1, с. 88].

Итак, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о существовании угрозы стабильности социально-экономического развития Республики Мордовия со стороны трудового потенциала сельского населения региона, численность которого в 1990-2018 гг. уменьшилась более, чем на 30%.

Определяющий фактор современной демографической динамики мордовского села – естественная убыль, что отчасти обусловлено особенностями возрастной структуры сельского населения региона, в которой доля населения старше пенсионного возраста, значимо больше, чем в РФ. В связи с характерной для Мордовии крайне низкой рождаемостью требуют детального изучения репродуктивные установки населения РМ. Усугубляет демографическую ситуацию в сельской местности РМ миграционный отток населения.

Список литературы

1. Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2019. 438 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ ПОДДЕРЖКИ ЖЕРТВ СУПРУЖЕСКОГО
НАСИЛИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НА ОСНОВЕ DIGITAL ТЕХНОЛОГИЙ**
**STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF ONLINE
COMMUNITIES TO SUPPORT VICTIMS OF SPOUSAL VIOLENCE:
THEORETICAL AND EMPIRICAL ANALYSIS BASED
ON DIGITAL TECHNOLOGIES**

М.И. Лучинина, Е.В. Волченкова, П.В. Ананин
Вятский государственный университет, г. Киров
M.I. Luchinina, E.V. Volchenkova, P.V. Ananin
Vyatka State University, Kirov

Представлены результаты эмпирического исследования структурно-функциональных характеристик онлайн-сообществ поддержки жертв супружеского насилия. Среди характеристик выделены: самоорганизованность, добровольность, трансграничность, виртуальность, анонимность, интерактивность, гипертекстуальность. Эмпирический материал представлен на основе Digital-технологий.

The article presents the results of an empirical study of the structural and functional characteristics of online support communities for victims of spousal violence. Among the characteristics are self-organization, voluntary, cross-border, virtuality, anonymity, interactivity, hypertextuality. The empirical material is presented on the basis of Digital technologies.

Ключевые слова: супружеское насилие, жертва насилия, сообщения пользователей, онлайн-сообщества, функция поддержки

Keywords: spousal abuse, violence victim, user messages, online communities, support function

Проблема супружеского насилия остается актуальной для современного общества [1]. Наиболее распространенными формами супружеского насилия являются физическое, сексуальное и психологическое. Они выражаются в применении физической силы для причинения боли, травм или физических страданий жертве, принуждение партнера к сексуальным действиям, которые он считает унижительными и оскорбительными, шантаже или словесных оскорблениях. Финансовые или экономические злоупотребления выражаются в постоянном отслеживании приобретений и использование своих собственных денег и ресурсов. Обидчик может помешать жертве работать, чтобы заработать

собственные деньги, заставлять саботировать собеседования при приеме на работу, получать за жертву пособия по социальному обеспечению, на которые она имеет право, запрещать использовать свои деньги без его согласия [2].

Отсутствие эффективной вертикальной государственной системы оказания помощи, недостаточная осведомленность, физические и/или финансовые барьеры, смущение, страх перед последствиями со стороны преступника – все это вынуждает жертвы искать помощи в горизонтальной плоскости, в том числе в интернет-пространстве, где действует множество онлайн-сообществ поддержки. Однако в настоящее время онлайн-сообщества и их функции изучены недостаточно, что связано, прежде всего, со сложностью сбора и анализа данных.

Использование в настоящем исследовании digital-технологий позволило организовать работу с большими массивами информации по проблеме супружеского насилия и получить эмпирические данные. Для пилотажного поиска использовалась социальная сеть ВКонтакте. По ключевым словам, соответствующим исследуемой тематике, таким как «поддержка жертв насилия», «насилие в семье», «помощь жертвам насилия» удалось найти ряд сообществ, в качестве примеров которых можно назвать: «Против насилия над женщинами» (<https://vk.com/stopnasilie>), «Роспомощь жертвам насилия и моральная поддержка» (https://vk.com/roshelp_after_gape). Для дальнейшего поиска онлайн-сообществ поддержки жертв супружеского насилия использовался облачный сервис автоматизированного мониторинга социальных медиа «Крибрум». В период с 01.02.2020 г. по 11.03.2020 г. удалось найти 53 онлайн-сообщества, реализующих функцию поддержки людей, оказавшихся в различных сложных жизненных ситуациях, в том числе в ситуациях насилия.

Следующим шагом стал анализ структуры и функций онлайн-сообществ поддержки жертв супружеского насилия. Обобщая позиции разных исследователей относительно характеристик онлайн-сообществ, выделим те, которые представляются важными в контексте данного исследования.

Самоорганизованность онлайн-сообщества предполагает, что его образуют заинтересованные акторы, которым присущи сетевое мышление, сетевой язык и сетевые способы обсуждения и решения социально значимых проблем [3]. Онлайн-сообщества являются как узко тематическими, созданными непосредственно для поддержки жертв супружеского насилия, так и сообщества с более широким содержанием, в которых обсуждаются разные вопросы и куда тоже могут обратиться жертвы супружеского насилия. Участники онлайн-сообществ представлены разными группами. Независимо от вида онлайн-сообщества инициатором его создания является лицо заинтересованное, однако в число участников, благодаря *добровольности*

вступления, входят люди, имеющие разное отношение к проблеме насилия. Участниками сообществ являются: люди, испытавшие насилие; не имеющие такого опыта, но проявляющие сочувствие к жертве; профессиональные психологи, юристы, специалисты по социальной работе, которые обладают профильными компетенциями для помощи жертвам насилия. В то же время среди участников есть те, кто оправдывает насилие или даже поддерживает его.

Такая характеристика, как *трансграничность* (по-другому, глобальность, неопределенность пространственно-временной локализации), для онлайн-сообществ жертв супружеского насилия имеет особое значение, поскольку доступ в данное сообщество возможен из любой точки земного шара, в любое время суток. Следовательно, жертва насилия может поделиться своей историей, выразить свои чувства и эмоции и достаточно быстро получить обратную связь, что принципиально важно в ситуациях, когда человеку не к кому обратиться за помощью или даже просто выговориться.

Важнейшие особенности онлайн-сообществ – их *виртуальность и анонимность*. С точки зрения участников поддерживающего сообщества, имеется возможность конструирования своего виртуального «Я», то есть человек не является анонимом, но в реальной жизни имеет другой возраст, социальный статус, пол и т.д. Поскольку в основе онлайн-сообщества лежит принцип *интерактивности*, участники имеют возможность относительно свободного выражения собственного мнения за исключением тех случаев, когда правила сообщества предписывают определенные нормы общения и назначают санкции за их нарушение. Участник сообщества может высказывать суждения, которые в реальности порицаются общественным мнением или даже преследуются законом. Например, в интернете можно встретить сообщения и комментарии в поддержку супружеского насилия, в которых чаще всего жертву обвиняют в том, что она сама спровоцировала насилие либо позволила с собой так обращаться.

Еще одна характеристика поддерживающих сообществ – *гипертекстуальность*. В ходе общения в рамках поддерживающего сообщества участники используют вербальную коммуникацию, которой явно недостаточно для передачи чувств, эмоций, отношения. Отсутствие возможности невербального общения компенсируется использованием специфической символики и «особого» языка (так называемый «албанский язык»), что в какой-то степени снижает риск неправильного толкования сообщений и недопонимания участников сообщества.

Поскольку членов поддерживающих онлайн-сообществ объединяет общая проблема – супружеское насилие, можно утверждать, что в них накапливается *сетевой социальный капитал* (является характеристикой онлайн-

сообщества) в виде специфической информации, пригодной для решения практических задач. В данном случае можно говорить о создании сообщества с определенными признаками социального института, такими как разделение ролей, определение норм и правил общения.

Выделенные характеристики онлайн-сообществ позволяют определить их возможности для поддержки жертв супружеского насилия.

1. Поддержка в онлайн-сообществах носит разный характер. Чаще всего, участники сообщества оказывают эмоциональную поддержку: разделяют чувства жертвы («я вас понимаю»), призывают успокоиться («постарайтесь взять себя в руки»), осуждают насилие («очень сложно смириться с этим») и т. д. В ряде случаев жертва получает информационную поддержку, а именно конкретные советы, куда и к кому обратиться за помощью. В специализированных онлайн-сообществах в открытом доступе выложены номера телефонов и адреса социальных служб, инструкции, определяющие порядок действий в ситуациях насилия, книги и ссылки на онлайн-ресурсы по теме насилия. В ряде случаев поддержка носит смешанный характер (эмоциональный и информационный). В целом, функция поддержки онлайн-сообществ жертв супружеского насилия выражена в проявлении солидарности (одобрение, согласие), в содействии решению проблемы (информирование о субъектах защиты, способах поведения и др.), в оказании моральной поддержки (ободряет, вселяет уверенность).

2. Жертвы насилия могут получить профессиональные советы специалистов в режиме онлайн, что является чрезвычайно важным, поскольку, во-первых, далеко не каждый человек готов обратиться за помощью в соответствующие службы и, во-вторых, получение такой помощи в очном формате возможно не во всех населенных пунктах, прежде всего, речь идет о сельской местности.

3. Поддержке в онлайн-сообществах присуща доступность – финансовая, территориальная, временная. Предлагаемые советы, помощь бесплатны, место проживания жертвы не имеет значения, так же, как и время, в которое осуществляется обращение за поддержкой.

4. Анонимность (конфиденциальность) обращения позволяет жертве супружеского насилия быть максимально откровенной. Описывая свою историю, жертва вербализирует свои ощущения, что приводит к новому уровню осознания проблемы и поиску путей ее решения. Вербализация выполняет психотерапевтическую функцию посредством того, что жертва в ряде случаев в реальной жизни не может ни с кем поделиться своей историей, а общение в интернете дает возможность высказаться.

Полученные с помощью Digital-технологий эмпирические данные требуют дальнейшего теоретического осмысления. Перспектива исследования связана с изучением таких характеристик поддерживающих онлайн-сообществ, как профили пользователей сообщества (социально-демографические характеристики, регион проживания и место жительства (город, село), язык, религия и др.), связи между участниками, организация управления сообществом.

Список литературы

1. Что происходит с домашним насилием в мире в одной картинке (электронный ресурс) // <https://meduza.io/short/2018/09/18/chto-proishodit-s-domashnim-nasiliem-v-mire-v-odnoy-kartinke> (Дата обращения 27.03.2020).
2. Parveen A. Domestic Violence in Health Contexts: A Guide for Healthcare Profession // A. Parveen, J. McGarry. Springer Nature Switzerland, 2020. (eBook). <https://doi.org/10.1007/978-3-030-29361-1>
3. Курбатов В.И. Сетевые онлайн-сообщества: структурно-функциональные и организационные факторы самоуправления // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 2. С. 15–27.

МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПО АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПОСТИНТЕРНАТНЫЙ ПЕРИОД INTERINSTITUTIONAL INTERACTION ON THE ADAPTATION OF ORPHANS IN THE POST-BOARDING PERIOD

А.Ю. Нестеров
*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва*

*A.Y. Nesterov
The Institute for Demographical Research,
The Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology,
The Russian Academy of Sciences, Moscow*

Посвящено одной из актуальных проблем – постинтернатной адаптации выпускников-сирот интернатных учреждений. Определяется сущность межинституционального (межведомственного) взаимодействия в работе по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот. Выявляются основные проблемы по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот.

Определяется понятие «постинтернатное сопровождение выпускников-сирот» в широком и узком смысле.

Даются рекомендации по совершенствованию процесса постинтернатного сопровождения детей-сирот, выпустившихся из интернатных учреждений.

The article is devoted to one of the urgent problems, such as post-boarding adaptation of graduates-orphans of boarding schools. The author of the publication determines the essence of interinstitutional (interdepartmental) interaction in the work on post-boarding support for graduates-orphans. The main problems of post-boarding support of graduates-orphans are identified.

Also, the author of the publication defines the concept of "post-boarding support of graduates-orphans" in a broad and narrow sense.

Recommendations are given for improving the process of post-boarding support for orphans who have dropped out of boarding schools.

Ключевые слова: дети-сироты, постинтернатная адаптация, социализация, школа-интернат, центр социальной адаптации, постинтернатное сопровождение выпускников-сирот

Keywords: orphans, post-boarding adaptation, socialization, boarding school, center for social adaptation, post-boarding support of graduates-orphans

Наиболее актуальным остаётся вопрос социальной адаптации и успешной интеграции в общество российских детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся по 9 – 11 лет в интернатных учреждениях страны. Острота вопроса во много зависела и от уровня заботы и воспитания сирот в интернатных учреждениях России, а также возраста воспитанников, социальной готовности их к самостоятельной жизни в неинтернатных учреждениях, овладению профессиональными (трудовыми), бытовыми навыками, информированностью о семейно-брачных отношениях, материальной обеспеченности сирот, в том числе собственным жилищем.

Как правило, сирота, воспитывающийся всю свою сознательную жизнь в интернатном учреждении, априори не владеют базовыми бытовыми и коммуникабельными навыками. Его контакты поверхностны и зачастую бывают поспешными. Как правило, дети-сироты не разбираются в подборе друзей, бывают обмануты, и в последующем, оставленными в одиночестве.

Дети-сироты, дети с ОВЗ и приёмные дети являются одной из уязвимых категорий детского населения России. Это дети с особыми образовательными потребностями, для которых нет чётко выстроенной системы поддержки, сопровождения в образовательных организациях для сирот. Отсутствует нормативный алгоритм действий по социализации данной категории детского населения страны. (Организации работают в диспозитивном порядке).

Дети-сироты из интернатных учреждений вплоть до совершеннолетия затрудняются в рефлексии на эмоциональное состояние своего сверстника или друга, в чтении его эмоции. Воспитывающиеся в интернатных учреждениях VII вида испытывают серьёзные трудности в обучении и социализации, связанные

с особенностями интеллектуального развития, эмоционально-волевой сферы и общего социального развития.

Неправильно формирующийся опыт общения приводит к тому, что подросток-сирота занимает по отношению к другим совершенно не ожидаемую позицию поведения, и, как правило, она негативная. Сегодня наиболее актуальной становится проблема постинтернатного сопровождения и социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпустившихся из детских домов и школ интернатов в самостоятельную жизнь.

Не секрет, что с введением в России карантинных мер в связи с COVID-19 в марте 2020 года обострена проблема с трудоустройством и профориентацией выпускников-сирот.

Актуальна и проблема с обеспечением жилищем выпускников-сирот интернатного учреждения. Они не владеют коммуникативными навыками, по формированию и расчёту собственного бюджета, не умеют отстаивать свои личные права.

Постинтернатное сопровождение детей-сирот рассматривается как процесс социальной адаптации к новым социальным условиям бытия.

Основными задачами постинтернатного сопровождения сирот являются:

- 1) Получение среднего (общего), среднего (полного) образования;
- 2) Приобретение элементарных навыков коммуникабельности со сверстниками и взрослыми;
- 3) Приобретение социально-бытовых навыков;
- 4) Содействие в поступлении в профессиональное учреждение НПО/СПО и ВО;
- 5) Приобретение элементарных трудовых навыков;
- 6) Содействие в первичном трудоустройстве на неполный рабочий день (в интернатном учреждении в 10-ых – 11-ых классах – *по возможности*);
- 7) Организация собственного досуга, защита личных имущественных и неимущественных прав;
- 8) Обязательное обеспечение преемственности реабилитационной работы в постинтернатный период;
- 9) Содействие в оформлении всех необходимых документов (паспорт РФ, СНИЛС, ИНН, Полиса ОМС).

Постинтернатное сопровождение выпускников-сирот понимается как система, осуществляющаяся на основе межведомственного (*межинституционального*) взаимодействия для более успешной социальной адаптации и самореализации вне институциональных условиях, минимизации потенциальной угрозы (возможных воздействий) асоциального поведения и негативного воздействия.

Во многих регионах России каждый второй подросток-сирота состоит (состоял) в «группе риска»: либо по выпуску из интернатного учреждения нигде не работает, не учится, не имеет собственного постоянного жилища,

постоянного дохода. Часто от безвыходности подростки-сироты совершают преступления корыстной направленности, вследствие чего оказываются в местах лишения свободы.

В узком аспекте, постинтернатное сопровождение выпускников-сирот представляется нам как индивидуальное сопровождение социальными педагогами, социальными психологами и другими специалистами органов опеки и попечительства, социальной защиты населения, труда и занятости населения, оказывающих реальную помощь в становлении и социальной адаптации сирот в постинтернатном периоде. Все мероприятия осуществляются на безвозмездной основе – договора постинтернатного сопровождения, заключённого двумя сторонами, одной из которых и является выпускник-сирота интернатного учреждения.

Сегодня в России почти не практикуется такая гражданско-правовая форма, как оформление договора постинтернатного и постпенитенциарного сопровождения несовершеннолетних (достигнувших возраста согласия – 16 лет) выпускников интернатного учреждения либо освободившихся из воспитательной колонии.

Как правило, органами социальной опеки и попечительства несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, навязывают те или иные (государственные, муниципальные) услуги, которые иногда могут расцениваться бесполезные либо неактуальные.

Предлагаем оформлять двух–трёх сторонний гражданско-правовой договор «О постинтернатном сопровождении несовершеннолетнего лица» или «О постпенитенциарном сопровождении несовершеннолетнего лица», в котором и определялись бы «Стороны договора», «Предмет договора», «Виды и сроки оказания (государственных, муниципальных) услуг (на безвозмездной основе)», «Права и обязанности сторон», «Порядок и условия (прекращения) расторжения договора», «Заключительные и переходные положения», «Порядок обжалования в суде» и т.п. Это определит исполнителей, сроки исполнения, виды государственных и муниципальных услуг, оказываемых на безвозмездной основе конкретному лицу.

За основу определения государственных и муниципальных услуг может быть взят Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ, в котором и определён перечень социальной поддержки детей-сирот в РФ.

Под термином «сопровождение» следует понимать обязательный комплекс мер (действий), оказываемых лицу в постинтернатный период,

ориентированных на успешную социальную адаптацию выпускников-сирот в социуме.

В последние два десятилетия активно возникают новые модели работы с выпускниками-сиротами. Ситуация стала активно освещаться в СМИ, на профильных совещаниях в Аппарате по правам человека и на заседаниях в Общественном совете при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребёнка, а также научно-практических конференциях.

В 2019-2020 гг. Аппаратом и Экспертным советом при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребёнка в рамках «Десятилетия детства» разработаны концептуальные рекомендации повышения качества жизни детей-сирот с ОВЗ и детей, оставшихся без попечения родителей, выпустившихся из интернатных учреждений.

Предложен пакет НПА по реализации права ребёнка-сироты на собственное жилище в форме получения натурой либо возмещением компенсацией в виде жилищного сертификата, которым совершеннолетний сирота может воспользоваться на вторичном рынке жилья с целью приобретения жилища. Сроки действия жилищного сертификата три года.

Например, положительно решаются проблемы быта и становления детей-сирот, обучающихся в Детском доме–школе № 95 г. Новокузнецка Кемеровской области. С 2001 г. реализуется на базе интернатного учреждения дом студентов и «тренировочная» квартира, которая открыта в рамках реализации «Комплекса мер по развитию системы подготовки к самостоятельной жизни воспитанников-сирот с целью освоения элементарных навыков по постинтернатному сопровождению и социальной адаптации подростков-сирот на территории Кемеровской области». Данная квартира полностью оснащена новой мебелью, современной бытовой техникой, в ней созданы все необходимые условия для комфортного (самостоятельного) проживания воспитанников, обучающихся в старших классах (9-11 кл.) школы–интерната 95 г. Новокузнецка.

Проживающим в квартире подросткам больше всего понравилась кухня, в которой они самостоятельно либо с помощью наставника (как правило, это студенты старших курсов педагогического института) с удовольствием творят свои кулинарные шедевры. Воспитанники узнали, что картофель нельзя хранить в морозильной камере, а перед тем как загрузить одежду в стиральную машинку, необходимо проверить карманы, чтобы не постирать телефон или личные документы, например, паспорт РФ. Для детского-дома-школы-интерната № 95 это уже вторая площадка учебной квартиры.

Квартиру в детском доме «Ровесник» сейчас обживают девушки, обучающиеся в 11-ых классах. Девочки принесли с собой все свои

необходимые личные вещи, ноутбуки для выполнения учебной домашней работы и, конечно, свои любимые мягкие игрушки. И сразу идеально отремонтированное и оборудованное помещение наполнилось теплом и уютом.

Для новосёлов открывается много нового, например, в какую сторону повернуть переключатель печки или духовки, как пользоваться пароваркой или стиральной машинкой, на какое время можно оставлять открытой дверцу холодильника?

Девочкам-сиротам найти ответы на эти и многие другие вопросы помогает опытный воспитатель Марина Владимировна Смирнова, которая с удовольствием делится своими знаниями [1].

В Челябинской области в интернатных учреждениях реализуются программы постинтернатного сопровождения выпускников-сирот, включающие следующее [2, с. 7-8]:

1) Диагностическую работу уровня социально-психологического, физического благополучия подростка – по следующим параметрам:

– физическое, психическое состояние, анамнез и наличие заболеваний у подростка;

– условия и сфера жизни с окружающими подростка в группе и вне интернатного учреждения;

– социальное положение родителей или близких родственников, материальное состояние (наличие жилища). Если оно отсутствует, подросток ставится на учёт по улучшению жилищных условий в региональный департамент жилища и жилищной политики [3; 4].

2) Развивающая и коррекционная работа. Осуществляется разработка индивидуальных маршрутов постинтернатного сопровождения выпускников-сирот; осуществляется развитие способностей принятия собственных эмоций, формирования стрессоустойчивости, поиска новых путей выражения положительных эмоций в социально-приемлемой форме; Ознакомление с технологиями эффективной коммуникации, например, механизмы межличностного восприятия, личной психологической защиты, преодоление барьеров в общении, активное либо пассивное восприятие информации, правила конструктивного общения и т.п.;

3) Проводится консультативная работа, которая заключается в индивидуальном консультировании выпускников-сирот по проблемам самочувствия в межличностных отношений; профессиональной самореализации и саморегуляции в деловых (партнёрских) отношениях; семейно-бытовых отношений; вопросов брака и семьи; вопросах личных имущественных и неимущественных прав и т.д.;

4) Информационно-просветительская работа, которая заключается в размещении на официальных сайтах (гос. услуги, муниципальные услуги), государственных учреждений и НКО информации и материалов по вопросам постинтернатного сопровождения выпускников-сирот. Распространение информационных буклетов о правах и обязанностях выпускников-сирот; Активная пропаганда здорового образа жизни; Информирование о местах профессионального обучения или переобучения в организациях в государственных НПО/СПО и ВО за счёт Федерального бюджета; Оповещение выпускников-сирот о мероприятиях, проводимых по плану интернатного учреждения и специалистами постинтернатного сопровождения совместно со специалистами центра занятости населения и иными профильными учреждениями муниципального образования касающихся постинтернатной адаптации сирот;

5) Осуществляется организационно-методическая работа, которая заключается в методическом объединении специалистов города (муниципального образования), занимающихся постинтернатным сопровождением выпускников-сирот. Организация и проведение вечеров встреч выпускников на базе интернатного учреждения с целью распространения положительного опыта в личностном становлении воспитанников-сирот в постинтернатном периоде. Обеспечение социально-правовой документации и методических материалов по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот. Разработка и издание (*распространение опыта*) методических рекомендаций для специалистов, осуществляющих постинтернатное сопровождение выпускников-сирот. Разработка рабочих программ и распространение положительного опыта по средствам конференций и совещаний по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот [6, 8].

В настоящий период данная проблема по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот уделяется значительное внимание, как на уровне государственной политики, так и в отдельных муниципальных образованиях с учётом региональной и местной специфики, учитывается обычай и традиции населения, уровень жизни и доходы в регионе в целом.

Так, проблемы постинтернатного сопровождения выпускников-сирот нашли своё отражение в развитии отечественного законодательства, Например, Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г., которая предлагает в свою очередь организацию социально-психологического и социально-педагогического сопровождения процесса социализации и адаптации воспитанников-сирот в интернатных учреждениях, акцентируя на постинтернатное сопровождение выпускников-сирот в самостоятельную жизнь [5].

Также, в рамках Президентской программы «Дети России» (Указ Президента РФ от 01.06.1992 г. № 543 и Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240) [3, 4], существует и активно реализуется целевая программа «Дети-сироты», направленная на создание благоприятных условий для подготовки детей, лишившихся попечения родителей, к самостоятельной жизни в современной кризисной (посткризисной) социально-экономической обстановке, развитие различных форм устройства осиротевших детей, совершенствование их здоровьесберегающими технологиями (медицинским обслуживанием), развитие кадровой и материальной базой интернатных учреждений, улучшение социально-экономического обеспечения в них воспитанников-сирот.

Несомненно, и показательны в этом отношении и послания 2018–2020 гг. Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации и направленные на их реализацию поручения Президента РФ, где принималась стратегические задачи по разработке и реализации программ постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, готовящихся к выпуску из интернатных учреждений (учреждений всех уровней), в том числе и в рамках межведомственного (*межинституционального*) взаимодействия [8].

Однако, на сегодняшний день в России, к сожалению, только незначительная часть регионов создали подобные модели по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот из интернатных учреждений России. Поэтому сегодня можно констатировать то, что в большинстве регионов России отсутствует практические (*согласованные*) модели межинституционального взаимодействия помощи в социальной адаптации сиротам в постинтернатный период, а в тех регионах, где реализуется, данные программы то существует ряд проблем, которые связаны с несинхронным межведомственным взаимодействием органов исполнительной власти на местах. Что и приводит иной попрей к тотальной неразберихи в плане ответственности и исполнения сторон участвующих в программе, что непосредственно и сказывается на качестве подготовке к самостоятельной жизни подростка–сироты в процессе обучения в интернатном учреждении и в постинтернатном периоде [6, 8, 11].

Преодоление выше указанных проблем по интернатному и постинтернатному сопровождению (*адаптации*) подростков-сирот, возможно исключительно посредством комплексной организации форм постинтернатного сопровождения, включающих ряд мер, таких как:

✓ совершенствование нормативно-правовой базы, в частности принятия формы «договора постинтернатному (постпенитенциарному) сопровождению несовершеннолетних», внесение поправок в СК РФ, ТК РФ, ГК РФ, и иные ФЗ и региональные нормативные правовые акты;

✓ создание и совершенствование имеющихся региональных моделей межинституционального (межведомственного) сопровождения (взаимодействия) подростков-сирот, вы пустившихся из интернатных учреждений;

✓ реализация повсеместной практики во всех регионах России по постинтернатному сопровождению подростков-сирот с привлечением к работе некоммерческие общественные организации (НКО) – последним в рамках региональных и Президентских грантов;

✓ оптимизация системы воспитания, обучения и социализации сирот в интернатных учреждениях с учётом достижений современных социально-педагогических технологий развития ребёнка, реализуемых в современных условиях (*в данную оптимизацию и включается разукрупнения воспитательных групп до 5-7 детей в одной группе*);

✓ обязательная профилактика правонарушений в подростковой среде на всех уровнях (*в интернатном учреждении и в постинтернатный период*);

✓ обязательное создание, модернизация научно-методического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, соответствующего требованиям регионального законодательства и практическим реалиям;

✓ повсеместное создание центров постинтернатного сопровождения (адаптации) выпускников-сирот (*возможно и участие НКО*) [6, с. 4-5].

На сегодня остро стоят проблемы социальной адаптации и интеграции в общество выпускников-сирот интернатных учреждений, острота вопроса во многом определяется от уровня подготовки воспитанников-сирот в интернатных учреждениях, а также наличия выработанной практики по постинтернатному сопровождению сирот в том или ином регионе страны. И конечно при отсутствии таковой практики в регионах России, можно полагать только на отрицательный исход по социальной интеграции в общество выпускника интернатного учреждения. Во избежание подобной практики, необходимо выполнение выше указанных мер.

Постинтернатное сопровождение выпускников-сирот непосредственно заключается в технологии социальной работы учреждений (центров) постинтернатной адаптации, которая заключается в следующем:

✓ создание и апробация инновационных социально-педагогических, социально-психологических моделей по постинтернатному сопровождению сирот;

✓ непосредственная разработка и апробация механизмов поддержки выпускников-сирот интернатных учреждений до достижения 23-х летнего возраста (с учётом обучения его на очной (заочной) форме в ССУЗе и ВУЗе) с учётом динамики в социально-экономической и политической конъюнктуры в действующих российских реалиях;

✓ обязательным развитием и внедрением программ для работников и педагогических кадров образовательных организаций НПО и СПО по социальной (постинтернатной) адаптации сирот, обучающихся соответствующим профессиональным программам;

✓ моделировать (по обстоятельствам) социально-педагогические отношения по постинтернатному сопровождению между педагогическим персоналом центра и подростком-сиротой, ориентируя его на успешную адаптацию и беспрепятственную интеграцию в общество [6, с. 6].

Таким образом, в настоящий период становление системы постинтернатного сопровождения выпускников-сирот можно охарактеризовать как новую (инновационную) модель социализации сирот в постинтернатный период, который непосредственно будет ориентирован на полное раскрытие положительного потенциала, а также благоприятной (успешной) социальной адаптации и интеграции сирот в современное российское общество.

Список литературы

1. Конвенция ООН «О правах ребёнка», 1989 г. (ратифицирована в СССР 1990 г.). // Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. Вступила в силу 2 сентября 1990 года.

2. Конституция РФ, 1993 г. (с учётом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации: от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ).

3. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства».

4. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.1992 г. № 543 «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы».

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 г. Москва "О национальной доктрине образования в Российской Федерации".

6. Алибаева Д.С., Маметьева О.С. (2018) Постинтернатное сопровождение выпускников государственных учреждений в России // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 1. С. 1-8.

7. Делинквентное поведение [Электронный ресурс]. URL: <https://psihomed.com/delinkventnoe-povedenie/> (Дата обращения: 22.07.2020).

8. Ежегодный доклад Президенту РФ Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка [Электронный ресурс]. URL: <http://deti.gov.ru> (Дата обращения: 24.07.2020).

9. ИАС «Куз-Пресс» Воспитанники детских домов Новокузнецка осваивают азы самостоятельной жизни в тренировочной квартире. Дата

публикации: 23.01.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://kuzpress.ru/society/22-01-2020/72567.html> / (Дата обращения: 20.07.2020).

10. Nesterov A.Y. (2020) Institutional trial of minors condemned: International experience. [Text] / A.Y. Nesterov // The Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – Almaty, 2020. № 1'2020. P.255–263 (in English).

11. Nesterov A.Y. (2019) Social adaptation of juvenile prisoners in the post-prison period: theory and practice. [Text] / A.Y. Nesterov // The Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – Almaty, 2019. № 6'2019. P.136–140 (in English).

12. Статистика и Аналитика МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> / (Дата обращения: 27.07.2020).

**МНОГОДЕТНЫЕ СЕМЬИ И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ:
ТОЧКИ НАПРЯЖЕНИЯ***
**LARGE FAMILIES AND DISTANCE LEARNING:
POINTS OF TENSION**

Т.Ю. Петрова

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Т.Y. Petrova

Lobachevsky University

Рассматриваются основные проблемы дистанционного школьного обучения, с которыми столкнулись члены многодетных семей в апреле-мае 2020.

The paper examines the main problems of distance learning that members of large families faced in April-May 2020.

Ключевые слова: многодетные семьи, дистанционное обучение, школа

Keywords: large families, distance learning, school

В апреле – мае 2020 г. практически все семьи с детьми-школьниками мира оказались во внезапной ситуации дистанционного обучения. Очевидно, что в сложившейся ситуации экстренного перехода учебного процесса в онлайн проявились все недостатки дистанционного обучения, как связанные с особенностями самого процесса, так и с экстренностью и неожиданностью этого перехода.

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной Нижегородской семьи».

В начале работы хотелось затронуть терминологическую проблему. Федеральный Закон об образовании № 273-ФЗ определяет 4 вида образования в России: общее образование; профессиональное образование; дополнительное образование; профессиональное обучение. Обучение осуществляется в 3 формах: очной; очно-заочной; заочной. Никакого «дистанционного образования» как вида, уровня или формы обучения в законе нет. Однако есть понятие «дистанционные образовательные технологии (ДОТ)». Под дистанционными образовательными технологиями понимаются «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [1].

Хотя статья о дистанционных образовательных технологиях появилась в законе об образовании еще в 2002 г., до сих пор большая часть вопросов, связанных с выбором инструментов электронного и дистанционного обучения, организации удаленной работы и подготовки кадров, остаются отданными на усмотрение образовательным организациям. В результате главным нормативным основанием взаимодействия обучающихся и сотрудников образовательных организаций является локальный нормативный акт, что становится источником дополнительных трудностей при организации обучения, многие вопросы, связанные с правовым регулированием дистанционного обучения, по-прежнему остаются без ответа.

Однако в повседневном языке как родители [2], так и представители власти [3] говорят о «дистанционном обучении», поэтому и мы в своей работе будем употреблять именно это словосочетание и сосредоточимся на проблемах и преимуществах дистанционного обучения для многодетных семей.

Сначала упомянем общие проблемы, которые коснулись всех детей-школьников и их родителей в последнюю четверть 2019-2020 учебного года.

1. Системные проблемы, связанные с общей неготовностью системы образования к одномоментному переходу всех школ в режим дистанционного обучения. Во-первых, сегодня у нас отсутствует полноценный единый ресурс для дистанционного обучения. Министерство просвещения рекомендует пользоваться онлайн-платформами, это примерно 20 сервисов, например, «Российская электронная школа», «Московская электронная школа» и частные платформы, такие как «Учи.ру» и «Яндекс.Учебник». К тому же, образовательные интернет-платформы не выдержали нагрузки из-за роста числа пользователей, в течение первой недели все участники образовательного процесса имели к ним очень ограниченный доступ. Общие сбои по регионам фиксировались даже на агрегаторах типа "Электронной школы" или на важнейших площадках уровня "Электронного дневника". Школы были

вынуждены выстраивать образовательный процесс, меняя цифровые ресурсы, переходя от одной платформы к другой.

2. Проблемы, связанные с подготовленностью педагогов, которые были вынуждены за короткий период перевести уроки в дистанционную форму. По результатам исследования «Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей» [4], были выделены группы проблем, препятствующих полноценному учебному процессу. Это недостаточная техническая оснащенность учителей, особенно старшего возраста или проживающих в сельской местности, недостаточная осведомленность о возможностях образовательных интернет-платформ. На этапе полного перехода в онлайн учителя стали отмечать проблемы, связанные с эмоциональным напряжением, участились жалобы на здоровье, ненормированный рабочий день и перегрузку отчетами. С другой стороны, характерной жалобой со стороны родителей и школьников были претензии на отсутствие навыков удаленной передачи знаний, в связи с чем дистанционные занятия превращаются в систему самообразования. Отмечалось, что многие педагоги, по оценкам пользователей, просто задают самостоятельно выучить параграф учебника и выполнить практические задания [5], в результате выросла учебная нагрузка детей.

3. Проблемы, связанные с семьей (школьников, родителей, опекунов). Здесь отдельно отметим проблемы технической оснащенности. В российских семьях нет достаточного количества компьютеров и смартфонов для всех членов семьи, качество интернета во многих регионах неудовлетворительное. Во-вторых, выявилась проблема отсутствия навыков, необходимых для успешного дистанционного обучения: навыков организации рабочего времени, самодисциплины, умения пользоваться образовательными ресурсами. К тому же на дистанционном образовании оказались и младшие школьники, которые в силу возраста не могут обладать этими навыками.

Все вместе это привело к ситуации, когда вся тяжесть образовательного процесса легла на плечи родителей. Вместе с ограничениями, вызванными карантинными мерами, и высоким уровнем стресса из-за неопределенности ситуации это вызвало шквал недовольства населения.

С какими же особенными трудностями столкнулись многодетные семьи в этой ситуации? Нами был проведен блиц-опрос многодетных матерей на базе НРОО «Некоммерческий союз многодетных семей «Мы вместе». Было опрошено 20 многодетных матерей.

Во-первых, что достаточно интересно, общая оценка итогов дистанционного обучения в последней четверти 2019-2020 учебного года была не настолько негативной, как можно было предположить. Практически все

матери самостоятельно говорили о плюсах этого опыта. Чем выше был образовательный статус родителей и материальная обеспеченность семьи, тем положительнее оценивался опыт. Одна из опрошенных семей приняла решение о переходе на семейное обучение. В целом назывались такие положительные стороны: большая свобода семьи, гибкость образовательного процесса и его большая индивидуальность, «свой собственный темп», комфортная обстановка, «возможность остановиться и быть с детьми в их жизни».

Негативных сторон, конечно, называлось больше. В первую очередь, это материально-техническая оснащенность, даже обеспеченным семьям было тяжело организовать каждому школьнику рабочее место и отдельное устройство. Большая часть семей столкнулась с ситуацией, когда 1-2 электронных устройства на всех, включая родителей, работающих удаленно. Здесь же много упоминалось, что в рамках городской квартиры тяжело организовать отдельное пространство для занятий детей разного возраста, выливающиеся в проблемы мотивации учебной деятельности. «Тяжело учиться, когда в соседней комнате мелкие играют», «никакая алгебра не может конкурировать с Лего».

Еще одной сложностью оказалась колоссальная нагрузка на родителей, особенно матерей. Большая часть совмещала свои рабочие обязанности, ведение домашнего хозяйства (нагрузки здесь выросли, т.к. все члены семьи находятся дома непрерывно), уход за младшими детьми и организацию обучения школьников.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения: 01.11.2020).

2. См. например: «Таких страданий мир еще не видел»: почему дистанционное обучение на самом деле лучше обучения в школе? [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/zhivi_legko/takih-stradani-mir-esce-ne-videl-pochemu-distancionnoe-obuchenie-na-samom-del-luchshe-obucheniia-v-shkole-5f292f571de1c456cdc78b69 (Дата обращения: 01.11.2020).

3. См. например: Ученики 6-11 классов переходят на дистанционное обучение. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/p/CHGOvuLJNZM/> (Дата обращения: 01.11.2020).

4. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д.И. Сапрыкина, А.А. Волохович;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с. (Факты образования № 4
(29)). [Электронный ресурс]. URL:
<https://ioe.hse.ru/mirror/pubs/share/368265542.pdf> (Дата обращения: 01.11.2020).

5. Эксперты выявили основные проблемы дистанционного образования
в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://sn.ria.ru/20200326/1569166181.html>
(Дата обращения: 01.11.2020).

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ САЙТОВ ЗНАКОМСТВ
В БРАЧНО-СЕМЕЙНОМ ПОВЕДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ
PECULIARITIES OF USING DATING SITES IN THE MARRIAGE
AND FAMILY BEHAVIOR OF THE POPULATION**

О.О. Полякова
*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск*
О.О. Polyakova
Ogarev Mordovia State University, Saransk

Рассматриваются основные результаты эмпирического исследования
использования сайтов знакомств населением города Саранска. Используются
сайты знакомств с целью создания семьи, построения отношений. Однако,
жители Саранска, низко оценивают эффективность сайтов знакомств.

The article discusses the main results of an empirical study of the use of Dating
sites by the population of Saransk. Residents of Saransk use the opportunities of
Dating sites in marriage behavior, that is, they get acquainted with the purpose of
creating a family, building relationships, but they do not evaluate the effectiveness of
Dating-service.

Ключевые слова: сайт знакомств, семья, брачное поведение, добрачное
поведение, знакомство, брак

Keywords: dating service, family, marital behavior, premarital behavior,
dating, marriage

В брачно-семейном поведении добрачное поведение рассматривается как
необходимая и важная составляющая. Добрачное поведение и выбор брачного
партнера – это очень важная сфера человеческих взаимоотношений. В
современном мире все более распространяется знакомство и выбор партнера на
сайтах знакомств.

Цель – рассмотреть основные результаты эмпирического исследования
использования сайтов знакомств населением города Саранска. Несмотря на
повсеместное распространение, интернет-знакомства очень мало изучаются в
социологии.

На начало 2020 г. объем сайтов и сервисов знакомств более 8500, при этом их количество продолжает расти. На одном из популярнейших сайтов знакомств Mamba в апреле 2020 г. было 57 млн. анкет [1], а при посещение женского аккаунта из Саранска в апреле 2020 г. можно было увидеть 38800 анкет пользователей-мужчин, находящихся в ближайшем расположении. По данным опроса компании HeadHunter, 11% россиян нашли спутника и супруга в интернете. [2] При этом пока не проведено серьезного социологического анализа этой сферы в России.

В период добрачного общения мужчина и женщина узнают друг друга, обмениваются интересами и ценностями, проектируют совместную будущую жизнь. В современном мире большая часть общения происходит в Интернет и в социальных сетях и мессенджерах. Сайты знакомств взяли на себя функции знакомства, общения, узнавания друг друга, формирования первого впечатления, моделирования дальнейших отношений.

Виртуальные службы знакомств (сайты знакомств, Dating-сервис) – интернет-серверы, предоставляющие пользователям Интернета услуги по виртуальному общению с другими пользователями.

Многие популярные сайты знакомств своим пользователям предлагают обозначить цели знакомств. Некоторые из них относятся к добрачному поведению – флирт, встречи (свидания), отношения, брак (семья). Пользователи также могут при выборе партнера по общению ставить фильтры и формировать таким образом для себя тот брачный круг, который соответствовал бы их интересам, сразу отсекая тех, чьи интересы не соотносятся.

Сайты знакомств позволяют сократить время и ресурсы на поиск партнера, поскольку одновременно можно общаться с несколькими возможными кандидатами; значительно расширяется брачный круг, поскольку можно знакомиться с людьми из других социальных сфер, городов и стран, что в реальном общении также довольно затруднительно; пользователи сайтов знакомств могут формировать брачный круг по важным именно для них параметрам – цели знакомства, возраст, телосложение, образование, город, финансовое состояние, наличие детей, наличие квартиры, отношение к курению и т.д.

Таким образом, можно говорить о том, что в современном мире сайты знакомств включены в брачно-семейное поведение населения, а именно – в добрачное поведение.

В рамках микросоциологии семьи были проведены наши исследования 2017 года, в числе исследовательских проблем рассмотрены основные

семейные установки молодежи [3], а также представления об образах идеального мужа и идеальной жены [4; 5].

Эмпирическое исследование использования сайтов знакомств населением города Саранска проводилось методом опроса с использованием Google форм, охватило 225 человек в возрасте 18-50 лет. Выборка формировалась стихийным образом. Среди опрошенных 38 человек (16.9%), использующих сайты знакомств, и 187 человек, не использующих сайты знакомств, 71% (165 чел.) – женщины, 29% (60 чел.) мужчины, в браке состоят 32.4% респондентов (из них только 2 человека зарегистрированы на сайтах знакомств).

Исследование позволило сделать следующие выводы.

Жители города Саранска используют возможности сайтов знакомств в брачном поведении, то есть знакомятся с целью создания семьи, построения отношений, однако низко оценивают эффективность сайтов знакомств.

У пользователей сайтов знакомств формы добрачного поведения занимают важное место: общение с целью знакомства, создание отношений лидируют среди причин использования сайтов. Однако брак и создание семьи у пользователей сайтов значит менее, чем встречи (36.1%) и секс (44.4%). Среди наших респондентов создание семьи стоит в рейтинге целей на 7-ом месте, эта цель важна для 22.2% опрошенных. Причем, мужчины в два раза чаще женщин указывают среди прочих целей использования сайтов знакомств – брак и создание семьи (31% у мужчин против 15% у женщин).

Для мужчин важнее, чем для женщин, возможности встречаться (в 2,8 раза), флиртовать (в 2,2 раза) а также в 2 раза более важен брак, чем для женщин.

Выявлены расхождения в представлениях людей, использующих сайты знакомств и не использующих. Это означает наличие не совсем верных представлений о возможностях сайтов знакомств у населения. Незарегистрированные респонденты считают флирт и брак более важными целями, чем сами пользователи. Респонденты, не зарегистрированные на сайтах знакомств, считают, что люди используют сайты знакомств для общения, флирта, брака и секса. Для пользователей сайтов наиболее распространенными причинами являются отношения, общение, переписка, секс.

Однако, как пользователи сайтов, так и те, кто их не используют, поставили низкие оценки эффективности сайтов знакомств: 4 и 4,7 баллов из 10 возможных. Незарегистрированные пользователи затрудняются в оценке эффективности сайтов знакомств и часто просто ставят средние оценки, что вполне понятно, ввиду отсутствия опыта и знаний. Зарегистрированные пользователи очень редко ставили средние оценки.

Примерно одинаковое количество респондентов в анкетах про себя пишут правду и частичную правду (48.6% и 45.7%). Вопреки расхожему представлению, только 5.7% опрошенных (двое мужчин) отметили, что в их анкетах вся информация неправда. При этом женщины в своих анкетах на сайтах знакомств меньше пишут неправду, хотя и очень часто некоторую часть информации искажают. 85.3 % респондентов считают, что другие пользователи на сайтах знакомств некоторую информацию изменяют или скрывают. Мужчины чаще считают, что анкеты других людей правдивые.

Несмотря на то, что почти половина респондентов (48.6%), зарегистрированных на сайтах знакомств, в своих анкетах пишут правду, только 2.9% думают так же о других людях. Таким образом, респонденты, которые пользуются сайтам знакомств, считают, что другие люди менее правдивы в своих анкетах, чем они сами (в 1,87 раза чаще).

Сделан вывод о том, что респонденты, не пользующиеся сайтами знакомств, чаще, чем сами пользователи, считают анкеты на сайтах ложными. Такие результаты позволяют сделать вывод о расхождении реального поведения пользователей и представлений о поведении на сайте других людей. На самом деле, пользователи гораздо реже пишут о себе неправду и чаще пишут правду, чем об этом думают другие люди. Незарегистрированные респонденты в 2,3 раза чаще считают, что анкеты на сайтах знакомств фейковые. Незарегистрированные респонденты на 9,8% реже считают, что анкеты частично правдивые.

Исследование использования сайтов знакомств представляется нам весьма актуальным и перспективным, ввиду нарастания интенсивности использования сайтов знакомств и увеличения их значимости в брачно-семейном поведении населения.

Список литературы

1. Рынок онлайн знакомств. Статистика Dating-сервисов за 2019 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://traff.ink/articles/rynok-onlajn-znakomstv-itogi-2019-goda/>.
2. Эксперты рассказали, какие знакомства чаще всего завершаются свадьбой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20120706/693275007.html>.
3. Полякова О.О. Основные семейные установки молодежи города Саранска // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. №4 (40). С. 104–114.
4. Полякова О.О., Яшина Н.П. Образ идеального мужа в представлениях современной молодежи // E-Scio. 2017. №6(9). С. 70–76.

5. Полякова О.О., Ежова К.А. Образ идеальной жены в представлениях современной молодежи (результаты эмпирического исследования) // E-Scio. 2017. №6 (9). С. 35–41.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ 21 ВЕКА. ЧУВАШИЯ DEMOGRAPHIC CHALLENGES OF THE 21ST CENTURY. CHUVASHIA

Н.Г. Семедова-Полупан

*Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Чебоксары*

N.G. Semedova-Polupan

*Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Cheboksary*

Дается демографический анализ ситуации в регионе. Рассматриваются основные направления реализации государственной демографической политики в Чувашии и перспективы их развития в рамках национального приоритетного проекта.

The article provides a demographic analysis of the situation in the subject. The main directions of implementation of the state demographic policy in Chuvashia and prospects for their development within the framework of the national priority project are considered.

Ключевые слова: демографические процессы, показатели, национальный приоритетный проект, рождаемость, смертность, продолжительность жизни

Keywords: demographic processes, indicators, national priority project, birth rate, mortality, life expectancy

Сегодня демографические процессы, как никогда, играют перво-степенную роль в развитии всех обществ. Динамика численности населения, показателей его состава во многом определяет социально-экономическое развитие любой страны, региона и мира в целом.

Сегодня в науке имеются два концептуально противоположных подхода демографического детерминизма. Одни считают, что увеличение численности населения – очень опасный процесс, он приводит к перенаселению и неминуемым социально-экономическим катастрофа. Другие – что рост населения служит залогом улучшения благополучия отдельных граждан и всего государства, и этот фактор относится к ведущим детерминантам развития общества [1]. Сегодня мир испытывает демографический переход.

Оценивая ситуацию в современной России, можно заметить, что она характеризуется несколькими чертами воспроизводства населения, присущими развитым странам.

Для нас, россиян, характерны низкий уровень рождаемости, старение населения, рост общей продолжительности жизни. Сохраняется высокая смертность населения, особенно в трудоспособном возрасте, невысокий миграционный прирост.

Все эти закономерности присущи и демографической ситуации в Чувашской Республике. Анализируя материалы Государственного доклада о состоянии здоровья населения за 2019 год, легко проследить все эти закономерности [2].

Рассматривая общие показатели численности населения Чувашской Республики, необходимо обратить внимание на абсолютную численность населения, т.е. количество людей, проживающих сегодня на территории республики.

По состоянию на 1 января 2020 г. численность постоянного населения Чувашской Республики составила 1217,8 тыс. человек, сократившись по сравнению с 2019 г. на 5575 человек, или на 0,5%. Уменьшилась численность сельского населения на 7024 человека (на 1,6%); численность городского населения увеличилась на 1449 человек (на 0,2%) (рис. 1).

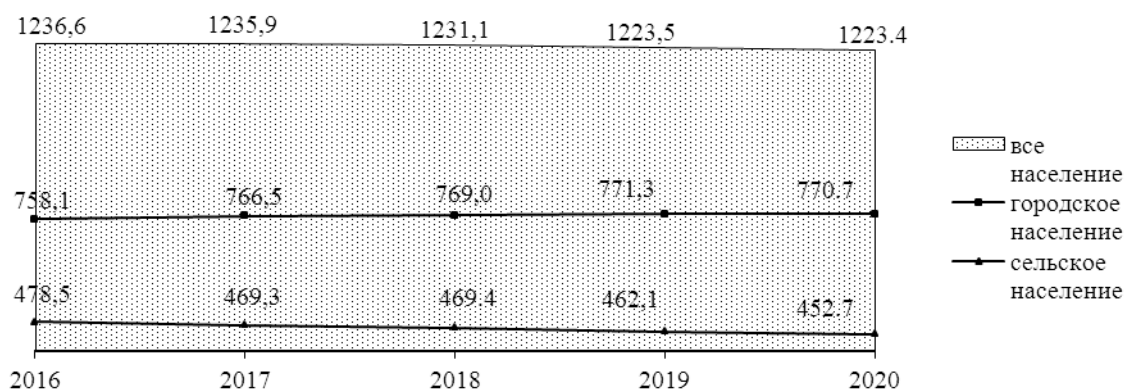

Рис. 1. Численность населения Чувашской Республики на начало 2022 года, тыс. человек

В структуре населения доля горожан составила 63,4%, сельских жителей – 36,6% (рис. 2).

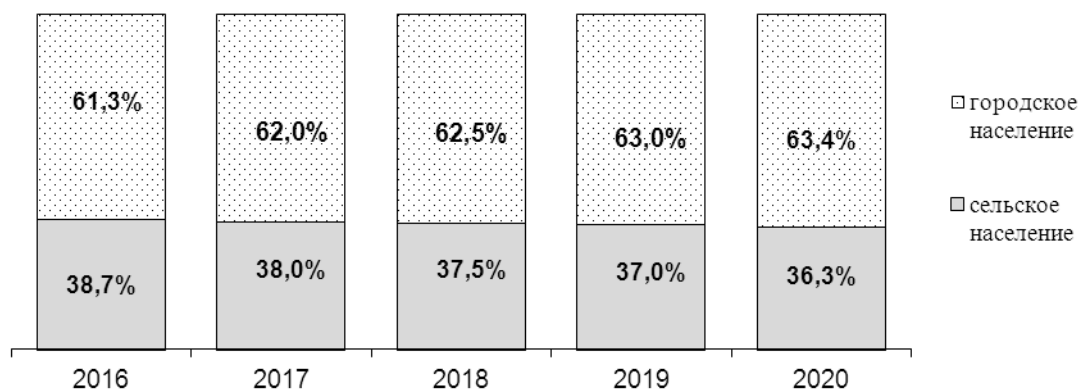

Рис. 2. Структура населения Чувашской Республики на начало 2020 года

Численность населения оценивается такими демографическими показателями, как рождаемость, смертность, состоянием внутренних и межрегиональных миграционных процессов, которые характеризуются социально-экономической привлекательностью административных территорий (рис. 3).

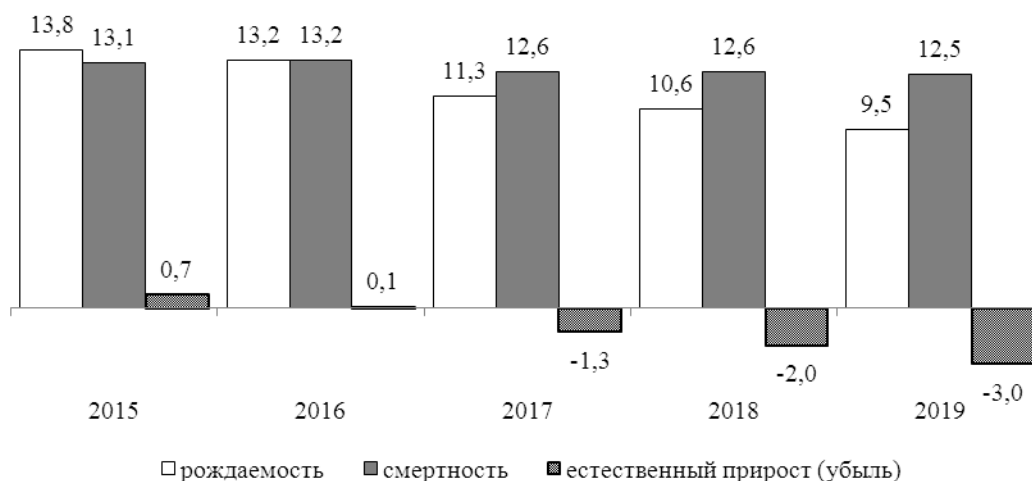

Рис. 3. Показатели естественного движения населения Чувашской Республики в динамике на 1 тыс. человек населения

За прошлый год число умерших превысило число родившихся на 3586 человек (2018 г. – на 2397 человек). Естественная убыль населения составила минус 3,0 на 1000 населения (2018 г. – минус 2,0).

Заметно снизился показатель рождаемости. В 2019 г. в республике родилось 11663 ребенка, и уровень рождаемости составил 9,5 на 1 тыс. населения (2018 г. – 10,6).

Число родившихся по сравнению с 2018 годом уменьшилось на 1402 человека.

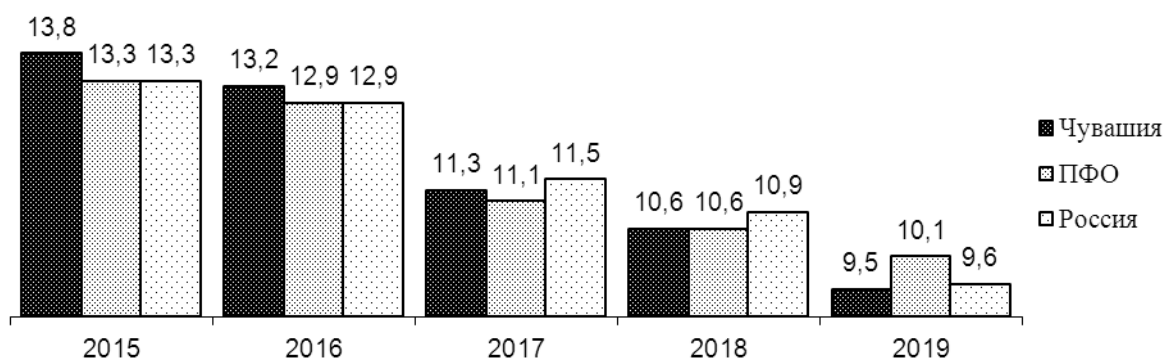

Рис. 4. Показатель рождаемости на 1 тыс. человек населения

В городской местности рождаемость выше, чем на селе, – 10,0 и 8,7 случая на 1 тыс. человек населения соответственно.

Результаты социологических опросов объясняют падение рождаемости и первенцев, и вторых детей неуверенностью в завтрашнем дне, низким уровнем социального самочувствия населения в целом и молодых людей репродуктивного возраста. Наблюдаются изменения в репродуктивных установках молодых семей.

Перспектива демографического развития общества во многом предопределяется половозрастной структурой населения, от которой в значительной степени зависят показатели рождаемости, смертности, заболеваемости, брачности, миграции

Только за 2019 год в республике увеличилась естественная убыль населения и составила 3,0 человека на 1 тыс. человек населения (Россия – 2,2; ПФО – 3,3).

Число умерших составило 15249 человек, вырос показатель общей смертности в расчете на 1 тыс. населения – 12,5 (2018 год – 12,6).

Основными причинами смерти жителей республики продолжают оставаться болезни системы кровообращения (39.3% всех умерших), новообразования (12.2%), внешние причины смерти (10.2%), болезни органов пищеварения (6,4%) и болезни органов дыхания (5.3%).

Согласно программным документам, результатом мер национального приоритетного проекта станет значительное снижение смертности населения (до 12,4 на 1 тыс. населения и ниже к 2024 году) и рост продолжительности жизни до 78 лет.

В Чувашской Республике с 2015 г. ожидаемая продолжительность жизни населения возросла на 2,09 года и составила 73,44 года.

Заметно снизилась миграционная убыль населения и составила – 2007 человек, или 16,5 человека на 10 тыс. человек населения (2018 г. – 43,4 человека) [3].

Важным демографическим показателем является доля лиц трудоспособного населения. В Чувашии она снижается. В сравнении с началом 2018 года он снизился на 0,8% и составил на начало 2019 года 55,0%.

Следуя общемировой тенденции, увеличиваются численность контингента лиц старшего возраста и их доля в общей численности населения. Численность детей в возрасте 0–15 лет в сравнении с началом 2018 г. увеличилась на 0,1% и составила 19,3% от общего числа жителей республики.

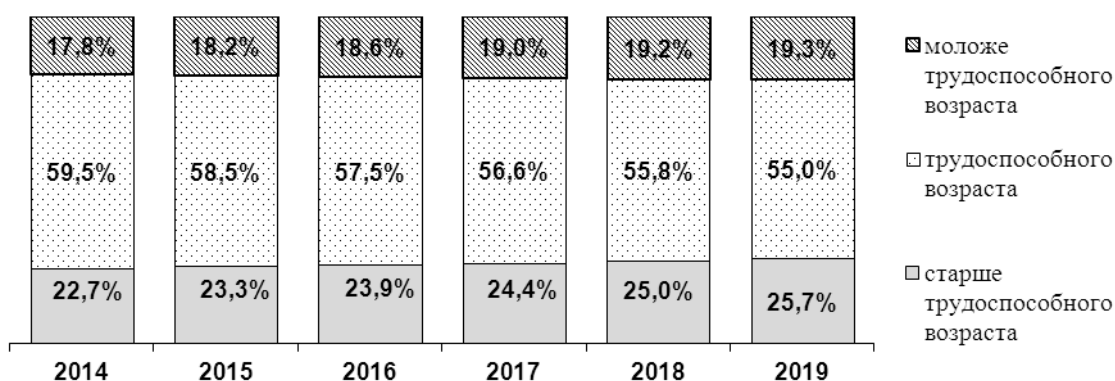

Рис. 5. Возрастной состав населения Чувашской Республики в динамике на начало года

В сельской местности доля лиц старше трудоспособного возраста в 1,3 раза больше, чем в городской местности (30.2 и 23.1% соответственно).

Метод вторичной обработки данных показал, что демографические процессы, происходящие в стране, мире и нашей Чувашии исследуются мониторинговыми наблюдениями и позволяют концептуально обосновать демографические тренды XXI века. Изучение проблем и их решение в условиях депопуляции и старения населения являются первоочередными для органов государственной власти в области совершенствования демографической и социально-экономической политики, могут быть использованы при разработке стратегий и программ развития каждого субъекта и страны в целом.

Список литературы

1. Динамика населения России в XXI веке. Социодемографический анализ: монография / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова и др. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 270 с.
2. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Чувашской Республики в 2019 году: <http://gov.csr.ru/> (Дата обращения: 10.06.2020).
3. Чувашская Республика // Официальный портал органов власти. URL:<http://gov.csr.ru/> (Дата обращения: 10.06.2020).

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ**
**THE MAIN TRENDS IN DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
RURAL AREAS OF RUSSIA**

Е.Е. Тарандо
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
В.Н. Градусова

*Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург*

Е.Е. Tarando
Saint Petersburg University, Saint Petersburg
V.N. Gradusova

*North-West Institute of Management –
the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint Petersburg*

Анализируется демографическая ситуация в сельской местности Российской Федерации. На основе анализа статистических данных выявляются основные факторы демографической динамики, предлагаются меры по улучшению ситуации.

The article analyzes the demographic situation in the rural areas of the Russian Federation. Based on the analysis of statistical data, the main factors of demographic dynamics are identified, measures are proposed to improve the situation.

Ключевые слова: регион; население; рождаемость; смертность; естественная убыль; миграция; трудовой потенциал

Keywords: region; population; birth rate; mortality; natural decline; migration; labor potential

Процесс урбанизации характерен для многих стран мира. И Российская Федерация – не исключение. За короткий, по историческим меркам, срок – 1959–1990 гг. удельный вес сельского населения в РФ уменьшился почти в два раза – с 48% до 26% [1, 7.1]. Численность сельского населения России сокращалась значительно быстрее, чем популяции в целом. Если в 1991–2018 гг. общая численность населения страны снизилась на 1 %, сельских жителей в РФ за этот период стало меньше на 4% [2, с. 95].

Рождаемость в российских селах, судя по общему коэффициенту рождаемости, хотя и возросла в 2000–2018 гг., остается более низкой, чем в городах. Но суммарный коэффициент рождаемости, показывающий, сколько в среднем детей приходится на одну женщину в возрасте 15–49 лет, в сельской

местности имеет значительно более высокое значение, чем в городах: 1,870 против 1,489 [1, 2.6].

Смертность сельского населения в рассматриваемый период снизилась более существенно, чем в городских поселениях, но остается более высокой. В сельской местности сложнее и ситуация с младенческой смертностью. Численность умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми в городах составляет 4,7 промилле, на селе – 6,2 промилле [1, 2.1]. Смертность в трудоспособном возрасте в российской глубинке тоже выше, чем в городской местности. По мужской части населения показатели равны 8,2 и 7,0 чел. на 1000 человек соответствующего возраста, женской – 2,5 и 2,0 чел. на 1000 человек соответствующего возраста [1, 5.4].

Вследствие такого соотношения рождаемости и смертности относительные показатели естественной убыли в сельской местности почти в 3 раза больше (по модулю), чем на городских территориях страны (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в Российской Федерации, на 1000 человек населения [2, с. 104]

Годы	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
Городское население			
2000	8,3	14,6	-6,3
2010	12,0	13,5	-1,5
2016	13,1	12,4	0,7
2017	11,6	12,0	-0,4
2018	11,0	12,0	-1,0
Сельское население			
2000	9,8	17,1	-7,3
2010	14,0	16,1	-2,1
2016	12,2	14,2	-2,0
2017	11,2	13,7	-2,5
2018	10,7	13,6	-2,9

Об имеющихся резервах в снижении смертности людей на сельских территориях, связанных с организацией охраны здоровья, говорят существенные различия в продолжительности жизни городского и сельского населения, фиксируемые органами статистики: в городах женщины живут в среднем на 1,16 года, а мужчины – на 1,36 года дольше, чем сельские жители [2, с. 104].

Естественный прирост населения в сельской местности Российской Федерации в постсоветский период отмечался только в 1990–1991 гг. В связи с резким падением рождаемости и увеличением смертности в начале 1990-х гг. естественная убыль быстро нарастала, но поскольку миграция перекрывала эти потери, численность сельских жителей еще некоторое время увеличивалась (до 2000 г.). В 1991–1994 гг. решающее влияние на формирование сельского

населения оказывала миграция за счет массового притока русскоязычного населения из новых государств, образовавшихся после распада СССР.

В 1992–1994 гг. ежегодное положительное сальдо миграции составляло 0,7% и более от общей численности сельского населения на начало каждого года данного периода. В 1995 г. и последующие 4 года поток мигрантов из стран бывшего СССР значительно сократился, но сальдо миграции на сельских территориях оставалось положительным. Однако значительного влияния на формирование населения сельской местности РФ миграционные процессы в этот период не оказывали.

В 1995–2009 гг., а также в 2015–2018 гг. определяющим фактором демографической динамики в сельской местности нашей страны была естественная убыль. Период 2010–2013 гг. характеризовался рекордно высоким миграционным оттоком населения из села. Негативное влияние миграции в этот период было гораздо сильнее, чем потери от естественного движения населения [1, 1.4].

Анализ структуры миграции показывает, что ее положительное сальдо в сельской местности России в период новейшей истории страны формировалось, главным образом, за счет миграционного обмена с зарубежными странами. Только в 1991 и 1992 гг. вклад межрегиональной миграции был сопоставим с итогами международного обмена населением. В 1993 г. миграционный прирост за счет перемещения населения внутри страны был на много меньше, чем в результате обмена населением с другими странами. Все остальные годы постсоветского периода отечественной истории перераспределение населения внутри страны происходило в пользу городской местности [1, 7.1].

Рассматривая структуру миграционных перемещений внутри страны, следует заметить, что если в межрегиональном обмене в отдельные годы органы статистики фиксировали миграционный прирост сельского населения (1990–1996, 1999, 2018 гг.), то внутри регионов перераспределение населения между городской и сельской местностью в рассматриваемый период постоянно складывалось в пользу городов (за исключением 1992 г.).

Начиная с 2001 г., когда резко сократился приток в нашу страну (в том числе и в сельскую местность) мигрантов из-за рубежа, сальдо международной миграции перестало покрывать демографические потери сельских территорий от перераспределения населения внутри страны. С тех пор миграция ежегодно сокращает численность сельского населения России.

Таким образом, главный фактор сбережения сельского населения современной России – приток иностранных мигрантов. За 1990–2018 гг. за счет миграционного обмена населением с зарубежными странами число сельских жителей в РФ увеличилось на 2633991 чел., что составляет 6,8 % от общей

численности сельского населения в начале 1990 г. Демографические потери сельских территорий от перераспределения населения внутри страны в этот период составляли 2302721 чел. Международная миграция в 1990–2018 гг. не только полностью перекрыла потери сельского населения России вследствие массового переселения сельских жителей в города, но и частично компенсировала естественную убыль (на 331,3 тыс. чел.).

Статистический анализ показывает, что сельское население России обладает более высоким воспроизводственным потенциалом, чем городское. Чистый коэффициент воспроизводства, представляющий собой обобщенную характеристику уровней рождаемости и смертности, по которому можно оценить степень замещения поколения (при условии длительного сохранения существующих уровней рождаемости и смертности) в сельской местности РФ, хотя и меньше 1, что необходимо для простого воспроизводства (сохранения численности населения), но существенно выше, чем в городах (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Чистый коэффициент воспроизводства населения [1, 2.8]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1990	0,895	0,803	1,227
1995	0,629	0,563	0,848
2000	0,561	0,512	0,727
2005	0,611	0,571	0,743
2010	0,745	0,684	0,939
2015	0,847	0,801	1,002
2016	0,841	0,799	0,978
2017	0,774	0,731	0,915
2018	0,752	0,710	0,889

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что главным фактором сбережения сельского населения в России является предотвращении массового оттока населения с сельских территорий за счет создания благоприятных условий жизнедеятельности и формирования позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни. Способствовать стабилизации численности и удельного веса сельского населения может привлечение на сельские территории мигрантов, прибывающих в Россию из-за рубежа.

Важнейшими резервами укрепления демографического потенциала сельских территорий России является кардинальное снижение младенческой, детской и материнской смертности, а также смертности в трудоспособном возрасте, что требует в числе прочего принятия экстренных мер по борьбе с алкоголизмом.

Закреплению на селе молодых людей будут способствовать создание комфортных условий проживания в сельской местности, создание современных

рабочих мест, поддержка предпринимательской активности сельских жителей, а также расширение практики целевой подготовки специалистов для работы в сельской местности.

Список литературы

1. Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 252 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ПРОБЛЕМЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН REPRESENTATION ON SOCIAL NETWORKS PROBLEMS OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST WOMEN

Я.В. Ушакова, К.В. Фокеева
*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
Y.V. Ushakova, K.V. Fokeeva
Lobachevsky University

Социологический анализ репрезентации в социальных сетях проблемы домашнего насилия в отношении женщин позволил выявить причины домашнего насилия над женщинами, формы его проявления, методы противодействия женщин домашнему насилию. Метод исследования – контент-анализ публикаций в социальных сетях (женских форумах, группах, созданных для противодействия домашнему насилию) женщин-жертв домашнего насилия.

Sociological analysis of the representation in social networks of the problem of domestic violence against women made it possible to reveal the causes of domestic violence against women, forms of its manifestation, methods of counteracting women to domestic violence. Research method – content-analysis of publications in social networks (women's forums, groups created to combat domestic violence) of women victims of domestic violence.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, домашнее насилие, причины домашнего насилия, виды домашнего насилия, методы противодействия женщин домашнему насилию

Keywords: domestic violence, causes of domestic violence, types of domestic violence, methods of counteraction of women to domestic violence

Домашнее насилие – это важная социальная проблема современности, масштабы которой носят глобальный и часто латентный характер. Отношение к

этой проблеме в современном обществе носит противоречивый характер. С одной стороны, взаимоотношения между членами семьи, которые являются близкими людьми, воспринимаются как их личная, частная жизнь, куда нельзя вмешиваться государству и посторонним людям. С другой стороны, проявление домашнего насилия является нарушением прав человека, и в современном цивилизованном обществе должны существовать механизмы, которые бы ограничивали и предотвращали это насилие. В связи с отсутствием официальных статистических данных о насильственных преступлениях, которые бы могли учитывать характер взаимоотношений между правонарушителем и жертвой, оценить масштабы домашнего насилия невозможно.

Ситуация с домашним насилием в России значительно ухудшилась после декриминализации в 2017 г. статьи УК о побоях в семье. В настоящее время в Российской Федерации не сформирована стратегия по профилактике и предотвращению семейного насилия. В ноябре 2019 г. на сайте Совета Федерации был опубликован проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [1] Закон призван регулировать отношения, возникающие в сфере профилактики семейно-бытового насилия. Законопроект стал предметом активной общественной дискуссии.

Сторонники законопроекта утверждают, что действующее законодательство не способно защитить жертв домашнего насилия, так как правоохранительные органы не имеют превентивных методов воздействия для предотвращения насилия в семье. Противники законопроекта рассматривают предусмотренные в нем меры как репрессивные и опасаются внедрения ювенальной юстиции.

Результаты контент-анализа личных историй женщин-жертв домашнего насилия (n=60) в социальных сетях показали, что почти в половине случаев от количества анализируемых публикаций основной причиной семейно-бытового насилия выступает зависимость партнера от алкоголя, наркотиков, азартных и видеоигр (табл. 1). Другим распространенным фактором домашнего насилия, по мнению женщин, являются психологические причины. В своих историях их обозначили почти треть женщин. Это, как правило, ревность партнера и агрессия, которая может быть вызвана проблемами во взаимоотношениях с близким окружением. В третьей части публикаций женщин, переживших домашнее насилие, не прослеживались основные причины насилия. Экономические проблемы семьи редко становятся причинами домашнего насилия.

Т а б л и ц а 1

Основные причины домашнего насилия, по мнению женщин

Причины насилия	Кол-во случаев, абс. зн.
Зависимости партнера, осуществляющего насилие (алкоголизм, наркомания, игромания)	27
Психологические причины (низкая самооценка, ревность партнера, детские травмы, склонность к агрессии)	20
Другие причины	17
Экономические причины (экономическая зависимость как женщины от мужчины, так и мужчины от женщины, низкое материальное положение)	2

Одна из главных особенностей домашнего насилия состоит в том, что оно комплексно и редко ограничивается только одним видом насилия, зачастую оно представляет собой повторяющиеся инциденты разных видов насилия (физического, психологического, сексуального, экономического), что является важным показателем, отличающим семейное насилие от единичного конфликта.

По результатам исследования, в 56 историях женщин, опубликованных в социальных сетях, показано физическое насилие – нанесение тяжких увечий, удары по лицу, нанесение травм женщине. Вторым по распространенности видом семейного насилия выступает психологическое насилие над женщиной (50 случаев). Экономическое и сексуальное насилие распространены не столь широко (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Основные виды домашнего насилия в отношении женщин

Виды домашнего насилия	Кол-во случаев, абс. зн.
Физическое насилие (нанесение увечий тяжелыми предметами, удушения, тряски, толчки, удары по лицу, нанесение травм и повреждений)	56
Психологическое насилие (угрозы, оскорбления, запугивание, высмеивание, игнорирование, изоляция)	50
Сексуальное насилие (изнасилование, принуждение партнера к сексу и иным видам сексуальных действий посредством шантажа, угрозы)	10
Экономическое насилие (контроль над расходами, запрет на осуществление трудовой деятельности, ограничение, отказ в деньгах, обязательные отчеты о потраченных средствах)	8

По результатам анализа 60 историй женщин-жертв домашнего насилия, только треть женщин рискнули обратиться за помощью в правоохранительные органы (табл. 3). Почти столько же женщин одним из методов противодействия насилию выбрали обращение за помощью к родственникам и друзьям. Только пятая часть пострадавших от насилия женщин обращались за помощью в кризисные центры или социальные службы, такое же количество женщин пытались убежать из дома и скрыться от агрессора. Низкое количество обращений женщин в кризисные центры может быть обусловлено низкой

информированностью населения о существующих организациях помощи жертвам насилия.

Т а б л и ц а 3

Методы противодействия женщин домашнему насилию

Методы	Кол-во случаев, абс. зн.
Обращение за помощью в правоохранительные органы	20
Обращение за помощью к родственникам и друзьям	18
Обращение за помощью в кризисный центр или социальные службы	11
Самостоятельный поиск выхода из ситуации	11

Большинство женщин по разным причинам оправдывали действия своего партнера и считали виноватыми в случившемся себя (сделали что-то не так, как-то спровоцировали партнера). Однако попытки «закрыть глаза» на проблему всегда приводили к рецидиву. Общение в социальных сетях для многих жертв семейно-бытового насилия становится способом получить психологическую поддержку.

Остается актуальной проблема помощи женщинам, пережившим насилие. Различные социальные службы ищут эффективные способы предотвращения любого насилия и оказания помощи жертвам семейно-бытового насилия. В этой связи представляется целесообразным включение в работу организаций, оказывающих помощь жертвам домашнего насилия, мониторинга социальных сетей. Мониторинг позволит выявлять: 1) актуальную проблематику домашнего насилия; 2) распространенность различных форм домашнего насилия; 3) потребности жертв семейно-бытового насилия; 4) эффективность различных видов помощи жертвам домашнего насилия.

Список литературы

1. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAXolgmPXEfKLUIq7JAARUS.pdf>.

**СЕМЕЙНЫЙ КОНТЕНТ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК
И ПРАКТИК САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ
FAMILY CONTENT OF REPRODUCTIVE ATTITUDES
AND PRACTICES OF SARATOV YOUTH**

Н.В. Шахматова

*Центр региональных социологических исследований,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов*

N.V. Shakhmatov

*Center for Regional Sociological Research,
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky,
Saratov*

По результатам социологического исследования методом анкетирования, проведенного в 2019 г. в Саратове, раскрыто, что семейные отношения выступают важным по значимости фактором репродуктивных установок молодежи. Регистрация брака не считается сегодня необходимым условием репродуктивных установок и практик, что провоцирует увеличение уровня внебрачной рождаемости. Однако, чем стабильнее семейное положение молодежи, тем более у них проявляются традиционные мотивы установки на детность по обоюдному желанию супругов. Репродуктивные установки родителей значимо влияют и на установки выросших детей. Чем больше детей было у родителей, тем больше желаемых и ожидаемых детей у молодежи, но в максимальных пределах 2-3 детей. Вместе с тем, установки на многодетность родителей не передаются детям в том же объеме. Молодежь транспонирует их в рамках преимущественно малодетности. Важным фактором повышения репродуктивности молодежи выступает помощь родителей, бабушек и дедушек в уходе и воспитании детей

According to the results of the sociological survey conducted in 2019 in Saratov, it is revealed that family relations are an important factor in the reproductive attitudes of young people. The existence of marriage registration is not considered a prerequisite for reproductive attitudes and practices today, which provokes an increase in the rate of extramarital fertility. However, the more stable the marital status of young people, the more they have the traditional motives of setting for childbearing at the mutual desire of spouses. Reproductive attitudes of parents have a significant impact on such attitudes of grown children. The more children had parents, those more desirable and expected children in youth, but within the maximum limits of 2-3 children. At the same time, the settings for parents' large children are not passed on to children in the same amount. Young people transpose them within the framework of mostly childlessness. Helping parents and grandparents in the care and upbringing of children is also an important factor in improving the reproductivity of young people.

Ключевые слова: репродукция, молодежь, семья, репродуктивные установки молодежи

Keywords: reproduction, youth, family, reproductive attitudes of youth

За последние годы в системе ценностей российских женщин и мужчин произошли значительные изменения. Это не могло не отразиться на поведенческих установках в сфере репродукции. По мнению А.И. Антонова, репродуктивная установка – это предрасположенность индивида к рождению определенного числа детей [1]. Репродуктивные установки молодежи — предвестник определенного репродуктивного поведения, связанного с поиском брачного партнера, созданием семьи и воспитанием детей, и в конечном итоге определяют картину воспроизводства населения и его качество [2, с. 383]. Репродуктивное поведение представляет собой целостную систему действий, отношений и состояний личности, направленных на рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака.

Условия жизнедеятельности, внося в определенные коррективы, влияют на репродуктивные установки в пределах норм детности, потребности в детях [3]. Однако, если число детей в семье соответствует потребностям супругов в детях, то никакое улучшение экономической ситуации не способно привести к рождению новых детей. Лишь в тех случаях, когда данная потребность не удовлетворена, улучшение условий жизни может привести к прибавлению семейства.

Исходя из этого, в сентябре 2019 г. в г. Саратове был проведен анкетный опрос авторского социологического исследования по вероятностной квотно-территориальной выборке. Опрошено 480 представителей молодежи, целью которого было выявление отношения современной саратовской молодёжи к репродукции. Критерии отбора – место жительства, пол, возраст. Возрастное распределение респондентов следующее: 18-19 – 20%; 20-21 – 17%; 22-23 – 8%; 24-25 – 11%; 26-27 – 19%; 28-29 – 10%; 30 и более – 15%. 50,7% молодежи – не замужем и не женаты, 36% семейные, 11,3% – состоят в незарегистрируемых отношениях, 2% респондентов разведены.

В результате опроса оказалось, что большая часть – 61% неженатой и незамужней молодежи и 71% уже после вступления в брак хотели бы иметь двоих детей. Это говорит о функциональной ценности семьи и ее положительном влиянии на репродуктивные установки молодежи. Это подтверждается и другими исследователями, заметившими, что, например, студенты, которые нацелены на крепкую семью в браке и считают сожительство неприемлемым, мечтают о большем числе детей (в среднем 2,32), чем те, кто лояльно относится к сожительству (1,87) [4].

Чтобы конкретизировать эту связь, посмотрим на отношение молодежи к форме брака. Сегодня в России растет доля незарегистрированных браков. За последние три десятилетия доля юношей и девушек, живущих в незарегистрированном браке, увеличилась более чем в 10 раз [5]. Судя по результатам опроса, 38,6% замужних девушек до 25 лет и 46,7% семейных юношей этого возраста живут в незарегистрированном браке. В возрасте старше 25 лет – таковых меньше (соответственно 20% и 22,3%). Причем в первой возрастной когорте у 84,3 девушек и 59,3 юношей это – не первый брак. В более старшей возрастной категории 25-29 лет таковых – меньше – соответственно 58,4% и 49,9%.

16,4% девушек, состоящих в незарегистрированном браке, настроены обязательно зарегистрировать брак в будущем. Еще 24,4% – хотели бы этого, 38,5% – нет. Однако в случае беременности обязательно регистрируют брак 30,9% девушек, хотели бы этого – 25,8%, нет – 29,1%. После рождения ребенка 35,8% девушек настроены обязательно зарегистрировать брак, 19,5% рассчитывают на это и 28,9% – нет. 18,1% юношей, состоящих в незарегистрированном браке, настроены обязательно зарегистрировать брак в будущем. Еще 21,6% – хотели бы этого, 41,7% – нет. Однако в случае беременности девушек обязательно регистрируют брак 31,8% юношей, хотели бы этого – 21,7%, нет – 13,2%. После рождения ребенка 38% юношей настроены обязательно зарегистрировать брак, 14,5% рассчитывают на это и 14,4% – нет.

Большинство опрошенных указали, что они заводили ребенка по обоюдному взаимному решению. Среди семейных таковых 39,5%, среди внесемейных – 29%. Иными словами, это демонстрирует традиционность репродуктивных установок современной молодежи. 4% молодых людей указали, что рассматривали ребенка как инструмент для «удержания» около себя любимого человека. Таковых больше среди семейной молодежи. Холостые и незамужние саратовцы чаще настаивали на том, что это – прерогатива жены. Иными словами, ответственность за рождение ребенка и его воспитание чаще всего ложится на женщин.

На тезис «ребенок – цель моей жизни» указали 80% разведенных, 78,6% состоящих в гражданском браке, 60% замужних/женатых, 51,2% незамужних/неженатых. «Ребенок выступает в качестве ценности жизни» – отметили 18,6% незамужних/неженатых, 14,3% состоящих в гражданском браке, 13,3% замужних молодых людей. «Ребенок – способ сохранить семью» выбрали 20% разведенных, 15% семейных, 9,3% внесемейных молодых людей, 7,1% состоящих в браке. Следующими по популярности были ответы: «ребенок – репродуктивная функция женщины». Его отметили 14% молодежи вне брака,

3,3% семейных; «ребенок – способ создать семью» – 7% внебрачной молодежи, 1,7% – семейных; «ребенок – способ удержать любимого человека» – 5% семейных; 1,7% внесемейной молодежи. Стабилизация семейного положения молодежи способствует традиционным мотивам установки на детность по обоюдному желанию супругов.

Установки в отношении числа детей в собственной семье связаны, как правило, с числом детей в родительской семье. Социологический опрос показал, что среди девушек, выросших без братьев и сестер, среднее желаемое число детей – 1,84, среднее ожидаемое – 1,56. Среди таких юношей среднее желаемое число детей – 1,79, среднее ожидаемое – 1,57. Среди девушек, имеющих одного брата или сестру эти показатели выше (соответственно 2,12 и 1,84). Среди таких юношей среднее желаемое число детей – 2,12, среднее ожидаемое – 1,85. Если у мам молодежи было трое детей, то их репродуктивные установки еще выше: среди девушек – соответственно 2,34 и 2,06, а среди юношей – 2,30 и 2,00. Однако, даже среди выросших в многодетных семьях (4-5 детей) среднее количество желаемых и ожидаемых детей не дотягивает до 3. Таким образом, репродуктивные практики родителей значимо влияют на такие установки детей. Чем больше детей было у родителей, тем больше желаемых и ожидаемых детей у молодежи, но в максимальных пределах 2-3 детей. Это подтверждается и другими исследователями, фиксирующими, что единственные дети редко хотят иметь двух и более детей [6]. К тому же, большинству детной молодежи (59%) родители помогали в воспитании детей. Зачастую, чем больше помощи от родителей, тем большего смогут добиться их дети, тем свободнее они себя чувствуют в своих репродуктивных намерениях.

Таким образом, семейные отношения выступают важным по значимости фактором репродуктивных установок молодежи. Наличие факта регистрации брака не считается сегодня необходимым условием репродуктивных установок и практик, что провоцирует увеличение уровня внебрачной рождаемости. Однако, чем стабильнее семейное положение молодежи, тем более проявляются традиционные мотивы установки на детность по обоюдному желанию супругов. Репродуктивные установки родителей значимо влияют на такие установки детей. Чем больше детей было у родителей, тем больше желаемых и ожидаемых детей у молодежи, но в максимальных пределах 2-3 детей, так как установки на многодетность родителей не передаются детям в том же объеме. Молодежь транспонирует их в рамках преимущественно малодетности. Важным фактором повышения репродуктивности молодежи выступает помощь родителей, бабушек и дедушек в уходе и воспитании детей.

Список литературы

1. Антонов А.И. Социология семьи. М.: Изд-во: ИНФРА, 2016. 368 с.
2. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Исследование репродуктивных установок студенческой молодежи (обзорная статья). 2017. С. 523-525.
3. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. Т.1. №1. С. 6-33. URL: <http://demreview.hse.ru/2014--1/120991102.html> (Дата обращения: 23.02.2020).
4. Калачикова О.Н. Некоторые аспекты репродуктивного поведения студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2012. № 3. С.132-136.
5. Щербакова Е.М. Предварительные демографические итоги 2019 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2020. № 847-848. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2020/0847/barom01.php> (Дата обращения: 20.03.2020).
6. Волченкова Е.В. Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия Философия, социология, культурология. 2014. С. 21-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reproduktivnyh-ustanovok-sovremennoy-molodezhi/viewer> (Дата обращения: 04.02.2020).

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ МАТЕРЯМИ И ДЕТЬМИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ* **CONFLICTS BETWEEN MOTHERS AND CHILDREN IN INTER-ETHNIC FAMILIES**

Р.Р. Шаяхметова
Башкирский государственный университет, г. Уфа
R.R. Shayakhmetova
Bashkir State University, Ufa

Анализируются данные о конфликтах между матерями и детьми из межнациональных семей. Полевое исследование проводилось на территории Республики Башкортостан в сентябре-ноябре 2019 г. Респонденты опрошены в 19 городах из 21 имеющихся в республике, в 31 муниципальном районе из 54. Объем выборки составил 363 семьи (в том числе 363 родителя, отцы – 47,4%, матери – 52,6%). Приводятся результаты опроса матерей.

The article analyzes data on conflicts between mothers and children from interethnic families. The field study was conducted on the territory of the Republic of Bashkortostan in September-November 2019. Respondents were interviewed in 19 cities out of 21 available on the territory of the Republic, in 31 municipal districts out

* Статья выполнена по гранту РФФИ №19-011-00339.

of 54 available. The sample size was 363 families (363 parents, including 47.4% of fathers and 52.6% of mothers). The results of a survey of mothers are given.

Ключевые слова: конфликт, межэтническая семья, дети, родители, детско-родительские отношения

Keywords: conflict, interethnic family, children, parents, child-parental relations

Одним из показателей детско-родительских отношений в семье является наличие конфликтов. Если родители и дети общаются, слушают друг друга, открыто выражают свое мнение, конфликты в таких семьях бывают реже.

Понятие «конфликт» интерпретируется в научных словарях по-разному. В большом толковом социологическом словаре под конфликтом понимается открытая борьба между индивидуумами или социальными группами, или между государствами-нациями [1, с. 328]. В словаре практического психолога: «конфликт – столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или субъектов взаимодействия» [2, с. 234]. В словаре антикризисного управления под конфликтом понимают столкновение противоположно направленных, не совместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого человека, в межличностных взаимодействиях или отношениях групп людей, связанное с острыми отрицательными эмоциональными переживаниями [3, с. 302].

Все эти толкования можно применить и к семейному конфликту в детско-родительских отношениях. В данном случае в качестве его сторон выступают отцы, матери и дети.

Обратимся к результатам исследования для анализа субъективных показателей детско-родительских отношений в межнациональной семье.

На вопрос, «Бывают ли у Вас лично крупные ссоры, скандалы с вашими детьми?», больше половины матерей (59,7%) ответили, что «нет, практически никогда», четверть (28,8%) утверждают, что крупные ссоры «бывают, но редко», у 6,3% ссоры наблюдаются «время от времени». Вариант ответа «бывают часто» никем не выбран. Надо отметить, что чем старше по возрасту матери, тем чаще они выбирают ответ «практически никогда» (см. табл. 1). Возможно, в такой зависимости наличия ссор от возраста матерей сказывается не только приобретение матерями опыта воспитания детей, но и процесс взросления самих детей. И приобретение опыта, и взросление работают на снижение числа семей, в которых распространены ссоры между родителями и детьми.

Т а б л и ц а 1

**Бывают ли у Вас лично крупные ссоры, скандалы с Вашими детьми?
(ответы матерей, %)**

Варианты ответов	Возраст матерей			Место жительства			Все матери
	35-40 лет	41-50 лет	51 год и старше	Уфа	Др.город, пгп	Село, деревня	
Да, часто	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Да, время от времени	13,6	2,7	4,8	3,3	8,5	6,9	6,3
Да, но редко	28,8	28,8	28,6	26,2	39,0	23,6	28,8
Нет, практически никогда	52,5	64,0	57,1	65,6	45,8	65,3	59,7
Раньше были, теперь – нет	5,1	4,5	9,5	4,9	6,8	4,2	5,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Исследование межнациональных семей, опрос матерей, Башкортостан, 2019 г.

Выявлена некоторая зависимость ответов матерей от места их проживания. В сельских семьях ссоры с детьми, которые случаются «время от времени», наблюдается в два раза чаще (6,9%), чем в уфимских семьях (3,3%). В семьях, проживающих в других городах, ссоры между матерями и детьми возникают «время от времени» практически в каждой двенадцатой семье (8,5%). Больше, чем у третьей части матерей из этой группы (39,0%), ссоры случаются редко. В семьях же, проживающих в Уфе и в сельской местности, ответ «редко» выбрала только каждая четвертая респондентка.

Анализ ответов в аспекте национальностей матерей, относящихся к наиболее крупным этносам, проживающим в республике, показал, что русские женщины склонны оценивать ситуацию как более благоприятную. Они немного чаще, чем другие, говорят об отсутствии ссор и скандалов с детьми и реже признают их наличие в семье (см. табл. 2). Признают наличие ссор 34,7% башкирок, 30,5% татарок и 28,5% русских. Особенно заметна разница оценок женщин из группы «другие нетипичные», куда вошли представительницы этносов, не проживающих традиционно исторически на территории республики, чаще всего, это народы, исповедующие ислам. Возможно, национальные обычаи этих этносов по воспитанию детей более строги, больше требуют от детей послушания и следования родительским указаниям, что и сказывается на отношениях с детьми и оценках отношений.

Т а б л и ц а 2

**Бывают ли у Вас лично крупные ссоры, скандалы с Вашими детьми?
(ответы матерей, %)**

Варианты ответов	Национальности матерей			Все матери
	башкирки	русские	татарки	
Да, часто	0,0	0,0	0,0	0,0
Да, время от времени	4,3	3,6	8,5	6,3
Да, но редко	30,4	25,0	22,0	28,9
Нет, практически никогда	63,0	66,1	61,0	59,5
Раньше были, теперь – нет	2,2	5,4	8,5	5,3
Всего	100	100	100	100

*Примечание: *приведены ответы только респонденток, относящихся к наиболее многочисленным этносам республики.*

Источник: Исследование межнациональных семей, опрос родителей, Башкортостан, 2019 г.

Матерям задавался вопрос, «Бывают ли у Вашего мужа крупные ссоры, скандалы с детьми?». Большинство ответили «нет, практически никогда» (61,3%), четверть признались, что ссоры бывают, но редко (26,2%), время от времени наблюдаются у 6,3% (см.таблицу 3). И чем старше матери, тем больше они считают, что ссоры у детей с отцом происходят. Выявлена связь постоянного места жительства семьи с ответами матерей. Если семья проживает в малом городе, ссоры между детьми и отцами наблюдаются чаще. Русские женщины намного реже (сумма ответов «да» – 23,0%), чем татарки (33,4%) и башкирки (36,9%), признают наличие конфликтных отношений между отцами и детьми.

Т а б л и ц а 3

**Бывают ли у Вашего мужа крупные ссоры, скандалы с детьми?
(ответы матерей, %)**

Варианты ответов	Национальности матерей*			Все матери
	башкирки	русские	татарки	
Да, часто	0,0	0,0	1,7	1,0
Да, время от времени	4,3	5,4	8,3	6,3
Да, но редко	32,6	17,9	23,3	26,2
Нет, практически никогда	60,9	73,2	58,3	61,3
Раньше были, теперь – нет	2,2	3,6	8,3	5,2
Всего	100	100	100	100

*Примечание: *приведены ответы только респонденток, относящихся к наиболее многочисленным этносам республики.*

Источник: Исследование межнациональных семей, опрос родителей, Башкортостан, 2019 г.

Ответы матерей свидетельствуют, что разногласия, которые переходят в ссоры и скандалы, между детьми и отцами происходят реже. Возможно, такие оценки связаны с меньшей вовлеченностью отцов в процесс воспитания детей.

Ответы не только матерей, но и детей на вопросы о том, кто из супругов (родителей) больше общается с детьми, с кем они больше проводили времени, пока росли, и с кем проводят время сейчас, к кому больше прислушиваются и чье мнение является авторитетным, показали большую воспитательную роль матерей. В межнациональных семьях женщины остаются главными воспитателями и агентами влияния на детей.

Таким образом, матери признают, что в их семьях возникают конфликты между ними и детьми, между их мужьями и детьми. Из-за более активного участия в воспитании детей матери чаще спорят и вступают в конфликты с детьми. У отцов, по оценкам матерей, меньше конфликтов с детьми, и такие оценки можно объяснить меньшим участием мужчин в воспитании детей.

Чтобы определить причины и факторы, воздействующие на конфликты между детьми и родителями, понять их характер и последствия влияния на детско-родительские отношения, необходимо проводить новые исследования. Ответы на данные вопросы не входили в задачи нашего исследования. Наличие/отсутствие в семье ссор отцов и матерей с детьми используется как один из индикаторов характера детско-родительских отношений. Далее предполагается анализ связи, с одной стороны, характера отношений, степени вовлеченности родителей в воспитание и социализацию и, с другой стороны, показателей, относящихся к результатам этнокультурного воспитания и социализации.

Список литературы

1. Большой толковый социологический словарь / Под ред. Д. Джери, Д. Джери. М.: «Вече», 2001. Т. 1. 544 с.
2. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск: «Харвест», 1998. 800 с.
3. Словарь антикризисного управления / Под ред. А.А. Антонова. М.: «Спутник», 2012. 750 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТОМ 1

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Алиева Лейла – Dr, Russian and East European Studies (REES), Oxford School of Global and Area Studies, University of Oxford, Great Britain

Ациене Эльвира – доктор наук, профессор, председатель совета факультета наук о здоровье, Университет Клайпеды, г. Клайпеда, Литовская Республика

Бороноев Асалхан Ользонович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Бретонес Франсиско Диас – PhD, доцент, кафедра социальной психологии Института трудовых отношений и человеческих ресурсов Университета Гранады, г. Гранада, Испания

Городецкая Елена Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Республика Крым, г. Симферополь, Россия

Гурко Татьяна Александровна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Дробижева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Ивашиненко Нина Николаевна – доктор экономических наук (PhD), профессор, руководитель Научно-образовательного центра исследования социальных систем факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования, Университет Глазго, Великобритания

Изидори Эммануэле – PhD, проректор по международной деятельности римского университета Roma Foro Italico, г. Рим, Италия

Кучмаева Оксана Викторовна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Мансуров Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, президент Российского общества социологов, руководитель сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Петрова Татьяна Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, Советник Департамента культуры, спорта, туризма и национальной политики Правительства Российской Федерации, г. Москва, Россия

Рауцкиене-Михаэльссон Алона – доцент Университета Клайпеды, г. Клайпеда, Литовская Республика

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Рязанцев Сергей Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Силласте Галина Георгиевна – доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, Научный руководитель Департамента социологии и научной школы «Гендерная и экономическая социология» Финансового университета при правительстве РФ, г. Москва; Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ, г. Москва, Россия

Смирнова Инна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, проректор по исследовательской и проектной деятельности Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Хасбулатова Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая Научно-образовательным центром социальных и гендерных исследований Ивановского государственного университета, заместитель Председателя Правительства Ивановской области – руководитель Аппарата Правительства Ивановской области, главный редактор российского научного журнала «Женщина в российском обществе», г. Иваново, Россия

Чигрин Виктор Александрович – доктор социологических наук, профессор, научный руководитель (главный научный сотрудник) Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Республика Крым, г. Симферополь, Россия

Шаталина Валентина Вениаминовна – кандидат психологических наук, Русский Центр в Шотландии «Haven» (RCS Haven), Великобритания

Шатрова Елена Александровна – младший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Института социального и производственного менеджмента Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А., г. Саратов, Россия

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей социологии факультета социальных наук

СЕКЦИЯ 1 ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ИНСТИТУТОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Алексеева Галина Гаврильевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), Россия

Барсукова Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного Университета, г. Пенза, Россия

Бекарев Адриан Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Бикметов Евгений Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа, Россия

Блэкберн Мэтью – PhD, научный сотрудник Института российских и евразийских исследований университета Упсалы, Швеция

Булавин Антон Викторович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия

Винокурова Ульяна Алексеевна – доктор социологических наук, доцент, Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Габальдон Эстебан Даниэль – доцент кафедры социологии факультета социологии и антропологии Университета Валенсии, г. Валенсия, Испания

Гагаев Андрей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Гагаев Павел Александрович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Гладина Татьяна Даниловна – кандидат социологических наук, Торгово-Промышленная палата Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия

Дидковская Яна Викторовна – доктор социологических наук, доцент, профессор Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Заладина Марина Владимировна – старший преподаватель Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

Захарова Наталия Егоровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем

малочисленных народов Сибирского отделения РАН, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Казанцев Ярослав Юрьевич – студент Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Козлова Юлия Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Козловский Владимир Вячеславович – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; директор Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Козырьков Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Конкина Татьяна Викторовна – начальник отдела развития кадрового потенциала Управления делами Правительства и развития кадрового потенциала Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия

Костина Ольга Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

Лесина Людмила Александровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Лукьянов Аркадий Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Местникова Акулина Егоровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социокультурных инноваций и технологий Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, с. Чурапча, Республика Саха (Якутия), Россия

Мионов Денис Викторович – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Мишеловин Владимир Борисович – начальник контрольно-финансового управления Федеральной антимонопольной службы России, г. Москва, Россия

Мягков Александр Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор Ивановского государственного энергетического университета, г. Иваново, Россия

Нечаева Александра Андреевна – выпускница аспирантуры по направлению «Социология» Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Нотман Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Окшин Владимир Васильевич – управление Федеральной антимонопольной службы по Оренбургской области, г. Оренбург, Россия; соискатель кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Пак Галина Станиславовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии физического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Патокина Наталья Николаевна – преподаватель кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; директор по качеству ООО «Маг групп менеджмент», г. Нижний Новгород, Россия

Полутин Сергей Викторович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Рак Вадим Евгеньевич – Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия

Рак Евгения Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

Романова Оксана Дмитриевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Савченко Ирина Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Серафимов Михаил Михайлович – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Дзержинск, Россия

Солдаткин Александр Евгеньевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Теодорович Михаил Леонидович – доктор социологических наук, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; Федеральная антимонопольная служба России, г. Москва, Россия

Толвайшис Леонас Людвикович – кандидат политических наук (PhD), профессор факультета дипломатии и безопасности Университета «Унион – Никола Тесла», г. Белград, Сербия; доцент кафедры организация работы с молодёжью Института физической культуры, спорта и молодёжной политики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; научный сотрудник кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Федосеева Марина Витальевна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, г. Саранск, Россия

Филиппова Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Филиппова Дария Николаевна – соискатель кафедры социологии и управления Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Францева Юлия Евгеньевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Черёмушкин Пётр Германович – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), г. Москва, Россия

Шетулова Елена Дмитриевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

СЕКЦИЯ 2

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Абелькалнс Илвис – доктор управленческих наук (Dr.Sc.admin.), доцент, Латвийский Университет, г. Рига, Латвия

Ангелова Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ашина Марина Владиславовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Бабакина Алина Сергеевна – аспирант Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия

Балезина Екатерина Андреевна – старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия

Беляева Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Бикметов Евгений Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа, Россия

Богомолова Елена Сергеевна – доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Буланова Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Воронина Светлана – магистр Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Голубева Аусма – доктор управленческих наук (Dr.Sc.admin.), доцент, Латвийский Университет, г. Рига, Латвия

Горяйнова Александра Романовна – аспирант департамента социологии, младший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Готлиб Анна Семеновна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, г. Самара, Россия

Де Мартино Марио – PhD, доцент Российского университета дружбы народов, Россия, Италия

Демцура Светлана Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики, управления и прав Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск, Россия

Зырянов Владимир Викторович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Карпухин Иван Борисович – кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

Киселева Надежда Сергеевна – магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия

Клемпере-Сипягина Агита – магистр образования, лектор, Латвийский Университет, г. Рига, Латвия

Константиновский Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом социологии образования Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Коршунов Илья Алексеевич – кандидат химических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Котова Наталья Валерьевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Куликова Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Куриленко Людмила Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы социологического факультета Социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Курносова Лариса Станиславовна – старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кутасин Александр Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физического воспитания факультета физической культуры и спорта Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ладыжец Наталья Сергеевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия

Лангуев Константин Александрович – аспирант кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Ларин Михаил Викторович – руководитель эстрадно-цирковой студии «Веселая арена», Центр внешкольной работы Центрального района Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Россия

Леванов Владимир Михайлович – доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

Маркова Елена Константиновна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Михайлова Вероника Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Мищенко Александр Сергеевич – кандидат экономических наук, эксперт Общественного объединения «Непрерывное образование для всех», г. Санкт-Петербург, Россия

Моисеенко Елена Николаевна – педагог эстрадно-цирковой студии «Веселая арена», Центр внешкольной работы Центрального района Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Россия

Мухина Татьяна Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Найденова Людмила Ивановна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия

Олюшина Екатерина Анатольевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Оринчук Вячеслав Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры адаптивной физической культуры Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; заведующий кафедрой физического воспитания Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

Осокина Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Перевезенцева Елизавета Александровна – студентка лечебного факультета Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

Петрова Ирина Эдуардовна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Подольская Татьяна Олеговна – кандидат социологических наук, доцент кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Придатченко Мария Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Прохорова Мария Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Прошек Марина Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Птицына Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Рыбасова Юлия Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института – филиала Российского университета кооперации, г. Казань, Россия

Софронова Юлия Львовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Страхова Ксения Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия

Строков Алексей Александрович – старший преподаватель-методист Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Трофимова Юлианна Сергеевна – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Уваров Николай Алексеевич – Ставропольский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия

Шаламова Любовь Федоровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и социальных технологий Московского авиационного института, г. Москва, Россия

Шапошникова Мария Владимировна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Шейхова Севиль Шухретдиновна – ассистент кафедры гигиены Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Шенгальц Екатерина Владимировна – ассистент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций факультета гуманитарного образования Омского государственного технического университета, г. Омск, Россия

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; ведущий научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории изучения мировых и региональных социальных процессов НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Яркова Дарья Дмитриевна – аспирантка факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

СЕКЦИЯ 3
СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Ананин Павел Валерьевич – старший преподаватель кафедры социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета, г. Киров, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова; Международная лаборатория демографии и человеческого капитала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Балтабаева Аида Тынайбековна – доктор философских наук, профессор, директор департамента международных связей и инвестиций Кыргызско-Узбекского университета, г. Ош, Кыргызская Республика

Барашкова Клавдия Дмитриевна – старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Барг Анастасия Олеговна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории методов анализа социальных рисков Федерального научного центра медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Безвербная Наталья Александровна – младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Бистяйкина Динара Асымовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Боричевская Елизавета Игоревна – магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Бородатая Марина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета, г. Киров, Россия

Бурханова Флюра Булатовна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Уфа, Россия

Бухалова Наталья Александровна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук Нижегородского государственного инженерно-экономического университета, г. Княгинино, Россия

Васильева Екатерина Николаевна – доктор социологических наук, доцент, директор Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия

Волченкова Елена Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета, г. Киров, Россия

Ворошилова Анжелика Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Гафизова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Иваново, Россия

Градусова Валентина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Дадаева Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Егорова Надежда Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Елютина Марина Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы социологического факультета Национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Ершова Нина Николаевна – кандидат психологических наук., доцент, доцент кафедры психологии Вятского государственного университета, г. Киров, Россия

Жаркова Марина Викторовна – аспирант Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

Жемкова Елена Валерьевна – магистрант кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Задорожникова Елена Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Захаркина Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией при кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ивахнова Иветта Дмитриевна – аспирантка социологического факультета Национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Камышова Екатерина Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Капитанова Надежда Валентиновна – преподаватель кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Клюева Софья Алексеевна – студентка кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Князькова Екатерина Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Кожевникова Наталия Ивановна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Коровкина Наталья Владимировна – ассистент кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Кочетков Валерий Викторович – магистрант направления подготовки «Социальная работа» Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Курамшев Александр Васильевич – старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Курникова Мария Владимировна – кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой адаптивной физической культуры Института реабилитации и здоровья человека Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кучмаева Оксана Викторовна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Лазарева Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры экономики Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Лебедева-Несевря Наталья Александровна – доктор социологических наук, доцент, заведующая лабораторией методов анализа социальных рисков Федерального научного центра медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Липатова Людмила Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Лучинина Марина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы и молодежной политики Вятского государственного университета, г. Киров, Россия

Малинина Татьяна Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Митягина Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, профессор, проректор по развитию на основе анализа данных Вятского государственного университета, г. Киров, Россия

Нестеров Артём Юрьевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Петрова Татьяна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Полякова Ольга Осиповна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Рудакова Екатерина Константиновна – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Рыбаковский Олег Леонидович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Рязанцев Сергей Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Савинов Леонид Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Садретдинова Эвелина Венеровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Свадьбина Татьяна Владимировна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и общественных наук факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления факультета управления и экономики Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Чебоксары, Россия

Солодников Владимир Владимирович – доктор социологических наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Солодникова Ирина Витальевна – доктор социологических наук, доцент, профессор Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук

Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Такмаков Михаил Викторович – студент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, г. Санкт-Петербург, Россия

Тарандо Елена Евгеньевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Устинкин Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, директор Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Нижний Новгород, Россия

Ушакова Яна Владимировна – кандидат социологических наук, заведующая учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Фадеева Тамара Андреевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Фокеева Ксения Валерьевна – бакалавр факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Цалко Екатерина Олеговна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Иваново, Россия

Чечкин Владимир Михайлович – ученик 11 класса Култаевской средней школы, д. Кичаново, Пермский край, Россия

Шахматова Надежда Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Шаяхметова Римма Рафаэлевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

«СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

Материалы международной
научно-практической конференции

г. Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 г.

Том 1

(пленарное заседание, секция 1, секция 2, секция 3)

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: Д.Е. Ивашечкина, Е.С. Рябинская

Подписано в печать 16.12.2020.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 37,25. Зак. № 421. Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ

г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6

Отпечатано в типографии

Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского

г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37